

Джордж Райт

Больше никакой магии!

© George Right, 2025

КАРТА В ВЫСОКОМ РАЗРЕШЕНИИ

Я лежал над обрывом и рассматривал в бинокль долину в трехстах ярдах внизу, наконец-то прорезанную справа налево светом восходящего солнца. Тот, кого я преследовал, имел двое суток форы и лошадь, но я не сомневался, что настигну его еще до вечера. На своей лошади он не мог, понятно, вскарабкаться на плато напрямую и вынужден был объезжать его либо слева, либо справа. Скорее всего он выбрал левый путь как более короткий, хотя мог предпочесть и правый в надежде сбить с толку преследователей - но это не имело значения, так или иначе, оба пути сходились здесь. Значение имело, какое из двух ущелий, рассекавших каменную стену по другую сторону долины, он избрал потом - но пока что с такого расстояния мне не удавалось различить его следы даже в бинокль. Если, конечно, он вообще сумел сюда добраться. Дожить до своего третьего рассвета в Пустошах[1] удается не каждому новичку. Особенно такому, как Арчи Джокер.

На миг оторвавшись от окуляров - в Пустошах всегда полезно не упускать из вида широкую картину - я заметил движение далеко справа внизу. Две черные уродливые тени, еще недавно сливавшиеся с изломанными тенями скал, а сейчас, благодаря своей длине в этот ранний час, ставшие хорошо заметными на выжженном до белизны дне долины даже и без бинокля. Так, а вот, похоже, и конкуренты, идущие по тому же следу. Хотя сейчас они мне, скорее, союзники, на чей нюх я могу положиться больше, чем на свои глаза, даже усиленные тридцатикратной оптикой. А за мертвого Арчи мне заплатят столько же, сколько и за живого. Лишь бы только этот пижон не вздумал нацепить камушек на палец. Иначе мне придется доставать его из ихнего дерьма, а я ужасно не люблю ковыряться в чужом дерьме. Хотя кое-кто и мог бы сказать, что такая у меня работа.

Нас называют по-разному - наемники, чистильщики, охотники за головами[2], сталкеры, футмены... Лично я предпочитаю термин "бэдлэндер", как наиболее точный. Мы - те, кто ходит в Пустоши. А уж что именно мы там делаем, зависит от того, кто за это платит. Иногда нас нанимают в качестве проводников, или даже охранников для караванов - последнее, впрочем, теперь уже редко, торговые компании сейчас в основном обзавелись собственным штатом постоянных охранников, предпочитая платить круглогодичное жалование им, нежели нанимать "неизвестно кого", как они выражаются, для разовых миссий. Иногда мы ищем в Мертвых городах какую-нибудь довоенную вещь... или тех, кто ее искал. Бывает, жители приграничного селения скидываются, чтобы мы ликвидировали какую-нибудь досаждающую им тварь, из тех, которым не сидится у себя в Пустошах. Но ценные артефакты в основном уже повыгребли за предыдущие годы - не считая, понятно, тех, связываться с которыми себе дороже, и не только потому, что за это полагается виселица - и особо наглых тварей, не желающих знать свое место, тоже по большей части перестреляли. Так что чаще всего мы охотимся за людьми. Беглецами, пытающимися скрыться от закона там, куда не рискуют соваться местные шерифы. Налетчиками, взломщиками сейфов, угонщиками скота и не только. Некоторые из этой публики - сами бывшие бэдлэндеры, что, понятно, сильно усложняет дело - хотя и повышает награду. Для того, кто выживет.

Однако Арчи Болтон, он же Арчи Джокер, моя нынешняя дичь, не был ни убийцей, ни грабителем, ни даже искателем той самой запретной дряни, за которую в Аркэндэйле (и не только) вешают, а в Холинбруке и вовсе сжигают на костре. Он был всего-навсего картежным шулером, и обычно худшее, что ему грозило за его делишки - это набитая морда и, если совсем уж не повезет, пара месяцев тюрьмы. Но на днях он возомнил, что ему все нипочем, и сел играть с юным Джоном Харлингтоном - сыном Руперта Харлингтона. Юноша был изрядно пьян, и

---

[1] В оригинале Badlands

[2] В оригинале bounty hunters

потому, быстро спустив шулеру всю имевшуюся при себе наличность, решил отыграть разом все потери, поставив на кон свой фамильный перстень с розовым бриллиантом, стоящий столько, сколько Арчи едва ли видел за всю свою жизнь. С вполне понятным результатом.

Кто такие Харлингтоны, и в особенности кто такой Руперт Харлингтон - никому в Аркэндэйле и окрестностях объяснять не надо. Ну кроме, видимо, дурака Арчи, который решил, что подобное может сойти ему с рук, и вместо того, чтобы тут же вернуть добычу с извинениями и попытаться выдать все за шутку - дернул в бега. Впрочем, даже ему хватило ума сообразить, что в цивилизованных краях ему не скрыться - особенно теперь, когда появился телеграф. Джокеру слегка помогло то, что его жертва не сразу протрезвела, не сразу все вспомнила и не сразу призналась отцу - но уже через три часа после того, как это произошло, объявления о награде за его поимку клеили в каждом салуне от Лоурингвуда на севере до Шмуртерсфорда на юге. Так что он рванул в Пустоши, надеясь, не иначе как, пересечь их и добраться до тех мест, где о Харлингтонах не слышали. На лошади, ага. Уже одно это демонстрировало, какой он идиот.

Нас ведь почему называют футменами? Потому что в Пустоши мы ходим только пешком. Лошадь хороша только для того, чтобы добраться до ихней границы в нужном месте. А дальше... Во-первых, лошади нужно много есть, а пить еще больше. А в Пустошах почти ничего не растет, кроме ядовитых колючек, и с пригодной для питья водой там тоже большие напряги. Так что весь запас своей провизии лошадь должна везти на себе, и если путь предполагается хоть сколько-нибудь дальний, то не факт, что у нее хватит грузоподъемности еще и на седока. Во-вторых, лошадь не умеет лазить по кручам - ни вверх, ни вниз. А в Пустошах повсюду разломы, трещины, гряды и обрывы. Во время Последней Войны рельеф по всей планете перелопатило, целые страны под воду ушли - мы-то тут, на счастье, от океана далеко, но и у нас на месте бывших равнин теперь сплошные полосы препятствий. Не все эти обрывы такие уж высокие, человек многие из них может преодолеть без всякого снаряжения, а вот лошадь - только в объезд. При условии, что этот объезд вообще существует. В-третьих, лошади вообще пугливы и легко впадают в панику, столкнувшись с чем-то необычным. А в Пустошах нет ничего обычнее, чем необычное, как мог бы сказать я, если бы любил тупые шутки. Ну и, наконец - лошадь привлекает внимание тех, с кем лучше лишний раз не пересекаться. Потому как и мяса, и крови в ней куда больше, чем в человеке. И речь, кстати, не только о каких-то реально здоровенных тварях. В Пустошах водятся, к примеру, кусачие слепни с пол-ладони величиной - тоже, конечно, здоровенные, но лишь по насекомьим меркам. Если такой укусит человека, это больно, но не смертельно - стиснешь зубы и вытерпишь. А вот если лошадь - смотри пункт три, а потом пункт два. Она потеряет голову от боли и понесет, не разбирая дороги, до первой кручи, на которой и сломает шею и себе, и всаднику.

Впрочем, те две твари, что шли теперь - как я уже практически не сомневался, рассматривая их в бинокль - по следу коня Джокера, насекомыми уж точно не были. Даже на таком расстоянии и сквозь дымку дрожащего воздуха зрелище было мерзким, хотя и, конечно, отнюдь для меня не новым. Их называют пустошными гиенами, хотя на нашем континенте гиен сроду не водилось. Кое-кто считает, что они и правда происходят от гиен, которые жили в зверинцах Мертвых городов (до того, понятно, как те стали Мертвыми), другие - что от койотов, третьи - что они помесь тех и других... и не только. Один умник из университета, который нанимал меня в проводники для экспедиции в Пустоши - удачно, кстати, прошла, все живые вышли - так вот, он говорил мне, что гиены на самом деле - родственники кошек, а не собак, а потому-де с койотами скреститься никак не могли. Ну, это он говорил только до тех пор, пока своими глазами не увидел, кто в Пустошах обитает. Пустошные гиены на этом фоне, можно сказать, торжество здравого смысла и академических канонов.

Они и в самом деле мордами похожи на гиен, только размером с хорошую пуму, и шерсть у них растет отдельными уродливыми клочьями на тошнотворно-розовой, словно после ожога,

голой коже. И ходят они на двух ногах. Но не как люди, а сгорбившись, скрючившись, наклоняясь носом к самой земле - но все же не касаясь ее передними лапами, даже полусогнутыми. Потому что когти на этих лапах такой длины, что ни ходить, ни тем паче бегать на них неудобно. Зато один взмах такой лапы в долю секунды располосовывает и куртку из выдубленной буйволовой кожи, и все, что под ней, до самых костей. И бегают они на своих двух задних ничуть не хуже, чем иные на четырех. Лошадь на рыси, к примеру, догоняют без проблем. На галопе, правда, отстают, но долго ли лошадь сможет выдерживать галоп? А они настойчивые. Так что удрать от них нельзя. Если уж они раз взяли твой след - не отстанут, пока не настигнут.

Убить их, разумеется, можно. Как и всех прочих тварей, обитающих в Пустошах. Самыми обычными пулями, свинцовыми, никакими не серебряными - это все чушь, которую рассказывают суеверные дураки. Все действительно магическое исчезло со смертью самих магов. А эти существа, хотя и порождены магией, сами по себе никакой магии не содержат. Точно так же, как в шраме от ножа нет металла, а в рубце от ожога - огня. Вот и они, да и все Пустоши разом взятые - это просто шрамы, оставленные Последней Войной на теле нашего мира.

Сам-то я, конечно, Войну не застал, не такой уж я старый. А вот батя мой мальчишкой ее пережил. Но почти ничего о ней не рассказывал. Он больше довоенное время вспоминал. Прикольно, говорит, было, дождь по расписанию шел - летом с часу до двух пополудни, чтоб жару сбить, весной и осенью - ночью с двух до трех, чтоб никаким добрым людям не мешать. Пасмурных дней даже осенью почти не было, они, мальчишки то есть, до декабря босиком бегали, не потому, что обувь так дорого стоила, а просто тепло было. Неурожаев не было, про торнадо или землетрясения никто даже и не слыхивал. Скот не болел, да и люди почти все здоровыми до старости доживали - ну, у кого деньги были, конечно. Кому местный колдун помочь не мог, тех в большой город везли - это сейчас Аркэндэйл столица независимого графства[3], а тогда-то маленьким городком считался... "В общем, - говорил мой па, понижая голос, - ты про это, Майк, языком не трепли, это между нами только, но по чести говоря - не такое уж плохое житье при магах было. Если бы они только воевать друг с дружкой не удумали..." А про саму Войну вспоминать не хотел, только рукой махал. Это, говорит, такой ужас был - не дай Судьба никогда людям снова такое пережить!

Да - тут не поспоришь. Он сам из большой семьи был, как тогда было принято (еды-то на всех хватало, и дети не мерли) - семеро их было: родители, трое братьев (отец - средний) и две сестры. И только он один из всех в живых и остался. А всего во время Войны и в первые годы после нее, погибло, как говорят, от четырех пятых до девяти десятых всех людей на земле. Большинство из которых, конечно, к магии никакого отношения не имели, а просто угодили под раздачу. Я сам видел то место, где стояла прежняя столица. Теперь это гигантская яма посреди Пустошей, с отвесными стенами, глубиной больше мили, а на дне - застывшая магма. А ведь больше миллиона человек жило, если верить хроникам - мне и представить-то такое число сложно... и все - в один миг... И это им повезло еще, что по столице с такой силой били - быстрая смерть, многие, наверно, и осознать не успели. А были, например, города, где люди каменели. Причем в эпицентре - все целиком, а подальше от него - частями. Типа до пояса ты все еще живой человек, а все, что ниже - каменная статуя. И так и помирай медленно, в половину своего бывшего тела вмурованный, не имея возможности с места двинуться. Кричать-то можешь, и даже руками махать, если они тоже не окаменели, да кто ж тебе поможет, если со всеми вокруг то же самое? Даже добить - и то некому, если сам не дотянешься. Это я тоже своими глазами видел - целый город таких вот полустатуй, из которых человеческие кости торчат. Или,

[3] В оригинале county. В нашем мире county - единица административно-территориального деления штатов США (округ, район). В описываемом - фактически самостоятельное государство с аналогичной (т.е. небольшой) численностью населения.

например, засохшие деревья с искаженными в муке человеческими лицами. А еще, говорят - это я уже сам не видел, поскольку твердых останков не сохранилось - были места, где у людей кости размягчались, как желе, и они медленно задыхались, оплывая беспомощной грудой плоти. Или где раздувались, пока не лопались. Или где их выкручивало и выжимало, словно прачка - белье. Или где выворачивало наизнанку. Не говоря уже о целых легионах марширующих, летающих, лезущих из-под земли и из-под воды, материализующихся из воздуха тварей куда пострашнее нынешних, которые топтали, рвали на куски, жгли огнем, пожирали всех на своем пути. Отец-то не хотел про все это говорить, да он и лишь малую часть из этого видел - потому и жив остался, но многие другие воспоминания оставили. Земля тряслась и раскалывалась, на сушу обрушивались волны высотой в полмили, с неба сыпался град из битого стекла и лил дождь из кипятка, земля изрыгала магму, в реках текла кислота. Много чего было, короче. Маги были очень умными и учеными, поэтому придумали множество затейливых вещей.

Кончилось все это лишь тогда, когда они полностью истребили друг друга - до кучи перепортив климат, рельеф и все, что смогли, по всему миру. Отец рассказывал, что в первое лето после Войны дожди из лягушек были обычным делом - благодаря чему он, собственно, и выжил, поскольку урожай погиб, коровы, которых не сожрали монстры, передохли от отравленной воды (отца спас большой бочонок пива, остававшийся единственным источником питья, пока подземные воды, питавшие колодцы, снова не очистились), а здоровенные жирные лягушки и жабы неожиданно оказались единственной пригодной едой. Постепенно, впрочем, все более-менее устаканилось - но именно что более-менее. Июльские снегопады и зимние суховеи сошли на нет, но ураганы, торнадо и землетрясения с нами, похоже, уже навсегда. Университетский профессор, тот самый, чью экспедицию я водил в Пустоши, правда, утверждал, что это не вина собственно магов - в том смысле, что это не они необратимо испортили планету, а наоборот - именно это и есть естественное состояние дел, которое они предотвращали, пока правили миром. Как те самые дожди (не из лягушек), которые при магах шли по расписанию, а теперь идут, когда им вздумается.

Не знаю, может, и так, я в университетах не обучался. Что я точно знаю, так это тот вывод, который мы, выжившие, сделали из всего случившегося: НИКОГДА СНОВА! Больше - никакой - магии! Даже не смотреть в ту сторону, даже не думать, даже чисто гипотетически не рассуждать "а вот если бы взять оттуда только несколько безобидных полезных заклинаний, безусловно сохраняя запрет на вредоносные..." Никогда, ничего, никаких исключений. Те, кто стояли у истоков магии тысячелетия назад, тоже не думали, что все закончится мировой войной, которая едва не погубит всю планету. Они тоже думали, что стараются для блага человечества, ну и немножко для себя, любимых. Разве плохо, если неразумными людьми будут управлять мудрейшие, обеспечивая всеобщий мир и порядок с помощью сил, неподвластных простым смертным? Pax magica - кажется, так они это называли... Только постепенно это "немножко" все более превращалось во "множко", и сила и власть оказывались наркотиком, требующим постоянного увеличения дозы - пока все не кончилось тем, чем кончилось. Нет уж - нельзя допускать даже мысль о том, чтобы снова ступить на этот гибельный путь! Я сказал "мы, выжившие", хотя меня самого тогда еще не было на свете - но я полностью согласен с этим выводом. И мой отец, разумеется, тоже был с ним согласен - хотя и рассказывал мне, понизив голос, что при магах не все было плохо. Рассказывал, но тут же добавлял - не из страха перед законом, а из искренней убежденности - не дай Судьба, чтобы такое повторилось!

Есть, конечно, и те, которые этого не понимают. Однажды мне довелось охотиться на такого, отправившегося в Пустоши в поисках трактата по некромантии, которая, кстати, была под запретом даже и у самих магов - живых они лечили, а вот воскрешением мертвых не занимались. То ли это в принципе было невозможно, то ли требовало слишком дорогой жертвы от самого воскресителя - на сей счет, понятно, теперь существуют только легенды. Но тот тип верил, что у него получится, и подготовился к экспедиции очень серьезно - так что настиг я его,

когда он действительно нашел и уже читал свой трактат. Когда я наставил на него револьвер, он упал на колени и принялся меня умолять. Он говорил, что хочет лишь воскресить свою любимую шестилетнюю дочурку, умершую от пневмонии, и ради нее готов пожертвовать собой, а больше никто не пострадает. Я не думал, что у него получится - даже если в книге была правда, способности к магии есть лишь очень у немногих - но предпочел не проверять. Я всадил ему пулю в лоб, а затем сжег трактат вместе со всеми остальными книгами в том тайном хранилище.

Честно говоря - мне было жаль этого парня. У меня самого никогда не было детей - да и жены, если на то пошло, семейная жизнь не для меня - но я мог понять, что он чувствовал. Однако я не мог поступить иначе. Исключения в этом вопросе недопустимы даже в самых безобидных мелочах - что уж говорить про некромантию!

Вообще, за прошедшие после Войны полвека мы уже вполне доказали, что можем неплохо обходиться и без всякой магии. Во времена своего владычества маги не слишком поощряли науку - понятно, они не хотели, чтобы люди стали независимы от ихних подачек - но и полностью запретить ее не могли, ибо им самим тоже не улыбалось лично разбираться с бытовыми проблемами каждой мелкой деревушки. Поэтому, например, паровые машины появились еще при магах. Изначально их использовали в стационарном варианте - на лесопилках, сукновальнях, шахтах и тому подобное - а сейчас уже строят чугунную дорогу, которая скоро соединит все города по эту сторону Пустошей. Уже после Войны открыли электричество; сейчас вся главная улица Аркэндэйла освещается электрическими фонарями (и особняк Харлингтонов, само собой, тоже). Телеграф, опять же. Фонограф вот изобрели. Револьверы - что бы мы, бэдлэндеры, без них делали! Четыре года назад один чудик пытался Пустоши на аэростате пересечь, но, правда, с концами - никто его следов так и не нашел, несмотря на объявленную награду, у меня тоже не получилось. А недавно и вовсе забавную штуку, придумали, фотография называется - тоже нашему брату жизнь облегчила, теперь на афишках "разыскивается", помимо перечня примет, и рожа того, за кого назначена награда, красуется. Черно-белая и зернистая, но узнать вполне можно. Понятно, что прямо во время, скажем, ограбления дилижанса ее не заснимешь, это ж нужно, чтобы налетчик минуту неподвижно перед объективом сидел, но теперь уже во всему нашему Западу законы приняты, чтобы всем совершеннолетним обязательно фотографироваться. Говорят, изобретателю идея в голову пришла, когда он после развода портрет бывшей жены со стены снял и увидел, что прямоугольник обоев под ним темный остался, а вокруг-то все выгорело. Тут-то он и задумал поискать такую краску, которая не за годы, а за минуту на свету выгорает, поместить в темный ящик и через дырку с линзой на нее посветить. Полезная штука развод, да. Но это, наверно, байка - то, что некоторые вещества на свету темнеют, тоже еще при магах в алхимических трактатах описано было. Но они до такой штуки не доперли, а вот мы додумались! Им, правда, и не надо было, они любое лицо в хрустальном шаре увидеть могли, в цвете и даже в движении - но шар без заклинаний не работает, и в карман его не запихаешь, а афишка с Арчи Джокером - вот она! Лежит, есть не просит, и колдовать тоже. А в "Аркэндэйлском курьере" писали, что один умник из Риджтауна кумекает над идеей беспроволочного телеграфа и вроде бы даже уже поставил первый успешный опыт - хотя это, скорее всего, все-таки байка. Но может, и нет.

Да, конечно - мы все еще не умеем лечить пневмонию, дифтерит и еще кучу болезней, роженицы и младенцы вот тоже теперь часто мрут - моя собственная мать тому пример, и рожь в прошлом году не уродилась, и торнадо в этом разрушил полтора десятка домов в Холинбруке. Но главное - мы теперь свободные люди, а не овцы в магическом хлеву!

Впрочем, деньги мне платят не за философские размышления, а за вполне конкретную работу. Так что, проследив, в какое из ущелий свернули гиены, я направился к ближайшему месту спуска. Здесь, недалеко от границы Пустошей, я не только изучил каждый камень, но и проделал кое-какие подготовительные мероприятия, облегчающие дальнейшую жизнь.

Например - вбил в определенных местах скальные крючья, не особо заметные для тех, кто не знает, куда смотреть, но позволяющие быстро подняться и еще быстрее спуститься тому, кто знает. Что я, достав из рюкзака веревку, и проделал без каких-либо неприятных неожиданностей.

Прежде, чем нырнуть в полумрак ущелья, я внимательно изучил следы копыт в пыли, поверх которых шли отпечатки гиеньих лап. Если до этого у меня еще оставалась капелька сомнения, не идут ли гиены за кем-нибудь другим, то теперь она окончательно испарилась. Во-первых, сам факт, что некто недавно проехал здесь на лошади, что, как я уже отмечал, в Пустошах вдали от караванного пути большая редкость. Потом, общий вес коня и всадника соответствовал ожидаемому (в Арчи, как любезно извещала афишка, всего-то 120 фунтов, и взять достаточное количество воды для коня он, видимо, тоже не удосужился). Наконец, он гнал коня крупной рысью - как и по обычному-то бездорожью лучше не ездить, а уж по Пустошам тем более. Какая-нибудь малозаметная яма или трещина тут может скрываться где угодно. Встречаются тут, к примеру, такие колбасообразные черви диаметром как раз примерно с копыто, сами по себе вполне безобидные, но рыть вертикальные норы в несколько десятков футов глубиной они диво какие мастера. Судя по всему, торопившийся уйти от погони всадник въехал в ущелье накануне вечером - а стало быть, рассчитывал или заночевать прямо в нем, или ехать в кромешной темноте в этой щели, куда даже луна почти не заглядывает, до самого утра. Оба варианта так себе, прямо скажем. Короче говоря, все указывало, что наездник - идиот. И хотя вообще-то в мире полно идиотов и помимо Арчи Болтона, но только не в Пустошах. В Пустошах два идиота одновременно - явление слишком маловероятное. Уж очень недолго они тут живут.

Хорошая штука ущелье. Для того, кто преследует. И плохая для преследуемого. По одной и той же причине - деваться оттуда некуда. Правда, если бы драпала целая банда, то всего пара ее членов - один стреляет, другой перезаряжается - могли бы, укрывшись за камнями, сдерживать в ущелье любое количество преследователей, пока не закончатся боеприпасы, и дать, таким образом, остальным время уйти. Но бандиты никогда не жертвуют собой ради товарищей, на то они и бандиты, а главное - впереди меня никакой банды не было, если, конечно, не считать таковой гиен, которые уж точно отстреливаться не будут. К тому времени, как я вошел в полумрак ущелья, они успели учесать далеко вперед, так что я их не видел - и они меня, соответственно, тоже. Хотя, вполне возможно, чуяли. Но меня это не беспокоило, и дело даже не в револьверах (мне не хотелось, чтобы Арчи, если он еще жив, раньше времени услышал выстрелы) - я просто знал, что они не станут поворачивать ради меня, когда впереди их ждала куда более аппетитная лошадь. Предполагаемый револьвер или винтовка Джокера, чем бы он там ни успел обзавестись перед своим поспешным бегством, меня тоже не беспокоили - я не сомневался, что он плохой стрелок.

Так что я беззаботно шагал себе вперед, гадая, услышу ли выстрелы отбивающегося от гиен Арчи, или же он окажется настолько глуп, что не сможет сделать даже этого (например, забыв передернуть затвор винтовки или взвести курок револьвера, или и вовсе сунувшись в Пустоши с голыми руками), или же я наткнусь на гиен, пожирающих останки сломавшего ногу коня, в то время как всадник все еще благополучно продолжает путь пешком - пока я не увидел впереди развилку. Сама по себе она, конечно, сюрпризом для меня не стала - я прекрасно знаю эти места. Джокер их, в свою очередь, совершенно не знал, а заблудиться тут проще простого - все эти ущелья и трещины выгибаются в разные стороны, петляют и пересекаются, тем более что снизу и неба-то почти не видно, по звездам не сориентируешься (к тому же минувшая ночь была пасмурной), а компасу в Пустошах доверять тоже можно далеко не везде ("геомагнитные аномалии", как говорил все тот же проф). И тем не менее - карта у Арчи наверняка была, все-таки не настолько же он идиот, чтобы отправиться в Пустоши даже без нее - а стало быть, и вопроса, какой путь он избрал, не возникало. Очевидно, правый - поскольку левый в конечном итоге привел бы его обратно к границе Пустошей, правда, уже ближе не к Аркэндэйлу, а к

Холинбруку, но такой вариант его тоже вряд ли устраивал. В Холинбруке, кстати, шулеров в особенности не любят, даже когда за них не объявлена награда - там даже честные азартные игры считаются большим грехом...

И тем не менее - интуиция, которой я, как и всякий опытный бэдлэндер, привык доверять, настойчиво призывала меня обратить внимание на левый путь. В интуиции, на самом деле, нет ничего мистического - она лишь отражает то, что ты заметил, но не осознал. И, как правило, если внимательно проанализировать свои ощущения - конечно же, когда для этого есть время и безопасная возможность - можно понять, в чем именно дело. Дно ущелья - теперь уже обоих ущелий - было усыпано крупными камнями, на которых не остается следов. Я поводил головой из стороны в сторону, думая, что, возможно, уловил краем глаза что-то среди этих камней - скажем, блеск выпавшего из подковы гвоздя - но нет, похоже, насторожило меня не зрение. Никаких подозрительных звуков издали тоже не доносилось... В конце концов я понял, в чем дело - теплый ветерок, снова подувший из левого ущелья, донес до меня слабый, но все же ощутимый запашок гиеньего дерьма. Эту вонь мало с чем можно спутать, даже когда она настолько ослаблена расстоянием. Выходит, мои хвостатые приятели, берущие след лучше любых собак и способные, если надо, преследовать добычу сутками, были уверены, что таковая отправилась левым путем. Ошибиться в таком вопросе они точно не могли. Тогда что же - ошибся Арчи, неправильно определил свое положение на карте? Не исключено, конечно, особенно если он разглядывал карту уже в темноте, при свете спички, возможно что и вверх ногами... Но может быть и так, что я просто унюхал другую гиену. Ведь те две в этих местах отнюдь не единственные.

Я развернул свою собственную карту. Да, разумеется, я все помнил правильно - если Арчи поехал по левому пути, то выбраться из ущелий сможет только возле Холинбрука. Все другие ответвления ведут в тупики, откуда взобраться вверх на плато теоретически можно, но не с его уровнем снаряжения и подготовки. Не для парня, никогда не державшего в руках ничего тяжелее крапленого туза. Стало быть, если он и в самом деле свалял такого дурака, то, скорее всего, осознав свою ошибку, повернет обратно. По пути, очевидно, встретившись с гиенами, но меня устроит любой результат этой встречи, лишится ли он потрохов или только боеприпасов. Так что гнаться за ним туда в любом случае смысла не имеет. А вот если все-таки вся компания направилась направо, тогда мне стоит поторопиться, если я хочу настигнуть его прежде, чем он успеет вырваться из ущелий и затеряться где-то на открытом пространстве. Хотя, конечно, гиены сделают это раньше...

Так что я потопал направо, как с самого начала и собирался.

И четыре часа спустя вышел из ущелья, так никого и не встретив. Ни Джокера, ни его лошади, живой или мертвой, ни гиен. Само по себе это не было удивительно, если он ехал всю ночь и остановился на ночлег - точнее, уже дневку - только выбравшись из ущелья уже под утро. Но тогда бы я увидел его стоянку, как только сам вышел из скального полумрака на залитую послеполуденным солнцем равнину. Человека, лежащего на земле без палатки, издали можно и не разглядеть, а вот лошадь заметна отлично. И гиены, опять-таки - они-то куда подевались? Если бы они прикончили сонного Арчи и его стреноженного коня, то все еще терзали бы добычу. Они это вообще без спешки делают, любят распотрошить и ждать, чтобы протухать начало. Ну а если запах каких падальщиков помельче привлечет, им это только дополнительный бонус. Хотя человека, если сильно голодные, они еще могут сразу оприходовать, но вот у лошадиной туши обычно два-три дня проводят, пока все подчистую не выскребут своими когтями. И стервятники бы над падалью кружились, тоже хорошо заметный ориентир. Стервятники, кстати, здесь в Пустошах тоже своеобразные - двухголовые. Necrosyrtes rossicus - так их профессор нарек, я аж заучил, теперь вот щеголяю. Летают хуже обычных, зато жрут в два горла. Или, пока одна голова жрет, другая за окрестностями следит и конкурентов отгоняет. А однажды я даже видел, как две головы друг с другом передрались. Прикольно.

Но нет, теперь я ничего подобного не увидел - ни стервятников, ни ихней потенциальной поживы. Но и разворачиваться обратно с мыслью, что надо было все-таки налево идти, не поспешил. И не потому даже, что мне тоже отдых требовался, после стольких-то часов на ногах. А просто увидел я кое-что другое, сквозь дрожащее марево горячего воздуха не очень даже понятное. Но приложил к глазам бинокль - точно, дом. Меньше мили до него было. Обычный такой фермерский дом с белыми стенами и бурой черепичной крышей. Мой отец до войны, должно быть, примерно в таком жил. Даже окна вроде целые, хотя, понятно, пылью заросли. Прямо как на заказ - выходит усталый одинокий путник из ущелья с мыслью о том, как сейчас под открытым небом, под палящим солнцем, спать придется, и неизвестно кто к тебе подберется, пока ты дрыхнешь у всех на виду - а тут тебе и крыша, и стены, и даже дверь, которую изнутри чем-нибудь подпереть можно... Не так ли поступил и Арчи - но где, в таком случае, его лошадь? Убежала? Он даже не догадался стреножить ее, прежде чем полез внутрь? Или, может, стоит по ту сторону дома?

В принципе, в домах посреди Пустошей ничего невероятного нет - их довольно много уцелело, не все здесь разрушено. Особенно такие вот сельские, на отшибе стоявшие - гвоздили-то в первую очередь по городам, да и там, как я уже сказал, не все заклятия стены разрушали, многие были исключительно на людей направлены. В этих краях, правда, трясло по-страшному, когда равнины раскалывались и целые плато на сотни ярдов вздымались или, наоборот, под землю уходили - но некоторые крепкие одноэтажные домики и такое пережили. И да, в некоторых из них вполне можно останавливаться. Если и обнаружишь внутри какие-нибудь вросшие в стены или в мебель скелеты - они тебя тревожить не будут. Со смертью магов ихние заклятья потеряли силу. Мертвое мертво, в Пустошах точно так же, как и в любом другом месте.

Одна только загвоздка - я много раз здесь проходил и никогда этого домика не видел. И на карте его тоже нет.

Я зашагал в сторону дома, развернутого практически задней стеной ко мне - вход был с другой стороны. Каменное крошево под ногами скрывало всякие следы, если они и были, но, когда я подошел уже почти вплотную, оно сменилось песком, и, миновав угол дома, я все же увидел следы, ведущие прямиком к крыльцу. Это явно были следы человека в сапогах или ботинках. Одного. Без лошади.

Если это не Арчи, тогда кто бы это мог быть? Еще какой-то беглец, за которого тоже назначена награда? Или свой брат-бэдлэндер - видимо, еще неопытный молодой парень? Возможно - мой конкурент, охотящийся за тем же Джокером? Даже если и так - я не стал бы злорадствовать. У нас, бэдлэндеров, есть свой кодекс чести. Мы можем соперничать из-за награды, можем даже выяснять отношения дуэлью (за свою жизнь я застрелил таким образом троих, не желавших решить дело миром), но мы никогда не подставляем и не бросаем друг друга тварям, если есть хоть какой-то шанс спасти. Все-таки мы в первую очередь люди, а уже потом все остальное. И хотя я понимал, что шансов спасти этого неведомого парня почти наверняка уже нет, я обязан был попробовать.

Вблизи дом выглядел так же обыкновенно, как и издали. Никакой неправдоподобной новизны и чистоты. Было видно, что он такой же давно заброшенный, как и любое уцелевшее здание в Пустошах. Я отчетливо видел растрескавшуюся побелку, отвалившуюся с края крыши черепицу, надпись "Джек", криво нацарапанную кем-то на двери. Но я не стал ни заглядывать в темные мутные окна, ни дергать ржавую дверную ручку. Я замотал рот и нос платком, надел очки - на зрение я не жалуюсь, но глаза в таких случаях нужно защищать - и достал из правого кармана флягу со спиртом. Воду я всегда ношу слева, спирт - справа. Не перепутаешь ни в какой критической ситуации - вот уж чего не хотелось бы. Многие считают бэдлэндеров выпивохами, лакающими все, что горит, но это еще один миф. Пьяницы в Пустошах долго не живут, и уж точно ни один бэдлэндер, даже позволяющий себе расслабиться в салуне потом, не станет пить на работе. Фляга с неразбавленным спиртом нужна совсем для другого. Например - обработать

рану, или нож перед тем, как сам себе эту рану нанесешь, выковыривая, скажем, из руки ядовитый шип или коготь. Или для таких ситуаций, как сейчас.

Я размашистым жестом щедро плеснул на дверь и на стены вокруг. Они дернулись, как от ожога - хотя, собственно, никакого "как". Я довершил дело, бросив горящую спичку, и тут же поспешно отступил назад.

Раздалось шипение, словно от вылитого на горячую сковородку масла. Стены пошли пузырями, которые лопались, разбрызгивая едкую дрянь. Домик скукоживался на глазах, проваливаясь внутрь себя. Остатки стен стекали вязкой зловонной слизью, обнажая мясистые вертикальные отростки, похожие не то на ветки, не то на щупальца. Корчась и извиваясь, эти отростки втянулись в землю. На этом все кончилось.

На заляпанном желеобразными кляксами песке, где только что был дом, осталось лежать тело.

Точнее говоря - это были кожа и кости, в самом буквальном смысле. Практически все, что было между ними, *оно* успело высосать. Ну, собственно, иного я и не ожидал.

Помню, как ругался профессор, когда я вытащил его из такого домика. "Я же, - говорит, - прекрасно понимал, что это иллюзия! Я хотел исследовать механизм!" "Угу, - отвечаю, - а этот механизм хотел исследовать вас. Профессоров он, наверно, еще не ел, ему было интересно." Но проф внутри и двух минут не провел, оно и вонзить в него свои отростки не успело, а этот бедолага...

На самом деле никакого интереса оно, очевидно, не испытывает. Разума там нет ни на пенни. Весь этот домик, с облупившейся побелкой и надписью "Джек", *на самом деле* существует где-то в Пустошах - может, в десяти милях отсюда, а может, и в тысяче. Или, по крайней мере, существовал, когда оно впервые его скопировало. Может, оно сперва сожрало его целиком, чтобы воспроизвести, а уже потом наловчилось заманивать с его помощью более съедобную добычу, не знаю. Знаю только, что я его не убил. Я говорил, что любую тварь в Пустошах можно убить, но вот эта - исключение. Ну то есть на самом деле как-то ее убить наверняка можно, но не пулями, не спиртом и не огнем. Это только заставляет ее убраться обратно под землю. А когда и где оно вылезет в следующий раз, никто не знает. Может, в десяти милях отсюда, а может, и в тысяче...

Я подошел и присел над останками парня, намереваясь забрать его флягу, револьвер и все ценное, что найду на поясе и в карманах. Это не мародерство. Если найдется что-то, что позволит установить его личность - я отдам найденное его родственникам или под опись шерифу. Если не найдется - ну что ж, тогда это моя законная добыча. Ему оно все равно уже ни к чему.

И тут в глазницах обтянутого кожей черепа шевельнулись глаза. Я даже вздрогнул, хотя для меня это не было полной неожиданностью. Сам я такого прежде не видел, но слышал об этом - хотя и подозревал, что рассказчики сгущают краски. *Оно* - гурман. Как и гиены, только вкусы у них противоположные. Гиены предпочитают тухлятину, а оно - наоборот. Поэтому каким-то образом поддерживает жизнь в теле жертвы до самого конца - даже когда уже переварены все внутренние органы, мозг продолжает работать. Сам мозг оно почему-то не трогает. Брезгует, видимо.

Я думал - если все и так, то, как только оно отсоединяется, смерть мгновенно наступает. А оказывается, мозг еще с минуту по крайней мере жить может, даже когда уже ни сердца, ни легких нет. И вот смотрю я, как он глазами двигает, видимо, сказать что-то хочет, но, понятно, не может уже, глазные мышцы, наверно - последние, которые у него еще остались. И куда-то он вправо-вниз косится. А через несколько секунд его взгляд остекленел окончательно.

Соответственно, обыск я начал с правого переднего кармана его брюк. И сразу же вытащил оттуда колоду карт. А потом - ну понятно, да. Завернутый в носовой платок фамильный перстень Харлингтонов с розовым бриллиантом.

Афишки афишками, фотография фотографией, но когда от человека одна шкурка, свисающая с костей, остается - его ни родная мать, ни аркэндэйлский шериф не узнает. Не говоря об охотниках за наградами, никогда его прежде вживую не видевших. Хотя, конечно, я сразу заметил, что росточком он не вышел, так что мог бы с первого взгляда понять, что это все-таки он. Но конь! Меня сбил с толку конь - точнее, его отсутствие! Теперь, когда "домик" исчез, я окончательно убедился, что нигде на песке вокруг нет следов копыт. Выходит, в ущелье въехал всадник, это я по следам видел абсолютно точно. Из ущелья вышел пеший. Ни живого, ни мертвого коня в ущелье нет. Вопрос - куда он подевался? И гиены, если уж на то пошло?

Единственный логичный ответ напрашивался. В тот самый левый проход, ведущий в сторону Холинбрука. Выходит, покойный Арчи был все же не такой дурак, каким я его считал. Все-таки картежному шулеру не одна только ловкость рук нужна, мозги тоже требуются. (Мозги, да. Сколько часов - с рассвета, видимо! - он тут лежал, все сознавая и не в силах пошевелиться, пока его медленно переваривали и высасывали, как паук - муху... Ладно, проехали.) В общем, он все же сообразил, что лошадь в Пустошах ему скорее обуза, чем помощь, и предпочел от нее избавиться, заодно направив возможную погоню по ложному следу. Погоня, правда, в моем лице не купилась, а вот в лице гиен - купилась. Ну да им, собственно, лошадь-то и нужна была...

Стоп. Красиво в теории. А на практике лошадь - это вам не паровая машина, которую поставил на рельсы - и она будет катить, пока уголь в топке не кончится. Лошадь без всадника, по своей воле, вряд ли пошла бы в это мрачное ущелье. Скорее, она предпочла бы или увязаться за человеком, который был так добр, что избавил ее от своего веса, или вовсе повернуть обратно, чтобы вернуться уже знакомым маршрутом. Ну, допустим, он шлепнул ее по заду, стегнул плетью - надолго бы этого запала хватило? Что он ей - горящую паклю к хвосту привязал? Ну, может, и привязал... Но все равно - что-то мне в этой картине не нравилось. Была в ней какая-то неестественность.

Ну да ладно. Главное - я свою работу сделал, перстень у меня, и старый Харлингтон отсчитает мне заслуженную награду до последнего пенни. Думаю, отсчитал бы даже без доказательства смерти Джокера, ему ведь главное - перстень вернуть, а не возмездие, но порядок есть порядок. Так что я, как всегда в тех случаях, когда "клиента" не удается взять живым, достал нож и отрезал указательный палец на правой руке Арчи - был он сухой и сморщенный, крови на срезе даже ни малейшей капли - а затем бросил его во флягу со спиртом. Вот еще для чего спирт нужен. Когда я наши достижения вспоминал, забыл упомянуть и это - ежели палец окунуть в краску, а потом к бумаге или стеклу прижать, отпечаток у всех людей разный получается. Говорят, честь этого открытия принадлежит учительнице младших классов из Шмуртерсфорда, которая придумала своим ученикам забаву - пальцами рисовать, ну и заметила, что отпечатки-то у всех чуть-чуть разные выходят. Так из детской забавы большая помощь в охоте на взрослых преступников получилась.

Ну а больше с Арчи взять было практически и нечего. Револьвер у него оказался несерьезный, дамский 22 калибр, из такого только мышей пугать. Правда, курок после каждого выстрела взводится автоматически, но толку-то... Свою воду он уже почти всю сам выхлебал - на что только дальше-то рассчитывал, озера тут найти надеялся? Есть тут озера, только вода в них соленая и горькая. Но главное - денег при нем я так и не нашел! Ну то есть как - нашел медную мелочь, которую ему, верно, на сдачу дали, когда он перед своим бегством закупался, и один-единственный золотой, которым он, верно, собирался расплачиваться по ту сторону Пустошей, пока камушек не продаст. А остальное-то где? Где весь выигрыш, который он с Харлингтона-младшего слупил, прежде чем до колечка дело дошло? А ведь Джокер в тот вечер не с одним только Джоном за стол садился... И даже если предположить, что он перед Пустошами все с нуля закупил - лошадь, сбрую, револьвер, припасы - остаться у него должно было куда как больше. Я уж и одежду с него всю снял и прощупал, и в сапоги его вонючие заглянул. Нету. И, несмотря на уже гарантированную мне награду, это мне, прямо скажем,

обидно было.

Тут ведь как? С камушком все ясно, чья он собственность и кому его вернуть полагается. И мне ясно, и любой собаке по эту сторону Пустошей. Даже Арчи это ясно было, потому он и не попытался сбыть добычу ни в одном из наших городов. А вот с остальным его выигрышем вопрос тонкий. Формально, конечно, это добыча мошенника, которую следует вернуть законным владельцам. Но золотые монеты - они золотые монеты и есть. На них не подписано, чьи они. И сколько он в тот вечер у кого выиграл, достоверно уже не установишь. Если бы он банк или дилижанс грабанул, тогда да - там мешки опечатанные, точная сумма, в документах прописанная. А тут что же - только на слова пострадавших полагаться? "Люди добрые, если кто третьего июля с Арчи Болтоном в карты играл, приходите к шерифу за своими деньгами!" И окажется, что в тот вечер в салуне присутствовал весь Аркэндэйл, с грудными младенцами включительно, и каждый умудрился проиграть по тысяче, а младенцы, так и быть - по пятьсот.

Так что - хотя по формальному закону найденные при преступнике ценности, владельцев которых невозможно установить, подлежат сдаче в казну, по всеми признаваемому обычаю они считаются трофеем того, кто этого преступника взял живым или мертвым. Бонусом к официально назначенной награде. Ну и хорошим тоном считается часть этого бонуса на благотворительность отдать - но только часть. Лично я всегда четверть на сиротский приют жертвую. Потому как кое-какие дети сиротами от моей руки стали, ну, ихние папаши сами напросились, конечно, но дети-то не виноваты. Судьба - она такая штука... затейливая.

Но и не буду прикидываться, что я такой добренький, и мой главный мотив был - сироткам помочь. Все-таки мои законные три четверти джокерова золота мне тоже были совсем не лишние. А он его куда-то заныкать умудрился.

Ясно было, что прятать деньги, чтобы потом за ними вернуться, он бы не стал - и возвращаться он явно не собирался, и смысла это не имело никакого. Золотые монеты, конечно, тяжелые, но не настолько, чтобы даже полный кошель с собой не унести. Следующей моей мыслью было, что Арчи, расставаясь с лошадью, умудрился просто... забыть свое золото в седельной сумке. Да - такое бывает, люди в состоянии стресса и непривычной обстановки умудряются забывать самые очевидные вещи. Потом-то, наверно, спохватился, но мудро решил не возвращаться и не пытаться искать ускакавшую в опасном для него направлении лошадь - как-никак, его главная добыча была при нем. Но все-таки незачем было и класть это золото в сумку, надо было все время при себе держать. Так что, подумав еще немного, я пришел к выводу, что Арчи, возможно, был все-таки совсем не такой дурак. Что он оставил золото вместе с лошадью специально. Типа как взятку тем, кто будет его искать - вот вам ваша награда, забирайте ее и оставьте меня в покое, вам же самим так проще. Или даже еще хитрее - раз вы нашли лошадь Арчи без самого Арчи, значит, и искать его бесполезно, сожрали его пустошные твари - сами понимаете, по доброй воле он бы свое золото не бросил... Если верен последний вариант, тогда, выходит, он свою судьбу прямо-таки накаркал.

Так или иначе, а по-любому выходило, что где лошадь (или то, что от нее осталось) - там и золото. Гиенам оно точно без надобности. А значит - на обратном пути мне стоит таки прогуляться по левому ущелью. Возможно, что и до самого его конца, и тогда я выйду из Пустошей в районе Холинбрука. Хоть и не люблю я этот город с его слишком уж пуританскими[4] нравами. Все-таки сжигать людей заживо - это чересчур, как по мне, даже по обвинению в занятии магией. Особенно учитывая, какими методами тамошнее следствие свои обвинения доказывает... К бэдлэндерам там тоже отношение двойственное. С одной стороны, мы убиваем "нечистых" пустошных тварей и тем самым служим Благу, помогая очищать мир от остатков магической скверны. А с другой - мы ходим в Пустоши, которые как раз этой самой скверной и порождены, и кто нас знает, чем мы там, вдали от всех честных и бдительных глаз, занимаемся.

[4] Пуританство в описываемом мире не связано с христианством (каковое, как и другие религии, в мире с реально работающей магией так и не возникло), но в остальном имеет те же черты, что и в нашем.

Не таскаем ли оттуда уцелевшие запретные артефакты, за которые кое-кто готов отвалить куда больше, чем за любого разыскиваемого преступника... Но все-таки открытого конфликта с бэдлэндерами холинбрукцы не хотят (а кто его, скажите, хочет?), да и Магнус Хольт - создатель револьверов системы Хольта, которыми теперь вооружен каждый бэдлэндер - родом как раз из этого города. Так что никакими реальными проблемами возвращение в цивилизацию через Холинбрук мне не грозило (так я, по крайней мере, думал), ну а неприязнь ради кошеля с золотом можно и перетерпеть.

В общем, передохнул я и в обратный путь двинулся, уже без спешки. Труп Джокера оставил лежать, где лежал. В Пустошах могил не копают. Они, по сути, все целиком - одна большая могила.

Когда я добрался до той самой развилки, начинало вечереть, а еще три часа спустя, когда узкая полоска неба вверху уже выцветала после заката, а в ущелье сгущался мрак, я нашел лошадь.

Ну, точнее, первым делом я заметил в сумраке силуэты гиен. Одна еще ковырялась в растерзанной туше, другая просто лениво сидела рядом, напоминая позой не зверя, а очень горбатого человека. При моем приближении она обернулась и зарычала. Один револьвер уже был у меня в руке, а теперь я достал и второй, на случай, если шести пуль не хватит на двоих - эти твари живучие. Честно говоря, если бы они проявили благоразумие и свалили сами, я бы даже позволил им уйти - все-таки они, считай, помогли мне, наведя на след и избавив от необходимости гоняться за лошадью по всем тупиковым ответвлениям, а я не люблю тратить патроны без необходимости, когда неоткуда взять новые. Но они, конечно, не хотели бросать такую вкусную лошадь, и стоило мне сделать еще шаг, как та, что только что сидела в устало-расслабленной позе, вскочила и бросилась на меня. Я ни разу не промахнулся, несмотря на темноту, но остановила ее только третья пуля, когда она была уже всего в паре ярдов от меня. Но следом уже неслась вторая, вся перемазанная в лошадиной крови - однако накинулась она не на меня, а на своего упавшего товарища. Пустошные гиены - каннибалы (как, собственно, и почти все пустошные твари), хотя на здоровых своих обычно не нападают. А вот мертвых или умирающих жрут только так. Я позволил ей вцепиться в загривок упавшей, что сделало ее почти неподвижной мишенью, и прицельной пулей 44 калибра в голову успокоил и ее тоже. Хватило, таким образом, одного барабана, и даже с запасом. Хвала вам, мистер Хольт, хоть вы и из Холинбрука. Что бы мы без вас делали.

Кстати, раз уж я направляюсь в Холинбрук... Я убрал револьверы в кобуры (не забыв, разумеется, перезарядить правый) и достал нож. В Холинбруке платят за скальпы крупных пустошных тварей. Не сильно много, по серебряному доллару за штуку, но тоже не лишнее. А вот если бы я направлялся в Риджтаун, я бы отрезал гиенам совсем другое. Риджтаунские аптекари платят по золотому за пенисы пустошных гиен, из которых они делают препараты, якобы повышающие мужскую силу. (Тамошний аптекарь и научил меня так культурно выражаться: "Вот, гиеньи херы вам принес! - Запомни, Майк, не херы, а пенисы!") Хотя лично я считаю, что это полная чушь - предрассудок, порожденный исключительно размером упомянутого органа, а также удаленностью Риджтауна от Пустошей - но если дураки сами суют тебе деньги за собственные суеверия, отчего же их не брать? Это же не я их обманываю - это они обманывают сами себя. Однако Риджтаун в другой стороне и слишком далеко отсюда, а в Холинбруке с таким товаром лучше не появляться. Там это расценивают как "сырье для изготовления магических амулетов". На костре не сожгут, но могут высечь на площади, а потом вывалять в смоле и перьях и с позором изгнать из города.

Кстати, хотя гиены часто охотятся парами, они все самцы. Когда я рассказал это профессору, он со своей снисходительной университетской улыбочкой пояснил, что это-де распространенный предрассудок, а на самом деле просто у самок гиен ихние причиндалы внешне очень похожи на мужские. Это, мол, и у настоящих гиен так, и, очевидно, у пустошных

тоже. Иначе как бы они продолжали свой род? Да просто, отвечаю я ему, они своих самок всю жизнь в норах держат и наружу не выпускают. Снаружи их солнце сразу убьет. Тогда проф улыбнулся еще шире и спрашивает меня, как завравшегося маленького ребенка, а не могу ли я, в таком случае, такую нору ему и его коллегам показать? Ну, я и показал. Отыскал специально для них гиенье логово. Сам-то я внутрь не полез, конечно. Не потому, что опасно - взрослых самцов внутри не было, они только к ночи возвращаются - а просто вонища оттуда такая, что... Эта вонь, собственно, обитателей норы лучше любых когтей защищает. Ни одна тварь в здравом уме туда не сунется. Кроме ученых из университета, само собой. Я им говорю - вы всю одежду, кроме сапог, с себя снимите, потом ведь от этой вони не отстираете, тем паче что здесь и стирать-то не в чем. Но они вместо этого какие-то плащи из прорезиненной ткани надели и полезли. Вылезают бледные, некоторые проблевались. Но самку все-таки крючьями зацепили и наружу общими усилиями вытянули. Увидевши ее на свету - чуть не проблевались по второму разу. Я, признаться, до этого еще тоже ни разу не видел. Слышал только.

Это такая жирная белесая голая туша, больше всего похожая на гигантского червя или личинку. Глаз у нее нет, конечностей тоже - так, висят какие-то крохотные культяпки, до земли не достающие и совершенно бесполезные. Зубов тоже нет - самцы ее отрыгнутой пищей кормят. А вот губы прям человеческие, пухлые такие, только больше раза в три. Самостоятельно она даже ползать не способна. Всю жизнь она только жрет, гадит и рожает. И да, на солнце она сдохла хоть и не мгновенно, но быстро. Эти умники еще все свои замеры закончить не успели. А плащи ихние, конечно, спалить пришлось - вонь так и не отошла.

Да. Интересная была экспедиция. Проф потом очень благодарил меня за помощь и обещал назвать в мою честь какую-нибудь тварь, но я его настоятельно попросил этого не делать.

Так вот, снявши с гиен скальпы, я пошел к останкам лошади. Там, конечно, жуткое месиво было, кровь-кишки-кости, но седло и седельная сумка целые, гиены только подпругу своими когтями располосовали. В ущелье было уже почти совсем темно; я сунул руку в сумку, рассчитывал, что мешочек с монетами нашарю и на ощупь. И... ничего! Путы, свернутое одеяло, большая, но пустая фляга - и никакого золота. Я уж и все вытащил (отнеся, конечно, на сухое ровное место подальше от кровавой каши), разложил, одеяло развернул - нигде ни одной монетки. Да что ж это за хрень такая! Издевается, что ли, надо мной покойный Арчи? Или, может быть, еще до того, как до лошади добрались гиены, ее успел обыскать еще какой-нибудь бэдлэндер, тоже охотившийся за Джокером? Ну что ж, тогда ему достался утешительный приз, а мне - главный. Не будем жадничать, возблагодарим Судьбу и потопаем дальше в сторону Холинбрука.

Если какие ночные твари и спешили на оставленное позади меня пиршество, то мне они проблем не создали - хотя я и слышал несколько раз хлопанье крыльев, а также крики, стоны и завывания, от которых у новичков в Пустошах обычно трясутся поджилки, хотя на самом деле ничего опасного в этих ночных звуках, как правило, нет. По-настоящему опасно то, что подбирается бесшумно... Но ко мне, как я уже сказал, никто подобраться не пытался, так что ближе к полуночи я благополучно вышел из ущелья на открытую местность. Ночь, в отличие от предыдущей, была ясной, светила полная луна, и в ее голубоватом свете Пустоши с ихним причудливым рельефом выглядели почти красиво. Однако хоть я и тренированный футмен, после целого дня ходьбы лишь с небольшими передышками у меня здорово ныли ноги, да и вообще хотелось завалиться спать до утра, так что некоторое время я обдумывал этот вариант. Но затем желание добраться-таки до уже не столь далекого Холинбрука и отоспаться уже в мягкой постели и безопасности тамошнего трактира победило. Холинбрук, что примечательно, из всех столиц графств ближе всего к Пустошам расположен, практически на самой границе - мой Аркэндэйл, к примеру, куда дальше, а до Риджтауна и вовсе два дня дилижансом ехать надо. Холинбрукцы этим даже козыряют - они, мол, самый передовой форпост и оплот против

оставшейся от магов нечисти. Потому-то, может, они и такие нетерпимые.

Было, правда, еще одно обстоятельство, помимо усталости, не в пользу идеи идти туда ночью. Мой путь лежал мимо Мертвого города.

Ну то есть как города - так, небольшого одноэтажного городка, по меркам эпохи магов и вовсе крохотного. Он на самом краю зоны поражения оказался, вроде там даже не все погибли, беженцы оттуда потом к Холинбруку вышли, но их не пустили, сказали - вы прокляты, убирайтесь обратно. Часть перестреляли, остальные и правда убрались, и больше их никто никогда не видел, ни в Холинбруке, ни в других городах. Так, по крайней мере, рассказывают. Сам я через этот городок не раз ходил и никого там не видел - ну, не считая змей и скорпионов, само собой. Но это днем. А вот ночью в такие места лучше не соваться. Не из-за призраков. Мертвое мертво. А вот живое и голодное - особенно то, которое солнца не любит - в заброшенных домах может прятаться запросто. Днем оно тихо сидит по подвалам и не высовывается, а вот ночью... Да и сами дома. Хорошо, когда такой вот "Джек" один посреди равнины стоит, можно проверить по карте, есть тут дом или нет. А в городе, где кругом такие же, как проверишь? Днем, может, и заметишь еще неладное, если хорошо смотреть и знать, на что внимание обращать, а ночью... Короче, одинокие дома - если они настоящие - еще могут быть безопасными, а вот скопления их - точно нет. Так что, если днем я бы прошел через этот городок прямо по главной улице, то сейчас надо было делать крюк в обход. Не очень большой - сам городок-то маленький - но тоже неприятно, когда ноги и так гудят, лишнюю пару миль топать.

Но что делать - надо, значит, надо. И вот сворачиваю я с сохранившейся еще дороги, которая дальше главной улицей становится, и иду вокруг городка, подозрительно посматривая в его сторону. И вдруг оттуда донесся пронзительный женский крик.

Не то чтобы, конечно, я сразу потерял голову и рванул на выручку неизвестной девице, невесть почему забредшей ночью в такое опасное место. В Пустошах можно услышать всякое. Любителей приманивать добычу тут хватает. Некоторые целые фразы произносить умеют. Не понимая ихнего смысла, но очень удобно получается - оно кричит "Помогите, кто-нибудь!", просто повторяя последнюю реплику своей предыдущей жертвы, а на эту реплику прибегает новая. А один умник из той экспедиции - не главный проф, тот больше по живности спец, другой - говорил, что даже и *настоящие* крики жертв Войны услышать можно. Я-то это всегда байками считал, поскольку в призраков не верю, а он объяснил, что никакие это не призраки - просто запись, как на фонографе. Мол, когда тут все горело и плавилось, крики, которые суть вибрация воздуха, отпечатались в структуре стен, которые потом застыли бороздками, повторяющими звуковые волны. А теперь то ли ветер, проходящий по этим бороздкам, то ли вибрация самих стен, когда они остывают по ночам, воспроизводит те самые звуки.

Но, внимательно всмотревшись туда, откуда доносились крики, я различил между развалинами новый оттенок. Не ровный голубоватый свет луны, озарявший все вокруг, а рыжеватые колеблющиеся отсветы факелов. Если бы не луна, я бы наверняка заметил их еще раньше.

И вот тут у меня уже сомнений не осталось. Огонь - это человек. Ни одна пустошная тварь огнем пользоваться не умеет. Я выхватил револьвер и, забыв про усталость, побежал между домами вглубь города.

Крики больше не повторялись - возможно, жертве заткнули рот, а возможно, и хуже, или же она сама решила, что кричать бесполезно, но я надеялся, что еще не поздно. Мне повезло - не пришлось перебираться через груды камней, я наткнулся на улочку, которая вела практически прямо к цели, и я пробежал ее очень быстро. В итоге, правда, она уперлась в сплошной ряд домов, но сквозь пустые проемы окон я уже видел факелы на другой стороне и слышал возбужденные голоса, теперь уже явно не женские. В одном из домов полностью обвалилась задняя стена - та, к которой я подбегал - зато была цела передняя и боковые. Все они были сложены из камня, который не пробьет никакая пуля. "Хорошее укрытие!" - подумал я, вбегая

внутрь. О возможно обитающих тут тварях я уже не думал - если они и были, крики и факелы снаружи уже должны были их спугнуть. Перепрыгнув через какие-то обломки на полу, я подбежал к окну, выходившему на улицу на другой стороне, и, не теряя все же осторожности, с револьвером в руке выглянул из-за его края.

И увидел самое гнусное зрелище, какое только можно представить. Недаром некоторые бэдлэндеры, особенно когда выпьют, любят повторять, что самая мерзкая тварь в Пустошах - это человек.

Целая толпа мужиков - не меньше полутора дюжин - завалила на землю девчонку лет, наверно, восемнадцати и, пока одни светили факелами, другие срывали с нее одежду. Да что там - уже фактически сорвали, так что бедняжка могла уже только прикрываться руками, а они стремились лишить ее и этой последней зашиты, растягивая ее руки и ноги в стороны. Очевидно, сопротивляться ей оставалось не больше нескольких секунд.

Не требовался диплом юриста, чтобы понять, что здесь происходит. И звезда шерифа тоже не требовалась. Даже с обыскиваемой воровкой так не обращаются. Да и любая воровка уже давно бы закричала "стойте, я сама вам все отдам!"

За четверть века своей бэдлэндерской карьеры я убил не так уж мало разных типов. Были среди них убийцы, грабители, даже вот один несостоявшийся некромант. Но для всех этих преступлений - отнюдь не в каждом случае, конечно, но хотя бы иногда - бывают обстоятельства если не оправдывающие, то хотя бы смягчающие. Поэтому, когда возможно, я сначала предлагаю "клиенту" сдаться живым, а стрелять начинаю, только если он не хочет по-хорошему. Так делает далеко не всякий бэдлэндер, потому что награда за живого и мертвого одинакова, а возни с живым, понятно, больше - но вот я делаю. И есть лишь одна категория, которая не может быть оправдана никогда, и за которой я безусловно не признаю права на жизнь - это насильники.

Тут, правда, тоже важно не пороть горячку, а сперва разобраться. Не всякая заплаканная жертва изнасилования является таковой на самом деле. Бывают лживые сучки, которые сами соблазняют мужчин, чтобы потом их шантажировать - особенно если у тех (или у ихних отцов) есть деньги или политические амбиции. Но передо мной был явно не такой случай, так что я сразу начал стрелять.

Без всяких там предварительных "эй, вы, оставьте девушку в покое!" И без предупредительных в воздух. И дело тут было не только в моем отношении к насильникам, но и в соотношении сил. Когда врагов больше, чем у меня патронов в обоих револьверах - и при этом они, конечно, не будут стоять покорными мишенями, а похватают собственные пушки, как только опомнятся - единственный шанс состоит в том, чтобы не дать им опомниться. Ошеломить их стремительным ростом потерь в первые же мгновения, чтобы паника отключила им способность соображать.

Первыми двумя пулями с интервалом в какую-то секунду я продырявил головы двоим, тянувшим девушку за правую ногу и правую руку, соответственно. Это было опасно - я боялся зацепить ее, меткость после забега на скорость совсем не та, что при спокойной стрельбе из засады, да еще отдача подбрасывает ствол после первого выстрела (тут я, впрочем, все рассчитал верно, потому и выбрал вторую цель выше первой). Но у меня все получилось - двое рухнули, разбрызгивая кровь и мозги, двое других, тянувших конечности девушки в другую сторону, тоже испуганно выпустили свою жертву, которая тут же свернулась в клубочек на камнях бывшей улицы, прижимая колени к груди и обхватывая их руками. Бедный ежик, лишенный колючек... ничего, я вместо них! Бах! Третьей пулей я заставил согнуться одного из факелоносцев, уже на безопасном от девушки расстоянии.

- Ты что творишь?! - заорал, оборачиваясь в сторону моего окна, еще один тип с факелом, стоявший в самой середине толпы - длиннолицый, в долгополом сюртуке и высокой шляпе, увеличивавшей его и без того большой рост. - Ты не понимаешь!

Мечущееся пламя факела и тень от полей шляпы мешали мне как следует разглядеть его

лицо, но голос показался знакомым. Однако у меня не было времени вспоминать, где я его слышал.

- Все мы понимаем! - рявкнул я в ответ, нарочно используя множественное число и одновременно отступая в тень в глубине здания. - Рон, Пит, прикройте меня!

Я расставил руки как можно шире и выстрелил одновременно из обоих револьверов. Отдача едва не вывернула мне кисти, шансов попасть в конкретную цель при такой стрельбе не было никаких - я лишь хотел создать у врагов впечатление, что по ним стреляют несколько человек из разных мест. Но они стояли настолько кучно, что послышались вскрики и проклятия сразу двух раненых. Только теперь насильники - за исключением длинного - поспешно, словно обжегшись, побросали факелы, чтобы не быть мишенями. Долго же до них доходило.

- Валим! Их тут целая банда! - истерично завопил кто-то. Во-от, наконец-то правильная реакция. Давайте-давайте, а то у меня патроны кончаются. И желательно не оглядываться.

Кто-то, убегая, толкнул длинного, и тот покачнулся, чуть не выронив факел, но не собирался так просто сдаваться. Переложив факел в левую руку, правой он вытащил из-под полы сюртука длинноствольный револьвер - это был "Хольт Миротворец" 45 калибра первой модели. Сейчас такими уже почти никто не пользуется - он слишком тяжелый и требует большого усилия при взведении курка. Зато, правда, и убойная сила у него впечатляет. В движениях длинного не было естественной для ситуации спешки - он словно не допускал и мысли, что кто-то посмеет стрелять в него. Похоже, он был тут за главного. Но свой музейный экспонат он нацелил не на меня (должно быть, невидимого ему в глубине дома), а на скорчившуюся на мостовой девушку! Я не видел этого, так как, отступив от окна, потерял широкий угол обзора, но догадался по направлению ствола.

"Ах ты гнида!" - подумал я и выстрелил ему в голову. Одновременно оглушительно грохнул и его выстрел. Свой результат я увидел сразу - в голову-то я попал, но слишком низко. Пуля вошла ему в рот, и теперь он давился кровью, пытаясь что-то сказать не то своим драпающим подельникам, не то мне. Факел он бросил, но оружие все еще держал наведенным в ту же сторону. Должно быть, боль от раны мешала ему сосредоточиться, и он тщетно пытался нажать спусковой крючок, не взведя курок. Я подскочил к окну и выстрелил еще раз, с более близкого расстояния, истратив последнюю пулю в правом "хольте". Она сделала свое дело, развороти ему лоб под шляпой. Он рухнул, так и не сделав второго выстрела.

Гибель предводителя стала окончательным сигналом к бегству для его воинства - если, конечно, уместно называть этим благородным словом толпу трусливых насильников. Я на всякий случай еще раз пальнул им вслед, не целясь (и, видимо, ни в кого уже не попав), из левого ствола. Вскоре ихний топот затих вдали.

Первым делом я перезарядил револьверы. Затем выбрался через окно наружу и повернулся к девушке.

Она все еще лежала в той же защитной позе (из всей одежды на ней осталась одна туфелька), но я сразу понял, что она жива и, похоже, не ранена. Длинный промазал с каких-нибудь пяти футов - в свете факела, валявшегося на камнях, отчетливо был виден булыжник, выщербленный его пулей. Очевидно, моя пуля, вошедшая ему в рот, заставила его дернуться как раз в тот момент, когда он жал на спуск.

- Цела? - на всякий случай все же спросил я девушку.

- Д-да, - ее все еще била дрожь, и, возможно, не только от пережитого потрясения.

- Ну тогда вставай, не лежи на холодных камнях! Это днем тут пекло, а сейчас-то совсем нежарко.

- Ээ... может быть, вы отвернетесь? - ее мелодичный голосок прозвучал не жалобно и не испуганно, а, скорее, требовательно и даже с ноткой обиды. Похоже, она быстро приходила в себя.

- Да, конечно. Извини, - смутился я, выполняя ее просьбу. Хотя вообще-то я не люблю

поворачиваться спиной к незнакомцам. Особенно в Пустошах. Я вообще как-то привык, что там не до церемоний, и значение имеет только то, что важно для выживания (хотя мне никогда прежде не доводилось встречать в Пустошах женщин). Ее желание прикрыться от насильников было мне абсолютно понятно, но я-то не насильник! Пришлось сделать над собой усилие, чтобы переключиться из боевого режима в режим добропорядочного джентльмена (коими, впрочем, бэдлэндеров один хрен никто не считает). - Однако, - продолжал я, - даже если я провожу тебя до дома, отворачиваясь всю дорогу, это, как ты понимаешь, не решит проблему. От твоей прежней одежды остались одни клочки, так что выбирай, - я жестом приказчика в лавке обвел поле недавнего боя, где, не подавая признаков жизни, валялись еще четыре тела (раны остальных, очевидно, оказались не критическими). - Размеры великоваты, ну ничего, подвернешь рукава и штанины. Только позволь мне сперва удостовериться, что они и в самом деле мертвы.

Последнее я сказал скорее для проформы - трем я точно разнес башку, лишь один, получивший ранение в грудь или в живот, в принципе еще мог быть жив. Мне было важнее обыскать их на предмет оружия, патронов и прочих ценностей, а также повнимательнее рассмотреть их - эта толпа определенно не походила на бандитов. Запаха алкоголя я тоже вроде не чувствовал. Что же могло подвигнуть их на столь дикое поведение? Что их вообще понесло в Пустоши? И как здесь оказалась она?

У первых двух застреленных мною оказалось по револьверу 36 калибра - не бог весть что для Пустошей. Их я пока что оставил - ни они, ни соответственно патроны к ним были мне не нужны и лишь были бы лишним грузом, к тому же чужой револьвер может стать уликой, если окажется, что эти парни - не простые насильники. Пока я переходил от одного тела к другому, девушка шла за мной; я, понятно, не смотрел в ее сторону и лишь едва слышал, как она ступает в одной туфельке на низком каблуке. Вид трупов ее, очевидно, не смущал - хотя она все же осталась в претензии.

- Она запачкана кровью, - сказала девушка все тем же красивым, но недовольным голоском. - Их одежда.

- Ну извини, - рассердился я. - Убивать взглядом я не умею. Только пулями. А они оставляют вот такие следы. Так что, если только ты не видишь где-то поблизости швейную мастерскую или прачечную, придется тебе примириться с парой пятнышек.

- Вы могли бы дать мне свою куртку, - невозмутимо ответила она.

- Ну знаешь! Во-первых, тогда уже *мне* будет холодно...

- ...а себе возьмите у одного из этих, - безапелляционно продолжила она. - Ну, если вас не смущают пятнышки - логично же?

- А во-вторых, в моей куртке много карманов, а в карманах лежат нужные мне вещи, каждая на своем месте, откуда я могу достать ее, не думая, за долю секунды. И вообще, куртка мне удобна и привычна. А от того, насколько удобно и привычно снаряжение, в Пустошах нередко зависит жизнь. Я, вообще-то, только что, рискуя собой, спас тебя от смерти. А заодно и, как пишут в книжках, от участи хуже, чем смерть. Так что ты могла бы быть поблагодарнее.

- Простите, - теперь она все-таки смутилась. - Конечно же, я вам очень признательна. Даже не знаю, как это выразить! Просто, вы понимаете, мой отец приучил меня...

У меня успела за секунду мелькнуть версия, что она - избалованная дочка какого-нибудь богатея, которую похитили ради выкупа и прятали в Пустошах, а она сумела сбежать, но недалеко - правда, непонятно было, как в эту версию вписывается попытка изнасилования, ведь даже очень разозленные побегом похитители должны были понимать, что за нетронутую девушку можно получить больший выкуп, чем за "порченую". Однако подтвердить или опровергнуть мою догадку она не успела - один из лежавших внезапно застонал. Естественно, тот, кто хотя бы теоретически мог это сделать - третий из подстреленных мной. Я присел над ним. Похоже, он получил пулю в живот - ранение наверняка смертельное, даже находись мы в лазарете, а не в Пустошах. Я наклонился над ним еще ниже:

- Хочешь что-то сказать? Это твой последний шанс.

- Она... от-родь-е... - с трудом выдавил из себя раненый.

- Вы собираетесь выслушивать бред этого варвара? - презрительно осведомилась девушка за моей спиной.

Раненый промычал еще что-то неразборчивое - я различил только слово "сиськи".

- Вот же скотина! - возмутился я. - Подыхаешь с пулей в брюхе через свою похоть, а все о сиськах думаешь!

Тут у меня мелькнула мысль, что, поскольку он пришел в себя, когда стоявшая позади меня девушка, уже считавшая его мертвым, этого не ожидала и, соответственно, не прикрывалась от его взгляда, то он хотя бы частично исполнил свою мечту - увидел ее голой. Что, видимо, и стало для него последней радостью, и пора было радости этого подонка пресечь. Я достал нож.

- Отвернись, - сказал я девушке.

- Зачем? - донеслось из-за моего плеча.

- Я намерен прекратить его страдания.

- Я поняла. Ну и?

- Ты же не любишь кровь, - усмехнулся я.

- Я не люблю кровь на моей одежде. А не на телах моих врагов.

- Ну ладно, - пожал плечами я. - Тогда наслаждайся шоу.

Быстрым и ловким движением я перерезал ему горло, как барану. Затем вытер нож о его одежду, которая уже все равно была самой грязной из всех. Затем я поспешно обыскал труп, но оружия не нашел - моей добычей стали лишь початая фляга и коробок спичек. Очевидно, он полагался на оружие своих товарищей, и вообще, скорее всего, вся эта толпа не собиралась ни далеко углубляться, ни надолго задерживаться в Пустошах и отправилась в путь налегке.

- Я возьму одежду вон того, - сказала девушка, очевидно, указывая на одного из двух, застреленных первыми. - Не смотрите на меня еще немного, пожалуйста. Я быстро.

- Используй столько времени, сколько тебе надо, - рассеянно ответил я, подходя к четвертому - предводителю. Где я все-таки слышал его голос? Я присел рядом и сдернул с него шляпу. Весь центр головы - а это переносица и окрестности - представлял собой проломленную дыру, скалящуюся костяными осколками. Один глаз вывалился и лежал на щеке каплей мутного желе, другой, наоборот, провалился внутрь черепа. Узнать его в таком виде было проблематично даже без кровавой дыры в щеке, из которой торчали выбитые зубы. Сорок четвертый калибр в лицо с близкого расстояния, что вы хотите. Я перевел взгляд на его побелевшие пальцы, все еще сжимавшие "миротворец". И увидел казенный перстень с печатью. Поднеся ближе все еще горевший факел, я различил герб города Холинбрука.

И тут я, наконец, вспомнил и его голос, и его лицо, когда оно еще было целым.

- Это же судья Редвуд!

Джебедая Редвуд, судья и по совместительству глава холинбрукского Комитета Охраны Благочестия. Именно он вел дела по обвинениям в занятии магией. И именно он (либо его заместитель) выплачивал мне и другим бэдлэндерам премии за скальпы пустошных тварей.

Кажется, мой последний трофей останется неоплаченным.

Я никогда не считал судей безгрешными. Взятки среди них берет, по меньшей мере, каждый второй, да и по женской части наверняка небезупречны многие. Но в чем я был совершенно уверен - любые свои грязные делишки судьи обделывают максимально скрытно. А не во главе толпы свидетелей и при официальных регалиях.

Я подавил интуитивное желание повернуться и уставиться на спасенную мною девушку, которая, очевидно, еще не успела одеться, но я ждал, что на вырвавшееся у меня восклицание последует объяснение. И очень надеялся, что ответом на мое благородство не окажется наставленный на меня револьвер 36 калибра.

- Ты его знаешь? - холодно спросила она через несколько секунд.

- Не больше, чем любой бэдлэндер, бывавший в Холинбруке. Он мне не друг, если ты об этом. Но раз уж я, по твоей милости, застрелил холинбрукского судью, да еще, похоже, при исполнении, ты должна хотя бы объяснить мне, какого хрена тут происходило! Что им было от тебя надо?

- А что может быть надо тупым суеверным варварам? - огрызнулась она.

- Насколько я теперь понимаю, - медленно произнес я, - это было не твое тело.

Она еще немного помолчала, затем ответила:

- Оно самое. Прикованное к столбу и горящее.

- Ты что же... - я неуклюже подбирал слова, теперь уже силой удерживая себя от желания не только уставиться на нее, но и схватиться за револьвер, - ээ... имеешь отношение к магии?

- Нет, конечно же! - взорвалась она. - Мой отец ученый! Он изучал свойства металлов! А эти невежественные идиоты обвинили его в колдовстве! Ну и меня заодно...

- А, - сообразил я. - Алхимия? Превращение свинца в золото? Подрыв экономической системы?

- Ну да, типа того. Трансмутация элементов... То есть, - поспешно добавила она, - это то, что они ему приписали! А мы занимались чистой наукой! Ну то есть, в поисках информации отец действительно изучал и алхимические трактаты тоже. Но ведь ни для кого же не секрет, что алхимики сделали немало открытий, никак не связанных с магией! Которые совершенно легально используются сейчас! Фотография та же... Да вообще, по сути, вся современная химия берет начало из их опытов!

- "Мы", - повторил я. - Так это не они тебе приписали? Ты действительно работала вместе с отцом?

- А ты что думаешь - девушки только вышивать могут? Моя мама умерла, когда мне три года было. С тех пор папа один воспитывал. Я, можно сказать, с детства его ассистенткой была. Хотя больше по части расчетов и записей, к непосредственным опытам он меня далеко не ко всем допускал, говорил - опасно...

- А сейчас твой отец... - осторожно начал я.

- Умер, - мрачно ответила она.

- То есть они его...

- Нет. Хотели, но не успели. Сам умер. В 51 год всего. Ну тогда они на мне отыграться решили. Лабораторию нашу разгромили, а я еле успела на лошадь запрыгнуть и ускакать в чем была, что называется...

- В Пустоши? - картина начала складываться.

- Надеялась, хоть тут не достанут. Только сам видишь - не вышло ничего. Пустоши эти ваши проклятые словно и впрямь заколдованные... Сперва лошадь в какую-то нору в земле угодила и ногу сломала, я дальше пешком пошла. А потом оказалось, что и вовсе заблудилась в этих ходах-переходах, у меня ж ни карты, ни компаса... ну и прямиком обратно к Холинбруку и притопала. А эти уж меня тут вовсю искали, то-то были рады-радешеньки...

- Лошадь вороно-чалой масти, в седельной сумке - одеяло в сине-красную клетку? - уточнил я.

- Ты ее видел?

Так вот за чьей лошадью шли гиены, а за ними я! А Арчи, видимо, своего коня лишился еще раньше, не доехав даже до того места, где я высматривал его с края плато. И потопал он, соответственно, по другому ущелью, потому я и следов его не видел. И к "домику" вышел с другой стороны... Говорю же, лошади в Пустошах - плохая идея.

- Видел то, что от нее осталось, - сказал я вслух. - Тебе очень повезло, что она сломала ногу, иначе мы бы сейчас не беседовали.

- Да уж, повезло... - проворчала она, очевидно вспоминая совсем недавние события.

- Уж поверь мне - лучше остаться без одежды, чем без мяса на костях. Кстати - а зачем они тебя раздели-то? Тут-то алхимия при чем?

- Ты что, не знаешь? Метку ведьмы искали.

- Что-то я такое слышал, но всегда считал это глупым суеверием. Ни в каких хрониках не сказано, что у магов были особые отметины на теле, и тем паче - что такие были только у женщин.

- Ага, объясни это в Холинбруке... А у меня родимое пятно на левой груди, необычной формы, на букву Е похожее! Ну и все - для них же это стопроцентное доказательство, других уже не надо! Показывать, надеюсь, не нужно?

- Нет, конечно. Ты, вообще, извини, если тебе показалось, что я на тебя пялился. Просто в Пустошах не до условностей, особенно в критические моменты. Хотел убедиться, что ты цела и невредима, и что сзади никто не подкрадывается.

- Ладно, ладно, поняла. Кстати, можешь уже поворачиваться. Я оделась.

Я повернулся и посмотрел на нее. Она последовала моему совету - подвернула рукава и штанины, и это смотрелось неожиданно мило, сам не знаю почему. Мужской наряд придавал ей сходство с озорным мальчишкой - однако в мальчишеский образ не вписывались ее роскошные вьющиеся волосы (каштанового, насколько я мог судить при таком освещении, цвета), волной ниспадавшие на плечи (и, кстати, полностью прикрывшие пятна крови на плечах замшевой куртки), ее большие глаза и маленький рот с острым подбородком. Казалось бы, слишком большая для нее одежда с чужого плеча никак не могла ей идти, но вот каким-то образом шла. Не нравились мне только ее легкие летние туфельки, хотя теперь на месте были обе - очевидно, она сумела отыскать вторую. В такой обуви по Пустошам не ходят. Удивительно, как она сюда-то в них дошла.

- Нормально выгляжу? - спросила она. - А то зеркала тут нет, сам понимаешь.

- Красавица! - оценил я.

Она неожиданно скривилась, как от кислой ягоды:

- Ой, вот только не надо этой пошлости! Всех этих уси-пуси, киска-конфетка[5]! Терпеть не могу! Я личность, а не куколка!

- Ты же сама спросила, - растерялся я.

- Вовсе не для того, чтобы напрашиваться на дурацкие комплименты! Просто проверить, может там воротник криво задрался или волосы как-нибудь безобразно торчат. Застежка опять-таки на мужскую сторону непривычная, мало ли, что не так. Не хотеть выглядеть неряшливо не значит быть кокеткой. Просто отец приучил меня, что в лаборатории все должно быть аккуратно. Ну и не в лаборатории, соответственно, тоже. А когда он хотел меня похвалить, называл "коллега". Для меня *это* - высший комплимент, а не всякие там красотки-симпапотки.

- Ну, - констатировал я, - коллегой я тебя назвать не могу, потому что из тебя такой же бэдлэндер, как из меня химик. Но как-то называть тебя надо. Зовут-то тебя как?

- Кэролайн.

- Если я скажу, что это красивое имя, опять обидишься?

- Нет, - на сей раз она улыбнулась, - мне самой нравится. Так что не сокращай, пожалуйста. Не люблю, когда мое имя сокращают. Трудно, что ли, три слога произнести?

- Ладно, ладно, - усмехнулся я. - А я Майк. Майк Честер.

Я запоздало подумал, что, возможно, не стоило говорить ей имя и фамилию. Я ведь теперь убийца четырех законопослушных граждан Холинбрука, включая судью. Хрен его знает, насколько остальные успели разглядеть меня в темноте и насколько сумеют описать, но совсем не факт, что тамошнее правосудие сможет установить мою личность. И лучше бы не давать ему никаких даже потенциальных подсказок. Нет, конечно, Кэролайн по доброй воле на меня не

---

[5] В оригинале kitty-sweetie

донесет. Но это по доброй воле...

- Так какие у тебя теперь планы, Кэролайн?

- Добраться до Восточного побережья, - решительно заявила она.

- Однако! Через все Пустоши? Не имея ни опыта, ни снаряжения?

- Ну а куда еще? Туда, где за магию не сжигают, а всего-навсего вешают?

- Холинбрукские обвинения другим графствам не указ. Особенно если они ложные.

- Разумеется, ложные! А ты поди докажи, что в алхимических книгах тебе только научные факты нужны, а не заклинания всякие! Если там одно и другое вперемешку! Повесить, может, и не повесят, а работать нормально все равно не дадут. Нет, надо в восточные княжества ехать. Говорят, там этой идиотской цензуры нет.

- Ни один народ не может быть терпимым к магии, - строго возразил я. - И это правильно.

- Нет, конечно, у них там магия тоже запрещена. Но как-то по-другому этот запрет организован. Более разумно. Типа, не запрещено исследовать, запрещено только применять на практике. Тем паче что у большинства и способностей для этого нет.

- У кого-то все же есть, так что я бы не назвал такой подход разумным, - усмехнулся я. - По мне так лишить самой возможности надежней, чем полагаться на сознательность.

- А самое надежное - вообще не жить, все проблемы разом снимаются, - отрезала Кэролайн. - Видимо, в восточных княжествах как-то сумели найти баланс. Там ведь... все по-другому.

Да, это верно, все по-другому, начиная с людей. В Аркэндэйле и других наших городах и сейчас живут потомки ихних основателей, тот же народ, что и при магах. А на Восточном побережье никого из прежних жителей не осталось, всех просто смыло гигантскими волнами. Это уже после Войны туда приплыли на своих кораблях беженцы из Старого Света и снова заселили эти земли. Если совсем глубоко в историю копать, то мы, вообще-то, тоже потомки пилигримов оттуда, когда почти пятьсот лет назад старосветские маги истребили здешних и открыли континент для заселения. Та война и до сих пор еще считается справедливой, потому что местные коренные всю свою магию строили на человеческих жертвоприношениях - и была она, конечно, далеко не такой страшной, как Последняя. Но за пятьсот лет, точнее, за четыреста с лишним, маги изрядно развили свои способности, и вот чем в итоге кончилось... Ну и, понятно, изменились за столетия не только маги, но и простые люди тоже - и здесь, и в Старом Свете. Мы в большей степени, потому как, почитай, новую жизнь с нуля на новом месте начали, а у них там всякие древние традиции сохранялись. С другой стороны, Старый Свет большой, там много разных стран и народов было, совсем ни на наших общих предков, ни друг на друга не похожих, и они там по-всякому перемешивались, и маги у них тоже разные были - в Последней Войне, и еще в нескольких не таких страшных до этого, они не только с нашими, но и друг с другом воевали. Те беженцы, что в итоге заселили Восточное побережье, тоже ведь не от хорошей жизни через океан отправились. Хотя, конечно, после Последней Войны хорошей жизни нигде не было - но где в этом виноваты были маги и все, что они на мир обрушили, а где уже после них обычные люди постарались, про это разное говорят... Про то, что сейчас в Старом Свете творится, в наших газетах не пишут. Регулярного сообщения с ним нет - слишком опасно. Океан - это же, почитай, те же Пустоши, только твари там бывают такого размера, что могут проглотить корабль целиком. Вот если и в самом деле беспроволочный телеграф сделают, тогда, наверно, больше знать будем. А пока даже про Восточное побережье не очень много знаем, хотя торговые караваны туда ходят. Но вот, например, вся власть там по-другому устроена. Наши земли делятся на графства, каждое со своим главным городом во главе, но это лишь название, сохранившееся со старинных времен. На самом деле никаких графов у нас нет, каждым графством управляет избираемый губернатор. А на Восточном побережье - княжества, причем настоящие, во главе с князьями. Наследственная монархия. И вообще они там всякие титулы

любят - бароны там, виконты и все дела. У нас ополчение[6] - у них регулярные армии. Вообще, у нас все больше на инициативе снизу держится, а они всем сверху рулить норовят. Вроде как парадокс - у них порядки строже должны быть, и по части недопущения магии тоже. А может, и не парадокс. Типа как если под строгим контролем властей, то можно и магические трактаты изучать. У нас-то такой контроль просто обеспечить некому, проще саму возможность исключить. Но в том, что ни один ихний князь не попытается эти трактаты по прежнему назначению применить - а если попытается, то его собственные бароны на куски разорвут - я вполне уверен. Уж больно наглядный урок мы, все человечество - точнее, все, что от него осталось - получили. И не забудем его даже тогда, когда умрет последний свидетель Последней Войны. А если кто забудет - пусть прогуляется в Пустоши. Благо они всегда недалеко.

- Может, и так, - ответил я на реплику Кэролайн. - Только как ты туда добираться собираешься? Ты в Пустоши только на самый краешек сунулась, и то чудом жива осталась, - у меня мелькнула мысль, что в Холинбруке меня бы даже за эту фразу по головке не погладили, там само слово "чудо" под запретом, как и все, что с магией связано. В переносном смысле, не в переносном - неважно: "не поминай Проклятое всуе". - К каравану, что ли, примкнуть надеешься? Так, во-первых, следующего ждать еще месяца три, а во-вторых, они женщин не берут. Да и вообще посторонних стараются не брать, грабителей боятся.

- А ты мне разве не поможешь?

В первый миг я подумал, что она надеется, что я замолвлю за нее словечко перед караванщиками (что было бы, понятно, бесполезно), потом до меня дошло.

- Ты хочешь, чтобы я провел тебя через Пустоши до самого побережья?!

- Ну вас же, бэдлэндеров, нанимают в проводники? Правда, сейчас мне нечем тебе заплатить. Сейчас я даже не могу сказать "все мое - на мне" - даже то, что на мне, и то не мое... но я думаю, что, когда мы доберемся до восточных княжеств, я сумею раздобыть деньги.

- Вообще-то у нас принято брать половину суммы вперед, и "я думаю, что сумею" - не очень хорошая гарантия. Но дело даже не в деньгах. Это очень сложная и опасная экспедиция. Откровенно говоря, я сам никогда и вполовину так далеко не ходил. То есть, как раз-таки вполовину я ходил еще в начале своей карьеры со своим наставником, и позже еще раз с двумя другими бэдлэндерами, а полный путь на восток пару раз проделывал с караванами, но никогда - в одиночку.

- Не в одиночку, - безапелляционно заявила она. - Со мной.

- Как говорите вы, ученые, - осклабился я, - в данном случае это не положительное, а отрицательное слагаемое.

- Потому, что я не мужчина? - агрессивно осведомилась она.

- Я не сомневаюсь в силе твоего духа, но ты слабее физически и не имеешь ни опыта, ни тренировки, ни навыков, необходимых для выживания в Пустошах. Насколько я понимаю, ты даже не умеешь стрелять.

- Я хорошо учусь, - возразила она. - И я здоровая и выносливая. Не считай меня книжным червем, никогда не вылезавшим из лаборатории. Я, вообще-то, люблю гулять - на ходу хорошо думается.

- Это не прогулка, Кэролайн. И я не могу брать на себя такую... - "обузу", хотел сказать я, но все же смягчил формулировку: - ответственность.

- Хорошо, сформулируем по-другому. Ты идешь на Восточное побережье по своим делам, а я тебя сопровождаю. И я даже не возьму за это платы, - ехидно улыбнулась она.

- По каким еще своим делам?

- Ну ты ведь сам сказал - ты убил холинбрукского судью. И еще троих добропорядочных граждан Холинбрука. По их законам добропорядочных, конечно, но тем не менее. Думаешь, они

---

[6] В оригинале militia

так это оставят? По-моему, мы с тобой теперь в одной лодке. В безопасности мы оба будем только по ту сторону Пустошей.

Не то чтобы я не успел уже об этом подумать, но теперь я обдумал ситуацию еще раз. Я надеялся, что холинбрукцы не успели меня разглядеть и не смогут опознать. Но что, если все-таки смогут? Тем паче что я не только маячил там в темноте - я еще и кричал, меня могли узнать по голосу. Если, к примеру, в этой толпе, кроме Редвуда, был и его заместитель, которому я не раз сбывал скальпы. Или трактирщик, у которого я останавливался, когда бывал в этом городе, или кто-то из лавочников, у которых делал покупки. С тамошним продавцом оружейного магазина, к примеру - само собой, большим поклонником мистера Хольта - мы не раз подолгу обсуждали интересующую нас обоих тему. И, поскольку алиби у меня нет... Нет, конечно, Аркэндэйл меня не выдаст. Даже если я не стану отпираться и честно изложу все обстоятельства дела, аркэндэйлские власти встанут на мою сторону, признав, что я имел все основания считать, что спасаю девушку от изнасилования и убийства. И начинать войну между графствами из-за одного бэдлэндера - и даже из-за одного судьи - никто не будет. Но Холинбрук объявит награду за мою голову, причем не поскупится на сумму. И моя карьера бэдлэндера на этом закончится, ибо с этого момента я уже не смогу выйти не то что в Пустоши, а и просто за окраину Аркэндэйла, где меня уже будут поджидать охотники. Если даже я застрелю нескольких из них, это не поможет - награду только увеличат, и найдутся новые желающие, тем паче что ни закон, ни обычай не предписывают им охотиться в одиночку.

Конечно, может быть, меня и не вычислят. Но если вычислят, если телеграф разнесет мое имя и приметы по всем городам - лучше бы мне в этот момент находиться от каждого из них подальше.

Опять же, Кэролайн. Допустим, я упрусь и скажу "нет, я возвращаюсь в Аркэндэйл" - а она, конечно, тоже упрется и идти со мной откажется. И что дальше? Бросить ее в Пустошах, одну, без навыков и припасов, на верную гибель? Стоило тогда во все это ввязываться, чтобы и себя подставить, и ее не спасти! Нет, конечно, так я поступить не могу - но не силой же тащить ее в безопасное место! Точнее - я бы, может, и потащил, даже связал бы, если надо, да только она, похоже, права - безопасных мест по эту сторону Пустошей для нас с ней теперь нет...

И кстати. Я вспомнил еще одно обстоятельство, которое доселе как-то упускал из виду. Не знаю, откуда собиралась взять деньги в восточных княжествах она - а вот я мог их получить точно, и очень приличную сумму. Золотой перстень с розовым бриллиантом в моем кармане. Который, конечно же, никому нельзя продать по эту сторону Пустошей - но только по эту.

Да, это выходило несколько нечестно по отношению к семейству Харлингтонов. Это выходило, прямо скажем, откровенное воровство, до которого старина Майк Честер никогда прежде не опускался - даже когда какой-нибудь вор, за которого назначена награда, предлагал мне поделиться награбленным, если я его отпущу. Но если рассуждать по справедливости, кто больше заслуживал помощи - молодой хлыщ, за свою жизнь не заработавший и пенни собственным трудом, а лишь шикующий на папенькины деньги, которому хватило ума напиться в салуне и сесть играть с шулером - или же умная и отважная (хотя и излишне самоуверенная) девушка, которой теперь грозит не выговор от папаши, а страшная смерть, и которая, быть может, еще и в самом деле двинет вперед науку? Уж если даже обычная учительница младших классов сделала важное открытие...

А сиротские приюты наверняка найдутся и на Восточном побережье.

Но мне нужно было провести последнюю проверку.

- Кэролайн, - сказал я, - дай руку.

Она улыбнулась и с готовностью протянула руку мне, полагая, очевидно, что я хочу скрепить нашу договоренность рукопожатием. Но меня интересовал ее пульс.

- А теперь, - сказал я, взяв ее за запястье и становясь так, чтобы луна освещала ее лицо, - смотри мне в глаза и поклянись, что все, что ты мне рассказала - правда, и что ты ничего от меня

не утаила.

- Ты, кажется, видел уже даже то, что я хотела бы утаить, - снова улыбнулась она.

- Я серьезно. Клянешься ли ты, что не имеешь отношения к магии, никогда ей не занималась и никогда, ни при каких обстоятельствах, заниматься впредь не станешь?

- Разумеется, - легко ответила она; ее пульс не участился, и глаза не дернулись, уходя от моего взгляда. - Клянусь чем хочешь. Меня интересует только наука, а не вся эта магическая дрянь, которая, между прочим, здорово тормозила развитие человечества еще и до Последней Войны.

- Хорошо, - вздохнул с облегчением я, все еще продолжая держать ее руку. - Тогда правило первое: ты беспрекословно выполняешь все, что я велю. Знаешь, есть такая поговорка - если я говорю: "Прыгай!", ты спрашиваешь только: "Как высоко?" Так вот - забудь ее, она неправильная. Если я говорю: "Прыгай!", ты не тратишь время на вопросы, а прыгаешь так высоко, как можешь. Если надо будет прыгнуть на меньшую высоту - я скажу это сразу. А если я говорю, например, "Падай!" - ты падаешь, где стоишь. Даже если там будет грязная лужа, куча дерьма или разлагающаяся дохлятина. Иногда именно мерзкий запах спасает жизнь. А если я говорю: "Ешь!" - ты ешь что дают. Каким бы противным оно тебе ни казалось.

- Ладно, ладно, я поняла, - перебила она. - Можешь переходить ко второму правилу.

- Правило номер два - ты ничего не делаешь по своей инициативе, не поставив в известность меня и не получив мое согласие.

- По нужде тоже отпрашиваться? - усмехнулась она.

- Тоже, - серьезно кивнул я. - Ты не представляешь, сколько человек погибли в Пустошах только потому, что решили незаметно отойти за кустик или камушек. Или подтереться мягким на вид листочком. Кстати, запомни - это безопаснее всего делать небольшим камнем, только сперва убедись, что на нем ничего не растет, и что у него нет ног или клешней... Нет, ну, конечно, каждый раз спрашивать разрешения не надо. Для стоянок я буду выбирать места, где безопасно. Но вот если тебе приспичит между стоянками - тогда да. Я уже сказал - в Пустошах не до церемоний.

- Третье правило будет?

- Третье правило - на проводника надейся, а сам не плошай. Не полагайся на то, что я уже обо всем позаботился, я тоже небезупречен и могу что-то пропустить или не заметить. Держи глаза нараспашку, ушки на макушке и нос по ветру, буквально. Заметишь что-то необычное - сразу говори. Я понимаю, что с точки зрения человека, в Пустошах не бывавшего, там необычно почти все. Поэтому буду стараться давать тебе пояснения по ходу, что опасно, что нет. Но, в общем, в критической ситуации ты просто делаешь, что скажу, отложив все вопросы на потом. А вот в некритической - не стесняйся спрашивать. Ты все поняла?

- Конечно, - легко кивнула она.

- Падай! - рявкнул я, выпуская ее руку.

Она замешкалась на долю секунды, но в следующий миг послушно рухнула на мостовую и распростерлась, вжимаясь в булыжники и почти уткнувшись носом в лужу крови, натекшую из пробитого черепа одного из ее обидчиков - того самого, с чьего трупа она уже сняла одежду.

- Хорошо, - одобрил я. - Надеюсь, в следующий раз ты сделаешь это быстрее, но для первого раза годится. Можешь подниматься. Если ты и в самом деле усвоила, насколько серьезно все, что я тебе сказал, то, может, и станешь первой в истории женщиной, пересекшей Пустоши. Но до этого надо еще дожить. Нам обоим.

Кэролайн начала подниматься и вдруг испуганно вскрикнула, указывая куда-то мне за спину: "Что это?!" Я быстро обернулся, уже с револьвером в руке.

Застреленный и зарезанный мною тип, тот самый, что говорил про сиськи (впрочем, теперь я понимал, что он имел в виду), снова задвигался. Он был, вне всякого сомнения, мертв, однако теперь он медленно полз на руках прочь от нас, в темноту, в сторону домов на

противоположной стороне улицы.

- А, это, - я спокойно опустил ствол. - Это одна из причин, по которой не стоит ночевать в таких вот городах. Одни называют их пустошными сколопендрами, другие - пустошными раками. Длиной примерно с предплечье, членистое тело, куча ног и острых клешней. Этими самыми клешнями они сейчас и тянут по очереди его за рукава в развалины. Как дотянут, быстренько разделают и сожрут без помех со стороны других падальщиков.

- Я их не вижу, - возразила Кэролайн. Она уже поднялась на ноги и всматривалась в движущийся труп, благоразумно не пытаясь, однако, к нему приблизиться.

- Не мудрено, - ответил я. - Их даже днем тяжело разглядеть. У них потрясающая мимикрия, как говорите вы, ученые. Но от бодрствующих живых они стараются держаться подальше. А вот тот, кто приляжет поспать в таком домике, рискует проснуться с одними костями вместо конечностей. Я своими глазами видел парня, который после такого выбрался из Пустошей живым. У него на левой руке ниже локтя осталось лишь пара дюймов плоти. А ниже прямо из мяса торчали две кости до самого запястья. От кисти, понятно, не уцелело вообще ничего, все эти мелкие косточки рассыпались...

- Проклятье, - пробормотала Кэролайн, и ее аж передернуло. - Я ведь как раз собиралась поспать до утра в одном из этих домов, который показался мне наименее разрушенным. Если бы эти типы с факелами не отыскали меня там - по следам в пыли, видимо...

- Что ж, выходит, они спасли тебе жизнь или, как минимум, красоту, - кивнул я. - Сами того не желая, понятно, но важен результат. Однако нам все же не стоит и дальше тут задерживаться. Те, что убежали, наверняка будут драпать до самого Холинбрука, а там в оправдание своего бегства расскажут, что на них напала огромная банда. Так что, если за нами и рискнут отправить погоню, то не раньше утра, а скорее - ближе к полудню, после того, как соберут достаточно крупный отряд. Однако сюда могут пожаловать другие твари, привлеченные запахом крови и трупов. Покрупнее сколопендр.

- Да, - охотно согласилась Кэролайн, зябким жестом обхватывая себя за плечи. - Идем отсюда.

- Сперва возьми ихние фляги и эти пушки, они теперь твои, - я указал ей носком сапога на все еще лежавшие на камнях "хольты" 36 калибра. - И обуйся, конечно.

- Так я уже! - удивилась она и покрутила ногой в найденной туфельке.

- Это не обувь, - презрительно поморщился я. - Здесь она не протянет и пары дней, если ты раньше не проткнешь подошву ядовитым шипом. Бери ихние ботинки, какие больше нравятся.

- Но они все мне слишком велики!

- Ничего, как-нибудь доковыляешь до ближайшего места, где я смогу это исправить.

- Исправить? Ты что - сапожник?

- Вопрос - что делает бэдлэндер, если посреди Пустошей, за десятки и сотни миль от цивилизации, у него выходит из строя обувь? Ответ - он ее чинит. Иначе-то никак, босиком по Пустошам не походишь. Острые камни, ядовитые колючки, скорпионы и всякое такое - и даже там, где просто мягкий песок, днем он раскален. Так что да, любой бэдлэндер - немного сапожник, и сапожная игла и дратва у меня с собой, не говоря про нож, ну а в качестве молотка и рукоятка револьвера годится, если стучать аккуратно. Стильный вид не обещаю, но на ноге нормально сидеть будет.

Кэролайн стащила ботинки с уже раздетого ею трупа, брезгливо поморщилась от запаха, а затем вдруг натянула их прямо поверх туфель. Ну что ж, тоже вариант, так у нее меньше риск стереть ноги, пока у меня не будет времени применить свои сапожные навыки. Я хотел посоветовать ей взять еще и шляпу, чтобы днем не напекло голову, но, взглянув на головные уборы убитых, отказался от этой мысли. Дело было даже не в том, что три из четырех шляп были забрызганы кровью, а то и мозгами ихних владельцев, а в том, что это были не

бэдлэндерские, а пижонские городские шляпы по холинбрукской моде, слишком высокие и не имеющие ремешка под подбородком. В первой же передряге такая свалится, и ее унесет ветер. Ну ладно, с такими густыми и роскошными волосами, как у Кэролайн, можно обойтись и без шляпы. Затем мы окончательно собрали свои небогатые трофеи и зашагали на восток, туда, где чернела во мраке громада плато. При этом я старался идти так, чтобы по возможности огибать участки с мягкой пылью, где остаются четкие следы, а там, где это было невозможно, петлять и запутывать след (некоторые такие места мы прошли задом наперед, а кое-какие - по нескольку раз, чтобы создавать впечатление большой группы). При этом моя боевая ажитация уже прошла, и я снова остро чувствовал, как нуждаюсь в отдыхе после предыдущего дня - но тут уж делать было нечего, приходилось шагать, зная, что впереди ждет еще и подъем на плато. Да и, честно говоря, продемонстрировать свою усталость перед девчонкой было как-то неловко, особенно после всех моих слов, какой я сильный и тренированный, в отличие от. Она-то шагала бодро и не жалуясь, несмотря на неудобство обуви - как видно, успела все же немного отдохнуть в развалинах прежде, чем ее нашли. Ну и возраст, опять-таки... как ни неприятно это признавать, в 43 выносливость уже не та, что в 18.

Впрочем, и Кэролайн, похоже, накрыл отходняк после случившегося - она начала было болтать и расспрашивать меня о моей жизни. Но я сказал ей, что ночью в Пустошах надо не говорить, а слушать - если, конечно, не хочешь сообщить что-то важное. Правда, есть и такие места, где, наоборот, надо шуметь и топать, чтобы распугать всякую ядовитую мелочь (а иногда и тварей покрупнее), но это не на открытой местности. Едва я закончил это внушение, как откуда-то издали донесся невыносимо тоскливый не то вой, не то плач, заунывно и протяжно повторявший с невообразимой для живого существа монотонностью одно и то же "у-у, у-у, у-у..." Даже мне, признаюсь, сделалось жутковато, хотя я слышал это не в первый раз, а Кэролайн и вовсе застыла, как вкопанная.

- Ч-то это? - спросила она, и голос ее звучал не как у ученого, а как у самой обычной испуганной девчонки.

- Не знаю, - пожал плечами я. - Идем. Оно не там, куда мы направляемся.

- Я думала, ты тут все знаешь, - усмехнулась она; похоже, к ней уже вернулась ее самоуверенность.

- Этого не только я - этого никто не знает, - пояснил я. - Никто никогда не видел, что издает эти звуки - по крайней мере, никто, кто смог потом об этом рассказать. Ну то есть, байки-то, конечно, ходят - про белесую фигуру высокой женщины в длинных развевающихся лохмотьях, у которой огромный, всегда разинутый рот, а вместо глаз - тоже рты с зубами, поменьше. И всеми этими ртами она якобы и воет. Или, в другом варианте - про безголовую, которая носит за волосы свою плачущую голову. Но это все выдумки, понятное дело, поскольку они в каждой версии разные. А выяснять, что там взаправду, лично я желания не имею. Достаточно того, что оно всегда где-то в стороне и само к тебе не приближается. Хотя вот ученые из экспедиции, которую я водил в Пустоши, очень хотели посмотреть. Аргумент "оно вас не трогает, и вы его не трогайте" до них вообще не доходил. Ну тогда, говорю, вы хотя бы цепочкой растянитесь, чтобы если вас сожрут, то хоть не всех сразу - а я с себя ответственность снимаю и пойду самым последним. Ну и пошли, ихний главный профессор бесстрашно впереди с большим фонарем. Единственный разумный совет, которому он внял - фонарь не в руке нести, а на длинной палке впереди себя... - я замолчал, прислушиваясь - даже не к самому вою, а к возможным другим звукам, не подбирается ли к нам кто под его прикрытием.

- И что? - поторопила Кэролайн.

- И ничего, - продолжил я, не услышав ничего подозрительного. - Идем, а звуки вроде и не приближаются, и не удаляются. А потом совсем стихли. Профессор, правда, не успокоился, еще пару миль нас в том же направлении гнал, и под каждый камень фонарем светил. Но так и не нашел ни следов, ничего. Он потом высказал идею, что звук, наверно, из-под земли шел. И

что, возможно, издает его вовсе не живое существо.

- Неживое? - повторила Кэролайн.

- В том смысле, что это вообще не существо, а какое-то явление природы. Типа как ил в болоте оседает.

- А тут есть болота?

- В этих местах нет. И в тех тоже не было.

- Тогда что же это может быть?

- Говорю же - никто не знает. Может, и правда какие-то подземные газы в каких-то пещерах - что там под землей-то, никому не ведомо. А может, и нет. Воет оно, во всяком случае, только в лунные ночи. Но в безголовых призраков я не верю. Все сверхъестественное кончилось, когда последние маги умерли. Теперь в Пустошах осталось только то, что хоть и порождено магией, а сумело приспособиться существовать без нее. Но лезть из любопытства туда, где ты не понимаешь, что происходит, все равно не стоит. Реальные рты с зубами могут быть похуже призрачных. Или болота те же - засосет вместе со всеми приборами. Болота в Пустошах, кстати, не везде большие и издали заметные. Бывают всякие шахты, с магических времен оставшиеся - ну, может, не совсем шахты, в смысле, не руду там добывали, а кто их ведает, магов, для чего они эти подземелья рыли - но это неважно, а важно, что теперь они до самого верха зыбучим песком заполнены. Левее, правее от такого места пройдешь и ничего не заметишь, там твердая почва или камень. А прямо ступишь - и все, с концами, если вытащить некому. Большинство таких шахт, правда, на картах обозначены. Но не все. В Пустошах вообще нельзя на 100% картам доверять. Потому что время от времени тут что-нибудь меняется.

Жуткие звуки, наконец, смолкли, и еще часа через полтора мы без новых приключений добрались до плато в том месте, которое я выбрал для подъема. По правде говоря, это место мне не очень нравилось, учитывая обстоятельства - уж больно хорошо оно известно в бэдлэндерской среде. Кто-то вбил там скальные крючья еще до моего первого выхода в Пустоши. Если бы я охотился на беглеца, рванувшего со стороны Холинбрука и при этом имеющего бэдлэндерский опыт, я бы первым делом заподозрил, что он двинется именно этим путем. Но выбирать особо не приходилось - в ущельях мы были бы в ловушке, путь вокруг также позволял легко догнать нас со свежими силами (или и вовсе загодя перерезать нам путь, если к погоне подключатся извещенные телеграфом охотники из других городов), так что мы должны были подняться на плато, и желательно - еще до начала погони. А Кэролайн вряд ли сумела бы влезть по стене там, где нет крючьев, тем более - в слишком больших ботинках (это там-то, где нужно цепляться носками за каждый узенький уступ!), да и я, прямо скажем, был к этому времени не в лучшей форме для такого восхождения. Так что приходилось полагаться на то, что если преследователи и двинут за нами тем же путем, то либо они сделают это слишком поздно и уже не сумеют определить, куда мы двинулись дальше, либо их ждет неприятный сюрприз. Ну в самом деле - неприятно же падать с высоты в несколько сотен футов, получив пулю сверху.

Полная луна за то время, что мы шли, уже склонилась к западному горизонту и теперь хорошо освещала иззубренную гранитную стену, по которой нам предстояло вскарабкаться. Оно и неплохо - куда лучше, чем карабкаться в темноте, отыскивая точки опоры ощупью - но я представил себе, как этот свет обозначит на этой стене и нас самих. А когда луна зайдет, уже взойдет солнце. Полнолуние - неудобное время для тех, кто прячется. Оставалось надеяться, что в этот час смотреть в эту сторону в бинокль или подзорную трубу было все еще некому.

- Надеюсь, ты не боишься высоты? - спросил я Кэролайн, когда мы подошли к подножью плато.

- Не знаю, - ответила она. - Никогда не поднималась выше чердака над третьим этажом. А ты что же, хочешь сказать, что мы полезем... туда? - она задрала голову, явно без восторга окидывая взглядом уходящие ввысь уступы.

- Это почти то же самое, что на чердак. - заверил я ее. - Там вбиты крючья до самого

верха, уступы - ступени, а крючья - перила, просто перебираешь их, и всё. Но страховка не помешает, - я достал из своего рюкзака веревку, сделал петлю ей под мышками и надежно завязал узел. - Сам привязываться не буду, - продолжал я. - Если ты сорвешься, сдернешь вниз нас обоих. Так что делаем так: я беру конец веревки и поднимаюсь, пока хватает длины, ты спокойно ждешь. Я привязываю веревку к очередному крюку, ты поднимаешься до него, я жду. Я отвязываю веревку, и все повторяется, пока не окажемся наверху.

Откровенно говоря, так, с поочередными передышками, было легче подниматься и мне. Но в целом восхождение действительно не было запредельно сложным даже для того, кто проделывал такое впервые - все-таки недаром крючья вбили именно здесь, в наиболее удобном для подъема на много миль вокруг месте. Кэролайн даже повеселела и, когда мы были уже недалеко от верхнего края, поведала мне, что высоты она, как выяснилось, не боится, и что это, вообще-то, похоже на то, как она в детстве лазила с соседскими мальчишками на деревья за яблоками и грушами. Те деревья были, конечно, намного ниже (и даже ниже чердака), но принцип - хватайся рукой, ищи опору для ноги, выпрямляйся - похож...

Ну да, подумал я, неудивительно, что девочка, рано оставшаяся без матери, не получила традиционного воспитания, состоящего из длинного списка "юная леди не должна..." и оставляющего из всех радостей детства только право чинно беседовать с куклами, разливая им воображаемый чай, как это делает матушка, когда к ней приходят миссис А., миссис У. и миссис З. Я в бытность мальчишкой - также выросшим без матери, а от отца получившим почти неограниченную свободу - всегда с презрительным сочувствием относился к этим несчастным созданиям, в любую погоду затянутым в платья по самое горло и не смеющим разуться даже для того, чтобы перейти через ручей. Их даже дразнить было неинтересно, все равно что тыкать прутиком снулую рыбу... Вот только любопытно, были ли те мальчишки, друзья детства Кэролайн - ныне уже, понятно, взрослые - в числе ее преследователей? А может, именно кто-то из них и донес про родимое пятно, которые видел еще в том возрасте, когда мальчики и девочки (во всяком случае, не обремененные чрезмерной материнской опекой) не стыдятся купаться вместе в какой-нибудь лесной речке? Может, это и был как раз тот, кому я перерезал горло?

От этих размышлений меня оторвал резкий испуганный вскрик Кэролайн. Я услышал также снизу шорох мелких сыплющихся камней, и в тот же миг веревка, завязанная узлом в проушине крюка рядом со мной, рывком натянулась. Это-то ладно - для таких случаев я и предусмотрел страховку - но этот рывок выдернул из скалы и сам крюк более чем наполовину! Очевидно, сказались годы, прошедшие с того момента, как кто-то вбил сюда этот крюк. Я, конечно, проверял на прочность каждый из крюков, прежде чем привязать к нему веревку, но я все же дергал не настолько сильно, как делает это сорвавшийся человек. Даже стройная девушка - не пушинка, вместе с одеждой, ботинками, револьверами и флягами фунтов 120 она точно весила, а скорее и больше. И я понял, что оставшаяся часть крюка этот вес тоже не удержит.

- Держись! - отчаянно крикнул я, пытаясь задержать крюк, но прежде, чем я успел его коснуться, его вырвало окончательно.

Честно скажу - у меня еще был миг, чтобы перехватить падающий крюк в воздухе, моя рука даже рефлекторно дернулась, чтобы сделать это - но я остановил ее. Потому что я почти наверняка не сумел бы удержать нас двоих на одной руке, вцепившейся в выступ скалы. Да - мои ноги все еще упирались в узкий каменный карниз, но меня бы перекувырнуло через него, как курок при ударе по капсюлю. Оставалось лишь надеяться, что Кэролайн успела за что-нибудь уцепиться. Если же нет, то - попытайся я спасти ее, это, скорее всего, погубило бы нас обоих.

Скорее всего. Кто может подсчитать вероятность, когда время на решение - доли секунды? Я принял то решение, которое принял.

Снизу донесся звук удара, лязгнул о камень крюк (хвала Судьбе, о камень, а не о голову Кэролайн) - но больше ничего, ни криков, ни шума падения бьющегося о скалы тела.

- Кэролайн! - крикнул я. - Ты цела?

- Да! - тут же отозвалась она. - Тут широкий выступ, я на нем стою!

Я понял, о каком выступе она говорит - сам недавно пролезал там. Выходит, она упала с минимальной высоты, наверно, не больше двух ярдов.

- А веревка на тебе?

- Куда она денется.

- Тогда попробуй закинуть ее наверх, я привяжу ее к другому крюку... впрочем, нет, не стоит. Не делай резких движений, пока ты стоишь там без страховки. Я сам спущусь к тебе... - я поднял голову и посмотрел наверх. До края плато оставались считаные ярды. - Только сначала слажу наверх и оставлю там все вещи, а заодно проверю оставшиеся крюки. А потом налегке спущусь и помогу тебе подняться. А ты пока привяжись к ближайшему крюку, до которого можешь дотянуться, и жди меня!

Отдав эти распоряжения, я полез наверх. Больше ни один крюк не подвел, и несколько минут спустя я, наконец, вскарабкался на край плато. Сбросив с плеч рюкзак, а затем и куртку со всеми ее объемистыми карманами, я плюхнулся на камень. Нашарив флягу, сделал несколько жадных глотков. Мышцы моих ног уже не просто ныли, а вопили в голос. Мне категорически необходим был отдых не в стоячем положении, прежде чем снова лезть вниз, а затем наверх. Я понимал, что не могу позволить себе прилечь, поскольку сразу же засну, но просто посидеть, вытянув ноги, хотя бы несколько минут...

Я не заснул, конечно же. Но, должно быть, на краткое время впал в некое подобие транса, глядя в черноту (на востоке, за моей спиной, небо уже начинало светлеть - в начале июля светает рано - но на западе все еще царила ночь), где с редкими (как всегда в полнолуние), но более-менее равномерно раскиданными белыми точками звезд вверху контрастировали собранные в несколько более густых скоплений желтые огоньки далеких городов внизу. Ближайший из них, конечно же, Холинбрук. И - не слишком ли много там огней для столь раннего часа? Посмотреть, что ли, в бинокль? Хотя с такого расстояния даже и он не даст ясной картины...

Преодолев вызванную усталостью апатию, я все же достал бинокль и принялся шарить им из стороны в сторону, пытаясь поймать холинбрукские огни в объективы - всегда непростая задача в темноте без ориентиров. Но, едва мне это все же удалось, как на фоне далекого города выросло нечто мутное, похожее на гигантскую копну, и явно более близкое. Резко опустив бинокль, я увидел, что это поднявшаяся над краем обрыва голова Кэролайн. Затем показались руки, которыми девушка вцепилась в край плато.

Я тут же подскочил и ухватил ее за руки, помогая окончательно вылезти наверх. На шее у нее, связанные шнурками, висели ботинки. Я перевел взгляд на ее ступни - они были босые, даже без туфелек. Веревка была обмотана вокруг ее пояса; от крюка она, очевидно, избавилась, чтобы не мешался.

- Ты заметила что-то внизу? - обеспокоенно спросил я, отступая вместе с ней от края обрыва. - Погоня?

- А? Нет, - похоже, эта мысль даже не приходила ей в голову.

Я выпустил ее руки и отступил еще на шаг.

- В таком случае, - произнес я самым строгим тоном, на какой был способен, едва держась на ногах, - какое наше Правило Номер Один?

- Делать все, что ты скажешь, - вздохнула она.

- А что я сказал?

- Ждать тебя.

- А Правило Номер Два?

- Не проявлять инициативу без твоего согласия.

- Ну и?

Я ожидал от нее поведения в стиле "лучшая защита - нападение", что-нибудь вроде "я тебе не рабыня, я тебя наняла!", или там "мой отец приучил меня...", но она вдруг смущенно

потупилась.

- Прости, - сказала она. - Просто тебя долго не было, и... я испугалась, что ты решил бросить меня тут.

- Что за вздор! - возмутился я, а про себя подумал: но ведь я и правда фактически бросил ее. Не стал ловить, когда она сорвалась. Хотя, конечно же, я поступил правильно, она бы либо спаслась сама (как в итоге и вышло), либо утащила бы в бездну и меня. И вообще, только моральных терзаний мне и не хватало! Никогда в жизни я их не испытывал, даже когда застрелил того недонекроманта. - И сколько меня не было? - спросил я вслух. Часы в одном из карманов у меня были, но время я не засекал.

- Судя по смещению луны - примерно три четверти часа.

Я посмотрел на заметно посветлевшее небо на востоке - до рассвета оставалось всего ничего - и понял, что она права.

- М-да, - пробормотал я, - хотел отдохнуть пару минут... Ты понимаешь, я уже почти сутки без сна, и почти все время на ногах... - выходило, что теперь уже я оправдываюсь, и я сменил интонацию: - Но все равно, не надо было никуда лезть! Достаточно было просто позвать меня!

- Ты сам сказал - ночью в Пустошах надо слушать, а не говорить, - возразила она. - И уж тем более не кричать. Я подумала - вдруг тут сверху бродит какая-то тварь... а я тихонько выгляну и посмотрю...

И все-таки она и впрямь хорошая ученица.

- Нет, - ответил я, окончательно смягчаясь, - ночью плато практически не опасно. Не в смысле "плато вообще", а вот конкретно это, близкое к цивилизованным землям. Раньше тут водились довольно неприятные твари, но мы, бэдлэндеры, их всех перебили. А заодно и тех, кем они обычно питались, тоже. Так что теперь охотиться тут некому и не на кого. Иногда, правда, из ущелий наверх забираются гигантские пауки, но это бывает только в безлунные ночи. В любом случае - если бы здесь что и водилось, тем более не следовало сюда лезть в одиночку, без страховки, после того, как ты один раз уже сорвалась.

- А если бы тебе была нужна помощь?

- Так ты решила, что я тебя бросил, или спешила мне помочь? - усмехнулся я.

- Хороший ученый рассматривает все гипотезы, - пожала плечами она.

- И чем бы ты мне помогла? Ты ведь даже стрелять не умеешь... пока еще.

У нее и на это нашелся ответ:

- Если бы осталась внизу - точно не помогла бы ничем. А сорвалась я из-за этих дурацких ботинок, говорила ведь, что они мне велики! Как их сняла, сразу стало проще. Уж если надо за что-то цепляться, то лучше двадцатью пальцами, а не десятью[7]. В детстве на деревьях босиком тоже было удобнее.

- У деревьев кора мягкая, а тут... ты хоть не поранилась?

- Нет... не знаю... немного.

Рассматривать ее ступни в лунном свете не имело смысла, но было очевидно, что серьезных травм Кэролайн не получила - она не хромала, и кровавых следов за ней не оставалось. Видимо, несколько царапин и не более чем.

Я снова подошел к краю обрыва, чтобы все-таки посмотреть на Холинбрук в бинокль. Пятна его огней были нечеткими; я покрутил резкость, но лучше не становилось. Переведя объективы на луну, висевшую уже низко над горизонтом, но с высоты плато все еще видимую вполне отчетливо, я понял, что внизу поднимался туман. Что ж - это отличная новость, и чем дольше с утра он продержится, тем лучше. В туман в Пустоши не сунется даже самый отмороженный идиот за какую бы то ни было награду. В тумане в Пустошах первое правило -

[7] В оригинале fingers and toes are better than just fingers

поднимись туда, где он не достанет (мы это уже сделали), а если такой возможности нет - уповай на милость Судьбы, потому что больше тебе уповать уже не на что.

И это, кстати, была еще одна причина, по которой нам стоило взобраться на плато до утра - хотя я не мог заранее знать, что утром будет туман. Он бывает не так часто и при этом совершенно непредсказуем. Как выражался один из умников все в той же экспедиции - "даже спустя полвека после Войны погода в Пустошах носит характер стохастических аномалий". Ему, кстати, очень хотелось взять пробы воздуха из этого самого тумана, но за все время экспедиции туман так и не случился. Повезло дураку, хоть он и умник.

- Ладно, - сказал я Кэролайн, - похоже, теперь мы можем с чистой совестью отсыпаться, - я достал из рюкзака и расстелил одеяло. Заворачиваться в него смысла не было - скоро уже поднимется солнце и будет припекать, так что я ограничился лишь тем, что набросил сверху снятую куртку (спать прямо в ней, учитывая ее набитые карманы, не очень удобно - разве что только на спине). Рюкзак я пристроил в качестве подушки. Кэролайн все еще стояла с ботинками на шее.

- А ты чего ждешь? - я похлопал по мягкому одеялу, достаточно широкому для нас обоих. - А, да. Насчет туалета. Главное - не вздумай делать это с края обрыва, рискуя сорваться. Просто отойди влево или вправо на пару дюжин ярдов, здесь это безопасно. Спрятаться на плато негде, но и смотреть на тебя тут некому.

- Разберусь, - пробурчала Кэролайн и добавила, явно пытаясь перевести смущение в насмешку: - За эту ночь я и так потеряла слишком много воды.

- Ну тогда ложись, - я снова указал на одеяло рядом с собой.

- Ээ... Майк... я не сомневаюсь, что ты джентльмен, но полагаю, это все же не очень удобно.

- Ну если тебе удобнее отлеживать бока на голых камнях, дело твое, - ответил я и заснул.

Проснулся я от того, что что-то щекотало мне щеку. Открыв глаза, я увидел над собой послеполуденное солнце, нежарко светившее сквозь дымку, а повернув голову - Кэролайн, которая безмятежно спала, уютно пристроившись на моем плече. Я осторожно отвел ее волосы от своего лица, но она проснулась и тут же отпрянула.

- Спокойно, - усмехнулся я. - Это всего лишь Майк Честер, а не пустошная тварь. Я, конечно, небрит, но все же, полагаю, не настолько страшен.

Бэдлэндеры, кстати, бреются только после возвращения из Пустошей. Тратить на это воду и мыло, пока ты внутри, неразумно. Хотя некоторые под это и иное обоснование подводят - мол, щетина, которая отросла в Пустошах, как бы делает тебя для них своим, а если ее сбреешь - снова станешь чужаком. По-моему, полная чушь. Как будто пустошные твари своих не жрут за милую душу.

- Ну что, - продолжал я, - на одеяле все-таки удобнее?

- Я... должно быть, вертелась во сне с боку на бок, и сама не заметила, как... - смущенно пробормотала Кэролайн. - Не подумай, что я...

- Да все нормально, - заверил ее я. - Я же сказал - здесь не до условностей. Какой бы там смысл ни вкладывали в слова "спать вместе" в цивилизованных землях - меня, кстати, бесит это лицемерие, то, что они имеют в виду, меньше всего похоже на сон - но здесь эти слова надо понимать буквально. В Пустошах путники, независимо от пола, спят вместе, потому что так теплее и безопаснее. Мне, если хочешь знать, доводилось спать в обнимку с убийцами, которых я поймал и вел на суд. Им-то я, правда, себя обнимать не давал, потому как задушили бы. Так что у них руки оставались за спиной связаны. Но сам обнимал, без шуток. Потому что иначе замерзнешь, особенно зимой. Топливо для костра тут далеко не везде найти можно, особенно чтобы на всю ночь хватило.

Про убийц я ей правду сказал, а вот про "независимо от пола" несколько слукавил - как я уже упоминал, женщин мне через Пустоши водить прежде не доводилось, ни по доброй воле, ни

по принуждению. Однако с чего бы им быть исключением из общего правила, направленного на выживание?

- Ну ладно, - продолжил я, - сейчас давай, утренние дела, мальчики налево, девочки направо. Потом перекусим. Еды и воды у нас мало, но кое-что пока есть.

- А... здесь как-то умыться можно? - спросила Кэролайн.

- Можно, - заверил ее я. - Как только дождь пойдет, так сразу. Но руки вымыть есть чем, - я порылся в рюкзаке и достал жестяной флакон с обтрепанной коричневой этикеткой. - Вот - "Патентованное жидкое мыло Фасмера". Запах у него так себе, и не дай Судьба попадет в глаза, но руки от любой дряни отмыть можно - хоть ты в навозе ковыряйся, хоть в недельной падали. Мы, бэдлэндеры, народ хоть и не брезгливый, мыться-стираться тут особо негде, но к тому, чтобы в рот какую пакость не затащить, серьезно относимся. Чтоб посреди Пустошей поноса не было. Знаешь, что в поносе самое худшее? Не боль в животе и не грязные трусы.

- Ты умеешь найти тему для разговора с девушкой, - пробормотала Кэролайн.

- Ты же ученый, - поддел я ее.

- В области физики и неорганической химии. А не... - она брезгливо скривилась.

- Так вот я тебе про физику и говорю. В поносе самое худшее - это повышенный расход воды. Которая в Пустошах - самый критичный дефицит. Без чистых трусов выжить можно, а вот без воды нет.

Мы разошлись "по утренним делам", и я, подойдя к краю плато, сделал то, от чего предостерегал Кэролайн - помочился с обрыва. Все-таки мужику это намного проще, чем женщине. Заодно я, разумеется, посмотрел, что там делается внизу. Там все еще стелился туман - сверху, озаренные солнечным светом, его белые волны казались даже красивыми. Судьба в этот день определенно была на нашей стороне, давая нам время не только для отдыха, но и для других важных дел.

К этим делам мы приступили после того, как позавтракали - или пообедали, как считать - имевшимися у меня галетами и копченой колбасой (обычный рацион бэдлэндеров, которого, однако, в расчете на двух человек у меня оставалось еще максимум дня на три).

- А теперь, - объявил я, - настала пора показать, насколько хорошо ты учишься. Давай сюда свои револьверы.

После еды мы все еще сидели на одеяле, и я положил между нами презентованные ей трофейные "хольты", добавив рядом свой.

- Начнем с теории, как и полагается у вас в науке, - обстоятельно продолжал я. - Первонаперво запомни: револьверы не творят чудес. Всяческие байки про бэдлэндеров очень их романтизируют, но на самом деле любой револьвер сильно уступает винтовке и по дальности, и по меткости. Зато он позволяет выстрелить шесть раз подряд, и при этом его намного удобнее таскать с собой. Можно сказать, что винтовка - это лучшее оружие для охотника, а револьвер - для того, на кого охотятся. Хотя мы, бэдлэндеры, используем его в обоих качествах, - я взял один из ее револьверов в руки, откинул барабан, высыпал патроны в ладонь, затем переложил их в карман. - Запомни, кстати - никогда не клади патроны на землю. Во-первых, на них может налипнуть грязь, во-вторых, они могут куда-нибудь укатиться, или ты можешь не успеть их собрать, если вдруг придется быстро передислоцироваться. Клади в карман, но только в чистый, где нет каких-нибудь крошек... Так вот, это револьвер "Хольт Молния" 36 калибра двойного действия. Ты будешь стрелять из него, но прежде я расскажу тебе про револьверы одинарного действия, которые были созданы первыми и имеют более простое устройство - такие, как мой "Хольт Дракон" 44 калибра, - я отложил "молнию" и поднял свое оружие, держа его параллельно груди, так, что ствол смотрел в пустое пространство слева от нас. - Кстати, не исключено, что из него тебе тоже придется стрелять, защищая свою, а может быть, и мою жизнь, так что смотри и слушай внимательно. Как ты могла заметить, его я не разряжал, и вот я нажимаю на спуск, и... - я заметил, как Кэролайн непроизвольно втянула голову в плечи, приготовившись к грохоту

выстрела, - ...что происходит? Правильно - ничего. А почему? Потому что курок не взведен. Он взводится большим пальцем, вот так, и одновременно происходит что?

- Повернулся барабан, - заметила Кэролайн.

- Совершенно верно. Вот теперь револьвер готов к стрельбе, и, если нажать на спусковой крючок, он выстрелит - но мы этого делать не будем, патроны надо экономить, поэтому я просто спущу курок с боевого взвода, - я вернул курок в нижнее положение[8] и продолжал: - Однако знаешь, в каком состоянии будет "дракон" после выстрела? Точно в таком же, как сейчас - то есть курок снова спущен, и для нового выстрела его снова нужно взвести большим пальцем. И так перед каждым выстрелом.

- По-моему, это довольно неудобно, - изрекла Кэролайн недовольным тоном. - Я думала, оно само...

- Не ты одна такого мнения, - кивнул я, - поэтому позже мистер Хольт разработал револьверы двойного действия, - я положил "дракон" и снова поднял "молнию". - Одинарное действие состоит в том, что нажатие на спусковой крючок просто спускает курок. Двойное - сначала взводит, а потом спускает. Вот так, - я плавно нажал на спуск разряженного револьвера, продемонстрировав моей ученице, как при этом сначала курок отходит назад вместе с поворотом барабана, а потом - срывается и бьет по ударнику. - Теперь для нового выстрела нужно лишь снова нажать на спусковой крючок, и так сколько угодно раз - не забывая, понятное дело, перезаряжать барабан.

- Вот такая система мне нравится больше, - удовлетворенно кивнула Кэролайн.

- Теперь контрольный вопрос: ты думаешь, я дурак?

- Что?

- Ты думаешь, я дурак, раз продолжаю использовать револьверы одинарного действия, когда есть такие замечательные модели двойного?

- Ну, - она задумалась, - у твоего калибр больше.

- Дело не только в этом. Есть и, к примеру, модель "Хольт Фронтир" двойного действия 44 калибра. Но, во-первых, как я уже сказал, мои устроены проще, а значит - надежнее. Что особенно важно в условиях Пустошей. Но дело и не только в этом. На, "постреляй", пока что без патронов, - я протянул ей "молнию". - Кстати, запомни - никогда не наставляй оружие на человека, в которого не собираешься стрелять, даже если уверена, что оно не выстрелит.

- Да я и не думала наставлять его на тебя!

- Просто запомни, это должно быть не на уровне разума, а на уровне рефлекса. Скажем, кто-то тебя окликнул, а у тебя в руке ствол. Так вот сначала опусти ствол и только потом оборачивайся. А теперь, - ее револьвер был направлен в безопасную сторону, - давай, понажимай на спуск.

Кэролайн послушно сделала это несколько раз подряд. Барабан крутился, курок щелкал.

- Понравилось ощущение? Палец легко идет?

- Ну... вообще-то туговато... но я привыкну!

- А теперь сюрприз! - я снова забрал у нее "молнию". - Великий фокусник Майк Честер одним движением превращает револьвер двойного действия в... револьвер одинарного действия! Та-дам! - я взвел курок большим пальцем и отдал оружие ей. - Теперь нажми на спуск.

Курок щелкнул.

- Ну как? Почувствовала разницу?

- Легче. Намного. Только чуть нажала, и уже бац!

- Во-от. Как ты понимаешь, чудес не бывает, уже 53 года как. Усилие на то, чтобы взвести курок и повернуть барабан, придется потратить в любом случае. Выбор между револьверами одинарного и двойного действия - это выбор, будет ли это усилие на большом пальце или на

---

[8] Верхним положением курка считается взведенное, нижним - спущенное.

указательном. Тебе может показаться, что делать все одним указательным пальцем проще. Но именно от него зависит меткость стрельбы. Чем короче его ход и меньше напряжение, тем она выше.

- Да, но... - Кэролайн чуть задумалась, - если из револьвера двойного действия можно стрелять и как из одинарного, почему тогда ты все равно хранишь верность своим "драконам"? Только из-за большей надежности?

- Не только, хотя и это очень важно. Просто, видишь ли, когда нечто нужно делать очень быстро и всегда правильно, оно должно быть отточено до полного автоматизма. А для этого нужно, чтобы оно всегда делалось по одним и тем же правилам. Чтобы не думать, надо взводить курок или нет, и чтобы ощущение пальца на спусковом крючке всегда было одним и тем же, привычным и естественным. Да - стрельба по методу двойного действия позволяет обеспечить бóльшую скорострельность, и иногда это важнее меткости - если враг уже совсем рядом и прет на тебя, или если врагов целая куча. Но в таких случаях я стреляю сразу из двух револьверов. Стрельба с двух рук - это отдельное искусство, тебе я его осваивать не предлагаю, научись попадать в цель хотя бы из одного ствола, а второй носи как запасной. И новичкам действительно проще с двойным действием. Но идею ты поняла, и в случае чего будешь знать, как обращаться и с "драконом". Вопросы?

- Нет, сэр! - весело отчеканила она. По тому, как блестели ее глаза, я понял, что ей не терпится применить теорию на практике.

- Ну тогда... - я вновь достал из кармана патроны и с привычной быстротой зарядил барабан. - Да, кстати, вот еще что важно - в Пустошах всегда держи свои револьверы полностью заряженными. Как только появилась возможность - дополни барабан до полного, даже если там не хватает только одного патрона. Некоторые используют картонные картриджи под размер барабана, позволяющие вставить сразу 6 патронов одним движением...

- Вот такие? - перебила Кэролайн и показала мне круглую картонку с вставленными в отверстия патронами. - В кармане рубашки нашла.

- Ага, именно. Но я так не делаю, потому что так удобно заряжать только пустой барабан. А он в норме пустым быть не должен, или должен, но редко - только после шести выстрелов без передышки. А теперь пойдем поищем подходящую мишень.

Я убрал одеяло в рюкзак и поднялся на ноги, окидывая взглядом каменную равнину вокруг. Трудно поверить, что каких-нибудь 60 лет назад никакого плато не было, это была земля, лежавшая вровень с Аркэндэйлом, Холинбруком и другими городами к западу отсюда, здесь стояли фермы, колосились поля и зеленели сады. Потом чудовищная сила магических заклятий расколола и вздыбила земную кору, вода ушла, плодородная почва превратилась в песок, который сдуло ветром, и на месте когда-то цветущего края остался один лишь голый камень... И это еще только периферия Пустошей. Здесь крупных городов не было, сюда не гвоздили специально - так, краешком задело. Страшная штука магия, да. Не дай Судьба. Никогда снова.

Я приметил в отдалении довольно крупный камень, размером примерно с человеческую голову, и указал на него Кэролайн: "Вот это будет наша мишень." Мы направились туда. Вблизи камень еще больше, чем издали, походил на голову - на нем были две впадины, словно глазницы (впрочем, не слишком симметричные), а под ними выступ, напоминавший свороченный на сторону нос. Может быть, когда-то это и впрямь была чья-то голова, не обязательно даже человеческая. Но теперь это был просто серый ноздреватый камень.

- Я бы представила, что это голова Редвуда, - хищно произнесла Кэролайн, - если бы он не был уже мертв.

- У него еще остался заместитель, - усмехнулся я. - Но, вообще-то, это неправильный подход. К мишени надо относиться именно как к мишени - без эмоций. Вообще, от ненависти может быть польза, она придает силы и помогает преодолеть страх. Хотя и страх тоже бывает полезен - когда нужно бежать, забыв про усталость и боль. Но вот стрелку́ любые сильные

чувства только помеха. Даже когда от твоей меткости зависит твоя жизнь - а в Пустошах обычно так и бывает, иначе незачем тратить патроны - стрелять надо спокойно и хладнокровно, как будто на мушке у тебя пустая жестянка или такой вот камень. Только тогда твой выстрел и будет самым метким.

Я повернулся спиной к камню и рванул бегом с места, отсчитывая вслух: "Раз, два, три, четыре, пять, шесть!" Остановившись, я повернулся к Кэролайн, глядевшей мне вслед с некоторым недоумением.

- Если ты начнешь стрелять, когда враг от тебя на таком расстоянии, - пояснил я, - то успеешь выстрелить шесть раз прежде, чем он подбежит вплотную. И лучше, конечно, попасть в него с первого выстрела, а не с шестого. Поскольку не всякую тварь успокаивает первая же пуля, а кроме того, тварей может быть несколько. Кроме того, многие из них бегают куда быстрее человека, поэтому увеличим это расстояние еще вдвое, - я сделал еще одну пробежку. - Вот теперь иди сюда, это будет наш огневой рубеж. Не беги! Спокойно иди. От тебя сейчас требуется полное спокойствие.

Когда она подошла и встала рядом, я продолжил:

- Револьвер, как ты уже могла заметить, довольно тяжелый, особенно когда держишь его на вытянутой руке, поэтому можешь делать это обеими руками. Правой держишь за рукоятку, левой помогаешь ей снизу, как дополнительный упор. Вот так. Держать револьвер надо крепко, но не стискивая руку, иначе она начнет дрожать. При выстреле отдача толкнет ствол вверх, ты должна быть к этому готова и по возможности противостоять, иначе пуля уйдет выше цели. Держишь? Вот примерно так это будет, - я коротко ударил по стволу снизу. - Полностью погасить это не получится, но надо минимизировать. Давай еще раз, - я снова ударил. - Лучше. Но не стремись при выстреле дернуть рукой вниз, так вообще никуда не попадешь. Лучше целиться чуть-чуть ниже, особенно если собираешься сделать несколько выстрелов подряд, но не переборщи. При стрельбе с винтовочных дистанций надо, наоборот, брать чуть выше, поскольку пуля летит не по прямой под действием земного притяжения...

- Да это понятно! - перебила Кэролайн.

- Да, да. Твоя любимая физика. Но на револьверных дистанциях это неактуально. Как целиться, знаешь? Смотришь правым глазом - профессионалы, кстати, при этом не зажмуривают левый, но ты можешь зажмурить, если тебе так проще - и совмещаешь прорезь на целике, вот эту, с мушкой в единую линию, которая должна проходить под центром цели. Слишком долго с этим не возись, рука устанет и начнет дрожать. Если не уверена, что попадешь - опусти оружие и дай руке отдохнуть, потом прицелишься снова. Понятно, когда на это есть время. Вот сейчас оно есть, так что опусти пока ствол, ты уже слишком долго его держишь. Вообще, никогда не стреляй на авось, не трать патроны попусту. В частности - никогда не стреляй по тем, кто от тебя убегает. Нам, бэдлэндерам, приходится это делать, но тебе, в отличие от нас, за это не платят. Стреляй только по тем, кто бежит к тебе. Отдохнула? Теперь снова прицелишься, задержишь дыхание и пла-авно нажмешь на спуск. Некоторые рекомендуют еще делать это в промежутке между ударами сердца, но это актуально только, когда сердце колотится так, что ты это чувствуешь. А в спокойном состоянии человек своего пульса не ощущает и может этим не заморачиваться. Давай, как будешь готова, - я поднес к глазам бинокль и навел его на мишень.

С первого выстрела она, конечно, промазала - фонтанчик пыли взметнулся правее и дальше "головы". Второй выстрел - промах в другую сторону, но уже меньший. Третьим она выщербила край мишени, а четвертый всадила точно между "глаз"! Прямо как я Редвуду... Пятый тоже попал в камень, но дальше от центра, и я хотел на этом закончить, но Кэролайн, желая повторить идеальный четвертый результат, выстрелила снова - и на этот раз промахнулась.

- Ты устала, - сказал я ей, видя, как она сердито надула губки. - Ничего страшного, три из шести - это очень хороший результат для человека, впервые взявшего револьвер в руки.

- А можно еще? - произнесла она тоном маленькой девочки, выпрашивающей у матери пирожное. - Я немного отдохну и...

- Нет, - твердо возразил я. - У нас слишком мало патронов, особенно для твоего оружия. Те парни не озаботились взять с собой достаточный боезапас. Так что следующая стрельба будет уже только по реальным целям. Как по мне, ты к этому готова.

Последняя фраза явно приподняла ее настроение, но я не дал ей почить на лаврах:

- А что нужно сделать теперь?

- Перезарядить! - воскликнула она с готовностью, вновь доставая из кармана картонный картридж.

- Правильно. Но не только. Как гласит бэдлэндерская поговорка, любишь стрелять - люби и револьвер чистить. В идеале разбирать, чистить и смазывать оружие надо после каждой стрельбы, ну или по крайней мере - в конце каждого дня, когда ты из него стреляла. Но мы конца дня ждать не будем, ты сделаешь это прямо сейчас. Я покажу, как, и дам тебе ружейное масло и принадлежности.

Я думал, что эта новость ее не очень обрадует, но она лишь понимающе кивнула:

- Как пробирки в лаборатории, которые надо мыть после каждого опыта.

- Именно. Ствол револьвера, по сути, и есть такая пробирка.

- ... в которой протекает химическая реакция горения пороха, - закончила она.

- Умница! - искренне похвалил я.

- Я же говорила, что я хорошая ученица, - довольно улыбнулась она. - Кстати, и ты неплохой учитель. Очень понятно все объясняешь.

Обменявшись этими комплиментами, мы занялись чисткой и смазкой оружия. Вскоре с этим было покончено. В качестве награды я вручил ей кисловатый леденец - они помогают (конечно, лишь на какое-то время) обманывать жажду.

- Итак, - сказал я, глядя на Кэролайн, которая сидела с довольным видом на теплом гладком камне, скрестив босые ноги, - в Пустошах нельзя выжить без трех вещей: воды, оружия и хорошей обуви. Угадай, что у нас на очереди.

Я снял мерку с ее ступней, заодно осмотрев их на предмет последствий недавнего карабканья по острым камням. Как я и предполагал, ничего серьезного - несколько мелких царапин, уже затянувшихся, и два частично сорванных ноготка - в уголках запеклось немного крови, и по привычке я тщательно счистил ее, хотя никакой опасности она не представляла, равно как и намного более крупные кровавые пятна на куртке Кэролайн, оставшиеся от ее предыдущего владельца, которые мне, увы, оттереть было нечем. Вся эта кровь была засохшей, и, соответственно, безвредной, хотя в этом районе Пустошей даже и свежая не привлекла бы никого страшнее падальщиков. А вот дальше на восток встречаются твари куда похуже, которые при этом запах даже капельки свежей человеческой крови чуют за несколько миль. Так что любая рана там становится двойной проблемой. Причем страшнее всего не самые крупные из таких кроволюбов, а как раз наоборот. Однажды я потерял из-за них бандита, которого ранил в руку в перестрелке, но надеялся доставить шерифу живым. Однако они учуяли его кровь прежде, чем я успел обработать рану, и слетелись на добычу. Стрелять было бесполезно - что могут сделать револьверы против роя насекомых? Оставалось лишь добить его (я уже говорил про кодекс чести - не бросать живых людей тварям, даже бандитов) и уносить ноги самому. Когда я позже вернулся, чтобы забрать хотя бы указательный палец, - нашел только чисто объеденный скелет. Впрочем, награду мне все равно выплатили - в качестве доказательства я предъявил его позолоченный револьвер, ибо все знали, что Билл Койот скорее сдохнет, чем расстанется с этой цацкой.

Итак, я занялся ботинками Кэролайн - выдернул гвоздики, которыми крепились металлические набойки в передней части, аккуратно отделил ножом подметки, обрезал их под нужный размер и так далее. Кэролайн, которой наскучило сидеть и ждать на одном месте,

бродила где-то неподалеку; я, понятно, велел ей не отходить далеко, но в целом за нее не беспокоился, зная, что опасностей поблизости нет. И вдруг, когда я уже заканчивал работу и пришивал вторую подметку, она окликнула меня обеспокоенным тоном.

Я быстро обернулся и на миг испугался, нигде не увидев ее - словно она сорвалась в пропасть. Но уже в следующий миг я понял, что она лежит на краю обрыва и смотрит вниз.

- Что там? - спросил я, тут же откладывая ботинок.

- Всадники.

Я быстро подошел к ней, пригибаясь на ходу, а у самого края, как и она, растянулся на граните, чтобы меня не заметили снизу. Туман полностью развеялся (вероятно, еще во время наших стрелковых упражнений), и со стороны Холинбрука в нашу сторону, оставляя за собой длинный шлейф пыли, двигался конный отряд. Наведя бинокль, я насчитал по меньшей мере четыре дюжины лошадей. Это уже не частные охотники - это ополчение. А уж если подняли его, то этот отряд мог оказаться еще и не единственным.

М-да. Похоже, за нас взялись серьезно. Ну а что я, собственно, хотел? Сбежавшая ведьма, убитый глава Комитета Охраны Благочестия, который как раз борьбой с ведьмами и занимался, еще убитые и раненые - и, главное, некая большая и страшная банда, которая все это провернула. Может, даже какая-то тайная организация, мечтающая возродить магию и ищущая в Пустошах артефакты для этой цели. Я хотел напугать холинбрукцев? У меня получилось.

- Это ведь не караванщики? - спросила Кэролайн.

- Нет. Сейчас совсем не время, караванная дорога начинается намного южнее, а главное - у них нет ни одной повозки.

- Значит, это за нами?

- Они мне не докладывали. Но лучше исходить из худшего.

До этого момента я еще рассматривал идею оставить Кэролайн на плато дней на пять-шесть (на это время воды бы ей хоть и впритык, но хватило, особенно если все время спокойно сидеть на одном месте), конечно - не возле хорошо известного подъема, а в более укромном месте подальше, а самому тем временем смотаться в Аркэндэйл (если не в сам город, то хотя бы на границу графства), разузнать обстановку и вернуться с припасами, куда более подходящими для похода через все Пустоши. Понятно, что воду и пищу в любом случае пришлось бы добывать по пути, но хотя бы патроны... Однако теперь, похоже, об этом варианте можно было забыть. Прежде, чем я доберусь до границы Пустошей, ее перекроют холинбрукские конные патрули - перекроют с этой стороны, не вторгаясь на территорию других графств и не вступая в конфликт с ними. И даже если меня лично все еще не разыскивают (что совсем не факт) и не посмеют задержать (что тоже не факт даже без формально предъявленного обвинения) - нельзя оставлять здесь Кэролайн. Нам придется уходить с теми скудными припасами, которые у нас есть.

Я обычно беру на выход в Пустоши 120 патронов, по 10 барабанов на ствол. (Ну, не физических барабанов, понятно, это мера измерения такая - 1 барабан = 6 патронов.) Два сразу в револьверах, еще по 4 в карманах слева и справа, плюс еще 10 в рюкзаке. Хотя за всю мою бэдлэндерскую жизнь максимальный расход за выход был 58 патронов - это, кстати, была та самая погоня за некромантом, притом, что на него самого я только один патрон потратил. Все остальные на тварей ушли - до сих пор не понимаю, как он сам-то в такое кишащее ими место живым добраться умудрился, может, тут и впрямь без магии не обошлось, хотя скорее все-таки - хорошая подготовка плюс везение... Но у меня правило по части запасов - бери свой максимальный расход, округляй в большую сторону и умножай на два, если сможешь унести. Так что 120 - это очень щедро, да. И даже 108, которые у меня от них остались, тоже. Но это щедро для обычной миссии, которая больше двух-трех недель не длится. А не для похода через весь континент. Выходит меньше (и заметно меньше), чем по одному на день - притом, что надо и защищаться, и охотиться... Правда, когда я ходил с караванами, у меня расход как раз был

минимальный, но это нельзя сравнивать. Там основную еду везли с собой, и там-то я был далеко не один.

Здесь я, правда, тоже не один, но это опять-таки нельзя сравнивать. У Кэролайн патронов под ее 36-й и вовсе кот наплакал. После нашей тренировки оставалось всего 24 штуки. И при этом у нее никакого опыта. Так что основная надежда все же на мои "драконы". Может, все-таки стоило взять с собой и громоздкий "миротворец", но там было всего 5 патронов, те, что оставались в барабане - Редвуд не удосужился прихватить вообще никакой запас.

Воды у нас на двоих остается примерно три кварты... м-да. Впрочем, может быть, пойдет дождь. То есть рано или поздно он точно пойдет, весь вопрос - когда...

- Что нам теперь делать? - спросила Кэролайн. Она явно старалась бодриться, но я чувствовал в ее голосе испуг.

- Для начала я доделаю твой ботинок, - сказал я как можно более спокойным и уверенным тоном. - Время еще есть. Даже на лошадях они доскачут сюда не раньше чем через час. Это будет уже половина седьмого вечера. Пока наверх залезут, уже смеркаться начнет - не лучшее время для поисков, особенно вооруженной и притаившейся в засаде дичи. Но, скорее всего, они наверх лезть и не собираются, понимая, с какой легкостью мы их в этом случае перестреляем, особенно если они верят, что нас тут целая банда. Нет, раз уж они на лошадях сюда рванули, то собираются использовать ихнее преимущество в скорости - проехать понизу вокруг и встретить нас там, где мы попытаемся спуститься. Либо просто догнать нас, если мы тоже пошли низом. Хотя в этом случае они скорее надеются найти наши останки.

- Почему останки?

- Потому что с утра был туман.

- Он тут такой опасный?

- Не он сам, хотя от него тоже в горле першит, а то, что в нем обитает.

Я отполз назад, пока край плато не скрыл всадников от меня (а меня, соответственно - от любых подзорных труб с ихней стороны), встал и пошел к тому месту, где оставил свою сапожную работу. Кэролайн пошла следом.

- И что это? - спросила она.

- Никто никогда не видел, - ответил я, берясь за ботинок.

- А кто видел, уже не расскажет, - протянула Кэролайн замогильным голосом.

- Ты совершенно напрасно иронизируешь. В отличие от ночной плакальщицы, это точно не выход подземных газов.

- Как раз очень может быть, - возразила она; очевидно, в ней, несмотря на все грозящие нам опасности, вновь проснулся ученый. - Сам говоришь - его химический состав отличается от обычного тумана.

- Ну, может, и так, - не стал спорить я. - Только тогда он выходит вместе с теми, кто обитает под землей. А потом они уходят обратно вместе с ним. Никаких следов от них не остается - ну в смысле обычных следов, отпечатков лап там, когтей или хотя бы щупалец. Только останки тех, кто им попался... в разных состояниях. А увидеть в тумане нельзя ничего - видимость вообще ноль, даже пальцев собственной руки уже не видно. Слышно, правда, хорошо. Даже очень.

- Ты так говоришь, словно сам там побывал, - проницательно заметила она.

- Было дело, - нехотя признал я. - Однажды попал вместе с бандитом, которого взял живым и вел в Лоурингвуд. Туман застал нас на равнине, где было некуда подняться. Но, как видишь, мне повезло. А ему нет. Хотя он был от меня в паре ярдов.

- И что с ним стало? - поторопила Кэролайн, видя, что я замолчал.

- Я, как уже сказал, ничего не видел. Слышал только его крики - жуткие, но недолгие. Потом... такие влажные, липкие звуки. Тоже недолго совсем. Потом тишина. А когда туман рассеялся, мне сперва показалось, что он лежит на боку, наполовину зарывшись в песок. Но это

просто была половина его тела. Левая, от макушки до пятки. Словно его распилили сверху вниз циркулярной пилой, как на лесопилке. Крови, кстати, при этом пролилось на удивление мало. А от правой половины не осталось вообще ничего. Но не всегда бывает именно так. Бывает - находят голову и ноги, а между ними пусто. А бывает, что и целый труп, но обескровленный. А бывает, что и вовсе ничего не находят. Так что мне, можно сказать, дважды повезло - не только сам уцелел, но и награду свою получил. Хотя отчитываться левым пальцем пришлось. Бюрократ-шериф тогдашний, правда, это углядел и сперва не хотел мне платить - а ну как, мол, ты с бандюганом договорился, и он тебе палец пожертвовал, чтобы ты его отпустил и розыск его прекратили? Правый-то указательный ни один бандит по доброй воле не отдаст, чем он тогда стрелять будет, потому и правило такое... Ну а я в ответ на него ору - платите как положено, или я ваш Лоурингвуд на все графства ославлю, ни один бэдлэндер для вас больше работать не будет! Блефовал, конечно - я тогда еще молодой парнишка был, репутации в бэдлэндерской среде особо не было, совсем не факт, что меня бы слушать стали. Но прокатило.

На самом деле, то, что я тогда выжил - это было не совсем везение. Там было сухое дерево, на которое я влез - скорее даже, просто большая коряга, так что поднялся я всего-то на шесть футов, и туман все равно накрыл меня с головой. Но все-таки я был наверху, а моего пленника оставил внизу. Связанным. Хотя он и молил, и проклинал меня, чтоб я его развязал. Но я этого не сделал. Не только потому, что на дереве было место только для одного. Не только потому, что, получи он свободу, он бы наверняка напал на меня или попытался бы, пользуясь туманом, сбежать. Но и в надежде на то, что если *оно* сожрет его, то меня уже не тронет. И по той же причине в тот раз я не стал следовать кодексу чести - не пристрелил его, хотя у меня оставались патроны. Потому что *оно* жрет только живых, трупы не трогает, проверено. Я нимало об этом не жалею, и никогда не жалел. Этот тип был убийцей, и в Лоурингвуде его почти наверняка ждала виселица. Но Кэролайн я все же не стал рассказывать эти подробности.

- Так, может, они, не найдя нас внизу ни живыми, ни мертвыми, решат, что нас забрал туман, и угомонятся? - с надеждой предположила Кэролайн, но прежде, чем я успел возразить, сообразила сама: - Нет, тогда бы они не стали посылать такую толпу. Они ведь и оттуда видели, что туман был - если полагаться на него, и ехать-то никуда не надо...

- Именно, - кивнул я. - Тем паче что, как ты уже знаешь, когда в туман попадают сразу несколько человек, нередко гибнут не все. И к тому же, - эта мысль только что пришла мне в голову, - они ведь считают тебя ведьмой. А значит, могут думать, что ты способна... договориться с туманом, может, даже специально напустить его...

- Жаль, что это не так, - усмехнулась Кэролайн.

- Не говори такого даже в шутку, - помрачнел я.

- Да я-то прекрасно понимаю, какое зло магия! - раздраженно ответила она. - И не только из-за Войны. Она враждебна науке и фундаментально порочна в самой своей основе. Наука демократична, а магия обеспечивает абсолютную власть меньшинства над неспособным противостоять большинством. Большинством, среди которого есть люди куда более умные, но родившиеся без магических способностей! Наука несет знание и новые возможности для всех - вдумайся в сам смысл слова "открытие"! - а магия основана на знании тайном, максимально скрываемом не только от широкой публики, но даже от коллег... можно сказать, что авторитет ученого тем выше, чем больше он открыл, а мага - чем больше он утаил. Но когда бороться с магией начинают такие вот скудоумные упертые фанатики, то это лекарство хуже болезни!

- Упертые, да, - кивнул я. - Они не успокоятся, пока не получат твердые доказательства нашей смерти. Уж раз они решили пожертвовать таким числом лошадей...

- Пожертвовать?

- Лошадь в Пустошах - плохая идея, как ты уже могла сама убедиться, - я перечислил ей причины и добавил: - Если им не удастся поймать нас быстро - а им не удастся - они заедут на лошадях так далеко, как смогут, а потом просто бросят их умирать от жажды, голода и тварей и

будут охотиться за нами пешком.

- А как же караванщики? - спросила Кэролайн. - Они-то едут через все Пустоши.

- Это другое дело. Караванщики, во-первых, едут только там, где могут пройти лошади, а это намного более длинный путь. До восточных княжеств отсюда по прямой примерно тысяча двести миль, а ихняя дорога занимает больше двух тысяч - и это считая не отсюда, а от ее начала на юге, у Шмуртерсфорда, до которого отряды из прочих графств добираются по отдельности. Для Лоурингвуда она, таким образом, на шестьсот с гаком миль длиннее выходит, хотя это, конечно, по цивилизованным землям, а не по Пустошам - но все равно для тяжелых повозок лишний месяц пути в каждую сторону, по крайней мере, до чугунных дорог так было, и они на это идут, потому что другим маршрутом на лошадях через Пустоши не проедешь. Во-вторых, караванщики не едут верхом, ихние кони - мерины-тяжеловозы, запряженные в груженые повозки. Такой не понесет, даже если попытается. При этом одни кони везут товар, другие - воду и фураж для них и для себя тоже. Верховой отряд так не может. не хватит грузоподъемности, а обременять себя обозом - значит, потерять преимущество в скорости и мобильности, единственное, которое всадник в Пустошах хотя бы теоретически имеет над пешим.

- Тысяча двести миль? - повторила Кэролайн, явно не особо обрадованная этим числом.

- А ты не знала, куда собралась? - усмехнулся я.

- Ну... я знала, что это далеко, но как-то не интересовалась точными цифрами. География - не моя область.

- Теперь твоя.

- Да уж... И сколько займет наше путешествие?

- Тысяча двести - это по прямой, - напомнил я. - Хотя без лошадей мы действительно сможем двигаться почти по прямой, но это в смысле отклонений влево-вправо. А в смысле вверх-вниз нам еще предстоит изрядно полазить. Самая сверхоптимистичная оценка - четыре месяца, из расчета 10 миль в день, но так, конечно, не получится. В иные дни мы и милю на восток едва преодолеем. Так что в лучшем случае мы доберемся до западной границы твоих княжеств к концу ноября...

- Ноября? - перебила Кэролайн. - Но это же будет слишком холодно... для нашей одежды.

- Что-нибудь придумаем, - пожал плечами я. - Возможно, сделаем накидки из шкур пустошных тварей.

- Ты шутишь? - я не видел ее лица, все еще занятый ботинком, но, судя по тону, она уставилась на меня, округлив глаза.

- Ничуть. Проблема только в том, что у большинства из них очень плохо с шерстью. Однако проблемы будем решать по мере их поступления. Ты учти, что подробных карт этого маршрута у меня нет, да и, наверно, ни у кого на свете их нет. Они есть для западных районов Пустошей и для караванного пути. Причем последние я только видел, а с собой не ношу - ну да мы туда и не пойдем. Ну а все остальное... как называется у вас в науке, когда по тому, что знают, судят о том, чего не знают?

- Экстраполяция?

- Угу. Экстраполяции на основе довоенных карт, которые сама можешь прикинуть, насколько теперь верны, и рассказов немногочисленных путешественников сомнительной достоверности. В принципе пройти таким путем можно, и были люди, которые это проделывали, еще до того, как был проложен караванный маршрут. Собственно, они-то и открыли тот факт, что на Восточном побережье вообще есть, с кем торговать, а уже потом начали искать путь, по которому могут пройти караваны с товарами. Но я, как уже сказал, настолько далеко не ходил.

- Когда-нибудь, - мечтательно произнесла Кэролайн, - мы проложим через Пустоши чугунную дорогу.

- Хотел бы я посмотреть на машиниста, который согласится вести такой поезд, - усмехнулся я. - Впрочем, по-любому не получится. Паровой машине воды надо еще больше, чем

любой лошади[9].

- Но не обязательно пригодной для питья, - возразила Кэролайн.

- Верно, - согласился я. - Только твои чугуннодорожники замучаются вычищать накипь из своих котлов и клапанов.

- Можно везти воду с собой в цистерне, как это делают караванщики. Да и вообще, сконструировать машину таким образом, чтобы отработанный пар не выбрасывался в воздух, а конденсировался обратно в воду.

- Может, и можно, - не стал спорить я. - Но в любом случае радуйся, что пока что никакой чугунки на восток нет. Иначе твои друзья уже ждали бы нас на каждой станции.

- Да, - Кэролайн вспомнила о более насущных проблемах. - Так что мы будем с ними делать?

Я усмехнулся такой постановке вопроса, словно это мы были охотниками, а они - дичью.

- Для начала посмотрим, что будут делать они, - ответил я. - Будут обшаривать все внизу или все-таки полезут на плато.

- Я бы на их месте разделилась, чтобы сделать и то, и то, - заметила Кэролайн.

- Им и так придется разделиться - одна группа поедет налево, другая направо. Рискнут ли они отделить еще и третью? Не забывай - они думают, что нас целая банда. Скорее всего, ихний план в том, чтобы объехать плато вокруг и, если они найдут наши следы внизу, гнаться за нами, а если не найдут - патрулировать плато по периметру, не давая нам спуститься, и просто ждать, пока нас прикончат жажда и голод. Ну то есть не все плато, оно слишком большое, замучаются круги вокруг нарезать, а ту его часть, которая отрезана ущельями. Мест, пригодных для спуска, тут не слишком много, а спуск занимает много времени, и все это время спускающиеся хорошо заметны издали. Так что держать все такие места под контролем такому вот отряду не особо сложно. По крайней мере, я бы на ихнем месте поступил так. Это умнее, чем лезть под наши пули.

- Редвуд не показался мне сильно умным, - желчно заметила Кэролайн. - И его заместитель Пампфри тоже. Для того чтобы жечь беспомощных скованных жертв, много ума не надо.

- Полагаю, что сейчас там командуют не фанатики из КОБ, а офицер ополчения, - возразил я. - А в советниках у него бэдлэндер. Возможно, и не один.

- Но мы сумеем их перехитрить?

- Бэдлэндеры не жалуют Холинбрук, - напомнил я. - Так что лучших они нанять не могли. Просто не успели бы, потому что ни один из них там не живет. Взяли каких-то первых попавшихся сосунков. А старина Майк Честер ходит в Пустоши уже двадцать пять лет.

- Значит, у нас есть план?

- Как я уже сказал, он зависит от ихних дальнейших действий.

- Ладно. Мне не очень нравится просто сидеть и ждать, пока враги нас окружат...

- Это лучше, чем если они догонят нас на равнине.

- ... но ты, видимо, знаешь лучше, - закончила она.

- Золотые слова.

Она, вероятно, ждала продолжения, но его не последовало - я молча прибивал набойку рукояткой револьвера.

- Майк, - сказала она наконец, - я вчера пыталась тебя спрашивать, но ты велел мне молчать и слушать Пустоши. Но сейчас-то говорить ничто не мешает... у тебя остался кто-нибудь там? - она кивнула на запад.

- Нет, - буркнул я. - Отец умер четыре года назад, хотя мы и с ним в последние годы не

[9] Верно в абсолютных цифрах (расход воды на 1 км пути у паровоза на 2 порядка больше, чем у лошади), однако в пересчете того же расхода на 1 л.с. паровоз потребляет в 2-3 раза меньше воды, чем лошадь. По массе топлива (уголь vs. овес) расход на 1 л.с. на 1 км еще более в пользу паровоза (в 3-6 раз).

особо общались, он пил много, а я этого сильно не люблю - а больше у меня никогда никого и не было.

- Ни семьи, ни друзей?

- Мне одному проще. Да и вообще, для бэдлэндера это идеальный вариант. Кто хочет пришпилиться к женской юбке, пусть идет в фермеры или открывает бакалейную лавку, - в ее вопросе мне почудились некие сочувственно-сожалеющие нотки, какие я уже слышал от некоторых дамочек, и я агрессивно добавил: - А ты сама-то не такая? Тоже говорила, у тебя, кроме отца, никого не было.

- Ну мой-то был ученый, а не пьяница, - возразила она и тут же смутилась: - То есть, я не хотела тебя обидеть...

- Я не обиделся. Из тех, кто пережил Войну, многие в итоге спились. Твой-то уже после Войны родился, так?... хотя тоже, говоришь, рано умер.

- И мы с ним были очень близки, - продолжала Кэролайн. - Хотя и без сюсюканий всяких. А именно как коллеги, увлеченные общим делом. И не думаю, что кто-то когда-то сможет его мне заменить. Да я, в общем, и не стремлюсь. Хотя кое-кто сказал бы, что мне всего 19, и рано на всю жизнь загадывать. Но то, что принято называть "женским счастьем", мне уж точно без надобности! Превращаться в курицу-наседку я не желаю - вообще не могу себе представить более жалкой участи... Детей плодить - ума не надо, это может любое животное. А у меня есть моя работа.

- А у меня - моя, - кивнул я, но про себя подумал: а теперь нет и ее. Даже если нынешние охотники и обломают об меня зубы, самому мне охотником больше не бывать. Во всяком случае, не в здешних краях. А есть ли бэдлэндеры в восточных княжествах? С одной стороны, где есть Пустоши, должны быть и те, кто туда ходит. Но с другой - а ну как у них для этого надо какую-нибудь официальную лицензию получать? Которую неместным еще и не дают? А работающие без нее считаются теми же бандитами? Или еще хуже - уж если у них вместо ополчения регулярные солдаты, то, может, и вместо бэдлэндеров подневольные служаки какие-нибудь? Которые ходят в Пустоши строем, подотчетны начальству и работают не за награду, а за фиксированное (и, понятно, совсем не щедрое) правительственное жалование? Не-ет, такая жизнь точно не по мне! Да и насколько тамошние Пустоши от здешних отличаться могут? Здесь-то я каждый камень знаю, и каждую тварь если не в лицо, то хотя бы по видовой принадлежности и всем ее особенностям. А там - ну разве что тех, что возле караванной дороги встречаются, а глубже в Пустоши мало ли какие сюрпризы могут быть! Не окажется ли там бравый бэдлэндер Майк Честер в роли сосунка, которому самому проводник нужен?

Оно, конечно, теперь у меня есть камушек, который стоит больше любых наград за любых бандитов. Но его можно продать только один раз. И хватит ли мне этих денег до конца жизни - да и не покажется ли такая жизнь слишком скучной?

Ладно. До этой скуки сперва еще дойти надо, и желательно живыми.

- Ну вот, примерь-ка, - сказал я вслух и поставил перед Кэролайн ботинки.

Она без особого восторга обулась, прошлась вокруг, затем даже пробежалась.

- Да, так намного удобнее, - констатировала она наконец. - Хотя вид, прямо скажем, довольно кургузый.

- Как я и обещал. Ничего, дойдем до твоих восточных княжеств, купишь себе что-нибудь покрасивее... а вот попрочнее там найдется вряд ли.

- Так, значит, тебе не по кому тосковать и не о чем жалеть, если придется навсегда поселиться на Восточном побережье? - вернулась к прежней теме она, снова усаживаясь напротив.

- Ну как это не о чем! - проворчал я. - У меня домик в Аркэндэйле остался. Не харлингтонские хоромы, конечно, но тоже неплохой. Хотя... формально говоря, он все равно моим останется. В Аркэндэйле его никто не конфискует ни по каким холинбрукским

обвинениям, если они и последуют. Правда, через десять лет моего отсутствия наследники могли бы добиться признания меня умершим по суду. Но у меня нет наследников. Еще одна причина не иметь родных и близких.

- Майк, - вздохнула она, - прости, что втянула тебя в это. Не могу сказать, что я об этом сожалею, ведь иначе меня бы сожгли, но все равно - прости.

- Ничего, - усмехнулся я, - за свою бэдлэндерскую карьеру я отнял уже столько жизней - они того заслуживали, но тем не менее - что надо было, ради разнообразия, спасти хотя бы одну.

Я вновь подошел к обрыву и улегся на край, рассматривая постепенно приближающихся врагов. С такого расстояния казалось, что они еле движутся, и у нас еще полно времени, чтобы убраться отсюда - так что я мог понять Кэролайн: действительно, подсознательно казалось противоестественным просто оставаться на месте и ждать их вместо того, чтобы рвать когти, пока они еще так далеко. Но это мы сделаем лишь тогда, когда они поймут, что на равнине нас нет, и надо ждать, пока мы либо сдохнем тут наверху, либо спустимся прямо к ним в руки. Вот тогда-то мы и оставим их с носом.

То, что наверх они не полезут, я понял еще до того, как они подъехали. Поначалу преследователи скакали в правильном направлении, но постепенно смещались левее и в итоге разделились на два отряда, поскакавшие в противоположные стороны, даже не доехав до того места, где мы поднялись на плато. У меня даже мелькнула было мысль, что их ведут и впрямь какие-то сосунки, даже не знающие, что это место оборудовано крючьями для подъема, но представить себе настолько невежественных бэдлэндеров было все же сложно. Скорее, они просто решили не тратить время, пытаясь определить, поднимались мы здесь или нет, полагая, что если мы наверху, то никуда оттуда не денемся, а ихняя главная задача - скорее отрезать нам дорогу понизу. Ну-ну. Давайте, отрезайте, скачите вокруг плато и по ущельям, тратьте воду и силы своих коней...

- Хорошо, что у них по крайней мере нет собак, - заметила Кэролайн, когда стук копыт обоих отрядов затих вдали.

- Это да, ни одну собаку в Пустоши не затащишь, - кивнул я. - Они отсюда убегают с визгом и поджав хвост. Некоторые говорят, мол, собаки видят тут то, чего мы, люди, на наше счастье видеть не можем - ну, типа того как они слышат звуки, неслышимые для человека...

- Это глупое суеверие, - перебила Кэролайн. - Мы видим все объекты, которые не светятся сами, потому что их освещает обычный видимый свет, а не какой-нибудь ультрафиолет, который можно считать аналогом неслышного для нас ультразвука. А предметов, вообще не отражающих и не поглощающих свет - как, кстати, и звук - не существует.

- Вот и я считаю, что это все байки, - согласился я. - Просто им здешние запахи не нравятся. В Пустошах ведь вообще никакие нормальные животные не живут. Даже змеи и скорпионы, как профессор из экспедиции говорил, тоже изменились, просто это внешне не всегда так заметно, как с другими видами... Ну ладно. Раз наши приятели не полезли к нам в гости, мы можем спокойно перекусить, а после заката пойдем дальше.

- Почему после заката? Вроде считается, что Пустоши более опасны ночью, чем днем - или это тоже предрассудок?

- Не совсем. Есть места, где так и есть, есть, где наоборот, а немало и таких, что одинаково опасны и днем, и ночью. Но, кстати говоря, самое опасное - это как раз-таки спать, а не идти. Но это плато, как я уже сказал, безопасно в любое время, если не считать того, что здесь ни еды, ни питья, ни топлива. И пойдем мы ночью потому, что будет холоднее, и мы не будем потеть и терять воду.

Я видел, какими глазами Кэролайн смотрела на колбасу, когда я отрезал ей три кружка, а себе - четыре, но она ничего не сказала.

- Ты ведь понимаешь - я тяжелее тебя раза в полтора, и это мышцы, а не жир, поэтому мне нужно больше, - все же счел необходимым пояснить я.

- Да, - кивнула она, - в удельных единицах ты даже слишком щедр.

- Ничего, - подбодрил ее я, - пока что мы вынуждены строго экономить, но скоро, даст Судьба, попируем вволю одной из ихних лошадей.

Однако ее, похоже, не очень обрадовала эта перспектива - уж не знаю, почему, наверно, она просто раньше не пробовала конину. В которой, на самом деле, нет ничего невкусного, и уж точно это *далеко* не худшее из того, чем приходится питаться в Пустошах, когда заканчиваются припасы.

Кэролайн, должно быть, подумала о том же, потому что пробормотала:

- Хорошо еще, что не одним из них.

- Говорят, - заметил я, - некоторым бэдлэндерам доводилось выживать и таким способом. Но можешь не беспокоиться, это был не я. Однако рассуждая логически - мертвецу ведь уже все равно, что будет с его плотью. Да и не вижу, чем это пойти в пищу червям или стервятникам почетнее, чем другому человеку.

- Да, - согласилась Кэролайн после короткой паузы, - это резонно. С химической точки зрения, мясо и есть мясо, чем бы или кем бы оно ни было при жизни. А представление, что раз попробовавший человечину уже не сумеет остановиться - это, конечно, предрассудок. Однако мне бы все-таки не хотелось... - она на миг замолкла, затем продолжила: - Майк, можешь пообещать мне одну вещь? Если я все-таки погибну, не дойдя до цели - а я понимаю, что такое нельзя исключать...

- Могу пообещать, что не стану тебя есть, - широко улыбнулся я. - Но, пожалуйста, выкинь это из головы - уж если я взялся тебе вести, то доведу живой и здоровой. Если, конечно, ты будешь соблюдать правила, - я, разумеется, понимал, что никаких гарантий в Пустошах быть не может даже и при этом условии, но ободрить ее стоило.

- Да, но если все-таки... не бросай мое тело тварям просто так.

- Могу сложить погребальный костер, если будет, из чего, - серьезно ответил я, раз уж она никак не желала оставить эту тему. - А вот хоронить в Пустошах не принято, извини. Копать могилу - только лишний расход сил и воды для того, кто еще жив.

- Я не об этом! Ты можешь...? - она вновь замолчала, затем решительно сказала: - Знаешь что, дай мне какую-нибудь бумагу. Я напишу, что делать в случае моей смерти. Прочитай ее сразу, если это случится - не позже, но и не раньше.

- Завещание? - понимающе кивнул я.

- Ну да, типа того. Ты ведь теперь, получается, мой единственный наследник - других все равно нет, - невесело улыбнулась она.

Я порылся по карманам и протянул ей афишку о розыске Арчи Джокера - точнее, оставшуюся от нее половину. Вторую я, по правде говоря, уже использовал накануне, чтобы подтереть задницу. Также я вручил Кэролайн карандаш, которым обычно делал пометки на карте. Пристроив бумагу на коленке пустой стороной вверх, она быстро нацарапала несколько строчек, прикрывая их от меня рукой, а затем сложила листок в несколько раз надписью внутрь и спрятала в карман своей рубашки. Я лишь усмехнулся этой таинственности.

- Ну а ежели со мной что случится, - сказал я ей, - то просто бери все, что у меня есть при себе, и в рюкзаке, и в карманах. Осмотри внимательно, ничего не пропусти, там много полезного. Ну а если выйдет так, что тебе и есть при этом будет нечего, то и мясом моим пользуйся, я не против. Тем паче что я-то знаю, каких пустошных тварей есть можно и как на них охотиться, поэтому и без человечины обойдусь - а вот ты не знаешь, и для тебя, если ты одна останешься, это может быть единственный шанс выжить. Уж лучше я спасу таким образом тебя, чем голодного стервятника.

И все же про камушек я ей в явном виде не сказал. Не то чтобы я и впрямь ожидал, что она отплатит мне черной неблагодарностью за то, что я спас ей жизнь - но все-таки я знал ее меньше суток, и, как говорят некоторые, можешь не искушать человека - не искушай.

- Ладно, - заключил я эти невеселые рассуждения, - а теперь по три глотка воды. Сможешь вовремя остановиться, не придется у тебя флягу вырывать?

- Я ученый! - обиженно ответила она. - Мой разум сильнее животных инстинктов!

- Рад это слышать. Только не глотай все сразу, покатай каждый глоток во рту.

Она сделала три неторопливых глотка и демонстративным жестом завинтила флягу, бросая на меня гордый взгляд - знай, мол, наших! Я отсалютовал ей, коснувшись пальцами шляпы. Пока что, впрочем, настоящей жажды мы не испытывали - дай Судьба и не испытать...

Когда догорел последний отсвет заката, и единственным светилом в небе осталась поднимающаяся на востоке луна, поднялся и я:

- Ну вот, с этой минуты начинается наш поход. Все, что было до этого, было лишь подготовкой... не такой, какую я предпочел бы перед путешествием через весь континент, но уж какую могли себе позволить. Так что можешь сказать последнее "прости" своему Холинбруку, и вперед!

- Уж я бы ему сказала, - проворчала Кэролайн, - но девушкам таких слов знать не положено.

- Ну, а мне Аркэндэйл ругать особо не за что, - ответил я, - но и горевать по нему я не буду. Городок неплохой, но за 43 года уже успел мне поднадоесть. Так что идем.

И мы пошли. После заката и впрямь заметно похолодало, как это всегда бывает на плато, особенно в ясную погоду (а дымка уже развеялась, и небо было совершенно ясным) - и меня это радовало. Не так сильно, как порадовали бы дождевые тучи, но холод - это тоже источник воды. Шли мы, понятно, не по прямой, поскольку надо было обходить трещины - не мелкие, которые можно просто перешагнуть, а те гигантские, что раскалывают плато на всю глубину. Тупиковые концы ответвлений ущелий, в некоторых из которых Кэролайн успела поблуждать накануне. В лунную ночь они были хорошо заметны - резкие полосы черноты, рассекающие белесую поверхность плато - а вот в безлунные в такую (и даже в меньшую, которая шириной всего-то в ярд, а глубиной в три сотни) можно запросто провалиться, о чем я предупредил мою спутницу. Но главное, что пока что они были тупиковые, то есть их всегда можно было обойти хотя бы с одного из концов. А вот впереди нас ждали ущелья, расколовшие плато от края до края, и наши враги, очевидно, рассчитывали, что переправиться через них, не спускаясь, невозможно. Пока что я не стал говорить Кэролайн, как мы решим эту проблему.

Медленно ползущая по небу луна и трещины не были нашими единственными ориентирами. Иногда попадались развалины одиноких домов - обычно фермерских, от которых остались в основном груды рассохшихся досок, но и иногда и каменных особняков - загородных вилл довоенной элиты (легенды утверждают, что самих магов, хотя скорее все же служивших им чиновников или же купцов). У Кэролайн зрелище этих мрачных, белеющих в лунном свете каменных руин с чернеющими провалами окон пробудило не естественный для девчонок страх, а исследовательский зуд, и ей захотелось взглянуть поближе - не насмотрелась, видимо, в мертвом городе, хотя эти особняки были внушительней домов простых горожан. Однако я обходил все эти развалины стороной. Не из-за ихних бывших хозяев, само собой. А просто, во-первых, все сколь-нибудь ценное и интересное оттуда давным-давно выгребли, во-вторых, нам не стоило отвлекаться (да и вообще ночь - неподходящее время для осмотра чего бы то ни было), ну и главное - хотя я и говорил Кэролайн, что на плато давно не осталось собственных обитателей, и вариант, что наши преследователи таки взобрались сюда с другой стороны и спрятались в одном из таких мест, тоже выглядел не особо вероятным (они не могли знать заранее, каким путем мы пойдем, и не прошли ли мы дальше еще накануне) - но все равно, если можешь не соваться туда, где может быть засада - не суйся.

Кэролайн, понятное дело, не стала спорить (Правило Номер Один, как-никак, и к тому же я заверил ее, что за время нашего пути к Восточному побережью она еще насмотрится на развалины, причем в куда менее исхоженных местах) - но мимо одного примечательного места я

ее все же провел. Специально не предупредив заранее, чтобы взглянуть на ее реакцию. Издали в свете луны оно могло показаться просто россыпью камней, какие встречаются на плато - правда, кучки этих камней располагались как-то слишком упорядоченно. А вот когда мы подошли вплотную, стало хорошо видно, что никакие это не камни. Это были человеческие скелеты - сотни скелетов разной степени сохранности, лежавшие правильными рядами черепами в нашу сторону.

- Что это? - воскликнула Кэролайн, и я не без некоторого удовлетворения отметил, что голос ее дрогнул. Все-таки наука наукой, а зрелище, открывшееся ей посреди безжизненной каменной равнины при свете полной луны, было достаточно зловещим. Особенно для того, кто никогда не видел такого раньше. Однако в следующий миг ученый в ней уже взял верх над испуганной девчонкой, и она принялась рассуждать: - Тут был какой-то город, по которому маги нанесли удар? Но почему они все в одинаковых позах и на одинаковых расстояниях друг от друга? Слишком близко для домов и слишком далеко для толпы на площади...

- Это старое кладбище, - пояснил я. - Мы привыкли к тому, что смерть в Пустошах всегда насильственная, но это не тот случай. Все эти люди умерли задолго до Войны и мирно лежали себе в земле. Потом земля стала песком, песок сдул ветер. А кости остались.

- Значит, истории о том, что во время Войны мертвецы вставали из могил - выдумки, - удовлетворенно констатировала Кэролайн. - Я так и думала.

Ей, похоже, доставило бы большое удовольствие доказать, что никакой магии вообще никогда не существовало, что все это был ловкий фокус и обман. Но это, увы, совсем не так.

- Нет, ходячих мертвецов не было, - подтвердил я. - Големы были.

- Големы?

- Ну, знаешь, в некоторых местах люди в камень превращались. А в некоторых наоборот - статуи оживали. Вот это големы и есть. В том числе и надгробные памятники, отсюда, наверно, и пошли байки про оживших мертвецов... Но у големов ни ума своего, ни памяти не было. Это были, по сути, марионетки, которых маги за ниточки дергали. Как дергать стало некому, так они снова обычным камнем стали. Я их сам видел дальше в Пустошах, застывших в тех позах, в которых шли. Может, и тебе покажу, если там пойдем.

Тут, конечно, опять нормальной девчонке положено было пугаться, а Кэролайн лишь задумчиво сказала:

- Интересно, сохранилась ли у них какая-нибудь внутренняя структура...

- Нет, - покачал головой я. - Говорю же, камень и камень. Без магии это не работает, на наше счастье. Довольно в Пустошах и живых тварей, не хватало только каменных, которых пули не берут.

Мы шагали таким образом всю ночь, но без особой спешки и с остановками для отдыха - можно сказать, что это была приятная прогулка, разминка перед настоящим походом. Ближе к рассвету, когда температура упала до минимума (но мы не чувствовали холода - лишь приятную свежесть), я остановился возле совсем небольшой трещины - длиной всего в несколько ярдов, а глубиной и того меньше. Из рюкзака я достал губку и лег на краю трещины, опуская руку вниз.

- Конденсат? - сразу сообразила Кэролайн.

- Угу, - ответил я, с усилием водя губкой по шершавым стенам. - На гладкой поверхности плато роса не выпадает, а в таких вот трещинах... Тоже не очень ее тут много, но все лучше, чем ничего. Но где попало так руку не суй, не проверив, что там внутри. Здесь-то можно.

Я выдавил губку прямо ей в рот, с готовностью подставленный, затем себе, затем повторил всю процедуру еще несколько раз, пока из трещины удавалось добыть хоть какую-то влагу. "Теперь можем часок поспать, и пойдем дальше, - сказал я. - Досыпать будем днем, в самую жару."

На сей раз Кэролайн не понадобилось упрашивать - стоило мне улечься на одеяло, как она тут же пристроилась рядом, свернувшись в клубочек лицом в мою сторону и прижимаясь к

моему боку. Предутренний холод не очень располагал к гордому одиночеству. Но через несколько секунд она все же сделала неуверенное движение отстраниться.

- Да брось ты эти церемонии, - проворчал я. - Если бы я хотел сделать тебе что плохое, у меня уже было достаточно возможностей, разве нет?

- Извини, я не хотела тебя обидеть, - смущенно пробормотала она. - Просто подумала... от меня, должно быть, ужасно пахнет. Я не мылась уже три дня... и не знаю, когда это в последний раз делал тот тип, одежду которого я ношу.

- Три дня? - усмехнулся я. - И ты думаешь напугать этим бэдлэндера? Представь, как мы будем благоухать через пять месяцев! - только сказав это, я сообразил, что, возможно, она из вежливости упомянула лишь о своем запахе, но на эту мысль ее мог навести мой собственный.

- Неужели на всем пути негде будет помыться?! - спросила она почти с ужасом.

- Пригодной для питья воды слишком мало, чтобы расходовать ее на это. Это может быть совсем тоненькая струйка или и вовсе капли, которые капают в каменную чашу - чтобы набрать хотя бы кварту, надо ждать не один час. Но попадаются соленые озера или большие лужи, из которых пить нельзя, а ополоснуться можно. Однако их тоже не так много. И не обязательно после такого купания ты станешь чище, чем до него. Но не бери в голову. Человек ко всему привыкает, и запах - далеко не самое страшное из этого всего. Думаю, - добавил я с усмешкой, - в твоей лаборатории тебе доводилось вдыхать запахи похуже.

Возможно, подумал я, уже не говоря этого вслух, и ее отец умер так рано оттого, что надышался всякой химической дряни. От запаха пота, по крайней мере, люди точно не мрут.

Я проснулся через полтора часа, как и велел себе - любой уважающий себя бэдлэндер умеет просыпаться без всякого будильника, а также в ответ на любой шорох или тот же запах, способный представлять угрозу. Но на сей раз никаких угроз не было; солнце, сияя, как надраенный медный таз, уже поднималось над плато в безупречно-голубое небо, обещавшее, по всей видимости (увы!), жаркий день. В трещине набралось еще чуть-чуть росы, но совсем немного. Кэролайн упорно не желала открывать глаза и лишь мычала, сперва протестующе, затем просительно, но, когда я поднес к ее губам мокрую губку, все же согласилась вернуться в реальность. Перекусив нашими скудными припасами, мы двинулись дальше.

Через пару часов мы вышли к ущелью - одному из тех, что рассекают плато целиком, не давая возможности для обхода - и пошли вдоль него. Постепенно оно становилось у́же, но я знал, что дальше оно вновь расширится, и переправиться здесь не получится. Однако, когда мы достигли самого узкого места, где между краями ущелья было ярдов двенадцать, я улегся на край - смотреть с обрыва всегда безопаснее из такого положения, и не только во избежание риска оступиться, но и чтобы тебя труднее было заметить снизу - и сделал приглашающий жест Кэролайн: "Иди сюда, покажу кое-что интересное".

Она улеглась справа от меня и свесила голову через край, глядя вниз. В сотне ярдов под нами - и на вдвое большей высоте над землей - между отвесными стенами ущелья висел дом. Точнее говоря - целый участок с фермерским домом и примыкающими к нему сараями, густо заросший неестественно белесой от постоянного пребывания в тени травой.

- Надо же! - впечатлилась Кэролайн. - Отсюда кажется вообще целым. Это так с самой Войны?

- Да, - ответил я. - Когда прежняя равнина сперва вздыбилась, а потом раскололась, эта ферма оказалась аккурат на трещине. И провалилась вниз, вместе с большим куском камня, на котором стояла. Но не разбилась, а застряла между стенами. Они, на самом деле, не совсем отвесные, книзу чуть сближаются. Так что, видимо, эта каменная плита тормозила, скребя по стенкам, оттого и постройки уцелели.

- Это понятно. Меня удивляет трава. На плато же ничего не растет, а тут прямо такие заросли. Откуда она берет воду? Вроде туда ничего не стекает сверху.

- Из воздуха, - усмехнулся я. - Корни этой травы проросли сквозь камень и свисают вниз

еще ярдов на десять. Этого им хватает, чтобы впитывать влагу прямо из воздуха - а вечная тень под этим камнем как раз способствует ее сгущению. Если ехать ущельем, снизу эти висячие бороды хорошо заметны и даже выглядят довольно жутковато - все же у нормальной травы таких корней не бывает, не в наших краях, по крайней мере. Вообще, проезжать или проходить под ними и под всей этой фермой считается плохой приметой. Многие предпочитают дать крюк в дюжину миль через другое ущелье, лишь бы только не делать этого.

- Но это, конечно, глупое суеверие? - с готовностью подхватила Кэролайн.

- Ну, как сказать, - пожал плечами я. - То, что оно висит так уже больше полувека, не означает, что в один прекрасный день оно не рухнет. Особенно учитывая, что корни растут и разрушают каменное основание. И даже если рухнет не все, а только небольшой кусок, но прямо тебе на голову - тоже приятного мало. Так что разумная основа тут есть. Но ты еще не все видела. Приглядись-ка. Там кое-что движется. Вон, на крыльце дома особенно заметно.

- Да, - всмотрелась Кэролайн. - Вроде какие-то бледные точки. Что это?

Я протянул ей бинокль, хорошо зная, разумеется, что она увидит. Маленьких, словно гномы, совершенно голых, бледно-розовых двуногих существ с нелепыми культями в роли верхних конечностей, которые, дергая уродливыми носатыми головами, разгуливают в траве между сараями и домом.

- Это же куры! - сообразила Кэролайн. - Только у них совсем нет ни перьев, ни пуха.

- Да, - подтвердил я.

- И они тоже живут там уже больше полувека?

- Да, - повторил я. - Ну то есть, очевидно, это не те самые, что жили на ферме, а ихние потомки. Почему они утратили перья - не знаю, но это далеко не самая странная трансформация в Пустошах.

- А они откуда берут воду и чем там питаются?

- Видимо, все та же трава. Или какие-то еще существа, водящиеся в этой траве. Куры, вообще, всеядные, даже обычные.

- Интересно, а сами они съедобные? - судя по тону Кэролайн, это был уже не чисто научный интерес.

- Считается, что нет, - окоротил ее аппетит я. - И ихние яйца тоже. Говорят, что ихние желтки черные и пахнут гнилым мясом. Но это уже байки, на самом деле никто не проверял. Однако судя по тому, что этими курами даже пауки брезгуют, есть их действительно не стоит.

- Неужели за все это время туда никто не спускался?

- Говорят, - произнес я после паузы, - что там выжили не только куры.

- Но и люди, ты хочешь сказать? И живут уже 53 года на этом пятачке в полумраке между небом и землей, не имея возможности ни спуститься вниз, ни подняться наверх? Бррр, - поежилась она, представив, очевидно, такую жизнь.

- Ну, лично я их не видел. И не знаю никого, кто бы их видел... и чьим словам при этом можно было бы доверять. Ни их самих, ни ихних следов, ни света из окон дома, ни дыма из трубы. И никаких звуков оттуда, хоть призывов о помощи, хоть чего еще, тоже никто не слыхал. Хотя, насколько ты можешь разглядеть отсюда - или снизу - дом и сараи в заметно лучшем состоянии, чем другие развалины на плато. Словно бы за ними кто-то следит. Но, скорее всего, это объясняется тем, что ущелье укрывает их от ветра. Что касается спуска туда... сама видишь, это совсем не так просто. Хотя в принципе возможно, конечно - если вбивать крючья в стену и спускаться, а потом подниматься, по веревке. Но - было бы из-за чего так напрягаться и рисковать? Ничего особо ценного в старом фермерском доме, даже если его не обшарили в первые послевоенные годы, все равно быть не может. Хотя я знал одного парня, который при мне поспорил в салуне, что слазит туда и принесет в качестве доказательства одну из этих кур и ее яйцо. Его подняли на смех, говоря, что он, мол, предъявит ощипанную обычную и тухлое яйцо, а он ярился и обещал притащить такое доказательство, что никто не отвертится. Красный

от злости, он вышел, чуть не сломав дверь. Больше ни я и никто другой его не видели.

- То есть ты правда веришь, что там внизу все еще живут люди? Которые очень не любят гостей...

- Некоторые считают, что как раз-таки любят, - усмехнулся я. - И не обязательно в гастрономическом смысле - хотя, возможно, и это тоже - а просто им нужна свежая кровь. Ну, ты понимаешь, в каком смысле кровь - у них же там дети только от кровосмешения рождаться могут. Так что, дескать, если какой парень туда спустится, его руки-ноги съедят, потому как свежее мясо и чтобы не сбежал, а остальное оставят живым и будут использовать... - я запоздало сообразил, что вряд ли прилично обсуждать эту тему с девушкой, и поспешно добавил: - Но это все бэдлэндерские байки, конечно же. На самом деле, я думаю, тот парень сгинул в каком-то другом месте. А скорее - перешел дорогу каким-то сильно неприятным типам, вот и разыграл эту комедию, чтобы убедить всех, что он мертв, и искать его бесполезно. Иначе, сама посуди - если бы он спустился вниз и не вернулся, здесь осталась бы его веревка. Хорошо, допустим, веревку кто-то, пришедший сюда позже, отвязал и забрал, вещь полезная. Но вбитые в стену крючья уж точно должны были остаться! Их при всем желании из отвесной стены так просто не вытащишь. А их нет, ни с этой стороны ущелья, ни с противоположной. Так что нет, я не думаю, что внизу могут жить люди. Скорее всего, там нет никого, кроме несъедобных кур. Но если все-таки... тогда это уже давно не люди.

Тут до моего слуха донесся звук снизу, но исходил он, конечно, не из старого фермерского дома. Стены ущелья отражали эхом приближающийся справа перестук копыт.

- А вот, похоже, и наши друзья, - проворчал я, забирая у Кэролайн бинокль. - Отодвинься назад, не загораживай обзор и не маячь тут своими волосами.

С расстояния в несколько сот ярдов голову неподвижно лежащего на краю обрыва человека заметить проблематично, если не знать, куда именно смотреть. А вот движение может привлечь внимание - в том числе и движение развевающихся на ветру длинных волос. Бинокль, в принципе, тоже может выдать смотрящего, если сверкнет линза - но, к счастью, мне нужно было смотреть не в сторону солнца, а практически перпендикулярно ему.

По ущелью ехали двенадцать всадников. Точнее, как я понял, подкрутив резкость - девять всадников плюс три лошади в поводу, нагруженные, надо полагать, в первую очередь бурдюками с водой для остальных. Хм, все же не такие дураки там распоряжаются - хотя, понятно, этого запаса им все равно надолго не хватит... И они все же рискнули разделиться еще пополам. Видимо, несмотря на все мои попытки путать следы, они поняли, что нас тут не особо много. А может, рассчитывают в случае чего ускакать за подмогой. Стрелять по ним, конечно, не имело никакого смысла, даже когда они подъедут на минимальное расстояние - все равно слишком далеко для револьвера. А вот у них за плечами я разглядел стволы винтовок. Которые вполне могли быть и с телескопическими прицелами. Впрочем, и револьверы для ближнего боя у них тоже наверняка были... Да, у этих парней было время подготовиться, прежде чем выезжать на охоту. Тем не менее, пока что я их видел (и слышал), а они меня нет. Никто из них не пытался наводить на стены ущелья бинокли или подзорные трубы - когда едешь на лошади, от этого мало проку, картинка будет мотаться во все стороны. Вообще, похоже, они больше приглядывались к земле, полагая обнаружить наши следы там. Но вот, словно уловив мою мысль, ехавший впереди остановился и поднес к глазам висевший на груди бинокль. Я тут же отодвинулся назад, скрываясь от врагов за краем обрыва - но и, соответственно, теряя их из вида.

- Ну что там? - тихо спросила Кэролайн.

- Девять всадников с винтовками. Нас не видели, просто патрулируют периметр.

- А ты говорил, они не рискнут проезжать под этим домом, - невесело усмехнулась Кэролайн.

- Я не говорил, что в это верят все. Эти, как видно, попались не такие суеверные, даром что из Холинбрука. Или считают, что Судьба защитит их, поскольку они служат благому делу.

Или просто обещанная награда слишком велика. В борьбе с суевериями, знаешь ли, все доводы науки не так убедительны, как кругленькая сумма... Но нам, на самом деле, волноваться не о чем. Они просто проедут мимо, а там и мы следом пойдем.

Мы лежали и слушали приближающийся стук копыт внизу. Ни быстрее, ни медленнее он не стал - очевидно, ничего примечательного враги по-прежнему не заметили. Вот было бы славно, подумал я, если бы вся эта куриная ферма рухнула вниз как раз в тот момент, когда они будут проезжать под ней... Но на такое везение рассчитывать, конечно, не приходилось, и поспособствовать этому мы тоже никак не могли.

Отряд, очевидно, находился уже практически под нами, и тут перестук копыт смолк. Я лежал, тщетно вслушиваясь в наступившую тишину; возможно, они что-то обсуждали между собой, но, несмотря даже на хорошую акустику ущелья, с такого расстояния расслышать разговоры было невозможно. Неужели они все-таки успели засечь нас прежде, чем мы спрятались? В любом случае, оттуда снизу они не могли нам сделать совершенно ничего - если мы, понятно, не будем высовываться и подставлять головы под пули - но, тем не менее, неопределенность нервировала. "Что они там делают?" - не выдержала Кэролайн. "Понятия не имею, - ответил я. - Если они так и намерены там стоять, мы просто отползем еще дальше от края, а потом спокойно встанем и пойдем." И тут копыта зацокали вновь - но уже в обратном направлении!

Я осторожно выглянул. Отряд действительно ехал обратно. И да, теперь, когда я видел ихние спины, я рассмотрел в бинокль и телескопические прицелы на винтовках. Серьезные ребята, элита ополчения. И все-таки в бэдлэндерские суеверия они верят - ну или, по крайней мере, ихний проводник точно.

Я сообщил это Кэролайн и прибавил:

- Но, в принципе, это ничего не меняет. Просто они ездят не по кругу, а туда-сюда. Очевидно, другой отряд подъедет к ферме с противоположной стороны и точно так же повернет назад. А скорее, - я прикинул расстояние, которое нужно было проехать тем и другим, - уже это проделал и сейчас тоже едет прочь отсюда. Так что никто не помешает нам переправиться на другую сторону.

- Здесь? - с испугом спросила Кэролайн.

- Ты умеешь прыгать на двенадцать ярдов? Лично я нет, так что идем, куда шли. Там будет более подходящее место.

- Что за место? - требовательно осведомилась Кэролайн.

Я хотел ответить: "Там увидишь", чтобы не волновать ее раньше времени, но решил, что так добьюсь лишь противоположного эффекта, поэтому честно сказал: "Односторонний Мост", в надежде, что ее больше порадует второе слово, чем обеспокоит первое. Но она, конечно, спросила:

- Почему односторонний?

- Потому что его можно пересечь только в одну сторону. Но это как раз та сторона, в которую нам надо.

До Моста мы шли еще часа полтора. Ущелье за это время расширилось, затем снова сузилось, но, конечно, не настолько, чтобы через него можно было перебраться, не умея летать - за исключением одной-единственной точки. Ширина ущелья и там была почти десять ярдов, но земная твердь в этом месте раскололась не ровно, а уступом, образовав с нашей стороны нависающий над пропастью клиновидный выступ длиной около четырех ярдов. С противоположной стороны осталась впадина, когда-то точно соответствовавшая ему по форме, но теперь эта точность нарушилась из-за выветривания с обеих сторон. Нижний край этой впадины - там, где она обрывалась в пропасть - лежал примерно в двух ярдах ниже уровня плато и, соответственно, горизонтальной верхней поверхности выступа.

- Вот это и есть наш Мост, - сказал я. - Единственное место, где можно переправиться

через ущелье, не спускаясь вниз.

Кэролайн уставилась на нависший над бездной каменный выступ, словно ожидая, что сейчас прямо из воздуха соткется недостающая вторая часть - а когда этого не произошло, с несвойственной ей робостью спросила:

- И что нам с ним делать?

- Разбегаться и прыгать.

- Но... это же далеко!

- Не так далеко, как кажется. Иди сюда, посмотришь сама, - я свернул на "мост" и зашагал к его концу.

- Сюда и ступать-то страшно, - пробормотала она, выполняя, тем не менее, Правило Номер Один. - Кажется, что если мы дойдем до конца, он обвалится.

- Когда-нибудь это непременно случится, - обнадежил я ее, - выветривание и все такое, но надеюсь, что не прямо сейчас. Во всяком случае, я тут прыгал уже не один раз, - вообще-то за всю мою предыдущую жизнь мне понадобилось делать это всего дважды, но два - это не один, не так ли?

Я остановился у края. Кэролайн нерешительно встала рядом, глядя на усеянную мелкими камнями впадину с другой стороны пропасти.

- Слишком далеко, - повторила она с отчаянием. - И высоко!

- Ты же говорила, что не боишься высоты, - поддел ее я.

- Это пока мне не приходится с нее падать.

- Ну, если туда, - я ткнул пальцем вертикально вниз, в пропасть под ногами, - то согласен. А если туда, - я указал на нижнюю часть впадины, - то тут всего-то пять с половиной ярдов по горизонтали и чуть больше двух вниз. В этих двух ярдах весь и смысл - пока ты будешь падать по вертикали, ты и по горизонтали успеешь пролететь вдвое дальше, чем при обычном прыжке. Твоя же любимая физика.

- Да, я понимаю. Но все равно как-то не хочется падать на эти камни, даже если я до них и долечу.

- Они мелкие, это почти как песок, - заверил ее я. - Да и вообще, волноваться тебе не о чем. Я тебя подстрахую с помощью веревки.

- Недавно уже подстраховал, - едко напомнила она.

- Тогда я не был готов, что ты сорвешься. Сейчас буду. Так что, даже если не допрыгнешь, ничего страшного не случится, - я не стал уточнять, что в этом случае она с размаху ударится о вертикальную каменную стену, прежде чем я смогу ее вытащить, хотя она наверняка и сама это поняла. - Хотя это, конечно, не значит, что ты не должна отталкиваться изо всех сил. И вообще, какое у нас Правило Номер Один?

- Если ты говоришь "прыгай", я прыгаю так далеко, как только смогу, - вздохнула она.

- Именно. Когда я дам команду. Но сначала посмотришь, как это сделаю я. И сперва переправим рюкзак. Кстати, клади сюда свои фляги... и револьверы тоже. Облегчим тебя по максимуму, и чтобы по бедрам не било, - я тщательно замотал оружие (ее и свое) в одеяло, прежде чем снова застегнуть рюкзак. Затем, встав на краю выступа боком, я приподнял рюкзак обеими руками за лямки, раскачал его и бросил снизу вверх под углом около 40 градусов. Он перелетел через пропасть, грохнулся на камни в нижней части впадины, грузно перевернулся на бок и замер. Мне не очень понравилось, где он остановился - выходило, что при прыжке я почти наверняка налечу на него ногами, ну да ладно. "Ну вот, треть дела уже сделана! - подбодрил я Кэролайн. - Вот почему в Пустошах не следует брать с собой ничего бьющееся." Бинокль у меня, конечно, лежал в самом большом кармане, и все карманы я тщательно застегнул, как и вообще все пуговицы на одежде; ремешок моей шляпы, как это принято у бэдлэндеров, уже был затянут под подбородком. Затем я надел кожаные перчатки, чтобы защитить руки после приземления. Увы, второй пары таких же у меня не было - только вариант без пальцев, в

которых удобно стрелять и перезаряжаться, и я отдал Кэролайн хотя бы их. "Теперь отойди с моста назад, освободи мне место для разбега."

Я что есть силы разбежался и прыгнул, стараясь не думать, что в последний раз я проделывал это 7 лет назад, а 43 - это все-таки не 36. Усыпанная камнями впадина рванулась мне навстречу, в животе на миг все обмерло от ощущения падения, и в следующее мгновение я с силой врезался сапогами в осыпь, разумеется, прямо перед рюкзаком - и тут же неминуемо кувырнулся вперед через него, приземляясь на полусогнутые руки. Больно было даже сквозь перчатки, и в целом окончание моего прыжка, должно быть, выглядело не так героически, как его начало, но главное - я был жив и, в общем, невредим.

Первом делом я снова подвесил на пояс кобуры с револьверами. Потом позвал Кэролайн.

- Пока что не прыгай, проведем генеральную репетицию. Встань на конец моста. Теперь повернись в обратную сторону и, когда я дам команду, беги что есть мочи, как будешь бежать перед прыжком, считая про себя шаги. Как добежишь до начала моста - прыгнешь, как только толчок придется на правую ногу. Так ты определишь длину своего шага и на каком из них тебе надо отталкиваться, и тебе не придется решать это на ходу. Если получится, что оттолкнулась на середине шага или не той ногой - скорректируешь место начала разбега. Сделаешь это один раз, больше не надо, а то устанешь. Готова? Давай!

Пока она проделывала это, я достал из рюкзака веревку и свил лассо, после чего снова надел рюкзак. Кэролайн вернулась на мост, слегка запыхавшаяся и, похоже, не очень довольная дальностью своего прыжка.

- Ничего, - подбодрил я, - со второго раза выйдет лучше. Уже не надо ни о чем думать, просто считаешь шаги и толкаешься. А пока лови веревку.

Я раскрутил лассо над головой и бросил. Мне уже не раз доводилось заарканивать двуногих существ - и преступников, на которых я охотился, и даже тварей, которых ученые из экспедиции хотели взять живыми - но с Кэролайн я, конечно, поступил со всей возможной деликатностью, без финального затягивающего рывка. И все же, когда петля упала на нее сверху, она недовольно проворчала, что ей не нравится чувствовать себя пойманной кобылой.

- Пристрой веревку под мышками, затяни покрепче, - инструктировал я; свой конец веревки я намотал на руку - Когда ты побежишь, я тоже побегу в том же направлении, чтобы по возможности удерживать ее натянутой. Но мне придется бежать вверх по этому желобу, да еще по осыпи, так что не жди, что я потащу тебя на буксире - развить хорошую скорость я не смогу. Беги сама так быстро, как будто от этого зависит твоя жизнь... что, в общем, недалеко от истины. Веревка немного провиснет, но это не настолько, чтобы ты могла споткнуться или запутаться... Ну что, отдохнула? Давай на исходную позицию.

Когда она изготовилась в начале разбега, я с глумливой усмешкой добавил:

- Между прочим, тебе стоило бы поблагодарить тех типов, что сорвали с тебя платье. В нем бы ты точно не прыгнула. А в брюках - это любая девчонка может, - даже с расстояния больше десяти ярдов я заметил, как сверкнули гневом ее глаза, и тут же рявкнул: - Пошла!!!

Резко развернувшись, я помчался вверх по наклонному днищу впадины. Я не мог видеть, что происходит позади, но услышал удар, за которым не последовало рывка веревки - значит, допрыгнула! Я сделал еще два шага, останавливаясь, и снова обернулся.

Кэролайн балансировала на самом краю пропасти, отчаянно взмахивая руками. Возможно, еще бы доля секунды - и она бы сорвалась. Но я изо всех сил рванул веревку на себя, наконец-то ощутив ее натяг, и опрокинулся на спину, прямо на рюкзак, недовольно звякнувший подо мной котелком. Девушка тоже повалилась вперед - но теперь она была в безопасности.

Ну то есть, конечно, настолько, насколько это слово вообще подходило к нашей ситуации.

Я вернул ей револьверы и фляги, и мы пошли дальше.

Я ожидал, что после пережитого испуга она примется возбужденно щебетать какую-нибудь ерунду, но Кэролайн молчала, погруженная в некие раздумья.

- Майк? - сказала она наконец.

- Да?

- Ведь не только ты знаешь про этот... Односторонний Мост?

Отрицать это было глупо. В конце концов, любой мог разглядеть его просто снизу из ущелья. Увы, второго упавшего дома, который перекрыл бы проход к нему с другой стороны, там не было.

- Он есть даже на бэдлэндерских картах, - признал я.

- То есть они вполне могли догадаться, что мы переправимся там, - констатировала Кэролайн; очевидно, я подтвердил ее подозрения. - Тогда почему же они не оставили в ущелье никого постоянно наблюдать за этим местом?

Ученая, да. В уме не откажешь.

- Потому что, - проворчал я, - с ихней точки зрения, сделать то, что мы сделали - это самое глупое в нашем положении.

Взгляд Кэролайн требовал продолжения, и я нехотя пояснил:

- Ты уже знаешь, почему Мост - Односторонний. Потому что перепрыгнуть можно только в одну сторону. И сделав это, мы, типа, загнали себя в ловушку. Перебрались с большого каменного острова на маленький, откуда нет выхода. Обратно уже не получится, а там впереди, - я махнул рукой, - второе ущелье, которое смыкается с первым. Спуститься нельзя нигде - везде отвесные стены, кое-где даже с отрицательным наклоном. Точнее говоря - можно в паре мест с северной и южной стороны, где вбиты крючья, хотя не думаю, что ты бы смогла это сделать без подготовки. И там-то они и оставили патрули. То есть они полагают, что если мы не полные идиоты, не знающие этих мест, то вовсе не полезли сюда. Ну а если мы все-таки полезли, то либо умрем здесь от жажды, либо погибнем при попытке спуска.

- Но мы ведь не идиоты?

- А ты как думаешь?

- Тогда как же мы выберемся?

- Увидишь, - буркнул я.

Но Кэролайн не отставала:

- Существует мост через второе ущелье, которого нет на картах?

- Типа того.

- Такой же? - без всякого энтузиазма спросила она.

- Нет, - ответил я. - Такой же точно так же был бы на картах, сама подумай. Прыгать больше не придется, это я тебе обещаю.

Говорить ей всю правду я пока что не стал. Ей бы таковая не понравилась.

Солнце уже палило вовсю, и, когда вызванное прыжком возбуждение уступило сонливости, я объявил привал.

Когда я проснулся через три часа, над нами кружил стервятник. Двухголовый, само собой. Обычно в этой части Пустошей они высматривают добычу на дне ущелий, зная, что на давно мертвом плато для них поживы нет, но этот углядел-таки, тварюга. Это было не слишком хорошо - его могли заметить наши преследователи снизу и догадаться, кто именно привлек его внимание - но и не слишком плохо, ибо, как я уже сказал Кэролайн, в этом случае они должны были счесть нас если и не уже мертвыми, то точно обреченными. Я поднялся и, пользуясь тем, что девушка еще спит и меня не видит, показал стервятнику не самый приличный жест. Он разочарованно полетел прочь, но, кажется, не слишком далеко, рассчитывая все же дождаться своего. Я разбудил Кэролайн - которая, конечно, снова была не в восторге, что ей не дали выспаться, но я объяснил ей, что в Пустошах лучше всего не оставаться слишком долго на одном месте, указав на стервятника - хорошо, что пока еще лишь одного - в качестве подтверждения, и мы пошли дальше.

Ближе к закату мы вышли на край второго ущелья - восточной границы того острова,

который, по мнению всех охотящихся за нами стервятников, с крыльями и без, должен был стать нашей могилой. Убедившись, что внизу нет наблюдателей, я встал у края, рассматривая ущелье в оба конца. Кэролайн сделала то же самое.

- Ну, и где же твой мост? - требовательно спросила она. Ширина ущелья в этих местах составляла более двадцати ярдов, и нигде не было никаких уступов, позволяющих хотя бы сократить эту дистанцию, не говоря уже о том, чтобы полностью преодолеть ее.

- Ну, ты ведь не хотела бы, чтобы наши друзья увидели его раньше нас? - усмехнулся я.

- Слушай, прекрати называть их "друзьями"! - внезапно рассердилась она. - Какие они нам друзья?!

- Ну, ты же понимаешь, что это ирония, - я был даже несколько огорошен ее гневом.

- Я понимаю. Но я терпеть не могу несерьезного отношения к серьезным вещам!

- Врага, конечно, нельзя недооценивать, тут ты права, - согласился я. - Но это не мешает говорить о нем с иронией. По-моему, это повышает боевой дух.

- Да я не про врагов! Я считаю слово "друг" слишком серьезным, чтобы употреблять его в таком контексте.

- Ну извини, если обидел. Хотя ты, вроде, говорила - у тебя нет друзей?

- Потому и нет, что отношусь к этому серьезно и не называю так кого попало. А из тех, кого так обычно называют, в детстве, знаешь ли, была парочка. Одного из них ты недавно застрелил.

Я мысленно похвалил себя за проницательность.

- Так что насчет моста? - вернулась к теме она.

- Терпение, - ответил я. - Прямо сейчас я его не вижу. Можно, конечно, пойти поискать, но боюсь - пока найдем, уже стемнеет. А переправляться надо при свете. Так что отложим до завтра, утро вечера мудренее.

До того, как стемнело, мы успели отыскать трещину, где к утру могло скопиться хоть немного росы - хотя, конечно, даже в лучшем случае это было бы всего несколько глотков. Даже притом, что жажда была проблемой и для наших преследователей (и в особенности - для ихних лошадей), задерживаться на плато нам точно не стоило. Затем я поведал Кэролайн, что теперь, наконец, она может выспаться вволю, а я еще немного подежурю, пока не взойдет луна (которая, понятно, с каждым днем делала это все позже). Спать одновременно в самое темное время, когда нет ни солнца, ни луны, на краю плато не стоило.

Кэролайн не заставила себя упрашивать и быстро заснула, а я сидел, глядя на высыпавшие в небо звезды - с плато они видны особенно хорошо - и предавался обычно не свойственным бэдлэндерам философским размышлениям. На тему "во что это, на хрен, такое я вляпался". И смогут ли эти самые восточные княжества, даже если нам и удастся до них добраться, стать для меня новым домом. Доселе я никогда не слышал о людях, переселившихся туда. Равно как и о людях, переселившихся к нам оттуда. Примечательно, что оттуда даже караваны не ходят. То есть они торгуют с нашими караванщиками, а своих не посылают - словно предпочитая, чтобы все риски и накладные расходы подобных путешествий мы брали на себя. Могут себе позволить - мы в этой торговле заинтересованы больше, чем они. Говорят, у них там есть огромные заводы, где работают тысячи человек - прямо удивительно, как они успели все это отгрохать, прибыв полвека назад на землю, где смыло все следы цивилизации. Хотя, наверно, у них и выбора другого не было... Даже мой тридцатикратный бинокль родом оттуда - у нас не умеют настолько качественно обрабатывать линзы. При этом в те два раза, когда я сопровождал караваны в качестве одного из охранников, нас даже не пустили в город. Вся торговля шла через факторию, которую они выстроили на границе. Боятся, наверно, что мы подсмотрим какие-то ихние секреты... И тем не менее Кэролайн уверена, что нас там примут с распростертыми объятиями. Надеется, видимо, продать им какое-то изобретение своего отца. Не продешевить бы, с одной стороны, и не отняли бы силой, с другой...

За исключением этих раздумий, однако, ничто в эту ночь меня не потревожило. Я твердо решил дать Кэролайн проспать столько, сколько она захочет - чем она на всю катушку и воспользовалась, пробудившись, когда луна уже подбиралась к зениту. Я сдал ей вахту и, велев разбудить меня на рассвете, закрыл глаза.

- Майк?

Я мгновенно открыл глаза, встретившись взглядом с восходящим солнцем.

- Все в порядке?

- Вроде как. Я уже отжала росу в наши фляги, но ее удалось собрать совсем немного. И... мне кажется, или тут чем-то воняет?

Я втянул носом воздух и понял, что на сей раз она имеет в виду не мои подмышки. Слабый ток воздуха со стороны ущелья доносил вполне различимый запашок разложения. Я знал, что вблизи он станет хуже, но что поделаешь.

- Отлично, - констатировал я, словно это был самый приятный аромат. - Похоже, наш мост уже готов. Идем.

- Может, сначала позавтракаем? - как видно, ее аппетит был сильнее неприятного запаха.

- Похвально и правильно, что не лазила в мой рюкзак за колбасой, пока я спал, - я бы, кстати, это почувствовал - но позавтракаем мы уже на той стороне.

Мы подошли к краю ущелья - и Кэролайн, наконец, увидела, что я имел в виду.

Прямо посередине между краями ущелья в воздухе висела гниющая голова, некогда принадлежавшая лошади гнедой масти. Сквозь уже частично объеденные кем-то щеки и губы виднелись почерневшие десны, из которых торчали желтые зубы. Из пасти вывалился распухший язык. Червей на таком расстоянии видно не было, но я не сомневался, что они так и кишат в глазницах и во рту. От шеи уцелело несколько лохмотьев шкуры, между которыми свисали два или три облепленных чем-то бурым позвонка.

Кэролайн резко отвернулась, кривясь от отвращения. Затем любопытство все же взяло в ней верх над брезгливостью, и она, хотя и продолжая морщиться, отважилась взглянуть снова, желая, очевидно, понять, каким чудом голова держится в воздухе. Действительно, лучи солнца светили еще практически горизонтально, и в тени восточной стены ущелья могло показаться, что без магии тут не обошлось. Лишь всмотревшись как следует, можно было заметить, как возле нашего края ущелья серебрятся верхние нити, уже попавшие на солнце.

- Что это за мерзость? - выдавила из себя Кэролайн.

- Помнишь, я говорил тебе про гигантских пауков? По ночам они патрулируют ущелья в поисках падали. Если найдут - спускают клейкую нить и втаскивают дохлятину наверх. Но сами не едят, нет. Пауки гурманы, почти такие же брезгливые, как ты - им подавай только свежее и, желательно, еще живое. Они вплетают мертвечину в свою паутину в качестве приманки для стервятников. Днем стервятники начинают летать вдоль ущелий и попадают в сеть. Они-то и служат основной едой пауков.

- И у них даже не хватает ума понять, что если дохлятина висит прямо в воздухе, то это ловушка?

- Вот представь себе. Головы у них хоть и две, а мозгов совсем мало. Когда видят что-то, что можно схавать - просто не могут удержаться. А вдруг такую вкусную тухлятину кто другой сожрет? Они ж себе этого не простят.

- Ладно, все это очень интересно, но ты что-то говорил про мост.

- Так вот это он и есть.

- ЧТО?!

- Паутина впятеро прочнее стальной проволоки того же диаметра, - невозмутимо продолжал просвещать ее я. - Паутина *этих* пауков легко выдерживает ихний вес, который почти такой же, как у нас с тобой, вместе взятых, и вес приманки и добычи в придачу. Так что человек может спокойно перебраться по ней на другую сторону, примерно как матросы лазят по вантам

корабля. Правда, эти нити гораздо тоньше корабельных канатов и порезали бы нам руки. Но у нас есть перчатки, - я достал таковые и начал надевать. - Точнее, у меня есть перчатки, а у тебя есть рукава, которые тебе слишком длинны, так что теперь ты их размотаешь и будешь хвататься за паутину сквозь них - видишь, как удачно все получилось?

- Но...

- Как при этом не приклеиться к паутине? Точно так же, как это делает сам паук - наступать на и хвататься за только неклейкие нити. Это верхняя нить, соединяющая стены ущелья - с нее паук начинает строить паутину, а мы будем за нее держаться, как за перила - потом, радиальные нити, а также... дай-ка я посчитаю... в данном случае это каждая шестая спиральная нить, если считать от края к центру. Неклейкие нити легко определить, если присмотреться - они толще, менее эластичные... хотя это, конечно, на глаз не видно - и, главное, они почти не блестят. А клейкие все в крошечных капельках. Но даже если случайно зацепить клейкую, это не катастрофа - у человека достаточно сил, чтобы оторваться от нее. Главное - не запаниковать и не начать дергаться. Потому что, во-первых, так можно прилипнуть и к другим соседним нитям, а во-вторых, это привлечет паука.

- Ты же говорил - они вылезают только в безлунные ночи?!

- Это на плато они вылезают в безлунные ночи, а в свою паутину, когда она дергается от свежепойманной добычи, он и днем вылезет. Хотя да, не любят они этого. Их не только солнце, но даже полная луна слепит. У них глаза слишком чувствительные, чтобы падаль ночью на дне ущелья высматривать, куда даже луна не заглядывает. Так что днем они больше на осязание ориентируются. На то, как паутина дергается. Поэтому главное - не дергать ее хаотично, как делает добыча. Если ступать по ней медленно, плавно и размеренно, паук не отреагирует.

- И где он там? - Кэролайн опасливо заглянула через край обрыва и тут же отпрянула, хотя и ничего не могла разглядеть.

- Отсюда не увидишь. С нашей стороны имеются трещины в стене, он прячется внутри.

- Ну, а если выманить? Или дождаться, пока попадется стервятник. Он вылезет, и ты его застрелишь!

- Три аргумента против, - покачал головой я. - Во-первых, расход патронов. Застрелить паука можно, но трудно. Проф говорил, у них не единый мозг, а несколько нервных центров по всему телу. Пока в каждый попадешь, не один барабан уйдет. Во-вторых, грохот выстрелов далеко разносится по ущелью, и его могут услышать наши дру... ээ, неприятели. Ну а в-третьих, когда они прискачут сюда посмотреть и увидят внизу мертвого паука с издырявленным пулями панцирем, то, даже если к тому времени мы и успеем переправиться, могут догадаться, как мы это сделали. Так что нет. Сделаем все тихо и аккуратно, как в твоей лаборатории.

Но, видимо, даже последний аргумент не убедил Кэролайн. Она была неестественно бледной, и от всей ее самоуверенности не осталось и следа.

- И... нам придется пробираться мимо этой дохлятины? - почти жалобно произнесла она.

- Ну придется, и что с того? Мертвые не кусаются. В том числе и мертвые лошади. Подышишь ртом какое-то время. И вообще, какое у нас Правило Номер Один?

- Да... конечно, ты говорил, - согласилась она, но, когда я шагнул в ту сторону, где начинался наш "мост", не двинулась с места.

- Ну что еще? - раздраженно воскликнул я. - Я ж тебе сказал - если все делать правильно и спокойно, опасности никакой. Просто смотри, как это сделаю я, а потом повторишь.

- Я боюсь пауков! - в отчаянии воскликнула Кэролайн.

- Да не такие уж они страшные, - подбодрил ее я. - Это только говорится, что гигантские. На самом деле брюшко у него где-то с тележное колесо диаметром - не больше. Ну плюс голова, как мешок картошки, и ноги, само собой - все это вместе даже не ростом с человека. Если бы он встал на задние ноги, то мог бы положить последние сегменты передних тебе на плечи - и это максимум.

- Спасибо, ты умеешь найти слова для утешения! - язвительно ответила она. - Я *вообще* боюсь пауков, понимаешь?! Любых! Даже маленьких! В детстве от одного прикосновения к паутине с визгом отскакивала! Сейчас чуть полегче, но...

- Ну, тогда можешь начинать визжать прямо сейчас, и выскакивать из ботинок, - пожал плечами я. - Потому что "дратва", которой я их тебе подшил - вот такая самая паутина и есть. Я ж недаром говорил, что такой прочной ни в одной обувной лавке не сыщешь.

Кэролайн заткнулась на полуслове и уставилась на свою обувь. Сквозь толстую кожу это не было заметно, но я ясно представил, как она шевелит там пальцами, проверяя ощущения.

- Ничего же страшного, верно? - усмехнулся я. - Уж если ты голыми пальцами ног этой паутины касаешься не первый день, и ничего, то сквозь ботинки и рукава тем паче никаких проблем. А паука ты даже и не увидишь, он так в своей трещине и останется.

Я встал над тем местом, где начиналась паутина. На самом деле я еще накануне заметил в ущелье две паутины, но они находились слишком низко, до них было не добраться - а у этой верхняя нить тянулась практически вровень с плато.

- Сначала иду я, а ты смотришь и запоминаешь. Дойду, дам тебе команду, тогда пойдешь.

- А почему не вместе, друг за другом? - перебила Кэролайн. - Ты же говоришь, паутина выдержит нас обоих?

- Три причины. Во-первых, поодиночке мы вызовем меньше колебаний паутины, которые могли бы привлечь паука. Во-вторых, чем меньше растягиваются нити, тем легче идти, сохраняя равновесие. И в-третьих, если мне все-таки придется стрелять и перезаряжаться - чего, надеюсь, не случится - я предпочитаю делать это с твердой земли, а не вися на паутине. Итак. Перед каждым шагом считай: это-раз-маргаритка, это-два-маргаритка[10], и так далее - это будет достаточно медленный темп, который паук проигнорирует. На десяти начнешь сначала, а то там дальше числительные неудобные. Ногу переставляй не вдоль нити, а полукругом - назад, потом вперед, чтобы не зацепить клейкие нити. Обычно при переходе через пропасть советуют не смотреть вниз, но тут без этого никуда - надо смотреть, куда ставишь ногу, иначе, опять-таки, зацепишь, что не надо. Но мы уже выяснили, что высоты ты не боишься. Да и, на самом деле, какой смысл ее бояться? Падать на камни что с трехсот ярдов, что с десяти - результат один. С десяти, может, оно и хуже, потому что кости все равно переломаешь, а помрешь не сразу. А в Пустошах если уж помирать, то лучше сразу. Да и не в Пустошах тоже.

Кэролайн опять проворчала что-то на тему, что я умею утешить и вдохновить, и я полез. Сперва, улегшись на камень, я свесил обе руки с обрыва и крепко уцепился ими за верхнюю нить (такую тонкую, что без нагрузки она совершенно не чувствовалась сквозь перчатку, так что приходилось давить разумом рефлекс, утверждавший, что я "держусь" за пустоту), затем повернулся боком и спустил правую ногу, уперевшись ею в другую неклейкую нить, идущую от угла вниз и далее образующую треугольник с третьей нитью. Соскользнув подметкой до нижнего угла треугольника, я стащил с обрыва теперь уже и левую ногу, а затем переступил правой дальше на верхнюю неклейкую нить спирали и повис на паутине в позе "на корточках", словно подражая ее создателю. Затем, тщательно отсчитав нити, перенес сперва правую, потом левую ногу вправо-вниз, на следующую неклейкую, и тем самым выпрямился. Теперь я стоял на паутине, держась за ее верхнюю, самую толстую и крепкую нить на уровне груди. Вся конструкция покачивалась, но не так сильно, как можно было ожидать, учитывая, что я стоял не на доске и не на канате, а фактически на одной тонкой леске, держась за другую.

- Вот здесь, - поучал я Кэролайн, - надо просто замереть и ждать, пока колебания утихнут сами, а не пытаться гасить их, иначе легко попасть в этот, как его...

- Резонанс, - пробормотала девушка, которой, наверно, было страшно даже смотреть на меня, а не то что проделать то же самое несколько минут спустя. И все, чем я мог ей помочь - это

---

[10] В оригинале this-is-one-lazy-daisy, this-is-two-lazy-daisy...

продолжать делать вид, что мы занимаемся самым простым и безопасным делом.

Что было, на самом деле, отнюдь не так. Большинство бэдлэндеров сочли бы мой план безумием, особенно ту его часть, что касалась девушки, в прежней своей жизни лазившей разве что на яблони.

Что, собственно, только и давало нам шанс оставить преследователей в непонятках.

- Во-во, в него самого, - ответил я вслух. - И добиться противоположного эффекта. Мы же не хотим беспокоить нашего восьминогого... ладно, не буду называть его другом, хотя он нам, по большому счету, и не враг, раз построил такой замечательный мост, позволяющий нам смыться от наших истинных врагов... Хорошо запомнила, на какой нити я стою и как сюда спуститься? Ну вот, а теперь можешь начинать считать маргаритки. Повторяй вслух вместе со мной, чтобы запомнить ритм.

И я двинулся вперед, повторяя считалочку перед каждым шагом. Труднее всего ожидаемо оказалось на середине пути, как раз над зловонной головой, которая тоже не добавляла удовольствия, но была наименьшею из проблем. Главное, что нити паутины растянулись там под моим весом по максимуму, и амплитуда колебаний соответственно тоже была максимальной. Рюкзак перетягивал меня назад, и я фактически повис на руках, отклонившись от вертикали градусов на тридцать и упираясь ногами в уехавшую вперед неклейкую нить спирали. Каблуки моих сапог не позволяли подметкам соскользнуть с тонкой нити, но ситуация осложнялась еще и тем, что как раз в этой части ловчая сеть вплотную подступала к верхней структурной нити, на которой держалась вся конструкция, и если в начале моего пути клейкие нити были только на уровне моих ног, то теперь они нависали надо мной, прогнувшимся назад, практически по всей высоте моего роста. Будучи куда более эластичными, чем неклейкие, они провисали и колебались на ветру, и требовалась величайшая осторожность, чтобы не коснуться их - притом, что всякий раз, когда я переставлял ногу, вся конструкция раскачивалась. После каждого шага я должен был замирать и висеть на одном месте, пока эти колебания не успокоятся, чтобы не привлечь внимания паука - так что двигаться приходилось очень медленно, отсчитывая по несколько маргариток перед каждым шагом, и даже мои тренированные руки начали уставать, а тонкая нить врезалась в пальцы даже сквозь перчатки. Казалось невероятным, что Кэролайн сумеет проделать тот же самый путь. Облегчить ей задачу, уничтожив клейкие нити, я не мог - вздумай я их резать, тут же запутался бы сам в ихних болтающихся концах, и кроме того, движения ножа, как раз соответствующие рывкам пойманной добычи, привлекли бы паука. Обнадеживало лишь то, что у Кэролайн нет рюкзака, который тянул бы ее назад, а стало быть, ей не придется висеть на руках так, как мне, и к тому же ее вес будет меньше растягивать нити паутины.

Наконец я преодолел самый трудный и опасный участок, сумев нигде не коснуться ловчей сети, и двинулся дальше. Через несколько шагов мне удалось вернуть телу более вертикальное положение, и с минуту я отдыхал, зацепившись за верхнюю нить не пальцами, а обратной стороной локтей. Затем осторожно соскользнул по уходящей под углом вниз неклейкой спиральной нити до следующей радиальной, переступил на нее, поднялся на верхнюю спиральную нить, соскользнул уже по ней, уже круче, до новой радиальной, а с нее шагнул в нижний угол треугольника из нитей, верхним углом которого паутина крепилась к краю обрыва. Перекинув сперва одну, затем вторую руку на камень, и отталкиваясь ногой от дальней стороны треугольника, я вскарабкался на плато.

- Как видишь, ничего сложного! - крикнул я Кэролайн, надеясь, что с такого расстояния она не замечает моего тяжелого дыхания. - Еще одна вещь, которую невозможно проделать в платье, а вот в брюках - запросто. Главное - не дергаться. Делай все медленно и аккуратно.

Кэролайн раскатала рукава и даже слегка стянула рубашку с плеч, чтобы поглубже упрятать пальцы, а затем натянула сверху мои беспалые перчатки для дополнительной защиты. Однако на этом ее решимость вновь иссякла.

- А... он точно не вылезет? - спросила девушка, не трогаясь с места.

- Ну из-за меня же не вылез! А ты весишь меньше, так что тебе беспокоиться вообще не о чем.

- Стервятники весят еще меньше, - не согласилась она.

- Слушай, если ты так и будешь стоять там и придумывать отговорки, действительно прилетят стервятники, попадут в паутину, и вот тогда паук точно вылезет и сорвет наш план. Тебя что больше пугает - паутина или костер в Холинбруке?

- Ненавижу выбирать из двух зол, - проворчала Кэролайн, однако легла на край обрыва и ухватилась упрятанными в рукава руками за верхнюю нить. Подбадриваемая моими указаниями типа "ногу вертикально вниз, до упора, не бойся, там не пропасть, там нить, вот так, теперь переноси на нее вес...", она благополучно перебралась на паутину и начала свой путь.

- Эту нить почти не видно, - пожаловалась Кэролайн, глядя под ноги. - У меня такое чувство, словно я ступаю по воздуху. Все инстинкты противятся.

- Если ты можешь ходить по воздуху, значит, тебе нечего бояться высоты, - ответил я. - Так и передай своим инстинктам. И не забывай считать маргаритки. Нужно двигаться медленно и ритмично, тогда паук будет думать, что паутина просто качается на ветру.

Кэролайн постояла на месте еще немного, а затем все же двинулась вперед, и, отсчитывая маргаритки, благополучно добралась до середины. Как я и надеялся, ей удалось сохранить на этом самом опасном участке более-менее вертикальное положение (хотя и выгибаясь назад, чтобы не коснуться ловчих нитей), а не повиснуть на руках с уехавшими вперед ногами. Даже над гниющей головой она прошла благополучно, хотя я боялся, что нежелание смотреть туда заставит девушку отвести взгляд от нити, по которой она шла, и она зацепит ногой соседние клейкие. Но Кэролайн лишь проворчала после очередной маргаритки:

- Хорошо, что мне нечем блевать.

- Потому я и сказал - позавтракаем на этой стороне, - невозмутимо подтвердил я. - Ты отлично справляешься, осталось меньше половины. Теперь с каждым шагом будет легче.

И тут она вдруг испуганно дернулась и застыла на месте, склонив голову вниз через верхнюю нить, за которую держалась.

- Что такое?

- Всадники!

Она воскликнула это почти шепотом, хотя на самом деле снизу ущелья расслышать наши голоса было невозможно. Точно так же и мы не слышали шагов ихних коней - не звонкого цокота подков по крупным булыжникам, а глухого шороха мелкого каменного крошева, покрывавшего дно ущелья в этом месте. Но теперь их увидел и я - приближавшийся справа, с той стороны, куда смотрела Кэролайн, патруль из всего четырех человек, которые, однако, легко могли бы привести подкрепление. А главное - со своими телескопическими прицелами могли бы и без всякого подкрепления застрелить девушку прямо на паутине. На фоне неба она представляла собой хорошую мишень. И перебраться на мою сторону плато она бы уже не успела.

Однако похоже, пока что никому из них не приходило в голову и посмотреть на триста ярдов вверх, в том месте, где, как они хорошо знали, ни переправа, ни спуск невозможны.

- Спокойно! - велел я девушке. - Они тебя не видят. А если и увидят - с такого расстояния не поймут, что это ты, - если только не проверят через свои прицелы, добавил я мысленно. - Подумают, что это паук со своей добычей. Знаешь что, спустись пониже, к самой голове коня, и растопырь пошире руки и ноги. Тогда точно не отличат. Пропускаешь пять нитей вниз, шестая - не клейкая...

На сей раз она не стала рассуждать о своих рвотных позывах, а, в полном соответствии с Правилом Номер Один, с похвальной сноровкой спустилась практически к самой конской голове, растопырив ноги по бокам от нее, после чего замерла в такой позе. С расстояния в

четыреста ярдов это, наверно, и впрямь походило на паука, не то пеленающего, не то уже пожирающего добычу.

- Отлично, так и виси, - одобрил я. - Я скажу, когда можно будет лезть дальше.

Всадники ехали, не меняя темп. Я навел на них бинокль. Никто из них не смотрел вверх - похоже, им даже не приходило это в голову. Вместо этого они всматривались в мелкую щебенку под ногами коней, проверяя, очевидно, не обнаружатся ли наши следы там. Я следил за ними, подбадривая Кэролайн ("даже не поднимают головы"), пока они не проехали прямо под нами и не поскакали дальше.

- Порядок, - сообщил я девушке. - Они уже не оглянутся. Поднимайся обратно так же, как спустилась, и иди сюда.

Она потянула правую руку вверх, стала разгибать ноги - и вдруг не то испуганно, не то возмущенно вскрикнула.

- Что такое? - встревожился я, только что убравший бинокль в карман.

- Мои волосы! Они приклеились!

И только тут я понял, какого дурака свалял. Вот что значит никогда не водить в Пустоши женщин! Конечно же, ее роскошные волосы - которые я, по правде говоря, в первый же день хотел посоветовать ей срезать, но потом решил, что они могут послужить ей дополнительной защитой и от солнца, и от холода, а в крайнем случае - стать материалом для силков. Ну, по крайней мере, надо было заплести их в косу и засунуть под рубашку, но ни она, ни, главное, я об этом вовремя не задумались! Пока она шла по верху паутины, волосы оставались выше клейких нитей - но стоило ей спуститься, и первое же дуновение ветра приклеило их сразу в нескольких местах, пока все мое внимание было сосредоточено на всадниках...

- Только не дергайся! - воскликнул я, сбрасывая с плеч рюкзак. - Сейчас я подойду к тебе с ножом, и мы их отрежем!

Но было уже поздно. Кэролайн, которая, по правде говоря, держалась героически до этого самого момента, преодолевая и свою фобию перед паутиной, и вполне естественный страх перед высотой, а затем - и перед врагами, которые могли расстрелять ее, как в тире, теперь не выдержала и запаниковала. Она попыталась сама отодрать свои волосы от клейких нитей, что, естественно, привело только к тому, что у нее прилипла еще и рука. И, конечно же, при этом она принялась яростно дергаться и вырываться, как самый последний безмозглый (несмотря на две головы) стервятник.

И результат не заставил себя ждать.

Он вылез из своей щели, резво перебирая всеми восемью конечностями, каждая из которых кончалась не когтем, как у обычных пауков, а мощной клешней, похожей на два толстых уродливых пальца. Темно-серый, под цвет камня, с лоснящимся, словно гигантский вздутый волдырь, брюшком, и покрытой безобразными наростами головогрудью, он был даже отвратительней, чем нормальные пауки, если увеличить их до таких размеров (что, впрочем, характерно практически для всех пустошных тварей в сравнении с ихними прототипами). Особенно мерзкими были восемь выпученных глаз, мутно-белесых с багровой окантовкой, походившие не то на опухоли, не то на гноящиеся нарывы; впрочем, и шевелившиеся ниже членистые жвала в несколько рядов были немногим лучше. В общем, даже с расстояния в два десятка ярдов зрелище было так себе (хотя прежде мне доводилось видеть этих тварей вблизи, так что я знал все детали) - а Кэролайн находилась к нему вдвое ближе, это с ее-то фобией. Впрочем, как раз в данном случае для фобии были самые веские основания.

- Кэролайн, Правило Номер Один! - рявкнул я. - ЗАМРИ И НЕ СМОТРИ НАЛЕВО! Я уже иду! Сейчас я тебя вытащу!

Стрелять я, понятное дело, не мог - всадники внизу услышали бы это сразу. Так что я снова спустился на паутину и полез по ней обратно, перебирая руками по верхней нити - таким же путем, каким шел сюда, но уже левым боком вперед (чтобы оставаться на одной стороне

паутины с пауком и Кэролайн), и, конечно, без всяких "маргариток", а двигаясь так быстро, как мог.

Разумеется, состязаться в скорости с пауком на равных я все равно не мог, и не только потому, что у него было вдвое больше конечностей. Происходи дело поздно вечером или, тем паче, в сумерках, он бы добрался до девушки куда быстрее меня. Но сейчас восходящее солнце светило ему прямо в глаза, так что паук, для которого и полная луна-то слишком яркая, был полностью слеп - и ориентировался только на подрагивание нитей, а также запахи и звуки, которые он тоже улавливал волосками на своих ногах. И когда Кэролайн, наконец, застыла неподвижно чуть выше центра паутины, а я, наоборот, потопал по ее верхнему краю, паук остановился в нерешительности. Он понял, что имеет дело сразу с двумя, гм, посетителями, каждый из которых намного крупнее его обычной добычи и при этом ни один из которых не ведет себя, как беспомощно бьющаяся запутавшаяся жертва. У меня была надежда, что это заставит его ретироваться обратно в трещину, но увы. Повисев на месте - вероятно, в ожидании, что я тоже запутаюсь и застряну - он в конце концов все же двинулся к центру паутины, то есть к Кэролайн. Ее он, как видно, счел уже неспособной сопротивляться жертвой, а меня, коль скоро я упорно не хотел запутываться - конкурентом, возможно даже - другим пауком, который, быть может, отступит сам, если продемонстрировать ему готовность защищать свою добычу. Ну то есть я не могу, конечно, знать о чем он думал и на что надеялся на самом деле - если такие слова вообще применимы к пауку - но по крайней мере повел себя он так. И все же его первоначальная нерешительность дала мне время добраться до середины, то есть к моменту, когда паук решительно устремился к Кэролайн, я был уже у нее над головой.

- Он... вылез? - жалобно спросила девушка, по-прежнему послушно не поворачивая голову налево. Впрочем, наверняка она и сама уже ощущала колебания паутины, свидетельствовавшие о приближении ее создателя.

- Главное - не смотри туда! - повторил я таким тоном, словно в этом и заключался рецепт спасения. (Впрочем, истерический визг и хаотичные рывки паутины подо мной мне бы точно не помогли.) - Я с ним разберусь.

Да уж, я разберусь. Коль скоро я не мог стрелять, из оружия у меня оставался разве что нож. Которым, во-первых, убить такую тварь почти нереально, особенно если он не насажен на длинное древко (и уж тем более - орудуя одной левой, обращенной к врагу, рукой, в то время как правой приходилось бы держаться за паутину), а во-вторых, даже если бы мне это и удалось - звук падения такой туши привлек бы внимание все еще недалеко уехавших всадников столь же верно, как и выстрелы.

И тем не менее - оказавшись чуть левее Кэролайн, но все еще правее быстро приближавшегося паука, я выхватил нож, но не полез вниз, чтобы успеть вклиниться между пауком и девушкой. Вместо я этого я принялся что есть силы пилить верхнюю нить - самую толстую и прочную, по сути державшую на себе основной вес паутины. Впятеро прочнее стали того же диаметра, да - но это касается прочности на разрыв, а не устойчивости к перепиливанию, особенно мелко зазубренной обратной стороной бэдлэндерского ножа. И все же это было совсем не так просто, и нить все еще держалась, когда паук оказался уже почти подо мной, а значит, до Кэролайн ему оставалась пара ярдов. А главное, я понимал, что произойдет, когда нить лопнет - я лишусь "перил", за которые держусь правой рукой, и полечу вниз. Нить слишком тонкая, она неминуемо выскользнет, если я попытаюсь повиснуть на одной руке на ее обрывке - а если бы я даже ухитрился сделать петлю, чтобы захлестнуть руку, то мне бы, пожалуй, в рывке при падении оторвало кисть прямо сквозь перчатку.

Поэтому я сделал еще одну безумную вещь. Не дожидаясь, пока нить оборвется, я спрыгнул вниз сам.

Разумеется, не в пропасть. Я прыгал на нижние нити. Мой расчет строился на том, что паутине (и, соответственно, верхней нити) и так приходится выдерживать необычно большой

вес - паука, меня и Кэролайн, ну и лошадиной головы в придачу, причем вся эта нагрузка сейчас сосредоточилась по центру, под той точкой, где уже успел поработать мой нож. И рывка при моем прыжке на нижние нити верхняя не выдержит.

Конечно, я уже не мог высчитывать в полете, за какие нити хвататься и на какие приземляться - клейкие или неклейкие. Я ухватился за клейкие (правой рукой - в левой я по-прежнему сжимал нож), и это было хорошо - как более эластичные, они растянулись и не разрезали мне руку (а также одежду, которой я тоже приклеился), а главное - надежно удержали меня, прилипнув по всей высоте моего роста (несмотря на то, что в падении я рассек ножом еще несколько ловчих нитей слева от меня). Правда, я свалился таким образом практически прямо в объятия пауку, который, наверно, даже не ожидал такого подарка - но в тот же миг верхняя нить лопнула, нарушая всю конструкцию паутины. Та рывком просела (при этом лопнули и обвисли еще несколько нитей ловчей сети, проходивших сверху), но дальнейшее разрушение остановили туго натянувшиеся радиальные нити, на которые приходилась теперь вся тяжесть.

Этот рывок стал, понятно, неприятным сюрпризом для паука, хотя инстинкт и не позволил ему сорваться или соскользнуть с неклейких нитей на клейкие. Однако он застыл на месте, не пытаясь атаковать меня, оказавшегося в каком-то ярде от его передних ног, клешни которых судорожно сжали натянувшиеся нити. Не то чтобы я просчитал это заранее - в тот момент я действовал интуитивно и, кажется, единственным возможным образом - но потом я понял причину его ступора. Ведь он по-прежнему ничего не видел и полагался в первую очередь на осязание - а ощущение частично разорвавшейся паутины, где одни нити пропали вовсе, а другие резко и непривычно натянулись, сильно изменилось. Как если бы у того, кто смотрит глазами, часть поля зрения погрузилась во тьму, а в оставшейся поменялись бы все цвета. Паук был попросту дезориентирован. И это давало мне еще, по крайней мере, несколько столь необходимых секунд.

В тот же миг справа от меня раздался испуганный вскрик (но все же не пронзительный истерический визг, как я опасался) - Кэролайн, как видно, все же не утерпела и повернула голову, когда я свалился чуть ли не прямо на нее, а затем вся паутина резко дернулась. Но на это я уже не мог отвлекаться. В два взмаха ножа я освободил правую руку (прочие нити продолжали надежно удерживать меня от падения), выхватил из кармана флягу со спиртом (вот что значит всегда, не думая, знать, где что лежит) и выдернул зубами пробку. А затем плеснул, целясь пауку - нет, не в глаза, до которых, скорее всего, не добрызнул бы в достаточном количестве, да и не так-то они были ему сейчас и нужны, а на передние ноги, покрытые жесткими волосками. Этими самыми волосками паук и слышит, и нюхает. И запах чистого спирта, залитого ему, можно сказать, прямо в ноздри, ему явно не понравился.

Он попятился. Сообрази он хотя бы теперь, что меня лучше оставить в покое - я бы ответил ему тем же. Любые припасы надо экономить, и спирт в том числе. Но он явно не собирался убираться обратно в свою трещину, так что я старательно оросил нити паутины между мной и ним (в особенности радиальную), плеснув и вверх, и вниз. Резать их было бы слишком долго, и к тому же я не смог бы дотянуться ножом туда, куда долетали и стекали капли. А в чем паутина точно уступает стали, так это в устойчивости к огню.

Я сунул флягу на ее законное место и достал из левого верхнего внутреннего кармана спички.

- Кэролайн! - крикнул я. - Прижмись к клейким нитям всем телом!

- Что?

- Ты должна как следует приклеиться, или упадешь! Сейчас мы полетим, как на маятнике, постарайся удариться о стену согнутыми руками и ногами и ничего себе не сломать!

Я зажег спичку и поджег радиальную нить, практически вертикально тянувшуюся между мною и пауком. Пламя побежало и вверх, и вниз вслед за шустро стекающим спиртом, распространяясь и по нитям спиралей. Я не особенно боялся, что огонь доберется до меня,

рассчитывая, что радиальная нить прогорит раньше.

Так оно и случилось. Утратив центральную скрепляющую часть, паутина под тяжестью паука с одной стороны и нас с Кэролайн с другой разорвалась сверху донизу - и мы, приклеенные к ней, полетели навстречу каменной стене. К счастью, горевшие и не выдержавшие натяжения нити полопались не все сразу, а одна за другой, что замедлило движение - и все равно об стену нас приложило основательно. Но все-таки без фатальных последствий.

На этом, понятно, проблемы не кончились. Теперь мы висели, опутанные паутиной, в десятке ярдов ниже края обрыва - Кэролайн выше, я ниже, а прямо рядом со мной - проклятая зловонная лошадиная голова.

Первым делом я обрезал нити, удерживавшие голову, которая, наконец, свалилась вниз. Мне уже было плевать, услышат ли ее падение всадники. Если и услышат - решат, что это сорвавшийся со стены камень, звук не такой громкий, как от целого паука. Кстати, как там паук? Взглянув на противоположную сторону ущелья, я увидел, что он таки не сорвался вниз, но теперь беспомощно барахтается между небом и землей, запутавшись в обрывках своей паутины.

- Ладно, Кэролайн, - сказал я, орудуя ножом, чтобы избавиться от мешающих мне нитей, - сейчас я, хватаясь за тебя, поднимусь повыше, хотя тебе это, наверно, не очень понравится...

- Можно подумать, от всего, что было до этого, я была в восторге, - пробормотала она, тяжело дыша.

- Ты только не бойся, паутина надежно тебя держит, ты не сорвешься!

С этим напутствием я ухватил ее за лодыжки и полез вверх, цепляясь за нее руками, а потом и обхватывая ногами, словно ствол дерева, пока не вскарабкался ей на плечи (девушка стоически вытерпела это, не сказав ни слова, если не считать "угу", когда в середине этого процесса я отдал ей нож со словами "смотри не вырони"). Дальше мне пришлось лезть уже по одной только паутине, то прилипая к ней, чтобы держаться на вертикальной стене, то по очереди отдирая ее нити от одежды, чтобы двигаться дальше. Это было довольно нудное занятие, но наконец мне удалось взобраться на край плато. Втащить девушку следом прямо на паутине я не мог из-за клейких нитей, липнущих к стене, поэтому я спустил ей веревку, так что от Кэролайн требовалось лишь крепко обвязаться и резать паутину, мешающую подъему - а затем снова приклеиваться, давая отдых мне и себе. Подниматься с помощью веревки по отвесной стене, горизонтально упираясь в нее ногами, она не умела, но все-таки, истратив, наверно, целую флягу пота, в конце концов я втащил ее наверх.

Некоторое время мы просто лежали на спине рядом, глядя в безоблачное утреннее небо.

- Как ты? - спросил я наконец.

- Вся в паутине, - ответила Кэролайн. - И мне плевать. Кажется, я избавилась от арахнофобии. Уж маленьким паучкам меня теперь точно не испугать. Даже не понимаю, как могла бояться их раньше. Теперь, наверно, я смогу есть их на завтрак.

- Это хорошо, - невозмутимо откликнулся я, - потому что нам, возможно, придется это делать.

- Есть пауков? - судя по тону, Кэролайн явно не была в восторге от буквального воплощения ее слов.

- Скорпионов, но они же тоже вроде как пауки. По крайней мере, так говорили ученые из экспедиции. Чудно́ - я-то их всегда сухопутной версией раков считал. Тем паче что в Пустошах попадаются такие, с речного рака размером. Вот их можно есть, у них только хвосты ядовитые, а тело и клешни пригодны в пищу. Хотя возни много, от панциря все это очищать. Ну, это если ничего лучше не найдем.

- Ты умеешь утешить, - в очередной раз проворчала она. - Хотя скорпионы не такие противные, как пауки... Слушай, Майк, - перебила она сама себя другим тоном, - ты ведь мне снова жизнь спас. А я тут лежу и брюзжу, даже не поблагодарю тебя.

- По правде говоря, я сам виноват, что вовремя не подумал о твоих волосах, - признал я. - Пришлось исправлять собственный косяк.

- Главное, что ты за мной вернулся. Хотя сам уже был в безопасности.

- Слушай, хватит уже подозревать меня в том, что я способен бросить тебя на верную гибель и уйти! - возмутился я.

- Я видела, на что способны люди, знавшие меня с детства, - жестко ответила Кэролайн. - А с тобой мы знакомы всего три дня.

- Вот-вот, вспомни обстоятельства этого знакомства, - проворчал я. - Если бы я хотел, я бы бросил тебя еще тогда.

- Тогда ты мог не знать, во что втягиваешься.

Ну да. Так оно, собственно, и было. Но если бы я и знал - разве я мог просто оставить ее этим... любителям барбекю?

- Ну теперь-то ты мне доверяешь? - буркнул я вслух.

- Да, конечно. Майк, ты не обижайся, я ведь наоборот тебя поблагодарить хотела! Просто я бы сама... если бы ты оказался на моем месте... я... не уверена, что вернулась бы за тобой в паутину, - призналась она.

- И не надо было тебе туда возвращаться, - спокойно ответил я. - Ты все равно не знала, что делать, и у тебя не было инструментов. Я бы спас себя сам, а ты бы только осложнила мне задачу - пришлось бы вытаскивать еще и тебя.

- Ну а если бы не спас?

- Тебе-то откуда знать? Я же не берусь судить, будет ли успешным опыт в твоей лаборатории.

- Я тоже не могу заранее об этом судить, - возразила она, - иначе не было бы смысла ставить опыт.

- Какое у нас Правило Номер Два? - потерял терпение я.

- Не проявлять инициативу без твоего согласия.

- Вот именно. Если мне будет нужна твоя помощь - я так и скажу.

- А если не сможешь сказать? Ну там тебе зажмут рот, или ты будешь без сознания?

- Уффф. Ну ладно, вот тебе общий принцип: спасать надо только того, кого ты можешь спасти. Нет ничего глупее, чем полезть помогать тому, кому ты помочь не можешь - не важно, почему не можешь: не знаешь как, не хватает сил, что угодно еще, может, другие бы на твоем месте смогли, но вот конкретно ты - не можешь, и только это имеет значение. И его не спасешь, и себя погубишь.

- Значит, - сделала вывод она, - все-таки возможна ситуация, в которой ты меня бросишь.

- Если будешь меня слушать, до такого дойти не должно, - повторил я свой прежний аргумент, - но - это Пустоши, и здесь может случиться всякое. Если шансов спасти тебя не будет никаких, то гибнуть рядом с тобой просто из солидарности я не стану, уж извини. Могу только пообещать, что если у меня еще будет, чем стрелять, я избавлю тебя от мучений.

- По крайней мере, не бросай мое тело тварям. Ты обещал.

- Если получится. Сама понимаешь - уж если нереально будет вытащить тебя живой, то я тем более не пойду на запредельный риск ради мертвой.

- Ну, если удастся отогнать тварей хотя бы от трупа. Ты можешь решить, что не стоит тратить на это патроны, но все-таки потрать.

- Слушай, брось ты эти разговоры! Мы пока еще живы и, даст Судьба, живы останемся. Давай лучше от паутины чиститься.

Это оказалось не так-то просто - когда мы выбирались из ущелья, то просто резали тонкие клейкие нити там, где они нам мешали, не обращая внимания на то, что ихние эластичные обрывки заново прилипают к одежде и коже. А вот теперь каждый такой обрывок надо было заново отодрать по всей длине, и при этом он норовил приклеиться к пальцам,

которые это делали. Хорошо, что одежда, включая рукава и перчатки, покрывала наши тела почти целиком, но несколько нитей пришлось отрывать и от лица, и хотя это и не сдирало кожу до крови, но было довольно-таки больно - особенно мне с моей щетиной. Но даже и Кэролайн морщилась, когда я отрывал эти нити от ее нежной щеки.

- Если бы не моя любовь к аккуратности, я бы уже, наверно, согласилась так их и оставить, - проворчала она. - Паутина без паука совсем не такая страшная, как я думала еще утром.

- Ха! - усмехнулся я. - Ты просто не знаешь, о чем говоришь. Паутина без паука - это как раз куда более страшная штука. Попади мы в нее, так легко бы не отделались.

- Заброшенная, что ли? А что в ней такого страшного? - удивилась Кэролайн.

- Нет. Такая, которую вообще ни один паук не строил.

- Откуда же она берется?

- Сама растет в темных местах. И сама питается всеми, кого поймает. Ее нити не просто держат добычу - они сразу же обвивают ее и впрыскивают парализующий яд, а затем прорастают в тело и выпивают кровь. На самом деле это не нити, а тонкие сосуды. Поэтому ее еще называют Красной, или Мясной, паутиной - хотя в обычном состоянии она, скорее, бледно-розовая, и вообще в темноте ее плохо видно. Высосанные останки она растворяет чем-то вроде кислоты, чтобы они не насторожили следующих потенциальных жертв. Единственный способ уничтожить ее - сжечь всю целиком, причем сама по себе она не горит, нужен внешний огонь. Иначе она снова вырастет из любого уцелевшего кусочка. Здесь такое, к счастью, не водится. А вот дальше в Пустошах ночами по ущельям и улицам Мертвых городов лучше не шляться.

Волосы Кэролайн пришлось-таки отрезать очень коротко - распутать их с паутиной было нереально. Что ее явно расстроило - все-таки, девушки есть девушки. Даже ученые.

- Ничего, - ободрил я ее, - за пять месяцев, что мы будем идти, они отрастут заново.

- Такие длинные - нет, - печально возразила она. - Это года три растить нужно. Мне вообще-то даже отец советовал короткую стрижку сделать, потому что в лаборатории нельзя с распущенными волосами. Надо их под шапочку убирать, чтобы они ни во что не попали, и на них тоже, и, конечно, чем они короче, тем удобнее. Но я для них специальный чехол сделала...

- Да, сейчас бы он пригодился, - заметил я. - Раз уж шляпы у тебя нет, и даже волос теперь негусто - возьми хотя бы мой шейный платок, чтоб голову не напекло.

Я думал, что она завяжет его под подбородком, на обычный девчоночий манер, но она соорудила бандану с узлом на затылке, как носят некоторые бандиты, что придало ей лихой и отчаянный вид.

- Класс, - искренне одобрил я; меня заботила не столько ее внешность, сколько тот факт, что теперь любой наблюдатель, даже при наличии оптики, принял бы нас за двоих парней. Не то чтобы это давало гарантию от преследователей, охотящихся за девушкой - все-таки не такие они идиоты, чтобы не додуматься до возможности подобного преображения - но, когда врагу приходится додумываться, а потом еще и проверять свою догадку, это уже лучше, чем когда нечто очевидно ему сразу. - Только учти, что, если нам снова придется выделывать акробатические номера, может свалиться - так что в таких случаях перевязывай под подбородком или прячь в карман.

- А нам придется? - без восторга спросила она.

- По крайней мере, не в ближайшее время, - утешил я ее. - Мы перебрались в очень удачном месте. Слева и справа есть другие ущелья и трещины, но они нам уже не помешают. Это такой каменный язык, который доведет нас до восточного края плато там, где он довольно пологий и много удобных для спуска мест, которые они едва ли смогут перекрыть все - особенно учитывая, что они даже не догадаются, что мы здесь. Могут, конечно, и прокатиться там для порядка, но постоянно патрулировать весь тот район у них ни людей, ни воды не хватит.

- Они ведь уже начали терять лошадей? - уточнила Кэролайн кровожадным тоном.

- У них с собой запасы воды и фуража, так что из-за этого пока еще нет. Хотя в Пустошах это не единственная причина... А, ты имеешь в виду голову в паутине? - сообразил я. - Нет, это не ихняя. Эта сдохла еще до того, как они выехали из Холинбрука. Возможно, это была лошадь Арчи Джокера.

- Кого?

- Неважно. Он уже так же мертв, как и его конь.

Мы вознаградили себя за все усилия несколькими глотками воды - какие только и могли себе позволить - и пошли дальше. Двигаясь в прежнем режиме - без лишней спешки, отдыхая в самую жару и стараясь по максимуму использовать для ходьбы темное и прохладное время суток - две ночи спустя мы добрались до восточного края плато. Эту часть путешествия можно было бы назвать совсем легкой, если бы не то обстоятельство, что у нас полностью закончилась еда, да и утолять жажду мы могли уже только росой, которую удавалось собрать губкой перед рассветом, и кислыми леденцами.

Восточный край плато в той его части, куда мы вышли, понижается где плавно, где ступенями, раскалываемый трещинами (здесь уже совсем неширокими, так что с верхнего края на нижний легко можно спрыгнуть или слезть), и превращается внизу в нагромождение огромных камней - среди которых недолго сломать ногу и даже заблудиться, если не знать, как идти, но я-то, понятное дело, знал. Говорят, такие же громадные каменные глыбы можно встретить далеко на севере, где никто не живет и куда забредают только самые отчаянные золотоискатели. Эти валуны лежат там прямо посреди равнины, и легенда гласит, что когда-то ими швырялись друг в друга обитавшие в тех краях великаны, позже побежденные и истребленные магами, но ученые считают, что на самом деле эти глыбы еще в доисторические времена, когда не было ни магов, ни даже обычных людей, притащил огромный ледник, некогда покрывавший весь Север. Не знаю, кто там прав про доисторические времена и северные земли, но уж к рельефу Пустошей маги и развязанная ими война имеют самое прямое отношение.

Когда внизу впереди раскинулось все это каменное нагромождение, исчерченное длинными утренними тенями, я долго и придирчиво изучал в бинокль и сами валуны, и равнину позади них (где тени хорошо подчеркивали каждую неровность), но не заметил ничего подозрительного. И тем не менее, я послушал свою интуицию и объявил Кэролайн, что для верности мы выждем еще один день, прежде чем выходить на равнину, где у наших врагов преимущество, пока ихние лошади не начали падать от жажды и голода.

- Как насчет нас самих? - мрачно откликнулась девушка. До этого она, надо отдать ей должное, не жаловалась на жажду и голод - впрочем, в предыдущий день мы вообще почти не разговаривали, ибо пересохший рот не очень этому способствует.

- Мы будем отдыхать, сидя на месте в тенечке под камнями. А они ездят туда-сюда по жаре. У них расход больше. Особенно у лошадей. Одной лошади в сутки надо вдвое больше воды, чем нам двоим в неделю.

- Ты же говорил, они вообще не должны догадываться, что мы здесь.

- По логике так, - кивнул я. - За это время они уже должны были объехать все вокруг и, не найдя ни нас, ни наших следов внизу, решить, что либо нас сожрал туман, либо мы в ловушке на западной части плато, и патрулировать надо только ее. Но сама знаешь - они упорные.

- Под этими камнями нет никаких родников? - спросила Кэролайн с надеждой.

- Увы. Когда-то были, но после того, как перебили всех обитавших на плато тварей, они пересохли. Уж и не знаю, связано ли одно с другим. А теперь - разве если дождь пойдет, тогда туда сбегают ручьи.

- А он может пойти? - она скептически посмотрела на совершенно безоблачное небо.

- Погода в Пустошах непредсказуема, - пожал плечами я. - Но лучше бы его не было, потому что тогда и они получат воду. Нам надо потерпеть еще денек. Если за это время они ни разу не проедут поблизости - ну, значит, они и в самом деле больше не ищут нас на равнине.

Я так говорил "денек", как будто, стоит нам спуститься с плато - и наши проблемы с водой и едой сразу разрешатся. А это было отнюдь не так.

- А если проедут? - спросила Кэролайн. - Сколько нам тут сидеть, и что мы будем пить и есть в это время?

- Там видно будет, - ответил я с беспечностью, которой не чувствовал. - Если они рыщут на такой большой территории, то должны были разбиться на мелкие группы. Если мы заметим такую раньше, чем она нас, то, возможно, сумеем ее перебить и завладеть ее припасами.

Это тоже был так себе план, учитывая, что у них дальнобойные винтовки, а у нас револьверы. Правда, среди камней внизу можно было устроить отличную засаду - но это сработало бы, только если враги подъедут или подойдут достаточно близко.

Сперва, впрочем, следовало убедиться, что такую засаду уже не устроили на нас. Я наблюдал в бинокль за камнями все утро, пока от напряжения глаз не начала болеть голова, но так и не заметил никаких подозрительных признаков типа движущейся тени или дымки от костра или самокрутки (дурацкая идея - курить, никогда не понимал, зачем создавать себе лишнюю потребность, как будто одних только жажды и голода мало. Не говоря о том, что тебя выдают и огонь, и дым, и запах. Большинство бэдлэндеров не курят, а вот ополченцы - чуть ли не каждый.) Никаких звуков, типа ржания и всхрапывания стреноженных коней, тоже не доносилось (это, кстати, еще одна причина, по которой лошади в Пустошах - плохая идея). Ни по воздуху, ни через лучше проводящий звуки камень под ногами, к которому я прижимался ухом. Так что в итоге я решился спуститься к валунам, и мы заняли удобную позицию в прохладной щели между двумя огромными глыбами, смыкавшимися над нашими головами и дававшими тень даже в полдень - и в то же время оставлявшими достаточный просвет для наблюдения за равниной снаружи, лежавшей еще парой дюжин ярдов ниже.

Ну то есть относительно удобную, конечно. Сидеть так целый день без воды и пищи - и даже без возможности отвлечь себя разговорами из-за все той же жажды - было довольно-таки скучно, и хотя Кэролайн не позволяла себе ныть, на ее недовольном личике явственно читалось, что она считает мою предосторожность излишней. Единственным способом коротать время был сон, и мы, понятное дело, спали по очереди, прислонясь спиной к стенам нашего убежища, пока другой наблюдал за равниной. Главное было - не заснуть на дежурстве, и я научил Кэролайн простому приему - зажать в кулак камень, если начнешь дремать - он выпадет и разбудит тебя своим стуком. У меня, во всяком случае, это всегда срабатывало безупречно. А с Кэролайн в схему пришлось внести некоторую поправку: она роняла свой камень, я просыпался, будил ее, а потом продолжал спать дальше. Ну, главное результат.

Но ближе к вечеру она разбудила меня вовсе не выпавшим камнем.

- Майк! - она трясла меня за плечо.

- А? - моя рука сразу же легла на рукоять револьвера.

- Смотри! - показала Кэролайн.

Хвататься за оружие было пока что рано, но в целом я мог лишь похвалить свою интуицию (в правоте которой теперь убедилась и моя спутница). С востока, как раз оттуда, куда мы ушли бы, если бы не мое решение выждать еще сутки, ехали всадники. Хорошая новость состояла в том, что их было всего трое. Менее хорошая - что направлялись они, похоже, прямиком в нашу сторону, хотя им было бы логичнее заранее взять влево или вправо, чтобы объехать плато по более плавной дуге.

Возможно, конечно, они и не имели к нам отношения. Просто какая-то мелкая банда, прячущаяся в Пустошах после ограбления банка или дилижанса и вообще ничего не знающая об идущей охоте на нас. Но я не думал, что это так.

Я навел на них бинокль. Двое выглядели, как типичные ополченцы, а вот третий походил на бэдлэндера. Хотя, конечно, по внешнему виду опытного бандита от бэдлэндера не отличишь - но только не в такой компании. Это явно не был конвоируемый пленник - напротив, он, скорее,

вел за собой этих двоих. Вероятно, они искали наши следы так далеко к востоку, как это имело хоть какой-то смысл - быть может, проверяли гипотезу, что у нас где-то в Пустошах были припрятаны свои лошади - ничего не нашли, и теперь возвращались, чтобы подтвердить своим товарищам, что мы не могли уйти дальше плато. Но почему они едут так, словно теперь намерены искать нас именно здесь - где нас, как уж бэдлэндер-то должен хорошо понимать, быть не может?

Нет, конечно, пусть попробуют. В этом лабиринте из валунов я бы сыграл в прятки на выживание и с десятком, а не то что с тремя. Но скверно, если звуки выстрелов услышат ихние товарищи, или если кому-то из них удастся ускакать за помощью.

- Пойду-ка я гляну, что они затевают, - сказал я Кэролайн. - Пока они еще не подъехали вплотную и не скрылись за нижними камнями. Ты пока оставайся тут и держи револьверы наготове, но стрелять будешь только в том случае, если они окажутся прямо перед тобой, в упор и наверняка. Если они тебя заметят или вот-вот заметят. Хотя думаю - до этого не дойдет, они сюда не полезут: если нас тут нет, то и нечего им тут делать, а если мы тут прячемся, то для них это слишком большой риск. Но если все же сунутся - я постараюсь пропустить их вперед и снять со спины. Так что не беспокойся - но все же и не расслабляйся.

Лавируя между каменными глыбами, я благополучно спустился почти до самого низа, следя, чтобы ни в какой момент не попасть на глаза противнику. До заката оставалось еще больше часа, но солнце уже опустилось за плато, так что я двигался в сплошной тени и мог не опасаться, что меня выдаст моя собственная тень; в то же время, впрочем, и врагам, как только они въехали в тень плато, солнце перестало слепить глаза. Спрятавшись за одной из глыб, я увидел, как они подъезжают на полусотню ярдов к самым нижним камням и - вместо того, чтобы свернуть и поехать вдоль них, как я все еще надеялся - останавливаются и спешиваются. Ну если вы настолько тупые, чтобы сунуться сюда втроем, идите, сначала я заберу ваши жизни, а потом ваших лошадей...

Нет. Все-таки не настолько тупые. Один, в голубой куртке с золотым шевроном на рукаве, остался в седле. Двое других при этом принялись стреноживать своих коней. Хоть это сообразили - уж если суешься в Пустоши верхом, по крайней мере стреноживай или привязывай коня всякий раз, как сходишь на землю, а не просто отдавай повод товарищу и уж тем более не бросай его просто так.

- Эй! - крикнул золотошевронный, глядя в мою сторону (но, конечно, не видя меня) и потрясая в воздухе какой-то бумагой. - Мистер Честер! Если вы там - слушайте официальное предложение от властей города и графства Холинбрук! Нам нужна только девчонка. За нее назначена награда в пять тысяч золотом. Выдайте ее нам, и получите половину. Не надейтесь, что она даст вам больше. У нее нет ни пенни, вся ее собственность конфискована, и что бы она вам ни наговорила - это все вранье. Так что это ваш последний шанс решить дело миром и ко взаимному удовлетворению. Иначе пеняйте на себя! Нас тут почти полсотни, и остальные скоро подъедут!

М-да. Выходит, кто-то в той толпе меня все-таки опознал. Тогда остается только возгордиться теми силами, которые брошены в погоню - хотя, возможно, они все-таки не сразу поняли, что никаких союзников у меня нет... Однако все равно не припомню случая, чтобы даже за самыми крутыми бандитами в Пустоши посылали городское ополчение. Всегда этим занимались только бэдлэндеры, а у ополчения совершено другие задачи и навыки - но это, впрочем, в нормальных городах, а от холинбрукских фанатиков можно ожидать чего угодно. (Да и согласились бы бэдлэндеры помогать им в охоте на своего собрата без очень веских доказательств его вины? Хотя как минимум один, похоже, согласился...) Но при этом получается, жизнь судьи Редвуда, не говоря уже о трех других, не стоит и ломаного пенни? Не иначе как его заместитель - ведь это он, должно быть, теперь ведает назначением наград? - был настолько счастлив занять его место, что даже не попытался это скрыть. А вот пять тысяч золотом - это,

прямо скажем, охренительно щедрая плата за какую-то 19-летнюю девчонку, пусть даже и подозреваемую в колдовстве. За некроманта мне заплатили три, и не золотом, а серебром - притом, что это была свински сложная и опасная миссия, требовавшая похода в самое сердце Пустошей (но, правда, и заказчиком был не Холинбрук). А больше пяти тысяч золотом я получал только за Билла Койота, но он все-таки был самым знаменитым грабителем банков от Лоурингвуда до Шмуртерсфорда, и за ним тоже пришлось изрядно побегать. А тут пять штук - ну ладно, пусть даже две с половиной - предлагают за то, что уже фактически находится в руках...

Впрочем, конечно же - ниоткуда не следует, что все это правда. Этот тип в офицерской куртке просто трезво оценивает свои шансы - втроем против засевшего в каменном лабиринте профессионала - вот и надеется, что жадный и глупый наемник купится на его посулы. А стоит этому наемнику выдать Кэролайн и проследовать в Холинбрук за наградой, как его тут же схватят и отправят на виселицу, припомнив и судью Редвуда, и остальных. Или даже пристрелят прямо тут, чтоб далеко не ходить и не портить отношения с Аркэндэйлом и всем бэдлэндерским сообществом.

Но для меня, разумеется, не имело никакого значения, реальны эти обещания или нет. Я боялся только одного - что Кэролайн, прежде уже подозревавшая, что я могу ее бросить даже и без всякой награды, теперь испугается, что я предам ее ради денег, и рванет в бега. Ищи ее потом по всему плато... и это если прежде она не попадется на глаза этим ополченцам с телескопическими прицелами...

Хотя смущало меня и кое-что еще. Пусть все, что наговорил этот тип - вранье, но откуда он... ну если не знает (тогда бы, наверно, вся ихняя кодла прискакала сюда в полном составе), то хотя бы подозревает, что мы находимся здесь - где мы, по идее, находиться не можем? Неужели кто-то из них все же разглядел с земли разорванную паутину и оказался настолько башковитым, что допер, как именно она разорвалась? Но ихний старший командир ему не поверил (в то, что остальные и в самом деле "скоро подъедут", я не верил ни на секунду - тогда бы не было смысла посылать этих троих вперед) - или, скорее даже, он и сам не стал делиться догадками ни с кем, кроме пары человек, чтобы не делить награду с прочими. Так их учат, вояк - для победы атакующим нужно иметь численный перевес над обороняющимися 3 к 1, а что это только при прочих равных, объяснить забывают...

Ладно, сейчас надо думать не об этом. Не дождавшись ответа на свой ультиматум, офицер снял с плеча винтовку и прильнул глазом к окуляру прицела, высматривая нас с Кэролайн среди камней и при этом оставаясь за пределами прицельной дальности моих револьверов - которая у "драконов" официально составляет 50 ярдов, хотя при стрельбе с упора (для чего камни вокруг как раз давали возможность) мне случалось поражать цели и вдвое дальше. Однако это без гарантии, а они (по крайней мере, двое оставшихся точно) засекли бы место, откуда был выстрел (вспышка хорошо заметна в тени), что в мои планы пока что не входило. Так что я предпочел следить за этими двумя, которые с револьверами в руках под прикрытием винтовки третьего двинулись к камням. Я обратил внимание, что похожий на бэдлэндера держит револьвер в левой руке. Кажется, в Холинбруке не очень любят левшей, с детства заставляют переучиваться... Впрочем, кто сказал, что он родом из Холинбрука? На обеих руках у него, кстати, были кожаные перчатки - есть такие пижоны, которые носят их даже в жару. По мне - глупость, и не только потому, что жарко. Стрелять в перчатке еще можно, а вот перезаряжаться неудобно.

Но надо отдать должное этим двоим - открытое пространство они пересекли не по-пижонски, а вполне грамотно, бегом и не рядом друг с другом, а по расходящимся курсам, чтобы не быть легкой мишенью. Так что мне приходилось переводить взгляд - и ствол - с одного на другого. Ополченец меня не особо интересовал - он выглядел вполне заурядным парнем и едва ли прежде бывал в Пустошах. Основное мое внимание было сосредоточено на том, что был одет,

как бэдлэндер. Прежде, чем он нырнул под прикрытие валунов, я успел, несмотря на тень и его низко надвинутую шляпу, достаточно хорошо разглядеть его лицо в те моменты, когда он задирал голову, высматривая, очевидно, меня. Ему было не меньше тридцати - уже не новичок (как я сперва было понадеялся), но узнать я его не смог. Это еще не значило, что я его никогда раньше не видел - может, и прошел когда мимо на улице, или там разминулся у входа в лавку, но вот в бэдлэндерской среде он мне точно не попадался. Это, впрочем, еще тоже ничего не значило - хотя нас, бэдлэндеров, не так уж и много, не все мы знаем друг друга. Большинство из нас предпочитает работать в одиночку (хотя время от времени и приходится объединяться для охоты на целую банду или для миссии типа охраны каравана), а есть и такие одиночки среди одиночек, которые не общаются вообще ни с кем, кроме тех, кто им непосредственно платит - ну и, собственно, "клиентов", если пулю в голову или в грудь можно называть формой общения. Живыми такие не берут. Ну а кроме того, не все бэдлэндеры занимаются этим с юности, как я. Кто-то может ступить на этот путь и в тридцать, разочаровавшись в более традиционном бизнесе. Я бы, конечно, предпочел иметь дело со вторым вариантом, а не с первым. То есть с не первой молодости новичком - что было весьма вероятно, учитывая непростые отношения холинбрукцев с нашим братом. Но, как говорится, надейся на лучшее, а готовься к худшему.

Само собой, его следовало ликвидировать первым - лучше всего бесшумно зарезать, подобравшись сзади, после чего уже легко было бы разобраться с его спутником-ополченцем, а завладев винтовкой последнего - застрелить офицера. Если бы только не изрядная вероятность, что офицер успеет заметить неладное и удрать. Все-таки бесшумное снятие часовых - это не то, чем обычно занимаются бэдлэндеры. Таким штукам учат как раз ополченцев-скаутов, а мы, хотя и умеем подкрадываться незаметно, но не для того, чтобы перерезать кому-то горло, а чтобы взять живым. Хотя взять этого "коллегу" живым и потолковать с ним мне тоже было любопытно, но этому, очевидно, помешали бы ополченцы. Но главное - я не мог понять, на что они вообще рассчитывают. На то, чтобы обшарить весь этот каменный лабиринт вдвоем, у них ушло бы много часов, даже если бы они искали нечто, что остается на одном месте и не сопротивляется - а до темноты оставалось меньше часа. Возможно, они хотят подняться на самый верх плато и осмотреть все оттуда? Думают, что мы вместо того, чтобы спуститься с плато (где мы "не могли оказаться") на равнину, наоборот, дошли сюда понизу, а потом - быть может, заметив издали их или ихних товарищей - взобрались в этом месте на плато и двинулись по нему на запад, типа чтобы запутать погоню? Если бы так, то, конечно, за пределами нижней зоны камней, трещин и уступов нас было бы заметно на большом расстоянии - укрыться на голом плато вверху практически негде, в этой части даже никаких развалин не сохранилось. Ну, пусть поднимаются и проверяют...

Было еще, конечно, опасение, что им каким-то образом все же удалось заметить меня в моем укрытии среди камней - хотя вроде бы ни линза бинокля, ни ствол револьвера не могли предательски блеснуть в густой тени. И что, соответственно, войдя в камни с двух сторон - бэдлэндер справа от меня, ополченец слева - они теперь попытаются взять меня в клещи. Однако не знаю, чему там учили ополченца на его скаутских курсах - или же он вовсе не учился на таковых - но топал он, как слон. (Хотя, по правде говоря, я никогда не слышал, как топают слоны, и лишь пару раз видел их на картинке. Но, поскольку у них нет копыт, а стало быть, и подков, полагаю, что лошади должны топать громче. Так что даже не знаю, почему про слонов такое говорят.) В общем, мне было хорошо слышно, как он карабкается между камнями наверх, и я даже подумал, что он (возможно, и не догадываясь об этом) играет роль живца, на которого предполагается выманить меня - а как только я окажусь у него за спиной, чтобы прикончить, у меня самого за спиной окажется бэдлэндер. Но вскоре я заметил и его шляпу, мелькавшую между валунов - он, хотя и не так шумел, как его товарищ, шел в полный рост и не пытался прятаться, так что, похоже, даже не догадывался о моем присутствии. Я прикинул, что, хотя эти двое и идут навстречу друг другу, встретятся они выше по склону. Ну и отлично. Я пропущу их

вперед и аккуратно последую за ними, а там посмотрим, что делать дальше. Эх, если бы не хренов третий...

Ополченцу тем временем, как видно, показалось мало выдавать себя только звуком шагов, и он решил добавить для полноты картины еще и голос:

- Зря мы сюда поперлись, - проворчал он, когда из-под его ноги в очередной раз шумно посыпались камни. - Только переломаем себе ноги на этих булыжниках. Ну сам посуди, откуда им тут взяться? Кабы они низом вокруг плато шли, мы бы их давно догнали. А поверху сюда через ущелья не перебраться. Ты же сам карту видел.

- Видел, - откликнулся самоуверенным тоном бэдлэндер (он был уже совсем близко, я даже на всякий случай отполз назад, вжимаясь под камень). - Но мое чутье говорит мне, что она где-то здесь.

"Она"? То есть меня он уже даже и в расчет не берет? Прямо-таки обидно такое небрежение слышать. Особенно когда он чуть ли не на руку мне наступает, проходя мимо.

- Чутье твое... - недовольно бурчал ополченец (судя по голосу, он уже поднялся выше меня). - Ты вот мне объясни, как она здесь оказаться могла, если не поверху и не понизу? На крыльях прилетела?

- Ну, она же ведьма, - усмехнулся бэдлэндер. - Может, и прилетела. А только меня чутье обычно не подводит, потому меня и наняли.

И тут я увидел его в просвете между камнями. Он уже прошел мимо меня, но вдруг остановился. Моей первой мыслью было, что он все-таки что-то заметил, и это было плохо, потому что вскочить и бесшумно зарезать его я уже не успею, придется стрелять. Второй мыслью - что он, возможно, остановился справить малую нужду до того, как встретится с товарищем, что тоже не очень радовало, потому что потечет в мою сторону.

Но он не стал ни оборачиваться, ни расстегивать штаны. Вместо этого он, опустив револьвер, правой рукой вытащил из кармана какой-то синий лоскут и поднес его к лицу. Теперь уже моей первой мыслью было, что это платок, которым он хочет вытереть пот. Ну ясное дело, сперва катался по жаре, а теперь карабкается вверх по нагромождению камней - конечно он весь потный. Однако утираться он не стал. Просто поднес ткань к лицу и застыл, уставившись на нее в упор.

Тогда я подумал, что это вышитая карта. Такие стоят намного дороже бумажных и при этом не так точны - ниткой-то не изобразишь мелкие детали, и к тому же ткань тянется - зато они охренительно надежны, хоть ты под проливным дождем ее смотри, хоть в лужу грязи с ней падай, ей ничего не сделается, и на сгибах она не рвется, в отличие от бумажной (моя-то вон вся уже истрепалась, собирался новую заказать, да так и не успел). Однако я никогда не слышал о вышитых картах синего цвета. Их всегда вышивают на белой ткани, так лучше видно рисунок, особенно в темноте. И кроме того - я смотрел снизу вверх с расстояния около пяти ярдов, и его голова и рука частично закрывали от меня лоскут, так что видно было не очень хорошо, но никакого намека на рисунок я там различить не мог. Да и сам лоскут был слишком маленьким для карты. И каким-то... неаккуратным.

И тут я вспомнил платье, которое сорвали с Кэролайн. Полная луна светила тогда так ярко, что позволяла различать цвета - по крайней мере, отчасти. И я мог поручиться, что это платье было синего цвета. Вот совпадал ли оттенок, я уже сказать не мог.

Увиденное настолько удивило меня, что я застыл не хуже камня, под которым прятался. И тут же снизу донеслось резкое конское ржание и человеческие проклятия вперемешку со стуком копыт:

- Стой! Тпрру! Куда?! Стой, чтоб тебя!!!

Я еле успел отпрянуть за камень, чтобы резко обернувшийся бэдлэндер меня не заметил. Не рискуя выпрямиться, я не видел, что происходит внизу, но прекрасно мог догадаться. Не иначе как одно из тех общительных насекомых, о коих я упоминал, учуяло запах конского пота и

прилетело засвидетельствовать свое почтение. И теперь обезумевший от боли конь мчался прочь, не разбирая дороги, вместе со своим всадником.

Я же говорил, что лошади в Пустошах - это плохая идея.

Слева от меня забухали сапожищи - ополченец помчался вниз на выручку своему командиру (хотя не знаю, как он рассчитывал ему помочь). Бэдлэндер, как я мог слышать, буркнул под нос какое-то проклятие и несколько секунд оставался на месте, но затем все же, очевидно, решил, что оставаться тут в одиночку и без всякого прикрытия слишком опасно, и тоже побежал вниз.

Я не стал ему препятствовать. Убрать его бесшумно я бы уже не смог, а поднимать пальбу при свидетелях по-прежнему не хотел. Пусть лучше его товарищи думают, что он облажался со своим "чутьем", что бы оно ни значило, и никого здесь на самом деле нет и не было.

Едва они убежали, я высунулся из-за камня и поднес к глазам бинокль. Пока двое торопливо развязывали путы своих коней, судьба ихнего командира разрешилась без ихнего участия. Вообще говоря, самое правильное в ситуации, в какой он оказался - перерезать лошади яремную вену. Тогда она не рухнет на полном скаку, кувыркаясь через голову и с размаха впечатывая тебя в каменистый грунт, а истечет кровью и лишится сил достаточно плавно, чтобы успеть остановиться или хотя бы замедлиться прежде, чем свалится. Но золотошевронника, видимо, не научили этому на кавалерийских курсах - а может, ему стало жалко коня (хотя и все равно уже почти наверняка обреченного), что у кавалеристов тоже случается (ну понятно, лошадь же не девушка, приговоренная к сожжению заживо у столба, ее и пожалеть можно). В общем, он не то сам выпрыгнул там, где счел почву наиболее мягкой, не то просто не удержался в седле на таком безумном галопе - но, так или иначе, грохнулся на землю, а лошадь в облаке пыли умчалась дальше на восток и вскоре скрылась из виду в дрожащем мареве.

Двое других наконец распутали своих коней и поехали к упавшему офицеру, который не поднимался, но, судя по шевелению, которое я наблюдал в бинокль, был еще жив. Вероятно, у него была сломана нога, а возможно, и не только. Подъехав, они подняли его и усадили на лошадь второго ополченца, который повел ее в поводу. Бэдлэндер поехал на своей. Так, шагом, они направились на юг в объезд плато. Когда они скрылись из виду, я поднялся туда, где оставил девушку.

- Кэролайн, это Майк, - заранее предупредил я ее в сгущающихся сумерках. - Не стреляй, пожалуйста.

Мне никто не ответил. Я шагнул в наш "домик", образованный сомкнувшимися сверху глыбами - и не увидел никого внутри.

Проклятье! Я быстро оглянулся по сторонам, уже с двумя револьверами в руках. Во мраке я не мог разглядеть практически никаких деталей, и не был уверен, что мне стоит зажигать огонь. Неужели вся история, разыгравшаяся внизу, была лишь ловушкой, чтобы отвлечь меня? Да нет, бред, откуда им тут взяться, они-то точно не летают и по паутинам не лазят...

- Майк, я тут, - услышал я голос девушки. Я обернулся и (с огромным облегчением) увидел ее подходящей с той же стороны, откуда только что пришел сам. И в руке у нее был револьвер - правда, уже опущенный.

Выходит, она спряталась в засаде и пропустила меня, проверяя, один ли я. А я ее даже не заметил, а еще бэдлэндер с четвертьвековым стажем!

- Все еще не доверяешь, - вздохнул я. - Думаешь, что я способен предать тебя за холинбрукское золото?

- Ну... - она убрала оружие в кобуру, - я не видела, что там внизу творится. Подумала - а что, если тебя захватили? И приставили револьвер к голове. Ты ведь не обязан умирать за меня.

- Не родился еще сосунок, который мог бы захватить живым Майка Честера, - самодовольно усмехнулся я. Хотя, по правде говоря, только что она сама была близка к этому - если бы, конечно, она была моим врагом. Но, если бы я ожидал встретить здесь врага, я бы,

конечно, был осторожнее.

- Ты не добыл нам воду? - мигом окоротила она мое самодовольство.

- Увы, нет, - вынужден был признать я. - Они свалили до того, как я получил возможность ими заняться - один из них, правда, с переломанной ногой, и где-то там все еще бегает его лошадь, которая, я надеюсь, этой ночью станет нашим трофеем... Но знаешь, что интересно? Как они вообще здесь оказались. Один из них, похоже, очень хорошо знал, где тебя искать.

Я рассказал ей то, что видел, и спросил, что она об этом знает.

- Ничего, - покачала головой Кэролайн, похоже, удивленная не меньше меня. - Может, это и правда был клочок моего платья, может, и нет. И левшу этого тоже не знаю. То есть, может я его, конечно, где в городе и видела, но внимания не обращала. По описанию ведь не поймешь.

Это да, во внешности у парня, на первый взгляд, ничего особо примечательного не было - средний рост, темные волосы, длинное худое лицо с прямым носом и тонкими губами, бритый. Последнее, как я уже упоминал, для бэдлэндера в Пустошах не характерно - но это в Пустошах, дома-то большинство из нас обычно бреются. А охота за нами началась недавно, так что, может, просто не успел еще обрасти... впрочем, нет, для бороды рано, а щетина уже должна быть вполне заметная, особенно при темных волосах. Но его щеку я рассмотрел достаточно хорошо - не было там щетины, это точно. Что еще? Пальцы, уши, глаза - все на месте, насколько я мог разглядеть, шрамов вроде нет, одна особая примета, что левша, да и ту не сразу заметишь, если встретишь просто на улице. Бледноват, правда, для бэдлэндера, наш брат обычно более загорелый - ну так лицо прикрывают поля шляпы, которую он чуть не до самого носа нахлобучивает. И все-таки, чтобы солнце ни с какой стороны подобраться не могло, надо или лицо платком заматывать, или... вовсе в Пустошах не бывать. В общем, для города этот парень выглядел вполне заурядно, а вот для Пустошей странновато. Походил на пижона, нацепившего бэдлэндерские шмотки ради понтов - но я уже не сомневался, что он не был дешевым позером, которого холинбрукцы наняли просто от невозможности привлечь настоящего профессионала. Они, может, и фанатики, но не до такой степени идиоты - особенно учитывая, с каким размахом они подошли к охоте. Если он и в самом деле не бэдлэндер, а лишь одет как бэдлэндер - они наверняка это знают, и он полезен им чем-то еще. Кто же он такой?

- Он выглядел точь-в-точь как собака, нюхающая вещь разыскиваемого человека, - сказал я. - Но ведь людей с собачьим чутьем не бывает?

- Нет, конечно.

- И наука их создать не может? Ну типа как сделали же линзы, многократно усиливающие зрение. Может, есть какие-то вещества, которыми подышишь - и усиливается нюх? А лоскут, например, чем-то таким и пропитали.

- Я, конечно, не биолог, - ответила Кэролайн, - но не думаю, что такое возможно даже теоретически.

Угу, подумал я про себя. Если бы у него и правда собачий нюх был, он бы и меня в нескольких ярдах от себя учуял. Я ж тут тоже не первый день потею, а помыться еще невесть когда смогу.

- Полагаю, - сказал я после паузы, - версию с магическим амулетом тоже можно исключить. Только не в Холинбруке, где даже за... - я хотел сказать про гиеньи пенисы, но на сей раз вовремя сдержался, - ...куда более безобидные вещи валяют в смоле и перьях.

- Да, - согласилась Кэролайн, - особенно когда заказчиком выступает КОБ.

- Тогда, - предположил я после еще одной паузы, - возможно, дело не в клочке ткани, от твоего он платья или нет, а в тебе самой? В каком-то твоем особом качестве, способном притягивать... нет, я не имею в виду, что ты и правда ведьма! - поспешно перебил себя я, видя, как зажглись возмущением ее глаза. - Просто в результате опытов в вашей лаборатории ты обрела какое-то свойство, которого нет у других людей. И которое можно обнаружить на расстоянии.

- Майк, это все чушь из безграмотных книжек, которые в аптеках[11] предлагают на сдачу, - раздраженно покачала головой она. - Неосторожное обращение с реактивами может привести к отравлению или ожогу, но никаких мистических свойств они не дают. Тем более таких, которые можно обнаружить за несколько миль с помощью какой-то тряпки. Это же не был какой-то прибор типа компаса? Ты же там стрелки не видел? Как ты такое себе представляешь даже чисто технически?

- Никак, - пожал плечами я, - как ты говоришь, это не моя область.

- Зато моя. Так что можешь мне поверить - я самый обычный человек. Ну то есть, конечно, более умный, чем многие другие... особенно чем эти варвары... но физически и, если угодно, химически я ничем не отличаюсь от прочих.

- Тогда почему за тебя назначили такую большую награду?

- Спроси у них, - сердито пожала плечами Кэролайн. - Если это вообще не вранье.

- Думаю, что не вранье, - медленно произнес я. - Уже численность той оравы, которую они отправили на охоту - вместе с лошадьми, замечу, каждая из которых стоит приличных денег - показывает, что они готовы на весьма серьезные расходы, чтобы заполучить тебя. Сначала-то я думал, что весь этот шухер из-за судьи Редвуда. Но, похоже, на него им вообще плевать, сдох и хрен с ним. И в то, что нас тут большая банда, они тоже уже не верят. Им нужна именно ты. И их даже не устраивает перспектива твоей весьма вероятной гибели в Пустошах - ну то есть, пока с тобой я, этого не случится, но они-то могут считать, что у тебя нет шансов, поскольку ни одна женщина никогда еще... Но нет, им непременно нужно твое тело, живое или мертвое. Неужели только ради удовольствия спалить его на костре? Всего-то из-за какого-то родимого пятна?

- А для чего еще?

- Ну... если дело не в тебе самой, тогда, возможно, у тебя есть какой-то предмет, который им нужен? И именно он и притягивает этого левшу с его тряпкой? Что-то такое, что вы с отцом получили в своей лаборатории...

- Майк, - вздохнула она, - мне неудобно об этом напоминать, но ты уже видел меня совершенно голой. Где, по-твоему, я могла бы спрятать этот "предмет"?

- Ну... где-где... - пробормотал я. - Проглотила, например. А потом, ну, достала из... - я не стал уточнять, из чего. - А может, он и до сих пор у тебя внутри. Если это, к примеру, драгоценный камень... Ты ведь говорила, что достанешь деньги, как только мы прибудем в восточные княжества!

Тут я, прямо скажем, судил целиком и полностью по себе, но Кэролайн не догадалась, кто действительно прячет и собирается продать драгоценный камень, а лишь брезгливо поморщилась:

- Мы с отцом ученые, а не ювелиры. Не говоря о том, что никто не может почувствовать драгоценный камень на расстоянии, будь он хоть внутри, хоть снаружи.

- Ну да! - тут же перестроился я. - Я же говорю - что-то, что вы получили в лаборатории! Камень, которого нет в природе, уникальный в своем роде, потому и... - и тут я вспомнил, что КОБ ставил им в вину изучение алхимических трактатов, и меня поразила новая мысль, от которой я едва не поперхнулся: - Философский камень?!

На этот раз она не стала морщить нос и закатывать глаза, а просто звонко рассмеялась:

- Ох, Майк! Какой же ты... Философский камень, ну конечно! Который должен был превратить мои... внутренние органы в золото - так? Не думаю, что мне бы понравилась такая трансформация.

- Ну, - буркнул я, чувствуя, что она считает меня совсем уж невежественным простофилей, - может, в реальности все и не совсем так, как в легендах. И потом, можно же в футляр положить... он станет золотым, но дальше процесс не пойдет...

---

[11] В американских аптеках (drugstores) продавали и продают не только товары медицинского назначения.

- А сверху маслом намазать, чтобы легче глотать было, или там засовывать, - продолжала забавляться она. - Нет, Майк, жаль тебя разочаровать, но никаких камней во мне нет - ни философских, ни простых, ни даже тех, что бывают в почках, Судьба, как говорится, миловала. К твоему сведению, философский камень вообще никогда не существовал как реальный физический объект - даже в эпоху магов. Это просто такая теоретическая абстракция, типа абсолютно черного тела. Универсальный катализатор, обеспечивающий протекание любой реакции... Некоторые его свойства проявляет платина, хотя она далеко не столь универсальна. Однако даже алхимикам в итоге стало понятно, что золото ни с помощью каких катализаторов не получишь, потому что никакая химическая реакция не способна превратить один элемент в другой. Маги, если верить хроникам, действительно умели осуществлять трансмутацию элементов и вообще превращать практически что угодно во что угодно, но они это делали за счет своих собственных способностей, а не за счет какого-то волшебного камня, который работал бы без их помощи. Во что бы там ни верили суеверные дураки, после смерти магов любые созданные ими артефакты превратились в самые обычные предметы, имеющие в лучшем случае эстетическую ценность. И, упреждая твой следующий вопрос - нет, никаких *таких* предметов у меня тоже при себе нет. Ни в каких... местах тела. Надеюсь, поверишь на слово и не будешь пытаться проверить?

- Кэролайн, - вздохнул я, - надеюсь в свою очередь, что ты понимаешь - я не покушаюсь ни на твою скромность, ни на твои научные достижения, но если есть что-то, что облегчает задачу нашим врагам и соответственно осложняет ее нам - а также, кстати, и наоборот - я должен это знать.

- Да, я это прекрасно понимаю. Нет, ничего такого нет. Во всяком случае, - добавила она с видом юриста-педанта, добивающегося формулировки, к какой не подкопаешься, - ничего, о чем мне было бы известно.

- Тогда как ты объяснишь левшу и его тряпку?

- Должно быть, тоже какое-то суеверие.

- Но это суеверие чуть не привело его прямиком к тебе - притом, что меня он не заметил.

- Совпадение, - пожала плечами Кэролайн. - Все суеверия строятся на них.

- Ну ладно, - вздохнул я. - Тогда понадеемся, что больше таких совпадений не будет.

Спускаться в темноте через нагромождение камней, где и днем недолго оступиться и запутаться, было не лучшей идеей, но идея ждать восхода луны нравилась мне еще меньше - я все же очень надеялся отыскать лошадь прежде, чем пустошные твари оставят от нее одни кости. Так что, ступая медленно и осторожно, проверяя надежность опоры перед каждым шагом, мы все же двинулись вниз - и пару часов спустя благополучно вышли на равнину.

Здесь местность уже не была такой голой, как на плато, кое-где попадались чахлые кривые кустики, ветви которых неплохо горят, но я не рисковал зажигать огонь, чтобы разглядеть следы. Безлунной ночью даже самый слабый огонек заметен за пару миль. Я помнил, куда ускакала лошадь, и не думал, что в том состоянии она стала бы петлять, так что, двигаясь по прямой, мы имели хорошие шансы отыскать ее тело - возможно, еще живое, со сломанной ногой, или, скорее, мертвое (лошадь задыхается, если долго лежит на боку), но, если нам повезет, еще не слишком объеденное.

Местность была уже не настолько ровной, как каменная гладь плато, попадались пологие спуски и подъемы, где-то приходилось огибать препятствия вроде крупных камней или зарослей тех же кустов (высотой всего по колено, но ломиться через ихние колючие ветки напрямую все равно не имело смысла), под ногами то хрустели мелкие камни, то проскальзывал песок. Однако в целом идти по ночной прохладе было нетрудно: мы еще не успели оголодать настолько, чтобы быстро терять силы, правда, жажда была хуже, но без дневной жары и она переносилась легче - во всяком случае, мной, хотя и Кэролайн исправно шагала без нытья и глупых вопросов. Однако я знал, что если мы не найдем лошадь и небо не порадует нас дождем, то нам придется шагать

без воды еще целый день (если свести отдых к абсолютному минимуму) или два дня (если отдыхать больше), прежде чем мы доберемся до ближайшего (и, надо сказать, весьма скудного) ее источника. Что было в принципе осуществимо, но уже совсем не так просто, особенно для непривычной к подобному девушки. Если бы не отсутствие воды, я бы, конечно, предпочел просидеть на плато еще пару дней, пока любые преследователи, ищущие нас на равнине, не убедились бы окончательно, что нас там нет. Но увы - продержаться на паре глотков росы в день, а потом еще сохранить способность идти сутки почти без отдыха, в том числе по жаре, было нереально.

Словно в ответ на мои мысли о дожде, на востоке появились облака - пока еще проявлявшие себя лишь тем, что затмевали звезды, по которым я ориентировался. Я пока что не стал обращать на это внимание Кэролайн, как на хорошую новость. Выжмут ли они из себя хоть каплю, еще большой вопрос, но если небо затянет полностью, нам придется вовсе остановиться. Над городом ночью в облачную погоду всегда светлее, потому что тучи отражают свет городских огней, а вот над Пустошами, когда нет звезд и луны, наступает полный мрак, идти в котором можно разве что на ощупь - чего в Пустошах делать крайне не рекомендуется. Впрочем, иногда в ночных Пустошах появляются собственные источники света, но ориентироваться на них рекомендуется еще меньше.

Наконец из облаков над горизонтом вынырнула луна, уже уполовиненная, но все еще достаточно яркая, и идти сразу стало приятнее. В ее свете я почти сразу заметил слева от нас четко отпечатавшиеся в пыли следы копыт и мысленно похвалит себя за то, что даже в темноте так хорошо выдержал направление. Правда, прежде чем радовать Кэролайн, я подошел к этим следам и присел, осматривая их. В Пустошах след копыта совсем не обязательно принадлежит лошади, как и след босой ноги - человеку. А вот след обутой ноги или подкованного копыта - это уже другое дело. И здесь отпечатки подков были хорошо заметны. Лошадь шла небыстрым шагом, слегка даже подволакивая ноги - ну понятно, совсем выбилась из сил после первоначального бешеного галопа; к тому же она еще и хромала, поскольку одну подкову из четырех успела где-то потерять. Стало быть, по всему выходило, что скоро мы ее настигнем - живую, мертвую или издыхающую. Я сообщил об этом Кэролайн, и мы, приободрившись и ускорив шаг, двинулись по следу.

При этом я, конечно, не переставал прислушиваться, опасаясь услышать звуки, означающие, что нашу добычу уже кто-нибудь жрет. Но, похоже, Судьба оставалась на нашей стороне, а не на стороне хищников и падальщиков - так что в итоге я услышал лишь негромкое постукивание копыт впереди. Самой лошади видно еще не было - ее скрывал от нас невысокий подъем с грядой камней, протянувшейся наверху, между которыми, однако, были проходы, легко проходимые и для человека, и для коня.

- Майк, - прошептала вдруг Кэролайн, - а мы точно идем за той лошадью, что надо? Не получится так, что мы сами догоним одного из наших преследователей?

- Нет, - покачал головой я, - это лошадь без всадника, иначе следы были бы глубже. Тот, конечно, мог бы спешиться, почувствовав, что лошадь захромала, но тогда рядом были бы и его следы. Да и вообще, никто из них не стал бы охотиться за нами в одиночку. Тем более, та троица приехала как раз отсюда - то есть здесь они уже все обшарили. Но хвалю тебя за бдительность. Правило Номер Три, да.

- Просто на месте лошади, которая устала бежать, я бы повернула обратно и попыталась вернуться в город, а не уходила бы все дальше в Пустоши.

- Не стоит переоценивать лошадиный ум, - ответил я. - Город уже слишком далеко отсюда. Она без понятия, куда ей идти, да и не добралась бы уже туда без воды. Может, она надеется найти воду и еду на востоке, где еще не была.

- Надеюсь, хотя бы мы это там найдем, - проворчала Кэролайн.

- Угу, - кивнул я. - И эта самая лошадь - оно и есть.

Мы поднялись на гребень и прошли между камнями - и тут на луну вновь наползло плотное облако, и все потемнело. Но я все же успел заметить лошадь, шагавшую впереди, прочь от нас, низко опустив голову - должно быть, и впрямь совсем уже выбилась из сил, вот-вот упадет. Седло, разумеется, было пустым, и масть тоже вроде бы совпадала - ну то есть при свете дня она была бурой, а сейчас выглядела темной, но не черной.

Я припустил за ней, не боясь спугнуть - лошадь была явно не в том состоянии, чтобы убегать - а Кэролайн, соответственно, за мной. Но, когда я уже поравнялся с лошадью, остававшейся темным силуэтом во мраке и выискивал взглядом поводья, чтобы ухватить их - при таком положении головы они должны были волочься по земле, но я их почему-то не видел - девушка за моей спиной вдруг воскликнула: "Что это за вонь?"

Действительно, воняло какой-то гнилью, словно где-то рядом находилась несвежая падаль. Я бросил быстрый взгляд по сторонам, не желая споткнуться об эту дохлятину - и тут луна снова вышла из-за тучи, озарив продолжающую шагать лошадь, до которой мне оставалось лишь протянуть руку.

Кэролайн испугано вскрикнула и схватила меня за руку.

Голова у лошади не была опущена. Ее просто не было. С шеи свисали клочья гнилой шкуры, между которыми торчала обломанная кость.

Я застыл на месте. Мертвая туша продолжала механически шагать, подволакивая ноги и припадая на правую переднюю, лишившуюся подковы.

- Вот дерьмо, - пробормотал я.

- Майк?! - голос Кэролайн был близок к истерике, и она вцепилась в мое запястье двумя руками. - Что это такое?!

- Давненько я такого не видел, - бормотал я, глядя на бредущий прочь труп. - А в этой части Пустошей вообще никогда. Но все равно, надо было раньше сообразить... Это... на самом деле, Кэролайн, это гриб.

- Гриб?! Какой еще гриб?

- К сожалению, несъедобный. Зато он сам кого хочешь съест. Во всяком случае, так объяснили ученые из экспедиции. Грибок типа плесени, который прорастает в мертвых телах. И постепенно пожирает ихнюю плоть, превращая ее в свою собственную. Выедает внутренности, но мышцы при этом не трогает, и даже замедляет ихнее разложение. При этом он заставляет их сокращаться, чтобы тело двигалось и несло его туда, где он найдет себе новую пищу. Точнее, она сама его найдет. Будь то хоть хищники, которые нападут на движущуюся тушу, хоть падальщики, которые придут, когда разложение все же не позволит ей двигаться дальше. После чего грибок прорастает уже у них внутри, и все повторяется.

- И если бы ты сейчас его коснулся...

- Ученые говорили, так он не передается. Только если съесть зараженную им плоть. Теоретически, на этой штуке можно было бы даже ехать, ну или, по крайней мере, везти рюкзак. Правда, управлять ею не получится, но, по крайней мере, пока она идет в нужном нам направлении... Но лучше так не делать. Во-первых, все провоняет, а во-вторых, все-таки есть риск вдохнуть споры грибка. Эти умники говорили, что это маловероятно, но они сами не пробовали, и я тоже не хочу.

- Да уж, воистину! Тем более что эта лошадь уж точно не ела никакие трупы, но как-то оно в нее попало.

- Да, обычно оно передается от падальщика к падальщику. Лошадь в таком состоянии я вижу впервые, потому и не сообразил сразу... Ну, наверно, попало с зубов твари, которая уже была заражена, но еще не успела сдохнуть. Возможно, той самой, что отгрызла голову.

- Но как это могло произойти так быстро? Если эта лошадь ускакала всего несколько часов назад...

- Нет, - покачал головой я, - это не та, что ускакала этим вечером. Эта мертва уже не

первую неделю. Мы шли по ложному следу.

- Тогда не та ли это лошадь, чью голову мы видели в паутине?

- Вряд ли. По масти вроде похожа, но слишком далеко оттуда. И эта, по-моему, сдохла раньше - не забывай, что грибок замедляет разложение. Так что без понятия, чья она и что стало с ее владельцем. Кстати, седельных сумок там нет, видимо, свалились раньше. Так что мы остались без трофеев, - я произнес это будничным тоном, стараясь не показывать, насколько сильно разочарован.

- Не хотела бы я брать трофеи с... этого, - ответила Кэролайн. Судя по голосу, сейчас она думала вовсе не о том, когда мы теперь раздобудем воду - ее до сих пор пробирала дрожь от увиденного.

- Скажи спасибо, что мы не встретили в таком же виде ее наездника, - усмехнулся я.

- А ты такое раньше видел? - спросила Кэролайн все так же с дрожью в голосе.

- Сам не видел... - не стал врать я, - байки такие слышал. Например, про одного бандита, который ходил так по Пустошам несколько месяцев после своей смерти. Голова у него была на месте, хотя от лица уже мало что осталось. А в руке он все еще держал револьвер и периодически нажимал на спуск. Патроны, ясное дело, давно закончились, но курок щелкал. По этому звуку будто бы и узнавали о его приближении. У гриба-то ума нет, он не знает, какие мышцы нужны для ходьбы, а какие не очень. Так что ходячие мертвецы все же бывают. Но к некромантии отношения не имеют.

- Интересно, - произнесла Кэролайн после паузы, - смогла бы я... то есть мое тело дойти в таком состоянии до Хинтерзееланда.

Хинтерзееланд, да. Княжество, где кончается караванный путь и которое поэтому фактически монополизировало торговлю с нашими графствами.

- Нет, - ответил я. - Только до ближайшей каменной стены или обрыва. Ума-то там никакого, говорю же. Но ты не беспокойся, я помню свое обещание не оставлять твое тело тварям.

- Ладно, - пробормотала она. - Тогда давай не будем идти за этой... лошадью. Я понимаю, что это всего лишь биология, но мне как-то не по себе от такого соседства.

- Да, - согласился я, - возьмем левее.

Мы пошли под углом к прежнему курсу, постепенно удаляясь от шагающей туши, пока она не скрылась во тьме и звук копыт не затих вдали. Затем я снова откорректировал направление, сверившись с компасом. Облака продолжали наползать с востока, то глотая, то отрыгивая обгрызенную сбоку луну, словно пустошные твари - мертвую голову, однако дождя они, похоже, не обещали. Ну что ж, если они хотя бы снизят дневную жару, это будет уже кое-что... если только к утру они снова не развеются.

Мы остановились для короткого отдыха и уселись на сухую твердую землю, вытянув усталые ноги. Точнее, я уселся, а Кэролайн улеглась, вытянувшись во весь рост. Мы не могли позволить себе заснуть - спать будем днем, в жару - поэтому я не рискнул лечь сам и не стал предлагать ей рюкзак в качестве полушки. Однако едва она прижалась ухом к земле, как тут же вновь приподняла голову.

- Майк? Это опять оно, или это что-то другое?

Тут уже и я поспешно приложил ухо к земле и различил перестук копыт. А затем - далекое испуганное ржание.

- Нет! - воскликнул я. - Кажется, лошадь офицера все-таки где-то недалеко и пока еще жива! Хотя это не надолго. Пошли!

Так и не отдохнув, мы вскочили и со всей возможной в нашем состоянии скоростью поспешили туда, откуда доносилось ржание, слышное теперь и просто по воздуху. Строго говоря, у меня снова не было гарантий, что это та самая лошадь, а, не видя следов, я не мог поручиться и за отсутствие всадника - или даже нескольких человек - но отсутствие выстрелов

наводило на мысль, что если кто-то двуногий там и имеется, то ему нечего противопоставить моим револьверам.

У нас ушло около четверти часа - и не знаю сколько еще остававшейся в наших организмах воды - чтобы добежать до места. Еще издали при свете время от времени выглядывавшей луны мы заметили лошадь, которая была вроде бы одна - поблизости не было ни людей, ни тварей. И она стояла на ровном открытом месте, а не лежала со сломанной ногой, провалившись в какую-нибудь яму. И тем не менее, она не трогалась с места и лишь продолжала испуганно и страдальчески ржать.

Я уже догадывался, что это может означать - и, когда мы подбежали ближе, моя догадка подтвердилась. Ноги лошади оплетали длинные плети колючего кустарника - обманчиво похожего на тот, что мы уже видели, но его ветви, тянувшиеся кольцами по земле, достигали нескольких ярдов в длину. И теперь эти кольца все туже свивались вокруг каждой ноги несчастного животного, впиваясь шипами и - чего я не мог видеть, но знал - постепенно прорастая под кожу и дальше в кровеносные сосуды. Со скоростью полтора дюйма в час, если быть точным, и судя по тому, что лошадь сохраняла способность бить копытами еще двадцать минут назад, ее все еще можно было спасти.

Я сунул в кобуру револьвер, надел толстые кожаные перчатки и достал нож. Велев Кэролайн не приближаться к ползучим ветвям - топтать их бесполезно, даже самой крепкой обувью, только резать или жечь - я присел на корточки и принялся кромсать их, следя, чтобы ни один шип не успел впиться мне в штанину или в рукав. Сперва я расчистил безопасный проход достаточной ширины, а потом уже занялся непосредственно ногами лошади. Когда я рубил некоторые из опутывавших их стеблей, из обрубков вытекала темная кровь.

Наконец я смог вывести лошадь на безопасное место, и, хотя она была уже слишком обессилена всеми своими злоключениями, чтобы сопротивляться, отыскал в седельной сумке путы и стреножил ее, лишь затем приступив к финальной и самой болезненной части процедуры - выдергиванию пинцетом уже углубившихся в тело шипов и отростков. Света ущербной луны, тем паче то и дело пропадавшего, для этого было никак не достаточно, так что пришлось пойти на риск и зажечь весьма кстати отыскавшийся в седельной сумке фонарь - впрочем, я практически не сомневался, что мы уже слишком далеко от любых человеческих глаз, которые могли бы его заметить.

Наконец и эта процедура была завершена. В целом лошадь не успела потерять много крови и продолжала стоять на ногах - хотя, несомненно, страдала от жажды и голода.

Как и мы сами, разумеется.

Соответственно, участь лошади зависела от содержимого ее седельных сумок. То есть, съедим мы ее или нет (ну, не всю целиком, понятно) - так вопрос не стоял. Вопрос стоял, когда.

Одна из сумок представляла собой большой кожаный бурдюк, в котором осталось около двух галлонов воды - для лошади это ничтожно мало, по такой погоде ей в сутки нужно минимум десять. В другой сумке обнаружились двенадцатифунтовый мешок овса - стандартный суточный рацион для лошади - и единственный упакованный в фольгу брикет пеммикана, которого нам с Кэролайн хватило бы опять же на сутки (я решил, что половину мы съедим сразу, компенсируя предыдущее голодание), а владельцу коня - на двое. Похоже, он не рассматривал перспективу застрять в Пустошах вдали от своих на больший срок. Уж эти мне ополченцы.

Больше там ничего полезного не нашлось, за исключением небольшого флакона ружейного масла - ни собственной фляги офицера (желательно с водой), ни револьверных патронов, ни спичек. Все это, как видно, он благоразумно держал при себе, а не в сумке на седле.

Я перехватил завороженный взгляд Кэролайн, устремленный на булькающий в моих руках бурдюк, и объявил:

- Хорошая новость состоит в том, что какое-то расстояние мы сможем проехать. Если сильно повезет, то почти до самого источника. Плохая - воду придется отдать лошади.

- Всю? - у девушки вытянулось лицо.

- Ну, несколько глотков мы сделаем - ее это все равно не спасет, а нас может. Но только несколько.

Кэролайн явно не была уверена в мудрости моего решения, но подчинилась Правилу Номер Один. Хотя оно и правда было спорным. Нам с ней двух галлонов воды хватило бы на несколько дней пути - а лошади этого все равно было мало, и к тому же она, уже выхлебав всю воду, потом все равно могла подвести в любой момент, как уже подвела своего прежнего хозяина. И все же я рассудил, что важнее максимально оторваться от преследователей сейчас - а дальше исчерпание припасов не оставит им никаких шансов продолжать охоту верхом, да и пешком они нас уже не догонят. По идее, они уже должны были потерять всякое представление, где мы можем находиться, но вот эта троица, и особенно левша с его "чутьем", меня смущали. Предпримут ли они еще одну попытку все-таки отыскать нас к востоку от плато? К счастью, почва здесь такова, что следы остаются далеко не везде, и поблизости от плато мы их не оставили. А на еще один дальний кавалерийский рейд у них не должно хватить воды. И все же чем скорее и чем дальше мы окажемся, тем лучше.

Тем не менее, ехать через Пустоши во тьме облачной ночи, когда луна выглядывает все реже, я не рискнул. Решил, что скормлю овес лошади сразу, а воду она получит, только если доживет до рассвета, причем в состоянии, позволяющем везти хотя бы одного всадника. В том, что она выдержит нас двоих со всеми нашими вещами, я не особо верил, но попробовать стоило. Сам я футмен, а не знаток конских статей, но вот офицер наверняка подбирал себе коня со знанием дела.

Лошадь действительно дожила до предутренних сумерек и даже выдержала сперва меня с рюкзаком, а потом и взобравшуюся позади Кэролайн. Поначалу, правда, коняга не особо жаждала куда-то идти с таким грузом, несмотря на полученную воду, но удары каблуками моих сапог в бока и уколы ножом (за неимением шпор) таки убедили ее перейти на небыструю рысь - примерно вдвое быстрее, чем шагом, хоть лошадиным, хоть человеческим. Я решил, что мы будем проезжать так две мили, потом слезать, оставив на седле только рюкзак, и милю идти пешком, давая лошади отдых, и так повторять, пока она не свалится. Таким образом мы двигались в полтора раза быстрее, чем просто пешком, не говоря уже о том, что практически не нуждались в остановках для собственного отдыха - и могли надеяться добраться до источника воды еще до вечера. Правда, слезать приходилось также и на подъемах, а кое-где и вовсе огибать невысокие, но слишком крутые для лошади подъемы и спуски, которые мы бы без особых проблем и задержек преодолели пешком, но в целом мы все равно двигались к цели быстрее и меньше страдали от усталости и жажды - хотя, конечно, приятного все равно было мало, особенно в самые жаркие послеполуденные часы. Дождь, разумеется, так и не пошел, наоборот - к середине дня облака полностью развеялись, и на мертвую высушенную землю навалилось тяжелое, неподвижное пекло. Оно было хуже, чем на плато, где благодаря высоте было немного прохладнее. Воздух превратился в зыбкое, дрожащее марево, предметы вдалеке утрачивали четкие очертания, камень и песок расплывались призрачными лужицами - казалось, весь мир вокруг плавится, а может, мутится уже и наше собственное сознание (тем паче что перед рассветом мы проспали всего-то по паре часов). Но мы уже не могли остановиться в это время на дневку, как делали на плато - лошадь, даже стоя на месте, все равно продолжала бы терять воду на этой жаре (как, между прочим, и человек теряет ее с потом даже во сне), и я опасался, проснувшись, обнаружить ее мертвой. Так что нужно было двигаться, пока она еще была в состоянии переставлять копыта. "Вода, - говорил я ей, когда она делала попытку замедлиться, - там впереди вода! Пошла, ну! Иди к воде!" Не знаю, понимала ли она меня (или все же каблуки и нож были доходчивей), но пока что продолжала двигаться. Мои слова были правдой наполовину - вода там была для нас, но не для нее, чего она, понятно, не знала.

В этом мареве я увидел впереди какую-то неясную груду, которую можно было бы

принять за кучу камней, если бы не облепившие ее темные пятна, которые двигались и порою даже подскакивали вверх, причем это движение не было иллюзией, порожденной дрожанием воздуха. Я догадывался, что это такое, но нам как раз пришла пора спешиться, так что прошло еще минут двадцать, прежде чем мы подошли достаточно близко.

Как я и предполагал, это были останки лошади. Не той, которая гриб - эта была жива еще недавно, грива и хвост не облезли, и в пыли еще можно было различить довольно свежие следы ее копыт (со всеми подковами). Но теперь вокруг было гораздо больше других следов, а от лошади остался практически один скелет. За последние ошметки мяса и требухи дрались двухголовые стервятники - те самые "темные пятна", но очистили тушу до костей не они. Они, как водится, подъедали чужие объедки. При нашем приближении они, оставив на время собственные разборки, принялись хрипло каркать в одно или сразу оба горла и угрожающе топырить крылья - "наше! наша дохлятина! не отдадим!" Терпеть не могу этих мерзких птиц, так и перестрелял бы их, если б не необходимость экономить патроны. На костях и вокруг не было никаких остатков сбруи, никаких сумок и никаких следов всадника, в том числе и следов в буквальном смысле, то есть отпечатков его обуви, если он ушел отсюда живым. Это меня тоже не удивило.

- Это, очевидно, лошадь той троицы, - пояснил я Кэролайн. - Четвертая, на которой они везли воду для остальных. Когда вода кончилась, они хозяйственно забрали сбрую, а саму лошадь бросили и повернули обратно. Сюда она дошла уже налегке, это видно по следам. Так что, можно сказать, мы достигли границы, до которой добирались преследователи, искавшие нас на равнине. Пешком они могли пройти дальше, но, как мы видели, они этого не сделали.

А могли бы, добавил я про себя. Плюнуть и на остальных лошадей, добраться до того самого источника, к которому шли мы, и засесть там в засаду. Это было самое логичное место, куда мы бы пришли, обманув погоню - собственно, мы это и делали, не имея другого выхода - а возле воды они могли бы просидеть достаточно долго. Правда, вода там сочится буквально по капле, но на трех человек в сутки ее бы пусть впритык, но хватило (а вот хотя бы на одну лошадь - даже и близко нет). Почему же они приняли другое решение? Ополченцы едва ли могли знать про источник, о котором знают только бэдлэндеры, но ихний проводник обязан был знать. Если он все-таки и правда бэдлэндер, а не какой-то позер, сумевший таки обмануть своих холинбрукских нанимателей в надежде на обещанную ими награду. Или все дело в этом его странном "чутье", подсказывавшем ему, что мы все еще на плато? Тогда почему они вообще сперва уехали так далеко? "Чутье" имеет ограниченный радиус, словно это и впрямь что-то вроде собачьего нюха? А может, офицер ополченцев не особо и слушал проводника, а просто решил, что мы не могли ни выжить на равнине, ни спуститься с плато, а значит, и нет смысла терять оставшихся лошадей, сидеть невесть сколько в засаде и тащиться потом пешком по жаре обратно?

Кэролайн, страдавшая от жажды, зноя и усталости - как и я сам, понятно, но я все же был к такому более привычен - лишь механически переставляла ноги и, кажется, даже не глядела в сторону останков лошади и копошащихся там стервятников (хотя зрелище и впрямь было не из приятных - ну а где в Пустошах вообще приятные зрелища?) Я даже не был уверен, что она вообще обратила внимание на мои слова. Однако она вдруг остановилась, глядя под ноги, и хрипло спросила:

- То есть... всадника не было?

- Нет, говорю же. Это была вьючная лошадь.

- А это... чьи следы?

Она указывала на одну из цепочек отпечатков, тянувшихся прочь от скелета и пересекавших наш путь. Они походили на следы босых человеческих ступней, но уж очень уродливых, с кривыми раскоряченными пальцами, словно бы взятыми от разных ног и пришитыми без всякого порядка.

- Тех, что пришли раньше стервятников, - ответил я, - и пировали, пока их не спугнул рассвет.

- Это люди? - требовательно спросила Кэролайн.

- В Пустошах нет людей, - резко ответил я. - В смысле - живущих тут постоянно. Только твари, как бы они ни выглядели. Хотя как выглядят эти, толком никто не знает. Их называют ночными пожирателями. При свете дня их не бывает, и даже при свете луны, когда он достаточно ярок. Они появляются, только в безлунные или облачные ночи. Но приближаться к живым и здоровым людям они избегают. Только к мертвым или умирающим. Но уж таких обгладывают подчистую. Точнее, не обгладывают даже - если бы мы осмотрели внимательно кости этой лошади, то не нашли бы там следы зубов. От клювов стервятников - да, но не от челюстей пожирателей, потому что у них, похоже, вовсе нет челюстей. Ноги вот есть, это единственные следы, которые они оставляют. Но знаешь, куда они ведут?

- Куда?

- А никуда. Просто обрываются, и все. И рядом нет никакой норы, никакого камня или дерева - ничего, куда можно было бы залезть и спрятаться. Видимо, они исчезают, когда становится слишком светло.

- Как такое может быть? - если предыдущие реплики Кэролайн звучали почти безжизненно, то теперь, видимо, удивление заставило ее даже позабыть про жажду и усталость. Она бы, конечно, охотно объявила все это суеверными байками, если бы не следы прямо у нее перед глазами.

- Умники из экспедиции уж очень хотели изловить хоть одного, - усмехнулся я. - Прямо кипятком писали, когда я им такие следы показал. Ловушки ставили, тела мертвых тварей на ночь оставляли. Но так ничего и не вышло. Если они, в смысле ученые, а не пожиратели, далеко от приманки были, то просто находили наутро одни кости, а капканы ихние захлопнувшиеся, но в них пусто - ну или другие совсем твари попадались, но явно не пожиратели. А если рядом засаду делали, так пожиратели просто не приходили. Я же говорю - не любят они живых и здоровых. Правда, в одну ночь, когда луна только изредка выглядывала, вот как накануне, какие-то силуэты во мраке видели. И даже стреляли по ним из винтовок, профессор был уверен, что попал. Но потом, когда с фонарями туда пришли - не нашли ни тел, ни крови, ничего. Следов ног тоже не было, но там почва каменистая была. Так что, может, и померещилось.

- Но это-то нам точно не мерещится! - Кэролайн кивнула на следы под ногами. - Этому же должно быть какое-то объяснение! Призраков не бывает!

- Ну, - ответил я, - проф в итоге предположил, что они, типа, и не существа даже, а, как он сказал, колонии мелких организмов. Которые выглядят и действуют, как единая тварь, но при опасности рассыпаются на составные элементы, которые зарываются в песок или еще куда. Или просто такие мелкие, что мы их даже не видим. По мне - версия не хуже других. Уж точно лучше, чем призраки. Да и зачем бы призракам мясо жрать? Все, что питается материальным, само материально.

- А почему у этих микроорганизмов ноги так похожи на человеческие? - не успокаивалась Кэролайн.

- Кто знает, - пожал плечами я. - Может, они и правда от людей происходят, у которых каждая ихняя частичка свою волю обрела. Маги ведь, на самом деле, ничего не творили из ничего. Только преобразовывали одно в другое.

Мы прошли еще пару сотен ярдов вдоль цепочки следов - я даже слегка отклонился от нашего курса, чтобы продемонстрировать Кэролайн, что ни словом не приврал - и она действительно убедилась, что следы обрываются на ровном месте. Затем мы снова взобрались на нашу многострадальную лошадь, которая все же нашла в себе силы потрусить дальше - словно бы вдохновилась только что увиденной картиной на тему "что бывает в Пустошах с лошадьми, которые больше не хотят идти". Хотя понятно, что такое рассуждение слишком

сложно для лошадиного ума, едва ли способного осознать, что только что виденный нами скелет принадлежал ее сородичу. Впрочем - может быть, она могла понять это по запаху? Кто их, лошадей, знает. Я им вообще не доверяю. Я футмен.

Некоторое время спустя я заметил, что за нами пристроилась парочка гиен. Держались они, однако, за пределами прицельного револьверного выстрела. Твари, которые дожили до наших дней, по большей части уже усвоили, что человек - штука хотя и вкусная, но смертельно опасная. Ну, по крайней мере, так обстоят дела в не слишком отдаленных от цивилизации районах, куда люди забредают не так уж редко - дальше-то к востоку все сложнее. Но эта парочка явно нацелилась не на нас, а на нашу лошадь, и согласна была мирно подождать, пока мы ее бросим. То, что это рано или поздно произойдет, они понимали.

Понимали это и двухголовые стервятники, нарезавшие круги над нашими головами. Эти и вовсе не представляли угрозы, пока мы живы. Правда, один из них настолько обнаглел от безнаказанности, что нагадил мне на шляпу. И это, конечно, раздражало, но все же не до такой степени, чтобы тратить патроны попусту. Тем паче что, если от стервятников пользы не было никакой, то гиен лошадь наверняка чуяла - и это заставляло ее даже без дополнительных понуканий шевелить копытами настолько быстро, насколько она еще могла. Так что, в общем, это соседство меня вполне устраивало.

До тех пор, пока, спешившись в очередной раз, я не увидел вторую пару.

Если первые шли по нашему следу, то вторые подбирались сзади-сбоку. Друг друга они, несомненно, видели и чуяли, но пока что не демонстрировали агрессии. Пустошные гиены - не друзья друг другу, однако вполне способны атаковать добычу совместно, а уже потом выяснять отношения между собой. И если одна пара еще могла смиренно ждать, пока люди сами оставят им еду, то две уже могли вдохновить друг друга на подвиги. И необходимость следить сразу за двумя направлениями, которые оба - сзади, меня уже не устраивала.

- Кэролайн, - сказал я, - присматривай пока за лошадью и окрестностями, а я пойду разберусь. Да, и если лошадь сорвется и поскачет прочь с нашим рюкзаком - не стреляй в нее, она в таком состоянии, что далеко все равно не ускачет.

С револьверами в обеих руках я двинулся навстречу второй паре. Заметив это, они поумерили свой темп. Эти были явно уже ученые и героического желания сразиться со мной лицом к лицу - ну или мордой к лицу - не испытывали, а лишь демонстративно скалились и рычали. Еще немного - и, пожалуй, остановятся и начнут пятиться. Это меня не устраивало. Если бы я мог просто обратить их в бегство, не тратя патронов, то и ладно, пусть живут, тем паче что ни ихние скальпы, ни ихние пенисы мне теперь без надобности. Однако, если у них хватает ума меня бояться, то хватит его и на то, чтобы заманить меня подальше от лошади, а затем рвануть к ней по широкой дуге, обегая меня стороной за пределами выстрела. Ну и вторая пара, глядя на такое, тоже времени даром терять не будет. А в одиночку от четырех гиен, нападающих разом с двух сторон, даже опытному бэдлэндеру нелегко отбиться, что уж про Кэролайн говорить.

Так что мне резко поплохело. Зашатался я, цепляясь ногой за ногу, да и рухнул без сил на горячий песок, как падают те, кто дальше идти не может.

По правде говоря, не таких уж больших актерских способностей от меня это потребовало.

Ну, хвостатые еще малость поскалились издали для порядка, а потом не удержались и рванули, пока конкуренты не подоспели. Гиены - они гиены и есть. Мимо упавшего, будь он мертвый или умирающий, спокойно пройти не могут. Хотя, будь я полный сил, они бы не повелись, не раз проверено. А тут почуяли, что мне и правда хреново. А может, еще и страх мой почуяли - ну то есть это я не за себя, конечно, боялся, а за Кэролайн беспокоился. Я ж говорил, чутье у них о-го-го.

Ну, подпустил я их поближе и - бах, бах! Первого сразу уложил, второй еще визжал и

корчился, и пока я раздумывал, стоит ли его добивать - у бэдлэндеров вообще-то считается крайне дурным тоном оставлять недобитков, но это при обычных выходах в Пустоши, когда патронов с запасом - позади меня защелкали чужие выстрелы.

Признаюсь - первой моей мыслью было, что наши преследователи - не те, которые гиены, ну или, скорее, те гиены, которые без хвостов - нас все-таки каким-то образом настигли. Так что я сразу дважды резко перекатился в сторону, потом вскочил, разворачиваясь, готовый снова бежать и прыгать. К этому моменту я уже понял, что стреляет Кэролайн, и что ответного огня нет. Но понял я и то, что она стреляла не по второй паре гиен, как можно было бы ожидать. Те по-прежнему трусили позади на безопасном для обеих сторон расстоянии, не спеша атаковать ни воскресшего меня, ни все еще живую лошадь. Тогда где же враг?

Я увидел, как лошадь скачет вперед, и привязанный к седлу рюкзак мотается и бьет ее по боку - а девушка при этом стояла на месте спиной ко мне, целясь из револьвера куда-то вперед-влево по отношению к нашему маршруту. Вторая пара гиен, таким образом, оказалась от нее слева-сзади, Кэролайн их не видела, и это было опасно, если бы они все же решились на рывок. Но главное - в кого же она стреляла? Я по-прежнему не видел никаких врагов в том направлении - ни двуногих, ни четвероногих, ни имеющих большее число конечностей.

- Кто? - спросил я, со всей еще остававшейся у меня прытью подбегая к девушке. Она уже не стреляла (я понял, что насчитал четыре выстрела), но продолжала целиться во что-то, находившееся в нескольких ярдах от нее на уровне земли.

- В-вот... - пробормотала она. - Тот холмик... Я уже думала, у меня сознание мутится, когда я увидела, как оно ползет... а оно как рванет ко мне...

Теперь и я разглядел сквозь марево мелкой, еще не осевшей пыли нечто, выглядевшее как продолговатый бугор, весь заросший колючим кустарником, какие встречались нам на пути уже не раз. Кустарник был самый настоящий, с длинными кривыми ветками и мелкими жесткими листьями. Вот только теперь из бугра, на котором они росли, вытекала темная кровь, почти сразу впитывавшаяся в сухой песок.

Я быстро оглянулся в сторону гиен - как раз вовремя, чтобы заметить, как они рванули. Но не в нашу сторону, а к своим ранее сраженным мной сородичам, один из которых все еще визжал и корчился в пыли. Вот и хорошо, на такой вариант я и рассчитывал. Убедившись, что гиены нашли свою добычу и больше не рассматривают в качестве таковой нас, я снова повернулся к кровоточащему бугру.

Под густыми зарослями угадывались очертания чего-то, похожего на раздавленную тушу огромного кабана с головой навроде крысиной и лапами, как у крота, с поправкой на размер и отсутствие шерсти. Ветви толщиной в палец росли прямо из голой плоти этого существа, вспучив и прорвав ее во множестве мест, и даже из разинутой пасти тянулось нечто вроде длинного узловатого жала или хоботка - на самом деле это был корень. Он тянулся почти к самым ботинкам Кэролайн - но тянулся теперь уже бессильно.

- Отличная работа, девочка! - оценил я. - Все четыре пули в цель! Конечно, попасть в такую здоровую тушу не очень сложно, но важно еще - куда попасть. Завалить хлебателя не так-то просто. А ты всадила ему одну пулю в голову, а другую - в основание горба, как раз туда, где проходит спинной мозг.

- Оно мертво? - с опаской спросила Кэролайн.

- Частично. Как минимум - парализовано. Кусты живы, но это уже несущественно. Просто не подходи к ним.

- Что это такое вообще?

Я снова бросил взгляд на гиен, уже рвавших на куски своих собратьев (чтобы, понятное дело, потом улечься рядом и ждать, пока мясо протухнет до нужной кондиции), затем - на нашу лошадь; рюкзак, бивший по боку, заставлял ее все время поворачивать, и я рассудил, что нам нет нужды гоняться за ней - она скоро опишет полный круг и снова прискачет к нам. Так что

возможность спокойно поговорить была. Впрочем, сначала я все же добавил два патрона в барабан, и Кэролайн, глядя на это, словно очнулась и тоже принялась торопливо перезаряжаться. Ее пальцы дрожали, и один патрон упал в пыль.

- Не торопись, - сказал я, - и оботри как следует, песок в стволе нам не нужен... Ладно, давай все-таки отойдем подальше от этой штуки, чтоб она тебя не нервировала. Это хлебатель, получившийся из хрюнделя. Считается, что хрюндели происходят от свиней, с помощью которых фермеры в этих краях когда-то искали трюфели. Хотя так это или нет, толком неизвестно. Так или иначе, сейчас в Пустошах никаких трюфелей нет. Какие тут теперь грибы, ты уже видела - хотя ты видела далеко не все... Зато хрюндели хорошо умеют искать воду. Под землей... и не только. Любой живой - и даже мертвый - организм они рассматривают как источник воды. Но хрюндели в своем первоначальном виде, или голые хрюндели, еще не очень опасны. Правда, таких уже почти не осталось. Теперь все они вот как этот. Как там это проф называл - симпатические, что ли... хотя ничего симпатичного лично я в них не вижу...

- Может, симбиотические?

- Ага, точно. А говоришь, в биологии не шаришь! В общем, растениям ведь тоже вода нужна, и еще как нужна. То, что растет в Пустошах, решает эту задачу по-разному. Что-то отращивает корни немереной длины, что-то умудряется втягивать влагу прямо из воздуха, а что-то вот так. Когда ихние семена прорастают в теле хрюнделя, он становится хлебателем. Одержимым жаждой настолько, что его уже ни страх, ни боль - ничего не останавливает. Бросается на все, в чем учует влагу. Ну а еще бы не бросаться, когда тебя корни заживо жрут. Они ведь не просто жажду усиливают, потому как сами его воду выпивают. Они не только в мясо - они в нервные узлы прорастают. И если им вовремя воду не давать - вызывают боль, чем дальше, тем сильнее. Правда, проф говорил, этот сим-би-как-его-там - это, типа, взаимная выгода. Мол, зато эти самые кусты обеспечивают своему носителю идеальную маскировку. Что и позволяет ему успешно убивать намного более быстрых существ. Хотя на короткой дистанции и хлебатель может двигаться весьма шустро, но это уже в последний момент.

- Да уж, я заметила, - проворчала Кэролайн.

- Прости, что не предупредил о них раньше, - спохватился я. - Совсем у меня мозги от жары расплавились... Ну то есть, на самом-то деле, раньше я в этих краях никогда хлебателей не встречал. Они всегда дальше к востоку водились. Но, сдается мне, после того, как мы истребили всех тварей на плато, на равнине их стало больше. Хотя и не понимаю, какая тут связь, - а может, дальше к востоку какая-то дрянь творится, которая их сюда гонит, подумал я про себя, но решил не озвучивать это вслух. - В любом случае, он, конечно, целился не в тебя, а в лошадь. В ней-то воды куда больше. Говорю же, от лошадей в Пустошах сплошные проблемы...

- А нельзя ли как-то... экстрагировать воду из этого... хлебателя? - поинтересовалась Кэролайн почти мечтательно.

И в самом деле, все эти разговоры о воде только усиливали жажду, но я лишь покачал головой:

- Хочешь, чтобы на тебе такое выросло? Оно, вообще-то, не только на хрюнделях растет. Просто никто, кроме хрюнделей, в результате не выживает. Во всяком случае - достаточно долго. Так что лучше вообще не подходи к нему.

Лошадь, описав круг, уже устало трусила в нашу сторону - кося налитым кровью глазом в сторону гиеньего пиршества, но все же, как видно, чувствуя в нас единственную защиту в этом кошмаре. Я сделал несколько шагов и поймал ее за уздцы.

В этот момент со стороны распластанной туши донесся низкий вибрирующий звук, что-то среднее между хрипом и стоном.

- Оно еще живо, - заметила Кэролайн.

- Угу, - кивнул я, бросив косой взгляд, - но двигаться уже не может, не беспокойся.

- Значит, корни будут терзать его, вызывая все большую боль и требуя ползти к воде. А

ползти оно уже не может.

- Угу, - повторил я. - Надеюсь, ты не собираешься жалеть эту тварь? И уж тем более тратить патроны на прекращение ее страданий.

- Нет, конечно, - ответила девушка. - Это же не разумное существо. Просто лишний раз убеждаюсь, какие мерзкие вещи породила магия. Физика все-таки куда изящнее.

Не в одной магии тут дело, подумал я. Жизнь - она вообще такая. За пределами Пустошей самые обычные животные тоже только и делают, что жрут друг друга заживо. И вообще все наши представления об отвратительном связаны с чем-нибудь живым... ну или бывшим живым. А вот то, что живым никогда не было, может быть, конечно, опасным и страшным - пожар, к примеру, или торнадо те же - но вот именно отвращения не вызывает.

Однако обстановка никак не располагала к философским дискуссиям, так что мы просто побрели дальше сквозь пыльное знойное марево, сопровождаемые неизменными стервятниками над головами. Впрочем, на какое-то время это маленькое приключение со стрельбой взбодрило нас всех, включая лошадь - но, понятно, хватило этого запала ненадолго, особенно, опять-таки, лошади, страдавшей от жажды намного сильнее, чем мы. Еще разок мы на ней проехались, а затем я понял, что надо спешиваться досрочно, иначе она свалится. Пусть уж лучше идет налегке и везет хотя бы рюкзак... Так что дальше мы побрели пешком, иногда останавливаясь и валясь на землю для короткой передышки. Солнце тем временем медленно, но верно сползало к западу за нашими спинами, создавая если не прохладу, то хотя бы иллюзию таковой - мы как бы шли в своей собственной тени. Никакие опасные твари на нашем пути больше не попадались, если не считать скорпионов, которые, хотя и топырили угрожающе клешни и задирали хвосты, при нашем приближении предпочитали все же отбежать в сторону.

- Долго еще? - не выдержала, наконец, Кэролайн, когда мы миновали очередной скелет. Он был не человеческий и даже не лошадиный - не берусь сказать, как выглядела эта тварь при жизни, но вряд ли симпатично - однако его высушенные солнцем и припорошенные пылью кости как бы намекали на перспективы путников в этих местах.

- Почти пришли, - ободрил ее я. - Впереди уже показался кусок сыра.

Девушка ничего не сказала - должно быть, не имея желания лишний раз открывать пересохший рот - но посмотрела на меня взглядом, явно вопрошавшим, уж не помешался ли я от жары и жажды.

- Это скала, - пояснил я, вяло махнув рукой вперед. - Видишь? Источник находится под ней.

Действительно, впереди вдалеке уже виднелось нечто, похожее на торчащий вверх треугольный клин, какими нарезают сыр в бакалейных лавках. Однако форма была не главной причиной, по которой скала получила свое название. Прошло еще около часа, прежде чем мы добрались до нее (все трое, ибо лошадь все еще продолжала шагать, на что я, признаюсь, не слишком рассчитывал). Наши тени все это время вытягивались вперед, обгоняя нас, словно жаждали добраться до воды еще сильнее, чем ихние хозяева - и наконец, когда солнце за нашими спинами уже почти коснулось горизонта, дотянулись до подножия каменной громады, которая во время Войны вздыбилась посреди равнины на высоту более сотни ярдов, вспучивая и расшвыривая землю и все, что на ней стояло. Стоял на ней, кстати, небольшой по тогдашним меркам город, от которого, понятно, теперь остались лишь нагромождения камней вокруг основания скалы. Но примечательна скала была и не этим тоже. Мы подошли к ней сбоку, с треугольной стороны, откуда ее главная особенность не была заметна. И лишь когда мы двинулись в обход (ибо источник находился с другой стороны), Кэролайн увидела.

Точнее, даже и тогда она увидела не сразу, ибо была уже слишком измотана, чтобы задирать голову просто из любопытства, и лишь брела, глядя под ноги (что тоже правильно, ибо среди камней любят отдыхать змеи). Но я показал ей.

Наклонно уходящая вверх каменная стена была издырявлена круглыми отверстиями

диаметром от одного до двух ярдов. От дырок в сыре они отличались тем, что те всегда неглубокие - это просто шарообразные пузыри воздуха, застывшие в сырной массе - а эти представляли собой туннели, пронзавшие десятки ярдов каменной тверди насквозь. В нижней части скалы их было больше, и они были крупнее - но в целом располагались достаточно беспорядочно, не походя на творение человеческих рук, хотя и шли более-менее в схожем направлении где по прямой, где изгибаясь. Последнее с земли видно не было, но я это просто знал - кто-то дотошный в свое время измерил расположение входных и выходных отверстий с обеих сторон скалы, и даже взбирался по ней, чтобы пролезть через некоторые из этих дыр насквозь. Возможно - наделся найти в изгибах этих ходов какие-то подземные сокровища, но ничего интересного там не оказалось - только голый камень.

- Что это? - хрипло спросила Кэролайн, которую это зрелище туннелей, пронзающих сплошную толщу гранита (а может, и базальта - я не геолог), на миг, похоже, даже отвлекло от мыслей о воде.

- Ходы, - ответил я.

- Чьи?

- Кто его знает, - пожал плечами я. - По крайней мере, это точно не вода проточила. Пещер таких круглых и аккуратных не бывает. Видимо, это было что-то вроде больших червей. Копала когда-нибудь землю, изрытую дождевыми червяками? Вот очень похоже.

- Червей? Способных проделывать ходы в каменном монолите?

- Во времена магов было много всякого... затейливого. Причем, это именно еще в мирные времена. Война только выпихнула кусок каменного ложа равнины наверх, и тогда это стало заметно. А до этого тут люди жили и не догадывались, *что* у них в десятках ярдов под ногами ползает.

- То есть тут, на самом деле, не одна эта скала, а вся равнина под нами такими ходами изрыта, - сделала вывод Кэролайн. - А они точно мертвы?

- Врать не буду - живыми их никто не видел. Впрочем, и мертвыми тоже. Думаю, что они сдохли вместе с магами, как и большинство магических порождений. Легенды говорят, что они окаменели там, под землей. А может, и с самого начала были каменными. Но, повторяю, людям они зла не делали. Вряд ли это было оружие. Может, маги их создали, чтобы полезные туннели рыть. Например - по которым вода в городские колодцы поступала.

- Да! - тут же переключилась Кэролайн. - Вода! Где этот твой источник?

- Тут уже рядом, в развалинах. Говорят, когда-то в этом городе фонтаны били, а теперь осталась только яма, на дне которой маленькая лужица набирается. Но хотя бы не соленая и не ядовитая.

В городе не уцелело ни одной стены - когда скала ударила по нему снизу, словно исполинское зубило, тряхнуло так, что не устояли даже те здания, что не оказались у нее на пути. Так что теперь вокруг были лишь пологие кучи камней, все - ниже человеческого роста, некоторые и вовсе по колено. Здесь негде было отдохнуть в тенечке, но и практически негде устроить засаду. Тем не менее, хотя я и был практически уверен, что никто из холинбрукцев не добрался сюда, чтобы поджидать нас у источника, револьвер я все же держал наготове. Мало ли кто мог заявиться сюда по воду даже и без связи с нашими делами - и отсутствие этой связи отнюдь не гарантировало его дружелюбия. Особенно учитывая, что воды в этом так называемом источнике набиралось от силы на трех человек в сутки.

Однако судя по всему, в этот вечер мы были здесь единственными гостями. Никаких следов в пыли, никаких стервятников в воздухе (которые часто выдают залегших в засаде, столь соблазнительно похожих на мертвых или умирающих). Без помех мы подошли к краю большой сухой ямы, окруженной каменными обломками. Я на всякий случай стреножил лошадь (хотя едва ли она еще могла куда-то от нас ускакать - я удивлялся, как она вообще до сих пор держится на ногах - но никогда не следует пренебрегать правилами безопасности, особенно в Пустошах) -

и быстро полез вниз, скользя по осыпающемуся под ногами песку.

- Но здесь же нет воды! - заметила Кэролайн, оставаясь наверху и глядя на сухой песок на дне ямы.

- Угу, - ответил я, закончив спуск, - поэтому про это место мало кто знает. На самом деле тут камень, который надо приподнять, а вот уже под ним вода. Так сделано не только для маскировки, но и чтоб вода не высыхала на солнце. Ее тут и так совсем мало.

Пока я отгребал песок, скрывавший большой обломок каменной плиты (где все еще сохранились остатки какой-то мозаики), Кэролайн тоже спустилась в яму.

- Угу, - кивнул я, - отгребай песок подальше и не давай ему сыпаться в источник, когда я подниму плиту.

Девушка улеглась полукольцом вокруг плиты, образовав живую преграду для норовившего стечь обратно песка - хотя, возможно, в этот миг она думала даже не об этом, а о том, чтобы как можно скорее дотянуться губами до воды.

- Только не суй туда голову или руку, пока я не уберу плиту совсем, а то еще вырвется, - предупредил ее я и, ухватившись за бугристый изломанный край, с усилием потянул плиту вверх. Плоская каменюка была тяжелой, не уверен, что у Кэролайн хватило бы сил поднять ее самостоятельно. Я не видел, что находится под плитой, пока не сумел поставить ее на ребро, а затем опрокинуть в обратную сторону. Но еще прежде, чем я проделал это, я увидел, как выражение жадного нетерпения в глазах Кэролайн сменилось сперва недоумением, а потом - острым разочарованием.

- Где же вода?!

Перевернув плиту, шумно ухнувшую в песок, я склонился над неглубокой каменной чашей, которую она скрывала. Чашей, откуда можно было зачерпнуть лишь несколько пригоршней прохладной воды... раньше, в мои прошлые визиты сюда. Теперь же чаша была совершенно суха и пуста. Лишь на дне валялся дохлый жук, поджав суставчатые лапки.

- Кто-то все выпил прямо перед нами? - попыталась уцепиться за соломинку Кэролайн. Хотя, на самом деле, и это был бы не лучший вариант, учитывая перспективу встречи с этим кем-то.

- Нет, - покачал головой я, проводя пальцем по сухой поверхности камня; ощущение вполне подтвердило то, что мне уже говорили глаза. - Тогда бы осталась хоть какая-то влага.

- Тогда, может, какой-то камень перекрыл воду, и мы еще можем до нее докопаться? - не дожидаясь ответа, Кэролайн принялась разгребать песок и щебень вокруг каменной чаши, сперва руками, а потом самым большим камнем, который смогла выковырять. Я без особой надежды помог ей в этом занятии, но вскоре констатировал то, что было очевидно с самого начала:

- Этот источник полностью пересох. Ну, в общем, это не так уж и удивительно. Здесь и так сочилось по капле. Хорошая новость в том, что засада здесь нам точно не грозила, - выдав с усмешкой эту конструкцию, я вдруг задумался: а может, холинбрукцы не стали устраивать здесь засаду не потому, что им не хотелось топать так далеко пешком по жаре, а потому, что ихний странный проводник-левша заранее знал, что воды здесь больше нет? Для чего, кстати, ему не требовалось это его загадочное "чутье" - он мог просто побывать здесь раньше...

- Как далеко следующий? - требовательно спросила Кэролайн, прерывая мои размышления.

- Примерно два дня пути.

- Нам не дойти, - обреченно констатировала девушка.

- У нас осталась лошадь, - возразил я.

- Она уже не может нас везти.

- От нее это и не требуется, - я повернулся и полез вверх по песчаному склону.

Лошадь, к моему удивлению, все еще держалась на ногах. Когда я подошел, она

покосилась на меня своим коричневым глазом, как мне показалось, с надеждой.

- Ты молодец. - искренне сказал я, обнимая ее одной рукой за шею и гладя по холке. - Честно, не думал, что ты столько продержишься. То, что сердце еще бьется, очень облегчает дело, - другой рукой я достал нож.

- Что ты делаешь? - Кэролайн за моей спиной тоже выбралась из ямы.

- Подставляй флягу прямо сюда, - велел ей я, тыкая острием ножа в яремную вену, натянувшуюся, как канат, под шкурой на шее лошади. - Имей в виду, сначала сильно брызнет струей, а не потечет, как из-под крана.

- Что... - повторила она, должно быть, медленно соображая из-за усталости, но тут до нее, наконец, дошло: - Ты собираешься пить кровь?!

- Ты тоже, - спокойно заверил я ее. - Больше все равно нечего. А кровь, хотя и имеет солоноватый вкус, в отличие от горько-соленой морской воды вполне пригодна для утоления жажды. И вот в этом бурдюке с копытами ее по меньшей мере десять галлонов, а то и вся дюжина. Правда, бóльшая часть их для нас бесполезна, поскольку нам негде их хранить и не на чем будет везти, да и извлечь после остановки сердца не так просто. Один галлон у лошади можно забрать легко, она даже не заметит - ну это, правда, когда она в нормальном состоянии, а не так измотана и обезвожена, как сейчас. И если ей потом самой будет, что пить. А вот после двух галлонов даже здоровая свалится. Но эта свалится в любом случае, так что...

- Давай уже режь! - хищно потребовала Кэролайн, приставляя горлышко фляги к будущей ране. - Лекции потом!

В самом деле. Жажда убеждает лучше любых слов.

Лошадь лишь вздрогнула, когда я вонзил нож, продолжая обнимать ее шею. Несколько длинных брызг крови все же выплеснулись на замшевую куртку Кэролайн, добавив свежие пятна к тем давно засохшим и побуревшим, что там уже были - но мы были еще вдалеке от тех краев, где запах крови представляет смертельную опасность. Сейчас для нас главной смертельной опасностью была жажда. Всего у нас было при себе пять емкостей для воды - две мои (квартовая фляга и полугаллоновый бэдлэндерский котелок с привинчивающейся крышкой) и три трофейные (две квартовые фляги и одна пижонская пинтовая, в каких обычно носят не воду, а спиртное - вероятно, таковым и было ее основное использование прежним владельцем, но на момент, когда он получил пулю, она была уже пуста). Всего, таким образом, выходило пять с половиной кварт. Но, разумеется, заполнять все эти емкости кровью смысла не имело - на воздухе она сворачивается и вообще на такой жаре долго не хранится.

Да это бы и не получилось. Как я уже сказал Кэролайн, это здоровая лошадь может потерять галлон крови и не заметить. А наша начала беспокойно крутить головой и дергаться, еще пока мы заполняли первую флягу. На второй ее уже пробирала дрожь, и, хотя я держал и успокаивал ее, как мог, на третьей ее повело в сторону, затем она осела на задние ноги, а затем завалилась на бок. Я упал на колени, продолжая удерживать шею лошади поднятой; пока кровь еще сочилась в котелок, торопливо подставленный Кэролайн; затем и этот слабый ток иссяк вместе с ударами пульса под моими руками. Я быстро опустил шею мертвой лошади на землю и, припав губами к ране, сумел высосать еще несколько теплых густых глотков. Приятным я бы этот вкус не назвал, но и особо противным тоже. Тем паче что я проделывал такое не впервые, причем в прошлый раз моим "источником" было существо куда менее симпатичное, чем лошадь.

- Не пей сразу много, - тем не менее, сказал я Кэролайн, оторвавшись, - а то может стошнить.

Та все еще держала котелок без крышки в обеих руках, глядя на него словно бы с сомнением, несмотря на жажду. Наверное, тому, кто пробует подобный "напиток" впервые, проще пить из горлышка фляги, не видя и почти не чувствуя запаха содержимого.

- В крови много железа, - произнесла Кэролайн, желая не то просветить меня, не то убедить себя. - Именно это придает ей красный, а при засыхании - бурый цвет, как у ржавчины.

Я хотел было ответить "ну, значит, теперь мы сможем срать чугунными рельсами", но вовремя вспомнил, что передо мной девушка, и сдержался.

Хотя, вообще-то, даже самые утонченные девушки делают это точно так же, как и самый грубый мужлан. В чем-в чем, а в *этом* все люди одинаковы.

Кэролайн таки преодолела свою брезгливость и выпила все, что успело натечь в котелок. Я тем временем сделал еще несколько глотков из фляги, тщательно облизал и обтер губы и с усмешкой посмотрел на девушку. Солнце уже село, и в сгущающихся сумерках ее бледное от усталости лицо с окровавленными губами и подбородком смотрелось не хуже, чем морды иных тварей.

- С аперитивом покончили, - констатировал я. - Теперь время фирменного блюда ресторана "У Куска Сыра". Что предпочитаешь - сырую конину... или сырую конину?

- Сырую? - ее физиономия вновь недовольно вытянулась.- Я думала, мы хотя бы пожарим...

- На чем? Здесь ничего не растет. Когда-то, правда, в развалинах было полно деревянных обломков мебели, но за полвека, сама понимаешь... в сухом климате дерево сохраняется неплохо, но все, что могло гореть, тут пожгли еще до нас. Про то, что тут до сих пор источник оставался, мало кто знал, так что в последние годы здесь людей почти не бывало, но в свое время тут все перекопали охотники за сокровищами. Порывшись в песке, что-то найти еще можно, но это неизвестно где и сколько рыть придется. Тем паче что уже темнеет, а в темноте в Пустошах, особенно в мертвых городах, лучше не копать. Неизвестно, что может схватить тебя за руку снизу.

- Да уж... - проворчала Кэролайн, поглядев в сторону вздымающейся над руинами скалы и, очевидно, тех дыр, которым она обязана своим названием.

- Но, - добавил я, глядя на ее вытянувшуюся мордашку, - на самом-то деле, огонь мы все-таки разведем. Кое-какое топливо у нас есть, - я кивнул в сторону лошадиной туши.

- Я читала, что в приморских поселках за западными горами используют в качестве топлива китовый жир, - тут же переключилась на деловой тон Кэролайн. - Так ты хочешь...

- Зажарить мясо лошади на ее же жире? Идея интересная, но так не получится. Для этого жир нужно сначала вытопить, а у нас для этого топлива не хватит. Я имел в виду седло. Оно же деревянное, хоть и обтянуто кожей. Хотя и сама кожа тоже горит. Как и вся прочая сбруя, не считая, понятно, металлических частей. И даже седельная сумка. Но всего этого слишком мало, чтобы приготовить достаточное количество мяса и на сегодня, и на следующие дни. Мы используем этот огонь, чтобы обжарить и подкоптить те куски конины, что возьмем с собой, так они будут годиться в пищу еще несколько дней. А свежее мясо придется есть сырым.

- Не представляю, как смогу это ужевать, - обреченно вздохнула Кэролайн.

- Мы будем есть лошадиную задницу, - успокоил ее я. - Там много жира, он мягкий и питательный.

Я вытащил из рюкзака топорик:

- Я порублю седло на щепки и займусь разделкой туши, а ты как следует отдрай котелок песком, а потом копай яму в песке, это будет наша коптильня.

- Зачем же потом? - возразила Кэролайн. - Прямо котелком и копать, он в процессе и очистится.

- Во, - одобрил я, - научный подход. Не зря ты училась.

Дальнейшее пиршество в ресторане "У Куска Сыра" прошло по намеченному плану и без новых претензий клиентки. Остатки пеммикана были доедены еще днем, и, как говорится, голод лучший шеф-повар, да и свежая конина, на самом деле, не столь уж плоха, если не обращать внимания на запах. Хотя запах тлеющей кожи, тянувшийся из коптильной ямы, был не лучше. Впрочем, Кэролайн была так измотана, что заснула едва ли не с недожеванным куском сырого мяса во рту. Я чувствовал себя немногим лучше, но все же заставил себя дождаться, пока

остынут последние угольки, а затем уложил нарезанное полосками мясо в рюкзак - прокоптиться для по-настоящему долгого хранения оно, конечно, не успело, да и не могло без добавления специй, но на несколько дней как-нибудь хватит - и растолкал свою спутницу.

- Дай поспать... пожалуйста... - промычала она, не открывая глаза. - Я не могу сейчас идти...

- Недалеко, но придется, - ответил я. - Нельзя спать в мертвом городе, и уж тем более - рядом с разрезанной тушей. Сейчас в этот ресторан наведаются... другие посетители. Пока что запах дыма удерживал их сильнее, чем привлекал запах крови, но теперь дым иссяк.

Кэролайн таки заставила себя подняться, и мы пошли прочь от останков лошади, от все еще вонявшей горелой кожей ямы и от упиравшейся в черное небо скалы, ставшей городу и убийцей, и надгробным памятником (как завернул бы на моем месте какой-нибудь очеркист из "Аркэндэйлского курьера" - они любят такие глубокомысленные обороты, хотя, как по мне, "Кусок Сыра" доходчивей и выразительней). До восхода ущербной луны было еще далеко, и приходилось внимательно смотреть под ноги, чтобы не споткнуться о валяющиеся повсюду камни - в этом городе, разрушенном полностью, не осталось никакого подобия былых улиц. Поэтому, когда Кэролайн заметила среди этого сплошного хаоса правильный круг, выложенный из камней, любопытство оказалось в ней даже сильнее усталости.

- Что это? Как я понимаю, это сложили уже после разрушения города? Но это же не стены, через эти камни можно запросто перешагнуть.

- А, не обращай внимания, - махнул рукой я. - Некоторые суеверные дураки - не бэдлэндеры, конечно же - думают, что круг из двенадцати камней, особенно если посыпать солью промежутки между ними, способен защитить от ночных тварей. Я несколько раз находил обглоданные человеческие кости внутри таких кругов, но дураков ничего не учит.

В том кругу, мимо которого проходили мы, никаких костей видно не было - возможно, его строителям просто повезло, а может, останки давно растащили, или их засыпал песок; кто его знает, сколько лет прошло с тех пор, как кто-то ночевал в этом кругу в последний раз. Однако сзади нас - но уже достаточно издали - донеслось низкое злобное рычание, причем на разные голоса. Кэролайн испуганно обернулась, но я лишь бросил короткий взгляд через плечо, зная, что сейчас опасности нет. В темноте и за грудами камней было уже практически невозможно различить, что происходит на месте нашей стоянки, но ясно было, что звуки шли оттуда.

- Твари добычу делят, - пояснил я. - Пока всю не обглодают, за нами не погонятся... да и потом тоже вряд ли. Одни будут сыты, другие мертвы. Что сделает первых еще более сытыми.

- Они все каннибалы? - спросила Кэролайн неприязненно.

- Большинство. Что очень удобно - убиваешь или ранишь одного, и его сородичи теряют интерес к тебе и набрасываются на более легкую поживу. Ну, ты уже видела сегодня, как это у гиен происходит. Но там сейчас разные виды, скорее всего. Кстати, имей в виду - не всех тварей можно отпугнуть костром. Некоторых огонь, наоборот, привлекает, прям как мотыльков. Только они куда больше и опаснее, чем мотыльки. И им хватает ума не лезть в пламя самим.

- Прямо как холинбрукцы, - проворчала Кэролайн.

- От них мы оторвались, - заверил ее я. - И я костер в яме жег не только потому, что так коптить удобнее, но и потому, что так его со стороны не видно. Так что можешь не беспокоиться.

В следующий миг до меня дошло, что она имела в виду не угрозу, что наш костер могла заметить погоня, а милую холинбрукскую манеру сжигать заживо собственных сородичей напоказ почтенной публике. До такого никакие пустошные каннибалы не додумаются, да.

Словно в ответ на эти мысли - и как бы в опровержение моим словам - сзади вдруг донесся грубый мужской голос:

- Не трожь, сука! Отвали, тварь!

На сей раз Кэролайн не просто вздрогнула, а испуганно схватила меня за руку. Затем все же сообразила, что в критической ситуации надо хвататься не за меня, а за револьвер, но пока

она неумело, из-за недостатка опыта и усталости, вытаскивала его из кобуры, я поспешил ее успокоить:

- Это не человек.

- А что?!

- Тварь, подражающая человеческому голосу. Не иначе, тоже вступила в клуб любителей конины. И присоединилась к дискуссии с другими членами клуба.

- Уверен? Ты говорил, твари неразумны. А это звучит совсем как человек!

- Нет. Прислушайся.

Сзади снова и снова неслось: "Не трожь, сука! Отвали, тварь!" Каждый раз с одной и той же интонацией.

- Забавно, - усмехнулась Кэролайн, - тварь ругает тварей тварями.

- Это просто последние слова, которые она слышала. Вероятно - от какого-нибудь любителя спать в круге из камней.

- Но все равно - очень похоже.

- Скажи еще спасибо, что это не голос маленькой девочки, зовущей на помощь.

- Откуда в Пустошах взяться маленькой девочке?

- Вот я и говорю - скажи спасибо, что неоткуда.

На самом деле я не сказал ей всю правду. Мне доводилось слышать в Пустошах голоса детей. И не всегда я видел существ, которые их издавали.

Когда видел - это были, конечно же, твари. Но все равно - от кого они могли научиться? Возможно, от детей, живших здесь во время Войны. Не все ведь погибли сразу, кто-то мог прожить еще несколько дней или даже недель - страшно, конечно, представить, ЧТО это была за жизнь. Могли ли твари первого поколения дожить до наших дней? Кто их знает, может, и могли. На самом деле никто, даже умники из университета, не знает, сколько они живут, если их никто не убьет. А если даже и нет, более молодые твари могли научиться у старших - говорящие птицы, например, могут учиться друг у друга. Хотя возможны варианты и хуже. Кто-то из тех детей может быть все еще жив... в каком-то смысле. В новом, так сказать, качестве. Хотя так говорить не принято. Все люди, что жили на этих землях, умерли - вне зависимости от того, что именно стало с ихними телами. Твари - это всегда твари, от кого бы они ни происходили, и разума у них нет. Даже если они - допустим! - сохранили способность бездумно повторять слова, которые когда-то понимали. Но возможно, что и... но нет, это уже наверняка байки. Не хочу даже пересказывать эти грязные слухи.

В общем, мы с Кэролайн благополучно выбрались из того, что когда-то было городом, и отошли на достаточное расстояние, чтобы никакие любители конины (и не только ее) нас не беспокоили. А затем повалились на песок и заснули. Лучше бы, конечно, было снова идти всю ночь, а отсыпаться в самую жару, но у нас уже просто не было сил. Спать одновременно, а не по очереди, тоже, конечно, было определенным риском, но я, как и любой бэдлэндер, привык полагаться на свои рефлексы, способные выдернуть меня из сна при первых признаках опасности. В конце концов, почти во всех моих предыдущих походах в Пустоши я был один, и сторожить мой сон было некому.

В ту ночь нас никто не потревожил, тем не менее, я велел себе проснуться через шесть часов, и мой внутренний будильник, как водится, не подвел. Я разбудил недовольную Кэролайн, мы распили флягу крови (уже с меньшим удовольствием, чем накануне, ибо вкус во рту стоял мерзкий, и после этого напитка он не улучшился - но надо было пить кровь, пока она еще годилась для этой цели), потом вознаградили себя парой кусочков конины (копченой снаружи и все равно сырой внутри) и двинулись в путь при тусклом свете ущербной луны. Кэролайн заметила по звездам, что теперь мы идем не на восток, а сильно забираем к северу, и сказала мне об этом.

- Хвалю за наблюдательность, - ответил я, - но все правильно. Ты же не думала, что все

источники воды расположены на одной линии, ведущей нас к цели кратчайшим путем? Раз уж предыдущий источник нас подвел, а кровь не хранится долго, придется сделать изрядный крюк. Дальше будет несколько проще, не все Пустоши одинаково безводны. Но до тех мест надо еще добраться, и там хватает своих проблем. Где больше воды - больше и тварей.

- Нет в мире совершенства, - проворчала Кэролайн.

- Угу. Где больше хорошего, больше и плохого. Но хуже всего то, что в обратную сторону это не работает. Даже там, где хорошего нет совсем, плохого все равно предостаточно.

Ближе к рассвету за нами увязалась какая-то двуногая тень с несуразно коротким туловищем, словно ее ноги начинались чуть ли не прямо от шеи. Но в одиночку приблизиться к нам двоим на расстояние выстрела так и не решилась, а когда начало светать, и вовсе отстала.

Раннее утро - лучшее время в Пустошах, во всяком случае, летом; нет ни жары, ни висящей в воздухе пыли, видно во все стороны до самого горизонта, да и у тварей как бы пересменок - ночные уже попрятались, дневные еще не вылезли. Но все хорошее быстро кончается, и на смену приятной прохладе снова пришло тяжелое пекло, тем паче что небо оставалось безнадежно ясным. В полдень я объявил большой привал, и в самое жаркое время мы проспали тяжелым сном еще три часа. Проснулись, конечно, обливаясь потом и с полным ощущением, что, хотя солнце и продвинулось к западу, прохладнее не стало ни на самую малую долю градуса. Идти было легче, чем лежать - так обдувал хоть какой-то ветерок. Ну и теперь мы хотя бы могли утолять жажду, но вкус у теплой несвежей крови был еще тот.

- Словно манная каша с комочками, - пожаловалась Кэролайн, давясь кровяными сгустками. - И молоко с пенкой. Как я в детстве ненавидела и то, и другое! Мой отец был гениальным ученым, но кулинария не была его сильной стороной.

- Твой хотя бы пытался, - заметил я, убирая флягу в карман. - Мой вообще считал, что летом мальчишку кормить необязательно. Пусть ловит форель в ручье, собирает орехи и ягоды в лесу и ворует фрукты в соседских садах. А когда мне исполнилось девять, он научил меня стрелять из дробовика и объявил, что отныне все зайцы в окрестностях в моем распоряжении. Ну, он же сам выжил, оставшись без пригляда взрослых после Войны, а мне что мешает в мирное время? А сам он днем работал на лесопилке, а вечера просиживал в салуне, куда, понятно, малолеток не пускали. В салун не пускали, зато я шествовал по улицам города с ружьем за плечами, которое было чуть ли не с меня ростом, и был переполнен гордостью от макушки до босых пяток. И знаешь что? Пожалуй, я и сейчас благодарен отцу за такое воспитание. Он научил меня читать, считать и стрелять, а что еще надо мужчине? Всему остальному я выучился сам.

Мы как раз лезли вверх по очередной круче, из тех, что вполне преодолима для человека, а вот на лошади пришлось бы делать крюк в дюжину миль - но это "вполне преодолимо" под палящим солнцем все равно доставляло мало удовольствия, так что, раз нам уже было чем промочить горло (хотя и не в том смысле, в каком это выражение употребляют обычно), отвлекать себя философскими беседами и детскими воспоминаниями было самое то.

- Интересно, - заметила Кэролайн, - мы оба росли без матерей, но наши отцы были, похоже, полными противоположностями. Хотя мой тоже старался давать мне как можно больше свободы - там, где это можно, конечно. В лаборатории всегда должен быть строгий порядок, а вот за ее пределами - особенно в том, что касается всяких правил и традиций, не имеющих рационального смысла... Но это он не потому, что ему было на меня наплевать, а наоборот - потому что любил меня за двоих. Я думаю, он и не женился снова именно поэтому - не только потому, что хранил верность памяти о маме, но в первую очередь из опасения, что новая жена станет мне плохой мачехой. Ну, или просто не нашел достойную кандидатуру, которая разделила бы его любовь к науке. Хотя о маме он тоже всегда отзывался с глубокой печалью, видимо, так и не смог ее забыть. А вот я его тоже любила за двоих, а ее почти совсем не помнила и соответственно никакой скорби не испытывала. Хотя, наверно, кое-кто сказал бы, что это

нехорошо.

- Дурак этот кое-кто, - ответил я. - Всегда лучше не скорбеть, чем скорбеть. Назови хоть одну причину, по которой стоит портить себе настроение грустью о том, чего не исправишь. Все равно что расковыривать рану, не давая ей зажить - глупее ничего и представить нельзя! Ну разве что, как ты сказала, специально ковырять рану там, где ее даже не было, придумывая себе скорби по тем, кого даже не помнишь. Я вот свою мать не просто никогда не знал - я, по сути, ее убил. Самим фактом своего появления на свет, но тем не менее. И что мне теперь - всю жизнь из-за этого терзаться? Мой папаша тоже не терзался, кстати. Он-то на ней женился двадцатилетним пацаном, ну, известно, что в этом возрасте вместо мозгов и что в первую очередь ценят. А жить-то потом приходится не с сиськами, а с характером. Мать долго забеременеть не могла, три года, прямо как чувствовала, чем это для нее кончится - ну и, соответственно, за это время все первоначальные отцовские чувства успели испариться. Так что мне он потом всегда говорил - "Майк, лучше держись от баб подальше, от них одни неприятности. Оглянуться не успеешь, как переломают тебе всю жизнь." Кстати, за этот совет я ему тоже благодарен, и рад, что всегда ему следовал...

Тут я осекся, сообразив, что иду рядом с девушкой, которая и в самом деле в один миг... ну, скажем так, изменила всю мою жизнь самым радикальным образом, не знаю пока, к добру или к худу, но возврата к прошлому теперь в любом случае нет. Выходит - сбылось отцовское пророчество? Хотя и неожиданным и для него, и для меня образом...

Кэролайн, однако, не заметила моей заминки - а может, только сделала вид - и лишь спросила:

- Выходит, твой отец тоже больше не женился?

- Нет, - покачал головой я. - Он, по правде сказать, все больше с бутылкой общий язык находил. А потом и вовсе на своей лесопилке по пьяному делу рукой под пилу угодил. И остался без правой кисти, но с пожизненной пенсией - хотя, вообще-то, сам был виноват. Но владелец лесопилки как раз в тот год баллотировался в мэры, и ему нужны были голоса работяг, вот он и расщедрился - в "Аркэндэйлском курьере" большая заметка была, без фотографии только, их тогда не изобрели еще... Ну и после этого он, то есть папаша мой, из салуна вообще не вылезал - как раз ему пенсии на это хватало. Когда он умер, я тоже не скорбел, хотя и обиды на него не чувствовал - просто мы давно уж порознь жили, я о нем и не вспоминал почти. Хорошо, что я тогда в Пустошах был и вернулся уже после похорон - не пришлось во всех этих глупых тягомотных ритуалах участвовать. На могиле его с тех пор ни разу не был - тоже не понимаю, зачем люди это делают. Даже те, кто правда горюют о покойниках. Кости - они просто кости, с ними не поговоришь. А если хочется повспоминать, так это можно и дома делать, зачем же переться на кладбище? Хотя лучше всего, как я уже сказал, вообще не вспоминать и не травить душу.

- Я вот свою маму совсем чуть-чуть, но все-таки помню, - сказала Кэролайн. - Точнее, не ее саму даже - ни лица ее не помню, ни голоса. Так, белое размытое пятно какое-то... Я ведь даже не знаю, как она выглядела - фотографий, как ты верно отметил, тогда еще не было, а портрет при ее жизни папа так и не собрался заказать. Портрет у хорошего художника дорого стоит, а у него все деньги уходили на лабораторию... А помню я запах - молока, шоколада и цветов. Сейчас уже не поручусь даже, были это настоящие цветы или ее духи. Нерезкий такой аромат, не приторный совсем, но очень приятный... Представляешь - я даже сейчас его чувствую! Вот ведь, сила детских воспоминаний...

Я остановился и потянул носом воздух.

- Нет, - сказал я, - воспоминания тут ни при чем.

Кэролайн по инерции прошла еще пару шагов и оказалась, наконец, на перевале. И тут же воскликнула совсем по-детски: "Ух ты!" Я поднялся следом за ней, уже зная, что увижу.

Перед нами, словно награда за крутой уступчатый подъем, простирался длинный пологий

спуск. Но самой большой наградой выглядело то, что поджидало нас внизу - зрелище настолько неуместное посреди этих высушенных зноем земель, что оно казалось или невозможным уже в нашу эпоху чудом, или вызванной жарой галлюцинацией.

Если позади нас остался сухой, но твердый грунт, то впереди внизу раскинулось сплошное море песка. И вот прямо посреди этих серо-желтых бесплодных песков сочно зеленела невысокая, но густая роща, чьи пышные раскидистые кроны обещали всякому усталому путнику приятную прохладу и, наверно, чистый родник или даже небольшое озерко, питающее все это великолепие. И повсюду в этой роскошной темно-зеленой листве алели огромные, диаметром больше фута, цветы с широко раскрывшимися крупными лепестками. Именно они источали чудесный аромат, доносившийся до нас даже с расстояния в полтысячи ярдов.

- Это и есть твой источник? - восхищенно спросила Кэролайн.

- Нет, - буркнул я. - До него еще полтора дня пути, я ж тебе говорил.

- Тогда что же это? Это ведь не мираж? - требовательно спросила девушка и тут же сама себе ответила: - Конечно, нет, миражи не пахнут. Значит, оазис, про который ты не знал?

- Увы, - признал я. - Еще год назад этой дряни тут не было. Но в Пустошах постоянно что-нибудь меняется.

- Так чего мы ждем? - воскликнула Кэролайн, не то не расслышав слово "дрянь", не то списав его на обычную бэдлэндерскую грубость. - Идем туда скорее!

Она, похоже, готова была уже припустить бегом вниз по склону, но я не тронулся с места и лишь насмешливо покивал:

- Угу, вот так и думают все, кто это видит и, главное, обоняет - "идем туда скорее!" А знаешь, откуда эти чудесные цветочки берут удобрения посреди совершенно бесплодной пустыни? Да и воду заодно?

Кэролайн тут же помрачнела. Все-таки, несмотря на свойственную возрасту самоуверенность, дурой она отнюдь не была.

- Кажется, я догадываюсь, - проворчала она.

- Именно. Из тел тех, кто поддался такому вот желанию. На таком расстоянии мы еще в безопасности. А вот стоит спуститься туда и подышать ароматом этих цветочков вблизи... Потеря сознания наступает меньше чем за минуту, еще через несколько минут - смерть. Эти сплошь усеянные листьями ветки - на самом деле не ветки. Это кости. Сращенные друг с другом, чтобы служить опорой этой... лиане. По мере прибытия новой добычи она постепенно достраивает свой домик. И знаешь, что самое интересное? Запах этих цветов нравится абсолютно всем. Не только людям. Вот, казалось бы, у нас и у падальщиков прямо противоположные представления о приятных запахах. Падальщиков цветы вообще не интересуют, им гниющие трупы подавай. Ан нет, и они прут туда, как зачарованные!

- Чуют запах останков предшественников?

- Нет. Тех цветочки так лихо перерабатывают, что никакого запаха не остается. Вот ты скажи - ты аромат каких цветов сейчас чуешь?

- Ну... я вообще-то химик, а не ботаник, в цветах не очень разбираюсь... кажется, ирисы с легким лимонным оттенком магнолии...

- А как по мне, так это типичные тюльпаны. А приведи мы кого третьего, он розы унюхает. Мой папаша бы, небось, виски почуял. А падальщики - понятно что.

- Но как такое может быть?

- Ну, в общем, ученые из экспедиции считают, что эти цветы на самом деле вообще не имеют запаха. Они выделяют некие вещества, напрямую воздействующие на мозг... на ту его область, которая за удовольствие от запахов отвечает. А... - я прикрыл глаза, вспоминая, как именно формулировал тот умник, - "стимуляция этой области заставляет воображение само достраивать тот запах, который наиболее приятен данной конкретной особи".

Еще он говорил, что для самцов большинства зверей это, скорее всего, запах течной самки, но это я решил Кэролайн не цитировать.

- Отсюда мораль - то, что нравится всем, на самом деле не хорошо ни для кого, - философски заключила моя спутница.

- Ну почему же ни для кого? - возразил я. - Для цветочков вот очень даже хорошо. Вон как разрослись всего-то за год.

- Выжечь бы их ко всем свиньям собачьим, - кровожадно произнесла Кэролайн.

- Во-первых, не получится, - возразил я. - Чтобы к ним безопасно подобраться, нужен шлем, как у водолаза, со шлангом для подачи воздуха. А во-вторых, зачем? У них же основная добыча - вовсе не люди, откуда в Пустошах столько людей, а твари местные. Пусть себе одни твари жрут других, нам от этого точно не хуже. А что до людей, то бэдлэндеры про эти цветочки знают, а бандитов не жалко.

- Ну я вот - не бэдлэндер и не бандит.

- Но ты идешь с бэдлэндером. А без проводника в Пустоши полезет только идиот. А идиотов тоже не жалко.

- И большой нам теперь крюк делать?

- Да нет, не очень. Спустимся полумилей дальше, только и всего.

Однако это небольшое отклонение от курса позволило мне заметить вдали внизу две полоски следов, тянувшиеся параллельно друг другу. Они проходили еще дальше к северу от нашего маршрута, но, рассмотрев их в бинокль и убедившись, что это именно то, что я и подумал, я принялся спускаться по склону наискосок именно в том направлении.

Когда мы спустились, Кэролайн вдруг негромко попросила: "Майк, не оглядывайся минутку, я догоню."

- Хочешь по-маленькому? - понял я. До этого у нас было так мало питья, что все эти дела мы решали на стоянках, потребности останавливаться на ходу не возникало.

- Ты очень тактичен, - пробурчала она.

- Ну я ж не просто так спрашиваю. Потерпи немного, если можешь.

- Здесь нельзя? - обида тут же ушла из ее голоса, сменившись пониманием и настороженностью.

- Опасности нет, но просто не стоит тратить жидкость, которая нам еще пригодится.

- Пригодится? Моча?! - она сделала паузу, словно не в силах поверить своим ушам, и голосом, дрожащим не то от возмущения, не то от испуга, произнесла: - Надеюсь, ты не хочешь сказать, что нам придется ее пить?

- Нам - нет, - успокоил ее я. - А вот кое-кому другому да. Видишь эти следы вон там?

Кэролайн прошла вперед и остановилась, разглядывая длинные полосы в песке, которые я заметил еще сверху. Две прерывистые борозды рядом, а в трех с чем-то ярдах параллельно им - две другие такие же. Парадоксально, но сверху, несмотря на расстояние, они были заметны лучше, чем вблизи, где казались просто небольшими неровностями и без того волнистой песчаной поверхности - ибо были старыми и, несмотря на первоначальную глубину, песок почти полностью их замел.

- Выглядит так, словно два человека шли на лыжах, - сделала вывод девушка. - Хотя я не слышала, чтобы на них ходили по песку.

- Не ходят, - подтвердил я. - У песка слишком большое трение, это не снег. И это были, конечно, не люди. И не двое. Это следы левых и правых конечностей песчаного жука. Он не ходит, слишком тяжелый для этого, а как бы все время ползает на коленях. При этом его передние, копательные ноги длиннее остальных, поэтому кажется, что следов с каждой стороны по два.

- Жука? - повторила девушка, оценивая расстояние между левыми и правыми следами. - Какого же он размера?!

- Примерно как вагон чугунки, только покороче немного. - ответил я. - Пули его не берут, если только не выстрелить прямо в глаз - хотя намного надежнее всадить туда же остро отточенный штырь, на какие котелок подвешивают. Если дотянешься. Но это все ерунда, говорят, что ихние самки во много раз больше. Не как вагон, а как целое вагонное депо. Двигаться такая туша вообще не может, у нее и конечностей нет, поэтому она всегда остается под землей. А жуки прямо в нее заползают, как... как вагоны в депо, да. Внутрь приносят еду, наружу выносят яйца и растаскивают их по пустыне. Может, одна такая прямо сейчас под нами, кто знает, - я для убедительности сильно топнул ногой по песку и покосился на Кэролайн, наслаждаясь эффектом.

- Что ты делаешь?! - не обманула она моих ожиданий.

- Да не бойся, не вылезет, - покровительственно ухмыльнулся я, - я же говорю, они двигаться не могут.

- Да и жучий след тогда бы внутрь уводил, а он поверху тянется, - смекнула Кэролайн, окидывая борозды взглядом в одном и другом направлении.

- Молодец, соображаешь. Но, - после паузы добавил я из любви к правде, - на самом деле байки это все. Никто этих самок никогда не видел не потому, что они всегда под землей, а потому, что их вовсе нет. Проф говорил, песчаные жуки - эти... ну, которые сами себя... размножают.

- Гермафродиты, - подсказала Кэролайн, продолжая внимательно вглядываться в горизонт - надо полагать, в ожидании несущегося прямо на нас многоногого вагона из хитиновой брони.

- Ага, они самые. А говоришь - не ботаник! - я решительно зашагал вперед между оставленными жуком бороздами. - Идем, чего стои́шь?

- Майк! - она не двинулась с места. - Ты что - хочешь встретиться с такой тварью? Или про то, что они размером с вагон - тоже байки?

- Нет, это уже не байки. Но ты же физик - сама посуди, сколько он при таком размере весит! При магах ему это, может, и не сильно мешало, но сейчас силенок хватает только еле-еле ползать. Считаные ярды в час. Так что для человека он не опасен. Нет, конечно, если встать у него на пути и тупо стоять, то он тебя перемелет своими челюстями - потому что он тупо перемалывает все. Но избравший столь оригинальный способ самоубийства быстрее умрет от скуки, чем от его челюстей. А во-вторых...

- Только не говори, что лучшее оружие против него - это моча! - перебила Кэролайн.

- Нет, конечно, - рассмеялся я. - Я уже сказал, лучшее оружие против него - это стальной штырь в глаз. Ну, или пара ящиков динамита. Но сам жук нам вообще не нужен! Мы идем не туда, куда он полз, а туда, откуда.

- А что там?

- Яма, из которой он вылез.

- А в ней...?

- Там увидим, - пожал плечами я. - Может, и ничего. Но довольно часто на дне таких ям можно найти одно полезное растение.

- Хоть что-то в этих Пустошах полезное, - проворчала девушка. - Я уже привыкла, что тут все ядовитое.

- Оно тоже ядовитое, - заверил ее я, - но полезное.

- И оно любит мочу? - догадалась Кэролайн.

- Оно все любит.

Нам пришлось идти по жучьему следу еще часа полтора (все это время Кэролайн героически терпела, а под конец уже и я тоже). Впрочем, у самого жука этот путь, вероятно, занял не одну неделю. Наконец впереди показалась огромная воронка, из которой он впервые выбрался на свет. Я подошел к краю и заглянул внутрь. Солнце уже клонилось к закату, и дно воронки было в тени, но там, на глубине около десяти ярдов, я и в самом деле различил некий

чахлый росток. Склоны воронки были пологими - само собой, иначе такая туша не смогла бы выбраться наверх - так что для человека вылезти назад тем более не было бы проблемой, и я без дальнейших колебаний побежал по песку вниз. Кэролайн последовала за мной.

- Похоже, оно совсем засохло, - разочарованно сказала она.

Действительно, из песка фута на два торчал сухой стебель, с которого бессильно свисали длинные увядшие листья.

- Ты удивишься, как быстро оно оживет после полива, - ответил я. - Приступай, а я после тебя. Только осторожно, не коснись его... оголенными частями тела. И имей в виду, оно может начать шевелиться еще до того, как ты закончишь.

Произнеся эти инструкции, я отвернулся, но обратно наверх, понятное дело, не полез - я уже все объяснил Кэролайн насчет условностей в Пустошах. Так что я слышал весь процесс, вплоть до последнего звяканья ремня, когда Кэролайн вновь застегнула брюки - но почему-то приглашения обернуться за этим все не следовало. Только какой-то шорох.

- У тебя там все в порядке? - потерял терпение я.

- Да, - сердитым от смущения голосом ответила она. - Ладно, поворачивайся.

Я развернулся и понял причину задержки - Кэролайн, очевидно, старательно засыпала мокрый песок сухим, желая скрыть от меня всякие следы. Ох-ох, уж эта мне стеснительность, а еще химик... не понимает, что вещества в ее пробирках ничуть не лучше. Некоторые так и наверняка намного хуже - что по запаху, что по воздействию.

Что касается воздействия, то, как я предупреждал, хотя верхние листья растения все еще висели, как тряпки, нижние поднимались и расправлялись прямо на глазах.

- Моя очередь, - объявил я, расстегивая ширинку, и вновь подумал, насколько у мужика этот процесс удобнее, чем у женщины. Закончив и с этим, я вылил на продолжающий оживать на глазах росток все еще остававшиеся у нас запасы крови.

- И что теперь? - спросила Кэролайн.

- Подождем минут двадцать, - я достал из кармана часы.

Когда минутная стрелка проползла треть круга, я надел перчатки (те, что с пальцами), тщательно заправил в них обшлага, чтоб не осталось ни полоски голой кожи, а затем принялся копать песок у основания стебля - успевший снова сделаться совершенно сухим - пока не докопался до большого продолговатого клубня, похожего на кабачок. Перерезав стебель, я вытащил клубень.

- Подставляй флягу, - велел я Кэролайн и с хрустом вонзил в клубень нож. Из проделанного отверстия полилась вода.

- Все части этого растения ядовиты, - продолжал пояснять я, - кроме этой. Сюда оно собирает чистую воду, которую извлекает из любой жидкости, стекающей в яму. Этой жидкостью может быть и обычная дождевая вода, но, как видишь, не только. Хоть кровь, хоть моча, хоть блевотина, хоть понос, хоть трупный гной - например, тех, кто попытается жевать или хотя бы трогать эти листья. На выходе все равно получается чистая вода. Поэтому знаешь, как называют это растение?

- Чистильщик?

- Меняла.

Всего нам удалось нацедить примерно полторы кварты - намного меньше, чем мы отдали, но в обмен на мочу и все менее пригодную для питья кровь это все равно был хороший курс. Впрочем, для самого "менялы" вырезанный клубень означал гибель, поэтому их никогда не отмечают на картах в качестве источников. Так что эти полторы кварты на двоих нам все еще нужно было растянуть больше чем на день пути по жаре. Выбравшись из жучьей ямы, мы зашагали дальше.

Теперь я решил идти всю ночь, делая лишь короткие передышки. Кэролайн, понятно, не была в восторге - особенно учитывая, что по песку идти более утомительно, чем по твердой

поверхности - но не жаловалась. Вообще я уже имел возможность убедиться, что ее слова о способности к долгим прогулкам не были пустым хвастовством - честно говоря, когда я вынужденно согласился на все это наше путешествие, я и не надеялся, что она окажется такой выносливой. Я даже решил ее ободрить и сказал, что она неплохо держится, как для девчонки.

- А ты неплохо говоришь комплименты, как для мужика, - съязвила она и добавила: - Ладно, шучу. Не нужны мне комплименты. Просто я терпеть не могу эту манеру смягчать или нивелировать иронией любые формулировки - что в плюс, что в минус. Вещи надо называть своими именами. Если кто-то что-то делает плохо, надо так и говорить - "плохо". Но если хорошо, то - "хорошо". А не "не очень хорошо" и "не очень плохо", соответственно. Самое худшее оскорбление - это снисходительность.

- Ладно, ладно, - проворчал я. - Не буду больше снисходительным. Буду беспощадным.

- Между прочим, - добавила она прежним язвительным тоном, - женщины, вообще-то, выносливее мужчин. Потому что их организм рассчитан на вынашивание ребенка, а это похуже любого рюкзака.

- Тогда, может, отдать мой рюкзак тебе? - ухмыльнулся я.

- Если бы у нас было два рюкзака, я бы честно разделила с тобой груз, - серьезно ответила она. - Но, поскольку он только один, оптимальней, чтобы его нес все-таки ты. Я ведь сказала "выносливей", а не "сильнее". То есть при равной удельной нагрузке на единицу мышечной массы у меня было бы преимущество, но, поскольку абсолютная величина этой массы выше у тебя...

- Ладно, ладно, - вновь проворчал я. - Я тоже знаю слова, которых ты не слышала.

Вскоре после полуночи из мрака безлунной ночи впереди послышался жалобный скрип.

- Что это? - испуганно спросила Кэролайн.

- Всего лишь флюгер, - успокоил ее я.

- Флюгер? - она всматривалась вперед, тщетно пытаясь разглядеть какую-либо постройку. - Где?

- На вершине шпиля городской ратуши.

- Хочешь сказать, там впереди город? - спросила она недоверчиво. Звук не походил на слишком уж отдаленный, однако до самого горизонта простиралась одна лишь пустыня.

- Нет, - покачал головой я. - Город прямо под нами.

Кэролайн остановилась и уставилась себе под ноги, словно ожидая, что сейчас из песка высунется костлявая рука и схватит ее за лодыжку.

- И это безопасно? - спросила она.

- Само собой, раз я повел тебя здесь. Там внизу уже давно нет ничего живого. Хотя, - продолжил я, когда Кэролайн вновь пошла рядом, - когда-то здесь, говорят, жило пятьдесят тысяч человек. И многие из них - у кого окна и двери были закрыты и оказались достаточно прочными, чтобы выдержать давление песка - задыхались потом там, внизу, еще несколько дней. Богачи промучились дольше, чем бедняки, поскольку ихние жилища были больше, и там сохранилось больше воздуха... Но это было пятьдесят три года назад.

- Страшная штука магия, - вздохнула Кэролайн. - Воистину - никогда снова!

- Угу, - кивнул я. - А знаешь, что самое интересное? Это устроили даже не вражеские маги, а местные. Сейчас уже многие верят, что эту пустыню жуки создали, перемолов тут все своими челюстями в мелкий песок - нет, ничего подобного. Ее создали маги, чтобы остановить наступавших с северо-востока гигантов. Превратили твердую почву в песок, который гигантов бы не выдержал. Сейчас он еще слежался, - я потопал ногой для убедительности, - а в тот день он был такой рыхлый и вязкий, что и человек бы не прошел, не то что гигант. Ну и да, все воинство гигантов в этот песок провалилось. А что то же самое будет и со своим городом, лежавшим у них на пути, маги как-то не учли. А может, им просто было на это плевать. Ну, правда, если бы гигантов не остановили, городу бы так и так хана. А они бы потопали дальше,

до самого Аркэндэйла, а то и до Риджтауна. В горы-то им было не подняться, а по равнине-то запросто... Так что, если бы здешние маги победили - сейчас бы наверняка пели песни про "героическое самопожертвование горожан, ценой своих жизней спасших мирных жителей Запада" - как будто их кто-то спрашивал, ага! А если бы победили ихние противники - рассказывали бы про "нечеловеческую жестокость бывших правителей этих земель, не щадивших даже своих" - как будто они бы их пощадили, ага. Но, как ты знаешь, не победил в итоге никто, и петь патетические песни стало некому.

- А откуда известно, что все было именно так, если выживших свидетелей не осталось? - спросила Кэролайн.

- Ну как, - развел руками я, - пустыня - вот она, город в ней утонул, гиганты тоже, мы их дальше увидим. Кто еще мог это устроить? Тем-то никакого резона не было собственных наступающих гигантов губить. Хотя, по большому счету, какая разница? Любые маги - зло, без вариантов и исключений. Никогда снова.

Словно соглашаясь с моими словами, снова заскрипел флюгер, теперь уже совсем близко, и Кэролайн, наконец, увидела его - точнее, не сам флюгер, по-прежнему неразличимый во тьме, а торчавшую из песка каменную иглу высотой в четыре ярда - верхушку тридцатиярдового шпиля, венчавшего некогда гордую башню такой же высоты, откуда маги правили погубленным ими городом.

- Странно, - заметила Кэролайн, - ветра вроде нет, а он скрипит.

- А он теперь всегда скрипит, - ответил я.

- И как это объясняют?

- Ну, - усмехнулся я, - как это объясняют любители баек, ты можешь догадаться, а я так думаю, песок над городом нагревается и остывает не так, как над остальной пустыней, вот воздушные потоки и гуляют.

- Возможно, - тут же откликнулась Кэролайн, - но, скорее всего, главную роль играет сам шпиль. Та его часть, что на воздухе, и та, что в песке, нагревается и остывает по-разному, отсюда температурные деформации, отклоняющие ось флюгера от вертикали, а один конец стрелки перевешивает... А знаешь, Майк, тебе бы подучиться, и из тебя вполне бы получился физик!

- А из тебя - бэдлэндер, - широко ухмыльнулся я.

И вновь потянулась ничем не нарушаемая пустыня, такая уныло-однообразная, что легко было поверить, будто мы вовсе никуда не идем, а топчемся на одном месте. Однако на рассвете впереди показалось и нечто новое. Поначалу казалось, что это что-то вроде огромных округлых валунов - или даже небольших крутобоких холмов - торчавших из песка. Только их было слишком уж много, и они тянулись слишком уж правильными для причуд геологии рядами. Но, когда мы подошли ближе, а солнце, соответственно, поднялось выше и уже не так слепило глаза, появилась возможность рассмотреть, что это такое.

Это были черепа. Огромные, каждый с мой аркэндэйлский дом, и невероятно уродливые - хотя мне вообще никогда не доводилось видеть красивый череп, о каком бы существе ни шла речь, но даже с учетом этого. Возможно, что-то подобное можно было бы получить, скрестив человека с крокодилом, а затем расплавив результат, чтобы он стекал и деформировался под собственной тяжестью. А может, их примерно так и делали, я не в курсе.

- Это и есть войско гигантов, - пояснил я своей спутнице, которую, конечно, это зрелище впечатлило даже издали. - Причем не всё. Только арьергард. Те, что шли впереди, ушли в песок с головой.

Наконец мы подошли к ним вплотную и пошли между ними, переходя из света в тень и обратно. Вблизи было заметно, что они вовсе не одинаковы, как можно было бы ожидать от однотипных изделий - можно сказать, каждый был уродлив по-своему. Похоже, маги не очень-то усердствовали, создавая их. Должно быть, стремились наклепать как можно больше к началу войны, и уже не обращали внимания на качество.

- Да уж, жуткое зрелище, - констатировала Кэролайн, глядя по сторонам на гигантские кривые челюсти с зубами в половину человеческого роста, деформированные провалы глазниц, подобные входам в пещеры, какие-то костяные шипы и наросты, выпиравшие в разные стороны без всякой, как казалось, анатомической логики. - И под нами их скелеты уходят еще на десятки ярдов вглубь... Интересно, сколько они тут умирали, когда увязли?

- Не слишком долго, полагаю, - ответил я. - Давление такого количества песка, наверно, лишило их возможности дышать. Хотя... не уверен, что они вообще дышали.

Впрочем, верхняя часть пасти у огромных черепов представляла собой костяной желоб, пустой сверху - наверно, при жизни там все же находились ноздри. Хотя, если они у гигантов и были, совсем не факты, что они свои ноздри использовали по тому же назначению, что люди и прочие живые существа. Может, они через ноздри огнем пыхали, или еще дрянью какой. Теперь уже не узнать. Как выражаются в таких случаях университетские умники, свидетельства современников малочисленны и противоречивы. Вести хроники во время Войны было некому, у тех, кто тогда уцелел, были проблемы поважнее, и кто видел гигантов вблизи - уже ничего рассказать не смог, а издали чего только не померещится, да и потом ради красного словца и бесплатной выпивки - "плесните-ка мне еще, а я расскажу, как своими глазами гигантов видел!" - чего только не наплетешь.

Один из черепов был наклонен вперед, так, что конец его жуткой кривой пасти зарылся в песок, и тот самый костяной желоб, где когда-то проходили ноздри или чем там оно было у гигантов, наклонно поднимался вверх к огромным глазницам, подобно пандусу, по которому грузчики закатывают бочки на платформу чугунки. Я подошел к нижней части этого "пандуса", встал между двумя торчавшими из песка (а точнее, из нижней челюсти) клыками и сделал приглашающий жест моей спутнице:

- В ресторане "У Куска Сыра" ты уже побывала, а теперь добро пожаловать в отель "Гигантский"!

- Мы полезем туда? - Кэролайн недоверчиво уставилась на темные пещеры глазниц по обе стороны от "пандуса".

- Конечно. Прекрасный просторный номер, где мы сможем вволю выспаться в тени, пока снаружи жарит солнце. Разве не об этом ты мечтала?

- В общем, да, - согласилась она. - Наверное, череп не хуже дома из любого другого материала. А... там внутри ничем не воняет?

- Говорят, в первые годы, когда все это гнило, вонь во всей округе и впрямь была невыносимая, но за полвека все давно выветрилось. Идем.

Мы без проблем поднялись по верхней части пасти к ее основанию, а оттуда забрались в правую глазницу. Она походила на неглубокий грот, упиравшийся в костяную стену, в середине которой зияло отверстие, через которое когда-то, очевидно, проходили нервы, кровеносные сосуды или что там еще, а теперь мог протиснуться человек, не страдающий ожирением. Ни я, ни Кэролайн этим точно не страдали, так что благополучно, хотя и не без некоторых усилий, преодолели ногами вперед это последнее препятствие и спрыгнули внутрь черепной коробки.

Через отверстия в глазницах внутрь проникало не так много света - тем более сейчас, когда солнце находилось с другой стороны - так что в полумраке даже белизна кости не особо бросалась в глаза, и изнутри череп походил на обычную пещеру с неровными, но плавно закруглявшимися стенами. Если не знать - можно даже и не понять, где находишься. Кэролайн задрала голову, разглядывая костяные стены и потолок.

- Интересно, - заметила она, - когда-то все это пространство, - она подняла и развела в стороны руки, - заполнял мозг. Десятки кубических ярдов одного только мозга. Однако похоже, ума в нем было немного.

- Угу, - кивнул я, - самое умное, что когда-либо приходило этому гиганту в голову - это мы.

Не дождавшись смеха от Кэролайн, которая, должно быть, слишком устала, чтобы оценить мое остроумие, я продолжил:

- А при жизни да, ума у них было не больше, чем у китов, у которых тоже башка здоровая. Скорее - даже еще меньше. Иначе они бы не позволили магам собой командовать. Впрочем, и сами маги были не такими мудрыми, как принято считать - учитывая, чем они в итоге кончили.

Дальше мы разглагольствовать не стали, а расстелили одеяло на костяном полу и, наскоро перекусив и глотнув совсем чуть-чуть воды, завалились спать.

Разбудил нас грохот. Я резко сел, распахивая глаза - как раз вовремя, чтобы увидеть ослепительную вспышку, сверкнувшую сквозь дыры в обеих глазницах черепа. И тут же снова оглушительно грохнуло прямо у нас над головами с такой силой, что даже наше многотонное костяное убежище содрогнулось. Казалось, снова началась Великая Война, мир охвачен огнем, рушатся города и вздымаются из-под земли скалы - а мы оказались в самом центре этого хаоса и ужаса.

Но это была всего-навсего гроза.

Дождь, которого мы тщетно ждали с самого начала нашего приключения, наконец-то разразился, приполз не с востока, куда мы направлялись и куда, соответственно, были постоянно устремлены наши взгляды, а с запада, словно последний подарок из наших родных мест. Он хлынул, словно настоящий водопад, неистово барабаня по костяной крыше черепа. В нижней части каждой из глазниц, представлявшей собой нечто вроде полукруглой костяной чаши, быстро образовывались лужи, достигшие в итоге добрых двух футов в самом глубоком месте (дальше вода начала выливаться наружу, откуда это, наверно, выглядело так, словно мертвый гигант плачет в два ручья над своею скорбной участью). Высовываясь туда через дыры в задних стенках, мы прополоскали наши фляги от остатков крови, затем выпили столько воды, сколько могли вместить наши животы, затем снова наполнили все наши емкости - а ливень продолжал хлестать, и Кэролайн заявила, что теперь она, наконец, выстирает в этой чаше одежду, а я, конечно, должен снова отвернуться. Я ответил, что, поскольку мы не можем позволить себе тратить на это мыло, да и сушить потом все это негде, кроме как на себе, с тем же успехом она может просто вылезти в одежде под дождь. Что она и проделала, оставив внутри только ботинки и, само собой, револьверы с патронами. Я предупредил ее, чтобы была осторожной - мокрая кость скользкая. Но девушка уже плюхнулась на задницу прямо в бурный поток, стекавший по носовому желобу, и с радостным визгом съехала по нему вниз, словно это была не часть черепа мертвого чудовища, оставшегося от самой страшной войны в истории, а аттракцион передвижной ярмарки. Эх, где мои девятнадцать лет...

Пока она плескалась снаружи, я на всякий случай приглядывал сверху - в такой дождь твари обычно не охотятся, но мало ли, и в любом случае негоже обоим сразу покидать убежище без оружия. Это вообще мое правило в тех случаях, когда я в Пустошах не один - по возможности ничего не делать одновременно, только по очереди, тогда, если случится что непредвиденное, то хотя бы не с обоими сразу. Спать вот только все время по очереди нельзя, иначе слишком мало времени на ходьбу остается - но тут уж приходится на мои бэдлэндерские рефлексы полагаться. На многолетнюю привычку просыпаться от любого подозрительного шороха или запаха, даже когда я один и охранять мой сон некому. Да оно, по правде говоря, и надежнее - всегда на себя рассчитывать, даже во сне, а то привыкнешь расслабляться, полагаясь на другого, а что потом делать будешь, когда снова один останешься?

В общем, когда Кэролайн, наконец, замерзла достаточно и, скользя ногами и руками по кости, вскарабкалась обратно, я тоже вылез под дождь в одной рубашке и штанах. Без такого восторга, как Кэролайн - струи все же были изрядно холодными, и от мокрого песка давно уже не шел теплый пар - но по возможности смыть многодневную грязь и пот действительно стоило. Жаль, что после этого "купания" нам было нечем развести огонь, и оставалось только ежиться в

мокрых шмотках, сидя во мраке внутри черепа. А дождь все шел и шел...

Закончился он только к вечеру, задержав нас на несколько лишних часов. Спешить нам, правда, теперь было особо некуда - от жажды мы точно не страдали, все сосуды заполнили, да и по пути после такого дождя должны были попадаться пригодные для питья лужи. Так что я решил вовсе не идти к тому источнику, к которому мы направлялись (это означало, что Кэролайн так и не увидит големов, ну да что на них смотреть - статуи и статуи, пусть и застывшие в довольно нелепых позах), а двинуть сразу к следующему, который находился дальше, но в более подходящем для нас направлении. Когда проникавший в череп пасмурный свет окрасился в красно-коричневые закатные тона, мы собрали вещи и снова поднялись к глазницам. Я полез наружу первый (ничего не делать одновременно, да) - и замер на середине, а затем проворно шмыгнул назад.

С юго-запада, оттуда, куда смотрели глазницы так и не дошедшего туда гиганта, ехал всадник. Он был пока еще далеко и, главное, один, и это радовало, но все равно не очень успокаивало. Еще прежде, чем я вытащил из кармана куртки бинокль и поднес его к глазам, я понял, кто это.

- Вот же упорный сукин сын, - проворчал я, глядя в бинокль.

- Кто там? - испуганно спросила Кэролайн.

- Твой старый поклонник. Левша. Уж не знаю как на этот раз, по клочку платья или по следам на песке, но он опять нас нашел.

- Дождь смыл все следы.

- Угу, ему это расскажи, - проворчал я, соображая про себя, как же этому странному не-то-бэдлэндеру-не-то-хрен-знает-кому удалось такое проделать. По моим прикидкам, к этому времени они должны были или продолжать патрулировать плато по периметру, для чего им потребовалось бы еще больше увеличить размах своей операции, организовав регулярный подвоз воды для лошадей - или, что более вероятно, отправить оставшихся лошадей назад в город и прочесывать плато (ту его часть, откуда, по ихнему мнению, мы не могли выбраться) в поисках наших обезвоженных останков. Все поиски вдали от плато они точно должны были свернуть, убедившись, что уйти мы "не могли". Не найдя нас в итоге и на плато тоже, они, очевидно, запишут в отчетности, что нас пожрал туман, и закроют дело. Но этот хренов Левша, похоже, остался единственным, кого железная логика "если шли в обход плато, то не ушли бы далеко, а если залезли на плато, но не смогли бы слезть" не убедила. Не сумев, в свою очередь, переубедить своим "чутьем" никого больше, он бросил своих нанимателей и рванул в погоню в одиночестве. А может, сначала его даже и сопровождала пара ополченцев, но в пути с ними что-то случилось - с новичками в Пустошах это бывает сплошь и рядом... Но на чем же все-таки основано это его "чутье", хотел бы я знать! Быть может - просто на понимании того факта, что он имеет дело со стариной Майком Честером, который уж точно не полез бы сам в ловушку, откуда нет выхода - а если кажется, что это так, то он просто провел сосунков? Тогда, если Левша знал, что источник у Куска Сыра пересох, он мог подумать, что я тоже это знаю и, соответственно, пошел не туда, а к следующему источнику - добраться туда без воды по такой жаре было делом практически нереальным, но мало ли как мы могли выкрутиться (и мы таки выкрутились благодаря найденной лошади, а в итоге именно туда и направились, но мы шли кривым путем, а этот тип рванул напрямую, вот и догнал нас). Но как он умудрился сам сохранить живую и вполне бодрую лошадь, если у холинбрукцев должны были уже иссякнуть запасы воды для коней - да и груз минимум в тридцать галлонов воды плюс вес самого всадника не всякая лошадь выдержит, а заводную ему, начавшему действовать на свой страх и риск, никто бы не выделил? Просто угнал заводную, никого не спрашивая (а потом, понятно, бросил или потерял)? Ах да, конечно - дождь. Это здесь он прошел только что, а на западе-то раньше. Так что этот парень напоил коня где-то в пути. Судьба - она такая штука, не успеешь порадоваться, что повезло тебе, как оказывается, что и твоему врагу тоже. Хотя заранее он не мог знать, что

дождь пойдет, и отправился в путь, очевидно, с мыслью проехать столько, сколько выдержит конь, а дальше идти пешком. Ну а почему нет, я сам недавно делал то же самое.

Так, ладно, и что теперь? Он один, дальнобойной винтовки у него (насколько я мог разглядеть в бинокль) нет, а я сижу тут в превосходном укрытии, где можно отражать штурм целой роты (если только не забросают гранатами). Более того, нас тут даже двое - Кэролайн уже доказала свою способность стрелять, хотя ее помощь мне едва ли понадобится. Просто дождаться, пока он подъедет поближе, и пристрелить его, как куропатку. На что он вообще рассчитывал, отправляясь в одиночку в погоню за самим Майком Честером?

Впрочем, если он знает, что я не сосунок, то и мне считать его сосунком не стоит. Какой-то план у него наверняка есть. Все зависит от того, знает ли он, что я здесь, или просто едет, рассчитывая настигнуть нас возле источника (как оно, скорее всего, и было бы, не сделай мы крюк к Куску Сыра). Вполне может и знать. Следов, как верно отметила Кэролайн, не осталось, а ни в какое мистическое "чутье" я не верю. Однако если этот тип знает про источники, может знать и про отель "Гигантский" - то есть про то, что черепа гигантов - лучшее место для отдыха на пути через пустыню, и что именно в этот череп удобнее всего забираться. А если он даже не знал про это раньше, может сообразить, просто увидев его. И тогда он спокойно проедет мимо, оставаясь за пределами револьверного выстрела - причем проедет по прямой слева или справа, ничем не показывая, что отклонился специально - а потом, скрывшись из поля нашего зрения, которое на самом деле очень невелико (неудобство любого хорошего укрытия с узкими бойницами!), спокойно и бесшумно объедет череп сзади и... Самое простое - просто ждать в засаде снаружи, пока мы вылезем, но это долго, особенно если не знать наверняка, внутри мы или нет. Можно взобраться по черепу сзади или сбоку - да, это не так просто, но при достаточной сноровке реально, эти костяные шипы и наросты позволяют проделать такое без всякого вбивания крючьев, а значит, опять-таки, без лишнего шума - и бросить в глазницы те же гранаты или динамитные шашки. Или еще какую пакость.

- Кэролайн, - спросил я, - можно сделать такую дымовую шашку, чтоб от нее люди не просто кашляли и глаза терли, а помирали?

- Конечно, особенно в замкнутом объеме. Например - любая реакция с выделением хлора. Он вызывает отек легких. Или пары синильной кислоты - блокируют усвоение кислорода тканями организма. Много есть способов. А почему ты спрашиваешь? Думаешь, у этого типа с собой что-то подобное?

- Да хрен его знает! Не нравится он мне. На нормального бэдлэндера не похож, зато с вояками якшается. Может, он не по собственной прихоти от них свалил, может, они ему испытание какой-то дряни поручили? Как раз подальше от любых свидетелей... Потому и прет сюда, ничего не боясь. Может, ему даже и на череп лезть не надо, а просто разведет костерок за пределами револьверной дальности да бросит туда что-нибудь. Ветер-то в нашу сторону, как раз через глазницы к нам задует... Вы-то в своей лаборатории, - добавил я после короткой паузы, - ничем таким не занимались?

- Конечно, нет! - возмутилась Кэролайн. - Папа никогда бы не согласился, он этих вояк терпеть не мог почти так же, как КОБовцев! Он хотел, чтобы наука несла людям благо, а не смерть!

- Просто все думаю, чего они тебя никак в покое не оставят. Вдруг ты знаешь что-то такое... или они думают, что знаешь... Ладно, - перебил я и сам себя, и ее очередную возмущенную реплику, - сейчас надо разобраться с нашим гостем. Ты оставайся тут и приглядывай за обстановкой, но не дергайся и сама ничего не предпринимай. А я обойду его за черепами и устрою ему горячий, но короткий прием.

Мне нужно было дождаться момента, когда левша скроется за каким-нибудь из черепов. Как назло, он ехал, казалось, прямо на нас, и ни один череп нас от него не загораживал. Хреновы гиганты на тот момент, когда увязли, шли хотя и не идеальным строем, но и не беспорядочной

толпой, которая образовала бы теперь столь нужный мне лабиринт. Однако затем я заметил, что левша все-таки едет не прямо к нам, а левее, если смотреть с нашей стороны (что вполне соответствовало моей мысли, что он намерен проехать мимо, как ни в чем не бывало, а потом развернуться), и в итоге я таки дождался момента, когда один из черепов скрыл его от меня и наоборот. Я тут же выскользнул наружу, выбрался из глазницы и, не тратя времени на спуск по пандусу верхней челюсти, бесшумно спрыгнул в мягкий песок справа от пасти, тут же отбежав за череп. На мокром песке должны были остаться свежие следы, но пасть загораживала их от него. Хорошо представляя себе темп и направление его движения, я принялся перебегать от черепа к черепу, и, ни разу не попавшись ему на глаза, благополучно обогнул его по широкой дуге справа (если смотреть по его курсу, то слева) и зашел ему в тыл.

Когда я увидел его спину, до него было ярдов пятнадцать, а ему самому оставалось до нашего "отеля" еще около семидесяти. И я не ошибся - он как раз объезжал очередной череп справа, так, чтобы уйти с возможной линии стрельбы из глазниц "отеля" и проехать мимо него. Никакую химическую дрянь он вроде не готовил, по крайней мере пока, и револьвер его тоже оставался в кобуре, но я не собирался ждать, пока он за ним полезет. Я поднял свой "дракон" и прицелился ему в середину спины между лопатками. В движущегося всадника, даже когда он едет шагом, трудно попасть с абсолютной точностью, но это оптимальная мишень для стрельбы с такой позиции: сердце, позвоночник, аорта, легкие - куда ни попади, все смертельно сразу или чуть погодя, так что шансов у него не было никаких. Но, когда мой палец уже начал плавно давить на спуск, я передумал.

Именно то, что у него не было шансов, навело меня на мысль взять его живым. Нет, конечно, оставить ему жизнь я по-любому не мог. Но прежде мне все-таки ужасно хотелось с ним потолковать. На тему, кто он такой и почему с таким упорством преследует Кэролайн. Только ли в награде дело, а если и да, то почему она такая высокая. И про синий лоскут тоже расспросить, и про все прочее. Может даже про странную смерть отца Кэролайн всего-то в 51 год. Простой наемник, конечно, может об этом ничего и не знать - но это если он простой наемник...

Так что я быстро пошел следом; неспешный темп его лошади позволял мне сокращать дистанцию, не переходя на бег и, соответственно, не выдавая себя ни шумным дыханием, ни топотом. Ступал я точно в такт шагам его лошади, так что он гарантированно не мог ничего услышать, пока прямо у него за спиной не прозвучит моя коронная фраза: "Руки вверх, или ты труп!" Двенадцать ярдов... одиннадцать... десять... девять... Я снова поднял руку с револьвером, которую опустил было, чтобы не уставала - с такого расстояния я не промахнусь, даже если рука будет слегка дрожать - и если он, понятное дело, не захочет по-хорошему. Хотя, на самом деле, с его точки зрения самым хорошим вариантом было умереть до допроса, а не после. Возможно, Кэролайн и не одобрила бы методы ведения беседы, которые я собирался использовать, но тут уж церемониться не приходилось. Хотя - я вспомнил, как она говорила, что не имеет ничего против крови врагов, и смотрела, как я перерезаю горло одному из них. Так что вряд ли у нас и в этом возникли бы разногласия. Может, с ее отцом-пацифистом, но не с ней.

И тут, когда я уже почти открыл рот, чтобы произнести заготовленную фразу, у меня за спиной из-под низких туч выглянуло заходящее солнце. И зажгло над безжизненной пустыней, утыканной черепами мертвых чудовищ, веселенькую радугу. Но значение имело вовсе не это. А моя длинная тень, которая легка прямо под копыта лошади Левши.

Надо отдать ему должное - отреагировал он мгновенно. Его каблук саданул в бок коня, заставляя того крутануться влево, а его левая рука выдернула из кобуры револьвер. Времени для разговоров больше не было, и я выстрелил - туда, куда метил с самого начала, только теперь я был втрое ближе.

Я ясно видел, как пуля пробила его куртку чуть левее середины. Поскольку он уже начал разворачиваться, она вошла под углом - и под таким углом и с такого расстояния она точно

должна была угодить ему в сердце, а потом еще и выйти через правое легкое. Само собой, он рухнул на шею коня, однако не свалился с седла - а его конь испуганно рванул влево-прочь. Я быстро развернулся, целясь ему вслед, но в таком ракурсе я бы, скорее всего, попал в конскую задницу, что скорее подстегнуло бы его, нежели остановило. Возможно, подумал я, конь скоро остановится сам, и мы заберем его целым и невредимым, чтобы использовать, как предыдущего. Но тут щелкнул еще один выстрел - и конь, как раз-таки пересекавший линию огня из бойниц "отеля", взбрыкнул с коротким ржанием (но так и не сбросил всадника) и скрылся между черепами слева. Когда он вновь появился на моей линии стрельбы, то был уже слишком далеко и продолжал мчаться во весь опор.

Я поискал на песке хотя бы револьвер, который должен был выронить Левша. Но увы - не нашел. Добавив патрон в свой собственный, я некоторое время шел по следу лошади, высматривая пятна крови и признаки хромоты, но ни того, ни другого не заметил. Как видно, лошадиная рана оказалась пустяковой и, как я и опасался, будет лишь подгонять испуганное животное. Кровь всадника, в свою очередь, видимо, вся осталась на лошадиной спине - если сердце остановилось сразу, ее и не должно было вылиться много. То, что он даже мертвый не выронил револьвер и не свалился на землю сам, заставило меня даже почувствовать к нему что-то вроде профессионального уважения, хотя в практическом плане, понятно, не радовало - я рассчитывал на трофеи. Однако уже смеркалось, и пытаться искать во тьме безлунной ночи умчавшегося сломя голову неведомо куда коня, который может скакать без остановки еще много миль, было явно плохой идеей. Так что я развернулся и побрел к "отелю".

- Кэролайн, это, конечно, круто, что ты попала в скачущую во весь опор поперек линии стрельбы лошадь, да еще с расстояния в добрых сорок ярдов, но вообще-то я велел тебе сидеть и не дергаться. А не палить во все, что движется. Эта лошадь еще могла пригодиться нам целой и невредимой.

- Я целилась не в лошадь, - мрачно ответила девушка.

- Тогда тем более не надо было тратить патроны. Он был уже мертв.

- Я видела только, что он лежит, навалившись на шею лошади. Я не щупала его пульс.

- Мертв, можешь мне поверить. Я видел, куда вошла моя пуля. Даже если каким-то чудом она прошла мимо сердца - значит, перебила позвоночник. Ну и дырка в легком в качестве бонуса. Даже если формально он все еще жив, с такими ранами один в Пустошах без всякой помощи он протянет совсем недолго.

- Ну, я-то этого не видела, - рассудительно заметила она. - Я только слышала выстрел, потом топот копыт, а потом лошадь со всадником промчалась слева направо через мое... окно. Откуда мне было знать, что с ним? Может, он просто пригнулся, прячась от следующего выстрела, - она чуть помолчала и добавила: - Я даже не знала, был ли этот выстрел твоим и цел ли еще ты сам.

- Не родился еще сосунок, который в одиночку завалит Майка Честера, - усмехнулся я. - Особенно если Майк заметил его первым, - но тут же я вспомнил, как глупо позволил ему заметить меня, и порадовался, что Кэролайн этого не видела. - Ладно, - сказал я вслух, - пора идти дальше, пока прохладно.

Мы выбрались из черепа наружу. Тучи уже по большей части разошлись, лишь на востоке время от времени вспыхивали зарницы.

- Его искать не пойдем? - уточнила Кэролайн деловым тоном человека, который только и делает, что ищет по ночам трупы убитых.

- Я бы не против разжиться его вещами, но ночью нам его не найти, а к утру и от него, и от его коня останутся одни растерзанные объедки, - ответил я. - К тому же конь ускакал на северо-запад, а нам теперь надо идти на юго-восток. Так что - хрен с ним, не будем терять время. Нам бы скорее из пустыни выбраться, а то копченой конины осталось уже чуть-чуть.

- Просто в приключенческих книжках у героев вечно возникают проблемы с врагами,

которых они считают мертвыми, но тел так и не находят. А те потом оказываются живыми.

- Тех самых, что предлагают в аптеках на сдачу? Надежный источник. Я-то думал, ты только научные книжки читаешь, - поддел ее я.

- Ну... сейчас в основном да, а в детстве читала... всякое.

- То-то и оно, что "всякое", - усмехнулся я. - Все эти книжки пишут те, кто от своего дома дальше бакалейной лавки не отходил, что уж там про Пустоши говорить. И пишут для таких же читателей, готовых поверить в любую чушь. Оно, может, и забавно, все эти неожиданные повороты, да только реальность куда проще и скучнее устроена, и в ней я тебе точно могу сказать, когда человек в Пустошах выжить может, а когда нет.

Утром следующего дня мы, наконец, выбрались из песков на твердую почву. Если песок давно уже снова стал совершенно сухим, то здесь все еще стояли лужи. Впрочем, воду для питья можно было брать отнюдь не из любых из них - кое-где уже ждали своего часа яйца черных пиявок, которые, попав в тело вместе с водой, вылупляются, присасываются изнутри к стенкам мочевого пузыря и начинают сосать кровь, не забывая при этом плодить новые яйца, которые выходят с мочой наружу. В конце концов они разрастаются настолько, что высасывают жертву до смерти - и, понятно, дохнут при этом сами. Жадность - она вообще до добра не доводит, но поди объясни это хоть черным пиявкам, хоть некоторым более продвинутым организмам. Такую воду можно давать пить лошади, потому что в Пустошах она все равно издохнет задолго до того, как пиявки высосут ее изнутри (ну, кроме как в караванах, конечно) - а вот самим можно пить только после кипячения не меньше десяти минут. Уж очень эти яйца живучие, обычно-то они в сухой пыли под палящим солнцем лежат, дождя ждут - неделями лежать могут, и ничего им не делается. Ну а если воду кипятить не на чем, тогда верное от них средство - это безголовые лягушки. Лягушки как лягушки, только без головы. Там, где у нормальных лягушек голова, у этих одна только дырка, через которую они воду втягивают. Ни глаз, ни ноздрей, ни языка даже нет. Мозгов тоже нет, наверно - но всякую мелкую дрянь жрут на диво хорошо. Тут правило такое: если лягушка в воде активно плещется - значит, ей есть чего там жрать. А вот когда она вялая и сонная становится, тут уж и самим пить можно. Так что я в первой подходящей луже такую лягушку выловил и в котелок с водой посадил, и из следующих луж туда воду доливал. Кэролайн сперва мордашку кривила - как это, мол, из котелка пить, в котором лягушка плавает, да еще и без головы, фу, пакость - но, как я ей про альтернативу в виде пиявок рассказал, сразу ерепениться перестала. В Пустошах, вообще, опасность далеко не всегда от крупных тварей исходит. Нередко те, которых без сильного увеличительного стекла и не разглядишь, куда хуже. Ну а на внешний облик ориентироваться тем паче не стоит - это даже и за пределами Пустошей так, самые уродливые вовсе не обязательно вредны, зато самые красивые обычно самые ядовитые.

Самую жаркую часть дня мы проспали не возле очередной большой лужи, которой предстояло пересохнуть через три-четыре дня, но от которой пока еще веяло прохладой - спать в таких местах всегда плохая идея, мало ли кто придет на водопой - а вскарабкавшись на здоровенный камень с плоской вершиной. Не так комфортно (жар нагретого камня чувствовался даже сквозь одеяло, ну и солнце сверху не отставало, конечно же), зато спокойнее. Правда, на камне валялись чьи-то кости (я затруднился определить, чьи именно - их было всего несколько штук, и черепа среди них не было), но они были слишком старые, чтобы свидетельствовать о непосредственной опасности. Что бы ни убило ихнего обладателя, это было много лет назад.

На следующий день пути у нас закончилась конина. Пришлось довольствоваться лягушками из луж, хотя в сыром виде они, прямо скажем, не ахти даже на мой непривередливый вкус - а затем закончились и они, вместе с лужами. Не потому, что те успели пересохнуть, а просто мы добрались до мест, куда дождь вообще не дошел, весь вылился по дороге. Последней я съел ту лягушку, что нес с собой в котелке (я благородно предложил ее Кэролайн, но она отказалась, причем явно не из ответного благородства). Я зыркал по сторонам в поисках каких-

нибудь тварей, пригодных в пищу, или ихних следов, но, как назло, ничего подходящего не попадалось. Даже скорпионы, проявляя отменное проворство, успевали юркнуть в свои норы и трещины прежде, чем я до них добирался. Лишь кружившие в небе стервятники позволяли издали определить места, где можно найти падаль, но нам, понятно, не годилась ни падаль, ни падальщики.

Вечером мы миновали рощу бешеных кактусов - серо-зеленых колонн высотой в несколько ярдов, стреляющих ядовитыми шипами во всякого, кто приблизится, на рассвете обогнули Долину Поноса, где всегда бьют фонтаны зловонной грязи, а спустя еще три часа впереди показались развалины очередного города. Обычно я предпочитаю не заходить в такие места даже днем, если только именно там не находится то, за чем я охочусь, но сейчас был как раз такой случай - только искал я не прячущегося бандита и не какой-нибудь довоенный артефакт, а какую-нибудь съедобную тварь, которых в развалинах можно встретить чаще, чем на открытой местности (ну и заодно и дерево для костра, на котором эту тварь приготовить). Само собой, мы для потенциальных местных обитателей тоже были съедобными тварями, так что тут надо было держась ухо востро, чтобы охотники и добыча не поменялись местами.

Вот интересно - у всех Мертвых городов есть, конечно, свои исконные имена, которые вообще-то не утрачены - довоенных карт сохранилось достаточно, да и живых людей, помнящих те времена, еще хватает, всего-то полвека прошло. И даже на большинстве бэдлэндерских карт эти имена хоть мелким шрифтом, да обозначены. Но ими почти никто никогда не пользуется, во всяком случае - вслух их не произносит. А пользуются вместо них прозвищами, которые уже после Войны дали. Даже не знаю, почему так. К примеру, город в песке - Утонувший, тот, что у Куска Сыра - понятное дело, Сырный (хотя, поскольку там от города ни одной целой стены не осталось, чаще его вообще не упоминают как ориентир, а одну лишь скалу называют), тот, где я встретил Кэролайн - Крайний (очень оригинально, да - их таких Крайних несколько штук вдоль границы Пустошей, когда надо различить, добавляют "Холинбрукский" или там "Шмуртерсфордский"). А город, лежавший перед нами теперь, именовался Костяной. И скоро Кэролайн увидела, почему он так называется. Я ее, конечно, заранее предупредил, что она там на улицах увидит - и все равно, когда это видишь в первый раз, зрелище впечатляет.

...Они пытались оттуда уйти. В большинстве городов времени на это не было - магический удар, тот или иной, обрушился на них сразу во всю мощь, и никто - даже те, кому не повезло не умереть быстро - никуда идти уже не мог. Но по Костяному городу отработали особо гнусным заклятием медленного действия, и они надеялись, что проклят только сам город. Что если они выйдут за его пределы, то спасутся. Что процесс остановится хотя бы на середине. А может, и ни на что уже не надеялись, просто стремились двигаться, пока еще сохраняли такую способность.

Мы увидели их сразу, как вошли в город - длинную жуткую процессию, растянувшуюся по главной улице, в которую слева и справа вливались застывшие ручейки из прилегающих улиц и переулков. Когда-то она вытягивалась за городские пределы в Пустоши, но полвека спустя сохранилась лишь та ее часть, которую прикрывали от стихий стены домов. Здесь тоже часть попа́дала, сразу или после, но большинство по-прежнему оставалось на ногах. Недвижно застывшие скелеты, не похожие на скелеты. Нормальный скелет невозможно заставить стоять - он рассыплется, если только не скреплять все его части искусственно, как это делают в музеях, но эти по-прежнему стояли там, где принуждены были остановиться, когда потеряли возможность идти. На них давно не осталось ни клочка одежды или кожи, но ни ребер, ни иных отдельных костей видно не было. Ихние черепа выглядели, как обычные человеческие черепа, а вот ниже они казались закованными в какую-то странную волнистую броню или медицинский корсет. Но это не был ни металл, ни гипс, ни даже камень, как в тех городах, где люди, целиком или частично, превратились в статуи. Это была кость. Ихняя собственная кость. Сплошной костяной панцирь, в который, еще при жизни, постепенно превратилась вся плоть ихних тел, за

исключением кожи, жира и внутренних органов, которые еще какое-то время продолжали поддерживать жизнь внутри этой кошмарной тюрьмы[12]. Не берусь судить, чья участь была ужаснее - окостеневших или окаменевших (особенно тех, кто окаменел не весь), но окаменение, хоть полное, хоть частичное, произошло сразу, и хуже уже не становилось (говорят, что несколько человек, у которых окаменела только рука или нога, сумели даже выжить, отрубив соответствующую конечность), а окостенение развивалось постепенно, медленно, но неуклонно, пока не охватывало все тело.

Немало скелетов в этой скорбной процессии были женскими - я не анатом, но, хотя жир в грудях и бедрах просто сгнил, а не превратился в кость, общее отличие пропорций от мужских было вполне заметным даже мне; хватало также и детских, некоторые из которых все еще цеплялись за руки родителей. Кто из них потерял способность двигаться раньше? Пытался ли ребенок тянуть за собой застывшего взрослого или просто не мог вырваться из его окостеневшей руки? Некоторые взрослые, видимо, сразу поняли бесполезность попыток спастись - а может, просто не имели сил - и не пытались никуда идти; они застыли, сидя на крыльцах своих домов и, очевидно, провожая безнадежным взглядом бредущих мимо...

Да. Жуткое это зрелище, Кэролайн тоже от него приуныла. Ни один из Мертвых городов не выглядит весело, но от Костяного веет какой-то особенной тоскливой обреченностью. Что, впрочем, не помешало в свое время мародерам обчистить всех этих мертвецов, забрав золото, серебро и драгоценности. Кое-где на окостеневших руках не хватало пальцев, отпиленных, чтобы легче снять золотое кольцо или перстень. И не могу даже сказать, что осуждаю тех, кто это делал. Мертвым-то все равно уже ни к чему, и законных наследников тоже не осталось. Но это было вскоре после Войны. В наше время все Мертвые города, до которых можно добраться, давно разграблены, и самое большое сокровище, какое мы могли надеяться тут найти - это деревянная мебель для костра. Ну, и что-нибудь съедобное, конечно - но это уже к довоенным временам и бывшим обитателям города отношения не имеет. Хотя - вот сейчас, говорят, научились уже такие консервы делать, которые и по полвека храниться могут, и хоть бы хны - но это, скорее всего, вранье рекламное. А чего ж не врать - если кто через полвека траванется, нынешним продавцам-то что, их тогда уже и в живых не будет. В любом случае, при магах такого точно не было - просто не нужно было. Не было ни неурожаев, ни падежей скота - свежей пищи всегда на всех хватало.

М-да. Вот так вот всю жизнь наслаждаешься себе сытой спокойной жизнью без всяких там кризисов, в которой мудрые маги обо всем за тебя заботятся - а потом становишься частью костяной процессии. По мне уж лучше неурожаи терпеть и консервами питаться. От консервов, по крайней мере, никто еще не окостенел.

Мы шли вдоль нескончаемой колонны стоячих мертвецов, и Кэролайн по большей части пялилась на них - ну, известное дело, когда с одной стороны неприятно на что-то смотреть, а с другой - не можешь удержаться от искушения, а я глядел по сторонам, выискивая какие-нибудь интересные следы. В этом смысле лучше всего улицы и площади, мощеные плитами - их покрывает ровный слой пыли, в котором любые следы отпечатываются просто идеально. Увы, в Костяном городе мостовые были булыжными, а на них следы заметны куда хуже. Мы свернули с прямой главной улицы и принялись петлять по боковым, образовывавшим натуральный лабиринт. Сами дома - это были трех-четырехэтажные каменные здания под крутыми черепичными крышами, выстроенные встык друг к другу - совершенно не пострадали во время Войны, во многих окнах даже до сих пор оставались грязные, но целые стекла, в которых

[12] Подобная болезнь существует реально - оссифицирующая прогрессирующая фибродисплазия, неизлечимое генетическое заболевание. От описанного в романе оно отличается тем, что развивается гораздо медленней и превращение мягких тканей в кость происходит не самопроизвольно, а как реакция на любое воспаление или травмирующее воздействие. Попытки хирургического удаления окостеневших участков приводят лишь к еще более бурному окостенению новых.

смутно отражались неподвижно застывшие фигуры. Даже мародеры, как правило, не били этих стекол. В Мертвых городах лучше зря не шуметь, и это отнюдь не суеверие.

Наконец я заметил кое-что примечательное.

- Кэролайн, ты не забыла Правило Номер Три? - спросил я, проверяя внимательность моей спутницы.

Она остановилась, оглядываясь по сторонам, но вынуждена была признать: - Не вижу ничего необычного. Ну, если не считать скелетов. Но они здесь - дело обычное.

- То-то и оно, что обычные здесь необычны.

- А! - наконец сообразила она, всматриваясь в скелет, лежавший в тени дома дальше по улице. Это был далеко не первый, который мы видели лежащим, а не стоявшим или сидевшим, но у этого были отчетливо видны ребра. - Он не окостенел!

- Именно. И вообще это куда более свежие кости, - в тени это не было так заметно, но мой наметанный глаз это определил - оттенок более розовый, а не серый, и даже сохранившийся еще некоторый блеск. Подойдя вплотную и присев над скелетом, я даже уловил слабый, но все еще различимый запах крови. - Этого парня обглодали совсем недавно, - заключил я. - Не больше нескольких дней. Ну то есть как обглодали - заканчивали дело насекомые, они и обработали кости дочиста, а вот тот, кто это пиршество начал, костей как раз не грыз. Видишь - тут нет следов от зубов? От когтей, правда, есть, их легко отличить. Царапины от зубов обычно перпендикулярны кости, а от когтей - параллельны. Здесь мы видим, как острый коготь основательно прошелся вдоль всего позвоночника...

- Мне обязательно это знать? - скривилась девушка, отводя взгляд в сторону.

- В Пустошах всегда полезно знать, с какой тварью имеешь дело.

- И не только в Пустошах, - проворчала Кэролайн.

- Вот именно.

- Ты, кстати, уверен, что его убила именно тварь с когтями?

- Нож оставляет более тонкий след, если ты об этом.

- Да, но его могли убить и пулей. А тварь с когтями занялась уже трупом.

- Соображаешь, - похвалил я. - Следов от пули на костях я не вижу, как не вижу и самой пули, хотя бы в виде кусочков, которые, вероятно, остались бы тут, если бы она, не задев кость, засела в каком-то из внутренних органов - но это еще ничего не доказывает. Смертельным может оказаться и сквозное ранение, и его могли подстрелить не прямо здесь. Но все-таки, я думаю, это не очень вероятно. Указательные пальцы у него на месте, так что это не бандит, застреленный бэдлэндером...

- А что - наоборот не бывает? - перебила Кэролайн.

- Бывает, - признал я. - Хотя у нас и больше опыта выживания и охоты в Пустошах, мы тоже не всегда выигрываем. А еще бывает, что бандиты устраивают разборки друг с другом. Но более весомый аргумент состоит в том, что та тварь, что содрала с него мясо - если это была та, о которой я думаю - предпочитает свежатину.

Кэролайн это, как ни странно, успокоило. Очевидно, людей она боялась больше, чем любых пустошных тварей. Хотя - почему странно? Правильно, в общем-то. Неразумные твари никого на кострах не жгут. До такого только человек мог додуматься.

Так или иначе, с момента смерти этого неудачника прошло уже несколько дней, так что его убийца мог быть уже где угодно (хотя скорее всего он все же обитал в этом городе). На камнях возле скелета еще можно было различить следы засохшей крови, но они вскоре обрывались. Мы двинулись дальше с револьверами в руках, глядя по сторонам и прислушиваясь к тишине мертвого города. Он не был совсем уж безжизненным - семенил на длинных паучьих ногах колючий шар размером с ежа, со стены свисали, словно гигантские сопли, ядовитые слизни длиной с предплечье, из-под крыльца вылезла здоровенная жирная жаба, вся кишащая червями, изнутри окостеневших скелетов выползали и вылетали насекомые (у них там целые

гнезда, в мае, когда у них брачный период, в Костяной город просто невозможно зайти), из щелей и трещин высовывались какие-то усики и жгутики, прятавшиеся при нашем приближении - но все это было или ядовитое, или несъедобное из-за паразитов, или слишком мелкое, чтобы в него стрелять, и слишком юркое, чтобы ловить его живым.

Мы вышли на шестиугольную площадь, где некогда располагался один из городских колодцев - точнее, как это было принято у любивших пышность магов, это был не просто колодец, а фонтан, украшенный скульптурами. На вершине сужавшейся колонны, стилизованной под естественную скалу, стояла девушка, одетая только в собственные длинные волосы, целомудренно (а может, и лукаво, это как посмотреть) прикрывавшая наготу руками. Мраморные пряди ее волос заканчивались множеством мелких отверстий, из которых когда-то струились тонкие струйки воды, казавшиеся продолжением волос. Эти струйки ниспадали в верхнюю чашу в форме огромной раковины, которую держали на головах шесть пучеглазых каменных рыб, стоящих на выгнутых хвостах - каждая глядела в сторону одной из улиц, выходивших на площадь. И уже из пастей этих рыб били струи воды, под которые жители поставляли свои ведра и кувшины, ставя их на каменные постаменты на дне нижней чаши. Красиво, да. Сейчас так не делают. Сейчас в Аркэндэйле уже проложили трубы, по которым вода сама поступает в дома. Никаких тебе обнаженных девушек, зато повернул кран - и вот тебе вода, никуда ходить за ней (и потом обратно с тяжелым ведром) не надо.

Ныне, понятно, обе каменные чаши фонтана были совершенно сухи и пусты - как пуста была и сама площадь, где некогда постоянно толпился народ, пришедший за водой или просто поболтать с соседями. Когда началось окостенение, всем стало не до воды, они пытались выбраться из города, не задерживаясь ни на минуту, с которой страшный процесс развивался в ихних телах, да и фонтан к тому времени, наверно, уже не работал. Все же отсутствие стоячих мертвецов на площади делало ее не такой жуткой, как те улицы, что мы оставили позади, и я подумал, что Кэролайн во все глаза уставится на фонтан - в своем пуританском Холинбруке она уж точно не видела ничего подобного. Но она, надо отдать ей должное, принялась оглядываться по сторонам - а затем вдруг дернула меня за руку, не решаясь, как видно, подать голос.

Обернувшись, я увидел, как она тычет стволом револьвера направо. В сторону большого мутного стекла, за которым застыли три фигуры, не бывшие костяными мертвецами. Даже сквозь грязь можно было различить, что на них одежда - вычурные камзолы с панталонами и завитые парики по моде довоенной эпохи - и ихние лица не затронуты разложением.

- Это всего лишь манекены, - снисходительно пояснил я девушке, вновь возвращаясь взглядом на площадь. - Там был магазин готового платья. Так в ту пору одевались, довольно нелепо, как по мне... Но ты молодец, что обратила внимание. Твари могут прятаться среди таких вот фигур, особенно та тварь, которую мы ищем. Но я уже, конечно, посмотрел туда, как только мы вышли на площадь - это все те же три манекена, что стояли там всегда, и никого кроме.

- А вот это тогда кто? - почти беззвучно, одними губами произнесла Кэролайн, тыкая револьвером.

Только тут я сообразил, что ее ствол направлен не прямо на витрину, а под углом, и взглянул в том же направлении. В самом краю витрины отражалось то, чего я не мог заметить, когда мы только вышли на площадь, но что появилось в поле зрения после того, как мы сделали несколько шагов. Это была человеческая фигура, стоявшая позади фонтана, скрытая от нас его колонной. Стекло отражало плохо, скорее он был виден как полупрозрачный силуэт - и все же было ясно, что это точно не манекен и не костяной мертвец. На нем была шляпа-"стэнсон"[13] и типичная одежда бэдлэндера (или бандита). И в согнутой правой руке он держал револьвер, направленный в ту сторону, откуда мы бы показались, если бы обошли фонтан справа.

Я мысленно выругал себя, что пропустил то, что заметила неопытная девчонка. У нее это,

[13] В нашем мире фамилия создателя ковбойских шляп была Стетсон (Stetson).

правда, тоже случайно получилось - она не думала об отражающих свойствах витрины, просто пялилась на нее дольше, чем я, которому с одного взгляда стало ясно, что там ничего примечательного нет. Как говорится - чаще всех тонут те, кто хорошо плавает... Но, понятно, не время было заниматься самобичеванием - надо было разобраться с этой... фигурой[14]. Револьвер в ее руке, признаюсь, стал для меня неожиданностью. На миг даже мелькнула мысль, что Кэролайн была права и это действительно бандит, застреливший бэдлэндера или своего подельника и продолжающий прятаться в городе. Хотя, конечно, оставаться тут долго проблематично - в городе нет источников воды, а приволочь сюда несколько галлонов на себе - идея так себе, даже если половину тащил убитый. Впрочем, если у них были еще и лошади, останков которых мы пока не видели... Но я тут же оборвал эти мысли. В неподвижно застывшей фигуре было нечто неестественное. Даже в виде тусклого полупрозрачного отражения она выглядела какой-то раздутой - не толстой, а именно раздутой, и это не было эффектом кривизны стекла - фонтан и площадь позади отражались без всяких деформаций. Особенно распухшим было лицо. У живых людей такого не бывает даже после недельного запоя. Хотя для разлагающегося трупа оно слишком хорошо стояло на ногах.

Значит, это таки то, что я ожидал увидеть, несмотря на револьвер.

- Кэролайн, - сказал я, даже не пытаясь понижать голос, - ты пойдешь справа, но не до конца. Остановишься так, чтобы оно тебя не видело, а ты видела его отражение.

- Но он тоже будет видеть мое отражение, - возразила девушка, придерживаясь одушевленного "он".

- Пусть видит. Возможно, даже попытается атаковать - отражение, а не тебя. Но скорее будет просто стоять и ждать, пока ты подойдешь поближе. А я тем временем обойду фонтан слева, зайду этому со спины и прикончу. Если оно все-таки дернется - крикни мне, и если побежит к тебе - стреляй, но только не в голову! В голову ему стрелять бесполезно. Стреляй в самую середину и будь готова к тому, что может потребоваться не одна пуля. Но скорее все-таки я справлюсь с ним раньше. Все поняла?

- Так это... не человек?

- Нет. Хотя револьвер у него, похоже, настоящий. Но едва ли оно способно им пользоваться.

Кэролайн осторожно пошла вперед, держа оружие наготове, а я тем временем быстро, но почти бесшумно обежал фонтан по дуге слева и, как рассчитывал, вышел в тыл противнику.

Зрелище, открывшееся мне, было бы впечатляющим, если бы я увидел такое в первый раз. Сверху вниз, по всей длине от шляпы до задницы, тянулся глубокий, бурый от засохшей крови разрез, рассекший и прилипшую окровавленную одежду, и плоть под ней. В глубине его влажно блестело нечто темно-багровое, покрытое похожими на круглые воспаленные язвы бугорками. На заду разрез раздваивался, проходя через обе ягодицы (свисавшие пустыми мешками кожи и ткани) и шел дальше по задней стороне ног до самых сапог. Из рукава левой, опущенной руки также выглядывало нечто багровое, лишенное пальцев, зато оканчивавшееся длинным острым когтем. И запах гниющего мяса с такого расстояния был уже вполне отчетливым.

Оно по-прежнему не двигалось, очевидно, не замечая меня, и у меня было искушение не тратить патроны, а подойти вплотную и ударить ножом или топориком, но я предпочел не рисковать. Обычно эти твари не особо подвижные, ихняя стратегия - подманивать добычу, а не гоняться за ней. Но вот на короткое время финальной атаки способны двигаться очень быстро. Так что я наставил ствол почти в упор и выстрелил точно в середину, туда, где находится главный нервный узел.

Тварь слегка покачнулась вперед, но не упала - и даже не изменила позы. Вот это было

---

[14] В оригинале with this... thing

уже странно. Я выстрелил еще раз - теперь уже чуть ли не сунув ствол прямо в разрез. Результат был тот же. Получив две пули 44 калибра в свое самое уязвимое место, тварь продолжала стоять. Какой-то новый вид с иным расположением нервных узлов? Но даже это не объясняло этой полной неподвижности! Так притворяться они не могут, не настолько они умные - да и боль, несмотря на впечатляющую способность к регенерации, вполне себе испытывают.

- Майк? - донесся до меня встревоженный голос Кэролайн. - С тобой все в порядке?

- Со мной да, - ответил я. - А вот с этой тварью что-то не так. Следи пока за отражением.

Я отступил на шаг и, переложив револьвер в левую руку, достал топорик - а затем снова подошел к твари и рубанул со всей силы, метя все в тот же разрез, но выше. Топорик неожиданно врезался в нечто более твердое, чем я ожидал - не как камень, но как плотная резина. Но на сей раз силы моего удара все же оказалось достаточно, чтобы сбить эту штуку с ног. Она повалилась вперед, глухо лязгнув стволом револьвера о булыжник. Согнутая рука спружинила, заставив тело перевалиться на бок - а затем оно опрокинулось на спину и вновь застыло, уставив револьвер теперь уже в небо. Шляпа при этом смялась, но не свалилась, удерживаемая чем-то липким изнутри.

Кэролайн, увидев, что враг наконец повержен, тут же подбежала с другой стороны фонтана - и застыла, глядя на открывшееся зрелище.

В первую очередь ее, полагаю, заинтересовали даже не когти, торчавшие из рукавов и разорванных сапог, а лицо, еще не так давно бывшее человеческим, даже со щегольскими усиками. Кажется, оно принадлежало молодому парню, хотя теперь уже было трудно сказать определенно. Теперь оно представляло собой лишь маску из кожи и мяса, сползшую набок и вниз из-за сбившейся шляпы, с бессмысленными дырами глаз и приоткрытого рта, в глубине которых что-то опять-таки багрово блестело.

- Оно мертво? - спросила Кэролайн.

- Думаю, да. И было еще до того, как я начал стрелять.

- Тогда почему оно не опускает руку? Это что, - в голосе девушки послышался неприкрытый страх, - окостенение? Тут это началось *снова*?!

- Нет, - успокоил ее я, уже понявший, в чем тут может быть дело. - То магическое дерьмо закончилось навсегда. А скажи, пожалуйста, - ты не видела тут поблизости такую змею, у которой вместо головы курица?

Надо отдать Кэролайн должное - она не стала спрашивать, не перегрелся ли я на солнце (впрочем, наш предыдущий путь через Пустоши уже должен был научить ее неуместности подобных вопросов). Она лишь деловито спросила, указывая стволом револьвера куда-то мне за плечо:

- Типа такой?

Я замер.

- Так, - сказал я. - Не делай резких движений. Просто скажи: оно позади меня? Как далеко?

- Ярдов пять. Оно только что вылезло из фонтана, из верхней чаши, - добавила Кэролайн, словно упреждая упрек, почему она не предупредила об этом раньше.

- А гребень у него висит или стоит?

- Висит.

Я с облегчением обернулся:

- Так вот ты где, засранец!

На самом деле передняя часть существа, вцепившегося птичьими лапами в край каменной раковины и взиравшего на нас сверху вниз черными глазами-бусинками, не так уж сильно напоминала курицу. Перьев на ней не было - только гладкая змеиная кожа, клюв был прямой и длинный, скорее как у дятла, и толстые кургузые отростки по бокам (сейчас - сдувшиеся и опущенные) лишь отчасти смахивали на ощипанные куриные крылья, но на самом

деле никогда не предназначались даже для самого скромного полета. Разве что гребешок и бородка весьма походили на петушиные, хотя ихнее назначение опять-таки было иным. Над краем раковины было видно лишь самое начало змеиного тела, но я не сомневался, что в длину оно, как минимум, ярда полтора.

- Кто это? - спросила Кэролайн.

- Наш обед, - ответил я, поднимая револьвер.

Но тварь, видимо, уже знала, чем чреват подобный жест, поскольку тут же проворно спряталась обратно в чашу. Рассудив, что деваться оттуда ей все равно некуда, я сунул оружие в кобуру, сбросил рюкзак, перескочил через внешний бортик фонтана, поставил ногу на хвост каменной рыбы, ухватился за край раковины и легко вскарабкался в верхнюю чашу - как раз вовремя, чтобы увидеть скрывающийся за колонной-скалой змеиный хвост. Я побежал следом и быстро настиг добычу; было очень смешно смотреть, как она пытается уползти, извиваясь змеиным телом и помогая себе птичьими лапами, но, конечно, шансов у нее не было, и я, наклонившись, схватил ее за хвост. Тварь отчаянно рванулась, но я держал крепко - и змеиная часть осталась у меня в руках, извиваясь и хлеща из стороны в сторону, словно взбесившийся кнут, а птичья часть бросилась через край чаши наружу. Я думал, что она разобьется, упав с высоты семи футов на каменное дно нижней чаши, но она тут же вновь вскочила на свои птичьи лапки и, забавно взмахивая для равновесия кургузыми псевдо-крылышками, побежала к ближайшему круглому отверстию давно уже сухого водослива, в котором благополучно и скрылась.

Я дождался, пока полтора змеиных ярда перестанут извиваться, и свесил свою добычу с края раковины:

- Держи!

Кэролайн посмотрела на мой трофей без особо энтузиазма, и я подбодрил ее:

- Только не говори, что боишься змей, тем более, безголовых. Это отличное мясо, ничем не хуже курятины. На самом деле, ядовита там была именно куриная часть.

Девушка перешагнула через бортик и без большой охоты взяла обеими руками змеиное тело, но тут же снова его выпустила, когда оно опять принялось извиваться - правда, теперь уже намного более вяло.

- Кэролайн! Тебя мама... то есть папа в детстве не учил не бросать еду на пол? Подними и дай мне спокойно спуститься, я не хочу растоптать свою добычу и тем паче не хочу, чтобы она тоже уползла в водосток.

Девушка снова с явным отвращением подняла змеиный хвост. Я правда не понимал, что ей не нравится. Змеи, вообще-то, когда они не кусаются, приятны на ощупь, это я еще с детства знаю.

- Что это такое вообще? - спросила она, когда я спустился. - В смысле, когда оно еще было одним целым.

- Василиск.

- Я всегда думала, что василиски - это легенда, - удивилась она. - Ну, элементарная логика - если бы все, кто их увидит, превращались в камень, кто бы мог об этом рассказать?

- Про камень - это, конечно, байки, - подтвердил я. - Маги умели обращать людей в камень, но василиски нет, неразумные существа колдовать не способны. Яд василиска просто вызывает сильнейший спазм всех мышц, из-за чего тело и кажется окаменевшим. А смерть обычно происходит из-за паралича дыхания. Поскольку отвечающие за него мышцы не могут расслабиться. Гребень и бородка - это, на самом деле, железы, вырабатывающие и накапливающие яд, а "крылья" - типа духового ружья. Двигая ими вверх-вниз, василиск накачивает в них воздух под большим давлением, после чего выстреливает через отверстие в клюве яд тонкой струйкой, которая летит с такой скоростью, что на расстоянии до десяти ярдов прошивает даже куртку из грубой кожи. Это происходит так быстро, что со стороны

действительно может показаться, что жертву "убили взглядом".

- И ты отправился ловить его голыми руками?

- После того, как он уже истратил свой яд на другого, - я с усмешкой кивнул на тварь, все еще лежавшую с уставленным в небо револьвером. - Я ж тебя недаром про гребень спрашивал, новый яд ему еще много часов вырабатывать... Кстати, знаешь, что интересно? Василиск не ест тех, кого убивает. Ну сама посуди, удобно ли есть мясо таким вот беззубым клювиком... а главное - яд василиска ядовит и для него самого, поэтому его жертвы для него несъедобны... и не только для него, увы. Нас он тоже оставил без пищи, на которую я рассчитывал, но вместо этого мы съедим его хвост, так что все справедливо.

- А зачем тогда?

- Что зачем?

- Зачем он убивает?

- Устраивается рядом и ждет, когда на труп слетятся и сползутся насекомые. И ловит их длинным клейким языком. Они и есть его единственная пища.

- Убить человека, чтобы наловить на него мух... м-да.

- Для природы что человек, что муха - разница невелика.

- Василисков породила не природа, а магия.

- В природе тоже все жрут друг друга.

- Люди не должны жить по законам безмозглой природы. На то они и люди. Знаешь, я тут подумала, жестокость - это, прежде всего, неэффективность. И в природе, и в обществе так много зла просто потому, что они очень нерационально устроены. У примитивных видов погибают тысячи детенышей, чтобы выжил один - именно потому, что они примитивны. Травоядные едят растения, хищники едят травоядных - колоссальные потери энергии на каждом этапе. Добычу надо найти, догнать, убить, разорвать, пережевать, переварить - сколько усилий впустую вместо того, чтобы питаться даровой солнечной энергией напрямую! И в обществе то же самое. Это же даже не мораль, точнее, мораль уже вторична - это просто физика! На что нужно меньше усилий - на то, чтобы выломать дверь, или на то, чтобы открыть ее ключом? На то, чтобы избить человека, или на то, чтобы договориться с ним по-хорошему?

- На то, чтобы его пристрелить, - буркнул я. - Мне, по роду моей деятельности, все больше такие попадаются. Да и ты сама - о многом с КОБовцами по-хорошему договорилась? "Меня радует кровь на телах моих врагов" - твои слова!

- Ну... - смутилась Кэролайн, но через несколько секунд нашлась: - Они просто не понимают, что быть жестоким невыгодно. Я бы, разумеется, не желала их смерти, если бы они не пытались убить меня. И всем было бы хорошо. Тем паче что у нас противоречий в целях-то на самом деле нет - я не хочу возвращения магии точно так же, как и они...

- Угу, - кивнул я. - Они не понимают, что жестокость - это неэффективно. Но если без жестокости ты не можешь до них это донести, значит, и твои ненасильственные методы тоже неэффективны, так ведь выходит?

- Ммм... - задумалась она. - Непросто все получается...

- Не настолько просто, чтобы одна девятнадцатилетняя девочка решила все мировые проблемы, - кивнул я. - Даже и умная. А я в университетах не учился, но точно тебе говорю - того, кто ломится в твою дверь, эффективнее застрелить, чем уговаривать. С ключом он там или с кувалдой - неважно. И эффективнее, чем бесконечно укреплять дверь и менять замки всякий раз, когда он подберет отмычку. Врага всегда эффективнее уничтожить, чем пытаться переубеждать. Уже хотя бы потому, что переубежденный однажды может потом переубедиться обратно. А уничтоженный снимает проблему раз и навсегда.

Я шагнул через бортик фонтана наружу, остановился над жертвой василиска и потянул все еще торчавший вверх револьвер. Никакие пальцы его не держали, за неимением таковых - он просто врос в багровую плоть, поглотившую и рукоятку, и спусковой крючок. После некоторых

усилий мне все же удалось его вырвать - он отделился с влажным хлюпаньем, за рукояткой тянулись мутные клейкие нити. Наверняка этой дрянью забит и спусковой механизм; во всяком случае, на спусковом крючке и курке были заметны явные следы коррозии от желудочного сока, так что, чтобы вернуть это оружие к жизни, пришлось бы изрядно потрудиться. А патроны отдельно от него нам не подойдут - 38 калибр. Но в барабане их и не оказалось, ни одного. В уцелевших карманах тоже не нашлось ничего полезного - максимум бумажник с несколькими бумажными долларами (которые, в отличие от золота и серебра, принимают только в пределах одного графства и уж точно не примут в восточных княжествах) и маленькой фотографией какой-то девицы. Ну и сильно она тебе помогла, парень?

- Знаешь, - снова нарушила молчание Кэролайн, глядя на мои манипуляции, - я даже довольна, что мы не будем это есть. Слишком уж оно похоже на человека.

- Вот как раз оно - совсем не похоже, - заверил ее я. - Оно больше похоже на морскую звезду, чем на человека. Только сухопутное, может ходить и немного все-таки умнее, хотя и не сильно. Тварей, которые подражают голосам своих жертв, ты уже видела... точнее, слышала, ну а вот эта подражает внешности. Только ума на всякую там хитрую мимикрию у него нет, поэтому оно просто сдирает кожу вместе с мясом, ну а в данном случае заодно и с одеждой, и натягивает это на себя. Поэтому его так и зовут - раздеватель[15]. Звучит немного неприлично, но, как видишь, тут совсем другой смысл...

- Что тут неприличного? - возразила Кэролайн. - В химии так называют реактив, используемый для очистки поверхности от пленки, например, краски, лака или окислов.

Ну да, подумал я про себя - она в своем Холинбруке про стриптиз, наверно, даже и не слышала. В Аркэндэйле это тоже не то чтобы поощряется, но пара полуподпольных заведений все-таки есть. Никогда, кстати, не понимал тех, кто туда ходит. Это все равно как пьяницы ходили бы в салун и платили за выпивку, которую им дают только понюхать, а пить не дают.

- В общем, - продолжил я рассказ про раздевателя, - у него пять... лучей или щупалец, называй, как хочешь, от природы одинаковых, но гибких и способных менять форму в широких пределах - поэтому оно может, в буквальном смысле, влезть в шкуру почти любого существа подходящего размера, имеющего четыре конечности и голову. Хоть четвероногого, хоть прямоходящего. У него самого головы нет, только нервные узлы в середине, а глаза на концах щупалец рядом с когтями. Кожи в привычном нам смысле тоже нет. Вместо нее - пищеварительные сосочки. По сути оно все - вывернутый наизнанку желудок. Оно не просто носит на себе чужую плоть для маскировки - оно ее при этом еще и переваривает. Очень удобно. Пока старую шкурку полностью высосет, глядишь, обладатель новой познакомиться придет. С этим парнем, думаю, так и было. Может, он и правда бэдлэндер был, думавший, что бандита изловил - только сильно неопытный. Небось, высадил ему весь барабан в голову, не понимая, что никакой головы там вообще нет, щупальце только свернутое, которое даже из маленького кусочка заново вырастает, что ему те пули... Ну а оно, соответственно, копировало его последнюю позу столь же старательно, как те твари, которые копируют последнюю фразу. Только не понимало, что если крик "Помогите!" может привлечь новых жертв, то вот наставленный револьвер их скорее отпугнет.

- И вот этот вот... ходячий желудок наизнанку... в самом деле съедобный? - скептически осведомилась Кэролайн.

- У него очень нежное мясо, - заверил ее я. - Но теперь, увы, отравленное. Яд василиска никакой варкой-жаркой не уничтожить.

- И все равно я не жалею, что мы не станем есть тварь, которая только что сама ела какого-то парня. Еще даже и не доела до конца... то есть его плоть все еще переваривалась... это мы бы получились людоедами второго порядка.

---

[15] В оригинале stripper, что означает также стриптизершу (стриптизера).

- Ну, - пожал плечами я, - я тебе уже говорил - в критической ситуации и в людоедстве первого порядка ничего ужасного нет, если ты не убийца. А про "второй порядок" вообще чушь полная. Ты хлеб ешь, а он растет на поле, удобренном навозом. Это что ж ты - говноед второго порядка?

- Тьфу на тебя, Майк! - рассердилась Кэролайн. - Вечно ты найдешь, какую гадость сказать!

- Я правду говорю, - возразил я. - А ты ученый, для тебя поиск правды - это смысл жизни. Это поэтам можно от правды отбрыкиваться, а ученому ни в коем разе.

- Ну, - выдавила из себя Кэролайн, - в общем-то ты прав, конечно.

- Вообще-то, - добавил я, - я тебе вовсе не гадость сказать хотел. Ты же сегодня экзамен по Правилу Номер Три сдала на такое "отлично", что самому Майку Честеру впору обзавидоваться! И раздевателя, и василиска заметила первее меня! Так что как ты там говорила - самый лучший комплимент для тебя - слово "коллега"? Ну вот я его тебе теперь говорю. Без всяких там шуток и натяжек.

На сей раз она широко и очень мило улыбнулась. И посмотрела на меня таким взглядом - нет, не лукавым, не кокетливым, а совсем наоборот - чистым и радостным взглядом примерной ученицы, знающей, что она усердно старалась и честно заработала похвалу строгого учителя - что я не удержался и продолжил:

- И вообще... я, знаешь ли, никогда не хотел иметь детей, и сейчас тоже не хочу, не мое это. Но если бы у меня... была такая дочка, как ты... я бы гордился. Вот.

- Спасибо, Майк, - сказала она очень серьезно. - Я это очень ценю. Ты для меня тоже уже... не просто проводник.

- Ну ладно, коллега, - подвел я итог этим нежностям, - змея у нас есть, пойдем искать, на чем ее приготовить.

Прежде, чем последовать за мной, Кэролайн повернулась и снова посмотрела на фонтан. Ну да - до этого ведь ей было не до любования скульптурами, а больше, очевидно, она их уже не увидит.

- Рыбы здорово сделаны, прямо как настоящие, - сказала она. - Каждая чешуйка видна.

- Ходили слухи, что они и есть настоящие, - ответил я. - Что маги выловили их в глубинах Западного океана, придали им нужные позы и превратили в камень. Но это байки. Слишком уж они... совершенные. Симметричные и одинаковые. В живой природе так не бывает.

- Да, - согласилась Кэролайн, - я не ихтиолог и не рыбак, не знаю, есть ли в океане такой вид, но поза у них точно неправильная. Так изогнуться могло бы морское млекопитающее, а у рыб позвоночник изгибается влево-вправо, а не вверх-вниз.

К счастью, хотя бы в отношении девушки наверху такие слухи никогда не ходили, хотя у нее-то поза была самой естественной. Но ее размеры слишком очевидно превышали человеческие.

- Маги и в самом деле поощряли искусство, - сказал я. - Науку не очень жаловали, а вот искусство любили - ну, такое, конечно, которое ихнюю власть не подрывало. Есть даже легенда об одном молодом скульпторе, который влюбился в собственную статую. И пришел к магам с просьбой ее оживить. Они объяснили ему, что это невозможно в принципе - магия может превратить живое в камень, но не наоборот. Големы не в счет, они - просто марионетки.

- Потому что камень не имеет внутренней структуры, присущей живому, и взять эту информацию просто неоткуда, - понимающе кивнула Кэролайн.

- Тогда этот парень заявил, что-де без любимой ему жизнь не мила, потому что среди живых никогда он такую красавицу не встретит, и попросил превратить в камень и его, чтобы хоть так с ней соединиться. Ну не идиот?

- Идиот, конечно, - презрительно поморщилась Кэролайн. - И что маги? Дали дураку то, что он заслужил?

- Нет - я же говорю, они ценили искусство, а он все-таки был талантливым скульптором. Посмеялись про себя, дали ему отворотное зелье, сказав, что это то, что он просит, и отправили домой. Ну, он статую свою обнял, весь пузырек вылакал и ждет превращения. Проснулся на полу, в луже собственной мочи - ну, это у отворотного зелья побочный эффект такой был - зато полностью исцеленный. Статую продал, получил хорошие деньги. Но с тех пор до конца жизни принципиально ваял только жутких уродин.

Это я еще Кэролайн облагороженную версию рассказал, чтобы она опять нос не морщила. В той, что слышал я, фигурировало не отворотное зелье - хотя, говорят, у магов такое и в самом деле было - а просто сильнодействующее слабительное.

В домах поблизости от площади мебель, скорее всего, уже была пущена на растопку предыдущими визитерами, так что мы отошли оттуда подальше. Нам повезло - мы достаточно быстро отыскали небольшой домик в конце тупиковой улочки, выглядевший практически нетронутым. Мародеры, конечно, побывали внутри (проникнув, очевидно, через дверь, которая была закрыта, но не заперта, так что осталась невыломанной), но лишь выгребли содержимое большой шкатулки, где, очевидно, хозяева хранили все ценности, и не стали ломать все подряд ни в поисках тайников, ни, опять-таки, на растопку. Что ж - нам предстояло стать первыми, кто это сделает, что не вызвало у меня ни малейшего сожаления - густой слой пыли, скопившейся за десятилетия на всех этих стульях, креслах и столах, совсем не создавал ощущения уюта, который было бы жалко нарушать. Для наших нужд вполне хватило бы кухни с ее печью (и даже все еще сохранившейся посудой) и стульев в гостиной в качестве топлива - но было бы неразумно не обследовать все помещения, так что мы заглянули и в спальню.

Там мы обнаружили хозяев. В отличие от многих других домов, обитатели этого не пытались покинуть город. Они лежали рядом на широкой кровати - два окостеневших скелета, по-прежнему держащиеся за руки. Как трогательно. На самом деле, не вижу в подобной смерти ничего красивого. Умирать надо поодиночке, а не усиливая страдания друг друга зрелищем взаимной агонии. Это только дурак какой-то сказал, что, мол, с близким человеком радость удваивается, а горе уполовинивается. Если радость удваивается, то и горе тоже. Хотя, возможно, у этой парочки и выбора-то не было - когда проснулись, уже и слезть с кровати не могли, только взяться за руки еще и сумели.

Кэролайн тоже посмотрела на эту сцену без всяких там девичьих сантиментов - впрочем, я уже вполне хорошо знал, что таковые не по ее части. Она лишь сказала:

- Наконец-то поспим в нормальной кровати! Надеюсь, они не настолько тяжелые, чтобы мы не могли вынести их отсюда?

- Да нет, пожалуй что не тяжелее обычного человека, - ответил я. - Ихняя плоть превратилась в кость, но ведь это примерно то же самое, что заморозить воду. Лед твердый, но он не может быть тяжелее той воды, из которой он получился.

- Закон сохранения материи, - кивнула Кэролайн.

- Но спать здесь мы не будем, - продолжил я. - Спать в Мертвых городах - это плохая идея, даже днем.

- Тут целы все окна и засов на двери, - возразила Кэролайн. - Мы можем запереться так, что ни одна тварь не пролезет и даже нас не учует.

- Снаружи не пролезет, - кивнул я, - но в таких местах никогда не знаешь, что уже находится внутри. Да, - добавил я, упреждая следующее возражение, - крупных тварей тут нет, даже не потому, что мы их не видели - в домах, которые они избирают своим логовом, вонь такая, что мы бы ее с порога учуяли. Да и вообще, они не могли сюда забраться, не повредив дверь или окна, ручку-то они поворачивать не умеют - через дымоход разве что, но он довольно узкий... Однако неизвестно, во что могла превратиться всякая мелочь, обитавшая здесь во время Войны - от мышей и кошек до мух и твоих любимых пауков. Бывает, в таких вот закрытых домах за полвека образуется такой... как это у вас, ученых, называется... микрокосм...

- В современной науке это называется "биоценоз", - просветила меня Кэролайн.

- Во-во, а говоришь - не ботаник... К примеру, комаров размером с осу встречала когда-нибудь? Вот и хорошо, вот и не стоит их встречать. От активных-то людей эта мелочь прячется, - по чердакам, подвалам, шкафам всяким и куда там еще залезть сможет. На то она и мелочь. А как чует спящего, так смелеет и вылезает. Так что, коптим мясо и сваливаем.

Мы вернулись в гостиную, и я, достав топорик, быстро порубил стулья (Кэролайн тем временем присела отдохнуть в нетронутое мною кресло), а затем подошел к стоявшему там же книжному шкафу. Обычно книги в таких домах не сохраняются - даже если внешне они выглядят целыми, стоит взять их в руку - и они рассыпаются в труху (кстати, с одеждой в шкафах похожая история). Даже не знаю, жрет их кто или просто климат пустошный так действует (туман тот же самый, к примеру). Но тут нам снова повезло - у шкафа были плотно закрывавшиеся дверцы с толстыми прочными стеклами, которые сами, конечно, все заросли пылью до полной непрозрачности, но вот внутри, когда я их открыл, пыли почти не оказалось. Я окинул взглядом корешки, выбирая что-нибудь не слишком толстое - лишняя тяжесть в рюкзаке ни к чему - и вытянул одну из книжек. Что там внутри, меня не особенно интересовало - раз мародеры не тронули, значит, ничего ценного - но я все же бросил взгляд на обложку. Прочитать название я, однако, не смог - буквы не складывались ни в какие знакомые мне слова.

- Взгляни-ка, кажись, латынь, - я протянул книжку Кэролайн. - Не по твоей части случайно?

Я знал, что сейчас этот древний язык Старого Света используют только ученые. В экспедиции они мне все уши прожужжали латинскими названиями тварей, но сам я запомнил только пару-тройку особо звучных, типа Necrosyrtes rossicus. Но эта книга явно не про тварей была, откуда им до Войны-то взяться.

Кэролайн взяла книгу с интересом - может, подумала, что это какой алхимический трактат, хотя откуда бы и ему тут взяться, дом был самый обычный, ни алхимики, ни маги в таких отродясь не жили - но, перелистнув пару страниц, покачала головой:

- Нет, это не латынь. Это франкский. Они немного похожи, но я его не знаю. Сейчас на этом языке говорят в Шарлонии, это восточное княжество к северу от Хинтерзееланда, но мы направляемся не туда. И это не научная книга. Это стихи.

- А, ну хорошо, - кивнул я, протягивая руку за книжкой. - Стихи - это как раз то, что надо.

- Зачем они тебе? Ты же не знаешь франкский, - удивилась она.

- Как это зачем? А печь сейчас чем растапливать будем? Ножку стула просто спичкой не зажжешь. Ну и дальше в пути пригодятся. Бумагой подтираться все-таки куда удобнее, чем камнями. Так что ты бери из рюкзака, когда понадобится, не стесняйся.

- Ты хочешь пустить сборник стихов на...

- А на что его еще пускать? Стихи - самая бесполезная вещь на свете. Если они и могут кого-то согреть или сделать чище, то только так.

- Хоть ты и грубый, а остроумный, - оценила она. - Наверное, при других обстоятельствах мог бы и сам стихи писать.

- Делать мне больше нечего! - фыркнул я. - Я за свою жизнь видел аж двух поэтов, что характерно - обоих уже мертвыми. Одного телега переехала, когда он пьяный на улице валялся, другой сам повесился от безденежья. Так что спасибо, нет, - я забрал у нее книгу и шумно вырвал первую страницу. Кэролайн не пыталась уже возражать, но посмотрела все же с некой укоризной, так что я добавил:

- Или ты думаешь, их тут кто-то читать будет? Василиски - раздевателям, или наоборот?

- Не будет, конечно, - согласилась она. - Просто, знаешь, мой папа говорил: "Если не можешь бороться с варварством, хотя бы не умножай его." Война и так уничтожила слишком много достижений культуры. Может, со временем, когда через Пустоши проложат чугунную дорогу, сюда еще придут не мародеры, а историки...

- Они, может, через сто лет придут, - ответил я, - а нам печку топить прямо сейчас надо.

Копченый хвост василиска на вкус не отличается от обычного змеиного мяса. Что, впрочем, не стало открытием ни для меня, поскольку я ел такое и раньше, ни для Кэролайн, поскольку она никогда прежде не пробовала и обычную змею.

Мы благополучно выбрались из Костяного города и, как и в предыдущие дни, проспали в самое жаркое время на безопасном от него расстоянии - ну, относительно безопасном, конечно, однако нас никто не побеспокоил - а вечером снова продолжили путь. Два дня мы шли без особых приключений, если не считать, что на вторую ночь за нами увязалась стая карликов. Карлики здорово похожи на людей, точнее - на лысых детей, лопоухих и пучеглазых, только передвигаются они на четвереньках, большими прыжками, носа у них фактически нет - только две длинные вертикальные дырки, а безгубая пасть - вся утыканная острыми кривыми зубами, больше похожими на когти - такой ширины, что чуть ли не смыкается на затылке. В эту пасть карлик может затолкать добычу размером с собственную голову, однако друг друга они не едят. Мясо карликов настолько вонюче, что им брезгуют, кажется, решительно все - включая самих карликов, которые, таким образом, являются одним из немногих исключений из общепринятого у пустошных тварей каннибализма. Собственно, на этом и основана ихняя охотничья тактика. Они преследуют жертву, которая намного больше их самих и могла бы их просто порвать по одному - но брезгует это делать и предпочитает просто уйти. Однако они не отстают и гонят ее до тех пор, пока она не выбьется из сил - а потом уже набрасываются всей стаей. Таким образом, они чрезвычайно настырны, и обычная тактика "застрелить пару-тройку, чтобы остальные набросились на них и забыли о тебе" против них не работает. Что означает изрядный расход боеприпасов.

Я их, понятное дело, расходовать не хотел, поэтому пристрелил лишь одного, чтобы сильно не наглели и держали дистанцию, и объяснил Кэролайн, что пока придется потерпеть этот эскорт. В каком-то смысле он был нам даже полезен, поскольку ихний запах отпугивал других тварей. Нам он, понятно, тоже большого удовольствия не доставлял, хотя с расстояния в три десятка ярдов чувствовался едва-едва, но ведь у большинства тварей нюх куда острее человеческого. Главный минус был не в запахе, а в том, что с такой свитой нельзя делать даже самый короткий привал. Даже по нужде присесть, и то нельзя, ага. Пока ты идешь, они тебя не трогают, но стоит остановиться - набросятся. Сами карлики исключительно выносливы, преследуют свою добычу и ночью, и днем, не знаю, когда они вообще спят. Но я объяснил Кэролайн, что нам надо лишь дотерпеть до утра, и они отвяжутся. Не по доброте душевной, само собой, а потому, что мы дойдем до Дороги в Никуда, которую они никогда не переступают.

Так оно, понятно, и вышло. Солнце уже успело взойти, так что Кэролайн аж передернуло, когда она разглядела при свете ихние рожи - тем паче что они успели уже подзабыть полученный урок и подобрались ближе. Но я знал, что, пока мы не останавливаемся, мы в безопасности, не стал тратить новые патроны и сказал Кэролайн не нервничать, ибо наша цель уже близко. Действительно, вскоре мы вышли под углом к Дороге.

Внешне это дорога как дорога - хорошая такая, широкая, мощеная крупными плитами. Так-то в Пустошах мощеных дорог практически нет - их и при магах-то за пределами городов почти не было. Им особо и не нужно было - климат везде был ровный, дожди по расписанию, так что и грунтовки всегда оставались в пригодном для проезда состоянии. Разве что ради понтов самые главные тракты мостили, которые столицу с наиболее крупными городами связывали. Но и те почти все разрушились - сперва Война весь рельеф перелопатила, ну а потом, за полвека-то полного небрежения, где колючкой заросли, где песком занесло. А эта вот лежит, как новенькая - ну, пылью покрытая, конечно, но плиты все целые, и нигде между ними ни единый ядовитый росток не пробивается. Только вот в чем загвоздка - ни на одной довоенной карте этой дороги нет. Да и откуда бы ей взяться, если никакие тогдашние города она не соединяет. Начинается в чистом поле и так же заканчивается.

Мы быстро перешли через нее - как я и говорил, карлики за нами не последовали, лишь разочаровано прыгали туда-сюда и скалились нам вслед, а затем поскакали прочь. После того, как они скрылись, мы пошли вдоль дороги уже с другой стороны, держась ярдах в тридцати от нее.

- Эта дорога ведет туда же, куда мы идем? - спросила Кэролайн.

- Пока что да. Ну то есть она забирает немного к северу, но зато не придется карабкаться через препятствия. Минуем большой гребень, тогда свернем направо в долину.

- Тогда почему мы не идем прямо по ней? - девушка покосилась на каменистую почву под ногами, шагать по которой, конечно, даже в крепких ботинках было не так удобно, как по гладким плитам.

- Никто не знает, что это за дорога, кто ее проложил и зачем, - ответил я. - Видимо, маги уже прямо во время Войны, а может, в тайне незадолго до нее. Может, чтобы каких-то своих монстров по ней перебрасывать, чтоб не увязли в песке, как гиганты... да только не успели, а если даже и успели - все равно им это не помогло. А может, это и вовсе не дорога никакая.

- А что же тогда?

- Кто ж их, магов, знает. Может, совсем наоборот - оборонительный рубеж какой, чтоб через него никто не прошел. Вон, карлики до сих пор боятся, и не они одни. Или это верхняя часть еще какой-то здоровенной зловредной хрени, под землю упрятанной. В любом случае, по этой дороге ни одна тварь не ходит. И не растет на ней ничего - даже такая местная дрянь, которая сама, почитай, из сплошного яда состоит. Неспроста это. Говорят, какие-то дураки по ней ходили, а потом у них ноги заживо гнить начали. Не знаю, может, это и байки, но проверять не собираюсь. Если через нее быстро перейти, то это не опасно - хотя твари вот не рискуют, но у них ботинок нет. И сейчас мы тоже на безопасном расстоянии идем. Главное - ближе не соваться.

- Интересно было бы отколоть образец от этих плит... - задумчиво произнесла Кэролайн и тут же, видя мой возмущенно распахнувшийся рот, поспешно добавила: - конечно, с соблюдением всех мер предосторожности.

Рот я, тем не менее, не закрыл - разве что сменил тон с уже заготовленного гневного на ехидный:

- Угу - и каких же именно? Водолазный шлем наденешь? Или что вы там в своей лаборатории использовали для работы с ядами? А если этого недостаточно? Если это не яд, а что-то совсем другое?

- Во всяком случае, это не может быть что-то сверхъестественное, - заявила она. - Оно все умерло вместе с магами.

- Угу - перепортив перед этим весь мир, а Пустоши в особенности. Нет, конечно, теперь-то оно все естественным законам подчиняется, но можно подумать, что ваша наука уже все-все эти законы изучила. Мало ли какие там могут быть... эманации...

- Вот потому-то и интересно... Нет, я, конечно, понимаю, - тут же перебила она себя, а точнее - вновь разинувшего рот меня, - что сейчас для этого нет ни малейшей возможности, и нам надо просто держаться от этой штуки на безопасной дистанции. Но когда-нибудь в будущем...

- Угу, - покивал я, - когда через Пустоши проложат чугунную дорогу. Надеюсь только, что им не придет в голову прокладывать ее прямо по этим плитам.

Вдоль этой дороги-не-дороги мы шли весь день - с перерывами на отдых, само собой - пусть и не по гладким плитам, но, по крайней мере, по ровной местности, в то время как вокруг вздымались то холмы, а то и вовсе крутые откосы и отвесные скалы. То ли маги успели полосу земли для этого своей дороги выровнять уже после первых ударов, то ли, наоборот, дорога эта заклятая удары сдержала, когда вокруг всю землю корежило - теперь уж никто не ответит. Но, в общем, на следующее утро дошли мы вдоль нее до того места, где земную поверхность в две

особенно крупные складки смяло, а она их пересекает, прорезая насквозь - и в узкую долину между этими складками свернули. У этой долины свое название есть, но Кэролайн я его говорить не стал. Хотя на бэдлэндерских картах его так прямым текстом и пишут. Ну, бэддэндеры, известное дело - народ грубый, невинных девушек среди нас не водится. До сих пор не водилось, по крайней мере.

Дно этой долины похоже на растрескавшуюся глину, как бывает при долгой засухе. Только никакая это не глина, а твердый камень. На этом камне ничего не растет, любая дождевая вода сразу уходит в трещины, так что долина совершенно бесплодна (несмотря на свое название, ха-ха). Тем не менее, именно здесь и находится источник, к которому мы направлялись.

На сей раз мы не могли позволить себе остановиться поспать в середине дня - и даже делать привалы больше чем на несколько минут. Ну то есть могли, конечно - если бы хотели потерять лишний день, да еще и провести его на голодном пайке, ибо наши припасы уже снова заканчивались. Нам важно было успеть к источнику до вечера, ибо воду он дает лишь один раз в сутки. Я объяснил это Кэролайн, и она шагала, не жалуясь, несмотря на усталость. Впрочем, долина, ведущая на юго-восток, настолько узкая, что солнце заглядывает в нее только ближе к вечеру, так что идти было не сильно жарко. В итоге мы все же успели - даже с небольшим запасом.

- Вот и он, - сказал я Кэролайн, указывая вперед, - источник Не-Пей-Копыто.

Там, куда я указывал, долину пересекала цепочка из восьми круглых дыр, и впрямь похожих на отпечатки крупных копыт. Только трудно представить себе копытное, способное оставить такие отпечатки в камне - особенно учитывая, что они уходят вниз на неведомую глубину.

- Каждый вечер примерно в 6:15 все эти восемь дыр заполняются водой, - продолжал просвещать я Кэролайн. - Легенда гласит, что там под землей замуровано нечто вроде огромного кита, который выдыхает воду раз в сутки, но это, конечно, байки. Ученые говорят, что это просто геологический процесс, как и в Долине Поноса. Но самое важное то, что, хотя фонтанируют все восемь дыр, пить можно только из одной - третьей справа, - я указал пальцем. - Во всех остальных вода ядовита.

Белевшие тут и там кости выглядели подтверждением моих слов, хотя, на самом деле, не все бывшие ихние обладатели погибли от яда.

- Все это очень интересно, - сказала Кэролайн, нервно сжимая рукоять револьвера, - но как насчет тварей, которые там толкутся?

- Ну, ты же не думала, что мы тут единственные, кто хочет пить, - усмехнулся я. - Хотя сама эта долина безжизненна, с юга на водопой прибегают сосатели, а с гор спускаются рукосуи. Но ты не волнуйся, нас они не тронут - на водопое у них нечто вроде перемирия. Сосатели, так те вообще для человека не опасны - ну, по крайней мере, пока он на ногах стоит. Рукосуи - те да, голыми руками человека разорвать могут, даже без когтей всяких. У них их и нет, когтей. Но они здесь не для этого - им сосателей лишний раз пугать ни к чему. Потому как, если сосателей пугать, то они в следующий раз сюда не придут - у них ноги длинные, могут и до другого водопоя добежать, а тогда и рукосуи без питья останутся. А вот если рукосуй сосателя где в другом месте встретит, то там уже прикончит и сожрет за милую душу. Если поймать сумеет, конечно. Они в коротком рывке хороши, а на длинные дистанции на своих руках бегают плохо.

Мы подошли уже достаточно близко, чтобы Кэролайн могла разглядеть тех, о коих я говорил. Сосатели - это такие копытные с хоботом, размером примерно с оленя, только хобот у них растет не из головы. У них головы вообще нет - с обеих сторон по заднице, только та, которая спереди, с глазами. Прямо по глазу на каждой половинке, ага. Ну, на самом-то деле щель между ними для дыхания служит, но по внешнему виду от задницы не отличишь. А хобот у них прямо из живота растет - но это действительно хобот, а не то, чем показаться может. Они через него и пьют, и едят - выплевывают им свой желудочный сок на то, что внизу (это может быть и

падаль, и растительность, и живность какая нерасторопная - они всеядные, ихняя кислота что хочешь разъест), а потом получившуюся кашицу обратно в желудок всасывают. Такая вот симметричная со всех сторон конструкция - это маги, надо полагать, с гармонией экспериментировали. Сосателей этих вокруг водопойной дыры около дюжины собралось - стоят, ногами переступают в нетерпении, ждут, когда польется. А парочка рукосуев вокруг прохаживается. Рукосуи похожи на очень крупных волков с непропорционально большими тяжелыми головами и человеческими руками. То есть у них все четыре конечности - руки, причем передние длиннее и мощнее задних. Ну то есть как человеческие - у людей таких здоровенных лапищ не бывает, даже у кузнеца Тома Вундера, который на спор одной рукой подковы гнул. Но по форме пальцы точно как у людей, даже с ногтями, только все очень большое, толстое и грубое. Шерсти нормальной нет, только редкие рыжие волоски. А хвостик смешной, поросячий. Очень забавно на этакой зверюге смотрится. Был бы я рукосуем и имел бы такой хвостик - я бы со стыда сгорел.

- Погоди, - перебила мой рассказ Кэролайн, - почему без сосателей рукосуи без питья останутся? Ты хотел сказать - без еды?

- Нет, я же говорю - жрут они в другом месте. Ты просто на морды ихние посмотри - такая ряха в водопойную дыру банально не влезает! Поэтому они ждут, пока сосатель напьется, а только он хобот из дыры вытянет - хватают его, валят на спину, суют его хобот себе в рот и давят его брюхо своими лапищами. Выжимают, стало быть, воду в себя. Так что, кого тут на самом деле следовало назвать сосателями - еще вопрос...

- Ты же говорил - на водопое рукосуи на сосателей не нападают?

- Так это, считай, не нападение. Сосатели от этого не умирают, хотя им и неприятно, наверно. Просто напиваются потом по новой, и все. К тому же не каждый день с ними такое случается - сегодня с одним, а завтра уже с другим. Так что они к такому относятся, можно сказать, философски.

- А нас эти рукосуи выжать не попытаются?

- Нет, я же сказал - нас не тронут. У нас и хобота-то нет. Но ты за револьвер правильно держишься, доставай, пора уже.

- Так не тронут же?

- Они нас - нет. А мы их - да. У нас василиск уже закончился.

- И кого из них мы будем есть? - осведомилась Кэролайн. - Сосателей или... этих?

Судя по тону, первый вариант ей нравился больше - все ж таки в нормальном мире люди чаще едят тех, кто с копытами, а не тех, кто с руками. Но то в нормальном мире, а тут Пустоши.

- Сосателей в сыром виде есть нельзя, - покачал головой я. - В них паразитов полно. А огонь нам развести нечем, тут на много миль вокруг не растет ничего, а на одной книжке еду не приготовишь, слишком быстро сгорит. А вот рукосуи в пищу вполне годятся. Из мускулов ихних рук отличные стейки выходят, и сердца у них прямо деликатес, здоровенные такие, нам бы одного на двоих хватило - но это, опять-таки, если есть, на чем зажарить, а так все ихние мышцы слишком жесткие. А вот печени у них и в сыром виде годятся. У них, представь, печени две штуки, а вот почка одна только. Так что нам одного хватит, по печени каждому. Но второго тоже грохнуть придется - как пальба пойдет, он бросится. Такие уж они - на водопое первыми не нападают, но на агрессию всегда отвечают агрессией. В чем я их где-то отчасти понимаю, но иногда все же разумнее убежать, пока дают.

- Так, может, и дать ему убежать? - возразила Кэролайн. - Пусть напьется и убирается - он ведь не будет второго дожидаться? Сам говоришь - нам патроны экономить надо, да и... все-таки безопаснее с одним хищником дело иметь, а не с двумя.

- Хм... ну, можно и так, - согласился я. - Ждать только придется... не пропустить бы момент, когда вода снова уйдет. Мы-то сосателей отжать не сможем. Ну ладно, если дело затянется, открыть стрельбу никогда не поздно.

Мы остановились, не доходя дюжины ярдов до водопойной дыры; с такого расстояния уже чувствовался резкий запах тварей (малоприятный, но еще не худший по сравнению со многими другими обитателями Пустошей), ну и, понятно, они нас тоже чуяли, а главное - видели. Сосатели нервничали, переступая копытами, и старались держаться от нас по другую сторону дыры, а рукосуи ходили вокруг них, не давая им отступить, и угрожающе порыкивали в нашу сторону, чтобы мы не распугивали дичь, точнее, ихний источник воды - однако напасть не пытались. Еще три-четыре шага - и они напали бы, но я знал, где вовремя остановиться. Через пару минут в глубине отверстий забулькало, и сосатели, забыв про все свое беспокойство, мигом выстроились в очередь к дыре. Забавно, что они всегда делают это очень быстро и никогда не конфликтуют из-за порядка, следуя, очевидно, своей иерархии - но первыми при этом становятся не самые сильные, а, наоборот, самые мелкие, потому как никому не хочется, чтобы рукосуи отжали именно его. Но рукосуи тоже не дураки, если они видят, что первой пьет мелюзга, то лучше дождутся следующих, чье брюхо вмещает больше воды - так что наивная уловка сосателей не работает; уж если ты приглянулся хищнику, он тебя выжмет все равно, в каком порядке ни становись. Спастись от этого можно только активным сопротивлением, а не надеждой подсунуть вместо себя кого послабее - но это не для сосателей. После Последней Войны они, кстати, были крупнее, но заметно измельчали за полвека - вероятно, потому, что рукосуи охотнее жмут более крупных, что хотя и не смертельно, но, наверно, все же не проходит без последствий.

Бульканье перешло в бурление и клокотание, а затем разом из всех восьми дыр выстрелили фонтаны воды. Но били они недолго - всего несколько секунд, после чего струи вновь опали, а выплеснувшаяся таким образом вода быстро ушла в каменные трещины. Но внутри дыр она все еще оставалась высоко - так, что легко мог достать и хобот сосателя, и рука человека.

Как я и предполагал, первых сосателей рукосуи не тронули. Зато, стоило отойти от дыры третьему, как один из хищников набросился на него и завалил на спину, чтобы сделать ровно то, о чем я рассказывал Кэролайн. Четвертый сосатель тем временем уже совал свой хобот в дыру, словно бы рядом и не происходило ничего особенного с его сородичем. Впрочем, поскольку такое происходит при каждом водопое, для них это, наверно, и впрямь "ничего особенного". Я подумал, как бы реагировали люди на такую систему - когда налоги берут только с кого-то одного, выбираемого более-менее случайно, но уж зато у него забирают все. Уж бэдлэндеры бы такое точно терпеть не стали, хотя, конечно, вопрос теоретический - мы налогов не платим и так. Город берет налог только с тех, кто ведет бизнес на его территории, а мы зарабатываем свое вознаграждение за его пределами.

Первый рукосуй напился и удалился в сторону гор своими своеобразными прыжками - две передние руки идут вперед, отталкиваются, подтягиваются две задние. Его помятая жертва, дрыгнув в воздухе ногами, поднялась с земли и покорно встала в конец очереди. Я поднял револьверы, готовясь стрелять во второго хищника, который вроде бы раздумывал, отжать четвертого сосателя или подождать более крупного пятого, но он сам облегчил мне задачу - вероятно, его нервировала моя близость, и он решил закончить дело поскорее, накинувшись все-таки на четвертого. Это дало мне возможность подойти сзади и всадить ему пулю почти в упор под лопатку - что намного удобнее, чем стрелять в голову, ибо ихний толстый череп не всегда удается пробить одной пулей. А вот пуля в сердце чаще всего убивает их мгновенно - однако этот все же успел клацнуть челюстями в агонии и напрочь откусил злосчастному сосателю его хобот. Тот, теперь уже тоже обреченный на смерть от жажды и голода, пронзительно засвистел через свою дырку в передней заднице и забился под придавившей его уже мертвой тушей. Остальные сосатели, хотя большинство из них еще не успели напиться, испуганно сорвались с места и умчались прочь, дробно топоча копытами.

Не обращая внимания на весь этот шум, я присел возле водопойной дыры и, опуская в

нее руку, по очереди наполнил фляги, из которых мы тут же напились, а потом снова все фляги и котелок. А затем с усилием перевалил на спину тяжелую тушу рукосуя. Освобожденный от гнета изувеченный сосатель продолжал верещать и сучить ногами, даже не пытаясь подняться - возможно, рукосуй в своей последней судороге ему что-то повредил и внутри тоже. Из обрубка хобота сочилась темная кровь.

- Добей его, - сказала Кэролайн.

- Еще не хватало патроны тратить, - проворчал я.

- Добей ножом!

- Мне этим ножом сейчас рукосуя резать, которого мы есть будем. Зачем я буду его в крови сосателя пачкать? Говорю же - у них паразиты, и воняют они к тому же. Или хочешь дефицитную воду тратить на то, чтобы нож отмывать? Сам сдохнет, никуда не денется.

Разделывать рукосуя - дело нетрудное, если есть сноровка и знаешь, где резать, чтоб нож во всяких пленках не вяз. Так что я быстро вытащил обе печени и даже успел вымыть руки от крови, пока вода в дыре снова не ушла. Но надолго задерживаться и уж тем более спать рядом с мертвыми и умирающими телами в Пустошах не рекомендуется нигде, даже и в такой вроде бы безжизненной местности. Так что, хотя после долгого пути и сытной трапезы (Кэролайн, кстати, уже не воротила нос от сырого мяса) и клонило в сон, мы немедленно двинулись дальше. Когда мы уходили, сосатель все еще дергался.

На сей раз мы легли спать ночью прямо как нормальные люди - и потому, что слишком устали, и, главное, потому, что в ущелье, благодаря его бесплодности и ограниченности с двух сторон, это можно было сделать безопаснее, чем на открытой местности. Это далеко не везде так, где-то, наоборот, именно открытая равнина вокруг дает надежду, что к тебе не подберутся незаметно (желательно, конечно, учитывать не только рельеф и растительность, но и качество грунта, чтобы не подкопались снизу) - но вот как раз в это ущелье по-настоящему опасные для человека твари забредают редко. Зато на следующий день, когда мы выбрались из юго-восточного конца ущелья, то вновь окунулись из прохлады его теней в пекло. Нам предстояло еще три дня пути через пустыню, где не было ничего, кроме камня и песка. В центре этой пустыни лежал Песчаный город. Во время Войны все живое там - и даже то, что было живым прежде, например, любые изделия из дерева - превратилось в песок. Остались только каменные остовы зданий. Они по-прежнему совершенно пусты и безжизненны - там не водятся даже твари. Говорят, воздух там настолько сух, что путник, решивший поспать в тени этих стен и крыш, никогда уже не проснется - во сне его тело высохнет и превратится в мумию. Ну это, конечно, байки, но мы в любом случае прошли мимо Песчаного города, не сворачивая в его сторону и даже не видя его за северным горизонтом. Нечего там человеку делать.

Однако вдали от города пустыня уже не настолько безжизненна, и мне повезло в первый же день изловить самку красного скорпиона. То, что это самка, я понял не сразу, а лишь внимательно разглядывая свой трофей - ихние отличия от самцов можно рассмотреть только так. Красные скорпионы величиной почти с мою ладонь, и укус ихний, хотя и не смертелен для человека, чрезвычайно болезненен - мне доводилось слышать о парне, который застрелился, не в силах терпеть боль, и о другом, который предпочел отрубить себе руку прежде, чем яд успел распространиться по телу. Но на вкус они в общем-то практически не хуже раков. Но, убедившись, что это самка, я не стал ее есть, а отломал ей жало и посадил ее в котелок, который мы к тому времени уже успели опустошить. На каждом привале я оставлял котелок открытым, но вкопанным в песок по самый верхний ободок. Выбраться по вертикальным металлическим стенкам скорпиониха не могла, зато мы, проснувшись через несколько часов, всякий раз находили в котелке еще пару-тройку самцов, привлеченных ее запахом и угодивших в ту же ловушку. Вот они уже шли в пищу нам, хотя кусочек я скармливал и самке, в благодарность за проделанную работу и чтоб не сдохла раньше времени. С нормальными скорпионами, вроде тех, что обитают в окрестностях Шмуртерсфорда, такой финт бы не прошел - я слышал, что они

размножаются только раз в год, и самка, разок получив свое, уже не станет приманивать ни этого, ни других самцов своими, как выражались умники из экспедиции, феромонами. Но то нормальные. А пустошные красные скорпионы готовы заниматься этим делом всегда (кого-то они мне напоминают, ага). Пять с половиной кварт воды на двоих на трое суток пути по жаре - это, конечно, ужасно мало, и мы снова страдали от жажды, но следует учитывать, что сырое мясо тоже содержит воду, даже если это мясо скорпиона. В общем, благодаря этой скорпионовой диете мы благополучно пересекли пустыню и съели самку последней, когда достигли тех мест, где она уже не могла нам пригодиться.

Хотя земли, до которых мы добрались на четвертый день, тоже выглядели, прямо скажем, не особо радостно. Вода там есть, и даже много, но пить ее нельзя. Когда туда подходишь со стороны пустыни, кажется, что либо видишь мираж, либо от жары у тебя просто едет крыша. Песок кончается, и впереди, в мареве дрожащего от зноя воздуха, открывается сплошное море высокой бледно-желтой травы, растущей прямо... из сверкающего на солнце льда. Только на самом деле это никакой не лед. На картах эти места до сих пор именуются "Лебединые озера". Когда-то, при магах, там и в самом деле разводили лебедей для красоты. Теперь это солончаковые болота, густо заросшие сухим ломким тростником, торчащим, чаще всего, прямо из крупчатой белой соляной корки. В довершение сходства со льдом, эта корка может проломиться под ногами. По большей части там неглубоко, но это если только толщину слоя воды считать. Ее-то может быть и по колено, да только дно под ней может оказаться вовсе не дном, а трясиной, в которую уйдешь с концами. В таких местах растительности либо нет вовсе, либо она, наоборот, выглядит более живой и зеленой, и вот ее-то как раз надо избегать. Есть, впрочем, и большие участки открытой воды, которая тут тоже может быть самых безумных оттенков - фиолетового, ядовито-зеленого и даже темно-красного. Такие места тоже обычно мелкие. А есть, наоборот, и участки твердой суши, от небольших кочек до крупных островов и перешейков - на них обычно тоже ничего не растет, просто засохшая бурая растрескавшаяся грязь и все.

Что касается лебедей, то они выжили. Только теперь они покрыты не перьями, а темно-бурой чешуей, летать, соответственно, не могут, зато прекрасно плавают под водой, взмахивая своими бесперыми крыльями под соляной коркой и при необходимости проламывая ее острым зубастым клювом. Свет сквозь корку почти не проникает, поэтому глазницы у пустошных лебедей пустые (часто в них копошатся какие-то мелкие рачки - уж не знаю, есть ли лебедям от них какая польза, или просто не могут избавиться), но под водой они ориентируются очень хорошо. Мясо у них горькое, а вот яйца, больше похожие на огромные кожистые икринки, вполне годятся в пищу, а в сыром виде еще и служат источником пресной воды.

Не то чтобы, конечно, эти яйца раскиданы там повсюду. Мы ломились сквозь тростник часа три (впрочем, если знать, куда ступать, и не проваливаться сквозь корку, это совсем нетрудно), прежде чем отыскали первую кладку. Сидевшая там самка сперва пыталась угрожающе шипеть, разевая зубастый клюв, но видя, что мы не останавливаемся - ну то есть не видя, конечно, а чувствуя наше приближение (и заодно наш вес и, соответственно, размер) по колебанию корки - предпочла нырнуть в воду и скрыться под коркой соли. Красивые сказочки про мать, до конца защищающую детенышей - не для Пустошей. Главное - выжить самой, а яйца можно отложить и новые, если будет, кому откладывать - по-моему, очень логично.

- Жаль, что мы ее не поймали, - заметила Кэролайн.

- Я же тебе говорил, они несъедобные.

- Так мы могли бы взять ее с собой, чтобы несла нам яйца каждый день, как курица! - возразила моя спутница.

Не иначе, ее вдохновили примеры с лягушкой и скорпионихой.

- Научный подход чувствуется, - кивнул я. - Только она слишком большая и тяжелая, чтобы ее тащить. Да и кормить нечем. Они свою еду под водой добывают.

- Так вести за собой на веревке, и на веревке же запускать под воду, пусть сама кормится.

- Интересная идея, но это не коза и не собака. Они вообще ходят так себе, только плавают хорошо. А главное - твари вообще не приручаются, на то они и твари. Она бы тебя сперва своими зубами за ногу хватанула, а потом веревку перекусила, - видя ее разочарованную мордашку, я примирительно добавил: - Ты, конечно, умная девушка, спору нет, но поколения бэдлэндеров до тебя тоже не дураки были. Дураки в Пустошах просто не выживают. Так что едва ли ты сможешь придумать что-то такое, до чего никто из наших не додумался. И про Правило Номер Два не забывай.

- Так я ж не стала ничего делать сама - тебе сказала!

- Вот и молодец, - кивнул я.

Кэролайн ничего не ответила, но прям чувствовалось, как ей хочется доказать, что я неправ. Что не только я ее, но и она меня полезным в бэдлэндерском деле штукам научить может. Ну, оно понятно. Я, когда 18-летним сосунком был, тоже все мечтал своему тогдашнему наставнику нос утереть. Оно само по себе-то неплохо - очень Правилу Номер Три способствует. Главное только не забывать, что оно после первых двух идет.

Мы собрали яйца, но я объявил, что пировать мы будем дальше, на твердой суше, где сможем, наконец, развести нормальный костер и поесть что-то не в сыром виде. Хотя соляная корка - не лед, и огонь костра не способен ее расплавить, все равно проникающее сквозь нее тепло может привлечь нежелательное любопытство снизу. В основном тут слишком мелко, чтобы под коркой плавало или ползало что-то крупное, да и вода слишком соленая, но все равно, можешь обойтись без сюрпризов - лучше обходись без них, особенно в Пустошах.

- Далеко еще? - обреченно спросила Кэролайн, которая, конечно, изрядно устала от долгого пути по жаре (хотя шагать по твердой корке было и легче, чем по песку) и мечтала скорее попить и поесть.

- Нет, - заверил я, высматривая в бинокль обозначенный на карте ориентир. - Ага, кажется, вон там. Пара миль еще.

Издали то, к чему мы направлялись, походило на белеющие ребра огромного скелета, и Кэролайн и впрямь сперва решила, что я веду ее в очередной отель "Гигантский" (что ее уже нимало не смущало). Но на самом деле это были развалины большой беседки - или, скорее даже, целого павильона, из прохладной тени которого посещавшие эти места отдыхающие любовались живописным видом озер и лебедей вокруг. Теперь никакой прохладной тени там не осталось, куполообразная крыша давно уже рухнула, но тонкие белые колонны, переломившиеся на разной высоте, все еще торчали, словно гигантские кости.

Павильон располагался на перешейке, некогда разделявшем два озера и до сих пор еще выступавшем над соляной коркой болота. Помимо столбов, на нем торчало еще несколько лишенных коры и выбеленных солнцем здоровенных сухих коряг, некогда бывших деревьями, но ничего живое давно уже не росло. Мы не стали возиться с рубкой коряг, а просто нарвали тростника на болоте вокруг и (линзой бинокля, чтобы не тратить спичек) развели огонь на грязном полу павильона, где я, забиравшийся в эти места много лет назад, некогда сложил из каменных обломков крыши некое подобие очага, и теперь еще сохранившееся. С тех пор здесь, вероятно, побывало совсем немного народу - может быть, даже и вовсе никого. Это я, ну и другие парни с моим опытом, могут ходить по соляной корке как по городской площади, а вообще-то здесь провалиться проще простого, в том числе и туда, откуда потом не вылезешь. Видел я в прошлый визит такого, один череп в шляпе из воды торчал. Он ведь, что самое для него обидное, даже с головой в трясину не ушел, носопырка над водой осталась. Равновесие, типа, установилось - ноги как якорь, башка как поплавок, в соленой-то воде утонуть не так и просто. А толку что, если ниже пояса ты увяз так, что не выбраться? Так и стой по самые ноздри в воде, пока не помрешь от жажды - пить-то ее нельзя. И даже не застрелишься, чтобы агонию не затягивать - даже если руки вытащить еще можешь, в револьвере-то тоже вода. Теперь вот

уже даже и черепа от него не осталось, а то я хотел показать Кэролайн в качестве назидательного примера.

Часть яиц я положил печься в золе, а еще парочку проковырял ножом, чтобы выпить содержимое. Кэролайн жадно схватила то, что я протянул ей, но, стоило ей глотнуть, как она недовольно наморщила нос:

- Какая-то теплая слизь. Словно сопли глотаешь.

- Ну, - развел руками я, - что поделаешь. Других источников пресной воды здесь нет. Если только дождь не пойдет, - я посмотрел вверх, на небо, остававшееся совершенно безоблачным.

Все-таки, сопли там или не сопли, а жажда после целого дня пути по жаре была сильнее ее разборчивости, так что она (как и я сам) высосала три яйца одно за другим. Печеные пошли лучше - белки у них, правда, все равно водянистые, но вот желтки на вкус неотличимы от куриных.

- А не вредно питаться одними яйцами? - запоздало спросила Кэролайн, доев последнее. - Тем более - такими...

- Ну если всю жизнь, может, и вредно, - пожал плечами я, - а за несколько дней ничего с нами не сделается. А больше тут...

- ...все равно есть нечего, - подхватила Кэролайн. - Рыба тоже никакая не водится?

- Насколько я знаю, нет. В такой соленой воде вообще практически ничего не выживает, кроме вот этого тростника и лебедей.

- А лебеди, кстати, чем питаются?

- Вроде бы рачками какими-то, хотя я тех рачков ни разу не видел. Сквозь корку-то не разглядишь, а на открытой воде они не показываются.

- Понятно... Значит, тут можно окунуться без риска, что тебя съедят?

- Окунуться? Ты хочешь купаться в этом болоте?

- Ну, если вон там... - она поднялась и подошла к краю площадки, откуда между остатками балюстрады все еще вели вниз расширявшиеся ступени мраморной лестницы, спускавшейся прямо в воду с другой стороны перешейка. Корки с этой стороны не было - то есть она начиналась дальше, а возле берега образовалось что-то вроде широкой полыньи, и сквозь воду видны были плитки широкой полукруглой площадки, которой заканчивалась лестница. То ли так и было задумало изначально, то ли в прежние времена эта площадка оставалась над водой, но, так или иначе, теперь вместо вязкого ила рядом с берегом было твердое дно, на котором можно было стоять чуть выше чем по колено в воде.

- Очень уж противно все время в потной одежде, - добавила Кэролайн извиняющимся тоном. - Умом я, конечно, понимаю, что бóльшая часть человеческого пота - это просто соленая вода без цвета и запаха, точно такая же, как и там... но все равно, очень хочется освежиться.

- На особую свежесть не рассчитывай, - усмехнулся я, - эта вода еще и горячая, здесь же слишком мелко и все время солнце печет. И одежду в ней тоже не постираешь - высохнет, будет как жестяная. Но если уж очень хочется принять ванну, то, наверно, большого вреда от этого не будет. Только смотри, чтоб эта вода в глаза не попала - промыть, если что, нечем.

Не то чтобы мне сильно нравилась эта идея - даже когда и нет явной угрозы, в Пустошах, если можешь куда-то не лезть - лучше не лезть - но просто захотелось сделать Кэролайн хоть что-то приятное и не выглядеть в ее глазах старым брюзгой, которому лишь бы все запрещать. Мне вон отец ничего, почитай, не запрещал, а я живой - хотя мы, конечно, не в Пустошах жили, но в обычном лесу тоже и волки, и медведи, и гадюки водятся... И меня никто не прикрывал, а вот я свою подопечную, если что, прикрою. На такой небольшой глубине пули достанут цель и под водой, если из-под соляной корки все-таки что-нибудь выплывет.

- Значит, можно? - обрадовалась Кэролайн; похоже, она не надеялась что соглашусь. - Тогда я одежду тут на ступеньках разложу сушиться, - она взялась за верхнюю пуговицу своей рубашки, но отчего-то замешкалась.

- Угу, - кивнул я, стоя на верхней площадке с рукой на рукояти револьвера. Девушка тоже стояла неподвижно с рукой на пуговице.

- Майк! - не выдержала она наконец. - Может, ты отвернешься? А лучше - вообще уйдешь на другую сторону!

- Ах вот в чем дело, - вздохнул я. - Я-то думал, мы с тобой все уже обсудили насчет условностей в Пустошах. Ты ж прекрасно понимаешь, что меня вовсе не твои... эээ... прелести интересуют, а чтобы к тебе никакая тварь не подобралась, пока ты тут плещешься. Маловероятно, конечно, но абсолютных гарантий в Пустошах не бывает. Критично не то, что ты там будешь голая, а то, что безоружная.

- Ну... - смущенно пробормотала она, - резонно, конечно, но...

- Да и потом, я ведь уже видел тебя без одежды, - добавил я. - Чего тебе вообще стесняться-то?

- Тогда это было в темноте... и вопреки моей воле все-таки, - пробурчала она. - Я понимаю, тогда ты не мог отвернуться, стреляя в моих врагов, но удовольствия мне это не доставило. Как, конечно, и то, что на меня пялились все прочие...

- Они тебе зла хотели. А я нет.

- Да, да, конечно, ты кругом логичен и прав. Ты спас мне жизнь, и я никогда этого не забуду. И до сих пор спасаешь. Но все-таки есть некоторые вещи... наверно, я все же плохой ученый, раз не могу полностью задавить их логикой. Ладно, давай так - ты отвернешься, пока я раздеваюсь и захожу в воду, а потом я тебя позову, и тогда уже неси свою вахту. Ну и когда вылезать буду - аналогично в обратную сторону.

- Вот почему никто не водит девушек через Пустоши, - проворчал я. - Ну ладно, валяй, - я демонстративно отвернулся.

Я услышал, как звякнула пряжка ремня, негромко стукнули уложенные на ступеньку револьверы, потом зашлепали вниз по ступенькам босые подошвы. (Вот, кстати, тоже глупость из книжек, что если кто идет босиком, то непременно шлепает. На самом деле, если не делать так специально, босые ноги шагают почти беззвучно, плавно переступая с пятки на носок - уж мне ли, все детство так проходившему, не знать! Однако Кэролайн, наконец-то выбравшаяся из пропотевших ботинок, именно что с наслаждением шлепала по теплому гладкому мрамору.) Ну а потом, понятно, заплескалась вода, но призыва обернуться почему-то не последовало.

- Ты в порядке там? - обеспокоенно спросил я. - Не вздумай никуда уплывать! С каменной площадки ни шагу, трясина кругом!

- Да тут я, на месте, - раздался слегка недовольный голосок. - Просто в эту воду даже и не ляжешь... так, чтобы не высовывалось ничего. Сажусь на дно, а меня выталкивает.

- Это потому, что вода соленая.

- Да знаю, уж меня физике можешь не учить! Просто я не думала, что тут такая концентрация... Ладно, можешь оборачиваться.

Я развернулся и увидел, что Кэролайн заняла в воде наиболее целомудренную, по ее мнению, позу - животом вниз, упираясь в дно локтями и прогнувшись так, чтобы из воды торчали только голова и задранные вверх ступни. Не то чтобы сквозь тонкий слой спокойной воды не было видно все остальное, но я не стал заострять на этом ее внимание. Смотрела она при этом в мою сторону, а не в сторону болота, и я наконец увидел на ее усталом лице довольную улыбку.

- Между прочим, вовсе она не горячая, - сообщила Кэролайн, очевидно, имея в виду воду. - Скорее, чуть прохладная. Наверное, где-то поблизости бьет подземный ключ. Потому и полынья образовалась - ток чистой воды размывает соляную корку.

- Раньше здесь никаких ключей не было, - заметил я. - Все эти болота были совершенно застойными. Впрочем, говорят, что природа постепенно залечивает раны, нанесенные магами и ихней войной. Может быть, лет через триста здесь снова будут настоящие озера с настоящими

лебедями. Только мы этого уже не увидим, - говоря так, я не забывал поглядывать по сторонам от беспечно нежившейся в воде Кэролайн. Если под водой появились пресные ключи, которых раньше не было, то, возможно, появилось и что-нибудь еще... Но никакие подозрительные тени - или сверкающие чешуей бока - не скользили по направлению к девушке.

- Если экзотическая фауна Пустошей со временем вымрет, возможно, ученые будущего еще будут завидовать нам, наблюдавшим ее воочию, - заметила Кэролайн.

- Ну да, - кивнул я, - люди вечно не ценят то, что имеют, и завидуют тому, чего у них нет. Особенно забавно, когда эта зависть взаимная.

Но моя спутница не была настроена философствовать.

- Но нам, - изрекла она иным, практическим тоном, - совсем не обязательно ждать триста лет, чтобы сделать эту воду пресной.

- И каким же образом?

- Дистилляцией.

- Напомни мне, что это.

- Испарение, потом конденсация. Нагреваем воду в реторте - вполне сгодится твой котелок, у него есть крышка с клапаном для выпуска пара - вода выкипает, все соли остаются в реторте в виде твердого осадка, а пар, проходя через охлаждаемый конденсатор, снова превращается в воду, но теперь абсолютно чистую, и стекает в другой сосуд.

- И что - так можно очистить воду от любого яда? - недоверчиво спросил я. - Я, вообще-то, с детства слышал про ядовитые испарения, вдыхать которые не менее опасно, чем пить то, что, собственно, испаряется.

- Ядовитые испарения, или миазмы - это устаревшие представления, опровергнутые современной химией, - пояснила Кэролайн. - Точнее говоря, пары могут быть ядовитыми, если это пары жидкости, которая ядовита сама по себе. А не жидкости, которая сама безвредна - такой, как вода - и в которой лишь растворено твердое ядовитое вещество. Понимаешь, в чем разница? Минимальной единицей вещества, сохраняющей его свойства, является молекула. Молекула яда ядовита в любом агрегатном состоянии - твердом, жидком или газообразном. Поэтому вдыхать пары, например, серной кислоты или ртути никому не рекомендуется. А раствор - это на самом деле не вещество, а смесь разных веществ, каждое из которых состоит из своих молекул. Молекулы жидкой воды испаряются, молекулы твердого яда остаются. Ну, правда, если ядом является другая жидкость, то там сложнее. Хотя тоже можно использовать дистилляцию для разделения жидкой смеси на фракции, если у всех этих жидкостей разная температура кипения, как оно обычно и бывает. Однако тут уже требуется более сложное оборудование и более тщательная очистка, поскольку процесс испарения любой жидкости начинается не строго при температуре кипения, а раньше, и, таким образом, получившийся пар все равно будет смесью разных паров... Кроме того, нагрев сам по себе может вызвать химическую реакцию с образованием и выделением ядовитых веществ. Так что нет, дистилляция - это не универсальное средство от любого яда. Но, насколько я понимаю, большинство веществ, делающих водоемы Пустоши непригодными для питья - это именно твердые соли, а не жидкие кислоты и не какая-нибудь жидкая органика типа метилового спирта... Во всяком случае, когда речь идет об отравленных или засоленных почвах. Там, где в воду попадают токсины, продуцируемые живыми организмами, ситуация может быть более сложной.

У меня вдруг мелькнула невольная мысль (которую Кэролайн бы точно не одобрила), что это довольно забавно, когда голая девушка читает тебе лекцию по химии. Кое-кто из моих знакомых бэдлэндеров, без особого почтения относящихся к университетским наукам, пожалуй, изменил бы свое мнение при такой методике преподавания... Но я тут же снова настроился на серьезный лад:

- А из чего нам сделать этот... конденсатор?

- Ну, ты же знаешь, как спирт перегоняют? Абсолютно тот же процесс. Змеевик... длинная спиральная трубка, стеклянная или металлическая... идеально, если пропущенная через емкость с охлаждающей жидкостью - вот это озеро-болото как раз подойдет, из него брать воду и в нем же охлаждать конденсат...

- Но у нас нет ни стеклянных, не металлических трубок, если ты не заметила.

- Мм... да, конечно. Ну понятно, что стеклянная бы разбилась, но металлическую было бы совсем нетрудно таскать с собой, весит она немного... пусть даже прямая, мы бы изогнули ее тут с помощью камней... значит, нет ничего похожего? Ну а просто какой-нибудь шланг?

- Нету, - покачал головой я. - Но, пожалуй, я знаю, где его достать.

- Тут где-то поблизости еще какие-то развалины?

- Никаких, кроме этой беседки.

- Тогда где ты намерен взять шланг?

- У лося.

- У какого еще лося?

- Ну какой, по-твоему, лось может быть на болоте?

- Мне-то откуда знать?

- Болотный[16], разумеется.

На самом-то деле болотный лось не очень даже и на лося похож. Разве что его вытянутая книзу ряха с отвислыми чуть не до самой земли губами. А вот рога у него совсем не лосиные, мелкие и мягкие, больше похожие на какие-то злокачественные разрастания по бокам головы. Ну а с кем ему тут бодаться? С другими лосями, разве что, когда у них брачный сезон. Так это для всех заинтересованных сторон лучше мягкими рогами делать. И туловище у него тоже - горбатое, но не лосиное, намного меньше, чем лосю положено и чем при такой голове должно быть. Чуть крупнее, чем у осла, если представить себе осла с горбом. Ну правильно - а иначе далеко бы он по соляной корке ушел? Сразу бы провалился. Жрет болотный лось, конечно же, тростник - а что еще ему тут жрать? Не лебедей же, их поди еще поймай под коркой да водой, да и вообще лоси не хищники, даже в Пустошах. (У самих болотных лосей, кстати, мясо на вкус еще хуже лебедятины.) А здешний тростник - он, конечно, очень живучий, раз растет в чистом соляном растворе, где больше ничего расти не может, но питательность у него примерно такая же, как у старого веника. То есть - чтобы его переварить и какую-то пользу из этого извлечь, нужно ОЧЕНЬ хорошо постараться. Конкретно - для этого нужен охренительно длинный кишечник. Который в не такое уж большое тело болотного лося просто не помещается.

Соответственно, туловище крупнее он себе позволить не может, кишечник короче - тоже. Какой выход? Правильно. Кишечник у него снаружи. Ну то есть часть внутри, а дальше все это из брюха вываливается и следом за ним по земле волочится. Длинной такой петлей. Поскольку она длинная, то давление на грунт создает минимальное, риска провалиться нет. А соляная корка везде ровная, ни коряг, ни камней на болоте нет, тростник легко гнется и ломается - зацепиться не за что. Быстро бегать ему тоже не от кого и не за кем. Так что жить можно и так - с кишками наружу.

Правда, не очень хорошо, видимо, жить все-таки. Раньше, говорят, болотных лосей больше было, а сейчас они уже реже встречаются. Хотя тростника меньше не стало.

Глаза у болотного лося, кстати, большие и грустные. Ну, это и неудивительно.

Все это я рассказал Кэролайн, пока она продолжала нежиться в своей купальне. Она сперва было подумала, что я пересказываю ей очередную байку, но потом поняла, из чего я собрался делать шланг, и снова давай морщить нос:

- Но это же кишки! Там же... фекалии!

- А, по-твоему, оболочку колбас и сосисок из чего делают - не из кишок? Просто их

[16] В оригинале The ooze moose

очистить как следует надо.

Охоту за лосем я назначил на следующий день, со свежими силами. Пока же мы могли позволить себе продолжать отдыхать. Кэролайн, однако - не столько, видимо, замерзнув, сколько устав от своей изогнутой позы - заявила, что выходит на берег, и мне снова пришлось послушно отворачиваться. Ее одежда к этому времени уже просохла на солнце, однако натягивать шмотки на мокрое тело она, конечно, не стала, а вытереться ей было нечем - любая ткань, пропитавшись соляным раствором, после высыхания превратилась бы во всю ту же "жесть". Так что Кэролайн продолжала расхаживать по лестнице, дожидаясь, пока солнце высушит и ее, и не позволяя мне оборачиваться. Наконец я потерял терпение, улегся на верхней площадке, надвинул шляпу на лицо и сказал ей, чтобы она надела пояс с револьверами, а без всего остального может разгуливать, сколько хочет - а я пока посплю.

Проснулись мы еще затемно, но, снова голодные и хотящие пить, вынуждены были ждать, пока не рассветет - ходить по болоту во мраке слишком опасно. Наконец солнце высунулось из-за идеально плоского болотного горизонта, и мы отправились искать лося - ну и кладки лебединых яиц заодно.

В охоте на болотного лося нет, на самом деле, ничего романтического или хотя бы увлекательного. Не требуется ни меткость, ни хитрость, ни скорость. Убежать с волочащимися по земле кишками лось не может - человек легко догоняет его даже шагом, бодаться ему тоже нечем. Самое сложное - это его найти, ибо, как я уже говорил, осталось их не так уж и много, но даже и это, при наличии бинокля и хорошей видимости, не так уж трудно. Лось всегда возвышается над зарослями тростника, поэтому на идеально плоском ландшафте хорошо виден издали. Разве что острова и перешейки между болотами могут на какое-то время укрыть его от чужих глаз, но стоит охотнику самому подняться на такую возвышенность - и он почти наверняка увидит искомое, если оно находится в пределах нескольких миль. Спрашивается, почему настолько беспомощных жертв до сих пор не истребили другие твари? Ну, во-первых, ни одна тварь, не способная пить концентрированный рассол вместо воды, на солончаковые болота просто не ходит - во всяком случае, не забирается в них достаточно глубоко, чтобы встретить лосей. А во-вторых, полагаю, вкус ихнего мяса чересчур плох даже для других тварей.

Через пару часов поисков, обойдя стороной несколько опасных мест с чересчур пышной растительностью и поднявшись на очередной перешеек, я таки различил в бинокль унылую горбатую фигуру. Еще за полтора часа мы ее догнали. Лось обреченно шагал прочь, не пытаясь оборачиваться, что все равно не помогло бы ему спастись. Понятно, что тратить на него патроны я не собирался. Я просто нагнал его и наступил сапогом на волочащуюся кишку.

Он дернулся и тут же замер на месте, очевидно, удерживаемый болью, а затем все-таки обернулся. В его больших выпуклых глазах мне почудился упрек. Некстати вспомнилась байка, что будто бы не некоторые (в чем никто не сомневается), а ВСЕ твари когда-то были людьми. Ну, по крайней мере - все достаточно крупные виды. Это, конечно, полная чушь, я даже спрашивал об этом профессора, и он ответил, что с точки зрения науки это, безусловно, не так. Происхождение многих видов тварей от конкретных видов довоенных животных (или ихних гибридов) прослеживается достаточно четко. Однако затем он добавил с неудовольствием, что, когда речь идет о последствиях магического воздействия, научные аргументы не могут считаться решающими. Кроме того, даже и с научной точки зрения человек несет в себе память об устройстве своих животных предков (что-то там про генезисы, это я уже не запомнил[17]), и чисто теоретически ее возможно реактивировать, хотя и не у взрослого организма, а у зародыша. Но сам профессор не видит оснований считать, что твари возникли таким путем. Вот и я - не такой ученый, зато повидавший за свою жизнь намного больше живых тварей, чем он - тоже... не вижу оснований. Да и вообще - теперь уже какая разница?

[17] Имеется в виду тезис "онтогенез есть краткое повторение филогенеза" - зародыш в своем развитии проходит стадии, напоминающие стадии эволюции вида.

Я достал нож и перерезал кишку в двух местах. Хлынула кровь, смешиваясь с той дрянью, что вываливалась изнутри - походившей даже не на нормальное дерьмо, а скорее на месиво из опилок. На сей раз я был готов уступить просьбе Кэролайн и тем же ножом избавить тварь от дальнейших страданий. Но лось, то ли ошалев от боли, то ли просто впервые в жизни почувствовав свободу от всегда волочившейся за ним кишки, вдруг рванул резвой рысью и умчался прочь прежде, чем я успел подойти к его шее. Понятно, что бегать так ему оставалось недолго... "Ощутит себя свободным хотя бы перед смертью, - пробормотал я. - Большинство его сородичей лишены даже этого."

Изготовление шланга из кишки - промывка соляным раствором, затем высушивание на солнце, затем поэтапное удаление соли прокачиванием горячего пара, пока на выходе не начала получаться пресная вода - заняло полных два дня, но дело того стоило. Когда я уже не пробовал воду, слизывая каплю с пальца, а сделал несколько одобрительных глотков, Кэролайн посмотрела на меня, прищурившись, и невинным голоском осведомилась:

- Ну так что, Майк - может какая-то девчонка предложить то, до чего не додумались поколения бэдлэндеров?

- Признаю твою полную правоту! - с готовностью согласился я. - Прости, что недооценивал. Но, между прочим, я никогда не называл тебя "какой-то девчонкой". Ты самая... удивительная девушка, которую я когда-нибудь встречал.

Хотя, по правде говоря, встречал я не то чтобы многих, а так долго (аж целых три недели подряд) не общался вообще ни с одной. И прежде меня это совершенно устраивало. Будь у меня тогда выбор, я бы ни за что не согласился вести женщину через Пустоши. Но после стрельбы в Крайнем Холинбрукском городе выбора у меня уже не было... и теперь я был, пожалуй, рад, что его не было.

Следующие шесть дней пути были едва ли не самыми легкими с начала нашего путешествия. Мы топали прямиком на восток по ровной твердой поверхности, никуда не отклоняясь (ну разве что самую малость, когда надо было обойти участки с тонкой коркой или открытой водой), никуда не карабкаясь, ни в чем не увязая и никого не опасаясь - и при всем при этом еще и не испытывая никакого недостатка в воде! В Пустошах ведь как - или тебе пить-есть нечего, или тебя самого сожрать пытаются. А у нас, благодаря дистилляции, получилось сломать этот принцип. Даже там, где не было никаких холодных ключей (а их не было почти нигде), мелкая вода болот, горячая днем, остывала за ночь и служила отличным охладителем для пара; недостатка в топливе в виде тростника тоже не было. Конечно, это не решало проблемы с едой, но кладки лебединых яиц попадались нам достаточно часто, чтобы не страдать от голода (хотя однообразие такой диеты все-таки начинало постепенно напрягать).

Интересно, кстати, что нормальных птиц - в смысле, летающих - на болотах нет. Не залетают даже стервятники - не знаю даже, почему. Мы несколько раз видели скелеты лосей, но их, похоже, объедают какие-то насекомые. А может, даже те самые рачки, вылезающие по такому случаю из-под воды.

В общем, мы проходили по двадцать миль в день, не сильно даже уставая - а если бы не жара, возможно, проходили бы и больше. В целом, конечно, пейзаж солончаковых болот довольно уныл и вроде бы не способствует хорошему настроению путников, видящих одно и то же день за днем, словно бы они никуда и не идут, а бесконечно блуждают по кругу без выхода и надежды. Но не унылые пейзажи в Пустошах - это, к примеру, та самая зеленая роща с красными цветочками. Так что на хрен, на хрен такие красоты. Тем паче что мне и в одиночестве-то никогда на ходу скучно не было (это только на одном месте скучно сидеть), а тут, когда не было ни запредельной усталости, ни иссушающей рот жажды, мы постоянно болтали с Кэролайн о том-о сем. Чаще, конечно, я ей рассказывал всякие истории из своей богатой бэдлэндерской биографии, но и она тоже вспоминала то забавные случаи из детства, то прочитанные книжки. Порывалась даже химии меня учить, но быстро пришла к выводу, что так

вот на ходу, без возможности писать формулы и показывать опыты, толку от этого будет немного. Хотя кое-чего я все же запомнил. Вот, говорит, монооксид углерода - это угарный газ, от которого люди каждый год мрут пачками, а диоксид углерода - это углекислый газ, которым все растения питаются, без него жизни на Земле бы не было. А всей разницы только - один атом кислорода в молекуле или два. А алмаз, сажа и карандашный грифель - это и вовсе один и тот же углерод, только по-разному уложенный... "А одно в другое перепаковать можно?", - спрашиваю. Может, думаю, это и есть их с отцом открытие, а с точки зрения КОБовцев что свинец в золото, что графит в алмаз - все одно колдовство. А в Хинтерзееланде она именно этим заняться и собирается. Но - "при достижимых на современном оборудовании давлениях и температурах нет", отвечает. "Ну тогда, - говорю, - это все, конечно, интересно, но не очень полезно все-таки. Давай я тебе лучше про пустошных кротов расскажу - мы скоро уже придем в земли, где они встречаются. Про пираний слышала когда-нибудь?" "Это рыбы такие?" "Угу, на Южном континенте. Сами маленькие, но взрослого быка сжирают на ура, не говоря уже о человеке. Так вот, пустошные кроты - это, почитай, те же пираньи, только не водные, а подземные. Наверх никогда не вылезают. Делают подкоп под жертву, чтобы та провалилась под землю, а уж там... Так что запомни - никогда нельзя ложиться спать там, где земля изрытая. Лучше еще потопать ногой для верности, чтобы точно убедиться, что земля твердая, и никаких ходов в ней нет. Но не переусердствуй, потому что, если топать слишком долго, можно разбудить пустошную медведку. Скорее всего, конечно, ее там нет, не так уж часто они встречаются - но если есть..." В общем, сказать, что столько я не то что с девчонками, а вообще еще ни с кем не беседовал, не будет, наверно, большим преувеличением. Разве что в детстве, когда папаша мой про довоенные времена рассказывал, так ведь и то - только когда на него настроение находило, а совсем не каждый день. А с бандитами, которых я ловил и конвоировал, особенно не потреплешься.

Короче говоря - очень даже милая прогулка по болотам получилась, несмотря на всю ихнюю унылость. По-настоящему неприятный эпизод мы пережили лишь в последний день этого пути, когда пересекали Трещину. Ее так и называют - просто Трещина с большой буквы[18]. Хотя читал я в "Аркэндэйлском курьере", в разделе "Письма в редакцию" - один умник написал, что-де название это неправильное, на самом деле это никакая не трещина и не разлом, а "грабен", потому что земная кора там не в стороны разошлась, а вниз провалилась - ну да кто про эти грабены слышал, кроме геологов? А Трещина - всем понятно. В общем, тянется она с севера на юг, общая длина ее больше пятисот миль, но не по прямой, а зигзагом - словно в детской игре, где соединяют линией точки. Вот только этими точками были города, которые Трещина поглотила целиком. Ширина ее колеблется от сотен ярдов до нескольких миль, а глубины ее не знает никто. Во всяком случае, ни у кого из тех, кто до нее добирался, не нашлось веревки настолько длинной, чтобы ее измерить. Звуков от бросаемых вниз камней тоже не слышно. И глазами дно тоже не увидеть - все скрывает туман, висящий в глубине Трещины в любое время года. Обычная ли это влага, образующаяся, когда тепло из земных недр встречается с холодным воздухом (как полагают университетские умники), или Тот Самый туман, который время от времени расползается по поверхности Пустошей, оставляя от людей лишь отдельные куски либо вовсе ничего (как думают многие другие) - никто толком не знает. Известно только, что переправиться через Трещину - если не огибать ее вокруг - можно лишь в одном месте - там, где она проходит через солончаковые болота. Ну то есть самих болот - воды и ила под ней - понятно, в этом месте не осталось. Но осталась соляная корка сверху, которая и служит мостом.

Как так получилось - опять-таки никто не знает. Если Трещина возникла во время Войны, что самое логичное, то откуда взялась корка, если в то время никаких солончаков еще не было? А если Трещина образовалась уже позже, то что могло ее породить? Мощное землетрясение? Ну допустим - но тогда бы оно и корку разрушило. Да и отголосок землетрясения такой силы и в

[18] В оригинале The Crack

обитаемых землях ощутили бы. Наиболее разумная версия, какую я слышал, гласит, что Трещина - это, конечно, результат магического удара по тем городам, которые она уничтожила, но вот в районе будущих болот земля обвалилась не полностью - остался нависший над пустотой слой твердых пород, способный удерживать воду. Но он был тонким и неустойчивым и позже все-таки провалился вниз вместе с водой, оставив лишь соляную корку. В пользу этой версии говорит и то, что именно в этом месте Трещина самая узкая. Ну а все прочие гипотезы сводятся к тезису "да хрен их, магов, знает, от них и не такого можно было ожидать!"

Так или иначе, эта корка достаточно толстая и прочная, чтобы даже без воды под ней выдерживать вес человека. Ну то есть как выдерживать - идти по ней слишком опасно. И мы даже видели пару дыр, оставшихся, видимо, от тех, кто пытался это сделать (не уверен, впрочем, были ли это люди). А вот если распластаться и ползти, тогда можно.

Не знаю, кто и когда проверил это впервые, и сильно ему не завидую. Возможно, он просто не знал про Трещину и думал, что под коркой всего-навсего вода, а не бездна... Но даже зная, что десятки людей (включая и меня самого) успешно проделывали это прежде, все равно не слишком приятно ползти так две сотни ярдов. Не слишком приятно даже чисто физически (и совсем не полезно для одежды), соляная корка - это не гладкий лед. Ну и понимание, *что* находится прямо под тобой, тоже радости не добавляет. Я даже не хотел говорить Кэролайн про Трещину - пусть думает, что это обычное болото, просто корка на нем более тонкая, чем там, где мы шли раньше - но она заметила, что в ближайшей из оставленных неведомыми неудачниками дыр нет воды. Надо сказать, держалась она молодцом - прямо никакого сравнения с паникующей девушкой на паутине всего за три недели до этого (хотя она ведь и тогда все-таки преодолела свой страх!) Даже сама предложила взять мой рюкзак, чтобы уменьшить мой вес (она сама с рюкзаком весила все еще меньше, чем я без него). Я сказал, что это правильная мысль, но еще более правильно будет катить рюкзак перед собой, как делал я сам, когда переправлялся в одиночку в прошлый раз. Само собой, переползали мы как можно дальше от дыр и по очереди - причем Кэролайн, как более легкая, первая. Надо сказать, хоть я и был уверен, что корка ее выдержит, раз уж выдерживает меня и других мужчин, но все равно извелся ожиданием, глядя, как девушка медленно движется, толкая впереди себя рюкзак. Все-таки, когда делаешь что-то опасное сам, понимая, что все зависит от тебя, чувствуешь себя гораздо спокойнее, чем когда можешь лишь беспомощно наблюдать за действиями другого. И нехорошие мысли, что в Пустошах постоянно что-нибудь меняется, и корку должны постепенно разрушать дожди и выветривание, нет-нет да и мелькали, как назойливые мухи перед глазами. Но в итоге Кэролайн благополучно добралась до твердой земли на другом краю Трещины, а следом за ней, понятно, и я сам, иначе кто бы все это рассказывал?

За Трещиной солончаки кончаются, и начинается совершенно другая местность. То есть поначалу она похожа на ту, что тянется к востоку от плато - пыль, камни и немногочисленные стелющиеся по земле колючие кусты. Но дальше к востоку местность постепенно понижается и одновременно становится зеленее. Появляется трава, а затем даже и отдельные деревья - низкие, кривые и все утыканные шипами, но тем не менее. К закату того дня, когда мы переправились через Трещину, мы уже шли по зеленому лугу, по мягкой траве которого можно было бы даже ступать босыми ногами без риска проткнуть, разрезать или обжечь кожу (но делать этого, конечно же, не следовало из-за перспективы наступить на ядовитых насекомых, ядовитых червей или ядовитых слизней, о чем я сразу предупредил Кэролайн). Кое-где среди травяной зелени белели шарики глазуники[19]. Эти ягоды и в самом деле очень похожи на извлеченные из орбит глаза, и даже "зрачок" у них действительно обладает чувствительностью к свету, что позволяет глазунике поворачиваться следом за солнцем (а если посветить на них ночью, ягоды прямо на глазах повернутся и "уставятся" на свет фонаря, что на новичков обычно производит

[19] В оригинале eyeberry

неизгладимое впечатление). Разумеется, глазуника также смертельно ядовита.

Пригодные в пищу формы жизни в этих краях тоже имеются, но их следовало искать уже наутро, а пока нам оставалось лишь доесть свой запас лебединых яиц и устраиваться на ночлег. От прежней схемы "идти всю ночь, пока прохладно, а отсыпаться днем в жару" мы отказались еще на болотах, а в этих краях и тем более следовало внимательно смотреть под ноги, а не шастать в темноте. Но и чтобы лечь спать, тут тоже недостаточно было просто расстелить на земле одеяло, как мы делали прежде. Сперва я, как и говорил Кэролайн, потопал по земле, убеждаясь, что в ней нет ничьих ходов, а потом выжег всю траву в радиусе десяти ярдов. И вот уже только на пепел, когда он остыл (он, кстати, очень мягкий), мы уложили одеяло и легли сверху сами. Я сразу повернулся на бок и закрыл глаза, но Кэролайн, как видно, продолжала пялиться в ночное небо, где снова сияла полная луна, как в ночь нашей встречи (ну, строго говоря, тогда это были сутки после полнолуния, а сейчас - сутки до, но на вид луна была одинаково круглой).

- Ой, метеор! - вдруг воскликнула девушка. - Яркий какой... Ты видел?

- Спи уже, - буркнул я, не открывая глаз. - Ты же не веришь в эту чушь про исполнение желаний.

- Нет, конечно. Метеоры - это просто частицы космического вещества, сгорающие от трения об атмосферу Земли. Они не могут повлиять не то что на чужую судьбу, но даже на свою собственную - их гибель однозначно предопределена их орбитой.

- Вот именно.

- Но красиво же!

- Я думал, ты ученый, а не поэт.

- А что, по-твоему - ученый не может мечтать?

- Смотря о чем. О каких-нибудь полезных изобретениях - да, но не о всяких глупостях.

- Ну, что полезно, а что глупо - тоже вопрос неоднозначный. Что сегодня кажется пустой фантазией, через сто лет... Вот как по-твоему - люди когда-нибудь полетят на Луну?

- Надеюсь, что нет, - зевнул я. - Лично мне и на Земле тварей хватает. Не хватало еще с лунными разбираться.

- Эх, Майк, - вздохнула она, - хороший ты парень, но нет в тебе ни капли романтики.

- Поэтому я до сих пор жив, - ответил я. - В Пустошах романтики - это еда. А по большому счету, не только в Пустошах... Спи давай, кому сказал!

- Это что - Правило Номер Один? - насмешливо осведомилась она.

- Просто добрый совет, - пробурчал я и минуту спустя уже спал.

Проснулся я вскоре после рассвета. Солнце уже ярко светило с по-прежнему безоблачного неба, но влажный луговой воздух все еще оставался прохладным и свежим, приятно контрастируя с тем сухим жаром, что обрушивался на нас практически каждое утро до этого. Я, конечно, прекрасно знал, что влажность на самом деле не смягчает, а усиливает восприятие любой погоды - как холода, так и жары, и послеполуденный зной на лугу переносится тяжелее, чем та же самая температура в пустыне - но пока что в запасе еще оставалась пара приятных часов. Кэролайн все еще безмятежно спала, повернувшись ко мне и подложив ладони под щеку жестом примерной девочки. На ее чуть надутых губках была легкая улыбка - наверно, ей снилось что-то приятное. И от этой картины у сухого, как пески над Утонувшим городом, старины Майка Честера вдруг возникло совершенно несвойственное мне желание ласково погладить ее начавшие уже отрастать волосы.

Но я этого не сделал - и вовсе не потому, что испугался, что меня неправильно поймут. Как я уже говорил, ползание по соляной корке не пошло на пользу нашей одежде - девушка, в частности, потеряла верхнюю пуговицу рубашки, а ткань на правом плече надорвалась. И вот теперь эта ткань сползла совсем, обнажив плечо от ключицы до сустава. И прямо на моих глазах на голое плечо Кэролайн приземлилась огромная, больше моей ладони, черно-рыжая бабочка с

фигурно вырезанными крыльями.

Я замер. Ресницы девушки, напротив, затрепетали - очевидно, она почувствовала щекотку от лапок насекомого - и я понял, что сейчас она откроет глаза, повернет голову или, хуже того, не глядя шлепнет по плечу рукой.

- Кэролайн, - сказал я как можно более веско и ровно, - только не шевелись. Правило Номер Один! Не двигайся.

Она все же открыла глаза, но (умница!) не стала крутить головой, а лишь скосила взгляд на свое плечо. Но на ее лице отразился не страх, а восторг. Похоже, она решила, что я забочусь лишь о том, чтобы она не спугнула этакую красоту. Эх, а я ведь ей уже все объяснил насчет романтики... Впрочем, это хорошо, что она не испугалась сразу, пока сознание еще сонное и не особо контролирует ситуацию.

- Кэролайн, - продолжал я, надеясь, что она уже полностью проснулась (медлить все равно было больше нельзя), - ничего не говори, не спрашивай, просто слушай меня. Главное - ни в коем случае не шевелись. Сейчас тебе будет очень больно, но ты должна это вытерпеть. Если ты дернешься или закричишь - она впрыснет тебе яд, вызывающий паралич. Если будешь лежать, как труп - просто улетит. Тебе надо просто вытерпеть несколько секунд. Можешь сжать зубы, только не прикуси язык или губу. Можешь поджать...

Но тварь не дала мне закончить инструктаж и всадила длинный шип на конце своего мохнатого тельца под кожу девушки.

Глаза Кэролайн вытаращились, а губы мучительно сжались и задрожали. Кажется, от боли у нее даже перехватило дыхание. Затем по щекам побежали слезы. Но главное - она не двигалась и не издавала звуков.

Не буду, конечно, говорить, будто мне было не менее больно глядеть на ее искаженное мукой лицо - это было бы лицемерием. Но, проклятье, я бы и в самом деле предпочел, чтобы это происходило со мной, а не с ней! Я - толстокожий бэдлэндер, которому доводилось на своем веку получать различные раны, и укусы ядовитых тварей в том числе (а в детстве так и обычной гадюки, например - тоже приятного мало). И который четко понимает, что происходит и что делать дальше. А она - девятнадцатилетняя девчонка, у которой к невиданной прежде боли примешивается еще и страх... Но пока что я мог лишь повторять: "Сейчас это кончится. Только не двигайся. Еще чуть-чуть. Ты молодец."

Наконец проклятое насекомое взмахнуло своими крыльями и полетело прочь.

- Все! - воскликнул я и тут же схватил ее за руки. - Уже все! Пальцы чувствуешь? Шевелить можешь? Сожми мою руку!

- Д-да... - выдохнула она, и ее пальцы несколько раз стиснули мои. Слезы градом катились по ее лицу, но я уже понял, что худшего не случилось.

- Ты молодец, девочка, - вновь произнес я, теперь уже с огромным облегчением. - Ты даже не представляешь, насколько ты молодец! Далеко не каждый парень на твоем месте выдерживает...

- А я тебе говорила - женщины выносливее, - улыбнулась она сквозь слезы. - Но... неужели ты не мог прихлопнуть эту... тварь? Или хотя бы прогнать?

- Был слишком большой риск, что она успеет тебя ужалить, - покачал головой я. - Надежнее было дать ей сделать свое дело и улететь.

- Какое дело? Разве она меня не ужалила? Тогда что это было? - Кэролайн со страдальческим видом потянула левую руку к своему плечу, которое, конечно, все еще болело, но уже далеко не так сильно.

- Погоди, погоди, - я мягко остановил ее руку. - Не трогай пока. Осталось потерпеть совсем чуть-чуть, - я вытащил нож.

- Что ты собираешься делать? - испуганно спросила Кэролайн.

- Достать яйца.

- Какие яйца? Мы же их доели еще вчера, - она, очевидно, решила, что речь о лебединых. - И сейчас мне, по правде, не до завтрака.

- Яйца, которые эта штука отложила в тебя, - пояснил я и полез за пинцетом.

- Что?!

- Да ты не волнуйся, сейчас все вытащим, надо только нож прокалить и пинцет... - я порылся в рюкзаке и выдрал страницу из уже заметно отощавшего поэтического сборника, а затем скрутил ее в трубку и поджег. - Видишь ли, - продолжал объяснять я, купая концы инструментов в пламени, - этим бабочкам все равно, в кого откладывать яйца - в живых или в мертвых. Ихние личинки, как вылупятся, одинаково охотно жрут и тех, и других. Но живых бабочки на всякий случай парализуют, чтобы те не создавали личинкам помех. А на мертвых или умирающих, которые уже даже в ответ на боль не шевелятся, свой яд не тратят.

- Я думала, - жалобно проворчала девушка, - бабочки нектаром питаются.

- Это Пустоши.

- И, главное, красивая такая... вот ведь дрянь!

- Все самое красивое или ядовито, или смертоносно еще каким-нибудь способом, - ответил я. - Кстати, это даже не только в Пустошах. Откуда, однако, совсем не следует, будто уродливое безопасно.

Бумага догорела, и я поднес нож к розовому пятну на коже девушки, уже образовавшемуся вокруг места, куда вонзился яйцеклад. В левую руку я взял пинцет.

- Вот теперь, если хочешь, кричи, не стесняйся, - сказал я. - Но постарайся все-таки не дергаться, чтоб я не порезал чего лишнего.

Но на всем протяжении операции, пока я ковырялся ножом в ее плече, Кэролайн принципиально ни разу не вскрикнула - только шипела сквозь зубы. Потрясающая все-таки девушка! И на последнем этапе тоже, когда я со словами "сейчас будет щипать" залил ранку жидким мылом Фасмера. "Щипать", да - любую открытую рану оно дерет не хуже ножа и огня. Но, правда, и дело свое знает. Наконец и с этой пыткой было покончено, и я залепил ранку пластырем - тоже полезная штука, кстати. Говорят, первым до идеи использовать липучку для мух, чтобы заклеивать небольшие раны, додумался кто-то из бэдлэндеров - ну а потом уже фармацевты подхватили, заменили бумагу тканью, пропитанной целебной смесью на основе смол и воска, которая ускоряет заживление, и теперь полоски пластыря продаются в любой аптеке. Очередное свидетельство, что мы и без магов кое-что можем, и по части врачевания в том числе - пусть и не так легко и эффектно, как они, но зато и не превращая полмира в руины.

Наконец я оторвался от плеча Кэролайн и снова посмотрел в ее лицо - все еще красное от слез, но ее глаза уже были сухими.

- Ну как ты? - спросил я. - Все еще больно, конечно?

- Ничего, - вымученно улыбнулась она. - Это куда лучше, чем костер.

- Какие все-таки выродки эти твои бывшие сограждане, - процедил я с ненавистью. Мне холинбрукские законы и нравы и прежде никогда не нравились, но теперь при одной мысли, что ихней жертвой мог стать не кто-то абстрактный, а вот эта умная, гордая, сильная девушка... - Нужно быть совершенно больным ублюдком, чтобы сжигать на костре живых людей. Я бы не стал такого делать даже с тем, кто *на самом деле* занимается магией. С тем, что за такое надо карать смертью, я абсолютно согласен. Но не мучить. Пуля в голову - и все.

- Они считают, что этого недостаточно, - вздохнула Кэролайн. - Что полную гарантию окончательного уничтожения мага дает только сожжение.

- Суеверные идиоты, - фыркнул я. - Во время Последней Войны маги гибли самыми разными способами. Далеко не все из них сгорели.

- Да, но там была магия против магии. А вот из немагических средств КОБовцы считают надежным только костер. Но это, конечно, не отменяет того факта, что они - суеверные идиоты.

Она немного помолчала и добавила с усмешкой:

- А меня бы ты, значит, застрелил, если бы оказалось, что я и в самом деле с магией связана?

Я посмотрел на нее с испугом:

- Ты же не хочешь сказать, что...

- Нет, конечно же. Я ведь уже говорила, магия - враг науки, и я ненавижу ее еще больше, чем ты. Это был чисто теоретический вопрос.

- Ты не шути такими вещами!

- Это не шутка. Просто вопрос, что для тебя важнее - принципы или... личное.

- Личное? - повторил я с нехарактерным для меня смущением.

- Ну мы ведь уже не совсем чужие друг другу люди, разве не так?

- Так, - с готовностью согласился я. - Но это ведь не потому, что мне твоя мордашка нравится, хотя она у тебя и симпатичная - а потому, что я тебя как человека уважаю. А если бы ты и впрямь в колдуньи подалась, все бы уважение на этом кончилось, так что не было бы тут никакого противоречия. Конечно, застрелил бы без колебаний. И меня самого за то же самое застрелить надо было бы, и кого угодно. Никогда снова. Ни при каких обстоятельствах, ни ради каких благих целей. Разве не так?

- Конечно, так, - тут же согласилась Кэролайн. - Я рада, что ты так ответил. Никогда снова.

Мы попили воды - больше завтракать и в самом деле было нечем - и собрали вещи.

- Ну а теперь идем охотиться на картошку, - объявил я.

- Здесь есть картошка? - удивилась Кэролайн. - Или это прозвище какой-то твари?

- Нет, к северу отсюда до Войны действительно были обширные картофельные поля. Фермеры многих тогдашних графств в основном на ней и специализировались. Но, когда не стало ни магов, ни даже фермеров, картошку там стали жрать картофельные жуки, которые, кстати, вымахали в три-четыре раза. А здесь они не водятся, их тут самих жрут хищные черви, которым мясо подавай, а картошка им совершенно неинтересна. Вот она, какая осталась, и сбежала сюда.

- И она по-прежнему съедобна?

- Да. Не такая питательная, как раньше, но есть можно. Здесь-то ядовито почти все, а вот она, поскольку пришлая - нет. То есть клубни, понятное дело - ягоды-то у картошки и в нормальном мире ядовитые.

- И много ее тут? - спросила Кэролайн, оглядывая траву по сторонам.

- Ну... примерно как лебединых гнезд на болотах. То есть не на каждом шагу, но если постараться - найти можно. Ты вообще в курсе, как картофельная ботва выглядит?

- Вообще-то, нет. Я говорила - я не ботаник. И картошку только на тарелке видела.

- Ну ладно, тогда хотя бы на ямки всякие внимание обращай и на шевеление в траве. Это тут по-любому не лишнее.

Нам повезло - всего через час с небольшим пути на восток я заметил слева ямку и подозвал туда Кэролайн:

- Видишь?

- Это и есть нора пустошного крота? - с опаской спросила она.

- Нет, кротовые ходы овальные в сечении, а эта круглая. Пустошные кроты и впрямь больше на рыб, чем на кротов, похожи... а главное, ихний ход, да и любых других подземных тварей, далеко бы уходил, конца было бы не видно. А здесь просто ямка в земле и все.

- Тогда что это? Здесь росла картошка, которую кто-то выкопал? Тогда какой нам от этого прок? Рядом есть еще?

- Нет, - покачал головой я, присев на корточки возле ямки и трогая пальцем влажную землю. - Она сама выкопалась, причем совсем недавно. Возможно, нас почуяла. Людей они, по старой памяти, не любят.

- В смысле? - недоуменно спросила Кэролайн. - Ты про картошку или...

- Тихо! - я поднял палец и прислушался. В направлении, противоположном тому, откуда мы пришли, я уловил отдаленный, но все еще различимый шорох в траве, и выпрямился, вглядываясь. - Да вот же она!

Там, куда я указывал, трава шевелилась, но не так, как она шевелится обычно, когда сквозь нее пробирается какое-то животное. Сквозь неподвижные стебли двигался прочь от нас пучок зеленой ботвы. Скорость его была совсем невелика, так что мы догнали его в несколько шагов. Я наклонился, ухватил движущийся кустик за ботву и поднял, демонстрируя Кэролайн.

Ботва росла из большого бурого клубня, которых походил на обычную проросшую картошку с несколькими толстыми побегами внизу, похожими на короткие тупые щупальца, готовые со временем разрастись в новые клубни. Все они смотрели вниз, но росли несимметрично (кажется, ихнее число даже было нечетным), были разного размера и кончались короткими щеточками корешков - в общем, как оно обычно и бывает у картофелины, слишком долго пролежавшей где-нибудь в погребе.

Вот только все эти отростки медленно, но ритмично шевелились, словно переступающие ноги. Коими они, собственно, и были.

- Что это? - воскликнула Кэролайн с видом скорее брезгливым, чем заинтересованным.

- Бродячая картошка. Как по-латыни, не знаю, извини.

- Это вообще растение или животное?

- Растение, - заверил ее я. - А что тебя так удивляет? Даже и за пределами Пустошей многие растения умеют двигаться. Лианы там нащупывают себе опору, цветы поворачиваются за солнцем и открывают-закрывают лепестки, а те, что насекомых ловят, так даже и быстро это делают. Так что в таком вот преображении картошки нет ничего невероятного. Во всяком случае - это далеко не самое странное превращение в Пустошах. Тем паче, я ведь тебе уже рассказал, как она сюда от жуков сбежала.

- Я думала, ты имел в виду переносный смысл. Ну, как там обычно мигрируют растения - семена переносятся ветром, водой, животными...

- Нет, эта своими ногами пришла.

- Это действительно ноги? У нее есть какие-то внутренние органы? Есть... мозг?

- Нет, ничего такого. Ну то есть устройство чуть посложнее, чем у обычного клубня, но никаких мозгов точно нет. Через свои корешки она способна чувствовать опасность... видимо, через колебания почвы... а также насколько эта почва хороша. Ну и, выкапываться-закапываться, а также двигаться в одном направлении прочь от опасности - вот и все, что она умеет. Не особо много, на самом деле. Двигается, как видишь, тоже не сильно шустро. Но ей здесь не от людей бегать надо, люди сюда крайне редко забредают, и не от жуков даже, которых тут нет. Здесь ее главный враг - слизни, которые ботву жрут, а от них она уходит легко. Тоже их как-то чует, по запаху, наверно.

- Выглядит довольно мерзко, - неприязненно заметила Кэролайн. - Особенно когда шевелит этими своими... псевдоподиями. Знаешь, есть такие крохотные клещи, их без микроскопа не разглядишь, они в подушках живут, например. Вот прям точь-в-точь этот клещ, только у него ботва из спины не растет.

- Ну, значит, иногда вредно знать слишком много, - усмехнулся я. - Чтоб лишних ассоциаций в голову не приходило. На вкус-то она точно не как клещ - хотя, по правде говоря, никогда клещей не пробовал.

Клубень был такой большой, что нам хватило на двоих. Мы развели костер и испекли его в золе, причем поначалу он активно шевелился, и мне даже пришлось пихать его сапогом обратно, чтоб не выполз. Это Кэролайн тоже не доставило удовольствия - мол, только что обсуждали, какое варварство отправлять кого-то заживо в костер, и хотя это, конечно, не разумное существо и даже не животное... "Ну, - усмехнулся я, - ни мозга, ни сердца у него нет,

так что наносить удар милосердия некуда. И сочувствовать тоже некому. Это, по сути, то же самое, что отрезанная лягушачья лапка, которая дергается от электрического тока" - про этот опыт даже я знаю, да. "А как же ты говорил, что они людей не любят по старой памяти?" - припомнила Кэролайн. "Да это я иронизировал. Уходят, когда к ним что-то большое приближается, вот и все. Хотя, - задумался я, - ежели по логике, то и впрямь не любят. И не ненавидят. Потому что вообще эмоций не испытывают."

Потом нам, правда, повезло меньше - мы нарвались на стаю хомяков. Пустошные хомяки размером с кабана, имеют копыта, живут стаями и нападают на всех, кого увидят. Точнее - на всех, на кого им укажет вожак. Даже на заметно более крупных существ, рассчитывая затоптать их массой. Зубы у них развиты не особо, клыков вообще нет, они ведь даже не хищники, поэтому основной ихний метод атаки - это именно затаптывание. То есть сначала они заплевывают жертву ядовитой слюной, которую накапливают в защечных мешках, а уже потом налетают всей оравой и топчут копытами. Зачем они это делают - понять сложно, поскольку своих жертв они даже не едят. Ну то есть мясо они, в принципе, едят (хотя это не основная ихняя пища), но только всякую мелюзгу, которую могут засунуть в рот целиком, а откусывать куски от крупной туши устройство ихних челюстей не позволяет. Сказать, что охраняют территорию, тоже нельзя, поскольку они кочуют туда-сюда. В общем, одна только злоба без всякого здравого резона. Прямо как у людей, ага.

При этом они чрезвычайно упорны и атакуют, не считаясь с потерями. Лучший способ справиться с ними - убить вожака. Тогда они сразу теряют агрессивность и разбредаются мирно пастись, пока не появится новый вожак. Проблема в том, как понять, кто из них вожак. Сами-то они это знают прекрасно, а со стороны поди разбери, особенно когда вся стая мчится на тебя, топоча копытами. Это совсем не обязательно самый крупный, и уж тем более - бегущий впереди - наоборот, ихние вожаки чаще прячутся за чужими спинами. В общем, нам пришлось стрелять разом из трех револьверов (я извел восемь патронов и Кэролайн - пять), прежде мы его все-таки грохнули - причем я даже не знаю, кто из последних двух хомяков, убитых почти одновременно, был вожаком и кому из нас, соответственно, принадлежит честь финальной победы. От стаи к этому времени осталось меньше половины, и они, как водится, сразу утратили интерес и к нам, и к своим павшим сородичам - хомяки, в силу все того же устройства зубов, не каннибалы. Нам, однако, ихнее мясо тоже было бесполезно - у половозрелых хомяков, особенно самцов, оно обладает отвратительным запахом (и потому было ужасно жаль растраченных на них патронов). Зато запах ихней крови мог привлечь других желающих, так что мы побыстрее ушли оттуда. Но ушли не на восток, а на север, по следам хомячьих копыт, где я и обнаружил то, на что надеялся - ихних самок с молочными детенышами, что висели под брюхом у матерей, вцепившись в ихнюю длинную шерсть. В этом возрасте у них пальцы еще не срастаются и не затвердевают в копыта, ядовитые железы тоже не развиты, а главное - нет этого мерзкого запаха, так что хомячата вполне годятся в пищу. Шестерых мы забрали, чтобы съесть в этот день и закоптить на следующие, а еще пятерым, которые уже не влезли бы в рюкзак, я посворачивал шеи из принципа, чтобы не плодились эти злобные отродья (хотя, глядя на маленького миленького хомячонка, трудно поверить, какой тварью он вырастет - но я-то короткой памятью не страдаю). Самки не пытались ни сопротивляться, ни убежать - без вожака они не способны даже на это.

В общем, день, начавшийся ужасно, продолжился в итоге неплохо (если не считать излишнего расхода боеприпасов). До вечера мы нашли еще два клубня (правда, не такие большие, как первый), а на ночлег расположились не очень далеко от небольшого родника, воду из которого можно было пить даже без дистилляции (но и не совсем рядом, чтобы не встречаться с теми, кто может прийти на водопой ночью). На ужин у нас было мясо с картошкой, как в ресторане. В небе ярко сияла круглая луна, со стороны родника доносился негромкий плеск воды, в траве за пределами выжженного круга стрекотало что-то относительно безвредное, и можно было подумать, что мы на загородном пикнике где-нибудь в окрестностях

Аркэндэйла, а не в сердце Пустошей, за сотни миль от цивилизации, посреди руин уничтоженного мира.

- Интересно, почему в Пустошах, как ты говоришь, совсем нет людей, - задумчиво произнесла Кэролайн. - Почему никто не пытается здесь селиться. Ведь здесь же можно выжить. Сложно, но можно. Построить загон для картошки, чтоб не убегала, может, даже хомяков этих приручить... если, например, самцов вовремя кастрировать, как тех же боровов...

- Кому надо всем этим заниматься? - пожал плечами я. - Даже в лесах к северу от Лоурингвуда никто не селится, не говоря уже о пустынях к югу от Шмуртерсфорда - хотя формально это не Пустоши, тварей там нет, просто климат слишком суровый. После Войны осталось так мало людей, что им и в цивилизованных землях места хватает.

- Ну, тем же бандитам, например, за которыми в этих землях все охотятся. За ними, конечно, и в Пустошах охотятся, но если забраться достаточно далеко...

- Ха! - усмехнулся я. Все-таки, при всем своем уме, наивная она в свои 19 лет... - Бандиты - это ж не какие-то парни, которым просто не повезло, и вот теперь за ними все охотятся. Хотя, конечно, и такое тоже случается... Но обычно-то они не для того банки и дилижансы грабят, чтобы потом бродячей картошкой питаться. И в Пустоши они уходят не для того, чтобы там жить, а чтобы пересидеть самое горячее время, пока их активно ищут. А потом - если им это удастся, конечно - спокойно себе возвращаются, чтобы тратить награбленное. Ну не в том же самом графстве, конечно, которое их в розыск объявило, а в соседнем. И там их уже никто особо искать не будет. Ну, если только совсем уж не наглеть и не трепаться в салунах "да, я тот самый Скользкий Джим, который в Шмуртерсфорде банк грабанул и шерифа завалил" - хотя некоторым и такое, говорят, с рук сходило, потому как пьяный треп - не доказательство. А если взять себе другое имя и изображать приличного гражданина, так и подавно. Как думаешь, почему так?

- Ну, раньше фотографий не было, и отпечатков пальцев тоже - сложно было доказать, что это тот же самый человек.

- Это да, но даже и со всеми этими техническими новшествами каждое графство держится за принцип, что чужие законы ему не указ. И решение чужих судов тоже. С одной стороны, это хорошо - иначе по холинбрукским запросам людей бы жгли по всему Западу. И даже там, где законы одинаковы - скажем, грабеж и убийство везде преступление - любой продажный шериф или судья мог бы какие угодно дела фабриковать, и не было бы на них управы нигде, для всех бы ихние решения были обязательны. Поэтому да - "у нас преступником считается только тот, кого приговорил наш суд по нашим законам, а не ваш." А для этого мы должны сперва свое расследование с самого начала провести, все улики сами изучить, всех свидетелей заново допросить. Вы нам готовы все возможности для этого предоставить? Или сами начнете возмущаться, что-де наши правоохранители[20] хозяйничают у вас, как у себя дома? Но это все с одной стороны. А с другой... если бандит ограбил банк в Шмуртерсфорде, а награбленное тратит в Лоурингвуде, то в убытке от этого Шмуртерсфорд, а Лоурингвуд - в прибыли. Не какой-то один лоурингвудский шериф, которому, допустим, на лапу сунули, а весь городской бизнес. Вот и весь сказ. Вслух об этом никто, конечно, не скажет, и совсем уж внаглую укрывать чужих преступников не будет. Ну а ежели с соблюдением минимальных приличий, после того, как шум уляжется... Вот мы, бэдлэндеры, и нужны для того, чтобы этот финт не прокатывал. И не все нас, кстати, за это любят, среди добропорядочных бизнесменов в том числе.

- Да уж, - вздохнула Кэролайн. - В восточных княжествах, насколько я знаю, не так. Там единый порядок. Если тебя несправедливо обвинили в одном городе, ты не бежишь в другой, а подаешь апелляцию в вышестоящую инстанцию. Вплоть до самого князя, если понадобится.

- А кто тебе сказал, что князь не берет мзду с тех самых, на кого ты жалуешься? -

[20] В оригинале law enforcers

усмехнулся я.

- А зачем ему? Он и так богатый.

- Ох, Кэролайн... не родился еще тот богатый, который не хотел бы стать еще богаче. Хотя вот лично мне это непонятно. Я, когда награду за Билла Койота получил, купил себе было сдуру двухэтажный дом - ну, типа, круто же! - так уже через пару месяцев снова его продал. Зачем мне такой большой на меня одного? Только попусту из комнаты в комнату мотаться и по лестнице вверх-вниз. Никакого удовольствия - одно неудобство. Зачем мне десять стульев, если у меня только одна задница?

- Вот я бы всегда нашла, на что деньги потратить, - возразила Кэролайн. - Научные исследования требуют больших расходов.

- Ну, это да... вот только самые жадные люди на свете почему-то отнюдь не ученые, - подвел итог я.

Затем я отошел от костра в безопасную сторону "по вечерним делам", потом вернулся и улегся на одеяло, сразу же, как водится, начав засыпать. Кэролайн все что-то мешкала у меня за спиной, а потом вдруг спросила с неожиданным смущением в голосе:

- Майк, у тебя не найдется... чего-нибудь типа ваты?

Про вату я слышал, ее изобрели в восточных княжествах, но в наших аптеках я ее никогда не покупал - дорого, предпочитая обходиться традиционными перевязочными средствами.

- Есть корпия и бинт, - пробурчал я автоматически, ибо уже почти заснул, и только в следующий миг до меня дошел смысл вопроса: - Ты что - поранилась там в кустах?!

Хотя - какие кусты, нет ни "в безопасном направлении", ни вообще вокруг никаких кустов и вообще ничего, обо что можно пораниться... если только оно само не приползло или не прилетело!

- Нет, - прервала девушка эти мои мгновенные лихорадочные соображения.

- Плечо кровит? Сейчас новый пластырь налепим! - я сел на одеяле.

- Нет, в порядке плечо.

- Точно? Покажи! До утра с этим нельзя ждать!

Я заставил ее спустить рукав куртки и, насколько позволял свет костра и луны, осмотрел заклеенную ранку, а затем для верности потрогал пальцем - нет, свежей крови не было.

- Да все нормально со мной! - Кэролайн уже с раздражением вновь натянула рукав.

- А тогда зачем тебе корпия?

- Ну... надо.

- Ладно, вот в этом кармане рюкзака возьми. Только все не выгребай - может еще понадобиться, ежели, не дай Судьба, серьезная рана будет...

Я снова улегся, а она убежала в темноту "в безопасном направлении". Вроде ж ходила уже туда? Может, у нее понос, вот и стесняется сказать прямо? При поносе-то, когда часто подтираться приходится, бумагой это делать больно, вот и хочется помягче чего-нибудь. Но - с чего бы вдруг? Мы все время едим одно и то же, а с моим животом все в порядке, и руки она моет со всей тщательностью, как в своей лаборатории привыкла. Ну, может, натерла себе что-нибудь... все-таки мы не первую неделю потеем в одной и той же одежде, которую даже и выстирать-то нечем - воды хватает только для питья, а мыла - для рук...

Кэролайн вернулась, улеглась рядом.

- Точно ничего не хочешь мне сказать? - еще раз уточнил я.

- Только то, что ты зануда, - буркнула она.

- Лучше быть живым занудой, чем мертвым романтиком, - ответил я и с чувством исполненного долга уснул.

Наутро мы продолжили свой путь. Кэролайн ни на что не жаловалась, ее плечо (я снова проверил и наклеил новый пластырь) заживало успешно, и я больше не беспокоился о ее здоровье. Местность оставалась ровной, и идти было легко. Мы изловили еще пару картофелин,

обошли стороной огромную полуразложившуюся тушу пустошного сурка, из гниющих боков которой скалились черепа так и не успевших отпочковаться детенышей, видели одинокое хищное дерево, с шипастых ветвей которого свисали клочья чьей-то бородавчатой кожи и лохмотья замшевой куртки (не представляю себе, каким идиотом был ее былой владелец, подошедший так близко), а вечером добрались до водоема. Ну как водоема - это была скорее просто круглая яма, заполненная водой, которую и прудом[21]-то не назовешь, ярдов десять в диаметре и глубины тоже небольшой, судя по торчавшим прямо из середины стеблям тростника (не такого, как на солончаковых болотах, более толстого и прочного, но все равно явно не уходившего на многие ярды вглубь). Вода там была не пресная, а солоноватая, но в принципе пригодная для питья даже без дистилляции - хотя мы-то, конечно, применили нашу очистительную установку. После того, как мы напились и заполнили наши фляги, Кэролайн спросила, можно ли здесь помыться и постирать одежду. Я ответил, что с берега полоскать вещи можно, но самой залезать в эту воду не стоит, ибо в таких вот лужах часто встречаются пиявки, прогрызающие себе путь под кожу (причем так, что жертва даже не замечает этого, пока пиявка не окажется в ее вене или артерии), а также зубастые панцирные головастики, у которых одно только туловище с мой кулак, не считая хвоста.

- Это какие же из них лягушки вырастают? - спросила Кэролайн с невольным уважением.

- А никакие, - ответил я. - Они лягушками не становятся, так головастиками и помирают. Но они в глубине обычно плавают, на поверхность не поднимаются, так что рукой с берега воду черпать можно спокойно.

- Ну ладно. Тогда ты отойди пока, а я тут... постираюсь. А потом ты, если хочешь.

- Намек понял. - усмехнулся я. - Оба намека, - к своему запаху привыкаешь, но, само собой, мне мытье и стирка тоже давно уже были не лишними. - Но я недалеко все-таки. Вон за теми кустиками буду, - кустики были колючие, но в целом безобидные, и, ежели не стоять, а сидеть за ними, полностью закрывали обзор. - А ты тоже бдительности не теряй. Из воды тебя вряд ли что схватит, а за сушей следи. И если что - сначала зови меня, а потом уже думай о приличиях, поняла? Правило Номер Один.

Но, по правде, я сказал это для порядка. Ровная местность и хорошая видимость вокруг не сулили сюрпризов, ядовитые слизни держатся подальше от соленой воды, а те же гнусные бабочки не садятся на движущегося человека. Так что я спокойно расположился за кустами, удостоверился, как положено, в безопасности почвы от "гостей" снизу, развел костер и принялся готовить ужин - копченое мясо у нас уже было, оставалось сварить в котелке картошку. Для этого даже не нужно было дистиллировать воду - ее соленость была тут как раз к месту.

Вскоре в котелке забулькало, а со стороны пруда (если все же признать за ним право на это гордое наименование) доносился негромкий плеск. Я почти расслабился и чуть было не пропустил момент, когда к этим мирным звукам прибавился еще один, куда менее приятный. Низкое нарастающее "зззззз..."

Когда я понял, *что именно* слышу, то тут же вскочил на ноги, рывком расстегивая пояс с бесполезными револьверами. И в тот же миг закричала Кэролайн.

Я не увидел ее через кусты - очевидно, она не стояла в полный рост - но пока еще это был крик испуга, а не боли, и у меня хватило здравомыслия не рвануть к ней прямо сквозь кусты (которые разорвали бы не только мои брюки, но и, что самое главное, мою кожу под ними), а обежать их вокруг Это заняло лишь несколько секунд, и я увидел девушку. Она сидела на корточках на берегу у самой воды спиной ко мне. На ней была надета рубашка, но ниже - совсем ничего. И на земле под ней я увидел какую-то белую ткань с темно-красным пятном.

Все-таки понос, да еще и кровавый?!

Думать об этом было некогда. Потому что на испуганно застывшую в этой нелепой позе

---

[21] В оригинале pond. Перевод "пруд", строго говоря, некорректен, когда речь о водоеме естественного происхождения, но правильного термина в русском просто нет.

Кэролайн уже опускалась с низким гудением темная туча, не имевшая никакого отношения к погоде. Та самая, что некогда сожрала Билла Койота - и далеко не его одного.

Все, что я еще успел сделать на бегу - это швырнуть на землю пояс с револьверами. А потом с разбегу налетел на Кэролайн, сталкивая ее в воду и валясь туда вместе с ней.

К счастью, берега у этой ямы были крутыми, так что мы сразу ушли под воду с головой. Я успел зажать девушке рот и нос, чтобы она не наглоталась воды от неожиданности; Кэролайн испуганно мыкнула сквозь мою ладонь, но затем, очевидно, сообразила, что я делаю. Я ухватился правой рукой за стебель тростника, толкнул нас обоих дальше вниз, зажал стебель ногами в сапогах уже возле самого дна (там было чуть больше двух ярдов глубины), затем, освободив правую руку, развернул девушку к себе. В момент падения в воду она крепко зажмурилась, но теперь догадалась открыть глаза. К счастью, наш прыжок не взбаламутил никакой ил, и мы хорошо (насколько это возможно под водой без стеклянной маски) видели друг друга, а также дно и растущие оттуда стебли тростника. Я прижал палец к губам, показывая Кэролайн, что она должна задерживать дыхание, потом указал пальцем вверх и отрицательно покачал ладонью перед ее лицом - туда нельзя! Об этом, впрочем, она могла уже догадаться и сама, судя по тому, как под водой быстро становилось темнее. Солнце скрылось за тучей, да. Плотной тучей кровожадных мух, или что там они такое на самом деле, барражирующих уже над самой водой в ожидании ускользнувшей от них добычи. Им, конечно, надоест, и они улетят. Минут через пять-десять. А мы не можем даже на пару секунд высунуть нос на поверхность, потому что они сразу же вцепятся, и хотя само по себе это будет еще не смертельно, но это будут новые кровавые раны, которые подскажут им, что улетать никуда не надо.

Если бы наш шланг для дистилляции остался на берегу! Я бы вынырнул, схватил его конец и нырнул обратно. Пусть бы меня слегка покусали, но потом мы бы могли сидеть под водой сколько угодно, передавая шланг друг другу. Но я оттащил шланг к месту стоянки за кусты вместе с котелком и убрал его в рюкзак. Бежать туда и доставать его слишком долго и для меня на суше, и для Кэролайн под водой. Но, наверно, другого выхода все равно нет. Ее покусают не сильно, если она будет выныривать лишь на миг, чтобы сделать вдох, а я... ну, как-нибудь... главное - защитить глаза...

Я показал ей, чтобы держалась руками за тростник, не позволяя себе всплыть. И тут до меня дошло. Тростник! Ну конечно же! Едва Кэролайн ухватилась за него, я вытащил нож (хорошо, что хотя бы он не остался на берегу после резки картошки!) и принялся яростно пилить соседний стебель. Он поддавался не так легко, поскольку вода замедляла движения. Еще... еще... есть! Я вывернул шею, сунул верхний срез неуклюже шевельнувшейся длинной тяжелой трубки в рот и попытался выдохнуть уже мучительно рвущийся из груди использованный воздух. Хрен там! Ну конечно - стебель не сквозной, каждое коленце отделено перегородкой. Значит, надо перепилить еще в одном месте! Сумею ли я продержаться еще столько без воздуха? И сумеет ли Кэролайн? Или все-таки вынырнуть за единственным глотком воздуха?

Я сумел. Когда грудь уже отчаянно пульсировала, тщетно имитируя отсутствующее дыхание, и каждая ее мышца, казалось, орала - "воздуха! ВОЗДУХА!! ПРЯМО СЕЙЧАС!!!" - я высунул над водой второй конец полой трубки длиной в одно колено и выдохнул в небо такой фонтан, что, наверно, киты могли бы позавидовать (хотя, по правде говоря, китов я видел только на картинках), а потом втянул в себя столько воздуха, что заболела грудь, и тут же, ухватив голову Кэролайн за волосы, подтащил к трубке ее. С минуту, наверно, мы дышали по очереди, а потом, когда мой пульс и дыхание пришли в норму, я уже спокойно срезал себе вторую трубку.

Мухи оказались упорными. Некоторые из них даже пытались залезть в дыхательные трубки, но резкий выдох сгонял их. Прошло, наверно, минут пятнадцать, прежде чем под воду снова проникло незакрытое ими солнце. И еще минут пять мы просидели под водой просто на всякий случай. Но, наконец, все-таки выбрались на берег.

Про пиявок я и думать забыл, но нам повезло - в этой луже их, похоже, просто не было. Головастики нас тоже не тронули.

Осмотрев и ощупав себя на предмет присосавшихся гадов, я подобрал и застегнул свой пояс с револьверами. Затем повернулся к Кэролайн. Она, наконец, вспомнила, в каком она виде, и теперь торопливо натягивала штаны прямо на мокрые ноги. Просить отвернуться она меня уже не стала, да я бы и не послушался. Мои облегчение и радость быстро перерастали в гнев.

- А теперь, - отчеканил я, - объясни мне, какого хрена ты мне соврала.

- Когда? - буркнула она.

- Когда сказала, что с твоим здоровьем все нормально!

- Так и есть!

- Да? И откуда же тогда эта кровь? - я обвиняющим жестом ткнул во все еще валявшийся на берегу бинт.

- Тебе нужен буквальный ответ на этот вопрос? - окрысилась она.

- Кэролайн, я с тобой не шутки шучу и не в игрушки играю! Ты понимаешь, что мы оба только что чуть не погибли из-за того, что ты скрыла от меня правду о своем кровотечении? И это не говоря уже о причине, которая его вызвала! Мухи-то улетели, а вот болезнь сама не пройдет! Если это кровавый понос...

Теперь она уже уставилась на меня не с раздражением, а как на полного идиота.

- Майк? Тебе сколько лет?

- Сорок три, я ж тебе говорил. При чем тут это?!

- И ты правда не знаешь?

- Что я должен знать?!

- Ну... что бывает... у женщин.

- Откуда мне знать, что бывает у женщин? У меня ни жены, ни сестры, ни матери никогда не было.

- Ну... - пробормотала Кэролайн, - матери и сёстры, наверно, мальчикам о таком и не рассказывают... В общем, короче...

И она мне объяснила.

Только теперь я окончательно понял, почему женщин не берут в Пустоши. Никто - даже караванщики с кучей охраны.

Ну то есть, наверно, это все же не единственная причина. Но точно одна из главных.

О-ох, во что ж я ввязался-то...

- И это теперь каждый месяц? До самой старости?

- Ну, - криво улыбнулась она, - мне еще, можно сказать, повезло - у меня цикл длиннее, чем в среднем. 33 дня. Так что не каждый месяц, но почти.

- А нам идти еще месяца четыре, ну, три с половиной, если повезет... Но хотя бы сейчас оно кончилось?

- Нет пока. Еще три дня будет длиться. Причем эта кровь, в отличие от той, что в плече, не сворачивается.

- Ну ладно, сейчас-то солнце садится уже, а после заката эти твари не летают. Да и то - они не единственные кроволюбы, хотя и самые опасные. А вот дальше... бинт и корпия еще есть, но такими темпами... особенно если они и для другого понадобятся... А никак нельзя это прекратить?

- Увы, - печально покачала головой Кэролайн. - Было б можно, все бы женщины так делали. Приятного в этом ничего нет, уж можешь мне поверить.

- Ну, может, хотя бы на время?

- Нет, - снова ответила она, но от меня не укрылась крохотная пауза перед ее ответом.

- Точно? - прищурился я. - *Теперь* ты от меня ничего не скрываешь? Правило Номер Один!

- Ну, - сердито ответила она, - теоретически есть один способ, но им я пользоваться точно не буду!

Я помрачнел еще больше.

- Ты хочешь сказать, что это какое-то магическое заклинание? И ты его знаешь? - вот вам и тест на тему "никогда снова, ни ради какой благой цели", подумал я. Легко рассуждать теоретически... - Впрочем, без магических способностей оно все равно...

- Нет! - перебила Кэролайн уже с откровенной злостью. - Это беременность!

- М-да, - сказал я после паузы. - Это и впрямь не вариант.

Само собой, о том, чтобы повернуть назад, тоже не могло быть и речи. Обдумав ситуацию, мы решили, что самым правильным для нас будет с приближением "этих дней" (хорошо хоть, что они не наступают неожиданно) подыскивать себе какое-то более-менее закрытое убежище, по возможности укреплять его так, чтобы ни одна тварь - ни мелкая, ни крупная - даже если что и учует через вентиляцию, не могла бы пролезть внутрь, и сидеть там четыре дня, пока все не кончится. Ну то есть сидеть безвылазно должна Кэролайн, а я в это время могу ходить на охоту и за водой, если не удастся запастись заранее. Кэролайн назвала это "кровавыми каникулами".

Конечно же, "отыскать надежное закрытое убежище" - это в Пустошах проще сказать, чем сделать. Чем могут быть чреваты Мертвые города и даже отдельно стоящие дома, я уже говорил. А какой-нибудь самостоятельно сооруженный шалаш (и поди еще найди, из чего его соорудить!) не обеспечит ни непроницаемости, ни прочности. Вообще-то, самым простым вариантом была бы обычная палатка, но бэдлэндеры чаще всего их с собой не носят, я тоже обычно не ношу. С одной стороны, она достаточно тяжелая и занимает в рюкзаке много места (плюс еще два длинных стержня, на которых она держится), а с другой - не способна защитить ни от каких тварей, кроме самых мелких, но при этом напрочь закрывает обзор изнутри и не позволяет вовремя заметить приближающуюся опасность. Зато, конечно, в палатке намного комфортнее пережидать непогоду, и в период осенних дождей или зимних метелей лучше все-таки ее брать - но я-то отправился в Пустоши летом и рассчитывал вернуться через несколько дней...

Ну а кто сказал, что будет легко? Кто ищет легкой жизни, не идет в бэдлэндеры. Да и вообще, как выяснилось, минимум у половины человечества жизнь и за пределами Пустошей не сахар.

- Бедные вы, женщины, - искренне посочувствовал я. - Я-то думал, вам только по-маленькому ходить неудобно. А тут еще и вон чего.

- Да, очень неразумно устроенная конструкция, - вздохнула Кэролайн. - Меня это, если хочешь знать, именно как ученую особенно возмущает. Как композитора бесила бы фальшивая нота, а поэта - неумелая рифма. Надеюсь, когда-нибудь наука сумеет это исправить, но пока... Причем, ведь большинство других млекопитающих, не говоря про прочих животных, без этого прекрасно обходятся, а вот люди... В человеке вообще очень многое надо переделать. Что характерно - маги даже не пытались! То есть плодить монстров они были горазды, а вот улучшить нормальных людей...

- Им это было не нужно, - усмехнулся я.

- Именно! Они хотели, чтобы люди оставались слабыми и несовершенными - и тем самым целиком зависели от их милости и не смели и не могли бросить им вызов.

- Угу. Родители вот тоже такие бывают. Ну, мой-то папаша не из таких был, ты знаешь, но доводилось слышать чужие истории... даже вот бандит один мне рассказывал, которого я поймал и на суд вел - он знал, что его повесят, и решил хотя бы передо мной исповедаться, раз уж больше не перед кем. И по его словам выходило, что в бандиты он именно из протеста против таких родителей подался, а так-то из приличной семьи был, не бедной даже... И знаешь, что самое поразительное в подобных вот тиранах? Это у них не обязательно жестокость и жажда

власти - во всяком случае, с ихней точки зрения. Это у них, типа, любовь! Ведь чем кто-то беспомощней и чем больше от тебя зависит, тем больше у тебя поводов проявлять свою о нем заботу! Лучше всего вообще отрезать ему руки-ноги и с ложечки кормить... не дай Судьба, кто-нибудь из них и впрямь до такого додумается...

- Да уж, - вздохнула Кэролайн. - Любовь должна быть к свободе. К знанию. К своему делу. А к человеку должно быть уважение, равного к равному. Чтобы даже желания не возникало смотреть на него ни сверху вниз, ни, что не менее важно, снизу вверх! А если любовь ограничивает свободу, хоть чужую, хоть твою, то она зло, не имеющее права на существование.

- Истинно так, - согласился я.

Ночью, словно в ответ на мои мысли о палатке, пошел дождь - не то чтобы сильный, но явно затяжной, спать под которым, прямо скажем, даже в августе совсем никакого удовольствия. Пришлось просыпаться и сооружать мою предельно облегченную версию палатки - растягивать под углом кусок брезента, одна сторона которого цепляется на те два штыря, на которые я обычно вешаю котелок, а другая просто прижимается к земле камнями или любыми достаточно тяжелыми предметами (неплохим вариантом являются фляги, укладываемые под углом отрытыми горлышками вверх, так что вода стекает по брезенту прямо в них - правда, у нас они уже и так были наполнены). Если не слишком холодно, то куртку можно повесить, натянув концы ее рукавов на стержни, в качестве дополнительной стенки от задуваемых ветром капель. Когда я один, то сворачиваюсь под этой маленькой крышей почти целиком, так, что наружу высовываются только ступни (в сапогах или без, в зависимости, опять-таки, от температуры). Но вдвоем, даже тесно прижавшись друг к другу, мы могли лечь лишь так, что ноги торчали наружу почти на всю длину. Ну, лучше ноги, чем голова.

Утром дождь все еще шел, и я принял решение идти дальше. Насекомые в дождь не летают, а устраивать "кровавые каникулы" на берегу спасшего нас прудика не имело смысла. В случае чего, конечно, туда снова можно было бы нырнуть с уже готовой трубкой для дыхания, но уж больно неудобным был такой вариант убежища. А сидеть целый день по пояс в воде, маскируя запах крови, было бы слишком холодно - более глубокий пруд прогревался не так хорошо, как болота, тем более в такую погоду (да и неизвестно еще, действительно ли там совсем не было пиявок и головастиков). Закопаться под землю Кэролайн тоже не могла - там кроты. Уж лучше было пока что тратить больше перевязочного материала на, гм, затычки (и, понятно, менять их только в темное время суток) и добавлять к ним вонючую мазь, которая бесполезна против этого вида кровотечения, но хотя бы способна перебивать запах. А с водой после затяжного дождя у нас в ближайшие дни проблем не ожидалось.

Хотя нудный сеющийся дождь и не выглядел лучшей погодой для прогулок, идти под ним было, в общем-то, несложно - почвы в этих местах пусть и не настолько сухие, как к западу от Трещины, но и не настолько жирные, чтобы под дождем превращаться в непролазную грязь. По сравнению с жарой это было, пожалуй, даже приятнее. Мешались только ядовитые черви, которые, как водится в такую погоду, полезли из-под земли пачками, так что в иных местах это напоминало фарш, выдавливаемый из мясорубки. С тою разницей, что большинство из них были толщиной в палец, попадались и с сардельку, а отдельные экземпляры могли быть и с руку. Ничего особо страшного в них нет, в хорошей обуви их можно просто топтать (исключая самых крупных, достающих выше голенища), но все равно неприятно, когда они чавкают под ногами, а обувь потом приходится отчищать. По возможности мы старались огибать места, где их было слишком много. Ну а где черви - там и желающие поживиться ими клювастики, и вот это уже более неприятно. Хотя ростом они не больше ярда и летать не способны, но бегают на своих двух голенастых ногах со скоростью хорошей лошади, а удар ихнего тяжелого клюва переламывает человеческую берцовую или бедренную кость, как спичку. Клювастик - это вообще, по сути, огромный клюв на ножках. Когда видишь его впервые, не можешь поверить собственным глазам - где же помещаются внутренние органы? А вот там же, внутри клюва, и

помещаются. По сути, это такой гибрид клюва и панциря. Пуля его, в принципе, пробивает (на короткой дистанции и если не срикошетит), но на них всех патронов не напасешься - однако черви интересуют их куда больше, чем люди (вероятно, мясо без яда кажется им слишком пресным), так что самая разумная стратегия - просто смотреть в оба (не только вперед, но и по сторонам, и назад - ну и слушать тоже, они довольно громко топают) и, если какой-то из них несется на тебя, просто уступать ему дорогу. И это, кстати, еще одна причина не топтать червей - чтобы запах ихнего яда на твоих сапогах не привлекал клювастиков.

Дождь то прекращался, то снова начинал накрапывать, и так до самого вечера, окончательно иссякнув лишь на закате, хотя небо и тогда оставалось пасмурным. Ничего съедобного мы в тот день не нашли, даже картошка куда-то свалила, но у нас еще оставались предыдущие запасы. Однако разжечь костер и, тем более, выжечь безопасный круг, имея в своем распоряжении лишь мокрую траву, было делом практически нереальным, так что мы продолжали путь и после заката в поисках чего-то более подходящего. Нам повезло - еще до того, как совсем стемнело, мы обнаружили мертвое хищное дерево, задушенное лианой-кровохлебкой. Интересно, что хищные деревья, с легкостью убивающие практически любое крупное существо, подошедшее к ним достаточно близко, совершенно беспомощны против лиан. Ну то есть они могут разорвать лиану на куски своими шипами, но из каждого куска вырастает новая лиана. Разумеется, задушив (или, точнее, высосав) хищное дерево, лиана погибает сама, но разве ее это волнует?

Убедившись со всеми необходимыми предосторожностями, что оба участника этих убийственно-самоубийственных объятий уже мертвы, я достал топор. Потрудиться пришлось изрядно, что после целого дня пути не доставило мне большого удовольствия, но зато сухая древесина из сердцевины горела на ура, и траву вокруг, хотя она трещала, не хотела заниматься и давала жуткое количество дыма, мы тоже выжгли, как полагается. Поужинав нашими припасами, мы легли спать возле костра.

"Майк!" - разбудил меня испуганный голос Кэролайн посреди ночи.

Я мгновенно открыл глаза и схватился за револьвер. Вокруг, освещенные светом костра и луны, как раз выглянувшей через прореху в облаках, стояли безмолвные фигуры. Они были человекоподобные, но ихние длинные руки свисали почти до земли и кончались огромными кистями, где пальцы срослись попарно в трехпалую клешню. Ихние практически бесформенные головы, лишенные, как и все тело, какой-либо растительности, пересекали толстые горизонтальные складки морщинистой кожи. Из-под нижней такой складки, тускло блестя в отсветах костра, скалились в вечной улыбке крупные зубы. Есть ли где-то в глубине этих складок глаза, при таком освещении видно не было. Твари стояли совершенно неподвижно, окружая нас и костер аккурат по границе выжженной травы.

- А, эти, - зевнул я и положил револьвер. - Просто не обращай внимания. Они не войдут в круг.

- Это я их притягиваю? - спросила Кэролайн дрогнувшим голосом.

- Нет. Помнишь, я тебе рассказывал о тварях, которых огонь не отпугивает, а привлекает, - но вплотную к нему они не подходят? Вот это как раз одна из разновидностей.

- Они опасны?

- Говорят, если застрелить одного, остальные набросятся. Но я этого, по понятным причинам, не проверял. А если их не трогать, перед рассветом они просто уйдут. Я однажды в молодости просидел всю ночь, когда они стояли вокруг почти вплотную. Там не было травы, чтобы сделать круг из пепла - только сухая земля, из которой росли редкие кусты с толстыми ветками. Вот таких веток для костра я наломал, а больше защититься было нечем. И про них я тогда еще не знал даже. Просыпаюсь ночью - а они стоят всего-то ярдах в трех от меня. Хорошо, что не впал в панику и не стал палить - всех бы все равно перестрелять не успел. Сообразил, что они стоят и ближе не подходят. Так вот и сидел до самого рассвета, не смыкая глаз и чуть ли не в

самый огонь вжимаясь, едва всю спину себе не сжег. Теперь уже понимаю, что мог бы просто спать дальше. Хотя, по правде говоря, даже если б мне тогда это объяснили, хрен бы я заснул в таком окружении... Но ты спи, не беспокойся. Сейчас до них не три ярда, а десять.

- Ты говоришь, их костер приманивает. А если его погасить, они уйдут?

- Ты хочешь поэкспериментировать?

- Нет!

- Вот и я не хочу, - я подбросил дров в костер - Вообще-то, они нам даже полезны. Пока они тут, другие ночные твари не сунутся. Так что пусть стоят.

- Это ведь... бывшие люди?

- Не знаю, - пожал плечами я. - Может быть. Как, возможно, и многие, кого мы уже встречали. Если и да, ключевое слово тут - не "люди", а "бывшие".

Не знаю, как скоро заснула в такой компании Кэролайн, а лично я сразу. Утром мы еще некоторое время оставались возле горящего костра с охапками сырой травы наготове - на случай, если все принятые меры окажутся недостаточными и кроволюбы все-таки прилетят. Дым - далеко не такое надежное средство от них, как вода, но все-таки хоть что-то. Но, к счастью, никакой угрозы с воздуха так и не появилось, так что мы зашагали дальше, пока было еще прохладно. С утра было облачно, но к полудню небо совершенно очистилось, и вновь начало припекать. На нас выползла пятифутовая трехголовая змея, которую я и прикончил броском топора, не тратя патроны. Интересно, что, хотя мозги у трехголовых змей есть во всех головах, ядовита только одна, которая убивает добычу, но сама никогда не ест. Ее пасть даже не имеет выхода в общий пищевод. Едят две другие, чьи челюсти устроены совсем не как у нормальных змей и способны пережевывать добычу (обычно эти две головы рвут ее на куски, тяня в противоположные стороны). Поэтому, если обычные змеи охотятся лишь на тех существ, которых могут заглотить целиком (а всех прочих жалят только в порядке самообороны), то трехголовые атакуют и тех, кто намного крупнее их самих, и по причине своей малой заметности в траве представляют нешуточную опасность. Собственно, это одна из главных причин, по которым по этим местам не следует ходить по ночам, да и днем надо смотреть под ноги. Желудок, понятно, у трехголовки общий (как и все прочие органы ниже того места, где сходятся шеи), но все же на месте ядовитой головы мне было бы обидно, что всю работу по добыче пищи делает она, а едят при этом другие.

Ну а на вкус трехголовка ничем не хуже нормальной змеи или того же хвоста василиска.

Это, кстати, не единственная опасная змея, обитающая в этих местах (хотя безопасных змей в Пустошах вообще не бывает). Позже мы вышли к водоему, представлявшему собой нечто среднее между длинным и узким озером и заросшим ряской болотом (на самом деле это была старица - остаток реки, протекавшей здесь в довоенные времена). Я предупредил Кэролайн, что там нельзя не то что окунаться, но даже мыть ноги или руки, потому что в таких местах очень любят плавать прячущиеся под ряской пустошные удавы. Они, на самом деле, не так уж велики - максимум пара ярдов (обычно меньше), не чета тем гигантским удавам, что, если верить "Аркэндэйлскому курьеру" (воскресное приложение "Для любознательных"), обитали в реках Южного континента еще до Войны. Однако у них вдоль всего тела, причем не по спине, а сбоку, тянется острый гребень, состоящий из отдельных костяных зубцов. И если обычный удав просто душит свою жертву, обвиваясь вокруг нее кольцами (и опять-таки не нападает ни на кого настолько крупного, чтобы его нельзя было заглотить), то пустошный режет ее на куски, как пилой. Размер, таким образом, тоже не является для него препятствием, Человека он может без проблем перепилить пополам, а уж руку или ногу отхватывает меньше чем за минуту - причем большую часть этого времени тратит на кость, а плоть над ней рассекает вообще в одно движение. Так что ночевали мы на сей раз как можно дальше от водоема - они же и на берег выползают легко.

Ночью нас никто не беспокоил, если не считать каких-то заунывно ухавших птиц (а

может, и не птиц), но к костру они не приближались. Утро следующего дня (последнего в этой "кровавой серии") встретило нас туманом - к счастью, не Тем Самым, а самым обыкновенным. Ну, конечно, в траве за пределами выжженного круга кто-то невидимый шуршал, и даже довольно неприятно хлюпал и чавкал, но к нам не совался. Когда туман развеялся, мы увидели неподалеку от нашей стоянки широкую полосу примятой травы, блестевшей не от росы, а от какой-то липкой слизи, но, понятное дело, не пошли по этому следу. Вряд ли то, что его оставило, было съедобно, а вот его собственные кулинарные вкусы были неизвестны даже мне. К счастью, след загибался к северу, а нам нужно было на восток.

Пару часов спустя (раньше, чем я рассчитывал - выходит, мы набрали хороший темп) мы вышли к Исчезнувшему городу.

- Почему он исчезнувший? - спросила Кэролайн, глядя на белевшие впереди справа здания, от которых тянулись все еще по-утреннему длинные тени. - Вот же он! И даже совсем не выглядит разрушенным. Если бы я не знала, что мы в Пустошах, я бы подумала, что это самый обычный город, вот только почему-то в девять утра на улицах никого нет... ну, может, отсыпаются после какого-нибудь карнавала...

- Вот-вот, - кивнул я. - Выглядит, как новенький. Пятьдесят три года спустя. Ни улицы травой не заросли, ни на балконах никто гнезд не свил - хотя мы уже не в пустыне, вокруг какая-никакая жизнь. А Исчезнувший он по двум причинам. Во-первых, по всем довоенным картам он должен находиться не здесь. А в ста семидесяти милях к югу. Слишком далеко, чтобы объяснить это хоть какими ошибками картографов - и даже сдвигами земной коры во время Войны. Но на том месте теперь ничего нет, болото одно. А город здесь, вместе со всеми своими подвалами и подземными туннелями. А во вторых, все его жители просто исчезли. Не превратились в камень, в песок, в бескостное желе или даже в тварей - просто исчезли, и все. Одежда осталась - на улицах, в домах, где на мебели, где на полу. Вся целая, застегнутая и зашнурованная, так что вылезти из нее нельзя было. Предметы там всякие, кто какие в руках держал. А от тел - никаких следов. Что с ними стало - никто не знает; когда это произошло - до переноса города, во время или после - тоже неведомо. Не похоже, по крайней мере, что кто-то из них успел испугаться или какой-то знак оставить - ну, тут им сильно повезло по сравнению с жителями многих других городов, того же Костяного или Утонувшего...

- То есть люди после Войны там бывали и его обследовали, - сделала вывод Кэролайн. - Я уж подумала, не оптическая ли это иллюзия.

- Нет, город вполне реальный, в него можно войти и даже выйти. Легенды гласят только, что оттуда ничего нельзя брать. Потому-де город и выглядит таким нетронутым. А всех мародеров, которые на этот запрет наплевали и пытались там поживиться, больше никто никогда не видел ни живыми, ни мертвыми. Есть даже история про трех бэдлэндеров, которые преследовали троих бандитов. И вот те будто бы в этом городе отсидеться решили, но бэдлэндеры их выследили. И двое поначалу вроде как заходить не хотели - дескать, город и сам с ними справится, а третий им говорит - да байки это все, а нам свою награду получить надо. Вообще-то три человека в целом городе очень хорошо спрятаться могут, и своих преследователей из засады перестрелять, так что, может, вовсе и не в суевериях было дело, но, так или иначе, третий своих товарищей уломал-таки внутрь идти. Ну и, опять-таки, по следам в пыли довольно быстро они первого бандита отыскали. Мертвого. Только никакой мистики тут не было - в голове у него дыра от пули была. Потом и со вторым та же история. Ну ясное дело - бандиты из-за добычи передрались, бывает. Стали искать третьего. И нашли. В точно таком же состоянии. В руке револьвер, в виске дырка. На лице - гримаса неописуемого ужаса. Вроде как предпочел он сам застрелиться, нежели... а что "нежели", неизвестно, но уж очень оно его напугало. А рюкзак и все карманы его забиты не долларами, которые эта троица сперла - их, кстати, так и не нашли - а золотом и серебром довоенной чеканки, перстнями и ожерельями всякими - ну ясно, все из этого города. Ну и, два бэдлэндера на это посмотрели и говорят -

ладно, бандиты свое получили, а мы отсюда ничего брать не будем, идем-ка прочь поскорее. А третий уже малость свою уверенность подрастерял, но все же говорит им - ладно, ценности здешних мертвецов трогать не будем, но уж пальцы-то бандитов надо отрезать, это-то наша законная добыча, а без нее нам награды не дадут. Ну и вышел у них спор, мол, сказано "ничего нельзя отсюда брать" - значит, НИЧЕГО, без всяких исключений. А он им - ну и валите, трусы вы суеверные, тогда я вашу долю награды себе возьму, все по закону, три пальца предъявлю - за три и получу, делиться с вами не стану. Ну, они и ушли, а он задержался у бандитов пальцы отрезать, а потом тоже пошел. Выходит из города, живой и целый - этих двоих нету. Стало быть, и впрямь ушли, даже полчаса его не подождали. Ну и хрен с вами, думает, и один домой дойду. Шел-шел, солнце село, он заночевал, с утра туман, прямо как сегодня, а как туман развеялся и он дальше зашагал, глядь - опять к Исчезнувшему городу выходит! Думает - неужто я мог так заплутать? Небо пасмурное, солнца не видно, вот, наверно, и сбился, у правой ноги шаг больше, чем у левой, надо теперь по компасу идти... Ну, дальше, думаю, понятно. Уж как он только ни ходил, и по компасу, и по ориентирам, и нарочно в другую сторону, а только всякий раз к Исчезнувшему городу возвращался. Пока, наконец, не додумался вернуть отрезанные пальцы каждому из мертвецов, уже к тому времени изрядно подгнивших. И только после этого его отпустило, и он благополучно до дома добрался. И то лишь потому, что брал только пальцы бандитов, а если б сокровища горожан - точно бы сгинул с концами. А с теми двумя парнями он потом встретился, они оба клялись, что ждали его за городом три дня, но он так и не появился, а возвращаться искать они уже не рискнули...

- И ты веришь в эту байку? - скривилась Кэролайн.

- Ну, - ответил я с глубокомысленным видом ярмарочного простака, - лично мне ее рассказывали минимум три раза, и всякий раз рассказчик клялся, что слышал ее лично от того самого бэдлэндера. Да только в одном рассказе его звали Джон, в другом Джек, а в третьем Джим. Так что, конечно же, вранье это все, - подвел итог я, выходя из образа. - А знаешь, кто такие байки распускает - ну, точнее, распускал? Да реальные мародеры, которым нужно было конкурентов отпугнуть. Ну то есть сейчас-то это все уже неактуально, давно все разграблено, и в этом городе в том числе, а старые байки просто по инерции пересказывают - а вот лет сорок и даже тридцать назад очень даже актуальная была тема. Говорят - ну, чаще шепотом, конечно - что семейство Харлингтонов - ты, наверно, даже в своем Холинбруке о них слышала - сделало свое состояние именно на этом. До Войны-то Томас Харлингтон, отец Руперта, коров пас... В самом-то по себе мародерстве в Мертвых городах ничего плохого нет, покойникам все равно уже ни к чему. Это только слово такое осуждающее - "мародеры". Некоторые настаивали, чтобы их называли "искатели" или "собиратели", но не прижилось. Есть мнение, что осуждение это - от зависти трусливых обывателей к отважным парням, которые решались идти за добычей в Мертвые города в те годы, когда еще ни толковых карт Пустошей не было, ни про тварей почти ничего не знали, да и самих тварей было куда больше, чем теперь. Так-то оно так, да не в одной зависти тут дело. А в том, сколько таких вот отважных парней - включая Томаса Харлингтона - попросту пристрелили на обратном пути своих товарищей, чтобы не делиться добычей, свалив потом ихнюю гибель на тварей и прочие пустошные опасности, и даже на всякую такую вот мистику. А поди докажи, если ни тел, ни свидетелей, и место преступления там, куда ни один шериф никогда не сунется.

- Значит, этот город безопасен? - уточнила Кэролайн, и в ее глазах явственно светилось научное любопытство.

- Мы туда не пойдем, если ты об этом.

- Почему? Ведь это же все байки? Да и мародеров, которым не нужны свидетели, там тоже давным-давно нет.

- Насчет "ничего нельзя брать" - конечно, байки. Это глупость уже хотя бы потому, что всякий, кто ходит по улицам и дышит тамошним воздухом, уже что-то оттуда берет. А вот что

там трава не растет - это ты своими глазами видеть можешь. Почему - не знаю, и не хочу на своей шкуре выяснять.

Так что мы прошли мимо - не заметив на безжизненных улицах окраин ничего необычного, если не считать таковым саму эту абсолютную безжизненность - и зашагали дальше.

Вскоре, однако, мы увидели такое, что, вероятно, заставило Кэролайн вспомнить легенду о трех бандитах, а заодно и усомниться в собственных органах чувств. Прямо из земли тянулись в ряд три тонкие шеи высотой около полутора ярдов, и каждую из них венчала полуразложившаяся человеческая голова. Мертвые глаза глядели пустыми белыми бельмами, и ветерок, дувший, увы, в нашу сторону, доносил трупную вонь, которую трудно с чем-то спутать. Однако, когда мы подошли ближе, средняя из голов вдруг разинула рот и клацнула челюстями. Почти тут же тот же жест повторила та, что справа от нее.

- Что это? - в шоке воскликнула Кэролайн.

- Что-то среднее между животным и растением, - спокойно ответил я. - То есть это вроде как животные, но конечностей у них нет, они растут из земли и всю жизнь остаются на одном месте. Ихние головы - на самом деле мимикрия, чтобы приманивать трупных мух, которыми они и питаются.

- Понятно, - с облегчением ответила моя спутница, вновь убедившаяся в торжестве науки над суевериями. - Что-то вроде морских актиний, только на суше.

В тот день мы видели еще пустошного кузнечика величиной с крупную собаку, который прыгает совсем недалеко, однако в прыжке легко сбивает человека с ног, а потом перекусывает ему горло своими жвалами. Однако этот никуда не прыгал, он лишь вяло полз на передних ногах, потому что заднюю половину тела вместе с прыжковыми ногами кто-то уже отъел ему самому. Казалось невероятным, что после такого кто-то может еще оставаться в живых, и Кэролайн спросила, отрастет ли у него все заново. "Нет, - ответил я, - это не червь все-таки. В итоге все равно сдохнет, но пару дней еще помучается. Если его раньше не доедят." Для нас он интереса не представлял - для людей они несъедобны, но у нас еще было мясо, и к тому же нам попалась новая картошка.

В итоге этот день закончился без особых приключений. Ночью, правда, к нашему костру снова сошлись лысые длиннорукие, причем эти были какие-то странные. Вместо того, чтобы просто стоять всю ночь безмолвно и неподвижно, как они обычно делают, они постепенно принялись синхронно раскачиваться взад-вперед и мычать, словно пытались петь какую-то бесконечную заунывную мелодию. Поначалу это здорово нервировало не только Кэролайн, но даже меня, никогда прежде не сталкивавшегося с таким поведением. Однако больше они ничего не предпринимали, войти в круг не пытались, так что в конце концов я успокоился и заснул под это мычание, словно под колыбельную (коих мне, кстати, никто никогда не пел).

Утром мы могли поздравить себя с тем, что первую "кровавую серию" пережили, можно сказать, благополучно, если не считать повышенного расхода медикаментов, который не могли позволить себе и дальше. Я не знал, как далеко на восток простирается область обитания кроволюбов - понятно, все же не до самых восточных княжеств, но сведения на сей счет от караванщиков были противоречивы, похоже, что в разные годы численность этих мерзких насекомых и очертания области ихнего обитания менялись. Так что исходить надо было из худшего - что мы столкнемся с этой проблемой еще три раза по четыре дня (дальше, даже если мы не доберемся до цели и за четыре месяца, станет уже слишком холодно для этих тварей). Так что в следующие разы уже без убежищ и "каникул" не обойтись. Но, в любом случае, еще 29 дней по крайней мере об этой проблеме можно было не думать.

Наш путь по заросшей травой равнине, или прерии, как называли их еще до Войны, продолжался еще три дня. Он не был настолько безопасным, как на почти безжизненных солончаках, и приходилось все время быть настороже по части способных прибежать или

прилететь издали, или же вылезти прямо у тебя из-под ног, сюрпризов - в частности, дважды мы все-таки натыкались на землю, изрытую пустошными кротами, откуда, конечно же, сразу уходили. Еще мне пришлось потратить три пули на здоровенную тришеею. Тришееи, или тригорлые, вообще-то, всеядны, туловище у них, как у бизона, пасть - как у бегемота (хотя тех и других я видел только на картинках - бизоны не пережили Войну, а бегемоты на нашем континенте и вовсе никогда не водились), ну а самая примечательная ихняя особенность - три длинных (почти с туловище) шеи, притом, что голова всего одна. Одно горло ведет в короткий пищевод для переваривания мяса (он практически весь внутри шеи и помещается), другое - в длинный для растительной пищи, занимающий бóльшую часть туловища (и что характерно - они никогда не путают, какую еду куда), ну а третье горло с пастью и пищеводами вообще не соединяется, через него они дышат. Единственное, наверно, существо, в принципе не способное подавиться. При этом у них всего четыре зуба, но им хватает. Пару раз мы благополучно обходили мирно пасущихся тришеих стороной, но одна особенно злобная таки пустилась за нами в погоню, и уложить эту тушу удалось только тремя пулями. Возможно, она была беременна, они тогда делаются особенно голодными и агрессивными. Почему я так уверенно говорю, что это была самка? Ха! Да потому, что только они и представляют опасность. Когда-то считалось, что у тришеих вовсе нет самцов, что они размножаются примерно так же, как и песчаные жуки. Потом кто-то сильно дотошный - еще до той экспедиции, которую водил я - выяснил, что самцы все-таки есть. Только они крохотные и проводят всю свою жизнь прямо в... ну, какой орган обслуживают, в том и живут[22]. Есть тришеих нельзя из-за каких-то микроскопических паразитов, разрушающих человеческий мозг, так что, хоть мы еще и не голодали, потраченных пуль снова было жаль.

Еще четыре пули пришлось истратить на пикирующих птиц-мозгоклюев. (Главная проблема с мозгоклюями в том, что, пока он парит в вышине, из револьвера его не достать, а когда перешел в пике - важно успеть не только прицелиться и выстрелить, но и отскочить в сторону, ибо клюв мертвой тушки способен проломить тебе череп ничуть не хуже, чем живой. Зато в землю он в этом случае врезается красиво, да.) Но в целом идти по ровной местности, где не было ни вязкого песка, ни острых камней, было легко, добыча воды и пищи не была проблемой и не отнимала много времени и сил, так что в целом за восемь дней пути через прерию мы легко отмахали 120 миль по прямой на восток - десятую часть всей нашей дистанции. Ну то есть, конечно, если мерить расстояние по карте. А на реальной местности одна миля совсем не равна другой...

В чем мы и убедились, когда на девятый день равнина кончилась, и нам пришлось карабкаться на очередную возвышенность, вздыбленную Войной. Ну как очередную - вообще-то в длину она одна из самых больших, больше тысячи миль с севера на юг, но на бэдлэндерских картах она именуется просто Бамп[23]. Подъем на нее далеко не такой крутой, как на плато, откуда мы начинали свой путь, но все же нам пришлось весь день шагать в гору, и сил на это ушло куда больше, чем на предыдущие переходы, а если смотреть по карте, мы продвинулись к цели меньше чем на пять миль.

Наверху, правда, местность снова стала более-менее ровной (если не считать отдельных здоровенных камней, торчащих из земли, как криво выросшие зубы мудрости), но характер ее снова изменился. Прерия, оставшаяся позади нас, располагалась как бы в очень пологой ложбине между приподнятым краем Трещины и Бампом - и в этой ложбине скапливалось изрядное, по пустошным, конечно, меркам, количество воды. Наверху же нас снова встретила сухая земля, где почти ничего не росло, кроме отдельных островков сухого лишайника и

---

[22] Подобное встречается у ряда членистоногих, в частности, у паразитического усоногого рака саккулины (см. тж. прим. 24).

[23] Bump - многозначное слово, означающее и выпуклость, вздутие и т.п., и удар. В современном английском этим термином называют, в том числе, "лежачих полицейских".

длинных плетей серой колючки, далеко тянущихся по песку. Ну, правда, еще время от времени попадались невысокие хвойные деревца и даже целые рощицы таковых. Издали они похожи на сосны с длинными иглами, какие нередко растут на скалах, вот только у сосен иголки мягкие, а у этих с легкостью протыкают кожу и застревают там так, что хрен вытащишь, благодаря обратной насечке, как на рыбачьих гарпунах. Уж и не знаю, зачем им так впиваться, поскольку эти деревья, вообще-то, не хищные, то есть иголки у них только для самообороны. Да, и еще у них шишки взрываются. Тут как раз понятно, зачем - распространить свои семена как можно шире. Семена у них, кстати, тяжелые и обтекаемые, чтоб дальше летели - прям почти что пули малого калибра. Не буду врать, что такое семечко с близкого расстояния пробивает человека насквозь, и до внутренних органов тоже не добьет, а вот засесть под кожей и начать там прорастать - это запросто. Ну и если прямо в глаз угодит, то выбьет только так. А так симпатичные такие сосенки, даже запах от них приятный. Главное - близко не подходить.

Понятно, что все это несъедобно (включая и черно-красных жуков размером с белку, чей панцирь непробиваем ни для семян, ни для иголок, и которые питаются этими семенами, а при случае друг другом). Хуже, однако, было то, что за весь первый день пути по Бампу (как, разумеется, и за предыдущий, когда мы поднимались) нам не попалось ни одного источника воды. Лужи после дождя, очевидно, успели уже пересохнуть, а может, он здесь даже и вовсе не шел. Таким образом, запасы в наших флягах, которые мы, по правде говоря, довольно щедро расходовали во время подъема, подходили к концу. Обозначенное на карте озерко, где я рассчитывал их пополнить и ради коего мы отклонились от курса к югу, оказалось заполнено вместо воды зловонной желеобразной массой, которой уж точно не могла помочь никакая дистилляция.

В Пустошах постоянно что-нибудь меняется, да.

Выглядела эта масса совершенно аморфной, ничуть не похожей на единый организм - скорее, на какую-то чересчур размножившуюся мелкую дрянь ("одноклеточная водоросль", предположила Кэролайн). Однако, когда мы оттуда уходили, мне показалось, что это желе слегка качнулось в нашу сторону. Но я не стал говорить об этом Кэролайн, а то бы она, с ее научным любопытством, непременно захотела проверить, так ли это. Даром что не ботаник.

В общем, выходило, что в запасе у нас лишь несколько глотков, а до следующего источника воды идти еще два дня по солнечной погоде (на возвышенности было прохладнее, чем внизу, да и в августе уже не так жарко, как в июле, но все равно приятного мало). И то если хотя бы там все окажется в порядке, в чем я тоже не мог быть уверен. Правда, намного ближе имелась ферма, постройки которой разрушило землетрясение при подъеме Бампа, но колодец уцелел. Большинство имевшихся в этих краях водоемов, питавшихся подземными водами, при этом подъеме пересохли, но вот в этом колодце, если верить карте, вода была. Однако та же карта категорически не рекомендовала не только опускать в этот колодец что бы то ни было, но и вообще к нему приближаться.

Я еще поизучал ветхие листы моей рассыпающейся на квадраты карты. Что в бэдлэндерских картах хорошо - там стараются обозначать даже мелкие детали рельефа. Точность, конечно, оставляет желать лучшего - бэдлэндеры же не таскают с собой оборудование для землемерных работ, как на глазок зарисовали - так зарисовали. Но зато ежели есть среди однообразной местности какая-нибудь приметная яма или бугор, на которые профессиональный картограф и внимания бы не обратил, потому как типа ниже его достоинства такое замечать, и вообще оно в масштабе карты слишком мелкое - то на бэдлэндерской карте оно будет. И не в виде точки, как в правильном масштабе вышло бы, а так, чтобы форма была видна, а рядом пометка про реальный размер. Вот я и искал какую-нибудь яму, в которой вода собраться могла бы. И нашел. Примерно в дюжине миль пути на северо-восток. На карте она, само собой, не была обозначена как озеро. Просто яма, и все. Но это значило лишь, что на момент, когда карту рисовали, никакой воды там не было. Но не значило, что она сейчас туда натечь не могла -

особенно если дождь в этих краях все-таки был. Мелкие лужи-то пересохли, а эта покрупнее все-таки. В Пустошах вообще такие временные водоемы, которые то пересыхают, то снова наполняются, не редкость. Собственно, они встречаются чаще, чем постоянные.

Была только одна загвоздка - нарисованное вокруг кольцо из косых крестиков. Что означало заросли тех самых сосенок. С одной стороны, они подтверждали версию, что вода там хотя бы время от времени бывает - потому и деревья так разрослись. Тем паче что это в обе стороны работает - где вода, там деревья расти начинают, а где деревья вырастают, они своими корнями воду к поверхности тянут. Но с другой стороны, под стреляющие шишки лезть не хотелось. Никто, на самом деле, толком не знает, то ли они в случайные моменты взрываются - ну, просто когда дозреют, и тогда вероятность заполучить такой подарочек еще не очень велика - то ли специально ждут, пока какое-нибудь существо поближе подойдет. Но второе мне более логичным кажется. Потому как, ясное дело, в чужих телах семена могут распространиться куда дальше, чем просто по воздуху. При этом выковыривать такое семечко сложнее, чем яйца бабочки, крови при этом больше (привет, кроволюбы!), а если вовремя не выковырять, то побеги и корешки тебе во внутренние органы прорастать начнут. Хотя сами деревья и не хищные, да. Им другие существа нужны не в качестве пищи, а в качестве транспорта - но тем, кто из-за этого сдохнет, чтоб они из его трупа в нормальную почву проросли, от этого не сильно легче.

Плюс к тому неизвестно, есть ли там вообще вода. Может, зря только крюк к северу сделаем. Но с другой стороны может быть и так, что вода есть, а сосен как раз нету - спалила какая-нибудь молния. Или человек сумел подобраться достаточно близко, чтобы поджечь. В общем, решил я все-таки туда идти и оценить ситуацию на месте. Риск, что мы только попусту силы и воду на этот путь потратим, конечно, был, но кто не рискует, тот не ходит в Пустоши. И опытов в лабораториях не ставит. Да и вообще не рождается.

Добрались мы туда только уже на следующий день. Сосны, конечно же, действительно росли вокруг ямы, никто их не сжег. Хуже всего, что, с какой стороны ни подходи, за ними не было видно, есть в яме вода или нет. Ну то есть понятно было, что это не озеро, заполненное доверху - между древесными стволами одни только земляные склоны виднелись, но в глубине вода быть вполне могла, пусть даже простая лужа - а нам-то больше пары галлонов и не надо, чтоб сейчас напиться и чтоб с собой набрать. Но пока туда как-то не прорвешься - не узнаешь. Камешек кинуть, чтоб булькнул - слишком далеко.

Я достал бинокль и принялся разглядывать шишки с безопасного расстояния. Они, конечно, висели на ветках среди острых игл - здоровые, налитые силой внутреннего давления, только и ждущие удобного момента. Взрываются они, кстати, всегда прямо на ветках, чтоб с большей высоты семена разбрасывать. Не землю падают уже пустыми. Но росло их не так чтобы очень много - тех, что представляли реальную опасность, недозрелая мелочь не в счет. Походив вокруг, я выбрал место, где их было меньше всего. По моим прикидкам выходило, что при оптимальной траектории движения пересечешь зону поражения всего тринадцати шишек.

Можно было попытаться прорваться, прикрываясь рюкзаком, но он не мог защитить от поражения с разных сторон, даже если водрузить его на голову - да и дырявить свой рюкзак и вещи внутри мне тоже не хотелось. Так что я вытащил револьвер. Все-таки у пули дальность побольше, чем у семечка. Но потратить 13 невосполнимых патронов, причем даже без гарантии, что это откроет нам путь к воде, было бы непростительным расточительством. Однако я прикинул, что разлетающиеся семечки сами по себе могут сработать не хуже пуль, если поразят соседние шишки. Главное - начать процесс с той из них, которая более других окружена прочими, а там, глядишь, получится лавинообразный процесс.

Возможно, это была самая комичная перестрелка в истории бэдлэндеров - человек против шишек! Но в них еще надо было попасть с безопасного расстояния, что вообще-то требует хорошей меткости. Но в целом моя идея сработала - в ответ они, понятное дело, взрывались, расшвыривая свои семена, которые не могли достать меня, но попадали в другие шишки,

которые реагировали тем же. Это было явно веселее, чем практиковаться, стреляя по банкам и бутылкам, Кэролайн даже хихикала и восклицала "Вау!" Жаль только, что на полную расчистку пути пришлось потратить все-таки не одну, а четыре пули. Ну, хотя бы не 13.

И все-таки, когда я аккуратно прошел между обезвреженными деревьями (еще пара шишек бухнули слева и справа, подтверждая мою теорию, что они взрываются вовсе не в случайные моменты, но меня не достали), то увидел в глубине котловины вожделенный водяной блеск. Не то чтобы, конечно, вода была чистой и прозрачной, скорее это походило на бурую мутную лужу, но главное, что эта лужа была достаточно большой. Настолько, что прямо по ее поверхности плавали жирные пучеглазые рыбы, вяло шевеля перистыми плавниками.

Мясо у нас уже кончилось (хотя картошка еще оставалась - я даже порою чувствовал, как она шевелится в рюкзаке), так что, когда Кэролайн, аккуратно пройдя по моим следам, спустилась следом за мной в котловину, она была прямо в восторге от открывшегося зрелища, превзошедшего все ее ожидания. Тем паче что рыбин можно было ловить прямо голыми руками - водоем обмелел уже настолько, что деваться им было просто некуда, да они даже и не пытались нырнуть, лишь бессмысленно пялились на нас своими шарообразными глазами, словно смирившись с судьбой.

- Это рыбы, живущие в пересыхающих водоемах, - пояснил я, наполняя котелок мутной водой прямо перед носом у ближайшей флегматичной рыбины. - Когда вода высохнет совсем, они зароются в ил и впадут в оцепенение до следующих дождей. Но есть мы их не будем.

- Ядовитые? - огорчилась Кэролайн.

- Сами по себе - нет. Но внутри у них не то рачки, не то моллюски, личинок которых не берет никакая варка.

- Вообще-то ракообразные и моллюски - это совсем разные классы существ, - заметила моя ученая спутница.

- Ну, может, в нормальном мире они и разные, а тут какая-то помесь. Короче, рождаются они, как рачки - с ногами, глазами, панцирем, все дела. Но, добравшись до жабр рыбы, они все это с себя сбрасывают - не только внешнюю оболочку, но даже внутренние органы, почти все свое тело. Остается только крошечная мягкая капелька из головы, которая просачивается через жабру внутрь - а там присасывается к внутренним органам рыбы и прорастает в них. И дальше управляет ее поведением.[24] Поэтому эти рыбы даже не пытаются нырнуть - я, как это увидел, сразу понял, что с ними не так. Ихний плавательный пузырь всегда раздут, чтобы они оставались на поверхности, и их было легче съесть более крупным существам, желательно - теплокровным.

- И зачем это паразиту?

- В рыбе он плодит личинок. Которые, попадая в организм зверя или человека, вырастают там до куда более крупных размеров. Ну то есть они там в процессе друг друга жрут, пока две самые большие не останутся - это всегда самец и самка. А они уже съедают не друг друга, а почки своего "хозяина".

- Бррр, - поморщилась Кэролайн.

- Но знаешь, что самое интересное? Жертва при этом не умирает. Потому что паразит замещает почку собой. Прокачивает через себя кровь, берет из нее то, что ему надо, ну и попутно выполняет работу, которую делает почка. А заодно мечет икру - ну то есть самка икру, а самец свою, гм, часть, в мочевом пузыре икра оплодотворяется, выходит с мочой, попадает в водоемы, а там из нее выводятся рачки, которые проникают в рыб. Вот такой вот цикл. И это не байки, нет. Я лично знал парня, который покушал такой вот рыбки. Не то чтобы близко знал - я с идиотами дружбу не вожу, но так, пересекались пару раз. Ну вот, вернулся он из Пустошей, чует,

[24] Подобным образом ведет себя саккулина - усоногий рак, паразитирующий на крабах. Единственным известным науке видом паразита, способным функционально замещать собой орган хозяина (язык), является другое ракообразное - Cymothoa exigua (оно как раз проникает в тело рыбы через жабры).

что почки болят, думал - застудил, осень уже была. Но не так чтобы сильно очень болели, терпеть можно. Но в конце концов он все же не выдержал, пошел к доктору. А доктор стал его обследовать - ничего, говорит, не понимаю, никогда с таким не сталкивался, но надо, похоже, операцию делать. А парень как раз неплохо заработал в том походе, ну и согласился. И, стало быть, когда врачи его разрезали, у них глаза на лоб полезли вместе с очками. Это первый официально зарегистрированный случай был - прежде, наверно, такое тоже бывало, но на операцию никто не соглашался, дорого же, а потом и болеть само переставало. Ну, в общем, приходит он в себя после хлороформа, а ему доктор объясняет, так мол и так. Удалить, говорит, этих паразитов тебе теперь нельзя - помрешь, но если их оставить - будешь, в общем, жить, как жил, они, похоже, с функциями почек успешно справляются. Парень, конечно, сперва прибалдел слегка, а потом думает - да это ж золотое дно! Я ж теперь ходячая сенсация! Выдайте мне, говорит, доктор, справку, что все доподлинно так и есть, и я ничего не привираю. Ну, получил он справку и пошел с ней прямиком в салун. А вот, говорит, что я вам сейчас расскажу, вы ни за что не поверите, но спорим на выпивку, что все правда? Вот шрамы от операции, а вот справка с печатью! Ну и до самого закрытия салуна его там угощали, домой на руках отнесли, он уже лыка не вязал совсем. А наутро он помер. Потому что эти паразиты могут практически от чего угодно кровь чистить, в Пустошах-то каких только ядов нет, вот только алкоголь их убивает.

- В общем, понятно, уха отменяется, - кивнула Кэролайн. - Но после дистилляции никаких личинок не остается, так что по крайней мере пить эту воду можно.

- После простого кипячения я бы не рискнул, ну а после дистилляции конечно, - согласился я.

Для костра я срубил сосенку, утратившую способность отстреливаться. Наверное, можно было спалить и их все - по ковру опавшей хвои и шишек огонь бы распространился по всему кольцу вокруг котловины - но тут у меня философия почти как у отца Кэролайн: не уничтожать без нужды то, что еще может пригодиться если не тебе, то кому-то другому. Считается, что Пустоши враждебны человеку целиком и полностью, и любых тварей нужно уничтожать, но на самом-то деле и здесь что-то полезное встречается. И если эти деревья и в самом деле своими корнями удерживают воду хоть на какое-то время, то пусть живут. Конечно, идиота они могут и семенами нашпиговать, а еще идиот может рыбки поесть и воды с рачками напиться - но это все проблемы идиотов, которых не жалко. Ради безопасности идиотов не должны страдать умные, которые знают, как всем этим правильно распорядиться. Вот и для нас это кольцо сосен, пусть даже с дыркой единственного прохода, послужило дополнительной защитой от непрошеных ночных гостей.

Когда я поделился этими мыслями с Кэролайн, она согласно кивнула и добавила: "Человечеству наступит конец тогда, когда защита дурака станет для него более важной задачей, чем защита от дурака." По-моему, неплохо сказано.

К хорошему привыкаешь быстро, поэтому с утра Кэролайн уже ела печеную картошку со скучающей физиономией - а давно ли была рада и сырому скорпиону?

- Ничего, - подбодрил ее я, - ужинать сегодня будем черепашьим мясом.

- Здесь водятся черепахи?

- По крайней мере одна точно водится. Если, конечно, не сдохла еще, - я запоздало сообразил, что, возможно, радую свою спутницу раньше времени.

- Ты хочешь убить последнюю оставшуюся черепаху? Тогда пусть лучше живет. Мы еще не голодаем.

- Не собираюсь я ее убивать, - возразил я.

- Тогда откуда же мясо?

- Увидишь.

Мы выбрались из котловины, провожаемые печальными всплесками рыб, так и не дождавшихся своего съедения, и зашагали дальше. В небе нарезали круги пара мозгоклюев, и я,

конечно, регулярно на них поглядывал, как только они подлетали достаточно близко, но в конце концов оба спикировали на кого-то еще, так и оставшегося вне пределов нашего зрения (и, возможно, тем самым оказали нам услугу). Зато спустя еще пару часов за нами погнался пустошный осел. Ну то есть на самом деле не знаю, произошла эта длинноухая тварь от осла, от зайца или еще от кого - во всяком случае, копыт у нее нет, шерсти тоже, сзади - длинный голый хвост, похожий на крысиный, а размером она с пуму, но морда и впрямь напоминает ослиную, если не считать того, что своими здоровенными зубами она жрет все подряд - и живых, и падаль. Понятно, что я просто без всяких изысков всадил в него пулю. В пищу он, как и прочие падальщики, не годится, однако все еще продолжал дергаться после того, как свалился, так что я подошел поближе проверить, требуется ли добивать. Иногда такой вот недобиток кажется совсем уже подыхающим, но стоит повернуться к нему спиной - и он очухается. Однако у этого, пока я к нему неторопливо подходил, не сводя с него ствола, уже и последние судороги агонии закончились. Окончательно удостоверившись, что он сдох, я уже начал было поворачиваться, чтобы идти догонять Кэролайн, но тут заметил краем глаза все-таки какое-то шевеление. Я тут же снова развернулся, вскидывая револьвер. Оскаленная морда с кровавой пеной на зубах и остекленевшими глазами была определенно мертва, но на тошнотворно-розовой, лишенной всякой растительности спине твари багровел крупный вздутый нарыв - а то и целая опухоль. Туго натянутая воспаленная кожа неприятно блестела... а теперь еще и шевелилась. Я наставил ствол прямо туда - и в тот же миг натянутая кожа лопнула, и из опухоли высунулся острый, почти черный от крови шип, от которого тут же стали отлипать, расправляясь, иголки поменьше.

Я опустил оружие. Опасности не было, необходимости тратить патрон или хотя бы орудовать ножом тоже. Это был пробившийся побег молодой сосенки, которой предстояло теперь расти на щедро удобренной почве. Ну что ж - одно дерево я срубил, другое, можно считать, посадил. Гармония!

Что характерно - на ослиную кровь никакие кроволюбы не слетелись, так же, как и раньше - на кровь тришеей. Кровь большинства тварей оставляет их равнодушными - а вот от человеческой они просто с ума сходят. Возможно, маги специально создали их как оружие, или как средство быстрой очистки поля боя от убитых и раненых заодно - хотя вроде бы ихняя доктрина не предполагала участие человеческих армий. А может, они такого эффекта вовсе и не хотели, случайно получился, когда уже пошла взаимная долбежка заклятиями по площадям, где одни чары накладывались на другие. В любом случае, какими бы ни были ихние истинные цели, все, что они наворотили, еще не одному поколению расхлебывать...

Больше нас в тот день никто особо не доставал, и уже на закате, изрядно уставшие из-за удлинившего наш путь крюка к котловине с рыбами, мы таки добрались до черепахи.

Увидели мы ее не сразу - в этом месте из земли как раз выпирают здоровенные каменные глыбы, самая крупная высотой под четыре ярда, а черепаха прямо за ними. Ну, я-то знал, что она там, а вот для Кэролайн зрелище, открывшееся, когда мы обошли вокруг камней, стало, прямо скажем, неожиданным.

Камни эти, почти отвесные, похожие на плиты, хотя никто специально их не обтесывал, образуют как бы тупой угол, и в этом самом углу она, черепаха то есть, и лежит. Простакам, никогда не бывавшим в Пустошах, рассказывают, что она размером с дом, но это, конечно, вранье. Не с дом, и даже не с сарай. Где-то с большую ломовую телегу, наваленную мешками до высоты человеческого роста. Ну, или чуть покрупнее того же бегемота, если на него еще панцирь надеть. На вид она, в общем, черепаха как черепаха, если не считать размера. Покрытый многолетней пылью панцирь, который, понятно, ни из какого оружия не пробить, даже из пушки и то вряд ли. Уродливая серая голова на сухой морщинистой шее, которая лежала на земле, как мертвая, но вони разложения я не чувствовал (а уж такая-то туша должна вонять еще как), и действительно - когда мы подошли ближе, ее сморщенные веки дрогнули и вяло приподнялись, демонстрируя, что старушка все еще жива (хотя - какая она старушка? Ей не

может быть больше 53, для черепахи это вообще не возраст.) Прямо у нее из-под хвоста, между ее задницей и сходящимися на угол камнями, росло невысокое, чуть выше самого большого камня, дерево - не сосна, лиственное. Некогда оно, вероятно, было какой-то разновидностью акации, из тех, на которых растут здоровенные такие длинные плоские стручки с выпирающими сквозь кожицу крупными семенами. Ветви дерева наклонялись над черепахой, тянулись на всю ее длину, и несколько таких стручков, только еще более крупных, чем у нормальных акаций, свисали в двух-трех ярдах над ее головой, а еще больше их валялось на земле вокруг ее морды.

- Вот, - охотно пояснил я Кэролайн, - наглядный пример идеальных, в некотором роде, отношений. Почва здесь слишком сухая и скудная для таких деревьев. Но это растет там, где черепаха удобряет ее своим навозом. При этом своими длинными корнями оно вытягивает из глубины воду и растит стручки, которыми питается черепаха. Для нас они, конечно, ядовиты, но ей нормально, и влаги в них тоже для нее хватает. Каждый из двоих погиб бы без другого, а вместе уже больше полувека живут.

- Да, но что у нее с ногами? - воскликнула Кэролайн.

Из широченных раструбов, откуда должны были высовываться черепашьи ноги, торчали лишь толстые пожелтевшие кости, похожие на лишенные коры стволы мертвых деревьев, и только ближе к основанию их окружали тумбообразные валики темно-багрового мяса, изрытого глубокими следами от разнокалиберных зубов и ножей.

- А зачем ей ноги? - пожал плечами я, доставая нож. - Она все равно не может ходить, ну в смысле не могла даже тогда, когда они у нее были - слишком большая и тяжелая. Так всю жизнь и лежит на одном месте. А ее ноги - это бесплатная столовая для всех, кто проходит мимо, будь то хоть люди, хоть твари - тварей тут, конечно, больше, но даже они понимают, что голову трогать не надо, а ноги можно, ну да там и мяса больше, и сочнее оно. Ее это, как видишь, не убивает - кровь сразу останавливается, и даже мясо со временем снова нарастает, медленно только - едят ее быстрее. Когда я тут в прошлый раз был, у нее еще почти до колен ноги были, а сейчас уже фактически внутрь панциря лезть придется. Ну да ничего, для нас тут все равно больше чем достаточно.

- М-да, - пробормотала Кэролайн. - Действительно, наглядный пример на тему "симбиоз и паразитизм". Только паразиты тут - мы.

- Не больше, чем любые скотоводы или охотники.

- Они хотя бы не режут по живому.

- Только потому, что корова или олень так жить не смогут, а черепаха живет и новое мясо растит. Или ты думаешь, тут есть кому сочувствовать? Это ж тварь, и притом совершенно тупая, какой бы здоровой ни была ее башка. Чуть поумнее дерева, но уж точно тупее хлебателя, не говоря уж о рукосуе или гиене.

- Ты прав, конечно, - признала Кэролайн. - Надо избавляться от антропоморфных предрассудков. Глупо подходить к животным с человеческими мерками. Где нет разума - нет и объекта для эмпатии.

Я присел на корточки, чтобы пролезть в раструб панциря для левой (для нас - правой) передней ноги, и принялся вырезать большой кусок дряблого, но вполне пригодного в пищу мяса. Черепаха издала протяжный вздох, который какой-нибудь романтик наверняка назвал бы страдальческим. Но я - практик.

Позже я взобрался на панцирь черепахи, чтобы дотянуться до веток дерева и нарубить их для костра. Понятно, что я срубил не все - оставил столько, чтобы дерево могло расти и дальше и кормить черепаху. Так что, может, мы и паразиты, но не варвары. Да и кто не паразит, по такой логике? Всякое живое существо кого-нибудь либо ест, либо еще как-нибудь использует, согласия не спрашивая. Так и до Войны было, и до магов, и всегда так будет. Уж ежели тут разводить философию, то зло - это когда глупый паразитирует на умном. А когда умный использует глупого, это и есть самое нормальное и правильное положение дел.

Кэролайн тоже потянуло на философию.

- У этой черепахи, наверно, самый прочный панцирь во всех Пустошах, - сказала она. - Можно сказать - совершенно непробиваемый. Но при этом он такой тяжелый, что лишил ее возможности двигаться. А самое главное - в нем имеются отверстия, которые делают его, по сути, бесполезным. Тоже наглядная метафора для тех, кто рассуждает по принципу "как бы чего ни вышло". Кто предпочитает защиту от любых потенциальных опасностей движению вперед.

- Ну, не то чтобы вовсе бесполезным - без панциря ее бы совсем съели, а так - только ноги, - справедливости ради заметил я. - Хотя мы-то с тобой, конечно, предпочитаем движение вперед. Так что идем, заночуем подальше отсюда, чтобы не встретиться с возможными ночными посетителями мясной лавки "Черепашья".

На следующий день мы таки добрались до источника воды, указанного на карте. Это была затопленная угольная шахта. Если кому-то покажется странным, что в обычном фермерском колодце поселилось нечто, из-за чего к нему даже приближаться не советуют, а из главного ствола куда более глубокой шахты со здоровенным лабиринтом затопленных штолен можно безопасно набирать воду, то, на самом деле, ничего странного в этом нет. Во-первых, в Пустошах прямые аналогии "если тут, то и там" не работают. Тут может быть так, а прямо по соседству уже совсем иначе. Да, собственно, даже ведь и в самом обычном лесу не под каждым вывороченным деревом медвежья берлога, а съедобный гриб может расти в паре футов от ядовитого и почти не отличаться от него внешне. Ну а во-вторых - конечно же, в шахте под водой тоже что-то водилось. И время от времени можно было услышать доносящиеся из глубины всплески, эхом отражающиеся от стен уходящего во мрак вертикального ствола, по которому некогда спускали клеть - которая, кстати, там так внизу и осталась, вместе, очевидно, с последней сменой шахтеров, но это было 53 года назад. Насчет того, что иногда оттуда доносятся не только всплески, байки, конечно, рассказывают, но сам я не слышал, врать не буду - да и не думаю, что то, что там обитает, чем бы оно ни было раньше и чем бы ни стало теперь, заинтересовано в какой-либо... коммуникации с поверхностью. Во всяком случае, оно, в отличие от твари из колодца, не только не пытается оттуда выбраться, но и к спускаемому на веревке ведру или котелку никакого интереса не проявляет. Воду, конечно, все равно рекомендуется тщательно кипятить (ну это вообще везде полезно, хотя и не везде есть, на чем), а мы так ее и дистиллировали. Благо с топливом проблем не было - рядом с шахтой все еще остается гора угля, который не успели вывезти. За полвека сюда добиралось слишком мало людей, чтобы хоть сколько-нибудь заметно ее уменьшить. Ныне эта гора служит домом для ящериц, снующих между образующими ее кусками угля и таких же черных, как он. Примечательны они, однако, не цветом, а тем, что, если обычные ящерицы при опасности оставляют в руках или зубах противника хвост, то эти с такой же легкостью отбрасывают и голову. И так и убегают без головы, да - не видя, куда, но быстро. Резко меняя курс при столкновениях с препятствиями - на это ихнего спинного мозга хватает. Потом у них постепенно отрастает новая голова. Питаться, пока заново не вырастет пасть (а заодно нос и глаза), они не могут, но им это и не требуется - холоднокровным достаточно есть раз в несколько недель или даже месяцев. В этом у них большое преимущество перед нами, да.

Но у нас все еще оставался приличный запас копченой черепашины, так что, не тратя времени на охоту за ящерицами (они, в принципе, съедобны, но слишком юрко прячутся в камнях, а мяса в них слишком мало), мы двинулись дальше, причем несколько иным манером, чем прежде. Среди руин шахтного оборудования я отыскал тачку, куда мы сгрузили не только все наши пожитки, но и запас угля для будущих костров, и даже найденный там же помятый, но все еще герметичный бидон, который мы заполнили водой. Тачку мы покатили вместе - я за одну ручку, Кэролайн за другую, так что у меня всегда оставалась свободная (и не уставшая) рука, чтобы быстро выхватить револьвер. Но, похоже, ужасающий скрип, который издавало колесо тачки при каждом обороте, распугивал всех тварей в округе. Через два дня, однако, ржавая ось

сломалась окончательно, и тачку пришлось бросить, вместе со всем еще неизрасходованным дополнительным грузом.

Ну а дальше потянулись весьма неприятные места. Не в смысле "особенно опасные" - хотя безопасных мест в Пустошах вообще не бывает - а именно что неприятные, эмоционально. Хотя вроде бы толстокожим бэдлэндерам таких чувств испытывать и не положено - но вот, честно признаюсь, даже меня угнетает это зрелище.

Большинство городов на Бампе разрушено тем самым землетрясением, которое его воздвигло. Разрушено подчистую - что лачуги бедняков, что дворцы богачей, что общественные и административные здания рассыпались в мелкий мусор, ни про какую "сейсмостойкость" никто в те годы и не слышал, ибо под благословенной властью магов стихийных бедствий не было как таковых. Так что тут магам не пришлось даже применять свою изобретательность по части убийства людей разными затейливыми способами - да и не до того им уже, видимо, было. Но при землетрясениях, даже самых страшных, гибнут не все. Всегда остаются те, кто во время толчков был на улице (лучше всего - вообще за городом) или сумел выбраться из-под завалов. Их было меньшинство, но они были. Не превращенные ни в тварей, ни во что-либо другое. Обычные люди, пережившие гибель своих близких, своего города и всего своего мира - но все еще отчаянно хотевшие жить.

Поначалу они верили, что их спасут. Что всемогущие маги, опекавшие и их, и ихних предков на протяжении многих веков, придут к ним на помощь, как только разберутся со своими врагами, и надо просто спокойно, не сея паники и не допуская подрывных настроений, этого дождаться. И они ждали - сперва прямо там, на месте, на развалинах своих домов, под открытым небом (благо было лето) или в кое-как сооруженных из обломков временных укрытиях. Потом, когда смрад от десятков тысяч гниющих под руинами трупов сделался невыносимым, они вынуждены были покинуть города и соорудить свои лагеря за ихними пределами. Но о том, чтобы идти еще дальше, они не помышляли. Война, очевидно, уже кончилась (того, что она кончилась вместе со смертью последнего мага, они не знали, такое и заподозрить было немыслимо!), значит, уже совсем скоро их спасут. Главное - оставаться на одном месте, чтобы спасателям не пришлось их искать и было легче организовать помощь.

Однако помощи все не было. Не было вообще никаких известий извне - о ситуации в стране и мире, о победе или даже о поражении. Еда, которую они нашли среди развалин, быстро портилась, вода из колодцев ушла после поднятия рельефа, а с неба вместо дождя падали, в лучшем случае, жабы - и очень немногие из этих людей сообразили, что их можно есть. (Моего отца спасла смекалка сельского парнишки, а жители больших городов полагали, что булки растут на деревьях - да, собственно, при магах оно практически так и было.) А вместо ожидаемых спасателей появились твари - тогда их было намного больше, и они были свирепее, чем сейчас. Позже-то самые злобные из тварей перебили друг друга, или же передохли сами, потому что не были приспособлены для жизни - некоторые, к примеру, вообще не имели пищеварительных органов, одни только зубы и когти, поэтому ихний голод был в принципе неутолим... В сельской местности поначалу еще можно было отыскать в разрушенных и даже уцелевших амбарах запасы зерна и других способных храниться продуктов - но сперва беженцам, не желавшим отлучаться из своих лагерей из опасения разминуться со спасателями и страха перед кишевшими вокруг тварями, даже не приходило в голову отправляться на поиски этих припасов, а когда все-таки пришло, то было уже поздно - в этих амбарах уже вовсю хозяйничали огромные стаи стремительно расплодившихся грызунов, прежних и новых, готовых жрать пришедших за зерном людей столь же охотно, как и само зерно. Чего стоили одни только крысокоты[25] - порожденный Войной жуткий гибрид двух прежде враждебных видов... Наконец уже не только "сеятелям панических настроений" (часть из которых успели к тому времени

[25] В оригинале ratcats

казнить "по законам военного времени"), а и всем прочим стало ясно, что спасать их никто не собирается. Но даже и тогда большинство было против того, чтобы уходить с насиженных мест - пусть даже таковыми были теперь шалаши из веток, тряпок, листов фанеры и кусков шифера. Здесь хоть какая-то крыша и определенность, а в пути не будет даже этого. И что, если те земли, куда они направятся, вообще захвачены противником? Так что вместо этого они отправляли разведчиков и гонцов на восток, запад, север и юг, с тем, чтобы те привели помощь. Разумеется, никто из этих гонцов не вернулся. Единственные очаги цивилизации еще оставались на западе, но и туда было не пробиться сквозь кишащие тварями Пустоши - притом, что посланцы не имели не только никаких бэдлэндерских знаний и умений (которых тогда не имел вообще никто), но, как правило, даже оружия. Зачем оно добропорядочным и законопослушным горожанам, живущим под защитой мудрых магов? Да и, по правде говоря, и наши западные графства пребывали в тот момент не в том состоянии, чтобы организовывать и отправлять помощь кому-то еще. Все же прочие направления и вовсе вели в никуда.

Когда в лагерях беженцев полностью закончилась еда, началось неизбежное - людоедство. Сначала ели только тех, кто умирал сам (и за это, как я уже говорил, глупо кого-либо осуждать). Но потом начали убивать. Сперва посторонних. Потом - своих родных, до них было проще добраться. Чаще всего детей, они не могли сопротивляться. Но, правда, и хватало их ненадолго. Бывало, что трагедия приобретала оттенок фарса - так, один местный фермер, чей дом тоже был разрушен, а скот погиб или разбежался, но кому удалось сохранить пару сараев, действующий колодец и запас зерна (до которого на тот момент еще не добрались крысокоты), явился в лагерь беженцев, чтобы набрать себе гарем из горожанок, готовых на что угодно за еду. Он даже, не довольствуясь ихним согласием ("контракт", который он заставил их подписать, сохранился и был позже найден одним из бэдлэндеров в руинах сарая), предусмотрительно сковал их общей цепью, но ему это не помогло. Как только он пригнал своих свежеприобретенных рабынь к себе в сарай, они набросились на своего повелителя и сожрали его. Потом, правда, все равно умерли, не сумев самостоятельно освободиться от цепей и выбраться из сарая.

И без того безнадежную ситуацию усугублял еще и холод - наступила зима, особенно суровая на возвышенности, а у беженцев, лишившихся домов летом, практически не было теплой одежды. Они могли разве что натягивать на себя в несколько слоев вещи мертвецов и любое подвернувшееся тряпье. Когда уже всем стало окончательно ясно, что помощи извне не будет, большинство из тех, кто все еще был жив и сохранял достаточно сил, решили все-таки уходить большими организованными группами и искать путь к спасению самим - единственное, что могло бы их спасти, поступи они так с самого начала. Но и тут большинство из этих групп совершило очередную роковую ошибку, направившись на восток. Наш континент заселялся с востока, откуда приплыли первые переселенцы из Старого Света, и восточная его часть традиционно считалась более развитой. Там было больше городов, и столица магов тоже находилась там, по другую сторону Грэйт Ривер.[26] Все мосты через Грэйт Ривер были уже разрушены (о чем беженцы не знали, но могли догадываться), на переправу по льду надежды у них не было (при магах Грэйт Ривер не замерзала никогда), и даже само русло ее теперь изменилось (о чем они едва ли могли догадываться), но беженцы исходили из того, что, даже если и не сумеют переправиться на другую сторону, то, по крайней мере, на берегу величайшей реки континента точно не умрут от жажды, да и рыбы там водится преизрядно.

Чего они, однако, никак не могли предполагать, так это что вся вода в Грэйт Ривер отравлена. Она окончательно очистилась от яда лишь через полтора года после Войны...

Те группы, что двинулись на север и на юг, в итоге обычно встречались друг с другом. Иногда это приводило к побоищу за последние ресурсы, иногда - к объединению.

[26] Название "Миссиссиппи" (точнее, Миси-зиибби) происходит из языка индейцев анишинаабе, где оно означает "Великая река".

Объединившиеся в основном тоже сворачивали на восток.

Однако и те немногочисленные группы, что направились на запад, не смогли добраться до наших графств, как до этого не смогли этого ихние гонцы и разведчики. У них не оставалось уже ни ресурсов, ни сил для такого пути. Голод, жажда, холод и твари прикончили по дороге их всех.

Хотя выживших свидетелей не осталось ни одного, ихняя история - не домыслы. Позже бэдлэндеры и иные путешественники из наших графств (не буду в данном случае называть их мародерами) отыскали ихние записи. Официальные документы, которые до последнего пытались вести уцелевшие мелкие чиновники довоенных времен и новоизбранные лидеры, и дневники частных лиц. К 50-летию с окончания Последней Войны в Аркэндэйле была большая выставка "Никогда снова!", где были представлены, в том числе, подлинники этих записей, а также их издали отдельной книгой под тем же названием. То еще чтение. Мне особенно запомнился дневник одной маленькой девочки. Она была не из тех, кого съели собственные родители. Напротив - ее родные (там было большое семейство, вероятно, в день землетрясения отдыхавшее где-то на природе) отдавали ей свою еду, поэтому она продержалась дольше других. Ее дневник - это набор сухих протокольных констатаций. "Умер дедушка. Умерла мама. Умер дядя Джозеф. Умер папа. Умер брат Томми..." Предпоследняя запись гласит: "Умерли все. Я осталась одна." Она не писала, что еще живые делали с телами умерших. Это становится ясно лишь из последней записи: "Я доела сестру Энни. Больше есть нечего."

Не завидую я бэдлэндеру, который нашел этот дневник рядом с ее скелетом. Хотя мне и самому не раз доводилось видеть детские останки в Мертвых городах. Но - там смерть, даже самая жуткая, приходила достаточно быстро. Даже в Костяном городе агония длилась лишь несколько дней. В лагерях беженцев она растянулась на несколько месяцев. Во время которых ихние обитатели вместе с собственной плотью на костях и надеждой постепенно теряли и человеческий облик - возможно, даже в худшем смысле, чем те, кто утрачивал его физически. Ибо с неразумных тварей какой спрос? А тут - рассудок сохранялся до самого конца. "После утилизации неспособных продолжать путь, остаток на сегодняшний день: 98 фунтов детского мяса и 126 женского. Приказываю сократить рацион еще на треть..." Это - тоже из документов.

Может, оно и к лучшему, что они до нас так и не добрались.

И вот теперь мы с Кэролайн шли через те места, где когда-то были ихние лагеря и стоянки на пути на запад и на восток (именно здесь проходил широкий мощеный тракт, на котором обычно встречались беженцы с севера и с юга). Такие стоянки были и дальше к западу, но туда добирались уже сильно поредевшие группы, от которых давно не осталось следов, а вот здесь такие следы еще очень даже сохранялись. Ихние убогие жилища из обломков и тряпья, обрывки которого все еще треплет ветер. Ихние вещи, некогда ценные для них в практическом или сентиментальном смысле, с трудом и риском извлеченные из-под руин, а позже брошенные под открытым небом. Кое-где - телеги и другие колесные экипажи, но никаких скелетов лошадей - всех, что пережили землетрясение, съели намного раньше. Только человеческие кости. Я не всматривался, на скольких из них отыщутся следы человеческих же зубов.

Можно было, конечно, пойти севернее или южнее тракта, чтобы не видеть всего этого, но это было бы уже неразумно. Все же идти по мощеной большими ровными плитами дороге было удобнее, чем по поросшему колючими плетями песку.

- Почему они не пытались выжить, питаясь тварями? - спросила Кэролайн, когда я рассказал ей, через какие земли мы идем и что значат все эти... артефакты.

- Во-первых, большинство тварей несъедобно для человека - даже из тех, что дожили до наших дней, а уж тем более тогдашних. Во-вторых, их было намного труднее убить, не имея ни оружия, ни навыков. Своих - проще.

- Угу, - мрачно усмехнулась Кэролайн. - Одновременно увеличиваешь количество мяса и уменьшаешь количество едоков. Прямо оптимальное решение.

- Пока очередь не дойдет до тебя.

- Само собой. Пока за тобой не придут или голодные соседи, или твари, которых уже некому останавливать. Так всегда будет с трусами, пытающимися спрятаться или откупиться от проблемы вместо того, чтобы ее решать. Или ждущими, что ее решит за них кто-то другой. Знаешь, я думаю, что главная вина магов - даже не сама Последняя Война как таковая. А то состояние, до которого они довели людей под своей властью. Состояние безвольного, покорного стада, не способного и не желающего принимать ответственность на себя. И "никогда снова" - это в первую очередь про это. А Война стала пусть и очень болезненным, но исцелением.

- Хорошенькое исцеление, уничтожившее девять десятых человечества и превратившее бо́льшую часть мира в Пустоши!

- Что поделать, - пожала плечами Кэролайн. - Если такова была единственно возможная цена свободы, значит, ее надо было уплатить. Или ты хочешь сказать, что все это было зря?

- Надеюсь, что нет, - вздохнул я.

На следующий день черепашье мясо закончилось, но я подстрелил крысокота. Теперь, когда под развалинами давным-давно не осталось ни зерен, ни трупов, этих тварей многократно меньше, чем сразу после Войны, но все же они по-прежнему водятся в этих местах, должно быть, питаясь какой-нибудь мелюзгой вроде тех же ящериц, шныряющих под камнями руин, а также ягодами и семенами ядовитых колючих растений, оплетающих все те же развалины. Внешне крысокот действительно выглядит, как крупный кот, только полностью лишенный шерсти (впрочем, я слышал, что такая кошачья порода существует и в нормальном мире, хотя у ее любителей, видимо, очень извращенные вкусы), и морда его чрезвычайно злобная и уродливая, с непропорционально широкой для кота пастью. Когти острые и прочные, как ножи, и в выпущенном состоянии достигают двух дюймов в длину. Человеческую плоть они рвут, как бумагу. Но самое жуткое и мерзкое происходит, когда эта тварь разевает свою пасть во всю ширину, точнее, высоту - кажется, что у живого существа нижняя челюсть просто не может так далеко отодвигаться от верхней, что сейчас эта жуткая башка просто вывернется наизнанку - а затем из этой пасти высовывается другая оскаленная пасть[27] еще одной головы. Слепой, голой, покрытой слизью головы огромной крысы, которая была бы лишь немного меньше кошки, если бы имела свое собственное тело. Ни ноздрей, ни усов у нее нет точно так же, как глаз и ушей, зато зубы - зубы грызуна, а не хищника, как у внешней кошачьей пасти - в полном комплекте.

Застреленная мною тварь так и осталась валяться, демонстрируя сразу обе разинутых пасти. Кэролайн сперва брезгливо скривилась, но затем прокомментировала с усмешкой:

- Кошка проглотила крысу, но крыса осталась у нее внутри и теперь оттуда управляет кошкой.

- Ну, кто там кем управляет, не знаю, - ответил я. - Мозги есть в обеих головах, и как-то они между собой разбираются. А все прочие внутренние органы у них общие, то есть нельзя даже сказать, крысиные они или кошачьи.

- Неужели мы будем это есть? - снова поморщилась девушка.

- Головы - нет, - заверил ее я. - И внутренности тоже, они ядовиты. А вот мышцы вполне пригодны в пищу, если тушить их достаточно долго, - среди оставшегося от беженцев мусора было немало способного гореть, так что проблем с топливом у нас не было. - Не так вкусно, как копченая черепашина, но теперь нам придется питаться этим. Полвека назад, когда эти твари кишели здесь десятками и сотнями, они бы скорее сами нас съели, и никаких патронов не хватило бы отбиться - но теперь дело другое.

На следующее утро мы сделали полезную находку. Надо сказать, с тех пор, как мы катили вместе тачку, Кэролайн не давала покоя мысль как-то механизировать наше дальнейшее продвижение, но возможностей для этого не было. Экипажи, которые нам попадались, были

[27] Отчасти похожим образом выдвигаются гло́точные челюсти мурен, а также ротовые (основные) челюсти акул-гоблинов (Mitsukurina owstoni) и ряда других рыб. Однако у них только одна голова и мозг.

слишком тяжелы, чтобы тянуть или толкать их вдвоем. Но вот теперь нам попалась небольшая тележка, на которой, наверно, когда-то возил свой инвентарь садовник. Теперь она стояла прямо посреди дороги, и на нее был водружен сундук (продольно - поперек он бы не влез). Замок был сломан - понятно, до нас тут побывало достаточно мародеров - и я понимал, что ничего ценного внутри нет, но все же откинул крышку и заглянул.

Там были книги. Но на сей раз это были даже не стихи. Однообразные толстые тома с проставленными от руки датами на картонных обложках содержали... финансовую отчетность городской магистратуры за несколько предшествовавших Войне лет! Я поразился глупости того, кто спасал весь этот мусор из-под развалин, грузил на тележку и толкал это все из последних сил, когда умирающие от голода люди двинулись в свой последний отчаянный поход на запад. Видимо, это был городской чиновник, полагавший, что там, куда они идут, все еще сохраняется прежняя власть, которая снимет с него голову, если он не предоставит эту отчетность, за которую он ответственен. Я прямо так и представил, как он пытается перебраться с этой тележкой через Трещину, через болота, через любой из гребней или через пустыню, где колеса увязают в песке. Да даже и просто спуститься с ней с Бампа... До этого, впрочем, не дошло - судя по валявшемуся неподалеку человеческому черепу и разбросанным костям (целых скелетов нам тут почти не попадалось), голову с него намного раньше снял кто-то другой. То ли твари, то ли собственные соплеменники...

Сейчас уже некоторые думают, что власть магов - это были сплошные романтические чудеса. Нет - чудеса, конечно, были, но держалось все это главным образом на такой вот скучной бюрократии. Даже по тем же дождям по расписанию кто-то наверняка отчитывался и заполнял формуляры. Будь ты хоть каким чародеем, а управлять огромной империей по-другому просто не получится. Собственно, чем могущественней твоя магия, тем более строгим правилам она должна быть подчинена. Иначе - хаос. Или Последняя Война.

Сам-то я, слава Судьбе, за всю свою жизнь никогда никаких форм не заполнял. Уж что в профессии бэдлэндера хорошо, то хорошо. Никаких государственных лицензий для нее получать не требуется, а всей отчетности - только предоставить палец разыскиваемого (ну, или его живого, если выйдет) и расписаться в получении награды.

А вот что будет в восточных княжествах с ихним вертикальным порядком управления? Уж там-то бюрократии, наверно, хватает, и эта мысль совсем не доставляла мне радости. Надежду внушало лишь то, что все эти княжества хотя бы не очень большие. С огромными державами прошлого не сравнить. Ну и, я ведь не собираюсь устраиваться там на государственную службу. Продам свой бриллиант (хм, я уже думал о нем, как о своем) и заживу частной жизнью, уж это-то можно делать, не заполняя формуляров?

Кэролайн тем временем принялась рассуждать о том, что если бы переднюю ось тележки перенести на поворотную раму, а на днище сверху привинтить еще одну раму, на которую установить короткую ось с педалями, как у швейной машины с ножным приводом, и на эту ось насадить одну шестеренку, а на заднюю ось тележки - другую меньшего диаметра, и соединить их цепной передачей через проделанное в днище отверстие - тогда мы могли бы усесться в тележку, крутить педали (я левой ногой, она правой, а как устанем - меняться) и ехать намного быстрее, чем идем! Я сказал, что все это очень интересно, но нам негде взять все эти рамы, шестеренки, педали и цепи, а также инструменты, с помощью которых их можно было бы установить и закрепить. А вот что мы сделать можем, так это выкинуть из сундука книги (разве что оставив некоторые на растопку) и прорубить моим топориком его крышку посередине так, чтобы по бокам осталось что-то типа двух узких сидений, на которые мы усядемся верхом - так, чтобы одна нога была внутри сундука, а другая - снаружи, и ею, соответственно, отталкиваться от земли. Пока дорога ровная, так действительно получится ехать. Поворачивать, тормозя ногой с одной стороны - не очень удобно, но возможно.

Так мы и сделали, испытав результат уже на следующее утро. Тележка, простоявшая

полвека под открытым небом, поначалу тоже отчаянно скрипела, но после того, как я смазал колеса топленым жиром крысокота, поехала лучше и оказалась в итоге прочнее тачки. Так что мы ехали на ней по Дороге Людоедов целую неделю.

То есть, конечно, не все время ехали - нельзя сказать, что это была такая уж легкая прогулка. (Кстати, и сама езда лично для меня - вероятно, и для Кэролайн тоже, хотя она не жаловалась - на второй день обернулась болью в паху; не думал, что у меня, с моей-то тренированностью, может что-то болеть из-за мышечных нагрузок, но, как видно, нагрузки при постоянном отталкивании одной ногой слишком отличаются от тех, что при ходьбе или лазанье. Потом, впрочем, боль прошла.) Ехать можно было только по дороге - за пределами ее плит тележка с ее небольшими узкими колесами увязла и застряла бы - причем никакой резины на колесах не было, не говоря уже, понятно, о рессорах, так что любую неровность дороги мы чувствовали задницей в самом буквальном смысле, а накопилось таких неровностей со времен Войны преизрядно. Самые крупные трещины были, очевидно, порождены самой Войной, то есть землетрясением - через такие, порою образовывавшие перепад больше ярда в высоту, тележку приходилось перетаскивать. Кое-где мы лихо скатывались под уклон, но потом, наоборот, приходилось подолгу толкать тележку вверх. А однажды мы так разогнались на спуске, что не смогли затормозить ногами перед поворотом, вылетели с дороги и опрокинулись прямо на колючки, которые пришлось потом выдергивать пинцетом из одежды и собственной кожи. К счастью, они оказались хотя бы не слишком ядовитыми - то есть больно было еще несколько часов, но прошло без последствий.

Но мы в любом случае не могли оставаться на дороге все время - надо было искать еду и, что еще важнее, воду. Так что мы оставляли тележку на дороге и отправлялись на поиски в развалины городов, через которые проходил тракт - там пробраться через завалы можно было только пешком. Причем я всегда брал рюкзак с собой, что удивляло Кэролайн - ведь мы же потом вернемся на то же место, почему не оставить его в тележке? Но мало ли какая тварь может его распотрошить - да и вообще, было у меня опасение, что как-нибудь, вернувшись обратно, мы можем тележки и не обнаружить. Конечно, было крайне маловероятно, чтобы именно сейчас в этих уже очень далеких от цивилизации краях объявились какие-то люди, кроме нас, а тварям едва ли интересно куда-то укатывать тележку (и то, что до этого она простояла на месте больше полувека, лучшее тому подтверждение), но в Пустошах если можешь не рисковать - не рискуй. Лучше уж потаскать привычный рюкзак на себе, чем потом жалеть.

Нашей добычей становились крысокоты и водящиеся под камнями руин змеи. Те и другие, кстати, питаются друг другом с переменным успехом - змеи с удовольствием жрут крысокотят, а вот взрослый крысокот уже вполне способен прикончить даже крупную ядовитую змею. Увы, ни в тех, ни в других не было достаточно пригодного мяса, чтобы одного трофея нам хватало больше чем на день, так что выходить на охоту приходилось в каждом городе, мимо которого мы проезжали. У этих змей, кстати, потрясающая способность к мимикрии - не хуже, чем у пресловутых хамелеонов, так что тут главное - внимательно смотреть под ноги, чтобы не поменяться с собственной добычей местами. Я старался, как мог, экономить патроны и, если удавалось подобраться к добыче близко, убивал ее броском топора. Но это удавалось не всегда, так что в итоге 5 патронов за эту неделю мне истратить все же пришлось.

Что касается воды, то колодцы и водоемы, питавшие эти города при жизни, давно пересохли, всевозможные каменные чаши фонтанов и бассейнов, где могла бы собираться дождевая вода, расколоты трещинами, но кое-где (на карте заботливо показано, где) сохранились огромные металлические баки и цистерны, где эта вода все же накапливается. Находятся эти баки под землей, так что спускаться туда приходится в полной темноте - факел в зубы не зажмешь, а руками приходится цепляться за веревку (там есть и ведущие вниз вмурованные в стену скобы или металлические лестницы, но они насквозь проржавели и слишком ненадежны). Иногда спуск ведет прямо на дно бака (которое перекошено из-за землетрясения, поэтому, чтобы

достать до воды, недостаточно просто спустить котелок на веревке - надо спуститься на дно самому и дойти по нему в нужную сторону), иногда до него надо добираться по подземному коридору, где стены в трещинах и сверху время от времени что-то сыплется. Но внизу уже, по крайней мере, можно зажечь факел. Который обычно высвечивает не особо приятное зрелище Включая и человеческие скелеты. Конечно, в Мертвых городах скелет - это последнее, что может удивить, но в том-то и дело, что они там не со времен Войны. Достаточно долго, чтобы не опасаться отравления воды трупным ядом, но по остаткам одежды можно понять, что это были люди уже послевоенной эпохи - мародеры, бандиты или бэдлэндеры, спустившиеся за водой точно так же, как теперь спустился я. При этом они целые, а не раздербаненные тварями, как наверху. Что их убило, я не знаю. Во всяком случае, они не могли заблудиться, даже если у них погас факел - выход-то совсем близко, и никаких лабиринтов там нет. Перестрелка, если, допустим, именно здесь бэдлэндеры настигли бандитов? Может быть. Это даже и вполне разумная идея - не гоняться за противником, а сделать засаду там, куда он с большой вероятностью сам придет за водой. Ни оружия, ни других полезных вещей при мертвецах нет, так что их, очевидно, забрали - но сделали это те, кто их убили, или те, кто спустились сюда намного позже? Могли ли они отравиться водой? Нет, она в этих баках пахнет ржавчиной, но не ядовита, даже без всякой дистилляции. Водятся ли в ней твари? Конечно, водятся - длинные, червеобразные, с круглыми ртами, состоящими из сплошных зубов. Похожи на миног, но несъедобные, и миноги живут только в воде, а эти способны выползать и на сушу тоже. Однако они недостаточно велики и недостаточно ядовиты, чтобы убить человека. Могут ли в эти баки проникать какие-то более крупные твари из-под земли? Вроде бы для этого нет достаточно больших отверстий - на тех, через которые поступает дождевая вода, все еще сохраняются решетки, а если бы такие дыры образовались под водой, она бы, наверно, ушла. А вот какой-нибудь ядовитый газ сюда время от времени просачиваться может, почему бы и нет. В общем, я всегда спускался под землю за водой в одиночку, обвязавшись веревкой - Кэролайн оставалась страховать наверху, и я регулярно перекрикивался с ней и дергал за веревку, показывая, что у меня все в порядке. Случись что, у нее бы, конечно, не хватило сил втащить наверх мое бесчувственное тело, но все же так было спокойнее - и безопаснее хотя бы для нее.

Но, ежели кому интересна история, как, когда я наполнял последнюю флягу, вода вдруг зловеще забурлила и мой факел упал и погас, и в последнем его отсвете я успел увидеть, как из мрака тянутся ко мне чудовищные щупальца, и как я бежал в полной темноте, слыша за спиной влажные и липкие звуки ползущей следом гигантской массы, и как я споткнулся о скелет и только чудом умудрился не упасть, что, конечно, стало бы моим концом, и как я лез вверх по веревке, сжимая в зубах дужку полного котелка, и как моя голова уже показалась на поверхности, когда щупальце схватило меня за ногу и потянуло вниз, но тут Кэролайн ухватила меня за руки и отчаянным напряжением всех сил, которых никто не мог ожидать от хрупкой девушки, рванула вверх, и как я вырвался, оставив чудовищу сапог, который мне потом пришлось выкраивать из кожи другой твари или снимать со скелета людоеда - можете придумать все это сами и рассказывать потом в салунах, авось кто попроще вас выпивкой угостит. А я говорю только то, что было на самом деле. Все мои спуски за водой (числом три) окончились благополучно, и ничего странного или жуткого я в этих баках не видел - если не считать все тех же скелетов. Как, очевидно, и многие до меня - иначе на карте были бы отметки об опасности. Хотя очень полагаться на отсутствие таких отметок тоже не стоит - очевидно, их оставляют только те, кому удалось опасность пережить...

И тележку нашу, кстати, тоже никто так и не упёр, несмотря на все мои опасения. В жизни все не так, как в приключенческих книжках (и слава Судьбе, разумеется) - даже в таких местах, как Пустоши, не всякая возможная неприятность случается, и не каждый день происходит что-нибудь жуткое или удивительное. Хотя готовым к такому надо быть всегда, это да.

Несколько раз, правда, мы видели бродящих по развалинам крупных длинноногов, которые в принципе могли бы доставить нам неприятности, но благоразумно предпочли не связываться и продолжать выхватывать из-под камней своими длинными и узкими зубастыми хоботами крысокотов - свою основную пищу, сэкономив нам, таким образом, патроны. А один раз на тракт перед нами вылез ползун и, развернувшись в сторону катящейся тележки, нагло раззявил пасть, полагая, очевидно, что прямо в нее мы и приедем. Пришлось остановиться, спешиться и кинуть ему в пасть несколько крупных камней - отломавшихся кусков дорожного покрытия, которые он, конечно же, сразу же глотал. Это у него рефлекс - не глотать то, что попадает в пасть, ползун не может. И хотя он почти нечувствителен к ядам большинства пустошных тварей и способен выдержать попадание не одного десятка пуль (его желеобразная плоть тут же снова затягивает раны), переваривать камни он не в состоянии. Так что, убедившись, что от нас он не получит ничего, кроме растущей тяжести в желудке (точнее, в нескольких своих желудках), ползун разочарованно уполз.

Но самое удивительное существо мы увидели в предпоследний день нашего пути по Дороге Людоедов. В этот день я подстрелил низко летевшую летучую мышь размером с кондора. Они преспокойно летают днем и вообще ведут образ жизни, соответствующий крупным птицам - как хищникам, так и падальщикам. Ихнее зловонное мясо несъедобно, но и они, в свою очередь, не рассматривают людей как добычу (во всяком случае - живых), ибо, несмотря на размах крыльев в десять футов, весят не более тридцати фунтов. Так что я не стал бы тратить на нее пулю, но меня заинтересовала добыча, которую она тащила в когтистых лапах - и которая все еще жалобно пищала почти что голосом маленького ребенка. Эта добыча вполне могла оказаться съедобной.

Мышь рухнула на землю, ломая крыло, и еще некоторое время подергивалась, словно куча старого тряпья на ветру. Ее жертва затихла быстрее, видимо, не пережив падения и предыдущих ран. Убедившись, что кусать, царапать и жалить меня уже некому, я подошел и выдернул из когтей твари то, что, при всем моем бэдлэндерском опыте, никак не ожидал увидеть.

Это был кролик! Не голая длинноухая тварь с когтями, не саблезубый хищник, не вонючий падальщик. Никаких рогов, щупалец или чешуи, даже никаких проросших сквозь кожу паразитов. Самый обычный серый пушистый мать-его-кролик! Я тщательно осмотрел его со всех сторон - и не нашел у него никаких отклонений.

Кэролайн сперва не могла понять, чем я так шокирован - "ты что, кролика никогда не видел?"

- То-то и оно, что видел! Я, конечно, не профессор из университета, и с латынью у меня не очень, но уж в зайцах и кроликах кое-что понимаю. Перестрелял их кучу еще в детстве, и готовил их, и шкурки ихние на базаре продавал. И этот - точно такой же!

- А не должен быть?

- Конечно, нет! В Пустошах нет нормальных животных! До сегодняшнего дня это считалось истиной, в которой нелепо даже сомневаться!

- Аксиомой, - подсказала она.

- Во-во. Какие не погибли и не превратились ни во что во время Войны, тех истребили твари, или сами вымерли от голода, жажды и изменения всех условий жизни. Ну ладно еще где-то на окраине мог бы забежать из внешнего мира. Тем более, этот не сам забежал, его пустошная летучая мышь притащила. Но мы практически в самом центре Пустошей! Мыши на такое расстояние не летают, и кролики не бегают.

- Выходит, - сделала напрашивающийся вывод Кэролайн, - даже здесь, в сердце Пустошей, постепенно возрождается нормальная жизнь.

- Именно так! Природа залечивает раны, нанесенные Войной. На Бампе ему, конечно, взяться неоткуда - здесь просто нет травы, которой он мог бы питаться. Очевидно, летучая мышь

притащила его снизу, - я махнул рукой на восток. - Выходит, там уже появилась неядовитая трава.

- Но все же непонятно, - заметила Кэролайн. - Эта трава не могла появиться там только теперь. Кролики ведь не способны впадать в спячку на полвека в ожидании улучшения условий. Чтобы он жил сейчас, должны были как-то выживать и поколения его предков.

- Ну, видимо, сохранились какие-то оазисы. Скажем, на островах посреди реки. А потом был паводок, несколько кроликов запрыгнули на бревно, и их прибило к берегу...

- Может, и так. А может, этих кроликов тут кто-то разводит.

- Кто?!

- Не знаю, - пожала плечами Кэролайн. - Может быть, все-таки не все людоеды погибли. Какие-то из ушедших на восток выжили. Переправиться на тот берег не сумели, но осели на этом.

- Не могли они выжить! В реке тек чистый яд.

- Ну, если кролики где-то нашли источник чистой воды, могли найти и люди, ведь так?

- И уж всех кроликов они бы съели в первую очередь!

- Ну, или кто-то все-таки решил поселиться здесь уже после. Вдали от всех прочих людей - и западных, и восточных. Взяли с собой семена и саженцы нормальных растений и клетки с небольшими животными, расчистили участок от всего ядовитого, так и живут.

- Бэдлэндеры ничего такого не видели.

- Может, они тут недавно обосновались. Бэдлэндеры сюда уже редко добираются, ведь так? Да и не обратить внимание могли на какой-нибудь маленький хутор. Особенно если на картах он значится, как заброшенный, а они, переселенцы то есть, его просто подновили.

Я признал, что в этом есть резон. Действительно, если ферма обозначена не просто как заброшенная (как будто в Пустошах есть другие!), а как опасная, никто (если ему только за это не платят) не будет туда соваться, чтобы проверить, сохраняется опасность или нет. Можешь не рисковать - не рискуй. А от тварей исходит опасность или от кого еще...

- Если это так, они, должно быть, не любят гостей, - мрачно заметил я.

- Скорее всего. По каким бы причинам они ни забрались в такую глушь, они явно не хотят, чтобы их нашли.

- И стреляют без предупреждения, а то и ловушки ставят... Хотя, конечно, пока это не более чем гипотеза. Но все равно, придется быть осторожнее. А то я, честно говоря, несколько расслабился, полагая, что в этих местах нам уже могут грозить только неразумные враги.

Кролика мы, конечно, разделали и съели - внутри он оказался таким же нормальным, как снаружи, и на вкус был уж точно лучше крысокотов. Но мысль о его возможных хозяевах была не лучшей приправой к этому блюду.

Следующий день стал не просто легким, а натуральным развлечением - рельеф в основном понижался, пологие спуски чередовались с горизонтальными участками, а подъемов не было вовсе, так что мы практически все время катились под уклон или по инерции, не тратя вовсе никаких сил, разве что на торможение, чтобы не разгоняться слишком сильно. После того случая, когда мы вылетели с дороги, мы все же оборудовали наш транспорт тормозами, более надежными и безопасными для наших ног и подметок нашей обуви. Отыскав в развалинах два больших гвоздя и пружины от матраса (что было, конечно, не в пример проще, чем найти шестеренки, цепи или педали), мы прибили по доске к обоим бокам тележки. Доска держалась на одном гвозде, прибитая за один конец, и могла свободно поворачиваться вверх-вниз на этой оси, но пружина, прицепленная к другому концу, удерживала ее в приподнятом положении. Нажав ногой на доску сверху, каждый со своей стороны, мы прижимали ее к дороге. Доска, прижатая только с одной стороны, позволяла и поворачивать, правда, очень плавно. Если поворот был более крутым, все же приходилось останавливаться полностью и разворачивать тележку вручную. Но крутых поворотов на тракте почти не было, чаще останавливаться

приходилось из-за повреждений дороги или мешавшего проехать хлама, оставшегося от стоянок беженцев (и да, кости - это тоже хлам, и хотя они ломаются, трясет при наезде на них на скорости весьма неприятно).

Несмотря на все эти остановки и опасность чересчур разгоняться, за этот день мы проехали рекордные 32 мили. Проехали бы и больше, но дорога закончилась обрывом в пропасть. Само собой, я знал об этом заранее, так что мы спокойно остановились на безопасном расстоянии, но здесь тележку пришлось бросить. Восточный край Бампа намного круче западного, и хотя не везде он представляет собой вертикальный обрыв - дальше к северу есть места, где можно слезть относительно спокойно - но, в любом случае, отныне нам вновь предстояло двигаться на своих двоих. Все же тележка изрядно помогла нам - благодаря ей мы, даже со всеми препятствиями на дороге и походами в развалины на поиски воды и пищи, за 7 дней преодолели почти 170 миль (если мерить расстояние по прямой на восток, то чуть больше 150), изрядно опередив предполагаемый мной график. И хотя я прекрасно понимал, что дальше дорога станет отнюдь не такой легкой, у меня, признаюсь, мелькнула наивная надежда, что мы и впрямь доберемся до цели всего за четыре месяца, а возможно, и еще быстрее. Ну да человек предполагает, а Судьба располагает, хоть я и не люблю эту фаталистическую поговорку...

Итак, мы пошли вдоль обрыва на север, туда, где можно было спуститься. Хотя мы покинули тракт, фактически мы продолжали идти по Дороге Людоедов, повторяя тот путь, которым они брели более полувека назад. С той разницей, что тогда стоял мороз (особенно свирепый для тех, кто никогда не сталкивался с ним прежде, привыкнув к мягкому климату магической эпохи), они едва держались на ногах от голода и усталости и искали место для спуска наугад, не зная, существует ли оно вообще, или они теперь отрезаны от всего мира сплошными отвесными обрывами. Некоторые, потеряв надежду найти лучшее место, пытались слезть там, где была хоть какая-то надежда зацепиться, и, конечно, срывались с обледенелых камней. Но и из тех, кто продолжал идти поверху, дошли не все. Нам периодически попадались округлые желтовато-белесые камни, которые на самом деле были вросшими в землю черепами.

Наконец мы добрались до места, обозначенного на карте как наилучший спуск. Однако был уже вечер, и внизу постепенно сгущался туман - скорее всего, самый обычный, какой в этих местах часто натягивает с болот, образовавшихся на месте бывшего русла Грэйт Ривер - но сверху этого нельзя было сказать с полной уверенностью, да и даже в обычном тумане лучше не бродить возле болот и не спускаться по крутым склонам, тем более в Пустошах. Так что я решил ночевать наверху, используя в качестве топлива для костра хлам, оставшийся от последней перед спуском стоянки беженцев - очевидно, здесь останавливались одна за другой несколько больших групп, и хлама было много. Кое-где под полузаметенным песком тряпьем прощупывались кости, но это уже не имело значения. Значение имело только то, что это тряпье еще могло гореть.

Стемнело. Костер чадил и пах отнюдь не смолистыми ароматами - ну да насчет романтики в Пустошах я все уже сказал. Впрочем, высыпавшие в ясном небе звезды, яркие, как это обычно бывает над абсолютно безлюдными местами, наверно, удовлетворили бы любого романтика. Но я смотрел не на них, а на подернутые туманом низины, уходящие на восток. Я поймал себя на мысли, что пытаюсь различить сквозь марево тумана отсвет огонька где-то там, внизу - и тут же сказал себе, что это глупо. Если там действительно поселились какие-то отшельники, они наверняка не жгут свет, способный выдать их с расстояния в несколько миль, или, по крайней мере, закрывают ставни так тщательно, чтобы не осталось ни щелочки...

- Что это? - спросила вдруг Кэролайн.

Моей первой мыслью было, что она все же заметила под кручей внизу то, чего не мог разглядеть я, но она указывала в другую сторону - вдаль на северо-восток. Там над самым горизонтом тускло мерцало желтоватое пятнышко размером с ноготь большого пальца вытянутой руки.

- Я сперва подумала - зарница, но оно слишком постоянное, - продолжала девушка. - А

для огня вроде цвет недостаточно красный, да и нечему в Пустошах так гореть... Или есть чему?

- Это старая столица, - нехотя ответил я. - То есть, была столица. Теперь это яма с вертикальными стенами глубиной в милю и диаметром в десять, с магмой на дне.

- Так это магма так светится?

- Нет, магма давно застыла. Это, если угодно, и в самом деле зарница. Длящаяся уже пятьдесят три года... Туда все время бьют молнии. Ну, днем еще не непрерывно и не так сильно, можно, если нервы крепкие, подойти, постоять на краю и поглядеть вниз - я стоял и глядел, да - и то жуть берет от этого сверкания и грохота. А по ночам туда лучше и близко не соваться. Если не сгоришь, то оглохнешь и ослепнешь точно.

Кэролайн, кажется, готова была высказаться, что все это байки, но наглядное доказательство было у нее перед глазами (пусть и на расстоянии более сотни миль), так что она, все же с оттенком недоверия в голосе, осведомилась:

- И как же объясняют... столь затяжную грозу на одном месте?

- Кто как, - пожал плечами я. - Одни говорят, мол, бывшая столица - единственное на свете, или по крайней мере на нашем континенте, место, где магия все еще работает. Дескать, уж такая там ее высокая концентрация была, что даже после смерти магов все никак не выветрится. Или что как раз эта смерть, типа как самое массовое жертвоприношение в истории, ее до сих пор и подпитывает. Ну или, как вариант, что маги окончательно не умерли, а превратились в эти самые молнии, которые теперь будут воевать друг с другом вечно... А другие говорят - мол, это сама природа до сих пор мстит магам за все ихнее насилие над ней. Ну, эта версия, как я понимаю, ничуть не научнее предыдущих. Природа не человек, у нее своей воли нет...

- Разумеется, нет, - раздраженно кивнула Кэролайн. - Тут... тут все, очевидно, гораздо проще. Теплый воздух, нагреваемый магмой, даже и сквозь застывшую корку, поднимается по этой, как ты говоришь, яме, как по печной трубе. Образуется мощный восходящий поток, который буквально врезается в холодный воздух наверху, вызывая бурную конденсацию и турбулентность. Это - классические условия образования грозового облака. Ночью температурный контраст и, соответственно, эффект особенно сильны. Плюс, вероятно, в магме высокое содержание железа, создающее устойчивую магнитную аномалию. А сильная электризация воздуха от предыдущих разрядов делает эффект самоподдерживающимся, - закончила она с гордым видом ученицы, отлично ответившей на каверзный вопрос учителя.

- Наука - магия, 1:0, - усмехнулся я.

- Далеко не 1! - горячо возразила Кэролайн. - Но и не 0, к сожалению - уж сколько они нам крови попортили... Но теперь счет будет только расти. В нашу пользу.

С утра мои опасения насчет "Судьба располагает" подтвердились самым непосредственным образом. За ночь погода полностью переменилась. Тумана внизу уже не было - он, можно сказать, весь поднялся наверх, превратившись в обложившее все небо тучи (ведь туман, который нормальный, и облака - это на самом деле одно и то же, разница только в высоте над землей), и теперь оттуда сеялся нудный, явно затяжной дождь, который нас и разбудил. Нам он был совершенно не нужен - от жары мы уже не страдали, воды у нас хватало, а там, куда мы собирались спуститься, ее было еще больше - но, впрочем, и серьезной проблемой тоже не выглядел. Так что я решил не пережидать его наверху, а все же спускаться, как и планировал накануне. Я рассчитывал переправиться через Сточную Канаву[28] уже через 5, максимум 6 дней (три дня до болот Старого русла, два дня от них до Канавы, а вот сколько займет путь через сами болота - это уж как повезет, может, пару часов, а может, и целый день). Интуиция, не знаю даже почему, твердила мне, что там мы будем в большей безопасности. Быть может, из подсознательного представления о Канаве не только как о маркере половины пути, но и как о границе, за которой кончается территория, откуда мы бежали, и начинается та, куда. На самом

[28] В оригинале Sewer, здесь и далее.

деле, конечно же, это совершенно не так, Канава никакая не граница между владениями западных графств и восточных княжеств - ни юридическая, ни уж тем паче фактическая, все Пустоши - нейтральная территория, но вот было у меня желание оказаться на восточном берегу поскорее, раз уж мы уже вырвались вперед от первоначального графика. Может, это был тот самый случай, когда прислушиваться к интуиции не следовало, но я, как и всякий бэдлэндер, привык это делать.

В общем, мы начали спускаться. Нам предстояло спуститься всего-то ярдов на семьдесят зигзагом по крутому, но отнюдь не отвесному склону, не чреватому обвалами и оползнями. В любой точке спуска можно было устойчиво стоять, не держась руками - хотя и, для психологической подстраховки, схватиться за камень тоже можно было много где. И даже если оступишься - ни в какую пропасть не рухнешь, уцепишься за землю и останешься лежать под углом. Короче, совсем не сложный спуск. И все-таки, когда мы были уже почти внизу, Кэролайн угораздило поскользнуться на размокшей глине и подвернуть правую лодыжку.

Конечно, это была моя вина. Не надо мне было давать команду на спуск под дождем. Сам-то я умею падать так, чтобы из любого положения ничего себе не повредить - или, по крайней мере, свести повреждения к минимуму. Мои рефлексы быстрее меня определяют, что нужно расслабить, а что - напрячь в каждой такой ситуации. Но то я... Однако - все мы крепки задним умом.

В общем, тугую повязку я сделал Кэролайн прямо на склоне (к вопросу о расходе бинта, да), до низу она, опираясь на меня, кое-как доковыляла, но ясно было, что дальше придется делать остановку на те самые пять-шесть дней, за которые я надеялся добраться до Канавы. А потом еще столько же топать до нее. До "кровавых каникул" оставалось еще десять, включая этот, и выходило, что переправиться мы не успеем, а если бы даже и успели, то уже без запаса времени на поиск и обустройство убежища на том берегу. Значит, искать его придется все же на этом, скорее всего, где-то рядом с болотами Старого русла (очень плохое место!) Ладно, подумал я, посмотрим, как пойдет - как быстро Кэролайн сможет идти и куда мы успеем добраться...

Местность внизу была совсем не такой, как наверху - и даже не такой, как в прериях. Трава здесь была густая и длинная - не высокая, а именно длинная, ее стебли стелились по земле, тянулись, переплетались друг с другом, закручивались кольцами, образуя лабиринт из сплошных ловушек, в которых ноги путаются при каждом шаге. Кое-где вверх торчали длинные мясистые отростки, похожие на щупальца. На самом деле все эти растения не хищные - такие начинаются дальше к югу, вот там к Старому руслу вообще не подойдешь, разве что в стальных доспехах каких-нибудь, да и то - опутают ноги, свалят, оплетут и не дадут подняться. А эти нет, специально за ноги схватить не пытаются (ну, разве что "щупальца" начинают стегать подошедшего слишком близко, но это только самооборона, и в целой одежде это не опасно, хотя и больно, как любой удар бичом) - но идти по ним, увязая на каждом шагу в этой путанице стеблей, все равно тяжело - даже хуже, чем по глубокому песку пустыни. Примерно как брести по колено в спагетти - с той разницей, что эти травы намного прочнее и не рвутся от движения ноги. Выжечь их невозможно - они слишком влажные и не горят. Ну и ползает среди них, конечно, всякое - змеи не змеи, пиявки не пиявки. Ядовитое ли? Ха! Глупый вопрос.

В общем, то еще развлечение. Напоминает ночной кошмар, когда пытаешься бежать, а получается лишь с трудом переставлять ноги. Видишь цель впереди, кажется, уже совсем рядом - а добраться до нее не можешь, потому что она почти не приближается. Проходить по этим зарослям хотя бы три мили в день - уже достижение, даже для человека со здоровыми ногами (в таком темпе и выходило три дня пути). И это еще не сами болота Старого русла, нет. Это только то, что из них вылезло и распространилось по берегам вокруг. А в болотах уже и настоящие трясины, засасывающие кого угодно, и твари покрупнее. К примеру, что-то вроде здоровенного бревна, у которого сзади гребнистый хвост, а спереди широкая жабья пасть, утыканная длинными иглообразными зубами. Рыба не рыба, тритон не тритон. Ног, во всяком случае, нет -

у тамошних тварей их вообще нет, чтоб в трясину не проваливаться - но перемещается быстро. Куда быстрее идущего по болоту человека.

Но до болот с ихними опасностями нам предстояло еще добраться, а пока что следовало отыскать какое-нибудь временное убежище, пока Кэролайн не сможет нормально ходить. Остатков стоянок людоедов внизу уже не было - наверху они сохранились благодаря сухому климату и крайне скудной растительности, а здешние буйные травы давно уничтожили и поглотили все следы. Я рассудил, что в стене, с которой мы спустились, в особенности там, где она отвесная, могут быть гроты, которые послужили бы неплохим укрытием от дождя, который вполне мог затянуться на целый день. На карте (которую мне пришлось рассматривать, прикрывая полой куртки) никаких полезных указаний не было, но это означало лишь, что здесь нет крупных пещер, а вот небольшое углубление в скале мог просто никто не заметить или не счесть достойным отметки. Вообще так далеко от цивилизованных мест карта уже изрядно неточна. Так что мне пришлось сделать то, чего я не делал за все время нашего путешествия - отправиться на поиски, оставив Кэролайн одну. Причем травмированную, не способную в случае чего даже бежать. Я оставил ее сидеть на камне у подножия склона, так что ее ноги даже не были в траве, сквозь которую кто-то мог бы подползти, у нее были револьверы, и, главное, я знал, что никакие крупные твари по этим травам не рыщут - им это так же неудобно, как и людям. Но все равно, покидая ее, я чувствовал себя неспокойно.

Я двинулся вдоль склона на север - обыкновенно спустившиеся здесь идут на юг, ибо переправа через Канаву находится ниже по течению, и, раз в том направлении на карте не было отмечено удобных мест для стоянки, их следовало поискать там, куда обычно никто не ходит. Вскоре круча, по которой мы спустились, вновь сменилась практически отвесной стеной; я старался идти как можно ближе к ней, там, где трава была не такой густой, но и в то же время не угодить под какой-нибудь случайно сорвавшийся сверху камень или стекавшие оттуда же холодные струйки. Так я прошагал под дождем, около двух миль и уже собирался поворачивать - дотащить Кэролайн с больной ногой и сюда-то было бы совсем непросто - но тут все-таки заметил впереди искомое. Ну то есть как искомое - на гордое звание грота оно не особо тянуло, скорее, просто впадина в основании каменной стены. Помню детскую книжку с картинками, на которую расщедрился мой папаша, когда мне было лет семь. Там было про двух псов, домашнего и бродячего. Первый пожалел второго и решил разделить с ним свою конуру. Они распилили ее вдоль и зажили каждый в своей половине. Вообще-то вдвоем в целой будке им было бы явно теплее, чем каждому в половине, открытой с одной стороны всем ветрам и дождям, но художник, хотя и пытался внушить детям мораль "с друзьями надо делиться", сам, как видно, был убежденным индивидуалистом (как, в общем-то, и я сам). Так вот - больше всего найденное мной укрытие напоминало ту самую половину конуры, только каменную, а не деревянную. Но выбирать особо не приходилось. Убедившись, что там нет никаких трещин, грозящих обвалом, я поспешил с этим радостным известием назад.

Когда до камня, на котором я оставил Кэролайн, было уже не больше четверти мили - с такого расстояния я бы уже видел девушку, если бы край Бампа был прямым, но он таким не был, и мне еще предстояло обогнуть выступ, образованный более пологой его частью, по которой мы спускались - я вдруг услышал выстрелы.

С такого расстояния они звучали как просто щелчки, но я не обманывал себя мыслью, что это просто звук упавшего камня. Я побежал так быстро, как мог - путаясь в этой проклятой траве и понимая, что в любом случае не успею.

Выстрелов было три, один за другим, потом наступила тишина. Никаких криков, и это могло означать, что угодно. Если бы они были, это, по крайней мере, доказывало бы, что Кэролайн все еще жива...

Когда я, наконец, увидел камень, девушки на нем не было. Зато в траве у его подножия что-то шевелилось. Она? Раненая? Или, может, все еще борющаяся с тварью, напавшей на нее

снизу?

Но, когда я все-таки добежал, я понял, что это не Кэролайн. В траве корчилась свернувшаяся в кольцо белесая членистая тварь, больше всего похожая на сколопендру, но не из тех, что мы видели в Крайнем Холинбрукском городе. Эта была толщиной с мою голень, а длиной, наверно, футов десять в развернутом состоянии. И на каждом ее членике было не по одной паре ног, а по две - сверху и снизу. Ее ротовой аппарат представлял собой целый набор из шевелившихся членистых треугольных жвал, окружавших круглую дыру. Я наставил туда ствол, не уверенный, стоит ли тратить патрон и надо ли вообще стрелять в голову, или ее главный нервный узел где-то в другом месте. Никогда прежде я такой твари не видел и не знал, чего от нее ожидать.

- Майк!

Я отступил на более безопасное расстояние от твари и лишь потом поднял голову. Кэролайн, как оказалось, вскарабкалась по круче ярда на три, должно быть, в шоке даже не почувствовав боли - но теперь уже кривилась от таковой. В руке она все еще сжимала револьвер, который невольно вслед за ее взглядом повернулся в мою сторону - та самая типичная ошибка новичка, о которой я ее предупреждал.

- Ствол опусти, - сказал я так брюзгливо, словно не был безмерно рад видеть ее живой и невредимой (не считая, понятно, лодыжки). - Говорил ведь!

- Ой, извини, пожалуйста! - смутилась она и убрала оружие в кобуру. - Просто... я сидела, смотрела за травой, как ты велел, чтобы оттуда никто не выполз... а оно сверху как свалится!

- Сверху? - крыльев у твари явно не было.

- Сначала земля посыпалась, я услышала, повернулась, вижу - лезет из этого склона прямо на меня! Я выстрелила, оно сорвалось и покатилось вниз, ударилось о камень, развернулось, я еще два раза в упор, оно все не дохнет, тогда я наверх рванула, думаю, оттуда хоть увижу, если оно за мной погонится...

Теперь я уже видел, откуда вылезла тварь - это была круглая нора в полудюжине ярдов выше головы Кэролайн. Каковой норы, конечно, не было, когда я уходил. Я снова перевел взгляд на тварь. Она щелкнула в агонии жвалами в последний раз и застыла.

- Похоже, ты ее все-таки прикончила, - констатировал я, внимательно разглядывая многоножку. Я нашел две дыры, из которых все еще сочилась мутная белесая дрянь - видимо, в первый раз Кэролайн все же промахнулась. - Причем хватило двух пуль - в голову и в середину спины. Но знаешь, что скверно? Я понятия не имею, что это такое. О подземных тварях вообще очень мало известно, а оно явно приспособлено к подземной жизни - потому и ноги не только снизу, но и сверху, чтобы проталкиваться удобней было, и челюсти, какими, наверно, любой камень дробить можно... Спускайся-ка ты сюда, пока из той же норы не полезли его друзья.

У меня мелькнула мысль, что самым верным способом обезопасить себя от возможных "друзей" было бы снова подняться на Бамп и подождать, выползут ли новые твари - но Кэролайн с ее травмой не смогла бы совершить такое восхождение, и я тоже не сумел бы втащить ее по такому крутому и достаточно все же высокому склону. Так что я решил, что, двинувшись в сторону найденного мной "грота", мы обезопасим себя столь же верно - если новые сколопендры и вылезут отсюда, то едва ли поползут по нашему следу.

Кэролайн, морщась от боли, кое-как сползла вниз.

- Оно тебя точно не укусило? - спросил я. - И никаким ядом не плюнуло?

- Нет вроде... Я теперь уже думаю, может, оно и не пыталось меня атаковать. А просто ползло себе под землей, как привыкло, а земля внезапно кончилась.

- Не исключено, - согласился я, придирчиво осмотрев ее и не обнаружив новых поводов для беспокойства (в том числе и ссадин, которые могли бы привлечь кроволюбов - от коих нас, правда, пока что защищал дождь). - Но ты все равно правильно сделала, что сразу стрелять начала. В Пустошах по близкой твари всегда лучше сначала выстрелить, а уже потом

задумываться "а вдруг оно было неопасно?"

- Презумпция враждебности, - вздохнула Кэролайн.

- Плюс презумпция несъедобности, - добавил я, глядя на сколопендру. Мяса в ней было явно немало, но пробовать его я бы не рискнул. - Ладно, я, в общем-то, нашел нам укрытие. Ты, хотя бы опираясь на меня, идти сможешь?

- Далеко? - жалобно спросила девушка.

- Две мили где-то, - вынужден был признать я.

Она помолчала, затем мужественно произнесла: - Я постараюсь.

- Ладно, - вздохнул я. - Тогда давай так: ты понесешь мой рюкзак, а я понесу тебя.

Так мы и сделали. Я помог ей взобраться на камень и уселся на него сам, чтоб она, уже надевшая мой рюкзак, влезла мне на плечи. Подняться с таким грузом было не очень просто (все-таки 43 - это уже не 34), но у меня получилось. Но в 34 я бы, наверно, легко отмахал весь путь до грота, несмотря даже на путавшуюся в ногах траву, а тут на середине почувствовал сильное желание остановиться передохнуть. Спустить Кэролайн на землю я не мог - потом бы ей было сложно забраться с больной ногой - но хотя бы просто перевести дыхание...

- Может, бросить пока рюкзак? - предложила сверху Кэролайн. - Потом за ним вернешься. Или опять боишься, что кто-то здесь его может украсть?

- Да просто достало меня туда-сюда по этой проклятой траве мотаться, - проворчал я. - Лучше уж в один прием...

И тут где-то высоко над нашими головами послышался треск и шорох, и вниз посыпались мелкие камешки. Задрав голову, я увидел, как прямо из стены над нами, там, где камень, по-видимому, сменялся твердым грунтом, высовывается уже знакомая круглая морда, проталкивая себя наружу нижними и верхними ногами. Я тут же рванул с места, несмотря на тяжесть на плечах - Кэролайн, по счастью, удалось сохранить равновесие - и услышал, как позади меня тварь шлепнулась, очевидно, на то самое место, где мы только что стояли. Второе подобное покушение уже не походило на случайное совпадение; револьвер уже был у меня в руке, я развернулся и выстрелил в тварь, которая, правда, не пыталась атаковать, а откатывалась в траву, свернувшись кольцом. Она распласталась и задергалась обоими своими концами, похоже, парализованная в центре - там, куда я попал. Но не успел я решить, стоит ли тратить еще одну пулю, как услышал новый звук падения уже с другой стороны. А затем еще, и еще, и еще...

Через несколько секунд стало ясно, что пытаться добежать до грота (который, впрочем, представлял весьма сомнительное укрытие от опасности, подползающей с боков) бесполезно - твари падали вокруг нас. Хотя столь же ясно стало и то, что они не целились в нас специально - они лезли из стены на протяжении, по меньшей мере, нескольких сотен ярдов. Все, что я мог сделать - это отбежать прочь от стены в траву, дабы ни одна из этих штуковин не свалилась нам на головы, и стрелять в тех, которые катились или ползли в нашем направлении. Но сколопендр были многие десятки, возможно - сотни, и если бы такое направление избрали они все, нам бы не хватило никаких патронов. Бежать прочь от стены с Кэролайн на плечах по траве, в которой путаешься даже при осторожной ходьбе? Насколько быстро они способны нас преследовать? А если даже и не очень быстро, то как долго и далеко? Если, двигаясь широким фронтом, они постепенно прижмут нас к болотам и загонят прямиком в трясину...

И, как я убедился после первых выстрелов, обычная для Пустошей тактика "если тварей много, пристрели нескольких подальше от себя, глядишь, остальные накинутся на них, а не на тебя" против них тоже не работала. Они явно не были каннибалами.

Но, уже расстреляв целый барабан, я понял кое-что еще. Их не интересовали не только трупы сородичей, но и живые мы. Они не отворачивали от моих выстрелов, но и не сворачивали в нашу сторону. Падая, они в воздухе свивались в кольцо и после удара катились прочь от стены, насколько выходило прокатиться, а потом разворачивались и ползли дальше в прежнем

направлении, не обращая внимания ни на нас, ни на выстрелы, ни на своих мертвых. Первые из них уже опередили нас слева и справа, но не пытались зайти нам в тыл. Это же поняла и Кэролайн, которая крикнула мне: "Подожди! Не стреляй!"

Я прекратил огонь и, продолжая пятиться прочь от стены в оплетавшей ноги траве, поспешно перезарядил правый барабан. И тут произошло нечто совсем странное. Не только подстреленные мной твари, еще корчившиеся в агонии, но и ихние вполне целые и невредимые сородичи застыли неподвижно. Точнее, новые все еще продолжали лезть из стены, падать и катиться. Но и они, развернувшись и проползши несколько футов - словно для того, чтобы освободить место следующим - останавливались и замирали.

Я наблюдал этот тварепад несколько минут, продолжая пятиться и одновременно смещаться боком в сторону грота. Наконец последние из них вывалились из стены, и он прекратился. Равнина вокруг нас, насколько хватало глаз, была усеяна гигантскими сколопендрами, не подававшими признаков жизни.

- Что с ними? - удивилась Кэролайн. - Они все сдохли?

- Не знаю, - ответил я. - Может, разбились при падении, или их убил дневной свет. Возможно, ты была права, и они вовсе не хотели выбираться из-под земли, а просто сами не знали, что тут обрыв.

Эта версия, однако, казалась мне сомнительной. Все-таки прокладывать ход под землей - это не то же самое, что бежать. Скорость не та, даже при наличии такого количества ног. Когда они высунулись наружу, то должны были успеть остановиться. Или ихние конечности устроены так, что они могут ползти только вперед и не способны двигаться задним ходом?

Так или иначе, нам было не до того, чтобы их обследовать, тем паче что и дождь стал сильнее (не мог ли, кстати, именно он стать причиной? Что, если для этих тварей губителен не свет, а чистая вода?) Надо было скорее убираться на случай, если они все же очухаются, и добираться до грота - я все еще надеялся, что хотя бы там их нет, а если даже и есть, то они, как и здесь, будут двигаться прочь от него, а не повернут обратно. Так что я снова зашагал с Кэролайн на плечах так быстро, как мог, вытаскивая ноги из петель этой проклятой травы. Правда, дождь несколько помогал - мокрая, она легче соскальзывала с сапог, но все равно идти было тяжело, и требовалась изрядная осторожность, чтобы не упасть - не хватало только и мне повредить ногу!

И тут я кое-что вспомнил.

- Знаешь, вообще-то я уже слышал об этих тварях, - поведал я Кэролайн (идти, отвлекая себя разговорами, было легче). - Только это было очень давно. Чуть ли не двадцать лет назад. Во всяком случае, точно больше шестнадцати, я это слышал от Тима Дакворта, а он пропал в Пустошах в 37-ом, это я точно помню... Он говорил о целой толпе огромных гусениц, которые все разом прыгают с обрыва. Но эту историю никто и никогда больше не подтверждал, и я счел ее байкой. Все сочли. Тим, по правде говоря, был не самым правдивым парнем.

- И что он еще про них рассказывал?

- Да ничего, - я попытался пожать плечами, на которых сидела Кэролайн. - Он, мол, видел это сверху, с обрыва, и спускаться вниз и проверять, что там с ними дальше происходит, ему не было ну совсем никакого резона.

- Значит, это происходит уже не в первый раз, - констатировала девушка. - То есть они не с самой Войны ползли под землей на восток, пока возвышенность не кончилась. И они не случайно вывалились наружу. Это часть их жизненного цикла. Только он очень длинный. Скажем... 17 лет. Так редко, что не удивительно, что у прошлого раза был лишь один свидетель, а предыдущего не видел вообще никто.

- 53 на 17 не делится, - возразил я. - Кажется, оно вообще ни на что не делится, - не то чтобы я великий математик, но это сообразить могу.

- Да, это должно было произойти 2 года назад, - согласилась Кэролайн. - Но кто сказал,

что их первый цикл начался сразу после Войны? Сам говоришь - в Пустошах постоянно что-нибудь меняется, а в первые годы менялось вообще все. Возможно, они сформировались как вид, или дали первое потомство, только через два года. Тогда все сходится. Первого окончания цикла не видел никто, второе видел твой Тим, а третье мы.

- Как же нам повезло, - проворчал я. - Но все-таки, в чем смысл? Выползти и сразу сдохнуть?

- Наверное, нет. Гусеница - это личинка бабочки. Думаю, теперь они будут окукливаться.

- Час от часу не легче! Только бабочек такого размера нам и не хватало, как будто у нас и с куда меньшей проблем не было... Но все-таки не слышал я о таких, даже на уровне баек. Уж таких-то кто-нибудь наверняка заметил бы хотя бы издали.

- Нет, бабочки такой величины едва ли смогли бы летать. Скорее всего, они превратятся во что-то другое.

- Хотел бы я знать, во что. И главное - успеем ли мы убраться отсюда до того, как это произойдет.

- Ну, как минимум несколько дней у нас точно есть, - оптимистично ответила Кэролайн. - Даже у обычных насекомых это небыстрый процесс.

- А пока он продолжается, можно уничтожать коконы, - подхватил я. - Если не удастся поджечь, то хотя бы рубить топором. Хотя, конечно... - я шагал и шагал, а неподвижные многоножки слева от меня и не думали кончаться, - если их тут сотни или даже тысячи...

К тому времени, как я, наконец, дошагал до грота, они так и не кончились. И дальше к северу тянулись, насколько хватало глаз. Но деваться было некуда - я прошел между ними, по-прежнему не подававшими признаков жизни, к намеченному убежищу, способному укрыть нас хотя бы от дождя, и сгрузил Кэролайн на землю.

Я срезал ножом несколько длинных прядей сырой травы, а затем развел костер с помощью прихваченных сверху дощечек и разложил траву сушиться вокруг; ей предстояло пойти частично в костер, а частично - на покрытие для каменного пола. Хотя потолок над нашими головами был косым, как у той самой половины конуры, ветра с востока, к счастью, не было, и дождь внутрь не задувало, а дым при такой форме потолка легче выходил наружу, не заставляя нас кашлять и тереть глаза, даже когда я начал подкармливать огонь еще сыроватой травой, дымившей особенно нещадно. В общем, когда мы более-менее согрелись, отдохнули и подкрепились еще остававшимся у нас копченым змеиным мясом, стало даже почти уютно, несмотря на продолжавшийся снаружи дождь. Пару раз я ненадолго выходил туда, чтобы срезать еще травы, и всякий раз бросал подозрительные взгляды на валявшихся поблизости тварей, но они по-прежнему лежали, как мертвые, и даже не пытались начать плести свой кокон. Ну, я был последним, кто стал бы их в этом торопить... А может, все-таки сдохли? В этой радостной мысли тоже был, впрочем, свой минус - если нам придется просидеть здесь пять дней, они начнут вонять. И, учитывая, СКОЛЬКО их тут, оттаскивание в сторону ближайших проблему не решит. А еще эта вонь может вызвать столь же массовое нашествие падальщиков - которые в Пустошах нередко одновременно и хищники...

Постепенно темнело. При свете костра я осмотрел лодыжку Кэролайн. Несмотря на примененную мною противоотечную мазь, выглядела она, прямо скажем, нерадостно - как у того самого слона, которого я видел только на картинках. Я знал, что это не перелом и не вывих, а всего лишь сильное растяжение, но ясно было, что полностью оно пройдет нескоро. Я вручил Кэролайн тюбик с мазью и бинт, чтобы она позаботилась о себе сама, а сам принялся дремать под шум дождя и потрескивание костра.

Я уже почти заснул, как вдруг меня кольнула мысль, что уж больно громко он потрескивает. Поленья так еще могут, но горящая трава не должна издавать таких звуков. После нескольких секунд вслушивания я понял, что звук доносится снаружи.

Я вскочил и выбежал из грота с пучком горящей травы в одной руке и револьвером в

другой.

Членистый панцирь ближайшей твари трескался и лопался по всей длине. А затем оттуда полезло новое существо. И то же самое, судя по доносившимся звукам, происходило в эту минуту вдоль всей стены. Кэролайн ошиблась - все-таки это и впрямь не ее область. Они вовсе не собирались тратить время на плетение коконов. Они были уже готовы.

Это были не бабочки - хотя бы в этом Кэролайн оказалась права. Ихние тела, собственно, напоминали исходных "сколопендр", такие же членистые, только тоньше, покрытые волосками и без верхних ног - зато нижние были заметно длиннее. На морде были также два круглых выпуклых глаза, которые у подземной формы, понятно, отсутствовали. А еще у них были совсем другие челюсти: вместо целого круга накладывающихся друг на друга треугольников - только два длинных и узких жвала с острой внутренней кромкой, похожих на раскладные ножи или бритвы. И мне совсем не хотелось угодить под такой нож, каждая половина которого достигала семи дюймов в длину.

Разглядев в свете огня, как лихо раскрываются и закрываются эти челюсти, я попятился назад к гроту еще прежде, чем тварь полностью выбралась из остатков своего былого тела. У меня был револьвер, но я понимал, что будет, если они ломанутся ко мне всей оравой на этих своих длинных ногах. Хотя грот и выглядел в некотором роде ловушкой, отступать из которой было бы уже некуда, костер, горевший у меня за спиной, казался мне наиболее надежной защитой. "Словно первобытный дикарь, пытающийся огнем в своей пещере защитить от ночных хищников себя и свою женщину", - мелькнула у меня мысль. Хотя, конечно, Кэролайн не была "моей женщиной" - по крайней мере, в том смысле, что у дикарей. Но первобытный костер и впрямь казался (да, наверно, и был) в эту минуту полезнее всех новейших достижений науки и техники.

Так или иначе, тварь, как и ее многочисленные сородичи, не попыталась меня преследовать. Вместо этого все они двинулись прочь, в темноту, столь привычную им за годы подземного существования. Некоторое время сквозь шум дождя доносился какой-то хруст, но постепенно удалялся, пока не затих совсем.

Нельзя сказать, что эта ночь стала для нас с Кэролайн самой спокойной в жизни - или хотя бы за время нашего путешествия - но в общем-то источником беспокойства были только мы сами. Снаружи нас никто больше не потревожил.

Утром дождя уже не было, но небо оставалось пасмурным. В воздухе висел даже не туман, а так - влажная дымка, которая не могла скрыть представшего нам удивительного зрелища.

Та самая хренова трава, которая уже вызывала у меня столько раздражения накануне и должна была доставить еще больше проблем во время пути через нее к Старому руслу - она... нет, она не исчезла совсем, но была сильно прорежена. Через нее в сторону болот уходили выстриженные полосы шириной около двух футов, больше напоминавшие газон (ну, не очень аккуратный газон), чем вчерашние перепутанные заросли. Если бы такая полоса тянулась до самых болот, то, пожалуй, путь, на который я клал три дня, можно было бы одолеть за один.

Вот, значит, для чего предназначались ножевидные челюсти вылупившихся тварей. А я-то мечтал их пожечь и порубить топором... Мне стало жаль зря потраченных патронов. Нет, конечно, друзей в Пустошах у человека нет. Но организмы, способные принести пользу, все-таки встречаются.

Во второй половине этого дня я сходил на разведку по одной из выстриженных полос, дабы проверить, как далеко она тянется. И, разумеется, достаточно быстро нагнал ее создателя. Эти твари ведь не механизмы для стрижки газонов, они двигались вперед с такой скоростью, с какой могли съедать срезанное, и ничуть не быстрее. Оценив расстояние, пройденное ими с прошлого вечера, я понял, что до болот (если таковые и в самом деле были ихней целью) они доберутся никак не раньше, чем через пять дней. Но, поскольку Кэролайн как раз и нужно

примерно столько, чтобы оправиться, к тому времени, как мы продолжим путь, дорога (ну или по крайней мере бóльшая ее часть) будет готова.

Кстати, осматривая "дорогу" у себя под ногами, я заметил в нескольких местах разрезанные тела змеепиявок и других мелких тварей, обычно обитающих в этой траве. Так что челюсти-ножи были на самом деле не такими уж безобидными. Ну а точнее - хотя ихних обладателей интересовала трава, они просто срезáли все, что попадалось им на пути.

Ну а пока что нам приходилось продолжать пещерно-первобытную жизнь, в том числе - круглосуточно поддерживать огонь. Если бы он погас, развести его заново, имея только сырую траву, было бы уже сложно. С водой в этих местах проблем не было - достаточно было выкопать маленькую ямку в земле, и она тут же наполнялась мутной жижей, которую оставалось только дистиллировать (ну, это уже было, конечно, не очень по-первобытному). А вот с едой было куда хуже. После удачной охоты в последнем из городов на Бампе, перед спуском у нас оставался запас из расчета экономного расходования на 3 дня, за которые я планировал добраться до Старого русла - а в болотах, при всей ихней крайней непривлекательности, еду добыть можно. Во-первых, там водятся жирные хвостатые жабы величиной с черепаху (понятно, не с ту, которая под деревом). Во-вторых, там растет кровяника[29] - чуть ли не единственная в Пустошах съедобная для человека ягода (на вид она действительно очень похожа на капли крови, но на вкус кислая; просто так ее много не съешь из-за лютой оскомины, но из нее можно варить морс, а также она служит отличной приправой к жабьему жиру, и к тому же это профилактика от цинги, о которой при столь длительных походах уже стоит задумываться). Ну и, наконец, хотя плоть ползучих рыб, живущих в болотной грязи, ядовита, ихняя икра вполне пригодна в пищу. Но из-за травмы Кэролайн мы не успевали добраться до болот прежде, чем закончатся наши припасы. Никакие обитатели травы нам в пищу не годились. Несколько раз я видел в небе птиц, в том числе и съедобных, но всякий раз они летели слишком высоко - из винтовки я бы их еще достал, но не из револьвера. Проверить на съедобность косарей, как я назвал вылупившихся из гусениц тварей, я, естественно, так и не решился.

Кстати, я вообще как-то прежде особо не задумывался, откуда стало известно, каких пустошных тварей (и какие ихние части) можно есть. Может быть, конечно, некие исследователи брали с собой в Пустоши подопытных животных (скажем, маленьких собачек, которых можно было нести в рюкзаке, игнорируя ихнее нежелание идти) и скармливали им образцы добытого мяса, но это вряд ли. Ученые с пробирками и реактивами для химических тестов туда и вовсе носа не совали чуть ли не до той самой экспедиции, о которой я уже рассказывал. Так что, скорее всего, практически все, что мы знаем на эту тему, мы знаем благодаря отчаявшимся людям, которым приходилось выбирать между верной смертью от голода и вероятной смертью от отравления. И далеко не всегда им удавалось сделать правильный выбор... Возможно также, что отнюдь не во всех случаях этот выбор был добровольным. Какие-то бэдлэндеры могли использовать в качестве подопытных пойманных преступников. Награда-то все равно что за живого, что за мертвого одинакова, так пусть принесет пользу бэдлэндерскому сообществу... Когда я сказал об этом Кэролайн, та сперва горячо заявила, что в науке все опыты ставятся только на добровольцах, но потом подумала и сказала, что вообще-то убийцу, приговоренного к смерти, действительно куда разумнее использовать для получения полезных знаний, чем просто повесить. Причем никакой амнистии в случае, если он выживет, он получать не должен - ведь это ничуть его не исправит и не сделает менее опасным для честных граждан. Просто ставить все новые опыты, пока он не умрет. При условии, конечно - поспешно добавила она - что его вина полностью доказана судом. И что суд не холинбрукский.

В общем, еда заканчивалась. Конечно, два-три дня можно было и поголодать, ничего

[29] В оригинале bloodberry

страшного в этом нет, мне не раз доводилось обходиться без пищи дольше. Однажды я ничего не ел шесть дней подряд, причем не сидя спокойненько у костра, а шагая через Пустоши, пока, наконец, не добрался до обитаемых земель. Но удастся ли нам добыть пропитание в болотах так легко, как я надеялся? Любые сведения об этих краях, куда так редко добираться люди, могут оказаться устаревшими... Кто знает - вдруг, к примеру, те самые косари, добравшись до болот, распугают и истребят все тамошнюю съедобную живность. В предыдущие 17 лет такого не случалось, потому никаких предупреждений на сей счет нет.

Вообще, припасы в Пустошах - это тонкий момент. С одной стороны, ты никогда не можешь быть уверен, когда сумеешь пополнить их в следующий раз. С другой - копчение в походных условиях, без добавления пряностей (а откуда они у меня, если я отправлялся на легкую прогулку за Арчи Джокером и совершенно не готовился к долгому пути?) - не самая идеальная консервация, поэтому на жаре даже копченое мясо постепенно портится. И, что еще критически важно - слишком много на себе не утащишь. Еще мой наставник рассказывал мне поучительную историю о запасливом бэдлэндере Дике Баттоне по кличке Толстый Дик[30], который бросить что-нибудь, пригодное в пищу, считал просто личным оскорблением. Ну и в итоге, удачно поохотившись, взвалил на себя столько, что заработал грыжу и вообще не смог идти. Так и остался сидеть посреди Пустошей, тратя впустую весь этот свой немереный запас еды, а также патроны на подбирающихся тварей - что кончится быстрее. Быстрее, понятное дело, кончились патроны. Однако ему повезло - последний из его выстрелов услышал другой парень и пришел ему на выручку. Ну как на выручку - тварей-то он отогнал, но, понятно, на себе Дика домой не потащил. Все равно не дотащил бы, только и сам бы тоже погиб. Так что он выслушал историю Дика, взял у него записку для родных, а потом избавил его от мучений. Бэдлэндеры не бросают своих тварям, это да - однако помощь тем, кто не может помочь себе сам, в Пустошах обычно именно такая.

Так что я придерживаюсь той точки зрения, что лучше немного поголодать, зато идти налегке, чем волочь непомерный груз (который может и не казаться непомерным в первый момент, но здорово изматывает на длинной дистанции). Но ключевое слово тут - "немного", а без уверенности насчет болот я не знал, насколько оно затянется. И главное - я был теперь не один, а всякому больному и раненому лучше хорошо питаться, чтоб быстрее поправиться. (Вообще, проблема с припасами в нашем путешествии усложнялась еще и тем, что максимальное количество, которое я привык брать с собой, расходовалось теперь вдвое быстрее - ну ладно, почти вдвое, поскольку девушке с ее габаритами нужно было меньше еды, чем мне, но проблема была в том, что Кэролайн было просто не в чем нести свою долю. Нам было не из чего соорудить какую-нибудь прочную и удобную торбу для нее - истлевшее тряпье, какое мы встречали в развалинах, для этого не годилось. Так что она могла нести лишь то, что помещалось в ее карманах (куда менее многочисленных на ее куртке, не сшитой специально под бэдлэндера), фляги на ремнях и, максимум, котелок в руке, держа его за обмотанную тряпкой дужку.) В общем, не зная, чего ожидать впереди, я решил предпринять на четвертый день охотничью экспедицию туда, где мы уже были - то есть подняться обратно на Бамп. Это означало снова прошагать две мили вдоль стены (правда, теперь, когда путь пересекали полосы выстриженной травы, это было уже куда легче - хотя между ними трава все равно оставалась густой и длинной), потом вскарабкаться по крутому склону, а потом уже поверху дойти до ближайших развалин, где можно было надеяться обнаружить живущих под камнями змей или крысокотов. Это были развалины маленького городка - до больших было слишком далеко - но все равно даже при удаче вся эта экспедиция должна была занять целый день от рассвета до заката - а возможно даже, я не успел бы спуститься засветло, и тогда бы вынужден был заночевать наверху. И на все это время приходилось оставлять Кэролайн одну. Она, впрочем,

[30] В оригинале Thick Dick - кличка явно скабрезная, поскольку dick - одно из жаргонных названий пениса. Если бы имелось в виду "толстый" в смысле "жирный", было бы не thick, a fat.

несколько раз заверила меня, что с ней ничего не случится, у нее есть костер и оружие, и появление каких-нибудь новых никому неизвестных монстров "статистически маловероятно". Все же я сделал то, чего не делал еще никогда и ни для кого. К этому времени мой боезапас составлял 11 барабанов (включая два в револьверах) плюс еще два патрона. У Кэролайн же оставалось всего 11 не барабанов, а штук под ее 36 калибр. И я отдал ей один из своих "драконов", плюс 7 барабанов к нему (включая уже заряженный) - взяв взамен ее "молнию" с пятью патронами.

Само собой, я проверил, помнит ли она, как обращаться с револьвером одинарного действия, и не только в теории, но и на практике, заставив ее повзводить и поспускать курок разряженного оружия - а потом даже позволил ей дважды выстрелить по-настоящему (она промазала с первого раза и попала со второго, правда, мишень была близкой).

- Если что - начинай с привычной тебе и более легкой "молнии", и только опустошив ее барабан, переходи на "дракон", - наказал я ей. - Но все равно, не думай, что у тебя полно патронов - зря их не трать, стреляй только в случае прямой опасности и только по близкой цели.

- Майк, я ценю твою заботу, но не беспокойся обо мне так. Сам говоришь - тут нет крупных опасных тварей, тем более - охотящихся стаями.

- Да, но... речь не только про "тут". Если я не вернусь завтра вечером, не беспокойся. Если и послезавтра тоже - ну, мало ли, что может меня задержать. Но если меня не будет и на третий день - больше меня не жди. Это, конечно, очень и очень маловероятно, но это Пустоши. В этом случае не пытайся меня искать, это уже все равно будет бесполезно. Просто возвращайся назад. Вперед ты одна не пройдешь, даже через болота, не говоря уже про Канаву и все, что дальше. А на уже знакомом пути у тебя есть шанс. Возвращайся в Аркэндэйл, они дадут тебе убежище.

- Майк! - она посмотрела на меня с тревогой, впервые осознав, почему я отдал ей патроны так щедро. - Может, не надо рисковать? Ну, посидим здесь без еды пару дней, зато вместе...

- Я хожу в Пустоши один 25 лет, - напомнил я ей. - Ничего со мной не случится. Просто ты должна знать, что делать, в любом случае, даже в самом маловероятном. А пока что посторожишь мой рюкзак, мне он в коротком походе не нужен, и без него будет только легче.

Так я ее напутствовал вечером третьего дня нашей стоянки, а на рассвете четвертого двинулся в путь.

Путь был ожидаемо скучным, подъем - ожидаемо утомительным. Миновав последнюю стоянку людоедов, я двинулся не на юг обратно к тракту, а на северо-запад, напрямую к руинам того маленького городка, который я выбрал в качестве охотничьих угодий и где мы до этого не были. К полудню я добрался до цели, встретив по пути одинокого длиннонога, который растопырил в мою сторону клешни и угрожающе зашипел своим хоботом, но нападать не пытался. Собственно, им это не особо и надо, если их не злить - хотя ростом они выше трех ярдов, почти все это приходится на ноги (ну и на хобот), а само ихнее тело небольшое, человека им не сожрать. В хобот он не пролезет, а рвать добычу на кусочки они не умеют - клешни у них сильные (способные дробить камни, не говоря уже про кости), но тупые. Соответственно, я тоже обошел его по дуге, не тратя патроны - мясо у них как резина, причем горькая.

Однако охота моя вышла неудачной. Развалины оказались почти полностью занесены песком, вокруг не было никакой растительности - даже той скудной, что обычно встречается на Бампе, и никаких нор крысокотов я, соответственно, тоже не увидел. Одну змею, правда, видел, но она нырнула под камни прежде, чем я успел прицелиться, не говоря уже про то, чтобы приблизиться с топором. Камни (бывшие, вероятно, когда-то частью ратуши или иного массивного здания, возможно - самого большого в этом городке) были слишком большими и тяжелыми, чтобы их раскидать. Я прождал пару часов в надежде, что змея выползет снова, но так и не дождался. Да и, в общем-то, одной такой змеи нам бы хватило лишь на один день. До следующего города идти пришлось бы целый день в одну сторону (это вам не катить по

мощеной дороге, впрочем, даже если бы я вернулся туда и нашел нашу тележку, она уже не помогла бы мне, поскольку ехать пришлось бы все время в гору), и я понял, что мне придется возвращаться ни с чем.

Права была Кэролайн - лучше бы мне было все это время просто просидеть с ней у костра, болтая о том-о сем. Ну, кто ж знал. Охота не всегда удачна не только в Пустошах. Длинноног, очевидно, лучше меня знал, где в этих краях можно поживиться, но у него же не спросишь.

Прежде, чем повернуть обратно, я для очистки совести взобрался на ту самую груду камней (по-прежнему не увидев ни змей, ни даже ящериц) и тщательно осмотрел в бинокль окрестности в надежде (прямо скажем - весьма слабой) все же заметить что-то такое, что стоило бы моего внимания - если не какую-нибудь съедобную живность, то хотя бы характерные места, где ее стоило бы поискать. Ничего подходящего я, конечно, не заметил. Я уже готов был опустить бинокль, когда одна мелочь все же царапнула мое внимание, как это всегда бывает у бэдлэндеров, привыкших уделять внимание даже незначительным деталям. Далеко-далеко на западе в небе кружили птицы. Хотя даже в мой тридцатикратный бинокль они казались лишь точками, едва различимыми в послеполуденном мареве, я не сомневался, что это либо стервятники, либо мозгоклюи - причем мозгоклюи, уже высмотревшие потенциальную добычу, поскольку ихние круги постепенно сужались. Вот одна из точек резко сорвалась вниз - ну точно, мозгоклюй, стервятники так не пикируют - падаль никуда не убежит. Затем и вторая птица спикировала вниз - что означало, что либо первая не преуспела, либо целей было две. Кого они атакуют, я, разумеется, увидеть не мог - цель находилась за горизонтом, да и сами птицы исчезали еще до того, как уходили за него, ибо воздух над горизонтом мутнее, чем в вышине. Знаю только, что по крысокотам или змеям мозгоклюи не работают, это для них слишком мелкая дичь. Вполне возможно, что ихними целями были длинноноги. Или есть тут, к примеру, такие чешуйчатые копытные, теоретически вроде бы даже съедобные, но настолько пугливые, что подобраться к ним на дистанцию револьверного выстрела решительно невозможно. А вот с воздуха их достать реально. Но обратно ни одна из птиц не взлетела. Ни сразу, как это бывает при неудачной атаке, ни потом - хотя я наблюдал довольно долго, а мозгоклюи едят очень быстро (да и много ли нужно времени, чтобы высосать мозг, особенно у тварей, у которых он не очень большой) и обычно через пару минут уже снова в воздухе. Скорее всего, конечно, я просто не поймал в бинокль две эти точки, когда они взлетели снова - я и в первый-то раз заметил их на самом пределе восприятия. Но если нет - тогда это наводило на мысль, что атака кончилась не пиром, а гибелью обоих охотников. А погибнуть мозгоклюй может только в двух случаях. Либо из-за собственного промаха, врезавшись в землю - что бывает, но редко, и едва ли возможно для двух птиц подряд при ясном и прозрачном воздухе - либо из-за того, что его кто-то застрелит. Чего, понятно, ни длинноноги, ни копытные делать не умеют.

Понятно, что никаких выстрелов я слышать не мог. Все это происходило милях в тридцати от меня. Проверив направление по компасу и прикинув расстояние по карте, я убедился, что в принципе все это могло происходить на тракте (а твари не любят мощеные дороги) - но точность оценки была совершенно никакой, плюс-минус миля в буквальном смысле. Так что все это ровным счетом ничего не значило. Но если все-таки... Кого могло сюда принести? Мародеров давно уже нет - все разграблено десятилетия назад, беглые преступники так далеко обычно не добираются, соответственно, и бэдлэндерам тут охотиться не за кем. Если только...

Я понял, что мне совсем не хочется встречаться с ними и выяснять. Вполне возможно, что я сумел бы дождаться их и перестрелять из засады, но если я сделаю это, не убедившись в ихних враждебных намерениях, это будет убийство (за которое меня едва ли кто сумеет покарать, но у меня тоже есть принципы), а если вступлю в переговоры, то потеряю все преимущество внезапности. Если они идут пешком - а это наверняка так - то до восточного края

Бампа доберутся не раньше завтрашнего вечера. Спустятся (если они намерены спускаться) не раньше послезавтрашнего утра. И лучше бы нам к этому времени уже убраться из нашего грота. Хотя, конечно, скорее всего они пойдут на юг к переправе, а не на север к гроту. Да и вообще, наверняка я просто не заметил мозгоклюев, снова взлетевших после удачной охоты на копытных - это намного более вероятное объяснение. Особенно если сытые они набрали меньшую высоту. Но, как говорится, лучше перебдеть[31].

Я убрал бинокль и, окончательно похоронив свои охотничьи надежды, зашагал на юго-восток.

Когда я добрался до стоянки людоедов, солнце уже садилось. Я успел бы спуститься, пока не стемнело, но решил переночевать наверху и утром снова внимательно посмотреть в бинокль на запад - в особенности в том направлении, где оказались бы за это время идущие по тракту путники, если предположить, что они идут с нормальной для человека скоростью и тоже останавливаются на ночлег.

Ночью меня никто не беспокоил, так что я, хотя и оставался все время настороже даже во сне, неплохо выспался (полезное бэдлэндерское умение) и, "позавтракав" чистой водой из фляги, с рассвета приступил к своим наблюдениям. Солнце, светившее теперь с востока, должно было хорошо подсвечивать объекты в западном небе, но на сей раз я ничего примечательного в интересующем меня направлении так и не увидел. В конце концов от долго всматривания в окуляры у меня начала болеть голова, и я свернул свои наблюдения. Все-таки, по-видимому, это была обычная охота мозгоклюев на других тварей, как я и думал накануне.

И все же оказалось, что я не зря провел ночь наверху. Когда я подошел к обрыву, собираясь спускаться, я вдруг заметил черную птицу, влетевшую в одну из дыр, оставленных гусеницами-сколопендрами. Эти птицы похожи на ласточек, только раза в три больше, имеют четыре крыла, четыре ноги и четыре щупальца вместо языка, которые выстреливают на добрую пару футов, хватают добычу в воздухе или на земле и затаскивают ее внутрь здоровенного, как у тукана, клюва (который сам по себе, скорее всего, никого не долбит, а лишь служит обтекателем). Кстати, настоящих туканов я видел не только на картинках, а и в бродячем зверинце, приезжавшем в Аркэндэйл. Живут они - то есть не туканы, а эти вот языканы - в норах, но сами их рыть не способны - пользуются чужими. А самая главная ихняя особенность, угадайте с одного раза - правильно, они съедобны. Но встретить их тут я не надеялся, потому что они водятся по ту сторону Канавы. Однако один любопытный, как видно, сюда все же залетел - и обнаружил здесь столько замечательных нор на выбор (которых, понятно, не было в предыдущие годы, потому языканы сюда и не летали). Нору он выбрал с умом - посреди отвесной стены, куда было не подобраться ни снизу, ни сверху, но я залег над обрывом с револьвером наготове, дожидаясь, пока он высунется снова. Он так и не высунулся, зато вскоре прилетел и устремился туда же другой такой же - скорее всего, первая птица была самкой, а эта самцом - и тут уж я не зевал. Промахнуться с заранее подготовленной позиции было, конечно, невозможно, и тушка шлепнулась к основанию стены. Тут уже я поспешил к месту спуска и быстро полез вниз, пока моей добычей не завладел кто-нибудь еще. Когда я подошел, какой-то подозрительный червяк уже ошивался поблизости (ну, нормальный такой червяк, длиной в фут и с несколькими рядами мелких острых зубов), но я сказал ему "не в этот раз, приятель", подобрал птицу (которой нам с Кэролайн хватило бы на два дня) и, в лучших охотничьих традициях, подвесил ее к поясу (достаточно было просто заправить клюв концом вниз за ремень). Еще некоторое время я подождал внизу, не высунется ли все-таки первая, но дождался вместо этого прилета еще одной - не иначе как одинокая первооткрывательница норы продолжала с помощью не то запахов, не то неслышимых для человека звуков зазывать кавалеров прямо под мои пули. Я подождал, не будет ли и третьего отделения шоу, но на этом благотворительная столовая, по-

[31] В оригинале better safe than sorry

видимому, закрылась. То ли поблизости больше не было самцов, залетевших так далеко от своих традиционных угодий за Канавой, то ли самка устала, то ли ее саму кто-то уже успел сожрать в глубине норы, привлекательной не для нее одной.

Да уж, в Пустошах всегда так. Ни в чем нельзя быть уверенным до конца, и никогда не знаешь, какой продуманный план провалится, а какая совершенно нежданная случайность принесет удачу.

Довольный, я возвратился со своей добычей к Кэролайн, которая лежала на полу, задрав правую ногу на стену грота - так лодыжка опухала меньше. Девушка, конечно, была очень рада меня видеть, ибо, несмотря на все мои слова, беспокоилась, когда я не вернулся вечером накануне. Да и я, прямо скажем, тревожился, оставляя ее одну, хотя и не подавал виду. Серьезных угроз ожидать было как будто неоткуда, но - насчет гарантий в Пустошах смотри, как говорится, выше. И все же у меня даже мелькнула совсем не свойственная мне мысль, что это все-таки приятно, когда кто-то тебя ждет и радуется твоему приходу. Однако я тут же сказал себе, что это глупость. Нет ничего хорошего в том, чтобы заставлять другого волноваться или хотя бы скучать в твое отсутствие (а ведь радость при встрече - не более чем оборотная сторона именно этих чувств). Кто думает иначе, пусть заведет себе собаку.

Соответственно, я не был уверен, стоит ли рассказывать Кэролайн о том, что я не то видел, не то не видел в бинокль, и снова волновать ее, когда она только-только успокоилась. В тех редких случаях, когда я работал в Пустошах не один, я ничего не скрывал от своих товарищей, как и они от меня. Включая недоказанные подозрения и вроде бы незначительные мелочи. Предупрежден значит вооружен, и вообще Правило Номер Три. Но в данном случае я решил в итоге, что пользы от этого не будет - Кэролайн не увидит и не узнает ничего такого, чего не знаю я, а решение принимать все равно мне. Так что я опустил эти подробности, и мы, ничего не евшие уже больше суток, занялись моей добычей. В наши дни не положено благодарить магов за что бы то ни было, и уж тем паче за создание тварей, "кои суть мерзейшее и нечестивейшее надругательство над Природой, жизнью и законами естества", как выражаются в Холинбруке, но все-таки четыре съедобные ноги - это вдвое лучше, чем две. Правда, крылья у языканов фактически несъедобны - перья растут из самой кости сквозь мясо, и отделить его от них весьма затруднительно. Зато грудки вполне съедобны, а щупальца-языки и вовсе считаются деликатесом. Ну как считаются - лично я беседовал лишь с одним парнем, который их когда-либо пробовал, и он говорил, что вкусно.

Как оказалось - не соврал.

Вечером я все же спросил у Кэролайн, сможет ли она, по ее мнению, идти на следующий день. Опухоль, достигшая своего максимума только на третий день, спадала крайне медленно, несмотря на мазь (как оно нередко бывает при травмах голеностопа), но больно, по словам девушки, было уже намного меньше, так что она, все еще чувствовавшая вину за вызванную ее травмой задержку, сказала, что попробует.

Утро снова выдалось туманным, но я решил, что это лучшая погода для того, чтобы уйти, не прощаясь. В болота, конечно, при плохой видимости соваться нельзя, но до болот мы могли добраться в лучшем случае к вечеру. Пока же нам предстояло просто идти по прямой тропке, проложенной для нас косарями - которая уже начала снова зарастать травой, но пока еще не настолько длинной, чтобы это всерьез мешало ходьбе. Кэролайн поначалу прихрамывала, но быстро разошлась и сказала, что уже не чувствует боли. Все же ни бегать, ни лазить ей пока что не следовало, но просто идти по ровной местности она, очевидно, могла. Сперва я шел позади нее, следя за ее походкой, но, успокоившись на сей счет, пошел по тропинке первым, строго наказав ей (Правило Номер Один!) немедленно окликать меня, если ей станет тяжело выдерживать мой темп. Ну и, опять-таки, не забывать и про Правило Номер Три, ибо мало ли что.

Однако ничего подозрительного мы не видели (что было не очень удивительно в тумане,

хотя он постепенно утрачивал плотность) и не слышали - ни с юга, где остался спуск с Бампа, ни откуда-либо еще. Ну то есть, конечно, время от времени что-то чавкало, шуршало или издавало влажно-липкие звуки (как правило, удаляющиеся, а не приближающиеся), но это дело обычное. А вот никаких, к примеру, шагов, голосов или, тем паче, выстрелов из тумана не доносилось, и я в очередной раз сказал себе, что мои подозрения были обычной бэдлэндерской паранойей.

Первый неприятный сюрприз случился вскоре после полудня. Туман к этому времени давно уже полностью рассеялся, мы успели сделать привал, подкрепились и уверенно шагали дальше. И вдруг наша дорога, по которой я уже надеялся дошагать до самого Старого русла, кончилась, едва перевалив за середину этого пути. Как и все прочие "дороги", параллельные ей.

Все они упирались в густые заросли нетронутой травы, и в конце каждой из них лежал проложивший ее дохлый косарь. Ну или, по крайней мере, он выглядел совершенно дохлым - однако я помнил, что такими казались и гусеницы перед превращением в косарей. Сделав Кэролайн знак обождать, я осторожно подошел к голове того, за которым мы шли все это время. Все выглядело так, как будто он мертв уже не первый день - когда-то блестевшие черные глаза помутнели и высохли, жуткие острые челюсти бессильно свисали в так и не скошенную ими траву. Держа наготове револьвер, я осторожно пнул эту голову носком сапога, а не получив никакой реакции - ударил сильнее.

Голова хрустнула и отвалилась.

Это уже точно не было следующей стадией перерождения личинки. Не могло это быть и сброшенной пустой оболочкой - членистое тело оставалось целым, без разрывов и разломов, через которые тварь могла бы выбраться из панциря. Правда, изнутри его я услышал какой-то сухой шорох и поскребывание - не иначе, там уже копошились насекомые или черви.

- Что с ними случилось? - спросила Кэролайн у меня из-за спины. - Они отравились этой травой?

- Может быть, - пожал плечами я. - Мало ли, что в ней могло измениться за 17 лет. Для нас она просто трава, которая путается под ногами, и мы не видим разницы. А для тех, кто ее ест...

- Да - какая-нибудь болезнь или мелкие паразиты, которых даже не разглядеть невооруженным глазом, - согласилась Кэролайн.

Безголовое тело шевельнулось. Но не так, как шевелятся живые (те же безголовые ящерицы), а так, как двигаются именно мертвые тела, пожираемые падальщиками - когда каждая часть (в данном случае, членистый сегмент) дергается хаотично и без всякой координации с другими. Ничего мистического в этом не было, и все же я снова почувствовал тревогу и отступил назад. Что же это за падальщики такие? Для обычных насекомых они явно были слишком крупными, раз заставляли двигаться такие большие сегменты. А если они достаточно велики, то как они, опять-таки, пролезли внутрь, не повредив панцирь - если голова отвалилась только что? "Через рот, наверно, - тут же ответил я себе. - И через задницу. А может, и со стороны брюха прогрызли, может, там панцирь более тонкий."

Едва я успел это подумать, как членики задергались еще сильнее, отламываясь один от другого, и эта растущая активность мне совсем перестала нравиться. "Кэролайн! - крикнул я, отступая. - Уходим!"

Но было поздно. Волосатая шкура члеников трескалась и осыпа́лась, как шелуха. А изнутри лезло тоже что-то волосатое, членистоногое, темное, расправлявшее на ходу жесткие полупрозрачные крылья. Из каждого сегмента - и той твари, что валялась прямо перед нами, и, насколько я успел заметить, прочих ее сородичей - выбиралось ровно по одному такому существу, похожему не то на муху, не то на пчелу, но при этом длиной в полфута. А затем они с оглушительным низким гудением - скорее, стрекочущим ревом - начали подниматься в воздух.

Я уже ничего не обдумывал, действовал чисто на инстинктах - крикнув Кэролайн "делая, как я!", рухнул ничком, вжимаясь лицом в траву, обхватывая голову руками и пряча ладони в

рукава.

Я слышал, как весь этот жуткий рой из пары десятков огромных мухопчел прострекотал у нас над самыми головами, и чувствовал затылком ветер от ихних крыльев. Потом гул стал удаляться в сторону Бампа. Наконец я решился поднять голову и посмотреть назад. В воздухе словно двигалась длинная колеблющаяся полоса дыма, тянувшаяся с севера на юг, насколько хватало глаз, и со все еще хорошо слышным гудением смещавшаяся на запад.

- Кажется, пронесло, - пробормотал я. - Что это было? Вылупились личинки паразитов, убивших косарей? Что-то больно быстро. Неужто они за пару дней так вымахали, из микроскопических-то?

- Думаю, нет, - медленно ответила Кэролайн, приподнимаясь на локтях и тоже глядя вслед удаляющимся роям. - Это и были сами косари. Третья стадия.

- Как это? Из одной гусеницы выходит только одна бабочка. А тут вон сколько из каждой!

- Да, из каждого сегмента вылупилась отдельная особь, - подтвердила моя спутница. - Кроме головного и хвостового, которые, очевидно, были нужны, лишь пока организм оставался единым... - действительно, голова и последний остроконечный членик косаря так и остались лежать целые. - Возможно, впрочем, тут не перерождение одного организма в несколько, а просто зародыши развивались внутри, пожирая плоть родителя, пока не сожрали ее всю. Так или иначе, теперь они, очевидно, должны завершить цикл. Вернуться под землю и отложить яйца, из которых выведутся личинки, вырастающие в гусениц.

- Которые будут семнадцать лет ползти под землей на восток, чтобы затем три дня нажираться травой, чтобы потом их самих сожрали собственные детеныши. Которые улетят, отложат яйца и сдохнут.[32] М-да. К вопросу о смысле жизни.

- В природе нет никаких смыслов, - пожала плечами Кэролайн. - Как нет никакого добра и зла. Все это - искусственные категории, придуманные людьми и актуальные только для людей. Точнее, для разумных существ, если говорить в общем виде.

- Тварей создали маги, а не природа, - заметил я.

- Точнее - они спонтанно возникли в результате неконтролируемой интерференции деструктивных магических процессов, или, проще говоря, хаоса, вышедшего из-под контроля его инициаторов. Во всяком случае - большинство тварей. Но даже если некоторые из них и были созданы магами сознательно, смыслом они обладали только с точки зрения своих создателей, а не сами по себе. И теперь, когда их создатели мертвы, они тоже - часть природы. Не подлежащая моральным и вообще антропогенным оценкам.

- Ладно, умнейшая. Как твоя лодыжка? Не потянула снова?

- Кажется, нет. Я мягко упала. Сказались твои тренировки насчет команды "падай!" - улыбнулась она.

- Ну тогда вставай и пошли.

Поскольку косари не оправдали наших ожиданий, дальше снова начиналась нетронутая густая трава, путающаяся в ногах, идти по которой приходилось медленно и осторожно, чтобы избежать новых падений и травм. Так что до болот, к которым я надеялся выйти уже к вечеру, мы добрались только на следующий день. До заката оставалось еще четыре часа, но мы, конечно, встали на ночлег. На болотах ночевать нельзя. И идти через них ночью тем более нельзя.

Так что мы заночевали на безопасном расстоянии, но все равно всю ночь слышали периодически доносившиеся с болот звуки - уханье, стоны, тяжелые вздохи. Одни считают, что их издают живые существа, другие - что это оседает ил и выходят болотные газы, а может быть и так, что это живые существа, подражающие звукам газов и ила. Точно никто не знает - ночью на болота пойдет только самоубийца, а самоубийцы так далеко вглубь Пустошей не добираются

[32] Отчасти похожий цикл имеют некоторые виды цикад (17 лет подземной личиночной стадии и две недели летающей взрослой).

и уж тем более не возвращаются, чтобы потом об этом рассказать. В этих краях вообще мало кто бывает - для прячущихся бандитов слишком далеко, мародерить тут тоже особо нечего - города, некогда стоявшие на берегах Грэйт Ривер, смыты подчистую, поглощены Канавой или, в лучшем случае, погребены под тоннами ядовитого ила. А уж по ту сторону Канавы вдали от караванного пути бывали, наверно, и вовсе считаные единицы (я бывал со своим наставником - он сводил меня туда, чтобы показать переправу и окончательно удостовериться, что я готов к самостоятельной бэдлэндерской жизни - но на восток от Канавы мы заходили совсем недалеко). Считается, что там нет вообще ничего, кроме тварей - восточная часть былой страны была более развитой и густонаселенной, но и долбили по ней по этой причине более основательно. На бэдлэндерских картах на месте тамошних городов - либо минусы, либо знаки вопроса.

Так что продолжили путь мы только рано утром, чтобы точно успеть пересечь болота до заката. И это было утро восьмого дня от спуска с Бампа, что означало, что до "кровавых каникул" остается всего два.

Грэйт Ривер вместе с поймой в этих местах - все, что стало теперь болотами Старого русла - была шириной менее двух миль, так что тому, кто смотрит на карту, может показаться, что пересечь болота - плевое дело, и нечего там возиться целый день. Но это, конечно, полная чушь. Болота Старого русла представляют собой скопление бесчисленных луж и озерков, между которыми (а то и прямо из которых) растут густые заросли камыша, осоки и прочей болотной травы высотой почти везде больше человеческого роста, а кое-где и с небольшое дерево (настоящие деревья здесь, кстати, тоже попадаются, но в основном это гнилые мертвые коряги, с которых свисают некие слизистые космы). Все эти водоемы неглубокие, максимум по пояс, но у одних под этим слоем воды дно достаточно твердое, чтобы по нему можно было пройти, а у других гиблая трясина. И с ихними берегами - та же самая история. Это может быть просто жирная грязь, а может быть вязкое месиво, которое поглотит любого ступившего туда без остатка и шансов на спасение. Бывает и так, что берега какой-нибудь водяной кляксы - смертоносная топь, а вот у нее самой как раз дно твердое, поэтому и удерживает воду. Причем по внешнему виду отличить проходимые места от смертельных практически невозможно. Ну то есть в некоторых случаях видно, что вот туда лезть точно не стоит, попадаются и, наоборот, кочки и целые острова по-настоящему твердой земли (оставшиеся еще со времен, когда река была рекой, или намытые последующим наводнением), про которые опять-таки сразу можно сказать, что по ним пройти можно. Но по большей части болота Старого русла представляют собой смертоносный лабиринт из грязи, воды и зарослей, где безвредное от гибельного внешне не отличается никак. И даже прощупывание дороги шестом помогает не всегда. Может оказаться, что твердая почва, в которую ты только что тыкал - это скрытая слоем грязи спина твари, которая с удовольствием погрузится в жижу вместе с тобой, как только ты на нее ступишь. Те, которые как бревна с хвостами и пастями - это, кстати, еще не худшие. Худших после встречи с ними просто уже некому было описывать. Максимум, сохранились свидетельства типа "Моего товарища что-то схватило снизу и затащило прямо в трясину, я стрелял в жижу вокруг него, но без толку" или "Мой спутник отошел на пару ярдов по нужде, я услышал его вопль, но больше его уже не видел". Интересно, что ни ядовитых змей, ни удавов на болотах нет. Видимо, их всех сожрали.

А знаете, что самое интересное? Ни на одной карте, даже самой подробной, путей через этот лабиринт нет. Их вообще нет, хотя пересечь болота и можно. Гатей здесь прокладывать некому и не для кого - слишком уж мало людей здесь бывает. А отмечать на картах найденные маршруты нет никакого смысла. Потому что болота постоянно меняются. На месте вчерашнего безопасного участка завтра может образоваться трясина и наоборот. Разве что крупные острова более-менее постоянны, но по ним с берега на берег не допрыгаешь. Так что путь через лабиринт надо каждый раз отыскивать заново. К счастью, это в принципе возможно. Общее соотношение проходимых и непроходимых мест остается более-менее постоянным, как и ихняя

манера чередоваться друг с другом - не бывает так, чтобы вдоль всего русла протянулись одни сплошные трясины. Видимо, тут, как выражается Кэролайн, действуют "законы сохранения" и "динамическое равновесие" - то бишь вода, образующая новую топь, уходит из старой, и та становится преодолимой. Являются ли эти процессы порождением одной лишь неживой природы, или к ним причастны болотные обитатели (включая, как предположила Кэролайн, микроскопических, влияющих на состав почв) - вопрос, как говорится, еще ждущий своего исследователя.

Мы в эти исследователи точно не рвались (даже Кэролайн), нам нужно было просто пересечь болота живыми (ну и заодно набрать кровяники и пополнить прочие пищевые припасы). Основных приспособлений для выживания у нас было два, и это были не револьверы. Если в болотах приходится стрелять, то это, как правило, означает, что уже слишком поздно - даже если и отобьешься, откушенную ногу тебе никто не вернет. Так что, во-первых, конечно, это были длинные и прочные тростины, которые мы сре́зали, чтобы прощупывать путь (не только прямо перед собой, но и вокруг того места, куда собираешься ступить, как объяснил я Кэролайн; объяснил я ей также, как сразу же выпускать шест, если что-то схватит его и потащит вниз). Ну а о втором приспособлении я позаботился еще тогда, когда мы пересекли солончаки. Зная, что нам еще предстоит путь через Старое русло, я выломал два крупных куска соляной корки и все это время тащил в рюкзаке эту лишнюю тяжесть - которая теперь могла оказаться совсем не лишней. Теперь мы замотали эти куски в тряпки и привязали каждый к своей лодыжке (я к правой, Кэролайн к левой). Вода в болотах Старого русла - хотя и сильно грязная, но пресная, и обитающие в ней твари не любят соль. Пытаться оградиться от тварей кругом из соли на суше - идиотское суеверие, а вот в воде это реально может помочь.

Итак, мы двинулись в путь - где по щиколотку в грязи, где по колено или по пояс в воде. Пояс с револьверами мне пришлось повесить на груди - не вокруг нее, а перед ней, стянув им лямки рюкзака, а Кэролайн свой просто протянула под мышками - надо сказать, женская грудь удобна тем, что не позволяет в такой ситуации амуниции соскальзывать (и это, наверно, единственное ее преимущество). Шли мы не гуськом, а рядом - я справа, Кэролайн слева, чтобы контролировать больше пространства вокруг, прощупывая дорогу перед каждым шагом. Выходило, мягко говоря, небыстро, даже если бы мы могли идти по прямой - а мы, само собой, не могли, и вынуждены были то и дело поворачивать и искать дорогу в обход очередной топи. Понятно, что перебирающимся через болота всегда хочется проложить свой маршрут через острова, чтобы хотя бы часть пути пройти по нормальной земле. Не устоял от этого искушения и я - севернее был довольно крупный остров; с бывшего западного берега его не было видно за болотными зарослями, но он был обозначен на карте, и мы начали наш путь напротив него. Но необходимость петлять все время уводила нас то в одну, то в другую сторону, а когда нам все же удалось подобраться к нему почти вплотную - в просветах гигантской травы уже даже видны были обширные красные пятна росшей там кровяники, но ключевое слово "почти" - оказалось, что это действительно остров в самом полном смысле слова. То есть трясина окружала его со всех сторон, и выбраться на него было невозможно. Так, очевидно, было не всегда, время от времени проходы появлялись - но вот в этот раз нам не повезло. Лишь зря потеряли время и силы.

Пришлось искать новый путь в обход. Он завел нас еще севернее, где мы, наконец, смогли отдохнуть, выбравшись на относительно сухую кочку, и даже пособирать на ней ягоду. Там же я изловил здоровенную жирную жабу - это можно сделать даже голыми руками (хотя я, конечно, был в перчатках), у них, как у скорпионов, ядовит только кончик хвоста. В воде они хорошо плавают и способны надолго нырять, а также быстро зарываться глубоко в жидкую грязь, но на твердой суше только неспешно ходят, становясь предельно легкой добычей. Я отрезал жабе хвост и отправил ее в рюкзак живой, чтоб не портилась раньше времени (на болотах все вообще гниет очень быстро). В общем, все на этой кочке шло хорошо, пока

Кэролайн, вдохновленная моим примером, не заметила, что и кровянику можно не обирать по ягодке, а вырывать сразу целыми кустами, что будет намного быстрее - а ягоду с них снимать уже потом, когда мы будем готовить еду на твердой земле. Даже не знаю, почему эта мысль не приходила в голову мне - наверно, из извечного нежелания таскать с собой лишнее. Но Кэролайн заявила, что кусты не обязательно пихать в рюкзак, она может нести их в руке - и принялась за дело, вырвав несколько штук вместе с корнями и мхом, за который эти корни цеплялись. А под ним оказалась вовсе не земля, и даже не камень. А кость.

Я не знаю, каким было строение этой твари - о которой я, к слову, никогда не слышал раньше. Если предположить, что "кочка" была верхушкой ее черепа, то одна ее голова должна была быть диаметром ярдов десять, во что я решительно не верю. Так что, скорее всего, это был спинной панцирь. Но и в этом случае размеры впечатляли - ту черепаху, что под деревом, оно уделывало, как бык ягненка. На наше счастье, оно было давным-давно мертво - иначе когда бы на нем успели вырасти кусты (да и вонь тоже успела выветриться, если не считать того общего тухлого запаха, что висит над болотом всегда). Но мысль о том, что где-то тут могут быть и живые сородичи этой штуки, сильно убавила энтузиазм Кэролайн насчет прогулок по болоту - да и мой, прямо скажем, тоже.

Но делать было нечего - надо было как-то добираться до твердой почвы бывшего восточного берега, что до нас благополучно удавалось уже не столь уж малому количеству людей - правда, о многих из тех, кому это не удалось, вероятно, уже некому было рассказать. Так что, осторожно спустившись с "кочки" по колено в воду, мы продолжили поиски пути.

Увы - в этом нам не особо везло. То и дело мы упирались в тупики, окруженные трясиной со всех сторон, кроме той, откуда мы пришли, и вынуждены были возвращаться. Возможно, виной тому был дождь недельной давности, шедший весь день и поднявший общий уровень воды (быть может, если бы не задержка из-за травмы Кэролайн, преодолеть болота было бы еще сложнее). Положение осложнялось еще и тем, что ни карта (где было обозначено лишь Старое русло и острова на нем без дальнейших деталей), ни компас практически не помогали ориентироваться среди сплошных зарослей, закрывавших обзор в любую сторону, и бесконечного множества всех этих ям с водой, которые все были разными и в то же время слишком похожими. Так что, признаюсь честно - наверняка я где-то сворачивал не там и проходил дважды по одной и той же петле, а где-то, наоборот, пропустил нужную полоску грязи, которая, возможно, и вывела бы нас к цели. Солнце давно перевалило заполдень, а мы лишь смещались все дальше к северу (это одно из общих правил: когда не знаешь точно, раз выбрав направление - придерживайся его, нет ничего глупее, чем начать метаться туда-сюда), а восточный берег все еще оставался далек. Ну то есть несколько раз мы вроде бы приближались к нему, но вынуждены были поворачивать обратно. Я уже даже не обращал внимания на характерные следы ползучих рыб в грязи - тут было не до охоты, выбраться бы из болот до сумерек!

Правда, когда еще пару часов спустя мы вынуждены были остановиться на отдых на берегу очередного мутного озерка (берег представлял собой сплошную полужидкую грязь, но мы срезали достаточное количество травы, чтобы усесться на нее), я все же решил не терять времени даром и добыть немного икры. Для этого рыбу следовало сперва приманить, и я пожертвовал для этой цели несколькими кусочками мяса языкана. Это возымело успех - уже через минуту я увидел, как одна из этих рыбин выползает на берег, перебирая своими передними плавниками, словно безногий (но сильный) калека, ползущий на локтях. За ней последовала еще одна, тут же начавшая отпихивать первую. Я дождался, пока их соберется с десяток, отщипывая и кидая им мелкие кусочки, а затем - не желая, понятно, тратить патроны - поднялся с места с заостренной ножом тростиной. Но оказалось, что моя наживка сработала даже слишком хорошо. Едва я занес свою острогу для удара, как прямо под копошащейся в грязи рыбой с отвратительным чавкающим хлюпаньем разверзлась круглая зубастая дыра диаметром в добрый

ярд и втянула в себя и грязь, и воду, и всю мою потенциальную добычу.

Кэролайн с визгом вскочила с места, как простая испуганная школьница, но в следующий миг уже, как заправский бэдлэндер, наставила в сторону твари револьвер. Но там уже только булькали пузыри над вновь сомкнувшейся жидкой грязью.

Вряд ли стоит уточнять, что мы по обоюдному решению досрочно прервали наш отдых на этом рыбацком курорте и передислоцировались оттуда со всею возможной, учитывая необходимость прощупывать дорогу, поспешностью.

Когда мы, наконец, остановились на более-менее твердом грунте, я вновь попытался сориентироваться по карте среди этих проклятых камышей, но тут Кэролайн подала новую оригинальную идею: "Давай я просто влезу тебе на плечи и посмотрю!" Земля в этом месте была способна выдержать двойной вес (на самом деле, не двойной, она же весила меньше меня), и я тут же согласился, что это хорошая мысль. Я снял рюкзак, помог ей взобраться (что уже не было ей в новинку) и передал бинокль, а затем с картою в руках стал медленно поворачиваться, чтобы она могла все хорошо осмотреть.

- Тут рядом остров! - воскликнула девушка, когда я повернул ее лицом на северо-восток, и прежде, чем я успел найти этот остров на карте и уточнить наше положение, добавила: - И... по-моему, на нем какая-то избушка.

Я понял, о каком острове она говорит. Выходило, что мы уже близко к восточному берегу и можем надеяться добраться до него напрямую, не отворачивая в сторону острова. Но подобные надежды обманывали нас уже не раз. А остров, по словам Кэролайн, был совсем рядом, и на него мы бы смогли выйти почти наверняка - похоже было, что та полоса относительно сухой земли, на которой мы находились, тянулась к южной его оконечности. Но - избушка? Откуда бы ей здесь взяться? Во время Войны тут смыло даже каменные дворцы, а не то что избушки. Да и кто бы стал селиться на острове посреди реки, вынуждая себя садиться на весла всякий раз, когда понадобится что-то купить или продать?

Такой необычный объект должен был быть отмечен на карте. Проблема в том, что моя карта истрепалась на сгибах. Для ближних миссий она мне в общем-то и не требовалась, я там и так все знаю, как свои пять пальцев, но на случай дальних походов я собирался заказать новую как раз после охоты за Джокером... И вот теперь краешки острова я на карте видел, а между ними, там, где могла бы быть отметка дома, зияла дыра.

Конечно же, мне сразу вспомнился "джек". Но те твари обитают в сухой части Пустошей, я никогда не слышал о них в болотах. Хотя, конечно, я много о чем не слышал в этих малоизученных краях, но простая логика подсказывала, что подобный хищник сдох бы здесь с голоду. Людей здесь почти не бывает, а болотные твари, в отличие от пустынных, не устраивают логова в бывших человеческих жилищах.

- Опиши подробнее, на что это похожа эта избушка.

- Мне не очень хорошо видно, там тоже все заросло, но растительность другая, не болотная - кусты, даже деревья... но, в общем, вроде, обычный старый фермерский дом, не очень большой. Один этаж, чердак, высокая двускатная крыша. По-моему, в чердачном окне даже стекло целое.

- Стены деревянные?

- Да.

- Крашеные?

- Если и были, то краска давно облупилась. И вроде они покосившиеся, но целые.

Теперь, понятно, мои подозрения обратились на гипотетических отшельников-кролиководов.

- На острове есть деревья, из которых можно построить дом? - спросил я. Притащить бревна и доски через болота, во-первых, нереально, а во-вторых, их в округе просто неоткуда взять.

- Нет, там только что-то тонкое, типа ольхи.

- Впрочем, - смекнул я, - это ничего не значит. Может, они там были, но их срубили на этот самый дом.

- Если и так, то это было десятилетия назад. Говорю же - дом старый.

- Ладно, самое главное - видишь там какие-нибудь признаки, что он обитаем?

- Нет, не похоже. Там вокруг тоже заросло все.

- Ладно, слезай.

Когда Кэролайн спустилась на землю, у меня уже было готово наиболее вероятное объяснение.

- Думаю, - сказал я, - этот дом не был построен здесь ни до Войны, ни после. Его просто принесло наводнением, которое разрушило поселения выше по течению.

- Очень может быть, - согласилась Кэролайн. - Стены покосившиеся, стоит криво. Да и что фермерам на таком маленьком островке делать, поле тут не распашешь и скотину не выпасешь... Так мы туда не пойдем?

Хороший вопрос. Нам, конечно, надо поскорее выбираться из болота, а не обследовать заброшенные руины. Но, возможно, именно через этот остров и лежит самый верный путь к берегу. Быть может, между берегом и недалеким от него островом была отмель, которая и теперь не позволяет образоваться трясине. А что касается дома... стоит, пожалуй, взглянуть в каком он состоянии. Если там действительно даже стекла уцелели...

До "кровавых каникул" остается два дня. И я еще не придумал, где мы их проведем. Так почему бы и не здесь? Во всяком случае - держать этот вариант про запас. Если за завтра не найдем ничего лучше - успеем вернуться.

Большинству бэдлэндеров, конечно, такая идея и в голову бы не пришла. И мне бы тоже не пришла, будь я один и не поджимай нас время. Ночевать на болотах нельзя, это, как выражается Кэролайн, аксиома. На острове, не на острове, не важно. Даже одну ночь - что уж говорить о том, чтобы остаться тут чуть ли не на неделю! Впрочем, это уже неважно, сколько ночей потом, потому что никто не переживал даже первую. Но - это если под открытым небом, или там в палатке, или в шалаше. А если в доме с крепкими стенами (настолько крепкими, что они выдержали наводнение), где можно забаррикадироваться изнутри и законопатить грязью все щели? Дымоход, правда, не законопатишь, но если в очаге поддерживать огонь, кроволюбы в него не сунутся, да и никто не сунется. Более того, от некоторых кроволюбов - не от летающих, конечно, но от ходячих - болота могут даже защитить. А что до ночных болотных тварей, о которых никто ничего толком не знает, то - даже если и предположить, что они в принципе могут разрушить дом (после того, что мы видели в этот день, я уже не считал такое совершенно невозможным), то сам по себе он им не нужен, раз до сих пор стоит. А нас внутри, при всех перечисленных мерах, они просто не учуют.

В общем, чем больше я думал, тем менее безумной казалась мне эта мысль. Была, правда, еще одна важная причина, по которой задерживаться на островах в болоте - плохая идея. Те самые постоянные изменения. Ты можешь прийти на остров по безопасной тропе, а когда соберешься уходить (особенно если это будет через несколько дней) - обнаружить, что со всех сторон отрезан трясиной. Как тот первый остров, на который мы так и не смогли выбраться. Но! Раз на этом острове растет не болотная трава, хотя бы и гигантская, а нормальные кусты и деревья с тонкими стволами и ветками - в этом случае мы сможем сделать гать. До берега не так уж и далеко, так что, наверно, дня за три с этим можно справиться. Или даже быстрее, если мостить придется не весь путь, а лишь отдельные участки...

Своими мыслями я поделился с Кэролайн (до чего уже дошло - вместо того, чтобы просто говорить ей, что делать, я спрашивал ее мнения, словно она была заправским бэдлэндером!). Она, однако, не испытывала священного бэдлэндерского ужаса перед идеей ночевки на болотах и лишь спросила: "А откуда вообще известно, что делать этого нельзя? Если все, кто так делал,

погибли, то кто об этом рассказал? Это, конечно, могли бы сделать ихние товарищи, но тогда получается, что они зачем-то разделились, и погибшие остались ночевать на болоте, а выжившие ушли в другое место. Что помешало им уйти всем вместе?" "Хммм..." - задумался я, которому, по правде говоря, прежде не приходило это в голову. Действительно, я ведь никогда не слышал о найденных трупах или предсмертных записках таких ночевавших. Всегда говорилось, напротив, что их больше никто никогда не видел. Причем говорилось без называния конкретных имен и дат. А Кэролайн продолжала: "И откуда вообще известно, что на болотах хоть кто-то когда-то ночевал? Может, кто-то первым запустил байку, что делать этого нельзя, а все остальные просто повторяют ее, не решаясь проверить?"

А ведь логично, чтоб его. Можешь не рисковать - не рискуй. Закон Пустошей. Это не значит, конечно, что по такому принципу бэдлэндеры готовы принять на веру любую завиральную чушь. Но в том, что в болотах *действительно* можно запросто погибнуть даже днем, а уж тем более ночью, никаких сомнений нет. Просто одно дело - переться в темноте через трясины, а другое - сидеть в надежном убежище на сухом месте, где никто не подкопается снизу. Хотя, конечно, чисто ради интереса я бы все равно рисковать не стал. И даже на спор бы не стал, не в том я уже возрасте. Но, имея выбор между возможной байкой и совершенно реальными кроволюбами...

- Ну что ж - пойдем оценим гостеприимство пансиона "Болотный", - принял решение я. - Только надо будет осторожно удостовериться, что там внутри нет какого-нибудь гнезда ос величиной с мой кулак. В смысле, не гнездо с кулак, а каждая оса.

Мы благополучно добрались до острова, не уткнувшись больше ни в какую топь, и выбрались на его южный конец. Как и большинство речных островов, он был вытянут вдоль течения и невелик - та его часть, что теперь возвышалась над грязью и водой болота, была не больше тридцати ярдов в ширину. Длину было оценить сложнее, поскольку он действительно зарос кустарником и тонкими деревцами с чахлой мелкой листвой, в северной части гуще, чем в южной, и они мешали рассмотреть его дальний конец. Дом находился именно там, окруженный ими со всех сторон. Даже отсюда было очевидно, что он необитаем - во всяком случае, людьми. Я не мог рассмотреть, позволяют ли эти деревья открыть дверь, но то, что они загораживают окна (причем даже не листьями, в чем была бы хоть какая-то живописность, а голыми прутьями), было очевидно. Всякий человеческий жилец наверняка срубил бы их. Худо, однако, если окажется, что они выдавили своими ветками все стекла, или если те разбились от иных причин. Впрочем, возможно, уцелели ставни, а если и нет, у нас есть еще два дня, чтобы забить окна досками, оторванными от каких-нибудь внутренних стен и перекрытий.

Все же мое предостережение насчет ос (или любых других подобных насекомых) отнюдь не было шуткой, так что я велел Кэролайн оставаться на месте и быть настороже, пока я схожу на разведку.

Заросли были все же не настолько густыми, чтобы мне приходилось проламываться или, тем паче, прорубаться сквозь них; я шагал, стараясь производить как можно меньше шума, отодвигая ветки левой рукой и, само собой, держа револьвер в правой. Чем ближе я подходил к дому, тем очевиднее становилась его давняя заброшенность - в чем, впрочем, сомнений не было с самого начала. Одно из окон в обращенной на юг стене и впрямь было закрыто ставнями, на другом они были раскрыты, причем правая створка свисала на одной петле (стекло там, однако, сохранилось, хотя и заросло грязью до полной непрозрачности). Я подошел и, раздвинув ветки, попытался заглянуть в него, но ничего не увидел. Дверь была в восточной, обращенной к ближайшему берегу стене. Когда-то перед ней, вероятно, было невысокое крыльцо, но его разрушило наводнение, и теперь земля подступала к двери вплотную. Я убедился, что выросшее перед этой дверью дерево не даст распахнуть ее полностью, но позволит приоткрыть достаточно, чтобы войти. Однако прежде я намеревался обойти дом со всех сторон и двинулся дальше мимо северо-восточного угла. Северная стена ничем принципиально не отличалась от

южной, не считая того, что один отломанный ставень валялся прямо на земле. Однако деревьев и кустов с этой стороны было намного меньше, в основном все заросло сорной травой высотой почти по пояс, но, насколько я мог судить, без заметной пустошной экзотики. Отсюда уже хорошо был виден северный конец острова, на котором громоздился грандиозный завал из мертвых, лишенных коры деревьев (куда более внушительных, чем те, что росли на острове), отдельных коряг, бревен, оторванных досок и прочего мусора, полузанесенного грязью. Очевидно, весь он был нанесен наводнением 53 года назад. У меня впервые возникла мысль, что дом, возможно, и не приплыл сюда раньше, чем все это, а все-таки был построен на острове еще до Войны, а этот затор сыграл роль дамбы, которая хотя и не могла защитить его от наводнения полностью (чему свидетельством были накренившиеся к югу стены), но все же ослабила напор воды настолько, что дом смог устоять.

Я перевел взгляд ближе и заметил в густой траве что-то вроде ржавой проволочной сетки. Принесло ли ее водой, или она, наоборот, была уцелевшей частью ограды дома? Хотя - от кого огораживаться на острове?

Я подошел ближе. Это был старый вольер для кроликов. Пустой, с разорванной сеткой. Но у меня возникло твердое подозрение, что кролик, которого мы съели полторы недели назад, был родом отсюда. Я даже наклонился, проверяя, не остались ли на проволоке какие-нибудь клочки пуха.

И тут позади меня заскрипела дверь.

Я резко выпрямился и обернулся с револьвером в руке.

То, что вышло из-за угла дома... я даже не знаю, каким словом это назвать. Оно походило на человека - крупного, совершенно голого (включая отсутствие волос), коренастого, хромающего на обе ноги - но это нельзя было назвать человеком (как и его ноги нельзя было назвать ногами). Это даже нельзя было назвать тварью, в единственном числе, хотя я называю так двухголовых стервятников и трехголовых змей. Это было... как будто некий злобный ребенок взял несколько слепленных из глины фигурок и смял их вместе, скатал в единый комок. Только вместо фигурок были живые тела.

Из неестественно широко раздавшихся плеч росло две головы. Та, что слева (здесь и дальше - если глядеть с моей стороны) была круглой щекастой головой мужчины лет пятидесяти, с маленькими глазками под набрякшими веками и усталым выражением лица. Про правую голову ничего не могу сказать, ибо она росла лицом назад, и я видел только ее голый затылок. Левая грудь была женской, большой и отвислой, как у толстухи. Правая по форме тоже походила на женскую грудь, только это было круглое пухлое лицо. Точнее - передняя часть головы, все то, что у нормального человека впереди ушей. Лицо было, судя по всему, женским, со скошенными лбом и подбородком, которые, как и щеки, просто растягивались и переходили в кожу грудной клетки без каких-либо швов или складок. Вся эта растянутая кожа, вкупе с бессмысленным взглядом тусклых, возможно даже слепых глаз и отвислой, словно край глубокой раны, нижней губой придавало этому лицу выражение совершенного идиотизма. Из левого плеча вместо руки торчала мужская, судя по размеру, ступня, развернутая под неестественным углом (хотя трудно сказать, какой угол для ступни в таком месте был бы естественным). Другая рука выглядела почти нормально, если не считать того, что сгибалась в обратную сторону - то есть локоть был спереди, точно так же, как и большой палец. Из живота - так же без какого-либо шва, складки или линии границы, как неотъемлемая часть единого целого, обтянутого бледно-розовой кожей - выпирала передняя половина тела собаки с бессильно свисающими лапами, тоже совершенно лишенная шерсти. Глаза собаки были закрыты, из пасти свешивался язык, похожий на дохлого моллюска, и вообще собака казалась скорее мертвой, чем живой, но все же голова ее не была опущенной. Вместо левой ноги это... существо опиралось на жилистую руку с широко растопыренными грубыми пальцами. Но всего ужаснее было то, что заменяло ему правую ногу. Ниже колена это было перевернутое тело

маленького ребенка, без рук и ног, только туловище и круглая голова, на которую существо опиралось при ходьбе. То есть лысая макушка этой головы служила подошвой. Большие голубые детские глаза были открыты и смотрели старческим взглядом.

Про нас, бэдлэндеров, говорят, что мы сначала стреляем, а потом думаем. Это, в общем-то, в немалой степени правда. Нередко именно быстрота рефлексов спасает нам жизнь, позволяя начать стрелять еще до того, как разум в полной мере осознает опасность. Но то, что заставило меня раз за разом взводить курок и нажимать на спуск - без малейшего промедления и колебания, не задумываясь о том, разумно ли то, что я вижу перед собой, не пытаясь вступить с ним (или с ними) в контакт - не было связано с чувством опасности. Я вообще сомневался, что оно способно причинить мне вред. Просто есть вещи, которые не должны существовать. Которым нельзя позволять существовать. Человек - или люди - не должны жить в таком состоянии, независимо от того, осталось ли еще что-то от их личностей. Если осталось, то тем более не должны.

Я прострелил каждую из голов, включая собачью. Только после этого оно рухнуло.

Потом, конечно же, выщелкнул еще горячий барабан и вогнал в опустевшие гнезда пять новых патронов.

Затем подошел к тому, что только что убил, и носком сапога перевернул тяжелое тело. Понятно, что полностью на живот оно не легло - мешала собака, но все же я убедился в том, в чем хотел - на спине никаких голов и лиц уже не было. Что касается той головы, что смотрела назад, то - выходное отверстие пули 44 калибра очень портит внешность, но, судя по всему, это была голова молодого парня.

Убедившись, что оно окончательно мертво, я бросил новый подозрительный взгляд в сторону дома, хотя уже практически не сомневался, что больше там никого нет. Однако до меня донесся треск веток - но шел он, понятно, не из дома, а из зарослей дальше к югу.

- Кэролайн! - крикнул я. - Все в порядке!

Через несколько секунд она выбежала из-за дома - запыхавшаяся, осыпанная мусором с веток и, конечно, с револьвером в руке.

- Ну куда ты так неслась, - улыбнулся я. - Сказал же, все в порядке.

- Откуда мне знать, что это ты сказал? - буркнула она, опуская оружие и переводя дух. - А вдруг это тварь, подражающая твоему голосу?

- Твари не знают твоего имени, - усмехнулся я. - И, в любом случае, если что-то подозреваешь - надо не нестись сломя голову, а подбираться осторожно, чтобы не угодить в засаду. - я увидел, как она обиженно надула губки, и поспешно добавил: - Но я все равно очень ценю, что ты так обо мне беспокоилась.

- Просто... столько выстрелов... я подумала, что что-то серьезное. Что тебе срочно нужна помощь. Так в кого ты стрелял? - она, очевидно, все еще не видела *это* в высокой траве.

Я рассказал и показал ей.

По правде говоря, я думал, что весь наш предыдущий опыт отучил ее от брезгливости, вон даже паутина в волосах, которую она, очевидно, подцепила с какой-то ветки, ее уже не смущала - но от этого зрелища ее чуть не стошнило в самом буквальном смысле. Она отвернулась, явно борясь со рвотными позывами. Ну, в общем, понятно - никакие нечеловеческие монстры не вызывают такого страха и отвращения, как люди. Или то, в чем еще можно узнать человека. Наверное, больше всего пугает то, с чем человек чувствует родство - типа как страшнее всего та болезнь, которой можешь заболеть сам. Интересная, кстати, мысль, которая никогда прежде не приходила мне в голову - может быть, в монстрах больше всего пугает не вред, который они могут причинить, а перспектива стать таким же монстром самому?

- Так ты полагаешь, это и были коренные обитатели дома? - спросила Кэролайн, совладав со своим желудком. - Семья, которая жила тут до Войны?

- Наверное, - пожал плечами я. - Пока магия не превратила их в *это*.

- Но ведь это было 53 года назад. И с тех пор магия не действует. Как ребенок мог не расти, а взрослые - не стареть? Собака так и вовсе уже четыре раза сдохнуть должна была...

- Может, так оно и было, - ответил я. - Может, каждый... компонент проходил свой жизненный цикл. Старел, умирал, отгнивал, отваливался, потом на его месте вырастал новый. Может, та голова, что выглядит самой старшей, во время Войны была не главой семейства, а как раз-таки младенцем. А может, ихняя внешность вообще обманчива и не отражает истинный возраст. Или это вообще не первое поколение - оно само с собой продолжало род и порождало такое же потомство. В любом случае, бессмертными они точно не были. Этого даже маги не умели.

- Да уж кто бы захотел *такого* бессмертия, - поежилась Кэролайн.

- Ну ладно. Пойдем осматривать ихние хоромы.

Снаружи было еще светло, но в доме царил мрак - полный в тех комнатах, где окна были закрыты ставнями, и почти полный там, куда вечерний свет едва пробивался через густое переплетение ветвей и мутные стекла. Пришлось соорудить факел из палки и первых подвернувшихся под руку полуистлевших тряпок. Изнутри дом выглядел примерно так же, как снаружи - то есть как место, где никакие разумные существа не жили уже десятки лет. Всюду пыль и грязь, трухлявая мебель и остатки все того же тряпья, про которые уже трудно было сказать, что там при жизни было простыней, что скатертью, а что занавеской. Ну и запах соответствующий - малоприятный букет плесени, затхлости и никогда не мытого тела. Что меня, однако, сильно обрадовало - нигде не было куч дерьма, как это обычно бывает в домах, ставших логовами тварей. Видимо, сколько бы там разума или рефлексов ни сохранялось, но за этими делами *оно* все же выходило на улицу. Никаких полезных припасов мы, само собой, не обнаружили, но нашлось несколько инструментов, в частности, ржавая лопата (которой, видимо, не пользовались очень давно) и тупой, заскорузлый от крови нож, которым *оно*, вероятно, потрошило кроликов (пожирая их сырыми, ибо печь, судя по всему, не топили уже десятилетиями - даже не знаю, как *оно* обходилось зимой, возможно, все же куталось в несколько слоев тряпья). На чердаке обнаружились также молоток и большая коробка с разнокалиберными гвоздями, ржавыми, но еще пригодными. Неожиданным открытием стал обширный подвал, окончательно доказавший, что дом был построен именно здесь, а не принесен наводнением. В подвале мы увидели пять огромных, на 150 галлонов, винных бочек. Они были пусты, но они отвечали на вопрос, как существо, все же сохранившее, как выразилась Кэролайн, "человеческую физиологию и метаболизм", могло пережить первые послевоенные годы, когда вся вода в этих местах была ядовита (в болоте она очищалась особенно медленно).

- Значит, это была семья виноделов, - констатировала Кэролайн, когда мы вылезли из подвала.

- И где же на этом острове помешались ихние виноградники?

- А это точно всегда был остров? Ты видел довоенные карты?

- Хм, а ведь верно, - сообразил я. - Я-то по своей карте сужу. А до Войны, наверно, здесь был перешеек, который потом смыло наводнением. А может, даже и просто мост, а виноградники были на берегу... Но если ихним бизнесом было вино, тогда зачем им кролики?

- Просто любили крольчатину, - пожала плечами Кэролайн. - Вольер ведь небольшой был?

- Тоже логично, - согласился я. - Вино на продажу, кролики для себя. Хм, а ведь получается, кроликов после Войны тоже вином поили, раз они не сдохли...

- Жить захочешь, еще не то выпьешь, - вздохнула девушка. - Хотя я никогда не понимала, зачем люди пьют алкоголь, когда есть нормальные вкусные напитки.

- К концу нашего путешествия ты будешь недоумевать, зачем люди пьют чай и кофе, когда есть нормальная вкусная вода, - усмехнулся я. - Которая, кстати, и впрямь лучше утоляет жажду, особенно после восьмичасового перехода по жаре. Хотя насчет алкоголя согласен. Штука

это, на самом деле, полезная, если только не употреблять ее внутрь.

В целом осмотр дома укрепил меня в мысли, что жилище, конечно, не самое уютное, но, если подлатать ставни (особенно на западной стене, где стекла все-таки выдавило, когда дом перекосился) и законопатить щели в потолке, а заодно и прочистить дымоход, то выдержать четырехдневную осаду кроволюбов здесь вполне можно. Что же касается гипотетической смертельной опасности для всякого, осмелившегося заночевать на болотах, то опыт предыдущих обитателей этого дома наглядно доказывал, что это и в самом деле предрассудок. Так что следующий день я решил посвятить обустройству пансиона "Болотный", отказавшись от попыток искать альтернативное убежище на берегу.

Но прежде следовало позаботиться об этих самых... обитателях. Не из каких-то там сентиментальных или суеверных глупостей, конечно же, а потому, что ночевать рядом с падалью - это в Пустошах действительно плохая идея, а оставлять падаль рядом со стоянкой, где ты намерен провести несколько дней, и подавно. Проще всего было утопить останки в болоте, но это опять-таки могло привлечь тварей, которые, допустим, не вылезут на сушу, но начнут патрулировать периметр острова в ожидании добавки - а нам, как-никак, еще предстояло добираться до берега.

Идею пустить это мясо - хотя бы одну только собачью его часть - в пищу самим я даже не выдвигал, и не только потому, что это не понравилось бы Кэролайн. Просто у предрассудков насчет каннибализма есть, на самом деле, и разумная основа. Чем больше твоя еда похожа на тебя самого, тем больше риск подцепить от нее заразу или паразитов, опасных и для тебя тоже. И в Пустошах такой заразы может быть сколько угодно и самой затейливой, какой не встретишь в цивилизованных землях - так что есть такую вот тварь, даже если она и не совсем человек, даже опаснее, чем, допустим, своего погибшего товарища. Пустошным тварям-каннибалам-то на свое здоровье плевать, они и с паразитами живут, а если и дохнут, то на ихнем месте новые рождаются - а вот мне такая перспектива на хрен не сдалась. Нет, конечно, если бы мы голодали, то пойти на такой риск было бы единственным разумным решением, и я бы сам на нем настоял. Но мы не голодали. Сидя на острове, я рассчитывал наловить вдоволь хвостатых жаб и по-прежнему надеялся все-таки полакомиться и икрой ползучих рыб. Так что ну его на хрен, при наличии альтернативы.

Кэролайн, правда, заметила, что с научной точки зрения было бы интересно произвести вскрытие и подробное анатомическое исследование, как там все устроено внутри, как все эти головы соединяются с внутренними органами, человечье с собачьим и так далее - но тут же решительно заявила, что это задача для биолога, а она - физик и химик, и заниматься ничем подобным не собирается.

Можно было устроить погребальный костер из болотной травы, но моя интуиция настаивала, что, какими бы вздорными ни были мои подозрения насчет мозгоклюев над трактом, лучше все-таки не разжигать большой огонь, который (или его дым) будет видно за много миль. Мы отклонились на несколько миль к северу от маршрута, которым идут желающие переправиться на ту сторону Канавы - вот и пусть идут себе мимо. Судя по всему, до нас на этом острове и особенно в этом доме не бывал вообще ни один нормальный человек, несмотря на то, что остров нанесен на карту (и, возможно, дом там тоже отмечен). Его видели издали в бинокль, но не сочли нужным пробираться сюда через топи, чтобы обследовать явно заброшенную халупу, в которой со всей очевидностью не могло быть ничего ценного, а как место для ночлега она непригодна, потому что на болотах это вообще нельзя. Вот пусть так дальше и думают... все, кто может здесь оказаться, если таковые все же найдутся.

Так что мне оставалось только взять лопату и выкопать могилу. Что не доставило мне никакого удовольствия после и без того крайне утомительного дня - но я все же управился с этим до темноты.

А затем пришла ночь - та самая, которую на болотах якобы не может пережить никто.

Входная дверь запиралась изнутри на замок и простой засов. Ключ от замка был неизвестно где, да и сам замок, скорее всего, давно превратился в монолит из ржавчины, но засов задвигался без проблем и держался крепко. Не знаю, хватало ли у предыдущих обитателей ума запирать его на ночь, но мы это сделали. На ночлег мы, не рискуя довериться трухлявым кроватям, расположились на полу в левой передней комнате, где окно было закрыто ставнями. Внутри, соответственно, царила полная темнота (никаких свечей в доме мы тоже не нашли), и мы сразу же заснули. Впрочем, мы так устали, что заснули бы даже под праздничный фейерверк.

Проснулся я посреди ночи от тишины снаружи. То есть ночью на болотах, помимо тех жутковатых звуков, что я уже упоминал - громких, но не слишком частых - есть и другие: постоянно кто-то квакает, булькает и плещется. А тут вдруг стало тихо. Настолько тихо, что моему спящему подсознанию это не понравилось. Моему проснувшемуся сознанию это не понравилось тоже.

Кэролайн мирно посапывала рядом. Я не стал ее будить, лишь бесшумно сел, прислушиваясь. Некоторое время я не мог различить ничего, потом... я как будто услышал некое движение снаружи. Словно по сырой траве медленно волокли нечто большое, тяжелое и скользкое. И звук доносился не со стороны болота, а ближе. Где-то уже совсем рядом с домом.

Я даже не был уверен, действительно ли слышу это, или это игра моего воображения, стремящегося чем-то заполнить тишину. У бэдлэндеров воображение, конечно, не такое взбалмошное, как у поэтов, но все-таки, при нехватке реальной информации и сильном желании ее получить, иногда и оно выкидывает шутки. А потом вдруг вдали заквакала жаба, за ней еще одна, и вновь возобновившийся болотный хор окончательно склонил меня к мысли, что мне просто послышалось. А если даже какая-то тварь и выползала на остров, то она уже убралась. Я убрал револьвер и собрался лечь досыпать.

Трах!

Мощный удар обрушился на входную дверь. Засов, судя по всему, выдержал, но дверь предостерегающе кракнула.

Я вскочил и в кромешной темноте босиком по грязи и мусору на полу рванул к двери. От комнаты, где мы спали, ее отделяли небольшие сени, и нужно было еще вписаться в проход, ведший туда.

- Что это? - раздался сзади испуганный голос Кэролайн.

- Не знаю! - ответил я уже из сеней. - Кажется, у нас гости!

Я навалился на дверь в тот самый момент, когда она содрогнулась от нового удара. На сей раз я ясно почувствовал, что бьют в ее нижнюю часть - стало быть, тварь, по крайней мере, невелика в высоту. Что совсем неудивительно, если она ползучая, и ничего не говорит о ее длине. Если только она не стоит, пиная дверь ногами, ха-ха. Но даже примерно представляя, где она находится, стрелять через дверь я не хотел. Это означало проделать дырку, через которую оно, к примеру, может просунуть ядовитый шип, который я даже не увижу в темноте. Да и вообще, потом еще придется эту дырку (и, возможно, не одну, если первая пуля не решит проблему) заделывать, чтобы не привлекать и не пропускать кроволюбов...

Это навело меня на новую мысль:

- Кэролайн, у тебя случайно не началось раньше?

- Нет! - она сразу сообразила, о чем я.

Стало быть, это не местная версия кроволюба, уже хорошо. Или не очень хорошо? Что нужно кроволюбам, мы, по крайней мере, знаем, и знаем, как от них можно защититься, а это...

Словно в ответ на мою мысль о ползучей природе твари, новый удар, сухой и хлесткий, обрушился уже по всей высоте двери. Теперь что-то настойчиво скреблось и царапалось и на высоте человеческого роста, и даже выше. Мысль о том, что меня от того, что все это проделывает, отделяет всего пара дюймов старой деревяшки, совсем не вдохновляла - как и о том, сколько эта деревяшка еще продержится, даже подпираемая мной с этой стороны.

- Найди кровать и толкай сюда! - крикнул я Кэролайн. - Надо баррикадировать дверь! Только не переломай там ноги в темноте!

Через некоторое время я услышал, как девушка толкает по полу тяжелую кровать. Потом кровать, конечно, застряла в проходе сеней. Но Кэролайн тут же сообразила завалить ее набок (наверняка так делали и тогда, когда заносили ее в дом) - однако толкать так стало еще труднее из-за возросшего трения, уже не ножек, а всей боковины, а я ничем не мог помочь, поскольку удерживал дверь при каждом новом ударе. Тут мне пришла в голову еще одна мысль.

- Кэролайн, - сказал я, - только не подумай, что я рехнулся, - и залаял.

В детстве я так замечательно подражал собакам и кошкам, что удавалось обманывать даже их самих. Помню кошку, прибежавшую на мое жалобное мяуканье - она явно была уверена, что это котенок. Когда мой голос огрубел, убедительно мяукать я разучился, а вот лаять могу ничуть не хуже и сейчас...

Тррах! Не помогло.

- Просто подумал, может, прежде эту тварь отпугивал лай *ихней* собаки, - смущенно пояснил я.

- Я догадалась, - пропыхтела Кэролайн.

В конце концов она все же дотолкала кровать до двери (ударив меня в темноте ножками, на что я, понятно, не обиделся), и мы так и подперли дверь кроватью, лежавшей на боку и достававшей до половины ее высоты - как раз до засова. Теперь мы могли навалиться на кровать вдвоем с другой стороны.

И только мы так хорошо все устроили, как удары прекратились. На месте Кэролайн я бы прямо даже обиделся на тварь за зря потраченные усилия.

Мы ждали, не рискуя отойти от двери, наверно, минут двадцать, но ничего больше не слышали за жабьим хором, иногда перекрывавшимся заунывным уханьем и стонами откуда-то из далеких трясин. Потом на какое-то время жабы снова затихли. А затем опять заквакали.

- Оно ушло? - хрипло спросила Кэролайн, все еще тяжело дыша после приложенных усилий. Я чувствовал в темноте запах ее пота - да, в такой ситуации никто не пахнет розами.

- Наверное, - вздохнул я. - Но это не гарантирует нас от повторного визита. К тому же у него могут быть друзья, которые тоже любят ходить в гости. Так что давай укреплять баррикаду дальше, пока есть время.

В общем, полночи мы стаскивали к двери всю мебель, которую могли туда протащить. А потом - когда все это так и не пригодилось - пол-утра это разбирали, чтобы выбраться наружу.

Первое, что я увидел, осторожно выглянув в приоткрытую щель, было вывороченное с корнем дерево - то самое, что прежде росло перед дверью, мешая открыть ее на всю ширину. Видимо, оно и помешало твари нанести первые удары во всю силу, вынудив бить откуда-то сбоку под углом - и, возможно, спасло нас. Теперь я понял, что именно скребло и царапало дверь по всей высоте - но к этому времени ее уже держал изнутри я.

Однако больше никаких внятных следов перед домом мы не увидели. Никаких отпечатков конечностей (каких бы то ни было). А если там и проползало какое-нибудь брюхо, то примятая им трава уже успела распрямиться, и если на ней и осталась какая слизь, то она была уже неразличима среди обычной утренней росы.

Зато, выйдя из дома, мы обнаружили кое-что другое. Вчерашняя могила была разрыта. И тело исчезло.

М-да, подумал я. Надо было, конечно, закапывать поглубже, но я слишком устал накануне...

- Майк, - спросила Кэролайн почти жалобным голосом, - ты твердо уверен, что *оно* было мертво, когда ты его закапывал?

- Ну, аутопсию, как ты выражаешься, я не проводил, - раздраженно пожал плечами я. - Выглядело, во всяком случае, совершенно мертвым. И пульса не было, когда я сталкивал его в

яму. Правда, я трогал его только в перчатках, но я бы почувствовал.

Хотя, добавил я про себя, кто его знает, где там надо было щупать пульс, и сколько там было сердец. Целых мозгов, по крайней мере, у него точно не осталось. Или нет? Или где-то там внутри был упрятан еще один, не имевший никаких видимых выходов наружу? Не обязательно, кстати, даже человеческий. Может, у них вместе с собакой еще и кошка жила. Или канарейка какая-нибудь. Хотя - канарейки вряд ли способны так долбиться в дверь...

- А ты что же думаешь, - продолжал я вслух, - оно очухалось, выбралось из могилы и пошло к себе домой? А когда ему так и не открыли, то... что? Куда оно потом делось? На острове его явно нет, - кроме дома, спрятаться существу человеческих габаритов было некуда, сквозь любые кусты мы бы его заметили. - Пошло и с горя утопилось в трясине?

- Может быть, - серьезно ответила Кэролайн. - Если не с горя, то просто по глупости, если там уже и впрямь не осталось разума ни в одной из голов.

- Ну, если так, то оно избавило нас от проблемы, - сказал я. - Только я бы на это не закладывался. Вот тебе куда более реалистичная версия без оживших мертвецов. Из болота выползла какая-то тварь, учуяла нас в доме, попыталась влезть - не получилось. Тогда она унюхала свежую могилу, разрыла ее и утащила добычу обратно в болото. Потому-то и отвязалась от нас так легко.

- Но почему оно не приходило раньше? Дверь бы не выдержала, если бы в нее так ломились пятьдесят лет. И дерево только сегодня сломали.

- Хороший вопрос, сам им задаюсь... Впечатление, словно у них был договор о ненападении. Хотя это, конечно, чушь, какие договоры между тварями...

- Симбиотические и паразитические отношения, - учительским тоном возразила Кэролайн. - Вот рукосуи же не убивают сосателей, пока могут их доить.

- Хм, - задумался я, - а вполне может быть. Что, если они... те, кто жили здесь... выращивали кроликов не для себя, а для этой твари?

- Но ведь последнего кролика утащила летучая мышь больше недели назад.

- Возможно, на самом деле он был не последний. Или у болотной твари хорошая память.

- И сколько же нужно кроликов ей на прокорм? Она явно немаленькая.

- Если она холоднокровная, то не очень много, - заверил я. - А кролики быстро плодятся. Но, видимо, проржавевшая насквозь сетка вольера положила конец этой идиллии.

- А мы, получается, идиллию возобновили, снова предоставив ей корм, - мрачно заключила Кэролайн. - И что мы будем делать, если завтра она явится снова и не захочет уходить голодная? Не уверена, что даже баррикада выдержит, если она будет ломиться всю ночь. Да и спать под такое, прямо скажем...

- Ну, основных вариантов три, - принялся рассуждать я. - Либо убить ее, для чего придется встретиться с ней ночью на улице, не зная, где у нее уязвимые места и сколько патронов на нее уйдет... жаль, что окно чердака выходит на заднюю стену дома, поэтому оттуда стрелять не получится... у этого плана есть еще тот минус, что в случае удачи нам придется избавляться от очередной мертвой туши, причем, сдается мне, куда более крупной. Либо, второй вариант, каким-то образом объяснить ей, что ресторан закрыт, то бишь отбить охоту заявляться сюда снова. Либо, наконец, свалить отсюда самим еще до темноты.

- А если выкопать перед входом яму с острыми кольями на дне? - кровожадно предложила Кэролайн. - И замаскировать сверху камышом и ветками. А потом просто снова забросать ее землей.

- Отличная идея, Кэролайн! - с чувством сказал я, у которого еще ныла поясница после вчерашних земляных работ. - Бери лопату и приступай. Ты представляешь, какой объем земли придется перекидать за один день? На самом деле этого даже я не представляю. Потому что мы не знаем ее размера и формы. К тому же вот представь себе, что ты что-то вроде гигантского червя, змеи, да хоть тюленя. Ты ползешь, и вдруг под твоей головой проваливается земля. Ты что

- так и будешь ползти дальше, пока туда не провалится все тело? Такие ловушки хороши только против тех, кто быстро бегает.

- Ну, по крайней мере, такая яма помешала бы ей подобраться к двери.

- Вообще-то, на самом деле, в твоей идее есть резон. Только надо уменьшить масштаб.

Но прежде я все же проверил возможность стратегии номер три. То есть быстро выбраться с острова на твердую землю, не строя никаких гатей. Поскольку я собирался вернуться, то отправился без рюкзака. По прямой до края болота оставалось меньше ста ярдов, но сколько займет этот путь на самом деле?

Однако на сей раз мне повезло - хотя кое-где и было тяжело вытягивать ноги из вязкой грязи, но выше середины голенища сапога она нигде не поднималась. Мне даже удалось пронзить ударом тростины пару жаб, так что вернулся я с добычей. Так что, теоретически, мы могли выбраться из болота прямо сейчас - и будь я один, я бы, скорее всего, так и сделал. Ночная тварь, вне всякого сомнения, была смертной и убиваемой, но тварей в Пустошах много, а патронов мало.

Однако лучшего убежища на время "кровавых каникул" нам было уже не найти, и мы остались укреплять это.

Весь день я стучал молотком, приколачивая ставни (намертво, чтобы их нельзя было открыть снаружи никакими конечностями) и заколачивая всевозможные щели и дыры, которых оказалось больше, чем я ожидал после первого осмотра. Больше всего их было в потолке (он же - пол чердака). Крыша была в еще худшем состоянии - отремонтировать и ее было нереально, так что чердак я решил оставить врагу, вынеся оттуда все полезное и закрепившись на следующем рубеже. Доски, пущенные на латание щелей, я отрывал и откалывал топором от наиболее сохранившихся полок и столов, при необходимости еще обмазывая грязью по периметру. Выходило не сильно аккуратно, но зато герметично.

Кэролайн тем временем тоже не сидела без дела - я отправил ее добывать жаб. Они уже не требовались нам живыми (во всяком случае, в большом количестве), поэтому я снабдил ее острогой, сооруженной из черенка лопаты (куда более удобного для метания, чем ветки деревьев) и кроликорезного ножа (я также провертел дырку в ручке и пропустил через нее веревку, чтобы брошенную острогу можно было вытянуть назад даже из топи). Это страшное оружие позволяло бить жаб, не только опрометчиво вылезших на сушу, но и отсиживавшихся в жидкой грязи и мелкой воде поблизости и наивно полагавших себя в безопасности. К концу дня Кэролайн так наловчилась, что гарпунила их на расстоянии чуть ли в не десяток ярдов от берега. В общим, выражаясь по-научному, мы устроили в окрестностях острова настоящий жабоцид. В этом был, конечно, и свой минус - тем самым мы лишали себя часовых, способных предупредить нас о приближении твари, но, поскольку предотвратить это появление они не могли, а мы все меры предприняли заранее, это не было существенным уроном.

Что это были за меры? Я отобрал из найденных гвоздей самые длинные, какими легко можно было сколотить вместе две двухдюймовых доски, и забил их в нижнюю половину двери так, чтобы ихние острые концы торчали с внешней стороны. Но это было еще не все. К этим же острым концам я привязал крепкой паучьей дратвой ядовитые шипы, которыми кончаются жабьи хвосты. Пусть-ка теперь тварь приходит и стучит в нашу дверь своей головой, или что у нее там!

Баррикаду я тоже усовершенствовал, намертво приколотив части мебели к стенам, полу и друг другу и оставив лишь узкий проход, через который могли протиснуться боком мы сами (это было возможно, поскольку дверь открывалась наружу). Даже если бы твари удалось разломать дверь, она, исходя из ее предполагаемых габаритов, не смогла бы пролезть через эту щель, через которую я, в свою очередь, расстрелял бы ее с расстояния в три ярда, не подвергая себя никакому риску (ну, если только она не умела плеваться ядом, чего тоже нельзя было исключать).

Но даже и при всем при этом я предусмотрел и возможность отступления на последний рубеж, которое могло нам понадобиться не только из-за ночного визитера, но и из-за мелких кроволюбов, если бы те все же просочились в дом через какую-то незамеченную нами щель. Нашим последним бастионом должен был стать подвал. Никакая ползучая тварь, не говоря уже о летающих насекомых, не смогла бы ни поднять, ни проломить его горизонтальный люк. Правда, она могла бы улечься сверху и остаться там надолго, а то и вовсе издохнуть в таком положении, если бы, допустим, успела получить от меня несколько пуль, которые не прикончили бы ее сразу. На этот случай из подвала существовал второй выход - наклонный пандус, по которому, очевидно, скатывали и выкатывали бочки с вином. Пандус упирался в огромный, как раз для таких бочек, двустворчатый люк, находившийся за пределами дома. Снаружи его занесло во время наводнения толстым слоем ила, который потом густо зарос травой, так что мы ни за что не нашли бы его, если бы не спустились в подвал. Пришлось расчистить все это, дабы убедиться, что люк можно открыть изнутри. Поскольку подвал был самым надежным убежищем, я перенес туда рюкзак и все наши запасы еды и воды (которой мы заполнили сохранившуюся в доме посуду - после того, конечно, как отмыли ее кипятком - и даже жестяное корыто). После того, как я расставил там плошки с топленым жабьим жиром в качестве светильников, там стало почти что уютно, насколько, конечно, это возможно в Пустошах.

Итого, ударно потрудившись весь день, мы уложились со всеми этими приготовлениями до темноты. Кэролайн я сразу отправил в подвал, благо ее помощь в удержании баррикады или двери больше не требовалась, а сам остался наверху ждать визита твари, чтобы, как говорится, накормить ее свинцом, если она все же будет настойчиво требовать угощения.

Но тем, кто ждет описания эпической битвы с чудовищем, которое просунуло свои узкие и невероятно длинные щупальца в оставленную мною щель, разломав ими баррикаду и вынудив нас бежать через подвал, а потом через внешний люк наружу, опрокинутых при этом светильных плошек и пожара, который уничтожил в итоге как монстра, так и наше убежище накануне "кровавых каникул" - ну или того, как мы ухитрились запереть прорвавшуюся тварь в подвале и жили потом пять дней, слушая и чувствуя, как беснуется под полом пытающееся вырваться чудовище, но вынужденно терпя это соседство из-за кроволюбов снаружи - могу, опять-таки, порекомендовать придумать все эти замечательные истории самостоятельно. А правда заключается в том, что до полуночи никакая тварь так и не явилась. И после полуночи тоже не явилась. В конце концов я не выдержал и заснул на своем посту, прислонившись спиной к стене, с револьверами в обеих руках. Я бы, конечно, проснулся от любого подозрительного звука, не говоря уже об ударе в дверь. Но проснулся я от голоса Кэролайн, выражавшей желание выйти на двор по утренней надобности (ржавое ведро с крышкой, позволяющее несколько дней решать эту проблему, не выходя из убежища, я тоже подыскал, но, пока такой необходимости не было, приятнее, конечно, было обходиться без него). В общем, за всю ночь нас никто так и не побеспокоил.

В наступивший день, последний перед "кровавыми каникулами", на охоту с острогой отправился уже я, и мне таки удалось добыть семь ползучих рыб, из которых икра обнаружилась в четырех. Она оказалась не такой деликатесной, как мне рассказывали, но в целом вполне съедобной. Также за этот день я вырубил кусты и тонкие деревца перед домом, обеспечив нам, с одной стороны, топливо на все "каникулы", а с другой - хороший обзор. В целом мы располагали достаточными припасами, чтобы следующие четыре дня просидеть безвылазно в доме или даже в одном только его подвале - правда, в предположении, что мы все же сможем проветриваться по ночам. Воздух - это единственное, чего мы не могли запасти впрок в нашем герметично запечатанном убежище, имевшем сообщение с внешним миром только через дымоход (из-за чего, в свою очередь, мы должны были постоянно поддерживать в очаге хотя бы слабый огонь - не ради тепла (было еще только начало сентября, и до холодов было еще далеко), а чтобы дым отпугивал кроволюбов). Я уже прямо хотел, чтобы ночная тварь явилась в ближайшую ночь и

позволила нам отделаться от нее тем или иным способом, избавив нас от ситуации, когда днем бы нам пришлось прятаться взаперти от одних врагов, а ночью - от другого. Но увы - и в эту ночь ожидания оказались напрасными. Единственными врагами, с которыми нам пришлось сражаться (и которых мы, после пары часов стараний, все-таки уничтожили), стали несколько залетевших еще до того, как мы закрыли все выходы, кровососущих мотыльков (чей укус не опасен, но болезненен), которые как-то не беспокоили нас в предыдущие дни. Наверное, тогда их съедали жабы.

Ну а потом началось, собственно, то, ради чего мы и предпринимали все эти старания с того момента, как обнаружили дом. В общем-то, это и в самом деле были каникулы - впервые с начала путешествия нам не нужно было никуда идти, мы могли отдыхать целыми днями и при этом не страдали ни от жажды, ни от голода, ни даже от жары (сентябрь - наилучшее время второй половины года, хотя в подвале было бы прохладно и в июле). Не страдали мы и от скуки - нам с Кэролайн всегда находилось, о чем поговорить. Чаще всего я рассказывал ей о Пустошах, стараясь научить всему, что может пригодиться для выживания в том маловероятном, но все же возможном случае, если она останется здесь одна. Такие рассказы не очень полезны без практических занятий, даже опознать ту или иную тварь по одному лишь словесному описанию не всегда бывает просто (я пытался рисовать картинки, но художник из меня, прямо скажем, так себе) - однако это все же лучше, чем ничего. Кэролайн, в свою очередь, возобновила свои попытки учить меня физике и химии, но не всегда наши беседы носили просветительный характер. К примеру, она делилась со мной своими мечтами о мире будущего, где наука даст людям все те блага, которые давали маги - вдоволь еды и всего прочего, здоровье, долголетие, управление погодой и климатом, возможность путешествовать по всему миру и даже летать по воздуху и многое другое - но знание будет принадлежать всем, кто захочет его получить, а не кучке правящей элиты, никого не подпускающей к своим тайнам и привилегиям. Мне нравился ее молодой энтузиазм, но я думал, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Даже в наших графствах, где формально мэром или губернатором может стать любой, все прекрасно понимают, что у какого-нибудь Майка Честера нет на это ни малейшего шанса. Не то чтобы я хотел, но если бы даже и попытался - кто за меня проголосует? Кто даст мне деньги на избирательную кампанию? Разве что какой-нибудь толстосум типа Харлингтона - при условии, что я стану его марионеткой, символизирующей равенство для наивных дурачков, в то время как реальная власть останется у тех, у кого она остается всегда. А в восточных княжествах, куда мы направляемся, правители и вовсе получают власть по наследству. И это даже честнее, потому что у кого деньги (а вовсе не знания) - у того и власть, а деньги и у нас передаются по наследству, и я, будучи, прямо скажем, неглупым парнем, никогда не имел и не мог иметь равных возможностей с каким-нибудь дураком Джоном Харлингтоном просто потому, что его отцу принадлежит половина Аркэндэйла, а мой был рабочим на лесопилке и никогда не заработал бы самым упорным трудом и сотой доли того же богатства, даже отличайся он примерной трезвостью. Ирония Судьбы, но увечье, полученное им по пьяни, даже сделало его богаче, чем сделал бы честный труд, если бы он не пил... "Это все временно, - отмахивалась Кэролайн. - Ты правильно говоришь, что проблема не в формальных институтах выборной или наследственной власти, а в богатых и бедных. Причем бедным и нельзя давать власть - иначе получится КОБ или что-то еще похуже. Судья Редвуд, между прочим, был убежденным бессребреником... Более жесткая иерархическая система управления восточных княжеств нужна как мера обеспечения порядка на время преодоления послевоенного кризиса. Чтобы власть просвещенного монарха обеспечивала и защищала развитие науки, не позволяя невежественным варварам из низов устраивать беспредел[33]. Но цель прогресса, я имею в виду в практическом плане, не в том, чтобы отобрать богатство у князей и раздать его фермерам. А в том, чтобы сделать каждого фермера

[33] В оригинале mess

богатым, как князь. Причем это не только в интересах фермеров, но и в интересах князя тоже! Богачу гораздо комфортнее жить в окружении других богачей, а не завистливых бедняков, мечтающих его ограбить. Свобода - это не формальные избирательные права, свобода - это реальные возможности. Общество бедняков свободным быть не может, ни при каких демократических законах - как ты верно говоришь, что толку в правах, если нет денег для их реализации. А в обществе, где каждый может получить все блага, которые ему нужны, не отбирая их у других ни через насилие, ни даже через экономические механизмы, попросту не будет предпосылок для угнетения и эксплуатации. Тогда все эти титулы станут не более чем мишурой, имеющей чисто эстетическое значение..." "И кто в таком обществе будет убирать навоз за коровами?" - усмехался я. "Машины, созданные наукой. А со временем и коровы не понадобятся. Вся пища будет синтезироваться на автоматических химических фабриках." Ну, может и так. Только, сдается мне, пока люди остаются людьми, они все равно будут стремиться нагнуть друг друга просто из принципа, даже если в этом нет никакой практической пользы - и даже вопреки этой пользе. Хотя лично у меня вот такого желания нет (и желания быть тем, кого нагибают, тоже) - ну, потому я и провожу, почитай, всю свою жизнь в Пустошах.

В общем, днем мы вели умные разговоры - ну или не очень умные, всякие байки я тоже травил, благо за четверть века бэдлэндерской карьеры я их наслушался немало - и никакие кроволюбы, или иные твари, нас не беспокоили, доказывая достаточность принятых мер. Что там творилось снаружи, правда, сквозь наглухо заколоченные ставни было не видно, но, по крайней мере, внутрь проникнуть никто не пытался. А вот ночи мы ждали с тревогой. В первую ночь я решился лишь вынести поганое ведро и сразу вернуться, а дальше наблюдать через приоткрытую дверь, что будет. Та тварь, что ломилась две ночи назад, снова не явилась, зато какое-то время спустя при свете уже идущей на убыль, но еще почти полной луны я заметил какое-то движение в камышах со стороны берега. Наведя туда бинокль, я различил движущуюся в нашу сторону высокую тонкую фигуру, напоминавшую не то богомола, не то клопа-водомерку высотой в человеческий рост. В первый миг могло показаться, что она плывет над болотом, словно призрак, но на самом деле она шагала на длинных и тонких членистых ногах, которые, очевидно, кончались достаточно широкими горизонтальными сегментами, позволявшими ей не проваливаться. Я сразу понял, что это не та тварь, которую мы ждем - несмотря на высокий рост, она выглядела недостаточно массивной и едва ли могла выворотить с корнем дерево - но дверь на всякий случай закрыл. Едва это сделал, как сверху захлопали крылья (явно принадлежавшие не насекомому), и что-то грузно ударилось о крышу. Некоторое время оно хлопало, стучало и ломилось, пытаясь прорваться сквозь крышу, и в итоге, учитывая состояние последней, преуспело. После чего принялось прыгать и долбить клювом (или уж не знаю чем) прямо у нас над головами, так, что с потолка сыпалась пыль. Я отправил Кэролайн в подвал, велев ей закрыть за собой люк, а сам остался наблюдать. Летучая тварь (и, кажется, уже даже не одна) еще долго бесновалась наверху, пытаясь проломить потолок, но он, укрепленный мной, был куда прочнее, чем прогнившая крыша - а тем временем до дома, по всей видимости, добрался и болотной ходок; во всяком случае, что-то принялось скрестись и царапаться в ставни и стены, а вот попыток выбить дверь больше не было. Все эти звуки (изрядно, признаюсь, нервировавшие) продолжались несколько часов и прекратились только перед рассветом.

В общем, как я и предупреждал Кэролайн, кроволюбы бывают не только мелкие, и хотя от крупных, парадоксальным образом, защититься проще, мелкие вынуждали нас сидеть взаперти днем, а крупные - ночью. Ну то есть как взаперти - как справедливо рассудила Кэролайн, время ихнего прибытия определялось двумя факторами - временем, с каким запах распространяется по воздуху, и временем, за которое то же расстояние преодолевают они сами, так что безопасно выходить на двор Кэролайн было можно, но, как показали наши осторожные наблюдения, не более чем на четверть часа - дальше уже начинался риск. Ритуал выглядел так - сперва выходил я, выносил поганое ведро и проверял, нет ли поблизости тварей (ну и заодно

справлял собственную нужду), затем выходила Кэролайн с кувшином чистой воды, и я, понятно, не смотрел в ее сторону (некоторые предрассудки все же непреодолимы даже в интересах безопасности), но все же оставался снаружи настороже, готовый открыть огонь по любым движущимся силуэтам, потом Кэролайн у меня за спиной проскальзывала обратно в дом, а я набирал в болоте новую воду (которую мы потом кипятили) и тоже возвращался и запирал за собой дверь. В первый раз это проделывалось при свете луны, потом мы поняли, что можем использовать время сразу после заката, когда еще не окончательно стемнело, но, в любом случае, после этого в ту же ночь выходить было уже нельзя, поскольку кроволюбивые твари проявляли изрядную настойчивость и кружили вокруг дома до самого рассвета.

Зато наш первый ночной гость так больше и не появлялся. Прямо даже было обидно за жаб, отдавших свои хвосты ради организации его торжественной встречи. Впору было и впрямь поверить в оживший труп, который, не сумев вернуться к себе домой, пошел и с горя утопился в трясине. Хотя на самом деле объяснение лежало на поверхности, и мне, вообще-то, следовало догадаться сразу - я ведь сам сказал Кэролайн, что холоднокровным существам нужно гораздо меньше еды, чем теплокровным. В этом-то, очевидно, и было дело - твари, прежде довольствовавшейся кроликами, тела человеческого размера должно было хватить на многие недели или даже месяцы. Возможно, она просто физически не могла отправиться на новую охоту, пока не переварит предыдущую добычу, лежа где-нибудь в глубине трясины.

Наконец наступила последняя ночь "кровавых каникул". Наутро мы планировали пополнить съестные припасы жабами и, при удаче, икрой и двинуться дальше. Когда мы выходили на двор после заката, я обратил внимание на нечто, чего не было в предыдущие дни - сверкавшие далеко на юге зарницы. Я не знал, в каком направлении дует ветер, и мог лишь надеяться, что грозу пронесет мимо - дождь, в особенности сильный, мог серьезно осложнить нашу завтрашнюю переправу. Кэролайн, похоже, не обратила на это внимания, и я решил не портить ей настроения в надежде, что обойдется.

Не обошлось. Молний мы сквозь заколоченные окна не видели, но через пару часов сквозь малоприятные звуки, уже вовсю издаваемые ночными кроволюбами, донеслись первые, пока еще далекие раскаты грома, и стало ясно, что гроза приближается. Похоже, кроволюбов это тоже не обрадовало, поскольку на сей раз они - и летающие, и ходячие - предпочли свалить задолго до рассвета. Зато кто радовался, так это жабы, квакавшие, кажется, с удвоенным усердием (невозможно, понятное дело, истребить всех жаб в каком-либо месте болота - новые уже успели занять места погибших). Ну а потом... угу, случилось именно то, чего я уже, признаться, перестал ожидать. Жабы вдруг стали умолкать.

Что характерно - на появление кроволюбов они так не реагировали. Должно быть, знали, что те не по ихней части и интересуются только теплокровной добычей. А вот та тварь, что приползала к нам в первую ночь, видимо, представляла опасность для всех. У меня даже мелькнула мысль, а имело ли смысл привязывать к гвоздям жабьи шипы. Может, для этой твари ихний яд - не более чем привычная приправа к еде, как соль для человека. Впрочем, человеку тоже неприятно, когда соль - не в рот, а на свежую рану...

Что ж - теперь, похоже, нам предстояло это проверить. Точнее - мне, поскольку Кэролайн уже мирно спала внизу в подвале, куда не проникали звуки от долбившихся в стены и потолок тварей. Ну да мне ее помощь и не требовалась. В проходе через баррикаду, он же амбразура, было место только для одного.

Я стоял позади баррикады с револьверами наготове и ждал результата первого удара о дверь. Но удара все не было. Более того - влажного ползущего звука, предшествовавшего ему в прошлый раз, я тоже не слышал.

Снова загрохотал гром, уже ближе. Жабы осмелели и снова начали квакать - как, впрочем, это было и в тот раз перед первым ударом, где-то за минуту до него. Но прошла минута... другая... третья... Оно ушло? Зачем тогда приходило? Неужто оно настолько умно, что

испугалось одного вида торчащих гвоздей?

Громыхнуло еще сильнее, длинно и раскатисто. Я воспользовался этим прикрытием, чтобы быстро преодолеть три ярда через проход до двери. Мне хотелось прижаться к ней ухом и прислушаться, но при этом мне почему-то совсем не хотелось, чтобы оно там, снаружи - если оно действительно там, снаружи - услышало меня. Хотя я и понимал, что оно ориентируется скорее на запах, чем на слух.

Тишина застала меня в паре футов от двери. Ну то есть кваканье все еще звучало, но после оглушительного грохота оно казалось совсем тихим. Дождя, очевидно, все еще не было.

Медленно, очень медленно я преодолел последние футы до двери и прижался к ней ухом.

Оно было там. Ну то есть... я даже не знаю, как это объяснить. На самом деле я ничего не услышал, кроме все того же отдаленного кваканья. Никакого шороха, влажного скольжения или царапанья. И дверь оставалась совершенно неподвижной. Но моя бэдлэндерская интуиция сказала мне с удивительной, не вызывающей сомнения ясностью: оно там, *прямо за дверью*, и оно *тоже* прижимается к ней и прислушивается. Причем не в нижней ее части, где я так старательно натыкал гвоздей, полагая, что имею дело с ползучей тварью, а на высоте моего роста. Можно сказать - голова к голове со мной. И оно, несмотря на все мои ухищрения, уже *тоже* поняло, что я прямо тут, в двух дюймах от него.

Я выстрелил через дверь.

Это была наша последняя ночь в этом доме, и можно было уже не беспокоиться по поводу дырки, которую пришлось бы заделывать от дневных кроволюбов. Но об этом я подумал, наверно, только в следующую секунду после того, как мои рефлексы заставили меня приставить ствол к двери и нажать на спуск.

Снаружи донесся некий звук - затрудняюсь сказать, какой именно, но пустой воздух таких звуков не издает, так что все предыдущее не было игрой воображения, и я точно во что-то попал. Точнее - в кого-то. Но тут с резко нарастающим шумом хлынул дождь, и больше я уже ничего не слышал.

Само собой, пытаться разглядеть что-то в темноте вовне через проделанную дырку, рискуя получить в глаз все что угодно, я тоже не стал. Наоборот - поспешно отступил по проходу назад, а потом еще и шагнул вбок за баррикаду, ожидая, что по проходу может прилететь что-то в ответ. Но ничего так и не прилетело. Снаружи лишь бушевала гроза.

Кэролайн даже не проснулась от моего выстрела - который показался мне оглушительным в узком пространстве в сенях, но сквозь толстые перекрытия и плотно закрытый люк подвала звучал, наверно, не громче, чем треск полена в очаге (и явно тише, чем раскаты грома). Так что дырку в двери я показал ей только утром - перед тем, как, со всеми мерами предосторожности, открыл дверь впервые со времени ночных событий.

И снаружи, при свете утреннего солнца, вновь светившего с почти очистившегося от облаков неба, я увидел то, чего ожидал меньше всего.

Я ожидал увидеть там мертвую тварь какого угодно вида и формы. Возможно - один только скелет, панцирь или шкуру, если кроволюбы или падальщики уже успели потрудиться на славу. Возможно - тварь раненую, но все еще живую и опасную. Но снаружи не было никого.

Это еще, впрочем, ничуть не было удивительно. Рана от единственной пули вполне могла оказаться несмертельной. В таком случае, если раненая тварь просто убралась туда, откуда пришла, я рассчитывал увидеть на мокрой земле ее следы. Но гроза была слишком сильной, их все смыло. Кроме одного, возле самой двери, где его прикрыли остатки полуразвалившегося навеса над входом.

Опять-таки - я ожидал, что это будет след какой угодно лапы, щупальца или клешни. Меня бы не удивил даже след, похожий на отпечаток человеческой босой ноги. И даже, проклятье, след растопыренной пятерни рядом с отпечатком круглой макушки.

Но это был отпечаток остроносого сапога с металлическими набойками. Типичная обувь

бэдлэндеров.

У меня даже мелькнула мысль, не мой ли собственный это след (хотя стоявший там ночью должен был затоптать мои следы), но, поставив рядом свою ногу, я убедился, что это никак не мог быть мой сапог. Тогда что же выходит - я застрелил коллегу, искавшего укрытия в грозовую ночь? Вполне естественно, что он не ожидал встретить здесь людей точно так же, как и я сам, и прежде, чем пытаться открыть дверь заброшенного дома, предпочел прислушаться на предмет возможных тварей внутри. А я...

Но где же, в таком случае, тело? След сапога четко показывал, что на сей раз интуиция меня не обманула - он стоял именно там, где я полагал, и моя пуля должна была угодить ему прямо в грудь. Если не в сердце, то, как минимум, в легкое. И с такой раной он просто развернулся и ушел? Да и - какой бэдлэндер попрется ночью через болото, чтобы там еще и заночевать? Тем более - видя надвигающуюся грозу, способную превратить в трясину даже прежде проходимые места? Любой предпочтет провести всю ночь под ливнем на твердой земле, нежели искать сомнительного убежища в таком месте.

Само собой, быстро обойдя маленький остров, мы не нашли никакого тела - ни живого, ни мертвого. Следов крови тоже нигде не было, но это как раз после такого дождя ничуть не удивляло.

- Помнишь, ты рассказывал про бандита, которого съели грибы? - напомнила Кэролайн, когда мы вернулись к дому и остановились, снова глядя на простреленную дверь и след перед ней. - Который ходил потом мертвый по Пустошам, щелкая разряженным револьвером?

- У гриба бы не хватило ума развернуться и уйти в ответ на выстрел, - возразил я. - А главное - пройти через болото, не утонув в трясине.

- Ну, может, случайно повезло. Один раз. А второй раз не повезло, и он таки утонул.

- Теоретически возможно, конечно... Хотя я бы скорее заподозрил раздевателя - но они тоже не сильно умные. И здесь не водятся.

Хотя - кто знает наверняка, что здесь водится? Эти болота настолько малоизучены...

- Есть еще один вариант, - сказала Кэролайн после паузы. - Помнишь Левшу?

Я уже почти два месяца не вспоминал о нем, считая его давно решенной проблемой.

- Нет, - затряс головой я, когда сообразил. - Вот это точно невозможно. Он мертв. И даже если он теперь гриб, так далеко за нами он бы точно не дошел.

- Ты не знаешь, мертв ли он. Ты не видел его труп. Я тебе еще тогда говорила.

Угу, говорила она. Опираясь на дешевые книжонки, авторы которых никогда в жизни не видели раны от револьверной пули 44 калибра, выпущенной с пяти ярдов.

Но тут я сообразил кое-что еще. Судя по положению ноги, стоявший у двери прижимался к ней правым ухом. Значит, если он держал револьвер, готовый стрелять на звук, то он держал его в левой руке.

- Ну хорошо, - принялся рассуждать я. - Допустим, *тогда* у него под курткой был стальной панцирь. Есть такие, для защиты кавалериста от сабельного удара, но пулю с близкого расстояния они не держат. Пытались разрабатывать для ополченцев и более прочные, но на практике их никто не носит - слишком тяжелые. Однако на лошади он бы еще мог выдержать эту тяжесть, так что - допустим. Но, оставшись пешим, он такой панцирь, конечно, бросил. А этой ночью он, допустим, стоял не прямо, а согнувшись. Причем не сидел на корточках - тогда бы след был другой - а именно стоял, - я попробовал встать так же, чтобы дырка от пули оставалась выше моей головы. - Это неудобно, но возможно. Но как, будь он проклят, он нас нашел?!

- А как он сделал это в самый первый раз? - парировала Кэролайн.

- Ты сама говорила, что это случайное совпадение.

- Один раз - совпадение, два раза - тенденция, три - закономерность, - пожала плечами Кэролайн. - Я по-прежнему не знаю, как это объяснить, но ученый не должен отвергать факты только потому, что не знает их объяснения. Хотя, конечно, в физике более строгий подход к тому,

что называть фактами. Требуется среднеквадратичное отклонение в пять сигма, что означает вероятность случайного совпадения не выше шести стотысячных процента, или примерно один к трем с половиной миллионам. Ну или хотя бы три сигма, что означает вероятность менее двадцати семи сотых процента...

- Лекции по физике подождут, - проворчал я. - Идем в дом, нечего тут маячить на виду.

- Ты думаешь, он все еще где-то рядом? - спросила Кэролайн, когда мы вошли и закрыли за собой дверь.

- На острове его нет, - ответил я. - Варианты: я его таки застрелил, но за ночь кто-то утащил и сожрал его труп - возможно, наш предыдущий знакомый...

- Тот, что приходил шесть дней назад? Это ведь был не он?

- Нет, там точно была безмозглая тварь, приходившая за мясом. Совсем другое поведение. Но, как мы уже решили, вряд ли она успела проголодаться с тех пор. Другой вариант - он получил тяжелое ранение, попытался унести ноги и погиб в болоте. Ну или даже действительно какое-то чутье подсказало ему пригнуться, и пули он избежал. Но решил отступить и ждать нас в засаде на твердой земле. Однако опять-таки не смог до нее добраться и утонул, потому что ночь и потому что вода быстро прибывала из-за грозы. Что, кстати, является проблемой теперь и для нас, но с этим позже. Ну и последний вариант - если ему это все-таки удалось, и он лежит сейчас там на берегу с биноклем и револьвером, дожидаясь, пока мы покинем наше укрытие. Правда, сквозь все эти заросли болотной травы он едва ли может нас видеть. Равно как и мы его. Но это пока мы не подошли ближе...

- И сколько нам тогда здесь сидеть?

- Не знаю. Если он все-таки ранен, с ним разберутся кроволюбы. Возможно - уже разобрались. Но если он все-таки жив, и если он проделал весь этот путь, преследуя тебя, то глупо надеяться, что теперь ему просто надоест, и он развернется и уйдет - хоть через день, хоть через неделю, хоть через месяц.

- Меня, - повторила Кэролайн. - Не нас, а именно меня.

- Да - как ты говоришь, ученый не должен отвергать факты. Он явно каким-то образом чует именно тебя. Меня он не почуял ни тогда на плато, ни когда я подбирался к нему сзади, ни сейчас. Иначе он бы знал, что я стою за дверью, и выстрелил бы первый.

- Не понимаю все-таки, как такое возможно, - пробормотала Кэролайн. - Я-то его почти не видела, но ты-то видел вблизи! Он же человек, а не... кроволюб какой-нибудь! Тем более что в прошлые разы у меня не было месячных...

Упоминание о тварях навело меня на новую мысль.

- Кэролайн, - мрачно произнес я, - ты когда-нибудь слышала о полукровках?

- Ты имеешь в виду лошадей или собак?

- Нет, - вздохнул я, - не лошадей и не собак. Вообще, эта тема считается такой грязной, что я не уверен, что...

- Ладно уж, рассказывай. Можно подумать, ты раньше мало всяких гадостей говорил.

- Ну, в общем, людей в Пустошах нет. Это, как ты выражаешься, аксиома. Но некоторые твари все еще могут быть сильно похожи на людей. Собственно, одну такую мы недавно видели... Настолько похожи, что у них будто бы могут быть общие с людьми дети.

- Фффу! - брезгливо скривилась девушка. - Не могу себе представить даже самого жалкого мужчину, способного на такое! Или ты имеешь в виду... наоборот? Это жертвы насилия? - такой вариант, очевидно, внушал ей еще большее отвращение и ужас.

- К счастью, нет. Твари не ходят в человеческие поселения - хотя в прежние годы такое случалось, но это были обычные нападения хищников - а женщины не ходят в Пустоши. Так что все такие случаи - если они когда-либо были - это когда пришедший в Пустоши мужчина сделал *это* с самкой твари. Уж не знаю, насколько насильственно или добровольно, и насколько вообще применимы к твари такие понятия, но важен результат...

- Но если этот "результат" рождается в Пустошах, он должен и остаться там? - Кэролайн, очевидно, уже сообразила, к чему я клоню. - Вряд ли счастливый отец приходит потом за своим отродьем!

- Отец, конечно, не приходит. Но кто-нибудь другой... какой-нибудь сердобольный дурак, услышавший в Пустошах детский плач... и увидевший не монстра, подражающего детскому голосу, а всамделишного ребенка... ну или, по крайней мере, нечто, очень похожее на человеческого ребенка...

- Он что же - не понимает, что настоящим детям в Пустошах взяться неоткуда? Уж если сюда женщины не ходят, то дети тем более!

- Да все он понимает, конечно же! Просто - ну, допустим, жена бесплодная, или вообще умерла, а ему детей хочется...

- Можно же взять из приюта!

- Да можно, конечно. Но я ж говорю - он не просто дурак, а сердобольный. Жалко ему эту самую плачущую крошку, обреченную на гибель. Бывает, что даже охотники взрослого волка или медведя убьют, а детеныша решают себе взять и как домашнее животное воспитывать - правда, это очень глупая идея, ничего хорошего из этого никогда не выходит. Так и тут. То есть, на самом деле, - поспешно добавил я, - достоверно ни один такой случай не известен. Это все на уровне грязных слухов. За слово "полукровка" любой мальчишка обязан дать обидчику в морду, даже если тот на три года старше и на голову выше. На "твоя мамаша шлюха" еще можно ответить "от сына шлюхи слышу!" и удирать, если погонятся, но за "полукровку" - только в морду, без вариантов, как бы сильно ни побили тебя в ответ. И, скорее всего, если бы полукровки и впрямь существовали, то они вырастали бы уродами и умственно, и физически, то есть не могли бы сойти за нормальных людей. Но... некоторые байки иногда все-таки могут оказаться не просто байками.

- И ты думаешь, что Левша - один из них? Потому-то он и левша?

- И руки вечно в перчатках прячет, даже в жару. Может, они у него чешуей покрыты... Но при этом и другие особенности имеются, более полезные. Сверхнюх, например. А тот клочок и впрямь от твоего платья был...

И тут меня пронзила новая мысль, от которой мне аж стало нехорошо. Словно меня и в самом деле звезданул в челюсть амбал на голову выше ростом.

Кэролайн не помнит своей матери. Отец воспитывал ее один и никогда больше не женился, боясь, что новая жена не станет хорошей матерью девочке... или просто что-то заметит? На груди у нее имеется некая отметка, странной формы родимое пятно, как она сказала - действительно ли это просто пятно? - одного вида которого для КОБовцев достаточно, чтобы отправить ее на костер. Предсмертными словами ее преследователей, адресованными мне, были "Ты не понимаешь!" и "Она - отродье". И им непременно нужно сжечь ее - перспектива, что она сгинет в Пустошах, их не устраивает. Неудивительно, если они считают, что Пустоши - ее родной дом, и что там она лишь будет плодить новых отродий. А Левша - ну, как говорится, рыбак рыбака видит издалека...

Но после нескольких секунд парализующего ужаса, какого я никогда не испытывал даже в самые опасные моменты своих походов, я все же заставил свой ум обдумать эту версию более тщательно и с невероятным облегчением понял, что она не выдерживает критики.

Отец Кэролайн никогда не был бэдлэндером и не бывал в Пустошах, он был ученым. Ну ладно, допустим, он мог купить ребенка у какого-нибудь бэдлэндера, и для него это был не столько даже вопрос сердобольности, сколько научный эксперимент. Но мать Кэролайн умерла, когда девочке было уже три года, и она была, вне всякого сомнения, самым обычным человеком - скрывать столько времени от соседей пустошную тварь уж точно бы не получилось. К тому же брак был официально зарегистрирован в мэрии - я, понятно, не видел брачного свидетельства, но представить себе внебрачное сожительство в Холинбруке столь же невозможно, как и

сожительство с тварью - а это означает, что, согласно тамошнему закону, жених и невеста были сперва освидетельствованы доктором. Закон этот, кстати, появился не из-за полукровок, а (как, хихикая, поведают в Холинбруке тем, кто станет расспрашивать) из-за парочки извращенцев, один из которых пытался притворяться женщиной и даже заключить официальный брак со своим любовником (что закончилось смолой, перьями и изгнанием для обоих). Незаметно удочерить чужого ребенка супруги тоже не могли - опять же, холинбрукские кумушки непременно обратили бы внимание, что девочка появилась "из ниоткуда", без заметной беременности матери. Так что нет, Кэролайн появилась на свет от самых нормальных родителей.

Но, стоило мне успокоиться по этому поводу, как меня пронзила холодом новая мысль: а как насчет тебя, Майк? У Кэролайн сохранились хотя бы самые смутные воспоминания о ее матери, но я-то свою не знал вообще. И да - в детстве мне доводилось давать в морду (и выгребать в ответ) за слово "полукровка".

Но ведь была повитуха, доставшая меня из чрева уже мертвой матери. А до этого мои мать и отец тоже прожили три с лишним года в законном браке, и вся улица мою мать знала, она как раз (в отличие от моего папаши, что до Войны на ферме жил) в Аркэндэйле жила с рождения, так что тут снова никаких сюрпризов. И, конечно, уж сам себя-то я знаю, и нет у меня никаких отличий от нормальных людей, даже тех же родимых пятен. Ну и, разумеется, если у отца Кэролайн хотя бы научный интерес мог быть (хотя он физик был, а не по тварям специалист), то уж моему-то точно ни малейшего резона не было выродка усыновлять! А "полукровкой" хоть когда-нибудь дразнили любого мальчишку, росшего без матери. Не столько даже из желания побольнее уязвить, сколько ради проверки на вшивость - станет ли защищать свою честь, несмотря на явно превосходящие силы противника? Я хоть и ценой сломанного носа, а защитил. С тех пор больше не дразнили.

- Майк? - Кэролайн обеспокоенно заглядывала мне в лицо. - Что с тобой?

- Нет, ничего, - пришел в себя я. - Детские воспоминания нахлынули. В общем, не знаю, Левша это или не Левша, полукровка он или нет, но если он все еще жив, то в следующий раз я его точно прикончу. Может, у него сердце не там, где у людей, или оно даже не одно, но от пули в голову он точно не устоит. И ты тоже это имей в виду, если его увидишь. В грудь попасть легче, но в голову надежнее.

Поскольку я пришел к выводу, что, несмотря на опасность засады на берегу, пытаться отсиживаться на острове бесполезно (а оставаться там еще на одну ночь, пожалуй, и опасно - если наш враг еще жив, он под прикрытием темноты, которая ему, похоже, не мешает, может предпринять уже более хитрую атаку - например, поджечь дом) - то мы попросту не стали менять своих планов. Перво-наперво мы снова несколько раз обошли остров, охотясь за жабами и рыбами, чтобы пополнить наши истощившиеся съестные припасы (попутно мы, конечно, внимательно посматривали в камыши в надежде увидеть там, к примеру, плавающую на поверхности топи шляпу, свидетельствующую о печальной судьбе ее владельца - но увы), затем подвергли нашу добычу, как выражалась Кэролайн, термической обработке, чтоб дольше не портилась - ну а потом перед нами встала та самая проблема, которой я опасался. Путь, разведанный мной шесть дней назад, оказался непригоден из-за всей массы вылившейся в болото воды. Что, кстати, даже не гарантировало нас от ночного нападения - не исключено, что безопасный кружной путь между островом и берегом все же существовал. Но его еще надо было искать...

Однако Кэролайн высказала совершенно иную идею. Она заявила, что нам не нужны никакие кружные маршруты. Мы пройдем прямо через топь, аки посуху.

- И каким же образом?

- В бочках.

Идея действительно была настолько проста, что я выругал себя за то, что не догадался сам. Огромные винные бочки, лежа на боку, обеспечивали куда меньшее давление на грунт

(даже на грунт трясины), чем человеческие ноги. И, шагая внутри них, их можно было просто катить вперед. Конечно, они были не настолько велики в диаметре, чтобы распрямиться внутри них в полный рост, но если на четвереньках, то вполне. Мне, правда, при первой попытке помешал поместиться в такой позе рюкзак, но я решил эту проблему, перевесив его со спины на грудь. В середине крышек бочек мы прорубили отверстия для обзора и вентиляции.

Сначала, правда, надо было выкатить бочки из подвала, что оказалось непростой задачей - даже пустые, они были свински тяжелые. Не представляю, как решали эту задачу, когда они были полны вина. Но все-таки мы совместными усилиями вытолкали по пандусу наверх три штуки, употребив первую для испытания. Мы накидали внутрь нее грязи и деревяшек по весу человека (даже человека с рюкзаком), закрыли крышку, скатили бочку в болото и дотолкали ее, сперва руками, а потом шестами из тонких стволов деревьев, до ближайшей ранее обнаруженной мной топи. Бочка действительно, хотя и слегка погрузилась, расплескивая бурую жижу, не стала тонуть (и далеко еще не достигла серединного отверстия) и сохранила способность пусть и буксуя, но катиться по вязкой грязи.

После успешного испытания я отправился в бочке через болото первым. Бочка лучше всего катилась по плотной грязи и хуже всего - по открытой воде, на которой она почти не двигалась, так что необходимо было по возможности избегать глубоких луж. Чтобы плавно изменить направление движения, надо было сместиться в бочке влево или вправо от середины. Отсутствие обзора вперед, конечно, сильно мешало; поначалу мне помогала оставшаяся на острове Кэролайн, криком корректировавшая мой курс, но затем болотная трава скрыла бочку от нее, и дальше мне уже приходилось то и дело останавливаться и выглядывать в боковое окошко. Передвигаться на четвереньках вообще не слишком удобно, а в постоянно пробуксовывающей бочке и подавно, но, в общем, в конце концов мне все же удалось выкатиться на твердую почву, оставив болота Старого русла позади. Расслабляться, однако, было рано, именно здесь меня могла ждать пуля от притаившегося в засаде врага - от которой, однако, прочная бочка могла послужить неплохой защитой, поэтому я продолжал катиться так быстро, как мог, пока за боковым окошком не перестала мелькать высокая трава и не началась открытая местность. Я высадил крышку и вылез, ухватив ее через окно за середину и прикрываясь ей, как круглым щитом - но меня по-прежнему никто не атаковал. Обследовав прибрежные заросли и не найдя никаких признаков засады, я во все горло проорал Кэролайн, что она может следовать моим путем. Теперь уже она должна была прокладывать курс, сперва полагаясь лишь на свое окно, а ближе к цели, где я уже мог видеть ее облепленную грязью бочку (представлявшую собой, надо сказать, довольно забавное зрелище) - на мои команды.

В общем, все это было довольно долго и утомительно, а вовсе не так легко и весело, как может показаться по описанию - но в итоге в третьем часу пополудни мы оба стояли на твердой земле. Итого на преодоление двух миль, каковые составляет ширина болот Старого русла по карте, у нас ушла неделя. Конечно, бóльшую часть этого времени мы просто оставались на месте из-за "кровавых каникул", но тем не менее.

К востоку от Старого русла длинная трава не растет, если не считать совсем узенькой каймы, жмущейся к болотам. Дальше ее - как и любую другую растительность - истребили истинные хозяева этих мест, превратившие пространство между Старым руслом и Канавой в один из самых странных ландшафтов во всех Пустошах - Долину Бородавок. Земля здесь и впрямь напоминает густо покрытую разнокалиберными бородавками шкуру чудовища. Но на самом деле это грибы.

Они могут показаться не столь впечатляющими, как те, что заставляют двигаться трупы. Эти грибы никуда не ходят, а растут себе на месте, как грибам и положено. Выглядят они, правда, не сильно привлекательно - или как липкие бледные шары на тонких ножках, или как тухлые яйца (правда, без соответствующего запаха), или как торчащие из земли распухшие пальцы утопленника, или как именно что огромные конические бородавки, причем шляпки

часто еще покрыты словно бы узелковой сыпью или, наоборот, гнойными язвочками. Размера они самого разного, но в основном не очень большие. Самые мелкие с мизинец, а самые крупные на той широте, где шли мы, редко достигают колена. Вот дальше к югу, там, где между старым и новым руслом до шести дней пути (и все - через это грибное поле), встречаются, говорят, экземпляры и выше человеческого роста, хотя, возможно, это и байки. Само собой, все эти грибы ядовиты, хотя постоянно появляются новые виды, и говорят, что по мере постепенного очищения природы от последствий Войны возникли уже и съедобные разновидности - но я этого, понятное дело, не проверял, слишком уж ненадежны источники и словесные описания. Тем не менее, хотя это уходящее за горизонт поле сплошных грибов - без единой травинки, не говоря уже о кустах и деревьях, между ними - и выглядит странновато, мало кто, глядя на него, догадается, что смотрит на поле боя. Причем боя не времен Последней Войны, а идущего прямо сейчас.

Я бы тоже не догадался, но мне разъяснил один умник из экспедиции, пожалуй, самый чудаковатый из всех. Он от грибов просто фанател. Мы-то тогда и в половину так далеко не добирались, этого и в планах не было, и вот его это очень удручало. Все бурчал на руководство Университета, которое не выделяет фонды для экспедиции в Долину Бородавок. И вот от него-то я и узнал, что на самом деле все эти грибы ведут непрерывную войну друг с другом. Но не те, что торчат на поверхности - не "плодовые тела", как он их назвал - а ихние грибницы под землей. Которые разрастаются и пожирают одна другую (а заодно и корни любых растений, поэтому здесь больше и не растет ничего)[34]. И в этой борьбе рождаются новые, еще более агрессивные. Если просто копнуть тут землю в любом месте, то тоненьких нитей этих грибниц даже и не увидишь, земля и земля. А любое дерево, даже самое могучее, даже если его уже взрослое сюда пересадить, они убьют в самые короткие сроки. Но нагляднее всего об ихней силе говорит даже не отсутствие деревьев, а, собственно, само существование Долины. Потому что сразу после Войны никакой долины здесь не было. А было как раз наоборот - земля вспучилась, ну, не целыми горами, конечно, но внушительными такими складками, которые выше к северу перекрыли течение Грэйт Ривер и направили ее по новому руслу. И вот меньше чем за полвека всепроникающие нити этих грибниц попросту раздробили и разрыхлили эти складки, превратив гребни в равнину. В общем, если того умника послушать, то выходит, что только болота на западе и Канава на востоке и удерживают эти грибы от дальнейшего разрастания, а не то бы они со временем захватили весь континент. Прямо даже страшнее всех прочих тварей, вместе взятых, они получаются. Хотя это он, наверно, перегибает все-таки.

Для человека же, идущего через Долину Бородавок, главная опасность не в том, что они ядовитые (есть-то их никто не заставляет), а в том, чтобы вдохнуть ихние споры. Потому что тогда они начнут расти внутри тебя. Что, собственно, со всеми обитающими в Долине тварями и происходит. Правда, они умудрились приспособиться и жить с этим. Тоже, конечно, то еще зрелище, когда ковыляет тебе навстречу нечто почти бесформенное, а вся кожа у него в дырках, и из этих дырок грибы растут. И ладно бы еще только оттуда. А то еще и из всех, как говорится, естественных отверстий тела выпирает губчатая масса. Кажется, что жить в таком виде невозможно никак - не сможешь ни дышать, ни пить, ни есть. Ан нет, эта масса пористая и пропускает и воздух, и воду, фильтруя при этом все для себя полезное. Ну и самой твари питательные вещества в жидком и полужидком виде перепадают. А твердую пищу большинство из них есть уже неспособно. Но это не значит, что среди них нет хищников - кровь пьют за милую душу. Правда, они довольно медлительны, и опасны в основном для спящих - бодрствующий и способный идти человек может без особых проблем избежать встречи с ними.

---

[34] Ученый не объяснил Майку (а возможно, не знал и сам), что же в такой экосистеме служит первичным продуцентом органики (автотрофом), если грибы не дают вырасти растениям. Очевидно, эту роль выполняют бактерии, а также мелкие растительные организмы, не обладающие собственной корневой системой (микроскопические водоросли).

Тем паче что прятаться в Долине негде, и любая тварь размером больше гриба хорошо видна издали.

Чтобы самому таким не стать, перво-наперво не надо наступать на шляпки, потому что от этого-то споры и разлетаются. Но этого недостаточно, потому что на шляпки может наступать кто-то другой (те же твари, например), а если никто так и не наступит, то они, потеряв терпение, взрываются сами. Так что, идя через Долину, нужно закрыть платком нос и рот, что мы с Кэролайн, конечно, и сделали. А когда придет время есть и пить самому - делать это с большой осторожностью. Но даже с платками на лицах шляпки все равно лучше не топтать - останутся споры на одежде, и кто знает, куда они потом попадут, когда ты уже расслабишься и будешь думать, что опасность позади. К сожалению, после дождя грибов вылезло особенно много, и нам приходилось не только все время смотреть под ноги, но и обходить места, где они разрослись особенно густо. Что, понятно, удлиняло путь и увеличивало наше время пребывания в Долине, которое мы бы хотели максимально сократить.

Понятно, что мясо тварей, насквозь проросшее ядовитыми грибами, в пищу непригодно, сколько его ни вари (хотя в Долине и варить-то не на чем - грибы не горят, а больше ничего не растет). Есть только одно исключение, способное служить источником пищи для человека - это кувалда, которая на самом деле - нелетающая птица, похожая на индюка размером со свинью. Ее длинная шея не способна гнуться, поскольку имеет только один позвонок, поэтому, когда она что-то клюет (а клюет она грибы, что же еще), это напоминает удары кувалдой. Но наиболее примечательная ее особенность не эта, а то, что, хотя она, как и все птицы, несет яйца, птенцов она выкармливает молоком. И вот ее молоко - в отличие от ее мяса и даже от ее яиц - и есть единственный в Долине Бородавок пригодный для человека пищевой продукт. В нем присутствует какой-то компонент, который убивает споры, даже попавшие туда случайно.

Я заметил кувалду к концу первого дня нашего пути через Долину. В том, что это самка, я не сомневался - самца кувалды доселе не удавалось увидеть еще никому, хотя они (как утверждают ученые) должны существовать, это не тот случай, что у песчаных жуков, и даже не тот, что у тришеих. Вопрос был лишь в том, есть ли у нее птенцы. Разглядев ее в бинокль, я понял, что она и впрямь сидит на гнезде (представлявшем собой, понятно, просто яму в земле). У нас еще была еда (хотя жабий жир, честно говоря, нам уже поднадоел, даже приправленный кровяникой), и мы могли бы просто пройти мимо, не теряя времени, но, признаюсь, я не устоял перед искушением попробовать птичье молоко, а заодно сделать и Кэролайн единственной женщиной, имеющей право хвастать подобным. К тому же птичье молоко намного питательней коровьего. Так что я объяснил моей спутнице, как мы зайдем на кувалду с двух сторон и схватим ее. Со стороны это, наверно, выглядело забавно - пока Кэролайн, приблизившаяся к кувалде спереди, отвлекала ее, взмахивая руками (а та, не желавшая уходить с гнезда, угрожающе шипела и взмахивала головой на негнущейся шее), я подобрался к птице сзади и запрыгнул на нее, усевшись верхом и схватив руками в перчатках за шею. Крылья я прижал коленями, а на клюв накинул и затянул петлю, чтоб не плевалась спорами. Пару минут птица билась подо мной, но потом, как видно, смирилась со своей участью. Я тем временем уже рассмотрел яйца - птенцы уже проклюнулись, но еще не вылупились. Отлично - значит, сосцы кувалды как раз полны молока.

Я подозвал Кэролайн.

- Доила когда-нибудь корову или хотя бы козу? - спросил я, хотя тут уместнее была бы аналогия со свиньей. Кстати, мне никогда не приходило в голову интересоваться, почему их не доят, хотя они бывают крупнее козы или овцы.

- Я что - похожа на дочку фермера? - возмутилась девушка, видимо, до последнего полагавшая, что эту роль я возьму на себя.

- Ну, дело-то нехитрое, - заверил я ее. - Раз уж с ним справляются безмозглые птенцы, то и человек с твоим интеллектом и образованием должен как-нибудь сладить.

Должно быть, мне удалось ее уязвить, поскольку она больше не возражала и попыталась приступить к делу. Но подсунуть флягу под птицу было проблематично, поэтому мы завалили кувалду набок, словно это действительно была свинья, ну и дальше уже, по очереди надевая горлышко фляги на торчавшие из брюшного пуха птичьи сосцы, Кэролайн надоила почти что две кварты (пришлось даже вылить из одной из фляг воду, чтобы освободить место). Густая жидкость по консистенции была ближе к патоке, чем к нормальному молоку. Пробовать трофей мы решили позже, чтобы дать время сдохнуть любым возможным спорам.

В процессе всей этой возни мы раздавили три яйца, а птенцы в трех оставшихся были, очевидно, обречены теперь на голодную смерть, но уж это нас ничуть не волновало. Только душевнобольной станет заботиться об успешности размножения тварей. Впрочем, сворачивать напоследок кувалде голову или ломать шею я тоже не стал. Все ж таки хотя и тварь, но небесполезная. К тому же я не хотел оставлять лишних следов. Не обнаружив засады на берегу болота, я уже почти не сомневался, что наш враг утонул в трясине или был сожран кроволюбами, но в том маловероятном случае, если это все же было не так, он мог заметить тушу птицы издали и, подойдя, убедиться, что ее убил человек. Само собой, на этой равнине, где негде спрятаться, идущий человек еще заметнее, чем лежащая кувалда - но если мы не видели его, значит, и он был слишком далеко, чтобы увидеть нас. Возможно ли, что он был ранен, но жив, и отлеживался где-то в камышах, чтобы потом возобновить преследование? Очень трудно было в такое поверить, но ведь и в то, что он сможет продолжить погоню после нашей встречи у отеля "Гигантский", поверить тоже было невозможно...

Ночевка посреди Долины Бородавок была одной из самых неприятных на нашем пути. Развести костер было нечем, мы еле нашли пятачок, достаточно удаленный от любых готовых выбухнуть спорами грибов, а птичье молоко оказалось горьковатым, и запах у него тоже был не ахти. Хотя я ненавижу выбрасывать еду, особенно в Пустошах, мы так и не смогли заставить себя выпить его все. Оставлять на завтра смысла не имело - прокисло бы, так что остатками мы просто вымыли руки и лица в качестве дополнительной профилактики от спор. Запах, конечно, не радовал, но у мыла Фасмера он еще хуже. Но главная неприятность была в том, что без огня спать приходилось по очереди, чтобы не дать подобраться никаким любителям подоить, только не молоком, а кровью, нас самих. Я взял на себя дежурство в первую, самую неприятную часть ночи, когда луна еще не взошла. И действительно, часа через полтора я услышал тихий шорох и тут же различил при свете звезд некий приближающийся силуэт, явно нечеловеческий. Я прицелился и выстрелил, нарушив безмятежный сон Кэролайн и заодно напомнив ей, что сон бэдлэндера не должен быть безмятежным. Силуэт застыл и больше не двигался. Само собой, я не стал подходить к нему в темноте, и тратить патроны на дополнительные выстрелы тоже не стал - лишь поглядывал в его сторону. Но, похоже, он был окончательно мертв. Во второй половине ночи, уже при свете уполовиненной луны, я передал вахту Кэролайн, наказав ей не только присматриваться и прислушиваться, но и принюхиваться (приближение местных тварей можно почувствовать по усиливающемуся грибному запаху), однако больше нас никто не потревожил. Утром я подошел посмотреть, кого же все-таки застрелил, но понять это было уже невозможно. То, что еще недавно было плотью, за несколько часов превратилось в сплошную массу грибов.

Хотя и не имевшие достаточно времени выспаться, мы двинулись дальше, стараясь идти как можно быстрее, а остановки на отдых делать как можно короче, чтобы добраться до Канавы еще до заката и избавить себя от еще одной ночевки в Долине. И, хотя мы совершенно вымотались (не буду добавлять "особенно Кэролайн" - я тоже), нам это удалось. Солнце еще не коснулось горизонта за нашими спинами, когда грибы резко пошли на убыль, за полосой мертвого песка появилась нормальная (ну почти, если не вглядываться) трава, а затем наши тени, бежавшие впереди нас, коснулись серо-бурых вод Канавы.

Когда-то Грэйт Ривер славилась не только своей круглогодичной судоходностью, но и

чуть ли не кристальной чистотой своей воды - что, понятно, для широкой равнинной реки было невозможно без помощи магии. Утратив в результате Войны и прежнее русло, и прежнюю чистоту, она лишилась и прежнего гордого имени. Теперь ее вполне заслуженно именуют Грэйвотер[35], или просто Сточная Канава.

С судоходностью теперь тоже проблемы. Не только потому, что плавать по реке больше некому, и что теперь она остается незамерзающей только в нижнем течении. Но и потому, что новое русло прошло (видимо, неслучайно) по многочисленным городам и селениям, руины которых во многих местах до сих пор подходят близко к поверхности, а кое-где и торчат над ней. Плюс горы всевозможного мусора и топляка, смытые с бывшей поверхности и также скопившиеся на дне в местах, которые не знают уже никакие карты (и способные еще и постепенно сползать ниже по течению). Ну и какие твари могут обитать в этих теперь уже безнадежно мутных серо-бурых водах - вопрос отдельный и, кстати, весьма плохо изученный.

Тем не менее, там, куда мы вышли - это место было обозначено на карте, и я приметил соответствующий ориентир издали - в берег вросли останки баржи, очевидно, принесенной потоком в первые дни, когда вода, прорвавшаяся из Старого русла, была особенно высока. Когда-то такие сплавлялись вниз по течению своим ходом, а вверх их тянули специальные твари, созданные магами еще в мирное время - что-то вроде больших не то рыб, не то дельфинов с ногами, которые могли как плыть, так и шагать по дну. В отличие от обычных дельфинов, они не поднимались на поверхность для дыхания, так что видели их только сквозь толщу прозрачной воды. Управлял ими сидевший на носу погонщик - обычный человек, не маг, просто тянувший и дергавший уходившие в воду вожжи. Они отличались спокойным и послушным нравом, какой сделал бы честь любому мерину. Так, по крайней мере, повествуют довоенные книги (живых погонщиков, понятно, не осталось, поскольку в этих местах не выжил никто). Дальнейшая участь этих существ неизвестна. Скорее всего, они все погибли, когда вода стала ядовитой. Но если нет, то те из них, что были унесены в новое русло, либо сами стали чудовищами, населяющими ныне мутные глубины Канавы, либо были съедены таковыми.

Именно эту баржу я рассматривал как наиболее вероятное убежище на время "кровавых каникул", пока Кэролайн не подвернула ногу. Однако теперь, увидев ее не на карте, а вблизи, я понял, что это была плохая идея. Баржа совершенно сгнила, и заделать все дыры хоть в каком-то из ее помещений было нереально. Даже просто забраться на палубу означало риск провалиться. Так что, можно сказать, Кэролайн повредила лодыжку очень вовремя. Судьба - штука затейливая, да.

Все же гнилое и трухлявое дерево баржи годилось для костра, который мы развели на берегу. При этом расположились мы между баржей и рекой, так, чтобы наш огонь не было видно со стороны Долины. Скорее всего, это была излишняя паранойя, но я снова решил последовать бэдлэнлерской формуле "можешь не рисковать - не рискуй".

Ночью я несколько раз просыпался оттого, что в реке что-то плескалось, но вылезти на сушу и тем более подобраться к огню оно не попыталось. Утром мы пошли по берегу на юг, в сторону переправы.

На сей раз мне захотелось сделать Кэролайн сюрприз и не рассказывать ей, что же, собственно, представляет из себя эта самая переправа, пока она сама не увидит это впечатляющее зрелище. Но она со своим, как любят писать в книжках, пытливым умом, конечно, не дала такой возможности. Идти было далеко, больше дюжины миль, так что времени на то, чтобы задуматься, куда именно мы идем, у нее хватало.

- А что это за переправа? - спросила она. - Как я понимаю, мостов через Грэйвотер нет, - она явно предпочитала официальное название жаргонному "Канава".

- Их и быть не может, - ответил я. - Когда еще были те, кто мог их строить, река не здесь

[35] Greywater (буквально "серая вода") - термин, означающий сточные воды (однако, не фекальные, которые именуются blackwater).

текла.

- Тогда что же это? Брод?

- Ты сама-то как думаешь - можно такую реку вброд перейти? - усмехнулся я.

- Вряд ли, - Кэролайн устремила взгляд на противоположный берег почти в шестистах ярдах от нас.

- Под ноги смотри! - одернул я ее. - Видишь вон ту ямку? - я сорвал росшую у берега длинную тростинку и ткнул ею в небольшое углубление в земле, заполненное речным песком. Тотчас же оттуда высунулась бурая клешня в ярд длиной, щелкнула в воздухе, переламывая мою тростинку пополам, и разочарованно втянулась обратно. - Вот на такое не наступай, - заключил я. - Кстати, береговые раки - твари довольно забавные. Пока маленькие, ползают весьма шустро. А как вырастают, зарываются в песок и остаются там до конца жизни, уже не двигаясь с места. У них даже ноги отсыхают и отваливаются, да и не только ноги. Практически от них остается один только желудок и клешни. И ничего, не дохнут с голоду - ротозеев хватает...

- Я поняла, - нетерпеливо кивнула Кэролайн. - Ты мне уже не раз говорил - любые ямы, дыры, трещины, места с разрытой землей, или хотя бы с такой, которая выглядит не так, как вокруг... И не собиралась я туда наступать, ты к этой норе и то ближе был... Так что там насчет переправы?

- Ну, - проворчал я, - если ты уверена, что не хочешь сюрприза...

- Мне твоих сюрпризов еще на плато хватило, - язвительно перебила она. - После твоих "мостов" я хочу заранее знать, чего ожидать от "переправы". Надеюсь, мы не вплавь переправляться собираемся?

- Нет, конечно. Если бы я хотел совершить самоубийство, я бы воспользовался револьвером, это куда менее неприятный способ. Кстати, это даже и не шутка - в Пустошах последний патрон лучше приберегать для себя.

- Майк! Прекрати увиливать от темы, скажи прямо - что там?

- Ну ладно. Там моллюск.

- Какой еще моллюск?!

- Довольно большой, - признал я. - Его раковина где-то шесть сотен ярдов в поперечнике.

- Ты хотел сказать - шесть?

- Я и сказал "шесть". Сотен. Хотя, учитывая, как он врос в берега, может, и больше.

Кэролайн уставилась на меня и, видимо, раздумала задавать вопрос "Ты что - издеваешься?", потому что поняла, что я не издеваюсь.

- Ты что же, - произнесла она уже другим, серьезным тоном, - хочешь сказать, что он перегораживает всю реку?

- В точку.

- Он и есть мост? Мы пойдем... прямо по его раковине?

- А вот теперь не угадала. Нет, он лежит на спине - если, конечно, у моллюсков есть спина - так что идти по нему не получится, на краю его раковины не удержишься. Но это неважно. Мы просто дождемся, пока он остановит реку, и пройдем по дну.

- Остановит реку?

- Видишь ли, таких моллюсков маги создали еще в мирное время, специально, чтобы чистить воду в трубах и каналах, откуда ее потом брали люди. Но те были гораздо меньше - несколько дюймов, футов или, максимум, ярдов. Никому бы не пришло в голову устраивать подобное на судоходных реках, поскольку это положило бы конец судоходству. Но этот вот попал в Канаву и... разросся. Его раковина - это как бы гигантская чаша, лежащая под углом. Нижний край, тот, что выше по течению, возле самого дна, а верхний выше нормального уровня воды в реке и перегораживает ее от берега до берега. Но в этой раковине есть отверстие, которое моллюск может открывать и закрывать своим мускульным клапаном. Когда клапан открыт, вода течет сквозь дыру. Когда закрыт - заполняет раковину, и моллюск сжирает все, что в ней

оказывается. Когда-то это были водоросли, насекомые, дохлые крысы и всякий прочий мелкий мусор, которому негоже было попадать в систему городского водоснабжения. А теперь это вообще все, что плывет по Канаве, до самых крупных тварей включительно. Ну то есть самых крупных, не считая этого моллюска, понятно. Продолжается это пиршество где-то час. За этот час - ну, чуть меньше, надо дать время воде полностью уйти - Канаву ниже раковины можно спокойно перейти. Ну а потом клапан снова открывается, и тут уж на пути у вырвавшейся наружу реки лучше не оказываться. Слив всю процеженную воду, моллюск снова закрывает клапан, и все повторяется.

- Прямо даже непонятно, почему "Сточная Канава", если моллюск ее так замечательно чистит, - едко заметила Кэролайн.

- Так от ила и тому подобной мелкой мути он ее не чистит. Слишком большой для этого. И к тому же он ее только в одном месте чистит, а ниже опять всякая дрянь набирается.

- А не может он открыть свой клапан раньше времени? - перешла Кэролайн к более важной теме.

- А зачем ему? - пожал плечами я. - Он слишком примитивен, чтобы капризничать. У него ни мыслей, ни желаний - только рефлексы. Вода дошла до верха - значит, пора. Не дошла - не пора.

- А дно точно проходимо? Мы в иле не увязнем?

- Те, кто шли до нас, не увязли.

- И много их было?

- Все, кто когда-либо переправлялись через Канаву, делали это таким способом. Здесь или ниже по течению. Включая караванщиков, между прочим. Там Канава уже не становится полностью сухой, но там регулярно открывается брод, преодолимый для всадников и повозок. И, поскольку ни один караван до сих пор не пропадал, можешь считать это гарантией - насколько они вообще возможны в Пустошах.

Во время нашей остановки на отдых в середине дня я попытался рыбачить, ибо в Канаве водится в том числе и съедобная рыба. В Пустошах это изрядная редкость, но рыболовные снасти много не весят и места не занимают, так что на всякий случай я всегда таскаю их с собой (не считая, понятно, удилища, в качестве которого использую либо длинную ветку или тростинку, либо, если поблизости ничего такого не растет, короткий, но прочный металлический стержень для котелка). И понятно, что запасаться рыбой следовало именно здесь - после переправы, то есть ниже моллюска, любая рыбалка станет заведомо бессмысленной. Но увы - клевала одна только ядовитая дрянь (вся - чрезвычайно уродливого вида, правда, в Канаве и съедобные выглядят немногим краше). Их была еще целая проблема снимать с крючка, чтобы не уколоться, ибо их ядовитые шипы с легкостью протыкают перчатку. Пользуясь случаем, я рассказал Кэролайн байку о том, что некоторые жители затопленных городов до сих пор обитают под водой, и для того, чтобы рыбалка была успешной, надо принести им жертву - одни говорят, что это должно быть человеческое мясо, другие - что достаточно золотой монеты - и тогда они, якобы, в благодарность станут насаживать на крючок рыбака съедобную рыбу. Если бы у меня все еще был с собой палец Арчи Джокера (который я выбросил, когда растратил весь спирт на паука), можно было бы попробовать, ха-ха. На самом деле разные виды этой рыбы могут клевать и на мясо (конечно, совсем не обязательно человеческое, но вряд ли проспиртованное), и на блесну, но в данном случае - увы.

Но, помимо отсутствия улова, в этой рыбалке было и кое-что еще, что мне не понравилось. Мы просидели на одном месте почти два часа, и за это время линия уреза воды ничуть не изменилась. А ведь на таком расстоянии от моллюска, хотя по высоте уровень меняется незаметно, по ширине на пологом берегу она уже должна была гулять туда-сюда на несколько ярдов. Да и вообще, после перекрытия клапана вверх по течению на много миль устремляется обратная волна, которая хотя и невысока, но несется со скоростью хорошей

лошади, и выглядит это так, словно вся река повернула вспять, так что не заметить ее трудно, даже когда смотришь только на поплавок. Однако ее не было.

Я ничего не сказал об этом Кэролайн - в конце концов, я не специалист по запрудам, если не считать тех, что я строил из снега и грязи на весенних ручьях в детстве, так что мало ли чего я не понимаю - и мы пошли дальше. Но, чем ближе мы подходили к пока еще невидимой переправе, тем очевиднее становилось, что что-то не так. В воздухе все отчетливее чувствовался запах тухлой рыбы. На берег Канавы нередко выносит какую-нибудь дохлятину (и даже человеческие черепа и кости из затопленных городов - мы видели несколько на своем пути, хотя они полвека спустя, понятно, уже не пахнут), но эта вонь не ограничивалась каким-то одним местом и только усиливалась. Наконец и Кэролайн не выдержала: "Это твой моллюск так воняет?" "Не знаю, - признал я. - Я раньше был здесь только один раз, много лет назад, еще со своим наставником, учившим меня бэдлэндерским премудростям. Это был наш самый дальний совместный поход. Но тогда так не пахло. Правда, мы тогда не шли вдоль реки так долго - пересекли Долину Бородавок южнее и вышли почти прямиком к моллюску."

И вот, наконец, мы подошли к тому самому месту, где четверть века назад мне открылось это внушительное зрелище - вздымающийся над водой край гигантской раковины, изогнувшийся от берега до берега и полностью запирающий всю, что ни говори, Великую Реку, хотя теперь ее и называют презрительно Сточной Канавой. Еще внушительней, конечно, зрелище было с обратной стороны, когда мы шли по обнажившемуся дну, где стояли лишь отдельные лужи (и не было ни плещущихся в них рыбешек, ни мусора - ничего, что обычно оставляет отступившая вода), а над нами нависал край этой чудовищной чаши высотой с четырехэтажный дом, если мерить по вертикали - но стена раковины, понятно, не вертикальная, а уходит вниз и вглубь под нарастающим углом, пока не образует узкую темную щель меж собой и дном, из которой по окончании пищеварительного цикла вырывается в бешеных клубах пены оглушительно ревущий поток...

Однако зрелище, открывшееся нам с Кэролайн теперь, было совсем иным. Это не была стадия насыщения, когда вода поднимается до самого края чаши, разливаясь при этом почти на семьсот ярдов в ширину, но не была и фаза спуска, когда вода с ревом уходит из раковины - не вся, конечно, но сквозь ее бурные потоки можно различить глянцевую сиреневую плоть гигантского моллюска. Теперь шум воды тоже был слышен издали, но она не уходила через клапан. Вместо этого вода, казавшаяся еще более мутной и грязной, чем обычно, в клочьях какой-то пены, просто переливалась через край раковины по всей ширине реки, так, что и сам этот край не был виден под ее блестящим, как мутное стекло, слоем. И вонь над всем этим стояла такая, что даже небрезгливый я предпочел дышать через рот.

- Похоже, твой моллюск сдох, - констатировала Кэролайн то, до чего я уже догадался и сам. Но я все же возразил:

- Может, просто болен? Иначе почему клапан не откроется, если мышца больше не работает?

- Просто забился разлагающейся плотью. Ты прикинь, сколько все это весит. Плюс еще сверху какого-нибудь мусора натянуло.

- М-да, - вынужден был согласиться я. - Похоже, ты права. Живое так не пахнет. Разве что когда хочет приманить падальщиков, но моллюску это точно ни к чему...

- Так какой у нас план Б? - поторопила Кэролайн, поворачивая прочь от берега. - Я имею в виду второй пункт. Первый, очевидно - убраться отсюда поскорее и подальше.

- Угу - в какую только сторону, - пробурчал я. - Понятно, что вплавь - или хотя бы частично вплавь, сидя верхом на какой-нибудь коряге - переправляться нельзя нигде. Вверх по течению в воде полно тварей - ну, если только не топать полторы тысячи миль до самого истока. Но ниже по течению теперь тоже никаких гарантий от тварей. Край раковины теперь - просто порог, даже не настоящий водопад, так что перемахнуть через него им - плевое дело. При этом

вода еще и отравленная - то есть твари в ней все равно есть, но вся рыба несъедобна, и я даже не знаю, насколько это тянется... Что там, кстати, насчет дистилляции - пить-то такую воду можно?

- Ну, - задумчиво произнесла Кэролайн, - вообще-то я больше по неорганической химии, но, насколько я понимаю, при разложении белковой органики должны образовываться летучие вещества, которые могут попадать в дистиллят. Амины, сероводород, метантиол, аммиак, даже низшие жирные кислоты... некоторые фенолы, возможно... Но сероводород, метантиол и аммиак - это просто газы, которые сами выделятся из воды, если дать ей отстояться и если сливать первые 15-20% дистиллята. Остаточные концентрации все еще могут давать неприятный запах и привкус, но опасными для здоровья быть не должны. А вот что касается рыбы, то тут я с уверенностью могу сказать только, что есть ее действительно нельзя. И тех, кто ее ест, тоже. В ее тканях будут накапливаться трупные яды, которые не разрушаются при термической обработке или переваривании другим организмом. Плюс еще всевозможная зараза, рассадником которой является любой труп. Но чтобы детализировать и давать какие-то оценки, типа на каком расстоянии отсюда рыба станет безопасной, уже надо больше знать биологию, чем химию. Тем более что отравленная и зараженная рыба, пока она живая, может плавать вверх-вниз, а когда она сдыхает, если это происходит более-менее массово - становиться вторичным источником все той же дряни.

- Угу, - согласился я. - Мой наставник учил меня так: "Если видишь в ручье или реке дохлятину, а тебе надо вниз по течению - пройди столько, чтобы вода стала нормальной на вид и на запах, чтоб никакой пены, пузырей, маслянистой пленки не было, чтоб в ней дохлая или вялая рыба не плавала, и чтоб насекомые над ней тучами не роились. Но там еще ничего ловить и есть нельзя - там только заметь пройденное расстояние. Если оно меньше трех миль - иди еще три мили. Если от трех миль до дюжины - иди еще полстолька. А если больше дюжины - иди еще четвертьстолька. И вот только там уже можно есть то, что в этой воде обитает - если, конечно, оно само по себе съедобное."[36]

- Получаются разрывы на графике, - заметила въедливая Кэролайн. - В точке три мили шесть скачком превращаются в четыре с половиной, а в точке двенадцать - восемнадцать в шестнадцать. Хотя понятно, что это упрощенное правило[37], и можно аппроксимировать...

- Просто округляй в более безопасную сторону, живее будешь, - усмехнулся я.

- Ну да. В интервале от 3 до 4 миль надо идти 6, а в интервале от 12 до 14 - 18. Тогда все получается гладко. Вопрос, что мы будем делать, если эта мерзость, - Кэролайн кивнула в сторону загаженной реки, от которой мы уже отошли в сторону на добрую сотню ярдов, но вонь нас все равно преследовала, - не кончится ни через двенадцать миль, ни через двадцать.

- Остатков жабьего жира с кровяникой нам хватит, при экономном использовании, еще на два дня. За это время вдоль Канавы вполне реально пройти тридцать миль, и даже больше. Надеюсь, этого хватит.

- Надеешься, - повторила она. - Может, все-таки лучше искать способ для переправы вверх по течению?

- Ну, кстати, рыба из этого гнилостного бульона может заплывать и вверх, так что я теперь даже доволен, что днем мы ничего не поймали. Хотя, конечно, на тридцать миль она заплывет вряд ли. Но дело не в этом. Деревья, пригодные для постройки плота или лодки, насколько я знаю, не растут ни северней, ни южнее. Но все-таки ниже по течению на берегах больше мусора, из которого, может, удастся соорудить какое-нибудь плавсредство...

- А баржа, которую мы видели? - перебила Кэролайн. - Из ее обломков ничего не получится сделать?

- Ты видела, в каком она состоянии, - поморщился я. - Там не осталось ни одной крепкой

---

[36] Это правило, которым действительно можно руководствоваться в походных условиях, с должной, разумеется, осторожностью.

[37] В оригинале rule of thumb

доски, и я не собираюсь доверять наши жизни этому трухлявому гнилью. А главное, на переправе жизнь не заканчивается... по крайней мере, на это я тоже надеюсь. Надо думать и о том, что мы будем есть на том берегу. Там снова начинается пустыня. Но к югу в ней есть хоть какая-то жизнь. А на севере - одно стекло.

- Стекло?

- Все, что осталось от трех крупных городов с пригородами, по которым долбанули так, что все, что могло гореть - испарилось, а камень расплавился. Когда он застыл, получилась однородная стеклянная поверхность диаметром в десятки миль. У нее два плюса - по ней удобно идти, и там нет тварей, и два минуса - там нет ни воды, ни еды. Вообще ничего нет, кроме стекла. Такое, кстати, за Канавой встречается далеко не в одном месте. Я, кажется, говорил уже - по той части бывшей страны били с особенным жаром. Во всех смыслах слова.

- А южнее, значит, еда есть?

- Ну тебе же языканы понравились? Они оттуда прилетают.

- Но можно же переправиться севернее, а потом пойти на юг?

- И сколько миль получится крюк? Ты не знаешь, и я тоже. Как я уже сказал - на юге шансов найти средство для переправы больше.

- А есть какая-нибудь гарантия... ладно, я поняла - надежда, что это вообще возможно? Кто-то так уже переправлялся?

- Насколько я знаю - нет. Во всяком случае, из проживших достаточно долго, чтобы потом об этом рассказать. Но в этом просто не было необходимости, пока моллюск работал. Но женщин через Пустоши тоже никто раньше не водил. Или ты хочешь повернуть назад?

- Не задавай глупых вопросов.

- Вот и ты тоже.

Мы миновали край раковины, действительно превратившийся теперь всего лишь в необычайно длинный и ровный речной порог, с которого сплошной стеной выгнутого стекла низвергалась зловонная вода, и зашагали дальше на юг. Хотя ветер был южный, и главный источник вони остался теперь с подветренной стороны, от воды все равно смердело, и мы старались держаться от нее подальше - но не могли отходить и слишком далеко, чтобы не вернуться в Долину Бородавок с ее замечательными грибами и спорами. Так мы прошагали еще четыре мили, пока не начало темнеть. В таких условиях нам пришлось и заночевать - практически на голодный желудок, ибо я уже переключился на режим экономии. Впрочем, запах от реки имел хотя бы то достоинство, что помогал отбивать аппетит. Я, кажется, говорил, что ночевка накануне в Долине Бородавок была худшей за все наше предыдущее путешествие? Ну а эта, соответственно, была еще хуже. Травы, пригодной для костра, было совсем мало; нам все же удалось развести слабенький огонек, но не удалось поддерживать его долго. Впрочем, напасть на нас никто не пытался. Река и ее окрестности в этих местах принадлежали теперь падальщикам, а не хищникам.

Утром, немного все же подкрепившись (воду мы пока что брали из своих запасов, не нуждаясь в дистилляции новой), мы продолжили путь вдоль берега. Местность, по крайней мере поначалу, была ровной, и грунт под ногами, местами поросший чахлой травой - достаточно твердым, так что мы сразу взяли и держали хороший темп, стремясь уйти от гниющего моллюска как можно дальше. Постепенно смрад, шедший от воды, и в самом деле ослабевал, и Канава начинала пахнуть так, как и полагается пахнуть нормальной сточной канаве - но не нормальной реке (и уж тем более не Великой Реке в дни ее чистоты и славы - но те времена ушли безвозвратно). Пейзаж, придавленный пасмурным небом, оставался безрадостным. Периодически река сужалась, проходя между лишенными растительности холмами, больше походившими на отвалы пустой породы - да по сути они и были таковыми: всю эту землю и камни выдавило и выбросило наверх той же силой, что породила новое русло. Впрочем, в этих холмах на левом берегу в бинокль можно было рассмотреть норы языканов, но самих птиц

видно не было. Возможно, они тоже предпочли перебраться подальше от отравленной реки. К счастью, нам хотя бы не приходилось карабкаться на эти холмы - по крайней мере с нашей стороны по берегу везде можно было пройти вдоль воды, хотя иногда и приходилось подходить к ней ближе, чем хотелось бы. В более узких местах течение ускорялось, неся клочья желтовато-серой пены - также порожденной разложением.

Мы часто видели дохлую рыбу (и других существ, отравленных трупным ядом моллюска, иногда довольно крупных) и в воде, и на берегу. Те, что плыли кверху брюхом по воде, были туго раздуты газами и, казалось, вот-вот лопнут; у меня даже мелькнула мысль, что тех из них, что достаточно велики, как раз можно использовать в качестве плавсредства, точнее, поплавков, которые можно расположить прямоугольником или треугольником и уложить на них сверху какой-нибудь настил. Но я не стал высказывать эту идею вслух даже не потому, что мог предвидеть реакцию Кэролайн (в конце концов, Правило Номер Один никто не отменял), а потому, что сам понял уязвимость этой идеи: не из чего было сделать сам настил, не из чего изготовить весла, а если бы даже эти проблемы и удалось решить - не было никаких гарантий, что какой-нибудь зубастый любитель падали не начнет жрать такой "поплавок" прямо под нами в процессе переправы. Или даже что он не утратит герметичность и плавучесть сам от продолжающихся гнилостных процессов.

Мы шли быстрее течения, поэтому постепенно обгоняли всю эту дрейфовавшую дохлятину, однако, когда мы останавливались на отдых, она, в свою очередь, перегоняла нас. Особенно меня раздражала здоровенная брюхастая туша, похожая на моржа с шестью несуразно маленькими поджатыми когтистыми лапками (задранной назад головы и хвоста мы не видели, они скрывались под водой), которая словно специально старалась держаться к нам поближе, догоняя нас на каждом привале и весело помахивая этими самыми лапками, колыхавшимися от мелкой волны: привет, вот и я, скучали? Я уже почти готов был потратить драгоценные патроны, чтобы продырявить это лоснящееся гнилью раздутое брюхо, выпустить распирающие его газы и отправить дохлятину на дно (но, конечно, я сдержался). Окончательно она обогнала нас, только когда мы встали на ночевку, и больше мы ее, по счастью, не видели.

Что же касается тех тварей, чьи останки валялись на берегу, то ихний распад зашел гораздо дальше (вероятно, не без помощи мелких падальщиков, выползавших из нор в песке или налетавших жужжащими роями сверху), так что часто трудно было даже представить, как *это* выглядело при жизни. Но уже вечером мы наткнулись на останки, всерьез меня удивившие.

Это был человеческий скелет. Я уже упоминал, что по берегам Канавы полно человеческих костей, вынесенных течением из затопленных городов. Но то именно отдельные кости, чаще всего полузаметенные песком - это же был именно целый скелет (ну, почти целый, за вычетом правой ноги ниже колена), и на нем еще даже сохранялись лохмотья одежды. Вот эта-то одежда и заинтересовала меня больше всего. Это явно не был костюм довоенной эпохи - да и не могла никакая ткань сохраниться под водой так долго, к тому же и сам мертвец лежал слишком далеко от реки, чтобы его могло просто вынести оттуда. Но это не было и типичной одеждой бэдлэндера, бандита или хоть кого из жителей западных графств. На нем было что-то вроде длинного пальто из зеленого сукна, какие у нас никто не носит. У нас мужчины предпочитают короткие куртки, а в сильные морозы, какие бывают зимой на севере, в районе Лоурингвуда, или на западе, в Скалистых горах - меховые шубы. Я перевернул мертвеца носком сапога. На сырых лохмотьях сукна, натянувшихся на его ребрах, тускло блеснули в два ряда медные пуговицы. Военный мундир? Но, опять-таки, ни в одном из графств ополченцы не носят таких мундиров! У нас они короче, с пуговицами в один ряд и, главное, никогда не бывают зеленого цвета! В Аркэндэйле они серые, в Холинбруке голубые, в Риджтауне черные, в Шмуртерсфорде песочного цвета, даже в Лоурингвуде, хотя им в ихних лесах, казалось бы, сама Судьба велела - не зеленые, а коричневые. Есть еще, конечно, графства, что лежат за Скалистыми горами на берегу океана, но они с Пустошами не граничат и никаких дел не

имеют... Какие еще у нас бывают форменные облачения? У почтальонов темно-синие, у пожарных красные, у чугуннодорожников оранжевые. И опять же фасоны другие. Шерифы и ихние помощники специальных мундиров не имеют, у них только значки, у судей - мантии, а вне здания суда - перстни, да и откуда бы здесь взяться судье...

Никаких перстней на фалангах мертвеца и в самом деле не было, но на пуговицах в свете заходящего солнца угадывался какой-то выпуклый знак. Я нагнулся и легко оторвал одну из них, а затем поднес к глазам. Это был силуэт петушиной головы с гордо вздыбленным гребнем и агрессивно разинутым клювом.

- Герб Шарлонии, - сказала Кэролайн, заглядывая через мое плечо.

- Княжество к северу от того, куда мы направляемся? - вспомнил я.

- Да.

Вот оно, значит, как. До сих пор, думая о людях, пересекающих Пустоши - будь то бэддэндеры, бандиты, мародеры (или искатели, как их ни называй), даже караванщики или ученые - я всегда думал только о движении с запада на восток. Мне как-то не приходило в голову задуматься, что может быть и движение навстречу. Что кто-то оттуда может прийти к нам. Потому что до сих пор никто из восточников этого не делал. То есть какие-то ихние представители несколько раз прибывали с караванами, но - с нашими караванами. Не сами по себе. И тем более не в одиночку. Понятия "одиночка" и "мундир" вообще как-то противоречили друг другу. Люди, действующие в одиночку на свой страх и риск, обычно не носят форменную одежду с государственным гербом.

Я снова посмотрел на мертвеца. Может, это был шарлонский аналог бэдлэндера, если у них это и впрямь государственная служба? Финал его карьеры был, во всяком случае, совершенно очевиден. Он благополучно пересек Канаву, когда моллюск еще работал, и на радостях, что наконец находится к западу от этой условной границы, ступил ногой в нору берегового рака. После чего в шоке прополз еще какое-то расстояние от берега, истек кровью и умер. Для бэдлэндера это, конечно, очень глупая смерть. Опять же, в черепе не было дырки от пули, то есть он даже не пытался прекратить бессмысленную агонию. А точнее, как я быстро убедился, обыскав останки (там было мало что обыскивать) - не мог. Никакого оружия при нем не было. Как не было никаких ценностей или документов - ни удостоверяющих его личность, ни предназначенных для передачи кому-то на нашей стороне. Ну это-то как раз большого удивления не вызывало - от его одежды остались одни лохмотья, падальщики, как видно, хорошо поработали над ней, чтобы добраться до мяса, и нет ничего странного, если содержимое разорванных карманов вывалилось наружу. А там - монеты мог кто-то забрать (совсем не обязательно человек - некоторые твари любят утаскивать блестящие вещи), а бумаги просто унес ветер. Но оружие? Сунуться в Пустоши без ствола может только клинический идиот. Но клинические идиоты, опять-таки, не носят форму с государственными гербами (хотя кое-кто из ведущих сатирической колонки "Аркэндэйлского курьера" с этим бы, наверно, и поспорил). Возможно, этот неудачник попросту расстрелял все патроны и бросил лишнюю тяжесть. Или ненароком утопил ружье в какой-нибудь реке или болоте... Ружье, да. Не револьвер, а винтовку. Все-таки, при всем явном неудобстве его долгополого пальто хоть для бега, хоть для лазанья и ползанья, оно ужасно походило на облачение пехотинца. Но что пехотинцу делать одному за сотни миль от своей страны и своей армии?

- Интересно, - прервала мои размышления Кэролайн, - Шарлония севернее по широте, чем эти места. Если он шел к нам на запад, зачем так сильно отклонился к югу?

- Ну это-то как раз очевидно, - пожал плечами я. - Чтобы переправиться южнее Моллюска. Забрал еще миль на двадцать к югу, ну, бывает, не все хорошо ориентируются...

- На нем зимняя шинель, - возразила Кэролайн авторитетным тоном опытного интенданта. - А зимой же Грэйвотер к северу отсюда замерзает, так?

- Ну, наверно, он вышел в путь в начале весны, пока дошел, лед успел растаять. Да и на

севере он уперся бы в Бамп, и все равно пришлось бы идти на юг до известного тебе места спуска-подъема. А если он, к примеру, в Шмуртерсфорд направлялся, так и тем более мог на юг идти в обход Бампа до самого караванного пути. Что значит "на запад"? Запад большой. Он же в какое-то конкретное место шел.

- Совсем не обязательно, - покачала головой Кэролайн. - Возможно, ему было все равно, куда. Он был просто беженец. Как и мы.

- На нем форма, - заметил я. - Ты хочешь сказать - он дезертир? - это действительно выглядело логичнее, чем версия, что он был отправлен с каким-то официальным поручением через все Пустоши в одиночку. - Тогда он преступник, и получил по заслугам.

- Мы не знаем, что заставило его бежать, - строгим тоном возразила девушка. - Про нас тоже могли бы сказать, что мы преступники, если ориентироваться на холинбрукский закон.

- Значит, по-твоему, мы прилагаем столько усилий, чтобы добраться туда, откуда местные жители сами бегут, спасаясь от несправедливости?

- Не туда, - покачала головой Кэролайн. - В Хинтерзееланд. А это Шарлония. Сказать по правде, а мало о ней знаю. Мы не имели с ней никаких дел.

Мне эта вроде как случайно вырвавшаяся реплика про дела как-то не понравилась. До сего момента я полагал, что именно мы - "беженцы, которым все равно, куда", и в Хинтерзееланд мы направляемся только потому, что это ближе и что там заканчивается караванный путь. Что Кэролайн решилась на бегство через все Пустоши - и увлекла за собой меня - от отчаяния и безвыходности своего положения. А выходит - были какие-то "дела"? Какой-то план, о котором я ничего не знаю?

- А с Хинтерзееландом, значит, имели? - прищурился я.

- Да, - согласилась Кэролайн без всякого смущения. - Отец вел переписку с тамошними учеными. И они присылали нам... кое-какие образцы для исследования, которых нет в наших краях.

- Присылали, говоришь? Уж не с такими ли курьерами? - я кивнул на мертвеца.

- Нет, конечно. С караванами. И еще раз повторяю - не путай Хинтерзееланд и Шарлонию. Майк, я вообще не пойму, ты меня что - в чем-то подозреваешь? Ты что - как эти КОБовские идиоты? Это же совершенно нормальное научное сотрудничество!

- Да нет, конечно, - стушевался я. - Просто пытаюсь понять, КОБ так взъярился на тебя из-за родимого пятна на груди или из-за этого вот научного сотрудничества.

- Из-за всего вместе. Я ж тебе с самого начала сказала - они давно точили зуб на моего отца и его лабораторию. А родимое пятно - только повод.

- Верно, - припомнил я. - Вас подозревали в занятии алхимией.

- Интересно, кстати, - продолжила Кэролайн, - что теперь будет с караванной торговлей. Раз переправа больше не работает.

- Возможно, - усмехнулся я, - те караванщики, что отправились на восток весной, не смогут вернуться и повернут обратно. И тоже поселятся в Хинтерзееланде. Тогда у нас там образуется целое сообщество соотечественников. Будет не так скучно.

- Даже с этой точки зрения хорошо, что я смогу продолжить исследования на месте, - сказала Кэролайн, не принимая мой шутливый тон. - Раз уж с доставкой образцов и даже писем теперь такие проблемы.

- Ну ладно, - сказал я, бросая пуговицу на землю. - Этому парню мы уже ничем не поможем, и он нам тоже. Идем.

Поскольку был уже закат, ушли мы недалеко и вновь вынуждены были ночевать практически без огня. Но в целом за этот день, стремясь уйти от Моллюска как можно скорее и дальше, мы отмахали добрые 18 миль - прямо рекорд на таком скудном пайке. Есть все-таки у человека преимущество над паровой машиной, которой ни слово "надо", ни даже слово "хочу" не могут заменить ни унции топлива.

Следующий день снова выдался пасмурным, хотя и без дождя. После ночной грозы на болотах жары вообще уже больше не было (что радовало), а теперь от реки ощутимо тянуло холодом - все-таки осень постепенно вступала в свои права, хотя в конце сентября еще можно было ожидать традиционного последнего потепления. С утра нам пришлось доесть остатки наших припасов, поскольку у жира, несмотря на все предыдущие перетапливания и полезные свойства кровяники[38], уже начал появляться прогорклый вкус. Очень органичный в этом царстве гниения, да-да.

Впрочем, на самом деле по мере нашего движения к югу картина продолжала постепенно улучшаться, хотя и не так быстро, как нам бы хотелось. Ближе к полудню от воды уже не чувствовалось неприятного запаха (хотя, быть может, мы просто принюхались), но плывущая по течению дохлая рыба иногда еще попадалась, так что начинать отсчитывать "четвертьстолька" было все еще рано. В целом же пейзаж вокруг был унылым, но безобидным. Ну, относительно безобидным, конечно - про береговых раков забывать не следовало. Пару раз мы видели уродливых тварей, забредших на водопой из Долины Бородавок, но они предпочли нехотя уступить нам дорогу (изъеденные грибами твари все делают нехотя, и их можно понять). Затем мы дошли до места, где река разливалась даже шире, чем перед раковиной моллюска - то были затопленные руины города. Мы уже миновали (если судить по карте) несколько таких городков и деревень, от которых практически не осталось следов - река, разрушив ихние остатки, вернулась в прежние границы. Но этот был крупнее прочих - в довоенные времена он тянулся примерно на семь миль с севера на юг и примерно на три - с запада на восток. Его деревянные окраины были полностью сметены первичным наводнением при рождении Грэйвотер (так что теперь не имело смысла копать берега в поисках каких-нибудь бревен - если таковые и остались, то только те, что были тяжелее воды и непригодны в качестве плавсредства), но каменные кварталы в центре, через которые теперь и протекала река, все еще сохранялись - во всяком случае, в достаточной степени, чтобы вызывать разлив. Кое-где над водой еще можно было заметить верхушку конька или дымовой трубы, а в одном месте - причем не очень даже далеко от нынешнего уреза воды, ярдах в восьмидесяти - целиком торчали два верхних яруса какой-то башни, увенчанной шпилем - скорее всего, это была городская ратуша. И самое интересное - предпоследний из этих ярусов имел балкончик с балюстрадой, к которой была привязана маленькая лодка.

Само собой, она была там привязана не 53 года назад. Тогда никто здесь не ожидал пришествия реки, протекавшей почти в тридцати милях западнее (пришествия в виде огромной волны, сметающей все на своем пути), и самим лодкам в этом сухопутном городе взяться было просто неоткуда. Да и любая лодка, оставшаяся с тех времен, давным-давно затонула бы если не из-за течи, то хотя бы из-за наполняющей ее дождевой воды. Нет, этой лодкой - возможно, откопанной среди принесенных наводнением обломков, а возможно, даже и сооруженной из тех же обломков уже здесь - кто-то явно пользовался совсем недавно. Максимум - несколько месяцев назад, а скорее, еще позже. Кто-то тут шастал, в этих почти никогда не посещаемых местах, за десятки миль к югу от переправы возле спуска с Бампа и за сотни к северу - от караванного пути. Впрочем, вполне вероятно, что он просто оказался в той же ситуации, что и мы, только днями или неделями раньше - хотел перейти Канаву под Моллюском, убедился, что тот сдох, и пошел на юг в поисках альтернативного способа. Возможно, кстати, что он и шарлонца нашел раньше нас, и за исчезновение его денег и документов ответственны вовсе не твари и не ветер... Но, что самое для нас печальное, раньше нас он нашел и лодку, которая очень бы нам теперь пригодилась. Нынешнее местоположение этой лодки свидетельствовало, однако, что на этом его везение окончилось. Жадность не позволила ему удовольствоваться шарлонскими трофеями (если, конечно, он их и вправду нашел, впрочем, у простого солдата в любом случае вряд ли было много ценного - максимум обручальное кольцо или часы на золотой

[38] Вероятно, содержавшей лимонную и аскорбиновую кислоты.

цепочке), и он отправился искать добычу на верхних этажах ратуши. А может, и не только на верхних (где опять-таки было мало шансов найти что-то ценное). Быть может, окна и двери официального здания - а их при магах строили на совесть, что да, то да - оказались настолько прочными, что сохранили воздух и на этажах, ушедших под воду. И он спустился за сокровищами городской казны вниз - а обратно уже не поднялся. То ли какое-то из стекол, более полувека выдерживавшее давление воды, в итоге треснуло в самый неподходящий для этого парня момент (возможно, он и сам спровоцировал это своими действиями, когда начал, к примеру, долбить по какому-нибудь сейфу), то ли он встретился там с нынешними обитателями ратуши, настолько гостеприимными, что они не захотели его отпускать. Возможно, кстати, что произошло все вместе - он столкнулся там внизу в темноте с тварями (проникшими внутрь, как и он, через верх), начал стрелять, попал в стекло, дальше понятно.

Или, может быть, он все еще внутри живой? Что, если он опередил нас не на недели и не на дни, а на часы? Во всяком случае, точно не на минуты - тогда бы мы заметили издали, как он идет впереди или как плывет на лодке. Но если поиски внутри сильно затянулись... Я не очень верил в такую возможность, но на всякий случай все же приложил руки рупором ко рту и во всю мощь своих легких[39] проорал: "Эй, парень, там, внутри башни! Мы не претендуем на твои находки, нам нужна только лодка! Перевези нас на тот берег, и мы мирно разойдемся! А иначе мы заберем лодку сами!"

Само собой, на мой призыв никто не откликнулся. Даже никакая тварь не высунулась посмотреть, кто это тут такой шумный.

- Мы правда можем забрать лодку? - спросила с надеждой Кэролайн.

- Да нет, конечно, - проворчал я. - Как ты понимаешь, вплавь мы туда не отправимся. И прыгать с одной затопленной крыши на другую тоже не будем.

- А если выстрелом перебить веревку, которой она привязана?

- Угу, - усмехнулся я, - в тех книжках, что продают в аптеках на сдачу, всегда так и делают. А в реальности с такого расстояния это просто пустая трата патронов.

- Но ты же такой классный стрелок!

Я посмотрел на нее и понял, что это не издевка и не подковырка. Она искренне в меня верила. И мне вдруг стало ужасно жаль ее разочаровывать. Ох-ох, чему только меня папаша учил... Ладно, кто не рискует - не выигрывает, как мог бы сказать Арчи Джокер, если бы был еще жив.

- Ну, теоретически, если стрелять с упора, то шанс попасть есть, - признал я. - Хотя не факт, что даже одного попадания будет достаточно. Но, допустим, я даже перебью веревку - что дальше? Лодка поплывет не к берегу, а просто вниз по течению.

- Да, но дальше река снова становится у́же, - возразила девушка. - Может, там лодку вынесет на берег.

- Ладно, давай так, - решил я. - Если с трех выстрелов ничего не выйдет, то дальше и пытаться не будем.

Затем я снова проорал: "Эй, мужик, это твой последний шанс сотрудничать! Я Майк Честер, слыхал о таком? Все знают, что я слов на ветер не бросаю!"

Хотя, на самом деле, в данный момент я занимался именно этим.

Вновь не дождавшись никакой реакции (да и можно ли было вообще услышать мой крик с подводных этажей башни, даже если и было кому?), я улегся на берег, соорудив себе упор из рюкзака. Сперва изучил цель в бинокль сам, затем отдал его Кэролайн, чтобы корректировала огонь. Устроился как можно удобнее, тщательно прицелился, задержал дыхание - и...

Конечно же, промазал. Но не сильно - Кэролайн доложила, что я попал в балясину чуть выше веревки. Значит, чуть-чуть ниже и правее...

---

[39] В оригинале идиома on top of my lungs

Со второго выстрела я зацепил веревку, но она все еще держалась. С третьего - опять промазал, ни один револьвер (и даже ни одна винтовка) не обеспечивает идеальной кучности. Но я сказал, что остановлюсь, если с трех выстрелов не выйдет ничего - а это было не "ничего", а 1 из 3. Так что я выстрелил снова - и опять разлохматил веревку уже в другом месте, но какой-то волосок все еще удерживал ее. Пока я раздумывал, тратить ли пятую пулю, тяга, создаваемая течением, все же оборвала этот волосок, и под радостное "ура!" Кэролайн лодка медленно поплыла прочь от затопленной башни. Более того - она даже начала постепенно смещаться ближе к нашему берегу, очевидно, увлекаемая течением вдоль подводной улицы.

Однако радость оказалась недолгой. Проплыв еще ярдов шестьдесят, лодка застряла на месте, очевидно, уперевшись в какой-нибудь мезонин или бельведер. Мы подождали еще некоторое время, не сдвинет ли ее с мели очередная речная волна, но увы. Впрочем, я с самого начала не особенно верил, что нам удастся воспользоваться этой лодкой. Однако меня радовало хотя бы то, что теперь ей уже точно не воспользуется и тот несклонный к сотрудничеству тип, будь он живой или мертвый.

Единственной пользой, которую мы извлекли из затопленного города, стали обломки пары досок, увязшие в прибрежном песке ниже по течению. На случай, если нам так и не удастся отыскать иное топливо для костра, мы забрали их с собой и тащили, каждый водрузив по одной на плечо.

За городом, еще примерно в полутора часах ходьбы, разлившаяся река, наоборот, резко сужалась, втискиваясь в каньон между холмами, более высокими и крутыми, чем те, что мы видели накануне. Точнее, это был один большой многогорбый холм, разрезанный надвое этим каньоном - причем, очевидно, не за тысячи лет, как это происходит в природе, а за считаные минуты, хотя при этом каньон вовсе не выглядел прямым, как прорытый канал или след от удара топора (вопреки карте, в этих местах весьма неточной и схематичной), а изгибался, как минимум, S-образно (а возможно, там внутри пряталось и больше извивов). Соответственно, здесь берега превращались в непроходимые обрывы, и между двумя неприятными вариантами - карабкаться по кручам или обходить холм вокруг через Долину Бородавок - я выбрал второй. Он означал путь в полтора раза более длинный (если смотреть по карте, которой опять-таки нельзя было доверять - холм весьма причудливой формы был обозначен там, как простой овал), но явно менее утомительный. Но прежде, чем уйти от реки, к которой мы могли вернуться вновь лишь минимум через четыре с половиной мили вниз по течению (на самом деле, очевидно, больше, учитывая повороты внутри холма), я снова устроил тщательную инспекцию воды. За час, что мы отдыхали перед началом каньона, в реке не обнаружилось уже никаких признаков дохлятины, но я, конечно, преодолел искушение устроить рыбалку. От этого места еще только надо было отсчитать четвертьстолька - мы прошли 29 миль вниз от Моллюска, значит, еще 7, считая по течению. Так что мы лишь впервые за минувшие два дня дистиллировали воду (ее запах и вкус также не вызывали никаких претензий), дабы не страдать от жажды во время пути в обход и дабы употребить по назначению успевшие уже утомить доски.

Обход через Долину Бородавок занял как раз примерно семь миль - говорю "примерно" из-за неточности карты, так что расстояние пришлось вымерять не по ориентирам, а по времени пути, периодически контролируя скорость счетом шагов. Но это был крюк по суше, а сколько выходило по воде, сказать было трудно, не зная точной формы каньона. Поэтому, когда мы снова вышли к реке, я, несмотря на усталость, настоял на еще двух милях вдоль берега, прежде чем останавливаться на ночлег.

Место там подобралось как раз удачное - справа был небольшой холмик, высотой всего в несколько ярдов, но поросший травой и даже каким-то мелким кустарником, и я решил, что это отличное топливо для костра. Отправив Кэролайн собирать его (она взглянула на меня кротким взглядом покорной жертвы, ибо после шестнадцати пройденных за этот день миль не очень жаждала взбираться даже на небольшие холмы - но надо было спешить, пока солнце не село), я

сам, наконец, занялся рыбалкой. На сей раз Судьба была на моей стороне - почти сразу же я выловил рыбу с человеческим лицом. Ну то есть, конечно, только похожим на человеческое, на самом деле это действительно просто рыба, и на вкус в том числе - но выглядит жутковато, особенно для тех, кто видит такое в первый раз (Кэролайн позже впечатлилась). Их еще называют рыба-сам[40]; они действительно всегда плавают поодиночке и, может, и впрямь большие эгоисты, но по факту выходит наоборот - на любую приманку они набрасываются так, словно только и мечтают отдать собственную жизнь ради пропитания голодных путников.

Но, когда я обернулся, чтобы издали продемонстрировать Кэролайн свою добычу, я увидел, что она вместо того, чтобы ломать сухие тонкие ветки кустарника, стоит на холме, уставясь куда-то дальше вдоль берега, куда в этот день мы уже не должны были дойти. Похоже, ей хотелось поделиться со мной своим наблюдением, но она не кричала оттуда, чтобы не распугать рыбу (умная девочка), и не спускалась, чтобы не подниматься потом снова (ленивая девочка).

- Что ты там увидела? - спросил я. Судя по ее виду, это не было что-то опасное.

- Иди сюда и посмотри сам. Дерево?

- Здесь не растут деревья, - буркнул я, но тоже поднялся на холм и посмотрел. А потом достал бинокль.

- Похоже на какой-то столб, - констатировал я. - Для фонарного слишком тонкий и высокий. Точно не шпиль здания - торчит под углом, да и нет там никакого города. На карте в этом месте вообще ничего нет, - тут я заметил, как ветер шевельнул свисавшие с торчавшего из прибрежного песка столба лохмотья какой-то материи. Флагшток, что ли? Хотя тоже - откуда ему взяться, если бы принесла вода, он бы валялся, а не торчал... Кто-то (явно не один человек) специально поднял и вкопал его в качестве ориентира? Но - ориентира чего? Уж явно не спрятанного сокровища, как в приключенческих книжках. Такое никто бы не стал делать настолько приметным для посторонних.

- Пойдем сходим и посмотрим! - нетерпеливо сказала девушка.

- Завтра, - зевнул я, опуская бинокль. - Никуда он не денется, он там, похоже, уже давно вкопан. Хотя, конечно, можно его на дрова порубить, но веток наломать легче, тем паче что они прямо тут, а туда еще переться...

- Зачем на дрова? А если из него плот сделать?

- На плоту через Канаву плыть слишком опасно, - покачал головой я. - Тут есть твари, способные смахнуть тебя своим щупальцем или языком, или просто влезть на плот. Нужны какие-то ограждающие борта... - и тут до меня, наконец, дошло. Я снова поднес окуляры к глазам. - Да это же мачта! Похоже, там, в песке, погребен целый корабль!

Ну да - туго я соображаю, когда уже устал и спать хочу. К тому же я ведь прежде парусники видел только на картинках. Самую большую речку, протекающую в районе Аркэндэйла, в любом месте вброд перейти можно.

Хотя Кэролайн чуть не прыгала от возбуждения и готова была, похоже, после целого дня пути бежать бегом две оставшиеся до мачты мили, чтобы успеть осмотреть ее до темноты (наступавшей раньше из-за пасмурного неба), я настоял на том, чтобы все же поужинать и переночевать на уже выбранном месте, а корабль (или то, что от него осталось) осматривать уже с утра, со свежими силами (которые уж точно потребуются для раскопок) и при хорошем освещении. Чтобы охладить пыл моей спутницы, я сказал ей, что парусник, скорее всего, сильно разрушен, так что целое судно мы из-под земли не достанем (да и было бы довольно трудно сделать это при помощи единственной небольшой лопаты, помещающейся в моем рюкзаке), но все же есть надежда, что в песке его обломки сохранились лучше, чем у той баржи, открытой всем стихиям, и нам удастся соорудить из них какое-то подобие лодки.

---

[40] В оригинале selffish - каламбур, отсылка к слову selfish (эгоистичный).

Утром я даже не проснулся сам, как привык - меня раньше разбудила нетерпеливая Кэролайн. Прямо даже не знаю, что ее так воодушевило в этой находке - ну корабль и корабль, мало ли уже целых мертвых городов видели, а не то что кораблей. Хотя, конечно, ни один город нас к цели не приближал, а корабль мог. Меньше чем на треть мили в восточном направлении, но что делать, если преодолеть их сложнее, чем протопать десятки миль по суше...

Правда, тут еще любопытный момент был, что на карте его не было. А такой заметный ориентир просто обязан был быть отмечен. И вывод из этого следовал только один - мы тут вообще первые с самой Войны. Во всяком случае - первые из тех, кто следует бэдлэндерскому неписаному кодексу и считает своим долгом сообщать обо всех подобных находках картографам. На самом деле одного сообщения, конечно, мало для полноценного нанесения на карту - нужно подтверждение минимум двух независимых наблюдателей, но объекты, о которых есть лишь одно извещение, обозначают знаком вопроса и инициалами известившего. Что за объект, соответственно, не указывается, только цвет отметки следует общим правилам: красный - опасное, черный - нейтральное (ориентиры типа мачты относятся к этой категории), синий - полезное (например, удобное укрытие или одиночный источник пригодной воды или пищи). Любой желающий может проверить, что там, и если описания совпадут, тогда на карте уже делается полноценная отметка. Но в данном случае и знака вопроса не было. У меня, правда, карта не самая новая была, но корабль тут явно с самой Войны торчал, позже-то ему взяться неоткуда было (и раньше, понятно, тоже). Как я уже отмечал, ничего невероятного в этом не было - пока переправа работала, пересекать Канаву удобнее всего было прямо под Моллюском, где дно осушалось полностью, ну и собственно сам цикл был хорошо виден, и искать какие-либо ценности там, где нет никаких городов, смысла тоже не имело. Равно как и прятаться на голом месте, если ты скрываешься (хотя такие картографам не докладывают - но могут доложить охотящиеся за ними бэдлэндеры). Вот сюда и не ходил никто. Но все равно, когда открываешь нечто впервые за 53 года, а фактически - за всю историю послевоенного мира... ну, могу понять тех, кого такое волнует, да.

В общем, было прохладно и свежо, утреннее солнышко отражалось в воде Канавы, делая ее почти что красивой, по небу плыли уже лишь отдельные лохматые облака (совсем не то, что накануне), и все вполне располагало к бурной первооткрывательской деятельности. Мы, даже не позавтракав остатками рыбы (аппетит мог разыграться позже, в разгар раскопок), только глотнули воды из фляг и бодренько дошагали до мачты.

Это действительно оказалась мачта - а еще прежде, чем подойти к ней, мы увидели выглядывавшую из песка верхнюю половину штурвала. Уцелели так же и по крайней мере некоторые снасти, все еще поддерживавшие мачту, и разодранные ветрами на узкие полосы остатки паруса. При жизни он, очевидно, был треугольным, и его нижняя часть крепилась к лежавшему теперь на песке гику, который, развернутый вперед, видимо, служил теперь лучшей опорой накренившейся туда же мачте, чем ослабевшие ванты и штаги[41] (ответственность за все корабельные термины несет Кэролайн - как выяснилось, среди прочитанных ею в детстве не очень полезных книжек была и парочка посвященных парусным судам, бороздившим моря еще в эпоху магов, что, соответственно, и подкрепляло ее энтузиазм). Впрочем, это было, конечно же, не морское судно - откуда ему взяться в самой середине континента. Очевидно, оно было принесено с севера водами Грэйт Ривер, и, поскольку баржи мачт с парусами не имели, это была либо рыбачья лодка, либо прогулочная яхта кого-то из тогдашних богатеев. Собственно, штурвал наводил как раз на последнюю версию. Дерево его обода и спиц уже не блестело лаком, а высохло, местами растрескалось, кое-где обросло ракушками, а кое-где было источено жуками, бронзовую втулку покрыла зеленая корка патины - но некогда, несомненно, он выглядел весьма внушительно. В то время как на рыбачьих лодках чаще всего и штурвала-то никакого нет - один

[41] Ванты удерживают мачту с боков, штаги - спереди и сзади.

только румпель.

В подтверждение того, что это действительно целый корабль, а не несколько крупных обломков, в песке угадывались очертания бортов с углублением между ними - палубой, которая, по всей видимости, упиралась в кормовую и носовую надстройки. По настоянию Кэролайн, не желавшей повредить борта судна лопатой, мы сперва принялись раскапывать их руками, чтобы определить точные очертания корпуса. Песок, достаточно сухой, несмотря на близость воды, поддавался легко, и вскоре мы окончательно убедились, что его выпуклости и впадины не были случайной игрой ветра и воды, а действительно отражали форму скрытого под ними судна.

Это и в самом деле оказалась прогулочная яхта длиной в 33 фута и максимальной шириной ("по миделю", как выразилась Кэролайн) в 10, покоившаяся в песке параллельно береговой линии, носом по течению (от левого борта до уреза воды было чуть больше трех ярдов). Очевидно, при ударе сносимой течением яхты о дно корма задралась, и поэтому судно имело небольшой наклон вперед. Соответственно, верхушку задней части кормы, которая находилась выше всех прочих точек яхты, не считая мачты и верха штурвала (хотя при этом на нее намело дополнительный холмик песка), мы расчистили раньше всего. Корма увенчивалась фигурно вырезанной доской, на которой все еще сохранялась позолота - ну то есть, очевидно, золотая краска, хотя, быть может, и тонкое напыление настоящего золота.

Ну да, ну да. Уж точно не лодка рыбака, трудом добывавшего себе пропитание. Возможно даже, эта яхта принадлежала кому-то из младших магов... хотя нет, у них все было еще роскошнее, даже у младших. Такая бы, наверно, была раз в пять больше, с кормовой надстройкой из натурального золота (и неважно, сколько оно весит - что за дело магам до законов физики?) и без всяких там мачт и парусов, приводимая в движение специально созданными послушными тварями... А это - нет, только жалкое подражание кого-то из приближенной челяди. Чиновников или купцов, кормившихся при магах. Понятно, что маги сами лично во все проблемы вникать и все разруливать брезговали, поэтому обычных людей, служивших им, было достаточно. Ну как обычных - в смысле лишенных магических способностей, а так-то ясно, какие они были обычные... Причем среди чиновников еще далеко не все в золоте купались, там хватало и мелких канцелярских крыс вроде того запуганного дурака, который пытался докатить тележку с отчетностью через пол-Пустошей, считая собственное (или хоть какое) начальство страшнее любых тварей. А вот почтенные негоцианты, которые вроде бы были просто частными лицами... Официально-то маги выступали за честную конкуренцию и свободу торговли, только это работало лишь на уровне мелких лавочников. А выше, как теперь пишут в "Аркэндэйлском курьере", все дела обделывал чрезвычайно узкий класс чрезвычайно успешных коммерсантов, которым всегда везло в бизнесе. Волшебным образом везло, ага-ага, в самом буквальном смысле. Они выступали посредниками в сделках между самими магами и имели лицензию на торговлю магическими артефактами. Хотя, наверно, и у такого яхта была больше раза в три, и паруса не белые, а алые или малиновые. А это, видимо, младшего сынка кого-то из таких. Или племянника. Или вообще внебрачного.

Ну и как, парень, помогли тебе все твои связи? А вот жил бы ты не у сильных мира под боком, а в глухой дальней провинции типа Аркэндэйла, может, и жив бы еще остался... Впрочем, ладно. Нам-то теперь только хорошо, что это не рыбачья лодка. Такая яхта должна быть крепкая, может, и впрямь до сих пор годная не только на дрова.

Определив контуры судна, мы первым делом раскопали целиком штурвал, благо по нему было понятно, на какой глубине находится настил кормовой надстройки. Нижняя его часть, та, что оставалась в песке, сохранилась лучше верхней. Но, конечно, он все равно не крутился - что Кэролайн сочла хорошим знаком: значит, он до сих пор связан с засевшим в песке рулем, а не болтается просто так. Я, правда, не понимал, какой нам прок от руля и штурвала, если нет парусов, но Кэролайн сказала, что запасной парус может храниться в "форпике" - кладовой на носу яхты. Это меня тоже не очень вдохновило - я полагал, что, даже если нам удастся поднять

на мачту настоящий парус, то от первого же порыва ветра она оборвет эти свои гнилые штаги и завалится.

- Ну уж за несколько минут не завалится, - возразила Кэролайн. - Нам всего-то реку переплыть надо, а не океан... - внезапно она как-то подозрительно смолкла, и кто-то мог бы подумать, что она осознала мою правоту, но я уже знал Кэролайн слишком хорошо, чтобы ожидать, что она так просто сдастся.

- Ты что-то задумала? - строго спросил я.

- Да нет, ничего. Сперва надо убедиться, есть ли там парус в пригодном хотя бы для ремонта состоянии, - попыталась увильнуть она.

- Допустим, он есть. Дальше что? - настаивал я.

- Ну, просто я подумала, что мы могли бы и не идти через всю вторую половину Пустошей, тем паче что ты сам говоришь - они разрушены сильнее, а изучены совсем плохо. Вместо этого мы могли бы спуститься на яхте вниз по Грэйвотер до Южного залива, проплыть вдоль юго-восточного побережья континента, повернуть на север и прибыть в Хинтерзееланд не со стороны Пустошей, а со стороны моря. Хотя такой путь намного длиннее, он был бы легче и быстрее - всю работу за нас бы делал ветер.

Признаюсь, эта идея захватила даже меня. Секунды примерно на три. А потом я решительно замотал головой:

- Во-первых, мы не умеем ходить под парусом. То, что ты прочитала пару детских книжек, еще не делает тебя мореходом...

- Уж если с этим справляются простые рыбаки, то, как ты говоришь, человек с моим интеллектом и образованием должен как-нибудь сладить, - это она мне за дойку отомстила, ага. - Принцип-то простой. Косой парус, в отличие от прямого, создает максимальную тягу не за счет прямого давления ветра сзади, а за счет обдува сбоку, который создает разность давлений между вогнутой и выпуклой сторонами[42]. Поэтому надо всегда держать парус и судно боком к ветру, левым или правым - главное, чтобы ветер не дул спереди. Если он спереди, тогда идти галсами, - она изобразила рукой нечто вроде извивающейся змеи.

- Во-вторых, - продолжал я, показывая, что ее ответ меня ничуть не переубедил, - как я уже сказал, эта мачта может рухнуть в любой момент, и вообще вся эта лоханка - развалиться и затонуть. Она провела в песке без всякого ремонта 53 года.

- Мы сможем оценить ее состояние на реке задолго до выхода в море и, возможно, что-то подлатать. Особенно если в форпике есть материалы и инструменты.

- В-третьих, - я тоже умею быть непреклонным, - я не желаю иметь никаких дел с океанскими тварями, которые такой кораблик целиком сожрать могут, а если не сожрут, то понадкусывают так, что он утонет...

- Мы пойдем вдоль берега, где для таких больших тварей просто слишком мелко. Кстати, это решит и любые проблемы с навигацией.

- В-четвертых, на море бывают штормы.

- Даже в худшем случае, если погода слишком испортится, мы успеем высадиться на берег и...

- Что подводит нас к пункту номер пять, - осклабился я. - Юго-восточную оконечность континента, практически от устья Канавы и до полуострова Крючок включительно, занимают Комариные Болота. Угадай с одного раза - нет, не почему они так называются. Почему ни одной карты их не существует?

- Эти комары такие страшные?

- Ну, чуть менее страшные, чем твои знакомые кроволюбы, хотя, в принципе, их тоже можно так назвать. До костей они тебя не обглодают, нет. Просто всю кровь выпьют, и все.

---

[42] При этом возникает такая же аэродинамическая сила, как на крыле самолета.

Причем в любой день, не считаясь ни с твоими циклами, ни с ранами или их отсутствием. Человека они высасывают досуха не больше чем за полчаса, даже при активном сопротивлении. Длина хоботка два дюйма, протыкает любую одежду, кроме крепкой кожи, но у нас из такой кожи только обувь. Так что любая попытка высадиться там, хоть добровольная, хоть вынужденная... Даже если мне суждено умереть от потери крови, я предпочту при этом хотя бы не чесаться. Так что спасибо, нет. Вон туда, - я указал на противоположный берег, - мы поплывем, но не дальше.

Неунывающая Кэролайн, однако, сказала, что в форпике должны быть и другие полезные вещи - к примеру, помпа, которая позволит нам, протянув шланг от реки, размывать песок струей воды. Правда, она не знала, есть ли на носу отдельный люк, ведущий в этот самый форпик. Но на корме спуск во внутренние помещения должен быть обязательно - где-то перед штурвалом. К тому же нос сидел в песке глубже кормы, так что мы продолжили раскопки последней, вперед и вширь от штурвала - ибо в сухом песке копать только вперед не получится, проход засыплет. Ну то есть, понятно, нашей единственной лопатой работал я, но Кэролайн тоже не сидела без дела и сгребала песок руками на брезент, а потом мы вместе, ухватив брезент за углы, оттаскивали песок за правый борт.

Хотя копать сухой и рыхлый песок над надстройкой было в общем-то нетрудно, дело продвигалось медленно - очень уж много было этого песка. Причем, учитывая длину моей лопатки, копать приходилось, стоя на коленях, то есть не используя силу ног, чтобы вгонять лопату в песок. Страшная штука эти кубы, да. Казалось бы, фут - совсем немного, наступил сапогом - вот тебе и фут. А когда он кубический, то получается, что за час маленькой лопаткой ты этих футов больше 20 не перекидаешь. То есть ежели ширину кормы на глубину песка перемножить, то едва на фут вперед и продвинешься. Ну то есть мы не узкими поперечными полосками копали, а расширяя прямоугольник от штурвала вперед, но объем-то все равно тот же самый. (Мне Кэролайн еще рассказала байку про экспоненту и про то, что будет, если на каждую клетку шахматной доски положить вдвое больше зернышек, чем на предыдущую - так там вообще жуть такая, что никаким пустошным тварям не сравниться. Ну это ладно, не наша проблема. Нам бы хотя бы с кубами справиться.)

В общем, ясно было, что всю кормовую палубу нам за день не раскопать, но до спуска внутрь мы дорыли. Только этот спуск - не люк, как в подвал, потянул вверх и спускайся. Это крутая лестница, уходящая, если смотреть в сторону носа, вперед и вниз и упирающаяся в дверь, которая уже ведет в подпалубные помещения. И соответственно эта лестница и окружающие ее стенки теперь тоже представляли собой колодец, доверху заваленный песком.

Расчистив достаточное пространство вокруг этого колодца ко второму часу пополудни, я окончательно выбился из сил и переключился на рыбалку. Съедобная рыба на сей раз клевала не очень (удалось выловить только прозрачное недоразумение, которое выживает только благодаря тому, что фактически невидимо в воде - но и на вкус, прямо скажем, больше всего напоминает сопли), но теперь я был рад и несъедобной. Кстати, две выловленные мною здоровенные рыбины, замечательно безобразные, шипастые и зубастые, все покрытые какой-то коростой, с глазами, похожими на гнойные нарывы, оказались настолько злобными, что передрались, будучи уже выброшенными на берег. Верх, понятно, взяла та, что была выловлена позже и сохранила больше сил; она сумела запихать голову своей противницы в пасть целиком, но дальше не смогла ни проглотить, ни откусить ее и триумфально издохла, подавившись своей добычей.

- Неужели мы будем это есть? - спросила Кэролайн, тыча пальцем в получившуюся комбинацию из двух (теперь практически полутора) страшилищ.

- Нет, они ядовиты. Мы пустим их на светильник.

- Они светятся в темноте?

- Нет, о таких в Канаве я не слышал. Там лучше лишний раз не светиться - сожрут. Мы сделаем светильник из рыбьего жира.

Позолоченная доска с кормы была совершенно бесполезна для плавания и не требовалась для защиты от попадания песка внутрь, зато отлично подошла для костра. Сперва мы, понятно, поели сами (хотя бы и полупрозрачных соплей, которые при варке превращаются в один только бульон без единой прожилки плоти), ну а потом уже пришел черед светильника. Я, орудуя в перчатках, вспорол брюха обеих драчливых рыб, даже не разъединяя их, и вытащил у каждой печень. В принципе, для наших целей годилось и другое мясо, но я не стал возиться, нарезая его тонкими полосками - половина жира в рыбе содержится в печени, а учитывая, что у каждой из них печень весила не меньше 4 унций, мне этого было вполне достаточно, чтобы изготовить светильник, способный гореть около часа. Мелко нарезав обе печени, я вывалил ихние куски в котелок, на дно которого предварительно налил немного воды (чтоб не пригорало), и поставил все это на слабый огонь. Через некоторое время варево начало пузыриться и покрываться серовато-желтой пенкой; запашок пошел не самый приятный, но и далеко не худший из того, что мне приходилось нюхать (даже Кэролайн не особо морщилась и взирала на процесс с профессиональным интересом химика). Не тратя время даром, я отщипнул от ближайшего каната яхты несколько конопляных волокон длиной с полфута и скрутил из них фитиль, распушив один его конец. Когда почти вся вода выкипела, всплывший вверх жир сделался прозрачным, а мясо почернело и скукожилось. Весь процесс вытапливания занял три четверти часа; после этого я снял котелок с огня и дал отстояться еще пару минут. Потом аккуратно перелил жир в пустую флягу из-под спирта, воспользовавшись куском паруса в качестве фильтра, и вставил туда фитиль распушенным концом вниз. Светильник был готов - оставалось докопаться до места, которое он должен был освещать.

Подкрепившись и отдохнув, в четвертом часу пополудни мы принялись копать над лестницей. И почти сразу моя лопата ударилась в нечто, что не было ступенькой. В нечто округлое, издавшее глухой и сухой стук.

Да, вы все правильно поняли. Это был человеческий череп. И хотя я не был ни историком, ни шерифом или судьей, которым важно сохранить останки в максимально неповрежденном виде, мне, видимо, передался исследовательский зуд Кэролайн, и мне захотелось не просто отбрасывать кости лопатой, а раскопать скелет (если там был целый скелет) аккуратно, чтобы понять, как умер этот парень (хотя, возможно, это была и женщина - по черепу не поймешь, а владельцы таких яхт нередко катались на них с женщинами известного поведения). К тому же на фалангах рук или на шее могли быть драгоценности, которые, научное там сотрудничество или нет, стали бы для нас в Хинтерзееланде совсем не лишними. Так что мы с Кэролайн снова принялись копать руками, используя лопату только вдали от костей и просеивая песок, чтобы не пропустить никакое свалившееся украшение или высыпавшиеся из кармана монеты.

Провозились мы с этим часа три, прежде чем полностью раскопали лестницу и дверь за ней (к счастью, закрытую и целую, что позволяло надеяться, что песок не попал внутрь). Никаких ценностей при этом так и не нашли, если не считать обручального колечка, оказавшегося неожиданно дешевеньким - то ли этот тип (судя по костям и пряжке от ремня, это был все же мужчина) еще не был богат, когда женился, то ли это вовсе был не хозяин яхты, а один из его слуг. Но мы действительно раскопали его в той позе, в какой он умер - лежа на крутой лестнице, как человек, пытающийся ползти вверх по ступенькам (фаланги его рук словно до сих пор вцеплялись в них), а не идущий или взбегающий по ним (такой упал бы назад и остался бы лежать внизу). Впрочем, когда мы докопались до самого низа, стало ясно, почему он полз, а не шел. У него не было ступней. Берцовые кости были перерублены, а скорее (судя по отсутствию мелких трещинок, образующихся при ударе) даже перепилены немногим выше щиколоток - по всей видимости, не зубами твари, а каким-то инструментом. Очевидно, он выполз в таком состоянии из той самой двери, куда мы стремились, и умер (вероятно, потерял сознание и истек кровью), так и не успев выползти на палубу. А дверь позади захлопнулась из-за

качки, ибо поток, несший яхту из старого русла в новое, был довольно бурным. "Турбулентным", как выразилась Кэролайн. Таким турбулентным, что сносил на своем пути целые города, да.

Если, конечно, кто-то не закрыл эту дверь изнутри.

У меня вдруг зародилось сомнение, а стоит ли нам туда лезть. Нет, конечно, какие бы разборки ни произошли между людьми на яхте во время Войны - вызванные хоть паникой и истерикой, хоть наконец прорвавшейся наружу ненавистью слуг к хозяину, хоть даже превращением в тварей - все ихние участники давным-давно мертвы. Полвека в замурованной песком кают не протянет ни одна тварь. Но точно ли мы знаем, что каюта замурована? Что, если там, под слоем песка, в борту судна прогрызена здоровенная дыра, а за нею начинается нора, уводящая куда-то вовне? И, кстати, действительно ли безногий скелет лежит здесь со времен Войны? Может, это тоже был любитель раскопок, попытавшийся проникнуть внутрь яхты уже позже? Или даже не раскопок - допустим, он забрался на яхту, когда ее еще не полностью затянуло в песок. И если ноги ему отрезала не тварь (все-таки следы на костях не похожи), то это могла быть какая-нибудь механическая ловушка типа капкана, установленная былым владельцем как средство против воров - с той публики, пожалуй, сталось бы...

Но, поразмыслив еще, я пришел к выводу, что это все же вряд ли. У парня, пришедшего сюда уже после Войны, наверняка было бы при себе оружие. Револьвер, нож, какие-нибудь металлические инструменты - допустим, топор для выламывания запертых дверей. Не мог же он бросить там сразу все! Да и насчет норы - если она ведет в реку, то внутри все затоплено, и мы бы уже оказались в воде, вытекающей через дверь, которая, наверно, не обеспечивает абсолютной герметичности, а если на сушу - на этой ровной местности, где нет высокой растительности, я бы заметил ее выход наружу. Не на милю же она тянется.

Так что я решил, что уже потраченные нами усилия стоят того, чтобы продолжать - хотя и, конечно, с осторожностью (но эта оговорка применима к любому действию в Пустошах). Уже темнело, но внутри погребенного в песке судна было бы темно и в полдень, так что я решил не откладывать исследование кают до завтра. Мы уже без всяких церемоний вытащили кости наверх, чтобы не мешались. Жир в светильнике успел уже застыть, но я легко снова растопил его на огне, а потом охладил флягу водой, чтоб не жгла руку даже сквозь перчатку. Подожженный фитиль загорелся не слишком ярким, но достаточным для осмотра небольших помещений мягким желтым пламенем - примерно как у свечи, хотя запах был не столь ароматным. На всякий случай, чтобы не надышаться какими-нибудь спорами внутри, мы повязали на лица платки, как делали в Долине Бородавок. Я велел Кэролайн светить мне, а сам, держа в другой руке револьвер, с силой подергал ручку двери, готовый высадить ее топором, если она не откроется. Но она, несмотря на застрявший в петлях и щелях песок, поддалась моим усилиям и со скрежетом и шорохом отворилась.

Изнутри пахнуло тяжелым, затхлым воздухом, в котором чувствовался некий прогорклый душок, но не было ни заметного трупного зловония (что не удивительно, спустя столько-то лет), ни смрада фекалий, который отличает обиталища живых тварей. Я шагнул вперед, вытягивая в темноту руку со светильником, но желтый огонек замерцал и погас, словно задутый дуновением изнутри.

- Слишком мало кислорода, - констатировала Кэролайн. - Видимо, тот, что был, весь ушел на разложение... того, что внутри. Подождем, пока хоть как-то проветрится.

Мы снова поднялись по лестнице и прождали там, сидя на кормовой палубе и поставив ноги на ведущие вниз ступеньки, еще минут сорок. Все это время мы всматривались в темный проем за дверью и прислушивались, но там (вполне ожидаемо) не было ни движения, ни звука. Наконец, когда темнота снаружи уже практически сравнялась с той, что внутри, мы снова зажгли светильник и повторили попытку.

На этот раз язычок пламени продолжал гореть, хотя воздух по-прежнему совсем не казался свежим. Первым делом я присел на корточки и осветил пол на предмет капканов, но не

обнаружил ничего подобного - только слой пыли, сквозь который угадывались некие бурые пятна, оставленные, очевидно, ползшим безногим. Тогда я поднялся, дал знак остававшейся перед дверью Кэролайн пока подождать и осторожно двинулся внутрь. Сделав шаг, я остановился, оглядываясь.

В тусклом свете жирового светильника можно было понять, что я оказался в середине большого, по меркам яхты, помещения - видимо, кают-компании или салона. Слева от меня, частично скрытый отворенной мною под прямым углом дверью (дальше она не распахивалась), находился камбуз с большой железной печью, отделенный от основного помещения перегородкой высотой по пояс (как это нередко делается и в сухопутных домах, где кухня совмещена со столовой); вход за эту перегородку, очевидно, находился то ли позади открытой мною двери, то ли еще дальше в сторону кормы. Справа вдоль борта тянулся кожаный диван. В стене (по-корабельному - переборке) впереди виднелась еще одна закрытая дверь, уводившая в носовые помещения. Я отметил про себя, что камбуз может нам пригодиться не столько даже посудой, без которой мы обходились до сих пор (что печь рыбу в золе, что жарить на сковородке - разница невелика), и уж тем более не продуктами - через 53 года годной могла остаться разве что соль (даже сахар, впитывая воду, превращается в черную липкую массу, в которой плодится зараза), а топливом для печи, если тут сохранился его запас. А вот диван не пригодится ничем - хоть он на вид и мягкий, спать в этом спертом и неприятном воздухе мы точно не будем. Речной песок тоже мягкий, но там воздух свежий. С этой мыслью я повернулся и шагнул направо, чтобы обследовать заднюю часть помещения. И тут же увидел во мраке движущийся огонек - но это, конечно, было отражение моего собственного в черном стекле засыпанного песком иллюминатора над диваном. Я повернулся еще раз направо и шагнул в сторону кормы между правым бортом и наклонной коробкой лестницы, приведшей нас сюда.

Сперва я увидел нечто настолько черное, что даже в этом мраке оно казалось сгустком какой-то потусторонней тьмы - но это было всего-навсего пианино, стоявшее вдоль правого борта ближе к корме. Я усмехнулся, представив, как затаскивали его сюда по этой крутой и узкой лестнице. Прежде, несомненно, сверкавшее лаком, теперь оно совершенно утратило весь свой лоск, было покрыто пылью и даже словно бы пленкой какой-то жирной грязи. Я подумал, что из него тоже получится хорошее топливо для костра или печи, и задумался, могут ли нам для чего-то пригодиться струны. В этих размышлениях я сделал еще шаг вперед, и лестничная коробка окончательно перестала загораживать мне обзор. И тогда я увидел то, что находилось в последнем углу - со стороны кормы по левому борту.

Там диваны стояли углом - точнее, это был один большой диван из двух частей, вдоль борта и вдоль задней переборки (в середине которой была дверь в каюту капитана на корме). В этом углу, образованном двумя секциями дивана, находился квадратный столик (выход с камбуза вел как раз к нему). На столике, все еще покрытом скатертью, некогда, очевидно, стояли серебряные тарелки, но они свалились, когда судно село на мель, и теперь валялись на полу (ихнее серебро тоже потускнело и было в каких-то пятнах и прилипших комках). А на диване сидели три фигуры.

Я шагнул еще ближе, поднося светильник. Неприятный, хотя и нерезкий, прогоркло-болотистый запах исходил именно от них. Я готов был увидеть скелеты или мумии, но язычок пламени озарил нечто иное - желтовато-серые, оплывшие лица, выглядевшие так, словно людей превратили в куски мыла, которое сперва мылилось и пенилось, а потом застыло и высохло. Не знаю, сохраняли ли лица в таком состоянии следы прижизненной мимики, типа "застывшее выражение ужаса", но выглядели эти оплывшие маски с ямами разинутых ртов и бельмами на месте глаз в любом случае жутко. Волосы частично сохранились и свисали редкими тонкими прядями - длинными и белесыми у двух, коротенькими и темными у третьего. Тела сохраняли общую форму человеческих тел; одежда на них тоже в основном уцелела, хотя и была покрыта жирными пятнами и сероватым налетом. Два платья и старинный "парадный" детский

костюмчик с кружевами и отворотами. Женщина, девочка-подросток и мальчик лет семи-восьми.

За четверть века походов в Пустоши я навидался мертвецов, кажется, во всех мыслимых состояниях, но вот именно в таком еще не встречал. Превратившихся в камень и в кость видел, а в мыло - нет.

- Что это за дрянь? - пробормотал я. - Еще какая-то прокля́тая магия?

- Нет, - негромко ответила Кэролайн, подходя ко мне сзади (признаюсь, я чуть не вздрогнул от ее голоса, глухо звучавшего сквозь платок - мне показалось, что заговорила одна из мертвых женщин). - Тут как раз никакой магии нет. Это адипоцир.

- Адипочто?

- Адипоцир, он же жировоск, он же трупный воск. Результат разложения мертвых тканей во влажной среде без доступа кислорода. Я, конечно, ни с чем таким не работала, органика, как ты знаешь, вообще не моя область, но читала про это. Собственно, при изготовлении мыла происходят аналогичные процессы, только там на жирные кислоты воздействуют щелочами.

- То есть это с ними произошло уже после смерти?

- Да. После того, как яхта оказалась погребена под песком и изолирована от воздуха извне.

- Тогда отчего они умерли? Яхту в песок явно не мгновенно засосало. Почему не пытались выбраться, пока было можно? Хотя - что было с единственным попытавшимся, мы видели. Но кем бы он ни был, главой этого семейства или просто слугой, что-то мне трудно поверить, что ему отрезали ноги эта женщина с детьми. А сами остались спокойно сидеть за столом и ждать гибели.

- Откуда мне знать, - пожала плечами Кэролайн. - Как я понимаю, они умерли во время еды. Может, отравились чем-то. Ты говорил, вся вода в Грэйт Ривер стала тогда ядовитой. Возможно, это произошло не только в самой реке, но и на судах, находящихся на ней.

- Возможно, - согласился я. - Деталей мы не знаем, поскольку живых свидетелей не осталось. А может, это даже было и обычное убийство, не связанное с Войной. Нравы у этих... особо приближенных негоциантов были еще те, особенно когда надо было бороться за теплое местечко при том или ином влиятельном маге. Убили всю семью конкурента у него на глазах, а ему самому отрезали ноги и оставили истекать кровью. Но порадоваться победе не успели - как раз Война началась.

- У магов действительно были такие нравы? Вроде бы считается, что до Войны были, по крайней мере, порядок, покой и безопасность.

- Ну, для простых обывателей в общем-то были. Папаша мой, к примеру, никогда про такое и не слышал, это я уж потом в "Курьере" читал, был там один старый колумнист, который довоенные времена хорошо помнил... Такое только наверху творилось. И не у магов, а у тех, кто при них кормился. Маги-то до простой резни бы опускаться не стали, они бы заклятиями долбили. Что они в итоге и сделали...

Я поднес светильник ближе к мыльным телам, по очереди освещая их сверху вниз в поисках следов от ножей или пуль, но ничего такого не заметил (зато заприметил на шее женщины жемчужное ожерелье). Бурых пятен крови на одежде тоже не было. Версия отравы выглядела более вероятной, и я присел взглянуть на валявшиеся на полу тарелки. Понятно, что спустя столько лет сложно было определить, что же они там ели, и уж тем более невозможно было понять по виду, была ли эта еда отравленной - но мое внимание привлек большой круглый серебряный поднос, на котором - и частично на полу рядом с ним - громоздился некий бесформенный воскоподобный ком, преимущественно серый, но в белесых и бурых пятнах поверх смолянистой корки, с налипшими мелкими, как мушиное дерьмо, черными крошками. Пахло оно мылом и плесенью. В корке можно было различить восемь круглых дырок. Подобрав валявшуюся рядом серебряную лопаточку, я ковырнул эту массу возле одной из дыр. Запах резко

усилился, к нему добавился тошнотворный кисло-металлический оттенок, заставивший меня скривиться. На срезе вязкой, с трудом разлепившейся массы обнаружилась слоистая структура из смолисто-черных и гнойно-белесых полос. В основании дырки, как я и ожидал, обнаружился огарок свечи.

- Именинный торт, - констатировал я. - Мальчику исполнилось восемь лет. Сейчас еще мог бы быть жив. Впрочем, в этих краях по-любому не выжил никто.

- Свечи сгорели, выходит, он даже не успел их задуть, - заметила Кэролайн. - Хорошо, что не случилось пожара.

- Именинные свечи сгорают быстро, а яхта доплыла сюда не за один день, - ответил я. - Ну ладно, кажется, я тут видел кое-что более ценное, - я поднялся и обошел столик, подходя вплотную к трупу женщины. Теперь, помимо ожерелья, я увидел и ее руку, лежавшую на колене под краем стола, а на ней - обручальное колечко (такое же простенькое, как и ее мужа - видимо, это был все-таки муж) и вполне себе солидный золотой перстень с сапфиром, не настолько дорогой, как лежавший у меня в кармане, но достойный составить ему компанию (кстати - тот ведь тоже, прежде чем стать "фамильным перстнем Харлингтонов", наверняка был снят с руки какого-нибудь мертвеца). Уже ради одного этого стоило найти эту яхту и провозиться с раскапыванием входа. Сняв рукой в перчатке эти трофеи, я предложил их Кэролайн, но она побрезговала их взять, по-прежнему, очевидно, уверенная, что "научное сотрудничество" принесет ей больше. Тогда я сунул украшения в карман, покосился на серебряную посуду, но решил, что это уже лишняя тяжесть, и со словами: "ладно, это все цацки, а теперь поищем, что тут может быть действительно полезного", повернулся в сторону камбуза. И тут я заметил, что бурые полосы тянутся как раз из прохода в его загородке. А войдя в этот проход - увидел, откуда они начинаются.

Прямо из деревянного пола торчали два коротеньких пенька уже знакомой нам мыльно-восковой консистенции. И в середине каждого четко видны были перепиленные кости.

При этом никаких остатков ступней, в обуви или нет, видно не было. И в то же время это не были просто лежащие на полу куски, словно кто-то кромсал ногу, как нарезаемую толстыми ломтями колбасу. Они именно уходили в пол. Врастали в его сухое твердое дерево.

- Та-ак, - проворчал я. - Похоже, без магии тут все же не обошлось.

Когда я осматривал тела в салоне, мне не приходило в голову взглянуть на ихние ступни, тем паче что у женщин подолы платьев спускались до самого пола, а на ноги мальчика я не обратил внимания. Теперь я проверил и убедился. У всех троих была та же картина - ноги, ниже щиколоток вросшие в пол.

- Ты только представь себе эту картину, - сказал я Кэролайн. - Очевидно, в момент магического удара пол размягчился под ногами жертв, а через миг вновь обрел былую твердость. И вот они все оказываются замурованы в полу собственной яхты, кто где стоял или сидел. Мужчина находился на камбузе - я так понимаю, для семейного торжества муж и отец решил блеснуть кулинарными талантами сам. Ну или, может, просто приносил отсюда блюда, приготовленные заранее. И вот он оказался единственным, кто мог дотянуться до ножа с зубчиками, - я указал носком сапога на этот нож в бурых пятнах, валявшийся на полу неподалеку. - И он отпилил себе ноги и пополз к выходу. Мимо своей семьи, сидящей на диване, которая все это видела и слышала, но не могла сдвинуться с места. Выполз на лестницу и умер от кровопотери. Видимо, он не сумел как следует перетянуть себе ноги выше линии распила, может быть, в шоке даже не догадался, что это надо делать перед ампутацией, а не после... А они остались сидеть здесь, глядя на именинные свечи, которые оставались ихним последним источником света. Потом они догорели, и все погрузилось в полную темноту. Потом яхту понесло бурным потоком в новое русло, вся ихняя еда свалилась на пол, а напитки пролились, и они умирали тут от жажды и голода несколько дней, по-прежнему не способные сдвинуться с места. А может быть, они задохнулись раньше, если яхту затянуло в песок быстро. Сделать то

же, что сделал мужчина, им было нечем, лопаточкой для торта или десертной вилкой кость не перепилишь, да и, наверно, решимости не хватало...

Но Кэролайн впечатлил вовсе не драматизм сцены.

- Он был полный идиот, - сказала она. - Зачем он пилил себе ноги вместо того, чтобы пилить пол вокруг них? Да, ковырять таким ножом толстые деревянные доски не очень удобно, но уж всяко лучше, чем отреза́ть собственные конечности.

- Может, надеялся, что его маг-покровитель вернет ему ноги, и что главное - призвать его на помощь как можно быстрее, - предположил я. - Не понимая, что случившееся с ними - это не месть конкурента, что началась Последняя Война, и никаких магов больше не будет.

Однако любопытство побудило меня сделать то, о чем говорила Кэролайн - поковырять ножом пол вокруг обрубков, и мы получили ответ на ее вопрос. Ступни оказались не просто зажаты внутри деревяшки. Они утратили всякое сходство с человеческими ногами - ихние кости превратились в подобие корней, которые разрослись во все стороны, возможно, на несколько футов - мне было лень ковырять дальше и проверять, как далеко они тянутся. В том числе, по всей видимости, кости левой ступни проросли сквозь плоть правой и наоборот. Жутко представить ощущения этого парня, когда он чувствовал, как они трансформируются... Насколько этот процесс был болезненным? Быть может, его главным желанием было даже не любой ценой вырваться на свободу, а любой ценой прекратить эту боль, по сравнению с которой даже боль ампутации казалась меньшим злом?

Но, так или иначе, теперь доски пола были просто обычными деревяшками, подчиняющимися законам нормального мира и не представляющими никакой опасности для тех, кто по ним ходит. Никогда снова, да.

Мы продолжили обследование яхты. На камбузе обнаружился ящик, полный угля - отличная находка. Капитанская каюта на корме оказалась совсем крохотной - пять футов в глубину. Койка располагался вдоль задней стены (над ней - фигурно вырезанное окно с решетчатой рамой), перед ней слева - шкафчик для одежды, справа - квадратный столик с ящиком. В ящике не было золота или драгоценностей, зато нашлись свечи, а также бутыль светильного масла для фонарей, подвешенных под потолком каждого из помещений яхты. Я тут же радостно вручил Кэролайн три свечи (канделябр под них стоял на том же столике), и мы продолжили осмотр уже с заметно лучшим освещением (и в плане яркости, и особенно в плане запаха), чем жировая коптилка.

За передней дверью салона находился кубрик с двумя койками поверх рундуков вдоль бортов; длиной они, как и весь отсек, были всего 6 футов - мне бы не хватило места полностью вытянуться. Здесь никаких трупов не было. То ли в момент катастрофы матросы отдыхали на этих койках и потому избежали участи своих нанимателей (а потом сбежали, бросив их), то ли хозяин яхты вывел ее на реку самостоятельно, не желая присутствия посторонних на борту во время семейного торжества. Впрочем, если день рожденья отмечали не у причала, а на открытой воде, кто-то должен был стоять у штурвала - и врасти ногами в палубу там. Хотя - тоже не обязательно, хозяин мог пришвартовать яхту к какому-нибудь бую на середине реки, который потом сорвало потоком.

Ну и, наконец, всю оставшуюся часть подпалубного пространства занимал тот самый форпик, куда Кэролайн мечтала попасть с самого начала. Парусов там (к моему облегчению) не оказалось. Однако там были, как сказала Кэролайн, "элементы бегучего такелажа" - канаты, шкивы и талрепы[43], и она радостно добавила, что из этого можно собрать полиспа́ст, который увеличит наши силы в разы. Забавная штука этот полиспаст - с каждой новой парой из подвижного и неподвижного блоков твоя сила возрастает вдвое. Если цеплять их последовательно, получится прям как в той байке про шахматную доску; не всегда, оказывается,

[43] Приспособление для регулирования натяжения цепляемых с двух сторон канатов с помощью резьбы.

экспонента - враг человека. Но, правда, и длину каната при этом тоже надо увеличивать в два раза, так что, как всегда, нет в мире совершенства. Ну и, кроме того, сам канат с той стороны, где то, что тянут (или то, к чему подтягиваются), должен полную нагрузку выдерживать - как и то, к чему он крепится (к примеру, якорь). Поэтому прямо из песка целую яхту не вытянешь, сколько бы блоков ни было.

Помпу с длинным брезентовым шлангом мы в форпике тоже нашли, хотя я не был уверен, действительно ли она так поможет прокладывать канал, как считала Кэролайн. Больше меня порадовало то, что там нашлась лопата, причем нормальных размеров, а не маленькая, как у меня в рюкзаке. Уж не знаю, для чего они ее использовали, может, червей для рыбалки копали - хотя, скорее все же, примерно для того же, что и мы: копать речной песок, если яхта сядет на мель. Также там было длинное весло, с помощью которого, очевидно, выполняли мелкое маневрирование возле причалов, где под парусом не разгонишься и не развернешься. И если на это хватало сил у штатной команды из двух человек, то и мы смогли бы грести этим веслом до противоположного берега. Жаль, что оно было только одно, и хотя грести им можно было вдвоем, таскать его, большое и тяжелое, с борта на борт было бы неудобно - но я уже придумал, как сделать второе из гика и крышки рундука. Оно бы получилось еще больше и тяжелее, но, соорудив на борту крепкую веревочную уключину, с ним вполне можно было управиться. Еще в форпике нашелся ящик с несколькими разводными ключами разного размера - как я понял, основными типами соединений на яхте были либо завязанные узлы, либо закрученная резьба.

Заодно мы, как могли тщательно, при свете свечей и фонарей осмотрели изнутри корпус - он выглядел целым, во всяком случае, без явных трещин и пробоин. Стало быть, у нас были хорошие шансы, что яхта доплывет до другого берега реки, и имело смысл вызволять ее целиком, а не пытаться соорудить, к примеру, нечто вроде плоскодонки из досок палубы и бортов (что было бы тоже совсем не простой задачей).

Сделав все эти находки и выводы, мы наконец поднялись из удушливых подпалубных помещений на свежий воздух, проспали ночь на песке еще не расчищенной палубы, а с утра приступили к основной части работы.

Идея у нас была простой - прокопать канал от кормы яхты под углом к реке назад и от носа вперед, пустить в него воду, и пусть она поднимет судно. А потом, если силы течения в канале и размыва с помощью помпы не хватит, чтобы проделать через мелководье выемку достаточно глубокую, чтобы яхта могла выплыть в реку - затащить туда якорь (пока что я не решил, как именно, мне не нравилась идея заходить в Канаву даже на маленькую глубину) и с помощью кабестана (во́рота с вертикальной осью на носу, который мы еще не откопали, но, по уверению Кэролайн, он обязан был там быть, поскольку в форпике мы нашли вставные ручки для него - вымбо́вки), при необходимости усиленного полиспастом, подтянуть яхту к якорю. Ну а детали плана, чтобы уменьшить количество копательных работ, разработала Кэролайн - тут уж мне приходилось положиться на нее если не как на эксперта по кораблям, то хотя бы как на физика.

Как она объяснила, для того, чтобы яхта всплыла, совсем не обязательно откапывать ее до самого днища. Достаточно, чтобы в воде оказалась такая часть ее объема в кубометрах, какая равна весу всей яхты целиком в метрических тоннах - причем совершенно неважно, будет ли эта вода снизу, считая от киля, или сверху, считая от палубы! Я, кстати, про все эти "метры" никогда прежде не слыхивал, но Кэролайн пояснила, что, оказывается, еще до Войны ученые Старого Света придумали такую удобную систему, в которой все величины переводятся друг в друга умножением или делением на 10, 100 или 1000. Маги, со свойственным им традиционализмом, эту идею поддерживать не стали, а вот в восточных княжествах - во всяком случае, в Хинтерзееланде точно - на нее уже давно перешли, и только, по выражению Кэролайн, "наши консервативные идиоты и через полвека после Войны продолжают упорно цепляться за архаичные футы, фунты и галлоны". "Ну, - заметил я на это, - они, может, конечно, и архаичные,

но расстояние в футах я всегда запросто померить могу - мои ноги-то всегда при мне. Три следа друг за другом - вот тебе и ярд, а, к примеру, 11 раз так ступил - вот тебе 11 футов, или три ярда и два фута. По-моему, очень удобно. А что такое эти твои "три метра тридцать сантиметров", поди еще пойми без специальной линейки!" "Ну это у тебя ступня в целый фут, - безапелляционно возразила Кэролайн, - а у меня, к примеру, 25 сантиметров. Так что мне как раз в метрах удобнее."

Так вот, достоинство этого метра, помимо того, что в нем помещаются ровно 4 ступни Кэролайн, еще и в том, что когда он кубический, то в нем ровно метрическая тонна воды. Такая яхта, по авторитетному мнению Кэролайн, никак не могла весить больше 6 таких тонн, то есть нам нужен был объем в 6 кубических метров. Когда Кэролайн по моей просьбе все-таки перевела это в футы, я понял, что это как раз примерно столько, сколько песка я мог выкопать хорошей лопатой за день в одиночку - но в том-то и самое удивительное, что нам не нужно было выкапывать этот объем! Нам нужно было всего-навсего прокопать вокруг корпуса канаву такой глубины, чтобы этот объем получился внутри пространства, охваченного этой канавой - а вовсе не в ней самой! По оценке Кэролайн, у яхты длиной 10 метров и шириной 3 (по миделю) площадь на уровне палубы, с учетом ее сужения к корме и особенно к носу, составляла не меньше 18 квадратных метров, то есть 6 делить на 18 - выходило, что для всплытия яхты нужно прокопать вокруг нее и заполнить водой канаву глубиной всего в 1 фут! Нормальная-то осадка от ватерлинии до киля где-то вчетверо больше, но это потому, что корпус книзу сужается. А вверху вот так. Ну, точнее, при таких цифрах выходило 1 фут и 1 дюйм, а чтобы преодолеть трение бортов о песок (небольшое при движении вверх, учитывая все то же сужение корпуса книзу ниже ватерлинии) и, как сказала Кэролайн, возможный эффект всасывания (мол, когда яхта начнет подниматься из песка, под днищем может образоваться разрежение - но при такой форме корпуса и эта проблема тоже не должна быть тяжелой) - короче, с учетом всего этого надо было добавить еще дюйма четыре-пять. Итого узенькая канавка глубиной в полтора фута, и это все.

Ну то есть так выглядела идеальная картина при горизонтальном положении яхты в замкнутом бассейне. Но нам нужно было выйти в реку, а стало быть, копать вглубь надо было не просто от палубы, а от уровня воды в реке. К счастью, они практически совпадали - то есть, насколько нам удалось это измерить, так дела обстояли примерно в середине, в районе мачты; за счет наклона корпуса задняя часть (включая, само собой, кормовую надстройку) были выше уровня воды, носовой надстройке высоты тоже хватало, а вот передняя часть палубы перед ней оказывалась чуть ниже. Так что в первый момент, пока яхта еще не успела всплыть, ее могло залить через отверстия в фальшбортах, но Кэролайн объяснила, что в этом нет ничего страшного - корабли строят так, чтобы попавшая на палубу вода (будь то от морских волн или от обычного ливня, который бывает и на реке) просто стекала с нее за борт, не попадая внутрь. Ну, конечно, за полвека что-то могло и прохудиться, но тогда бы мы, вероятно, увидели внутри просыпавшийся сверху песок, а его не было. Разве что копать в передней части надо было глубже - но и песок, в основном повторявший контуры фальшборта, здесь был ниже.

В общем, как ни трудно мне было в это поверить, расчеты показывали, что для того, чтобы такая немаленькая в общем-то яхта (по нашим прикидкам, сделанным внутри, высота от киля до палубы составляла около 8 футов) всплыла, достаточно было прорыть вокруг ее палубы канал шириной в одну лопату и глубиной в фут с небольшим, плюс примерно такой же для подачи воды из реки. С началом подъема вода бы хлынула под днище, заполняя освобождаемое яхтой пространство, и судно поднялось бы над песком и над уровнем реки в соответствии со своей нормальной осадкой, которая, вероятно, была около четырех футов. И вот тут уже начиналась главная проблема. Для выхода в реку уже требовался канал глубиной минимум в эти 4 фута, шириной с корпус яхты на этом уровне (чтоб не тереться бортами и иметь хоть какую-то возможность постепенно поворачивать в сторону реки - минимум 11 футов), да еще и свински длинный из-за, опять-таки, невозможности быстро развернуться. Кэролайн надеялась, что с этим

нам сильно поможет гидроразмыв от помпы в соединении с течением самой реки - однако, когда я потребовал от нее конкретных цифр, честно призналась, что не знает. Я прикинул, сколько копать такой объем лопатой, и выходило, что в этом случае даже вдвоем мы провозимся минимум неделю. И это не говоря уже о необходимости убрать оставшийся песок с палубы, что тоже требовало, как минимум, полного дня работы в две лопаты.

Ну да ладно. Идти дальше на юг в надежде отыскать там какое-нибудь средство для переправы, которое обеспечит не меньшую безопасность, но потребует меньше возни, с высокой вероятностью означало потерять еще больше времени, причем, вполне возможно, впустую. И вернуться опять к этой яхте, но уже пару недель спустя. Как говорится, лучшее - враг хорошего.

Первым делом мы свалили мачту. Поначалу-то Кэролайн не хотелось этого делать, пока она, несмотря на все мои возражения, все еще лелеяла надежду поднять парус - но, убедившись, что никакого паруса нет, и сделать его не из чего, признала, что для мачты найдется лучшее применение - разрубить ее на три части (выходило как раз по 11 футов - чуть шире корпуса яхты) и использовать их как катки, по которым мы выкатим яхту через мелководье на выходе из канала. К тому же от мачты следовало избавиться для удобства работы на палубе и для безопасности, ибо неизвестно было, когда и куда ей вздумается рухнуть по собственной инициативе (а вот осадка без нее практически не уменьшалась - это Кэролайн тоже посчитала и доложила, там выходило меньше дюйма). Наша еще нерешенная проблема - по-прежнему покрывавший яхту слой песка толщиной минимум в два фута - неожиданно превратилась в этом случае в преимущество: мачту можно было спокойно ронять на песок, не боясь повредить корпус. Особенно если ронять вбок, через проем в фальшборте, используемый для прохода на судно. Яхта могла швартоваться к причалу обоими бортами, поэтому такие проемы были с обеих сторон. Чтобы не вытаскивать потом мачту из реки, мы, понятно, решили валить ее вправо. Сперва мы подтянули форштаг и ахтерштаг, чтобы мачта не ушла ни вперед, ни назад. Потом мы оба встали слева от нее, и я развернул гик влево в качестве страховки, чтобы мачте не вздумалось рухнуть на нас. Затем мы отошли к левому борту, и Кэролайн перерубила ванты, а я ухватился за конец гика и приподнял его, используя как рычаг. Мачта дрогнула, накренилась, затем ее основание с сухим треском вырвало из гнезда, и через пару секунд она рухнула на песок с характерным глухим "пф-фух!", взметнув облако пыли. Мы ощутили, как все еще погребенный в песке корпус дрогнул у нас под ногами. Гик задрался вертикально, а потом упал на бок. Мы сняли его с основания мачты и вытащили на песок за правый борт; в ту же сторону совместными усилиями окончательно переправили мачту, выкатив ее по песку под углом вперед.

Ну а затем мы принялись копать. Я с большой лопатой - входной канал от реки к корме (пока еще оставляя отделяющую его от реки перемычку), а Кэролайн с маленькой - канаву вокруг бортов. Ну, точнее, сначала нужно было очистить от песка фальшборта с внешней стороны, чтобы песок не сыпался с них вниз (что мы накануне только наметили) - а они три фута высотой - а уже потом рыть от ихних оснований ту самую канаву глубиной в полтора фута. Я со своей задачей управился за два часа, из которых половина ушла на рытье широкого входа, который дальше сужался в узкую траншею (в узких местах вода ускоряется и активнее размывает песок, пояснила Кэролайн). Запускать воду следовало только после того, как будет готова вся, по выражению моей спутницы, гидросистема с входом и выходом в реку, дабы воде было, куда уходить, так что я присоединился к девушке. Вдвоем мы закончили с канавой вокруг яхты еще за час с чем-то.

Самое время было передохнуть и порыбачить. На сей раз улов выглядел практически обычным, если не обращать внимания на третий глаз, разглядывавший нас с нерыбьим любопытством. Я никакого любопытства по отношению к нему не испытывал. Я знал, что эта рыба съедобна, и мне этого было вполне достаточно.

Затем мы сняли и вытащили наверх все три двери между отсеками (не трогая ту, что вела наружу и способна была защитить внутренние помещения от песка или воды). Потом настал

черед пианино - применение для струн я не придумал, а вот доски были нужны, чтобы закрывать участки прорытого нами канала от песка, выбрасываемого через борт при расчистке палубы (для этой же цели я собирался использовать и двери). Прежде, чем я взялся за разделку, Кэролайн подняла крышку и потыкала пальцем по клавишам. Я, прямо скажем, невеликий ценитель музыки, но даже в худших салунах, куда мне доводилось заглядывать, пианино звучали лучше. Ну, оно и неудивительно - даже мне понятно, что за столько лет струны должны были ослабнуть так же, как и корабельные снасти.

- Ты умеешь играть? - спросил я.

- Нет, - качнула головой она, - но мне всегда было любопытно, как это у людей получается. Переводить взгляд с нот на клавиши некогда, надо попадать по ним вслепую. А они же такие одинаковые. Слишком легко промахнуться. А люди играют длинные и быстрые мелодии без единой ошибки.

- Ну, - пожал плечами я, - любое дело кажется сложным, когда не умеешь.

- С точки зрения большинства все наоборот, - едко заметила девушка. - Им все, в чем они не разбираются, кажется простым. "Подумаешь, делов-то!"

- Угу, - в тон ей заметил я. - Например - ходить под парусом.

- Ладно, уел, - признала она. - Но все-таки согласись - матросом быть куда проще, чем пианистом. Во всяком случае, пока в океане не было тварей...

- Вот-вот, очень правильная оговорка. И кстати, - я указал пальцем на клавиши, - не делай так больше никогда, пока ты в Пустошах.

- Как? - не поняла она.

- Не пытайся играть на пианино, найденных в мертвых домах. Иначе вместо музыки рискуешь услышать гудение ос, шершней или чего похуже. Здесь-то, понятно, ничего живого остаться не могло, поэтому я тебя сразу не одернул. А там наверху это идеальный улей, или термитник, или скворечник, только с поправкой на пустошную специфику... Ну ладно, - я вставил острие топора в щель между боковой и передней досками, - мы сюда не музыкой заниматься пришли.

Ну а затем мы до самого вечера и весь следующий день освобождали от песка эту проклятую палубу. Для драматизма тут бы следовало добавить что-нибудь про кровавые мозоли, но я же не дурак, чтобы делать такую работу без перчаток. Однако это было реально тяжело, да. И уже к первому вечеру моя поясница ныла намного сильней, чем после неудачных похорон того, что некогда было семьей виноделов, а с утра пришлось приниматься за работу, чуть ли не скрипя зубами. Хоть я всегда считал себя в хорошей форме, но все-таки бэдлэндер и землекоп - это немного разные профессии. Что характерно - от Кэролайн я не услышал ни единой жалобы, хотя ей уж точно приходилось не лучше. Еще в начале наших раскопок я сказал ей в своей обычной манере "ты у нас физик, вот и поработаешь физически", но когда я увидел, как она вкалывала, мне стало прямо-таки совестно за это свое подтрунивание. Понятно, что производительность у нее выходила примерно вдвое меньше моей (не только из-за телесных параметров, но и из-за маленькой лопаты), но старалась она изо всех сил. Эта девушка, прямо скажем, восхищала меня все больше.

На раскопанном нами носу действительно обнаружилась круглая тумба кабестана с намотанным на нее якорными канатом, уходившим через отверстие клюза к уже откопанному якорю за бортом. Кэролайн тут же радостно открыла ведущий вниз люк, притащила из форпика вымбовки и продемонстрировала мне, как они вставляются (вставлялись они под углом кверху, чтобы доходить до пояса - сам кабестан был ниже) и как с ихней помощью крутится этот самый барабан. Поначалу он крутился с отчаянным хрустом и скрипом из-за набившегося во все щели песка, но я пришел к выводу, что если смазать его рыбьим жиром и светильным маслом (небезопасно в плане пожара, но мы не собирались разводить на носу огонь), то дело пойдет.

Еще на носу обнаружился бушприт (по габаритам похожий на гик), который мы тоже

демонтировали, чтобы не мешался. (Как назывались толстые канаты, приматывавшие бушприт к форштевню, не знала даже премудрая Кэролайн[44], но топору они поддавались хорошо.)

Ну а на следующее утро - это был уже четвертый день нашей возни с яхтой - мы наконец испытали идею Кэролайн с помпой. То есть на испытании настоял я - сама-то она хотела сперва прокопать к реке предварительный выходной канал, примерно такой же узкий и неглубокий, как и входной, только втрое длиннее (что реально было сделать часа за три), и только потом, когда мы пустим воду через всю систему, размывать его вглубь и вширь с помощью помпы. Но я настоял на том, чтобы сначала проверить, как это работает, на коротком финальном участке у выхода в реку, который я прокопал за четверть часа.

Оказалось, что не работает это никак. То есть помпа, пусть и со скрипом (в буквальном смысле), но качала воду, выходной шланг более-менее (не считая срывавшихся в паре мест капелек) держал напор, струя, пульсируя под каждый плюх-скрип, плюх-скрип, лилась в канал и дальше в реку - но толку от этого не было совсем. За полчаса усилий - сперва Кэролайн, потом моих - сколь-нибудь заметного увеличения канала так и не произошло. Там, где вода вливалась в реку, не было характерного облака мути, то есть струя практически не захватывала и не уносила с собой песка. Отчасти это еще происходило на самой поверхности, где песок был совсем сухим и рыхлым, но вглубь - уже нет.

Кэролайн настаивала, что "эксперимент некорректен", и помпа-де должна работать не сама по себе, а только вместе с течением реки, когда мы пустим поток через систему. Чтобы проверить и это, я потратил еще несколько минут на рытье коротенького входного канала - фактически укороченной копии того, что уже был вырыт выше по течению. На сей раз эффект был заметнее, но все равно было ясно, что это еще медленней, чем лопатой.

- Планы меняются, - объявил я. - Никакого канала в реку мы рыть не будем. После того, как яхта всплывет, мы выкатим ее из ямы по пандусу и покатим дальше к воде. Все, что мы собирались делать при входе в реку, только еще на берегу. И якорь зарыть в песок на суше у самой воды будет намного удобнее и безопаснее.

- Ну... я исходила из того, что при вытаскивании яхты на мелководье часть веса возьмет на себя вода, но и на суше пандус должен сработать, если сделать его достаточно пологим, - тут же перестроилась Кэролайн. - Скажем, если угол наклона будет 1 к 10, то это уменьшит силу, потребную на подъем, в 10 раз. Плюс кабестан, радиус его барабана 12 сантиметров, длина вымбовок еще 108 - точнее, она больше, поскольку они вставляются под углом кверху, но я говорю о проекции, которая будет реально работать - это тоже выигрыш в силе в 10 раз. Таким образом, даже если масса яхты составляет 6 метрических тонн - а это оценка сверху, на самом деле наверняка меньше - а ее осадка - это половина высоты корпуса, то есть 4 фута, то нам надо поднять на эту высоту всего-то 60 килограммов. Когда ты поднимал меня вместе с рюкзаком, это было, наверно, примерно столько же. А мы будем делать это вдвоем, и не одним движением, а с передышками. Причем полный вес придется тянуть только в конце, а до этого корма будет оставаться в воде. Правда, - несколько поскучнела Кэролайн, - это если говорить только о вертикальной составляющей, о силе тяжести. А нам еще придется преодолевать силу трения, и она для катящихся по песку бревен, пусть даже таких гладких и круглых, как мачта, будет весьма изрядной. Плюс потери на трение в самом кабестане. Но все равно, вместе мы должны справиться, - оптимистично заключила она.

- Откуда ты так точно все эти мелкие сантиметры знаешь? - усмехнулся я.

- Ну, не ты один всегда имеешь при себе свою линейку, - поучающим тоном ответила девушка. - Я, например, знаю длины в сантиметрах своего предплечья, ладони и каждого пальца, а соответственно и разности между ними. Что позволяет мне проводить быстрые измерения с точностью до половины сантиметра. Конечно, для настоящих опытов этого совершенно

[44] Они называются ватер-вулинги.

недостаточно, но для прикидочной оценки...

Ну а потом, как водится, настал черед перейти от теории к практике. Когда думаешь про это в уме, может показаться, что яма максимальной глубиной с одного края всего-то четыре фута, а к другому краю вовсе сходящая на нет, не такая уж и большая. Но когда она 11 футов в ширину и 33 в длину (для желаемого Кэролайн соотношения 10 к 1 надо было 40, но тут уж мы схалтурили, рассчитывая на помощь выталкивающей силы воды) - то это полных два дня тяжелейшего копания вдвоем. Тяжело было даже заставить себя ловить и готовить рыбу - хотя, казалось бы, это был отдых. Но единственный отдых, которого мы жаждали - это упасть пластом и не двигаться. Мы засыпа́ли прямо в яме, потом просыпались и продолжали копать.

В принципе, конечно, никто не заставлял нас так надрываться. На этом берегу, где не было недостатка в воде, да и съедобная рыба, при наличии достаточного терпения, ловилась каждый день, можно было прохлаждаться хоть до следующих "кровавых каникул", для которых яхта послужила бы отличным укрытием. Мы уже даже начали привыкать готовить на камбузе (что было все-таки удобнее, чем на костре), хотя есть по-прежнему поднимались на палубу - мертвецы нас особенно не смущали, возиться, вытаскивая их (для чего пришлось бы рубить ихние ноги), мы уж точно не хотели, но и делить с ними стол тоже как-то не рвались, Но в случае "кровавых каникул" мы вполне могли бы сделать своим основным жилищем кубрик. Однако меня беспокоили грядущие холода. В этих широтах - а по широте мы все еще оставались где-то между Холинбруком и Аркэндэйлом - летом в таких куртках, как у нас, нестерпимо жарко (днем - но ночами в пустынных районах температура сильно опускается даже в июле, а кроме того, я свою куртку всегда надеваю в Пустоши ради ее многочисленных и удобных карманов), в сентябре приятно, в октябре терпимо, в ноябре - ну, можно выдержать, если все время либо двигаться, либо греться у костра (или отдыхать в укрытиях, достаточно маленьких, чтобы согревать их теплом своего тела). А вот если мы не доберемся до цели до декабря - даже с учетом того, что климат восточного побережья мягче, чем у нас на западе, это уже проблема. Усугубляемая тем, что в Пустошах сложно добыть тварей с хорошим мехом, пригодным на шубу. Большинство из тех, что активны зимой, либо согреваются скорее жиром, нежели шерстью, либо просто понижают свою температуру примерно до того уровня, что у плавающих подо льдом рыб (и им этого вполне хватает, чтобы оставаться опасными хищниками), либо, наконец, ихняя шерсть настолько кишит паразитами, что напоминает шевелящуюся кашу с волосами. Один из университетских умников высказывался даже в таком духе, что, мол, паразиты, вызывая постоянный воспалительный процесс, повышающий температуру по всей поверхности тела, помогают им согреваться - и за счет этого выживают и сами. Все тот же симбиоз, ага. Но лично я выживать такой ценой совершенно не рвался. Поэтому мы, и без того уже изрядно задержавшиеся, должны были спешить.

Утром шестого дня нашей яхтенной эпопеи яма была, наконец, готова. Теперь я занялся изготовлением катков. Увы, в моем распоряжении не было ни пилы, ни напильника - только топор и нож, но приходилось довольствоваться этим. Я разрубил мачту на три равные части, а затем обтесал концы каждой из них наподобие тупых кольев - таким образом ихние края не должны были застревать даже в сыром песке. Дольше всего я провозился, продалбывая под основанием каждого такого навершия кольцевую канавку, чтобы каток можно было с обеих сторон захлестнуть веревочными петлями и перетащить вперед после того, как он останется за кормой (или даже втащить на борт - как раз для этого можно было использовать полиспаст, цепляемый за фальшборт или даже за основание штурвала, ибо одно бревно весило как целая Кэролайн; я представил, как поднимаю ее полиспастом наверх за шиворот, в то время как она объясняет мне принцип его работы, и ухмыльнулся в свои уже изрядно отросшие усы). После того, как все три катка были готовы, мы скатили их вниз по пандусу, утрамбовывая песок, а затем два вкатили совместными усилиями обратно наверх, а один оставили лежать внизу, упирающимся в раскопанный более чем наполовину (с учетом высоты палубной надстройки)

форштевень. Мы притянули это бревно к носу яхты, протащив веревки от концов через носовые клюзы и туго соединив их через талреп, чтобы, когда яма наполнится водой, оно сработало, как поплавок, дополнительно помогая яхте всплыть. Немного передохнув, мы покатили одно из оставшихся наверху бревен вперед, утрамбовывая песок уже на горизонтальном (точнее, слегка наклонном в сторону реки) участке будущего пути. То еще развлечение, конечно - 14 ярдов (а потом еще и обратно) катить по песку тяжелое бревно, то толкая его ногами, то опускаясь на четвереньки. Тем паче что до воды по прямой было меньше половины длины корпуса яхты, и если бы мы могли сразу после втаскивания по пандусу развернуть ее под прямым углом влево, она бы сразу оказалась носом в воде и, не будь трения, сама бы скатилась в реку. Но увы - трение у песка еще какое, и развернуть ее так вместе с бревнами, по которым она должна была катиться, было нереально. Так что мы могли лишь слегка искривлять влево намеченный путь, так, чтобы яхта пересекла береговую линию под острым углом. Ну а затащить ее после этого на глубину, где она сможет плыть - это уже было следующей большой проблемой...

Прикатив бревно обратно и еще передохнув, мы с Кэролайн вытащили на песок двурогий якорь, который надо было вынести вперед и вкопать для надежности в песок у самой воды в той точке, к которой мы будем тянуть яхту. Он казался свински тяжелым, хотя на самом деле весил меньше, чем бревно - примерно как половина меня или четыре пятых Кэролайн. Но, когда смотришь на железо, которое тонет, и дерево, которое плавает, подсознательно кажется, что первое тяжелее. Правда, к якорю прилагался еще и длинный канат толщиной минимум в полтора дюйма, который тоже весит не так уж мало[45], даже когда его не несешь, а волочишь по песку. Я взвалил якорь на плечо, пристроив рог с лапой наподобие лямки и подложив под основание веретена сложенный брезент, а Кэролайн помогала мне, идя сзади и держа ту часть, где скоба. Потом, понятно, пришлось еще попотеть, вкапывая его у воды.

Теперь все было готово для ответственного момента - всплытия судна. Верны ли расчеты Кэролайн, и действительно ли корпус в таком хорошем состоянии, как нам показалось при обследовании изнутри в полумраке? Что, если яхта всплывет и тут же затонет, демонстрируя тщетность всех титанических усилий предыдущих дней? Мы прошли вверх по течению к началу канала, прорытого мной на второй день, и в несколько движений лопат разрушили все еще отделявшую его от реки перемычку.

Вода устремилась в широкий, но неглубокий вход, затем с громким журчанием хлынула бурным ручьем по узкому каналу. Мы с лопатами в руках побежали следом. Вода с плеском и брызгами разбивалась о корму и стремительно убегала в прокопанные вдоль бортов канавы, а оттуда с шумом водопада (ну, не самого огромного водопада, конечно) низвергалась с высоты трех футов в яму пандуса. Глухо стукнуло о форштевень пытающееся всплыть бревно. Затем, по мере подъема воды в яме, шум водопада стал стихать и, наконец, затих совсем. Слышалось только негромкое шипение, с которым лопались пузырьки пены. Течение прекратилось. Вода, достигшая бортов, залила переднюю часть палубы. И больше не происходило ничего - яхта оставалась неподвижной.

Я уже открыл рот, чтобы выругаться, не считаясь с присутствием Кэролайн. Нет, конечно же, не в ее адрес - ей не хватало точных цифр, слишком многое приходилось прикидывать на глазок, но, проклятье, как же это было обидно! Но - не успел я произнести слова, за которые мне пришлось бы извиняться, как раздался оглушительный всхлюп - типа того, с каким всасываются остатки воды в раковину, только во много раз громче - и вода вокруг яхты забурлила и стала уходить, а сама яхта, наоборот, приподнялась, затем, однако, осела обратно вместе с уходящей водой, но, по мере того как вода, прибывавшая из реки, снова заполняла канал и открывшуюся под днищем полость, опять всплыла до половины высоты корпуса и, наконец, вместе с окончательным прекращением течения в канале остановилась, слегка покачиваясь над

[45] Примерно 1.3 кг/м; если тянуть его по песку, сила трения составляет примерно 0.4 от веса.

окружающим ее песком.

Мы еще, наверно, с минуту смотрели на нее, затаив дыхание в ожидании, не начнет ли она тонуть. Но яхта держалась на воде устойчиво - ну то есть там еще вполне могла обнаружиться течь, но, по крайней мере, не такая, которая пустила бы насмарку все наши труды.

Я, кстати, впервые обратил внимание на название яхты, красовавшееся на корме. Латунные буквы, когда-то гордо сиявшие, словно золото, теперь потускнели и окислились, но, омытые водой от остатков песка, были отлично видны в солнечных лучах. Яхта называлась "Присцилла". Интересно, было ли это имя той, что все еще сидела на диване внутри?

- Урааа! - завопила Кэролайн, наконец позволив себе поверить, что судно держится на плаву, и вдруг, отбросив лопату, бросилась мне на шею.

- Вот это лишнее, - заметил я, продолжая держать руки опущенными. - Я потный и противный.

- Да, - согласилась она, отступая. - Я тоже. Когда уже мы сможем нормально искупаться, так, чтобы нас при этом не съели?

- Прямо сейчас, - усмехнулся я. - Когда полезем в яму подпихивать бревно под самый низ форштевня.

Действительно, праздновать победу было рано - впереди была еще куча работы. Кэролайн ловко вскарабкалась на поднявшийся борт по приставленной в качестве трапа двери из числа тех, что мы сняли раньше (настоящий трап, видимо, унесло с палубы еще во время наводнения), раскрутила талреп и расцепила веревки, удерживавшие бревно (но не дала им упасть вниз) - а я полез в яму и, несмотря на глубину всего в четыре фута, и впрямь вынужден был окунуться с головой в мутную воду, чтобы подсунуть бревно туда, где оно должно было служить катком, и не дать ему снова всплыть (оно сопротивлялось, пришлось буквально закатить его под форштевень, толкая не вверх, а вниз). Потом я выбрался из ямы, тоже поднялся на палубу, втащил за собой "трап", и мы с Кэролайн навалились на противоположные ручки кабестана. Обычно при передвижении больших тяжестей самое трудное - сдвинуть их с места в первый момент, но в нашем случае это как раз было самым легким, поскольку вся яхта еще плавала и лишь слегка касалась носом катка. Так что движение началось легко и плавно, но, когда нос начал подниматься над водой, сопротивление возросло. Но мы, понятное дело, были к этому готовы и продолжали наваливаться на вымбовки, что было сил. Первую пару футов яхта ползла, покачиваясь вперед-назад в ответ на наши усилия - как объяснила во время передышки Кэролайн, мы подтягивали нос из воды, корма опускалась, но в результате росла действующая на нее выталкивающая сила, которая вновь приподнимала корму и опускала нос - прижимая его к катку с каждым разом все сильнее и дольше, пока это раскачивание не прекратилось. Еще через четыре фута пора было подложить второй каток (третий следовало оставить для самого верха, чтобы перевалить через верхний край пандуса); лучше было бы, конечно, разнести катки подальше, но подсунуть второй можно было только спереди, а мы не могли слишком далеко тянуть на одном - яхта легла бы днищем на песок пандуса. Так что я перебрался на сушу и закатил вниз по пандусу в воду под форштевень следующее бревно. Несмотря на опасения Кэролайн насчет слишком маленькой, как она выразилась, "колесной базы", это сработало - когда мы вновь налегли на кабестан, яхта пошла ровно.

Ну, понятно, это все равно не была легкая прогулка. Кабестан, даже смазанный, жалобно скрипел (видимо, из-за того, что под такой нагрузкой его ось отклонялась от вертикали), щелкали палы - стопоры, не позволяющие ему крутиться назад, канат, уходящий в клюз, дрожал, как натянутая струна, но, тем не менее, яхта ползла вперед и вверх. Медленно, почти незаметно - на каждый фут сматываемого на барабан каната мы должны были проходить вокруг десять (по изрядно, замечу, задранной кверху палубе) - но ползла. В итоге, со всеми передышками, до верха пандуса мы дотянули ее где-то за сорок минут (первый каток к этому моменту был на расстоянии примерно одной трети корпуса до кормы - в идеале катки проходят вдвое меньший

путь, чем то, что по ним катится, но тут было еще пробуксовывание в песке). И вот уже на суше я подложил под поднявшийся над песком нос третий каток - попутно заметив интересную особенность "Присциллы": в самом низу ее форштевень разветвлялся, переходя не в один, а в два киля. Даже такой далекий от корабельных дел парень, как я, решил, что это необычно. Но, когда я поделился своим открытием с остававшейся на борту Кэролайн, она сказала, что как раз на речных яхтах такое делали, чтобы их можно было вытаскивать на берег или на мелководье без заваливания набок. Именно поэтому "Присцилла" не кренилась ни когда села на мель больше полувека назад, ни когда мы тянули ее на катках из воды.

Мы еще передохнули и продолжили тянуть, пока нос, притягиваемый канатом к вкопанному на уровне воды якорю, не начал опускаться. Корма приподнялась и больше не прижимала задний каток, так что мы, пройдя вдоль ямы с двух сторон, вытянули его за веревки на открытую воду, где он свободно всплыл. Вдвоем мы вытащили это тяжелое бревно на берег (поскольку здесь уровень песка был выше, чем у самой реки, пришлось тащить на пару футов вверх) и откатили вперед по курсу, где снова пристроили под нос яхты.

Дальше катить надо было уже по суше. В этом был свой минус - выталкивающая сила воды больше не облегчала вес и нагрузку на катки, но и свой большой плюс - теперь катить надо было уже не вверх, а по горизонтали, а на самом деле, учитывая постепенный подворот в сторону реки, даже чуть-чуть под уклон. Чтобы уменьшить пробуксовку в песке, мы подкладывали под катки ранее снятые двери - которые, правда, были шириной всего в 2 фута (и длиной в 6 - мы выложили их в линию длиной в 6 ярдов, а потом перекладывали заднюю на перед, как перекатывали и катки), но все же и при такой ширине они давали дополнительную опору. В общем, еще минут за сорок мы управились и с этим, дотянув "Присциллу" почти до самой воды, то есть до такого места, до какого позволял закопанный якорь. Поздравив себя с этим достижением - на самом деле куда более значительным, чем просто всплытие, где за нас все сделала вода - мы устроили капитальный перерыв на отдых, рыбалку и обед.

Теперь палуба в самом низком месте возвышалась в восьми футах над песком, так что спуск и особенно подъем требовал лестницы; однако я подумал об этом заранее, еще когда мы валили мачту, поэтому, если ванты слева мы тогда срезали у основания, то справа оставили их достаточной длины. На всякий случай, если бы им вздумалось оборваться, я свесил вниз и еще несколько канатов. К счастью, ванты не подвели, и мы благополучно спустились на песок.

Клевало на сей раз не ахти, во всяком случае - съедобное, так что рыбалка затянулась почти на три часа. Что было хорошим поводом перенести финальный этап на следующий день и наслаждаться честно заслуженным отдыхом. Но мной овладел азарт человека, которому из долгой и трудной работы осталась самая последняя часть, и хочется уже доделать ее, не откладывая. Я прикинул, что мы еще можем успеть забросить якорь в реку, вытянуть к нему яхту и собственно переправиться на другой берег до темноты. И Кэролайн, кстати, полностью этот азарт разделяла.

Самой сложной тут была первая часть - забросить якорь. Заходить в реку, хотя бы даже и на глубину всего в четыре фута (а на самом-то деле больше, ведь якорь нужно было бросить по меньшей мере на 10 футов дальше того места, куда мы должны были вытянуть яхту - канат должен тянуть вперед, а не вниз) - так вот, мне этого по-прежнему решительно не хотелось. Одно дело - окунаться в воду, натекшую по узкой и мелкой траншее (хотя в принципе и туда могло проскользнуть что-нибудь ядовитое и кусачее), и совсем другое - заходить в открытые воды Канавы на десяток, а то и больше, ярдов от берега. Поэтому я решил отвезти якорь на плоту - тоже не идеально, но все-таки вблизи берега ничто по-настоящему крупное обитать не должно. Хотя, конечно, кто ее, Канаву, знает - в этих краях уже и наземные-то твари известны отнюдь не все...

Материалов для постройки плота у нас было, однако, немного - если не ломать палубу, чего нам, понятно, не хотелось. Хорошо бы подошли все те же три куска мачты, но они были

теперь под днищем яхты, придавленные всем ее весом, а если бы даже и удалось их из под нее вытащить, поди потом втащи ее на них обратно уже не из воды, а с песка. Значит, из бревен оставались только гик и бушприт, которые вдвое тоньше, но длиннее (15 и 13 футов, соответственно). Уложить их параллельно в четырех футах друг от друга, вставить между ними распорки - скажем, из расколотой топором вдоль боковой доски от пианино - а в качестве настила положить сверху три двери поперек (ширина каждой 2 фута, высота 6 - получится квадрат 6*6) и впереди заднюю доску от пианино (ширина 4 фута, длина 5). Получается 11 футов в длину. Точнее, лучше доску от пианино между двумя дверями - тогда на ней будет удобно сидеть и грести, не опрокидывая всю конструкцию. Задницу, возможно, подмочит холодной водой, но нам не привыкать. Правда, гвоздей, чтобы все это сколотить, у нас нет (теоретически можно выдрать из палубного настила, но не хочется), и даже дыры во всех этих толстых досках сверлить особо нечем. Проковыривать ножом - слишком долго. Так что тоже придется привязывать веревками, обматывая всю доску целиком вдоль и поперек - ну, хотя бы снастей у нас достаточно. Не выглядит особенно прочным и надежным, конечно - ну да нам не моря переплывать, а только отплыть на несколько ярдов от берега и столкнуть якорь в воду.

Когда я сообщил этот план Кэролайн, она долго вымеряла своими пальчиками толщину всех деревяшек и считала, чертя цифры на песке, а потом сообщила, что такой плот, теоретически, должен выдержать вес человека, якоря и весла (весом якорного каната можно пренебречь, если опустить его в воду), но этот человек должен быть не тяжелее 50 килограммов. И прежде, чем я успел сообразить, сколько это в фунтах, заключила: "Поэтому поплыву я."

Возразить на это было нечего - против физики не попрешь, уже 53 года как. Но девушка, видимо, все же уловила некое сомнение в моем взгляде, поэтому агрессивно осведомилась:

- По-твоему, я не могу проплыть несколько ярдов на плоту? Или для меня это более рискованно, чем для тебя? Я тоже уже умею стрелять!

- Ну, по крайней мере, весло для тебя слишком тяжелое, если без уключины - сообразил я. - Да и сам якорь.

- Сидя можно грести боковой доской от пианино - вторая ведь у нас останется. А якорь мне не нести и не поднимать, а только столкнуть с плота в воду. Лягу на настил и спихну его ногами. Так что хватит пустой болтовни, давай уже строить плот!

Плот, несмотря на свою хлипкость, получился довольно тяжелым - чтобы поднять одну Кэролайн и якорь, сам он весил как три Кэролайн (это уже она сообщила мне результаты своих вычислений). Так что, после того, как мы все увязали, пришлось повозиться, стаскивая его в воду. А перед этим пришлось еще повозиться, и выкапывая столь старательно закопанный ранее якорь. Наконец все было готово; Кэролайн уселась с "веслом" на доску от пианино в середине плота, а я втащил и уложил якорь на переднюю дверь, свесив канат в воду слева. На всякий случай я вручил девушке нож в ножнах и топорик (что может быть куда полезнее револьвера против высунувшегося из воды щупальца) с указанием "заткни за пояс и смотри не утопи!", но очень надеялся, что все это не понадобится. Кэролайн оттолкнулась веслом от дна и, поерзав взад-вперед, нашла положение равновесия с якорем, при котором настил оставался горизонтальным - после чего поплыла дальше, гребя импровизированным веслом справа, где не мешался канат. Это означало, что плот будет постепенно доворачивать влево, но течение как раз сносило его вправо. Впрочем, целью было вовсе не уплыть от берега перпендикулярно - поскольку яхта все еще стояла боком к реке, лишь слегка довернув в ее сторону, бросать якорь, по моим прикидкам, нужно было где-то в двадцати ярдах ниже по течению и в десяти от берега (предварительно проверив там глубину с помощью лота, который мы тоже наши в форпике). Я остался на берегу, стравливая канат, чтобы он не тормозил плот, волочась по прибрежному песку.

Картина выглядела вполне безмятежной - Кэролайн старательно гребла, вода ритмично плескалась, плот медленно, но упорно отдалялся от берега, светило предвечернее солнышко,

плыли на восток редкие облачка, низко над рекой пронеслась гигантская летучая мышь, выхватила из воды что-то длинное и извивающееся и полетела дальше. "Попробуй тут!" - крикнул я Кэролайн, оценив пройденное плотом расстояние. Девушка отложила весло и опустила в воду лот. "Четыре с половиной фута!" - крикнула она мне. "Отгреби еще на три ярда для гарантии и кидай!" - ответил я.

Кэролайн еще несколько раз плеснула веслом и, с научной аккуратностью, еще раз измерила глубину - было уже пять с половиной футов, вполне достаточно даже с учетом возможных неровностей речного дна (вдали, понятно дело, от затопленных городов). Получив мое одобрение, она, как и собиралась, легла на спину, чтобы столкнуть лежавший на боку якорь ногами - самый безопасный способ, чтобы не нарушить равновесие утлого плота. И стоило ей согнуть ноги и сдвинуться вперед, как прямо перед передним концом плота из воды с громким плеском вздыбилась, разеваясь на ходу, широченная губастая пасть, по периметру вся утыканная зубами такой величины, что я хорошо видел их даже с расстояния почти в три десятка ярдов.

Я бросил канат и выхватил револьвер - но с такого расстояния мне требовалось хотя бы несколько секунд, чтобы прицелиться и не зацепить девушку. Кэролайн в тот же самый миг пронзительно завизжала - что было, прямо скажем, простительно, учитывая ситуацию - а затем... нет, не выхватила ни револьвер, ни даже топор, а сделала именно то, что собиралась сделать за долю секунды до этого - резко распрямила ноги, вталкивая якорь прямо в пасть чудовища. Которая тут же сомкнулась и с шумом ушла в воду прежде, чем я успел начать стрелять.

Я обмер на миг, не уверенный, что Кэролайн успела выдернуть ноги из захлопывающейся пасти. Но затем увидел, как она отчаянно гребет к берегу - похоже, целая и невредимая. А якорный канат тем временем резко натянулся, взрезая и вспенивая воду, а затем начал уходить влево (к счастью, не вправо, иначе сбил бы Кэролайн) и прочь от берега, в точности как леска, когда клюнула крупная рыба. Кабестан, который мы, понятно, оставили расстопоренным, поскольку нам самим нужно было стравливать канат, крутился, как спиннинг (я не видел этого снизу, но хорошо слышал) - а потом тварь вытянула канат по всей длине. Яхта дернулась и поползла в сторону воды - сперва на катках (и я даже успел на миг порадоваться, что сейчас тварь сделает за нас всю работу), но, поскольку тянули ее не по направлению корпуса, а под большим углом влево, она начала разворачиваться и еще через несколько секунд свалилась с катков на прибрежный песок, плюхнувшись носом в мелкую воду. Туго натянутый канат еще несколько мгновений дрожал в воздухе - а потом вдруг бессильно обвис и опал в воду. То ли лопнул, не выдержав натяга, то ли тварь догадалась, наконец, его перекусить. Была у меня еще мимолетная надежда, что она сумела выплюнуть его вместе с якорем, но увы. Когда я увидел, что Кэролайн благополучно выбралась на берег в трех десятках ярдов ниже по течению, я подошел к носу яхты и потянул за провисший канат. Он поддался без особо сопротивления. Рыбка ушла вместе с крючком.

Не думаю, кстати, что это была именно рыба - все-таки для такой крупной рыбины там было слишком мелко. Скорее что-то с ногами, типа аллигатора - но голова куда больше походила на какого-нибудь сома. Мне даже показалось, что я заметил свисающие усы, хотя, возможно, это была лишь стекающая вода.

Так или иначе, мы остались без нашего единственного якоря, а стало быть, и без всякой возможности затянуть яхту в реку. Пытаться прокопать для нее канал через мелководье лопатой, стоя в той самой воде, где водятся такие твари, было бы, конечно, чистым безумием (да и даже если бы они там не водились, едва ли получилось бы - попробуйте копать лопатой не песок на берегу, а речное дно!) А в размывательных способностях помпы мы уже убедились.

Выходило, что весь наш каторжный труд последних шести дней пропал впустую. Нивелирован всего за несколько секунд. И что делать дальше - непонятно.

- Кэролайн! - крикнул я. - Ты не ранена?

- Нет! - донеслось издалека.

- Тогда чего ты там копаешься?

- Помоги мне вытащить плот на берег!

- Да брось ты его! - не столько крикнул, сколько буркнул я. - Иди сюда!

Я вскарабкался по свисавшим с правого борта вантам на палубу, прошел на нос и принялся быстро крутить кабестан, сматывая канат. Он по-прежнему шел без сопротивления - уже не нужно было ходить вокруг, достаточно было перебирать вымбовки руками, стоя на месте.

Девушка тоже взобралась на борт и подошла ко мне. Какого бы страха она ни натерпелась там, на реке, сейчас она уже снова полностью владела собой. Я коротко объяснил ей то, что она уже наверняка поняла и сама.

- Теперь ты знаешь, почему форсировать Канаву на плоту - это тоже плохая идея, - заключил я, демонстрируя ей не то оборванный, не то откушенный конец каната.

- И что ты теперь намерен делать?

- Спать.

- До заката еще пара часов.

- А мне плевать. Это единственное, на что у меня еще остались силы.

- Непобедимый Майк Честер впал в уныние? - усмехнулась она.

- А премудрая Кэролайн знает поводы для оптимизма?

- Ну... по крайней мере, мы оба живы и целы. У нас есть вода и даже остатки сегодняшнего улова.

- Это немало, - согласился я. - Особенно в Пустошах.

- Майк, - вздохнула она, - ты просто подумай, что потеряла я. Сперва отца - не такого, как твой, которому было на тебя плевать. По-настоящему близкого человека, который был для меня всем - отцом, другом, учителем, единомышленником. Сразу после этого - лабораторию, фактически дело всей моей жизни. Что такое в сравнении с этим труд всего каких-то шести дней? Причем даже не интеллектуальный, а физический.

Угу, всей жизни, подумал я. Только всей твоей жизни - 19 лет. А я, похоже, становлюсь уже слишком стар для разочарований. Хотя, конечно, у меня и прежде случались неудачные миссии... Впрочем, кто сказал, что наша миссия неудачна? Мы зашли слишком далеко, чтобы сдаваться. Как-нибудь мы все-таки переберемся через эту проклятую Канаву!

- Неделю назад - а точнее, еще раньше, когда мы увидели, что моллюск сдох - мы ведь не знали еще ни про какую яхту и при этом отнюдь не считали положение безнадежным, так? - Кэролайн словно читала мои мысли. - Ситуация не стала хуже - она просто не улучшилась.

- Логично, - согласился я.

- Хотя, на самом деле, улучшилась, - продолжала она. - Целая яхта, даже застрявшая, лучше, чем ничего. Я думаю, мы сумеем сделать из нее лодку поменьше, которую сможем затащить в реку без якоря и кабестана. Полагаю, это более разумная стратегия, чем продолжать идти на юг в надежде найти неизвестно что. Надежда - штука хорошая, но только когда она подкреплена расчетами.

- Угу, - кивнул я. - Этим наука отличается от поэзии, а ты знаешь, какого я мнения о последней... Ладно, подумаем об этом завтра. Утро вечера мудренее.

Произнося эту избитую фразу, я даже не думал, до какой степени она окажется верной.

Мы доели остатки рыбы, и я действительно улегся спать на палубе, как мы делали с тех пор, как начали работу с яхтой - хотя теперь, когда палуба была очищена от песка, на ней было не так мягко, как на берегу внизу. Зато она находилась теперь в восьми футах над этим "внизу", что давало пусть и не абсолютную, но хотя бы некоторую гарантию безопасности. Кэролайн, очевидно, присоединилась ко мне позже.

Мое пробуждение стало одним из самых страшных за четверть века моих походов в Пустоши. Возможно, что и самым страшным.

Вокруг была практически абсолютная тьма - ни луны (она была в первой четверти, когда

ее по ночам вовсе нет на небе), ни звезд, которые, очевидно, скрыли вновь затянувшие небо тучи. И из этой тьмы, в которой спросонья тяжело было даже понять, в каком мире мы находимся, на нас стремительно надвигался рев. Не рев голодных тварей, о нет. Рев того, что несравнимо сильнее и страшнее любых из них. Что сметает их, словно ребенок - крошки со стола. Что с легкостью сносит целые города на своем пути.

- Майк? - раздался рядом испуганный голос Кэролайн. - Что это?!

Я уже сообразил, что происходит, и схватил в темноте ее руку:

- Вниз! Быстро!

С перепугу мои слова можно было понять, как призыв, например, спрыгнуть через борт на песок, а подыскивать безупречные формулировки мне было некогда, поэтому я больше полагался на хватку моей руки, чем на слова. Вскочив, я потащил за собой Кэролайн к невидимой во тьме лестнице. К счастью, мы спали не в середине палубы, а на кормовой надстройке, недалеко от штурвала - все из того же моего желания забираться на ночь повыше, когда это возможно. Не знаю, как я не сверзился вместе с Кэролайн по ступенькам - видимо, память тела правильно подсказала мне ихнее расположение. Но одновременно инстинкт отчаянно противился тому, что я делал. Со всею одержимостью охваченного паникой животного он требовал бежать от того, что надвигается, прочь и вверх - ни в коем случае не вниз! Но, вопреки всем - и моим в том числе - историям о том, как инстинкт, опережающий разум, спасает жизнь, это был тот самый случай, когда жизнь спасает как раз умение разума задавить инстинкт. Добежать до достаточно высокой точки на берегу у нас, конечно, не было ни малейших шансов. Кэролайн за моей спиной все же споткнулась на крутых ступеньках и свалилась мне на спину, но я сумел удержаться на ногах, врезавшись выставленной вперед свободной ладонью в дверь. Которую мы, конечно же, оставили закрытой. Ручка - поворот - внутрь - Кэролайн - развернуться - закрыть - ручка. Если снаружи тьма была почти абсолютной, то внутри - абсолютной без всяких "почти", несмотря даже на очищенные иллюминаторы. Диван должен быть справа - слава Судьбе, не тот, что с трупами, хотя сейчас это уже не имело значения. Я толкнул на него Кэролайн и плюхнулся сам. Клокочущий рев снаружи стал уже оглушительным. "Держись!" - крикнул я в ухо девушки, продолжая сжимать ее руку.

В следующую секунду сплошная стена воды обрушилась на яхту.

Нас резко качнуло, чуть не завалив на спину - то есть "нас" в смысле "меня и Кэролайн", а яхту, соответственно - на правый борт. Сыграло свою скверную роль то, что после вмешательства глотателя якорей она стояла почти что боком к фронту волны. На наше счастье, все массивные предметы в салоне были привинчены - иначе можно представить, что было бы, если бы тяжелая железная печь камбуза, проломив тонкую перегородку, рухнула прямо на нас. Да и чугунная рама пианино (напомнившая о себе низким гудением струн) тоже могла наделать дел. Однако все ограничилось лишь скрипами да звоном падающей и катящейся посуды. (Со стороны форпика, впрочем, донесся более громкий стук - видимо, мы не все там хорошо закрепили.) Возможно, в своем первоначальном состоянии после такого крена "Присцилла" опрокинулась бы полностью, но, лишенная рангоута, она имела низкий центр тяжести (вот каких слов я нахватался от Кэролайн, да), что помогло ей после пары-тройки минут быстро затухающих качаний вновь вернуться в нормальное положение. Качка, однако, не прекратилась полностью; было очевидно, что шумящий вокруг поток подхватил ее и понес. Практически так же, как это происходило 53 года назад, ага. Оставалось только надеяться, что мы не закончим так же, как ее предыдущие владельцы. Для чего, впрочем, особых предпосылок не было - с ногами у нас все было в порядке (Кэролайн, кстати, подтвердила, что не повредила себе ногу снова, споткнувшись на лестнице), а в песок обычно не засасывает мгновенно. К плюсам нашей ситуации можно было отнести и то, что мой рюкзак точно уцелел - после того, как мы как следует проветрили внутренние помещения яхты, я приобрел привычку хранить его в форпике, дабы не оставлять на открытом пространстве (где он мог бы привлечь внимание какой-нибудь

летучей твари), а при необходимости его можно было быстро достать через носовой люк. И хорошо, что мы спали в одежде и обуви - в Пустошах это вообще предпочтительный вариант, ибо никогда не знаешь, что может разбудить тебя посреди ночи и что придется делать сразу после этого, а от реки к тому же по ночам уже изрядно тянуло холодом - конец сентября, как-никак. А вот одеяло, на котором мы спали наверху, наверно, пропало, и это серьезная неприятность, особенно в свете грядущих холодов. Но что куда хуже - нас все еще могло обо что-нибудь разбить или просто оставить на мели посередине реки, откуда было бы проблематично добраться до берега.

- Ты понимаешь, что происходит? - спросила в темноте Кэролайн. Я подумал, что все еще слишком крепко сжимаю ее руку, так, пожалуй, синяки останутся, и расслабил пальцы, но не убрал их полностью.

- Да, - ответил я. - Это моллюск. Он догнил окончательно, и вода прорвала затор из его разлагающейся плоти.

- Нет, - возразила девушка после короткой паузы, - не может быть. Мы в 38 милях ниже по течению. А такая волна быстро затухает - максимум за несколько миль от прорванной дамбы. Ну то есть не совсем в ноль затухает, а становится длинной - плавный подъем, потом плавное опускание, причем на дюймы, а не на ярды.

- Тогда откуда, по-твоему, эта вода?

- Видимо, это все-таки прорыв плотины, - медленно произнесла Кэролайн, - но другой. Гораздо ближе к нам.

- Нет тут от самого Моллюска никаких плотин. Затопленные города есть, но сквозь них вода как текла, так и течет.

- Мы ее просто не видели! Помнишь каньон, который мы обошли по Долине Бородавок? Вот там она, видимо, и была. Узкое место в реке, где скопился всякий мусор, вынесенный течением из затопленных городов. Быть может, пока моллюск работал, его регулярные циклы прокачивали это горло. А когда он сдох, оно забилось. А теперь - да, наверно, ты прав, его тушу прорвало, и даже длинной и пологой волны хватило, чтобы нарушить равновесие и прорвать и этот затор. Ведь давление растёт не только от высоты волны, но и от резкого повышения скорости потока в узком горле. А иногда достаточно вымыть единственный обломок в критической точке, чтобы развалилось все опирающееся на него нагромождение. В итоге пошла уже вторая большая волна, а если вверх по течению недалеко от нас на дне имеется порог, который в обычное время даже незаметен сквозь мутную воду, он еще усилил эффект.

- Это запросто, - согласился я. - Учитывая, как рождалась Канава, всяких порогов, трещин и разломов тут может быть сколько угодно. Интересно, однако, что у нас теперь с качеством воды. Опять мы в трупном бульоне плывем?

- Очевидно, крупные куски застряли намного выше по течению, а остаточная концентрация должна падать по тому же закону, что и раньше. На таком расстоянии от Моллюска разница заметна быть не должна. Разве что этот ближний затор какой дряни добавил, там своя дохлятина могла скапливаться. Но уже совсем не в тех масштабах.

- Ладно, пойду-ка взгляну, что там делается и далеко ли нас отнесло от берега. А ты пока зажги тут фонари, они вроде должны были уцелеть - только осторожно, чтоб пожара не было, - я извлек из кармана и сунул ей в руку коробок спичек. - И только после моего ухода, а то я там совсем ничего не разгляжу в темноте.

- В старину моряки зажмуривали или завязывали один глаз, чтобы не терять ночное зрение, когда курсируют между темным трюмом и солнечной палубой, - просветила меня Кэролайн. - Отсюда, кстати, пошла легенда об одноглазых пиратах.

- Кто такие пираты?

- Морские бандиты, которые грабили корабли, как сейчас дилижансы. По крайней мере, в книжке так было написано, но я подумала, что это сказки, чтобы пугать детей. Разве при магах

могли быть бандиты?

- Преступность на суше они практически извели, это правда, - кивнул я, хотя она не видела меня в темноте. - Как писал тот парень в "Курьере", от мага-дознавателя невозможно было скрыть правду... если только тебя не прикрывает другой маг. И если ты не маг сам. Но такие банальным разбоем на дорогах не занимались, у них был уровень куда выше. Но море считалось нейтральной территорией. Магам было просто лень его патрулировать, к тому же это было чревато конфликтами, где чьи полномочия. Сами-то они по морям не плавали, своими порталами пользовались, но это была роскошь, недоступная простым смертным, а также и коммерческим грузам, если не считать таковыми безделушки, которые маг лично через портал в кармане пронесет... Поэтому да, на море могло быть всякое. Вполне допускаю, что и пираты были. Официальная логика, наверно, такая была - зачем ловить грабителя в море, если сбывать награбленное он все равно приплывет на сушу, тут-то мы его и прижмем. Или не прижмем, если не захотим. Помнишь, я говорил тебе про бандитов, которые грабят в одном графстве, а добычу сбывают в другом? Вот и тогда, наверно, так же было. А уж если грабят не просто соседа, а конкурента, то и подавно. Люди есть люди, с магическими они способностями или нет... Ну ладно, - спохватился я, - пойду все-таки наверх.

Я открыл дверь на лестницу с осторожностью, опасаясь, не хлынет ли навстречу вода - конструкторы яхты предусмотрели, куда ей утекать из лестничного колодца, но эти стоки могли забиться песком, мы их не чистили. Из двери, однако, ничего не хлынуло, хотя перед порогом (комингсом) и плескалась небольшая лужица, а вокруг все еще шумела бурлящая река. Тогда я поднялся на корму. После полного мрака внизу тьма снаружи уже не казалась такой непроглядной. И первым, что я увидел наверху, была неподвижная фигура, широкая и безголовая, с растопыренными во все стороны отростками. Но я тут же сообразил, что это просто штурвал, на который намоталось наше одеяло. Очевидно, когда яхта завалилась набок, оно скользнуло к основанию штурвала и зацепилось за одну из нижних ручек, а руль, повернувшийся направо под напором воды, заставил штурвал вращаться и накрутил одеяло на весь обод. Ну что ж, отлично, что оно уцелело, однако, если оно сильно вымокло, то может уже не высохнуть и загнить, а уж если пропиталось трупным запахом... Я потрогал и понюхал одеяло - оно было влажным, но не мокрым насквозь, и пахло от него, как и от воды вокруг, речной сыростью, но вроде бы ничем более скверным. Да, похоже, по настоящему крупная волна нас не накрывала. Это только в темноте казалось, что на нас идет огромная стена, а на самом деле она хотя и громко шумела, но здесь была не слишком высокой, и до кормовой палубы долетели лишь отдельные брызги. Вот если бы яхта покоилась неподалеку от раковины моллюска, там бы, наверно, последствия были катастрофические - даже если бы она выдержала первый удар волны высотой с четырехэтажный дом, ее бы непременно обо что-нибудь разбило потом. Или и вовсе погребло бы под огромной грудой зловонной разлагающейся слизи - кажется, более ужасной участи и представить себе невозможно... Ладно, подумал я про одеяло, пусть еще повисит так и посушится, там видно будет, сможем ли мы еще им пользоваться.

Я повернулся и посмотрел в сторону носа. Теперь мои глаза уже могли различать очертания реки и берегов (раздавшихся шире), и можно было понять, что нас действительно снесло ближе к середине реки и развернуло носом по течению, но мы все еще намного правее стрежня. Скорее всего, до следующего затопленного города с каменной застройкой (до которого по карте оставалось еще два десятка миль) опасность получить пробоину или застрять нам не грозила. Я подошел к левому борту и посмотрел на еле видневшийся во мраке столь желанный для нас левый берег. Очевидно, пытаться догрести туда единственным веслом во время разлива - не лучшая идея, а уж тем более ночью в кромешной тьме. Я повернулся назад, собираясь идти вниз. Как раз в этот момент за кормой полыхнула далекая зарница. Бывшая столица отсюда уже не была видна; очевидно, где-то там на севере бушевала вполне обычная гроза. Быть может, пролившиеся там ливни даже внесли свой вклад в прорыв запруды...

Однако что-то, озаренное этим далеким и неярким светом, царапнуло мое внимание. Канат ахтерштага, все еще болтавшийся за кормой и теперь, очевидно, полоскавшийся в воде. Но то-то и оно, что не полоскавшийся. Он был натянут, словно мы зацепили и тащим что-то за собой. Но как можно зацепить что-то просто обрезанным канатом, на конце которого нет ни крюка, ни петли? Да и потом, мы ведь не идем под парусом или на веслах - нас несет течение, и любой плавучий мусор за кормой должен плыть с той же скоростью, откуда натяжение?

Я вытащил револьвер и подошел к корме - туда, где раньше красовалась позолоченная доска, а теперь не было никакой преграды. Там, где канат уходил в воду, я ожидал увидеть щупальце или клешню пытающейся взобраться по нему твари (хотя и никогда прежде не слышал о достаточно крупных тварях, способных вылезать из воды по веревкам - ну да мало ли в Канаве до сих пор неизвестных). Но то, что я увидел... нет, не может быть! Здесь просто слишком темно, и воображение дорисовывает то, чего не могут разглядеть глаза!

Словно на заказ, снова полыхнула зарница; на сей раз ее свет мерцал две или три секунды. И за это время я увидел не только высовывавшуюся из воды руку в перчатке, тянувшую канат - то есть подтягивающую себя все ближе к нашей корме - но и показавшуюся за ней из пены бурного потока голову. И клянусь, на ней была шляпа! Разумеется, мокрая насквозь, но прочно сидящая на своем месте в таких обстоятельствах! Хотя как раз в этом ничего невероятного не было - просто затянутый ремешок под подбородком...

Я мгновенно прицелился. И в тот же миг, словно услышав - а может, и правда услышав - сквозь шум воды звук взводимого курка, он... или оно... подняло голову и посмотрело на меня. В следующее мгновение зарница погасла, а я нажал на спуск.

Грохнул выстрел, сверкнула вспышка, на миг ослепившая меня в кромешной темноте. Когда я снова обрел способность видеть во мраке, за кормой уже никого не было, и ахтерштаг свободно полоскался в воде. Я, не выпуская из руки револьвера, принялся со всей возможной скоростью вытягивать его - и, разумеется, вытянул лишь обрезанный моим собственным ножом конец без каких-либо примечательных следов.

Позади меня вспыхнул неяркий свет из открывшейся внизу двери.

- Майк? - донесся обеспокоенный голос Кэролайн. - Кто стрелял?

- Я.

- А в кого?

- Не знаю, - вздохнул я. - Может, просто показалось в темноте.

Кого я пытаюсь обмануть?

- Майк, - ее голос стал ниже и мрачнее, - это был человек?

- Во всяком случае, на нем была шляпа. Но это, как ты знаешь на примере раздевателя, ничего еще не доказывает.

- Майк, - ее голос еще понизился, - это был Левша?

- Не знаю, - повторил я. - Я видел его лицо долю секунды в потоке пенящейся воды при свете гаснущей зарницы. Как выражаетесь вы, ученые, я не могу с уверенностью пять сигма сказать, что это был не он. Но и сказать, что это был он, я тоже не могу.

- Ты в него попал? - требовательно спросила Кэролайн.

- Моя пуля ушла туда, где была его голова, пока он подтягивал себя на канате. Все зависит от того, успел он разжать руку в момент, когда я жал на спуск, или не успел. Времени на это у него было не так чтобы много.

- Это ты уже говорил, - вздохнула Кэролайн. - Он не мог выжить, когда ты стрелял ему в спину на лошади. Не мог выжить, когда ты стрелял ему в грудь через дверь...

- Мы не знаем, был ли тогда за дверью он, - возразил я. - Мы видели только след от сапога. А сейчас я видел только шляпу и перчатку. Может, - добавил я, - это был какой-то ни в чем не повинный бедолага, который отдыхал себе на берегу, и его снесло в реку потоком. Увидев яхту, он поплыл к ней в надежде на спасение. А я застрелил его просто потому, что он был похож

на того, на кого не надо.

Тут я сообразил кое-что еще. Хотя я действительно видел его лицо слишком недолго, чтобы толком различить черты, одно я рассмотрел точно - усов и бороды у него не было. В отличие от меня, в отличие от любого другого, кто шляется по Пустошам достаточно долго, чтобы забрести в самую ихнюю середину. В Пустошах глупо тратить воду на бритье, а бриться всухую - верный способ порезаться (и известно, чем чреваты порезы в районах обитания кроволюбов), да и кому здесь это вообще надо, особенно если ты бродишь в одиночку? Конечно, в Канаве воды хоть отбавляй, и он, может, только и мечтал "вот как дойду до большой реки, так сразу побреюсь!", но все равно, как-то странно это. А что, если это вообще была женщина? Ну да - в Пустошах их не бывает, но если есть Кэролайн, то может быть и какая-нибудь анти-Кэролайн, как в глупых комиксах[46]... Да нет, чушь, конечно. Во всяком случае, Левша точно мужчина - я не только видел его вблизи, но и слышал его голос. Это, опять-таки, только в очень глупых книжках женщина может подражать мужскому голосу так, что не отличить. Ну точнее - бывают мужчины с высокими голосами, но у Левши-то был нормальный.

- Ты сам-то в это веришь? - откликнулась Кэролайн на мою произнесенную вслух реплику. - Сам говорил - в этих местах никто не бывает. Мы нашли эту яхту первые за 53 года. Откуда здесь взяться кому-то еще, если только он не шел специально за нами?

- Ну а откуда здесь взялся шарлонский дезертир, например? - парировал я. - Мало ли... Вообще, пожалуй, я знаю, кто это мог быть, если без сказок про неубиваемого Левшу. Тот парень, чью лодку я так удачно отстрелил. Если он все еще был жив, он мог просидеть в башне все это время, если у него было чем ловить рыбу. Ни вода, ни рыба там еще не были хорошего качества, но, допустим, у него оказался крепкий желудок. Интересно, кстати, сколько он намеревался так сидеть - до самой старости? Ну а потом, когда запруду прорвало, его унесло потоком...

- В городе волна была пологой, высотой в считаные дюймы, - напомнила Кэролайн. - Какой поток? Да и потом - несло дюжину миль, и за все это время он не утонул, не был съеден, не замерз и не сумел выгрести к берегу?

- Ну, допустим, ему удалось доплыть до лодки, но весло унесло течением, вот он и не смог выгрести на берег. А позже и лодка опрокинулась...

- А что, если это и был Левша? - предположила вдруг Кэролайн. - Он ведь мог добраться до той башни раньше нас.

- И что ему там делать? - фыркнул я. - Поджидать нас в засаде? Ну и почему тогда он ничего не сделал, когда дождался?

- Не знаю, - вздохнула Кэролайн. - У меня такое чувство, что всякий раз, когда ты стреляешь в него, ты не убиваешь его, но и не промахиваешься. Он не возобновляет преследование сразу, ему нужно несколько дней, чтобы где-то отлежаться и оправиться от раны - но он делает это намного быстрее, чем обычный человек.

- В пуленепробиваемый панцирь поверить еще могу, в это нет. От таких ран невозможно оправиться, они смертельны, - упрямо повторил я. - А в панцире уж точно невозможно плавать. И вообще, повторяю, у нас по-прежнему нет никаких доказательств, что все это был один и тот же человек.

- Ключевое слово - был, - проворчала Кэролайн.

- Надеюсь, что был. Или были. Но на всякий случай сейчас обойду палубу и обрежу все еще оставшиеся веревки. А ты - ты зажгла фонари во всех отсеках?

- Да.

- Отлично, значит, от того места, где стоишь, тебе должно быть видно всю яхту до самого форпика. Стой там и наблюдай, чтобы никто не влез через носовой люк.

---

[46] В нашем мире первые комиксы появились в 1897 г. В описываемом - раньше.

Само собой, ни на палубе, ни за бортом я так никого и не обнаружил - и уж тем более никто не проник во внутренние помещения. На маленьком кораблике спрятаться негде.

Заодно мы обследовали вещи в форпике - весло и помпа валялись на полу, но вполне целые. Какая удача, что Кэролайн гребла доской от пианино вместо весла! Иначе оно бы так и осталось валяться на берегу, и мы теперь были бы совершенно беспомощны. Помпа еще тоже очень даже могла пригодиться, но пока что течей вроде бы не было.

- Ладно, - подвел итог я, - тушим фонари. Если нас все еще кто-то преследует, не будем давать ему подсказку своими иллюминаторами.

- И что ты намерен делать дальше?

- Спать.

- Ты это уже говорил вечером.

- Именно. Слово настоящего мужчины должно быть твердым.

- Я рада, что к тебе вернулось твое остроумие, но...

- Пока не рассветет, мы все равно не сможем сделать ничего более осмысленного.

Мы устроились на койках в кубрике; Кэролайн, правда, заверяла, что все равно не сможет сейчас заснуть, да и вообще уже выспалась - но вскоре, конечно, уже служила наглядным посапывающим опровержением собственного тезиса. А вот я действительно уже не заснул, ибо лег еще до заката, и даже бэдлэндерская способность дрыхнуть, когда никто не мешает, имеет свои пределы. Так что, немного полежав, я поднялся наверх, на свежий воздух, на всякий случай прихватив с собой длинное и тяжелое весло, и уселся на носу, всматриваясь и вслушиваясь в ночь. Ничего примечательного, впрочем, не происходило - даже зарницы на севере перестали вспыхивать. Волна ушла вперед, река больше не шумела, лишь время от времени то ближе, то дальше раздавались всплески, иногда довольно громкие, но не настолько, чтобы порождавшее их могло представлять угрозу для целой яхты - все-таки это Канава, а не открытый океан. С левого берега, куда мы так стремились, временами доносились завывания и стоны, иногда довольно жуткие, хотя это ничего не значило. В Пустошах самые жуткие звуки могут издавать твари размером с кошку, пытающиеся таким образом отпугнуть потенциальных пожирателей. Кто издает громкие звуки, чаще всего не опасен. Наиболее опасен тот, кто действует безмолвно.

Наконец, когда небо на востоке начало светлеть, словно напоминая нам о цели нашего путешествия, я пошел будить Кэролайн.

- Как не спалось? - приветствовал я ее. - Вставай, пойдем учиться управлять яхтой. Держу пари, ты этого хотела, - даже такому толстокожему бэдлэндеру, как я, было давно ясно, что энтузиазм Кэролайн по поводу яхты связан не только с чисто практической задачей переправиться на другой берег.

- Когда я читала те книжки в детстве, мне хотелось стать моряком, - призналась она. - Хотя я, конечно, понимала, что для женщины это невозможно, а уж тем более теперь, когда по морям никто не плавает, кроме тварей. Разве что рыбаки вдоль самого берега, но это не совсем то...

- На самом-то деле в профессии моряков не было ничего особо романтического, - заметил я. - Никаких там поисков и открытий неведомого - при магах это было никому не нужно, они рисовали карты, просто посмотрев в свой хрустальный шар или во что там еще. А моряки просто возили коммерческие грузы из порта в порт, как обычные извозчики.

- Да, - согласилась Кэролайн, - новое и неизведанное надо искать в науке, где его непочатый край. Хотя география, в принципе, тоже наука. Но уже исчерпанная... точнее, была исчерпанной. Но после Войны ее, похоже, нужно переписывать заново.

- Когда-то ты говорила, что география - не твоя область, - припомнил я.

- Да, - согласилась она. - Физика и химия куда интереснее. География всего лишь отвечает на вопросы "что?" и "где?", а фундаментальные науки - на вопросы "как?" и "почему?" А корабли - это были всего лишь детские фантазии. Но, знаешь, - призналась она со смущением, -

иногда воспоминания о каких-то моментах из детства все же обладают какой-то особой притягательностью, хотя рационального смысла в этом и нет.

- Ну, пойдем вспоминать твое детство.

Само собой, никакая романтика тут была ни при чем. Нужно было выяснить, насколько мы сможем управлять яхтой без парусов и лишь с одним веслом - и уже исходя из этого строить дальнейшие планы. В сером предрассветном свете поверхность реки выглядела гладкой и спокойной, без всяких там опасных завихрений и бурунов, обозначающих подводные или надводные препятствия, и (насколько можно было доверять неточной карте) у нас было достаточно времени и места, чтобы потренироваться огибать эти препятствия до того, как они появятся. Уключин на яхте не было, ибо в норме, понятное дело, работа веслом - достаточно длинным, чтобы за него могли взяться два человека и при этом все еще доставать до воды даже с кормы - предполагалась лишь во время мелких маневров у причала. Однако мы соорудили подобие уключины из 8-образной веревочной петли, пропущенной снизу через шпигат (отверстие в фальшборте) и перекрученной над планширом.

Мы быстро убедились, что, хотя яхта куда больше и тяжелее простой лодки, даже силы одного человека, а тем более - двух, и единственного длинного весла достаточно, чтобы приводить ее в движение относительно воды вокруг пусть и с небольшой, но со вполне заметной скоростью. Причем грести можно было как вперед, загребая вдоль борта (ну, или назад - в этом случае сил перебороть течение нам не хватало, но мы могли, по крайней мере, притормозить яхту относительно берегов или любых торчащих из воды неприятностей), так и вбок перпендикулярно борту, чтобы обойти препятствие стороной. Причем вбок эффективнее всего было грести не от борта, а позади кормы. Но такой способ лучше всего годился как средство последней надежды - чтобы максимальным усилием сдвинуться в сторону быстро, но на короткое расстояние (причем для этого надо было еще успеть вытащить весло из веревочной уключины на борту). А вот для обхода препятствия, которое удалось заметить издали, наилучшим неожиданно оказался другой способ - грести не вбок от него, а прямо к нему! Фокус в том, что при этом яхта начинала слушаться руля, и пока один человек (понятно, что это был я) гребет, второй крутит штурвал и меняет курс. (Одеяло со штурвала я, понятное дело, снял, хотя сильно суше оно не стало.) В конечном счете мы выгребли на стремнину, где я втащил весло на палубу и достал часы, чтобы оценить нашу скорость по ориентирам на берегу.

- Мы ведь выделываем все эти маневры не просто для того, чтобы доплыть до другого берега? - догадалась проницательная Кэролайн.

- Нет, - подтвердил я. - Теперь, когда я вижу, что яхта вполне управляема - настолько, что на ней можно даже пройти через затопленный город, если держаться подальше от самых высоких домов - мы переходим к другому плану. Ты, кстати, обратила внимание, что, пока мы шли вниз от Моллюска, мы не просто теряли время впустую, шагая под прямым углом к нужному направлению? Канава в этих местах течет не строго на юг, так что к востоку мы тоже сместились - примерно на пять миль.

- Честно говоря, не обратила.

- Вот, взгляни-ка на карту... Да оставь уже в покое штурвал, пока я не гребу, он все равно ни на что не влияет!

- Ну, - заметила Кэролайн, - вообще-то, теоретически, если все время крутить его из стороны в сторону, то руль будет работать, как хвост у рыбы, создавая некоторую тягу. Но это, очевидно, очень неэффективный способ, поскольку руль движется слишком медленно, не чета веслу, - она оставила штурвал и уселась, скрестив ноги, прямо на палубу, где я уже расстелил карту.

- Сейчас мы где-то здесь. Как видишь, дальше Канава снова идет прямо на юг и даже слегка отклоняется к западу, зато потом снова поворачивает влево и течет на юго-восток аж вот досюда. Петляя по пути, но общий результат вот такой. Если мы доберемся до самой восточной

ее точки, то сместимся на восток примерно на сто двадцать миль от долготы Моллюска - пятая часть оставшегося нам пути. При этом, однако, с учетом того пути, что мы уже прошли к югу от Моллюска, мы окажемся примерно на двести сорок миль южнее широты Вестмарка - того города в Хинтерзееланде, где заканчивается караванный путь и который, насколько я знаю, хинтерзееландцы сделали единственным легальным местом пропуска в ихнюю страну. А по воде мы за это время пройдем... я даже не знаю, как посчитать длину реки со всеми извивами, тем более что большинство из них даже не обозначены на карте, в этих местах почти никто не бывал... но, наверно, не меньше двухсот пятидесяти миль, а может, и все триста. Но нам их не идти пешком, а плыть по воде, и при скорости течения на стремнине около двух миль в час это пять-шесть дней. За шесть дней сместиться к востоку на 120 миль, при этом не трудя ноги и всегда имея прямо под рукой источник воды и пищи - это, прямо скажем, почти что чудо, насколько они возможны в наше время. Да-да, почти твоя идея спуститься вниз по реке - только отнюдь не до самого моря и уж тем паче не дальше. При этом мы окажемся в более теплых краях, что немаловажно. Как ты понимаешь, минусы у этой идеи тоже есть. Их два. Во-первых, эти триста миль по реке означают полтора десятка затопленных городов, о которых мы знаем только то, где они находились на довоенных картах. Теоретически, они должны быть проходимы - при магах любили строить прямые улицы, по крайней мере, у нас, говорят, что в Старом Свете некоторые города представляли натуральный лабиринт... Правда, река петляет сильнее, чем когда-то соединявшая города дорога, и ее направление может не совпадать с направлением улиц. Но там, где дома невысокие, мы просто проплывем над ними, а если попадутся высокие, ихние стены должны направлять течение вдоль улицы. Но это все теоретически. Мы не знаем, в какие заторы или высокие пороги можем уткнуться, в том числе и между городами. Во-вторых, к югу местность куда более пересеченная, поэтому караванный путь поначалу проходит еще намного южнее, чуть ли не у самого устья Канавы, в обход всех этих каменных нагромождений. Но потом он поворачивает на северо-восток и идет вдоль Черного Хребта, который до Войны назывался Голубым. И, пройдя на восток всего-то около двухсот тридцати миль - если, понятно, считать по прямой - мы как раз выйдем на караванный путь и дальше двинем по нему вдоль Хребта до самого Вестмарка. Это получится... погоди, дай посчитаю, у меня на карандаше засечки, как на линейке... примерно 350 миль. Хмм, то есть в целом выходит 580 - а ведь это практически ровно столько, как если бы мы переправились под Моллюском и шли дальше по прямой! Хм, ни за что бы не подумал. Вроде кажется, что если начальная точка ближе на восток, но вдвое дальше на юг, да еще идти не по прямой, а по ломаной, длиннее путь должен быть, ан нет...

- Так если эту прямую сломать и к юго-востоку повернуть, как раз такая ломаная и получится, - заметила проницательная Кэролайн, прикладывая пальчики к карте.

- Ну, это вообще прекрасно тогда. Караванный путь - это, конечно, не мощеный тракт, но это хорошая ровная дорога, вдоль которой есть источники воды, а последние примерно двести миль - это уже, почитай, легкая прогулка. Там прорыты колодцы и построены специальные избушки, где можно отдохнуть под крышей и, главное, разжиться припасами, выдерживающими долгое хранение, типа муки и сахара - хотя еще больше надеюсь найти там теплую одежду. Караванный путь не весь оборудован такими хранилищами, а только начало и конец. Караванщики оставляют там часть своих припасов в начале пути, чтобы не тащить с собой много, и забирают в конце. Но хорошим тоном считается никогда не выгребать все целиком, а всегда держать там некоторый излишек. В общем, эти последние двести миль вполне реально пройти за десять дней. Кроволюбов, кстати, там уже точно нет.

- То есть все отлично складывается? - радостно уточнила Кэролайн.

- Ты погоди насчет "отлично" в Пустошах. Про минусы не забывай. Откровенно говоря, я сам не знаю, какой вариант лучше, и ты тоже не можешь этого знать или вычислить. Мы можем быть на левом берегу уже через четверть часа и идти дальше по более-менее ровной местности,

но через пустыню. Караванщикам там не пройти - для лошадей воды и еды не достать, а для человека можно, но сложно и не гарантировано. Или мы можем рискнуть, сплавляясь по Канаве, и если у нас получится, путь будет намного легче в начале, то есть по воде, легче в конце, на караванной дороге, а в середине рельеф будет заметно труднее, но живности больше - как съедобной, так и опасной. Хотя даже это - скорее предположение, в этой области вообще практически никто никогда не бывал - пешие идут севернее, конные едут южнее... И оценить все эти больше-меньше в цифрах нереально. Ты уже могла убедиться, чего стоят цифры в Пустошах. Мы лихо прокатились через Бамп, а потом неделю провели в болотах шириной в две мили и еще полторы пытаемся перебраться через реку, в которой нет и полумили ширины.

- Ты не упомянул еще один фактор, - заметила Кэролайн. - Если Левша, или кто бы это ни был, все еще жив, на воде ему будет труднее подобраться к нам - ведь так? Даже несмотря на то, что один раз ему это уже удалось. Но тогда ему просто повезло. Сейчас, если он попытается добраться до нас вплавь, то, во-первых, его съедят раньше, чем он доплывет до середины реки, во-вторых, если и нет - без свисающих в воду веревок он не сможет взобраться на борт. А если он подплывет на лодке... во-первых, пусть еще умудрится ее найти, или построить так быстро, чтобы успеть догнать нас. Во-вторых, лодку на реке хорошо заметно издали. Разве что ночью... но ночью мы тоже будем по очереди нести вахту на палубе - ведь так? Хотя бы чтобы ни во что не врезаться.

- Вот эта перспектива во что-нибудь врезаться ночью, когда ничего не видно, пугает меня больше, чем тот, кого уже точно не должно быть в живых, - ответил я. - Была бы это одна из тех дешевых книжек, автор бы наверняка позаботился о том, чтобы наше плаванье пришлось на полнолуние, но увы - в реальной жизни, когда тебе нужна полная луна, она оказывается в первой четверти. На широкой воде вдали от городов можно плыть и ночью, но вот перед какими-нибудь каньонами или теми же городами надо будет останавливаться. Надо соорудить какую-то замену якоря, который пусть и не сможет прочно вцепляться в грунт, но хотя бы будет тормозить нас собственным весом. Думаю, чугунная рама от пианино как раз подойдет.

- Так мы все-таки плывем? - уточнила Кэролайн.

- Ни один бэдлэндер, насколько я знаю, никогда еще не сплавлялся по Канаве, - пожал плечами я, - но и женщин через Пустоши тоже никто еще не водил. Так что мне уже, похоже, не привыкать быть первым.

Пока я складывал карту, Кэролайн смотрела вперед с таким мечтательным видом, словно мы плыли на восток, а не на юг (впрочем, смотреть на восток, прямо на поднимавшееся над горизонтом солнце, было бы в любом случае затруднительно) - но затем вдруг озабоченно сказала: "По-моему, там из воды что-то торчит. Но это ведь не мачты?".

Я тут же достал бинокль.

- Нет, - констатировал я. - Это шпили затопленных зданий. Выходит, нас вынесло к городу раньше, чем я рассчитывал. Ну да, понятно - поначалу-то нас несло намного быстрее, должно быть, мы преодолели десять миль за первую пару часов, прежде чем река успокоилась... Ну что ж, у нас еще есть время догрести до левого берега и выброситься на мель, с которой мы уже вряд ли снимемся... но, - я принял окончательное решение, - мы поплывем через город.

Я встал с веслом у левого борта и велел Кэролайн замерить лотом глубину. Вышло 47 футов. Это значило, что с нашей осадкой в 4 фута мы гарантировано проходим над трехэтажными домами, даже имеющими высокие крутые крыши (наиболее типичными в городах той эпохи), а вот крыши и дымоходы четырехэтажных уже могут представлять проблему. Впрочем, даже мутные воды Канавы на середине реки несколько менее мутны, чем там, где дно близко, и можно было надеяться, что опасные для нас препятствия на глубине меньше четырех футов сквозь них все же можно будет различить. Главное было - не заплыть в тупик. Выгрести из тупика назад против течения у нас не хватило бы сил.

Разумеется, никакого плана улиц у меня не было. На карте город был обозначен лишь

контуром, перерисованным с его довоенных очертаний, и это было пятнышко размером не больше ногтя. Довоенные атласы с подробными планами городов этой местности все еще существовали, но мне бы и в голову не пришло брать с собой подобную тяжесть, отправляясь на охоту за Арчи Джокером, не имевшим никаких шансов забраться так далеко. Но мой расчет, помимо по большей части прямых улиц, был на то, что даже в крупных городах эпохи магов дома выше трех этажей были редкостью. Ну кому понравится постоянно топать вверх по лестницам? Разве что самим магам, для которых сила тяжести не была особым препятствием, ну и работавшим на них чиновникам. Поэтому высокими обычно были только жилища магов (у них вообще считалось шиком вместо обычного особняка, хотя бы даже и роскошного, отгрохать башню повыше, демонстрируя, что законы физики им не указ) и административные здания - символы власти, возвышавшиеся над обиталищами простых обывателей. Из этих пижонских башен, больше похожих на гигантские свечи, чем на жилые дома, практически ни одна не пережила Войну и гибель собственных обителей, и не только потому, что из всех построек магической эпохи эти были самыми несовместимыми с понятием "сейсмостойкость". Но и потому, что они были напичканы всякими магическими штучками. Это примерно как жить в арсенале - круто, конечно, когда у тебя прямо под рукой полно оружия, и особенно пороха и боеприпасов. Это делает тебя сильным и грозным, и заставляет простых людей, у которых нет даже ножа, трепетать перед твоим могуществом и завидовать ему. Но когда начинается пожар... А вот более основательные здания всяких там городских советов и департаментов имели гораздо больше шансов уцелеть - по крайней мере, там, где вообще могло уцелеть хоть что-то. Однако таковые всегда компактно располагались в центре, и достаточно было держаться подальше от торчащих из воды шпилей, чтобы не напороться на них. Говорят, только в столице были целые кварталы пяти- и даже шестиэтажных жилых домов, потому что надо же было куда-то девать такое огромное население. А здешние города меньше, и едва ли здесь были целые улицы из одних четырехэтажных зданий, причем еще и заканчивающиеся тупиком. Плюс к тому, у меня была надежда, что за полвека река сама хотя бы отчасти расчистила себе дорогу, что поток, устремлявшийся в узкие каналы улиц и упиравшийся в итоге в высокие и плоские препятствия, торчавшие поперек, разрушил эти препятствия - особенно учитывая, что в прежние времена течение не было просто постоянным давлением, сюда регулярно приходили волны от Моллюска. И что теперешняя последняя волна, уже вызвавшая прорыв запруды выше по течению, также поможет прочистить дальнейший путь.

Вооруженный всей этой логикой и тяжелым веслом, я ждал приближения города. Сперва я поработал веслом, создавая скорость, чтобы Кэролайн за штурвалом, получившая от меня компас, смогла вывести яхту на выглядевший наиболее безопасным курс - строго на юг (улицы равнинных городов той эпохи обычно ориентировались по сторонам света), слева от шпилей городского центра, но и достаточно далеко от левого берега, где глубина меньше и представлять угрозу могут даже невысокие дома. Затем, когда мы заняли подходящую позицию, я принялся, наоборот, грести назад, чтобы вплыть в город как можно медленней, а Кэролайн отклоняла руль, чтобы нас не разворачивало из-за того, что я работаю веслом только на левом борту. Наконец, когда мы замедлились настолько, насколько позволяли мои силы, я велел Кэролайн оставить фактически бесполезный уже штурвал и бежать на нос, чтобы оттуда высматривать угрожающие нам подводные препятствия. Сам же я перетащил весло на корму, чтобы при необходимости по ее команде резко отгребать влево или вправо.

- Вижу крыши! - крикнула Кэролайн. - Возьми левее!

Я тут же сделал мощный гребок. Яхта очень медленно двинулась влево.

- Еще! - поторопила Кэролайн.

Я снова налег на весло. Теперь яхту уже заметно разворачивало кормой влево.

- Назад! - крикнула девушка. - То есть, вправо! Выровняйся!

Я попытался провести весло под таким углом, чтобы противодействовать развороту.

- Да, где-то так! Проходим над улицей!

Теперь и я увидел, как с обеих сторон от кормы выплывают просвечивающие сквозь серую муть размытые красные и розовые пятна - черепичные крыши домов. Там, где вода сорвала черепицу, зияли темные дыры со столь же мутными краями. Кое-где проступали более четкие очертания дымовых труб, тянувшихся ближе к поверхности, но в основном они были, похоже, разрушены. Впрочем, кажется, и уцелевшие трубы не дотягивались до опасной для нас глубины - хотя я не был уверен, учитывая, что вода искажает восприятие расстояния ("рефракция", как назвала это Кэролайн). Хорошо еще, что в эпоху магов не было электричества, и, соответственно, высоких столбов с проводами, из которых вышла бы та еще ловчая сеть. Фонари той эпохи - как, впрочем, в большинстве мест и сейчас - были невысокими, чтобы не затруднять работу зажигавших их вручную фонарщиков. А башни и дворцы магов озаряло сияние волшебных сфер, ни в каких проводах не нуждавшихся... Деревья тоже не могли представлять для нас опасность - все, что могло гнить, в этой воде уже сгнило. Под нами был лишь скелет города.

Внизу проплыл перекресток, затем другой. Странное это чувство - плыть над улицей и видеть под собой крыши домов, в которых когда-то жили люди, тысячи и тысячи людей. Теперь там живут только рыбы и прочие пустошные твари. В дымоходах укрываются от хищников стаи мальков, по стенам комнат и гнилым остаткам мебели ползают, волоча свои раковины, моллюски, а в черепах былых владельцев гнездятся какие-нибудь рачки...

- Улица изгибается влево! - предупредила Кэролайн.

- Вот дерьмо! Сильно?

- Нет, градусов на десять.

Все равно ничего хорошего. Дрейфуя по течению, мы не можем плыть под углом к нему, даже если этот угол невелик. Только если постоянно подгребать веслом, но тогда яхту будет разворачивать, а тогдашние городские улицы часто были узкими, если плыть по ним боком, ширины может и не хватить. А если грести не вбок, а вперед, чтобы появилась возможность рулить штурвалом - некому будет стоять на носу, высматривая проступающие под водой препятствия. Одна надежда, что дома все-таки недостаточно высоки, и мы пройдем прямо над крышами. Я снова перебежал с тяжелым веслом на борт, чтобы максимально замедлить яхту и дать Кэролайн время измерить лотом глубину, когда нос яхты начнет наплывать на ближайшую крышу справа.

Надежда оправдалась - мы прошли с хорошим запасом. Теперь мы пересекали улицы наискосок под острым углом. Дважды Кэролайн предупреждала меня о более высоких домах, и я успевал отгрести вбок. Потом крыши слева начали становиться отчетливее - а значит, подступали ближе к поверхности. Равнина, на которой стоял город, была все-таки не абсолютно плоской, и здесь местность приподнималась, делая опасными уже и трехэтажные дома. Пришлось отгребать вправо, где, в свою очередь, уже недалеко торчали из воды шпили и даже верхние этажи высоких зданий городского центра. Но все же нам удалось, отгребая то туда, то сюда, пройти над крышами более низких домов, не запутываясь в лабиринте центральных улочек и переулков, где нам точно не хватило бы маневренности.

Наконец центр остался позади, а затем Кэролайн и вовсе заявила, что больше не видит крыш впереди. Но это еще не мог быть конец города - центр все еще оставался слишком близко. То ли здесь уже начинался район деревянной застройки, полностью разрушенной течением, то ли это был городской парк. Так или иначе, можно было расслабиться и отдохнуть, что мне, намахавшемуся тяжелым веслом, очень даже требовалось. Так что я положил весло на корму и уселся рядом, глядя в беспросветно-мутную воду. И вдруг Кэролайн истошно завопила: "Майк, меч!"

Я не стал уточнять, какой еще, к свиньям собачьим, меч и в своем ли она уме. Поскольку команды "влево!" или "вправо!" не поступило, я схватил весло и что есть силы рванул на нос.

Кэролайн стояла там, тыча пальцем в воду уже куда-то совсем рядом с носом. Уже на бегу я понял, почему она не скомандовала маневр - она, как и я, успела уже приноровиться к неспешной реакции нашей посудины на гребки и скорее даже интуитивно, чем сознательно, поняла, что на таком расстоянии от опасности гребок что влево, что вправо лишь развернет корму, а нос все равно врежется в препятствие либо одной, либо другой стороной. И, подбежав к ней, я увидел это препятствие. Не крыша, не дымоход, не шпиль, под которыми все равно можно было различить смутные очертания здания и заметить угрозу раньше - это был, действительно, исполинский мать-его-меч, торчавший вертикально вверх и не достававший острием до поверхности воды какой-то пары футов! Просто идеальная хреновина, чтобы распороть нам борт и отправить нас на дно!

Все, что я еще успевал - это упасть на колени, чтобы дотянуться до него веслом, и упереться концом весла в его плоскую боковую грань. "Помогай!" - крикнул я Кэролайн. Вдвоем мы навалились на весло, отталкивая яхту - которая при этом норовила развернуться и наехать на бронзовое лезвие если не самым носом, то дальнейшей частью борта. Нам пришлось, елозя коленями, отползать назад по носовой надстройке - а потом надстройка кончилась, и нам пришлось спрыгивать на центральную часть палубы. Пусть это и было с высоты всего два фута, на это ушла пара секунд - выпрямиться, спрыгнуть, вновь навалиться на весло - за которые течение снова поднесло яхту вплотную к мечу, зажимая весло между ним и бортом. Мы, вместо того, чтобы толкать, теперь потянули, наваливаясь на задний конец весла, как на рычаг. Послышался скрип и хруст, и весло проломило фальшборт. Я думал, что следом сломается оно само, но вместо этого меч вдруг накренился и безмолвно ушел в мутную глубину. Нас протащило боком над тем местом, откуда он только что торчал, но теперь там была только вода.

- Хренов памятник, - выдохнул я, утирая рукавом потное лицо. - Похоже, мы его доломали - если не весь, то по крайней мере руку с мечом.

- Кому он был, интересно? - Кэролайн уже овладело ее неизменное любопытство.

- Какому-то магу, кому еще могли ставить памятники в ту эпоху? Ну то есть иногда ставили деятелям искусства, но не такие большие, и их уж точно не изображали с мечами.

- А магов разве изображали? Я думала, их основным оружием были посохи.

- Всего-то полвека прошло, а люди уже судят о магах по детским книжкам той эпохи, - проворчал я. - Это там их изображали в образе доброго мудрого дедушки с посохом. Ну понятно, сейчас те времена помнят уже практически только те, кто тогда были детьми... На самом деле маги и выглядели, и одевались как обычные люди своего времени - ну то есть не обычные, а очень богатые и могущественные, само собой. Возраста они были самого разного, ихние способности начинали проявляться еще в детстве, они ведь наследуются, но и в старости они оставались крепкими и здоровыми, да и пешком особо не ходили, потому в посохах не нуждались. Дурацких высоких шляп и длинных бород они, кстати, тоже не носили ни в каком возрасте. А в качестве оружия, концентрирующего и направляющего магическую силу, годился любой длинномерный предмет - совсем не обязательно громоздкий посох. Это мог быть жезл, свиток, даже музыкальный инструмент - или, само собой, меч. Я просто навидался памятников им в Мертвых городах, кое-где даже портреты и мозаики видел... Этот, видимо, был кому-то из магов-воителей, очищавших наш континент от его прежних владельцев - тех, чья магия строилась на человеческих жертвоприношениях.

Мы вытащили весло из воды и осмотрели его. На нем осталась щербина от меча, но, к счастью, не такая глубокая, чтобы расколоть его - все же меч статуи был не таким острым, как настоящий. После этого я, спохватившись, снова велел Кэролайн высматривать с носа новые опасности - но они, похоже, уже остались позади. Еще несколько раз мы видели под водой крыши - одинокие светлые пятна среди сплошной серой мглы - видимо, то были редкие каменные дома в районах деревянной застройки - но мы проходили на безопасном от них расстоянии и по дистанции, и по глубине. Наконец стало ясно, что город окончательно остался

позади. Мы плыли через него часа два - ведь скорость реки была, как у очень неторопливого пешехода, а город был достаточно велик и вытянут с севера на юг, так что даже районы преимущественно каменной застройки в таком темпе тянулись долго. В общем, в последний раз вытянув из воды весло, которое казалось уже свинцовым - хотя постоянное нервное напряжение этих двух часов казалось едва ли не хуже физического - я растянулся на палубе кормовой надстройки. Задачу по выволакиванию на палубу и приспособлению в качестве якоря тяжеленной чугунной рамы от пианино определенно следовало отложить часов этак на... побольше. Кэролайн уселась рядом. Я расслабленно подумал, что сейчас я как раз в подходящем состоянии, чтобы милая девушка сказала мне что-нибудь нежное и ободряющее, типа какой я молодец.

- Мы с тобой идиоты, - сказала она.

- Говори за себя, - пробурчал я.

- Пожалуй, - неожиданно кротко согласилась Кэролайн. - Ты-то не очень хорошо знаешь, что такое относительность системы отсчета. А вот мне непростительно!

- Ты о чем вообще?

- О том, что мы все время старались держать яхту носом вперед. А надо было кормой! Тогда бы мы смогли нормально ей управлять!

- Кормой вперед корабли плохо плавают и плохо управляются. Даже я это знаю.

- Так то-то и оно, что "кормой вперед" - это только в системе отсчета, связанной с берегом - или, если угодно, с домами на дне, в которой мы и рассуждали, как последние дураки. А нам важна была система отсчета, связанная с водой! В которой сама вода, соответственно, неподвижна, и "вперед" - это туда, куда смотрит нос. И мы бы... ну то есть ты бы нормально греб, а я бы нормально рулила штурвалом.

- Мы бы все равно не выгребли против течения, хоть кормой, хоть носом. Да и, в любом случае, нам нужно вниз по течению, а не вверх.

- Так все правильно! Относительно берегов мы бы все равно двигались вниз по течению, только медленней и кормой вперед. А относительно воды мы бы плыли носом вперед, и яхта слушалась бы руля. При этом с кормы я бы одновременно и высматривала препятствия впереди, то есть сзади, и крутила штурвал. Не нужен был бы впередсмотрящий на носу.

- Ага, - до меня, наконец, дошло. - Но так бы мы через город часов четыре-пять, небось, плыли. И у меня бы не хватило сил столько грести.

- Так не надо же грести все время! Только там, где надо рулить. А там, где нет опасных препятствий - просто дрейфовать, как мы и делали, только кормой вперед.

- Хмм... логично, - согласился я. - Возвращаю тебе комплимент - мы действительно идиоты оба, а не ты одна. Ну ладно, в следующих городах будем умнее, - я подложил руки под затылок.

Но ум Кэролайн уже раскочегарился, что твой локомотив, и его было не остановить.

- Вообще, дай-ка сюда карту. Нам надо оптимизировать наш маршрут. Так, чтобы минимизировать время ночных простоев. Мы не можем плыть ночью через города и каньоны, где могут быть запруды - так? Значит, надо рассчитать, где грести, а где просто дрейфовать, чтобы по возможности проходить такие места днем.

- Ты только учитывай в своих расчетах, что грести таким здоровенным веслом можно часа два подряд, не больше.

- Ничего, - оптимистично ответила девушка, - я буду тебя подменять. А ты, соответственно, меня за штурвалом.

Я напомнил ей, что неточность карты может пустить все ее расчеты псу под хвост. Но Кэролайн была так переполнена энтузиазмом, что вызвалась посчитать для разных вариантов. Эти расчеты отняли у нее кучу времени, но в итоге она пришла к выводу, что, как следует поработав веслом, мы, вероятнее всего, уложимся в семь-восемь дней (вместо тех пяти-шести,

которые вышли бы, если бы мы могли просто дрейфовать без остановок - ну и, соответственно, вместо вдвое большего срока, если просто проводить каждую ночь на якоре), причем нам поможет еще и то, что к концу этого срока луна уже будет заметно освещать наш путь в первую часть ночи. "Если мы нигде не упремся в непроходимый затор", - напомнил я. Летом я бы точно предпочел потратить несколько лишних дней, просто дрейфуя без усилий, но в преддверии холодов каждый день мог оказаться важен.

Пока Кэролайн все это высчитывала, я попытался рыбачить с борта, но клевала одна только ядовитая дрянь. Возможно, здесь, в глубоких водах на стремнине, особенно удобных для крупных тварей, другая рыба просто не выживала, что несколько уменьшило мой энтузиазм по поводу неограниченного запаса провианта во время плавания. Хотя, конечно, вдали от затопленных городов можно без опаски подойти ближе к берегу... однако пролетевший над рекой языкан навел меня на другую мысль. Очередную выловленную пакость, топырившую шипастые пластины наподобие воротника, пучившую круглые глаза на стебельках и щелкавшую змеиным хвостом, я бросил не обратно в воду, а на палубу подальше от того места, где сидели мы.

- Это съедобно? - недоверчиво спросила Кэролайн, проводив страшилище взглядом. Оно глухо и мокро шлепнулось на доски и перестало шевелиться.

- Для нас - нет.

- А зачем оно нам тогда?

- Приманка для языканов.

- Разве они едят рыбу? Ты же говорил - они насекомоядные.

- Где есть дохлая рыба, будут и насекомые.

- Фу! У нас же вся яхта провоняет!

- Не вся. Только кусочек палубы, который мы потом промоем водой из помпы. И для того, чтобы привлечь местную версию мух, не требуется, чтобы оно сгнило в полную слизь. Первые начнут слетаться, когда мы сами еще никакого запаха не почувствуем. Ладно, - я широко потянулся, разминая отдохнувшие после гребли руки, - пойдем делать якорь из пианино.

С чугунной рамой, на которую натягиваются струны, пришлось повозиться - она весила, как два якоря, и струны пришлось рубить топором - не столько для облегчения, сколько для того, чтобы они не перерезали якорный канат. Этих струн, кстати, оказалось неожиданно много - намного больше, чем клавиш, да и сама рама устроена настолько затейливо, что я даже затрудняюсь описать. Не прямоугольник и даже не трапеция, как я думал до того, как мы начали разбирать пианино несколько дней назад. В общем, как если бы несколько разных четырехугольников соединили вместе, а потом изогнули некоторые ихние стороны - а струны еще и натянуты туда-сюда наискосок. Чего только люди не придумают, да. Как по мне - баловство все это. Вот на гитаре или банджо всего шесть струн, а играть можно ничуть не хуже. Хотя, конечно, из гитары ни плот, ни якорь не сделаешь, что да, то да.

В общем, эту тяжеленную хреновину я (при некоторой помощи Кэролайн) отволок из салона в форпик, а там уже мы спустили канат с кабестана и вытащили ее наверх через люк. Потом по возможности аккуратно перевалили через борт и спустили под воду. Когда натяжение каната ослабло, показывая, что рама легла на грунт, мы застопорили кабестан, и яхта тут же начала тормозиться, а через некоторое время остановилась и начала постепенно разворачиваться кормой вперед. Хотя рама и не имела вгрызающихся в грунт лап, как у якоря, все же ее тяжесть делала свое дело, и ее форма все же позволяла цепляться за неровности на дне (идеально, конечно, было бы, если бы она наделась на какой-нибудь пень или столб). В общем, против сильного течения она бы, наверно, не удержала, а против того, что в Канаве - вполне. Даже если и будет постепенно сносить, то совсем чуть-чуть, решили мы. Проблема оставалась только в том, что во время плавания мы не могли оставить раму висеть за бортом, поскольку, во-первых, она могла биться о борт и повредить его, а во-вторых, это была бы удобная лестница для всякого... существа, которое пожелает влезть к нам из воды. Так что эту тяжесть нужно было при

подъеме каждый раз втаскивать на палубу носовой надстройки, а потом при спуске вручную - толкать-то кабестан не умеет - спихивать обратно, придерживая, чтоб не болталась и не била о корпус. Ну, что поделать - неудобно, но реализуемо, тем более вдвоем.

Тем временем, пока мы делали и испытывали на носу якорь, на оставленное в центральной части палубы пиршество, как я и ожидал, слетелись здоровенные зеленые мухи. Кэролайн, ясное дело, стала морщить нос, когда я указал ей на это, на что я ответил: "Не нравится - не смотри, а только языкана потом будешь с удовольствием уплетать." "Ну вот зачем ты сказал? Теперь мне воспоминание об этом зрелище будет аппетит портить", - поморщилась она. "Слушай, мы с тобой уже третий месяц в Пустошах, ты тут уже чего только не видела, включая и падаль куда побольше, и мух куда пострашнее этих, а все еще корчишь из себя салонную барышню! Мы вообще плывем на яхте с тремя трупами, если ты забыла." "Да, но на них мухи не садятся, и они к нашей еде отношения не имеют." "Готовим на камбузе рядом с ними. Ладно, если они тебе нравятся больше, чем дохлая рыба, сходи-ка к ним вниз и принеси мне клавиши от пианино."

Клавиши я употребил для очень простой цели - кидал их по одной в дохлую рыбу, заставляя мух взлетать и виться над лакомством. Языканы - не василиски, на земле не охотятся и прямо с падали насекомых не слизывают, им надо, чтобы те в воздухе кружили... В конце концов мое терпение было вознаграждено - над яхтой пролетел языкан, сделал круг, примериваясь, отлетел, развернулся, быстро снижаясь, и устремился в атаку, разевая клюв и распуская в стороны языки. Надо сказать, именно во время атаки он движется очень быстро, попасть в него трудно - ну да старина Майк Честер не вчера родился и револьвер взял в руки тоже не вчера. Грохнул выстрел, и увесистая тушка, ударившись с внутренней стороны в фальшборт, свалилась на палубу. Тонкий ручеек крови потек в шпигат.

В общем, в первый день плавания мы благополучно нашли решения всех задач, необходимых для дальнейшего сплава, и дальше оставалось только претворять их в жизнь. Хотя, конечно, есть такой анекдот - я его услышал в той самой экспедиции, ученым он очень нравился, а когда я рассказал его Кэролайн, она сказала, что это даже не анекдот, а правда жизни. Значит, надоело мышам, что их жрут койоты. Пошли они за советом к мудрому филину - совсем, говорят, нас заели, что делать? Мудрый филин подумал и говорит: "А вы отрастите себе иголки, как у дикобраза". Ну, мыши сперва обрадовались, что нашлось решение проблемы, а потом самый умный мыш говорит: "Стоп, а как нам это сделать-то?" А мудрый филин отвечает: "Мое дело - теория, а это уже вопрос практической реализации". Хотя у нас, конечно, все было не настолько плохо - мы именно что убедились на практике, что все идеи работают. И тем не менее, без неожиданностей не обошлось.

Для начала обнаружилось, что яхта все-таки протекает. На второе утро плавания в форпике уже плескалась лужа. Мы не могли заделать течь - мы даже не могли понять, где именно протекает - но она была небольшой (и хуже, по счастью, не становилась), так что достаточно было раз в сутки чуть-чуть поработать помпой. Карта оказалась еще более неточной по поводу извивов и формы берегов Канавы, чем я ожидал. Попытки Кэролайн грести вместо меня оказались не очень успешными - она с энтузиазмом бралась за дело, но силенок долго выдерживать нужный темп ей не хватало, и яхта слишком вяло слушалась руля. Идея прохождения городов задом наперед, впрочем, сработала безупречно (особенно когда на весле стоял я) - мы даже могли позволить себе подплывать поближе к торчавшим из воды верхушкам высоких зданий, разглядывая из любопытства шпили и купола, нередко украшенные всякими каменными завитками и даже целыми статуями (некоторые мелкие детали, должно быть, были плохо видны с земли, так что было даже непонятно, ради чего старались скульпторы и резчики - как будто они предвидели, что когда-нибудь все это великолепие будет затоплено, и то, что некогда было в вышине, будут разглядывать сверху вниз проплывающие мимо путешественники). В то же время, от прогалин потенциальных площадей, где можно было

напороться на очередной памятник, мы держались подальше. В одном из городов Кэролайн даже предложила остановиться на ночь, пришвартовавшись к удобно торчавшему из воды шпилю, но я по кратком размышлении отверг эту идею. Не стоит оставаться в Мертвых городах на ночь, даже в затопленных. Все по той же причине, не связанной, разумеется, ни с какими суевериями - неизвестно, кто может теперь обитать в развалинах, и не захотят ли они забраться к нам по канату.

В любом случае, через города и сдавливающие реку каньоны нельзя было плыть без хорошей видимости - а эта видимость, как оказалось, могла пропадать не только ночью, что окончательно похоронило все точные расчеты Кэролайн. На четвертый день мы вынуждены были бросить якорь среди дня из-за начавшего стремительно сгущаться тумана. Я даже не берусь сказать, был это обычный туман (что скорее всего) или Тот Самый туман. Мы просто спустили раму-якорь, задраили люки и сидели внутри, пока за иллюминаторами снова не развиднелось. При этом, пока там было еще сплошное непроглядное марево, в какой-то момент мы ощутили толчки, затем сверху донесся треск, и яхта стала покачиваться. "Что это?" - воскликнула Кэролайн. "Не знаю, - ответил я, - но точно не течение". "И что делать?!" "Ждать, - пожал плечами я. - Что еще мы можем?" Через пару минут напряженной тишины сверху донеслись протяжные влажные звуки, словно по палубе волокли большой мокрый мешок... несколько больших мокрых мешков. Кэролайн, кажется, даже не отдавая себе в этом отчета, вцепилась в мою руку так, что потом остались синяки. Ну понятно - неизвестное и невидимое пугает больше всего, особенно когда ты не на твердой почве, как это было в доме на болотах, а на воде, и твое убежище ходит ходуном под тяжестью этого самого. Мне, прямо скажем, тоже было не по себе, особенно учитывая, что весь мой предыдущий бэдлэндерский опыт был сухопутным. Потом снова затрещало, и раздался громкий плюх с другого борта, яхта качнулась сильнее прежнего, но затем успокоилась. Когда туман развеялся, и мы выбрались наверх, то увидели, что фальшборт частично разломан с обеих сторон, а поперек палубы тянутся широкие полосы слизи. Добраться до проходов внутрь на носу или на корме оно не попыталось, и я даже сомневаюсь, что смогло бы туда протиснуться - хотя, конечно, это не гарантировано от просунутого внутрь щупальца. "А ты говоришь, по морю плавать, - проворчал я Кэролайн. - Тут на реках вон чего творится..." Впрочем, это было ясно и раньше - один Моллюск чего стоил.

Тем не менее, мы продолжали плавание, не поддаваясь искушению пристать к выглядевшему чрезвычайно уныло и безжизненно левому берегу, и, надо сказать, не все сюрпризы в этом плавании были неприятны. Так, рыбалка все же периодически приносила улов, съедобный для нас, а не только для мух, так что патроны приходилось тратить не каждый день. Впрочем, помимо рыб, что там вообще только не клевало - черви в пару футов длиной с зубами на обоих концах (уж и не знаю, служили им задние зубы для еды или для самообороны), здоровенные лягушки с жабрами и со щупальцами вместо лап, раки, у которых клешнями были все конечности, а не только передняя пара... даже какие-то спутанные пучки водорослей, которые, однако, весьма резво ползали по палубе. Несколько раз добыча обрывала леску, и я так и не узнал, что это было - к счастью, у меня был с собой достаточный запас рыболовных принадлежностей, благо они, как я уже говорил, не занимают много места и веса. Понятно, ели мы только то, в чьей съедобности я был уверен, а остальное шло на корм мухам, ну и на приманку для следующего улова. Однажды, впрочем, когда я уже целился в заходившего в атаку на мух языкана, из воды вдруг выскочило нечто длинное, темное, бутылкообразное (если вы когда-нибудь видели бутылку высотой в три ярда) и попыталось его схватить. Языкан, надо отдать ему должное, увернулся (спасаясь, таким образом, сразу от двух смертей), а разочарованная тварь шумно рухнула обратно в воду. Поднятая ей волна заставила яхту качнуться.

В местах, где река сужалась, мы неоднократно видели, как вода пенится возле остатков мусорных запруд, но, к счастью, проход посередине всегда был свободен. Уж не знаю,

прочистила их та волна, что сняла яхту с мели, или так было и раньше. Течение там ускорялось, а в одном месте сужение тянулось на добрый десяток миль, на протяжении которых нас весьма резво несло между отвесными стенами мрачного ущелья, периодически покачивая на каких-то водяных неровностях, возможно - вызванных близостью подводных препятствий. Хотя это и приближало нас к цели, удовольствия эта гонка мне отнюдь не доставляла - на такой скорости противостоять течению мы не могли вообще никак (даже наш вариант якоря не удержал бы нас), а любой удар о неподвижный предмет точно проломил бы нам корпус и отправил на дно. Опасность усугублялась еще и тем, что, даже если бы нам удалось добраться живыми до берега (не столь уж далекого в этом узком месте), выбраться на отвесный обрыв мы бы не смогли. В общем, это были не самые приятные два часа даже в моей богатой приключениями жизни - я ненавижу не опасность, а чувство беспомощности перед ней, когда тебя просто несет стихия, и ты ничего не можешь поделать, только ждать, пронесет или нет. Но, к счастью, все обошлось, и мы снова выплыли на широкое место, где и заночевали. Позже мы еще пару раз, наоборот, в широких местах проходили через пороги, протянувшиеся по всей ширине реки, но в большинстве мест остававшиеся под водой глубже нашей осадки; первый из них мы прошли днем, заметив его лишь по легкому покачиванию, а перед вторым поспешно бросили якорь уже в сумерках, заслышав впереди шум воды.

Поскольку все эти события разрушили так старательно просчитанные графики Кэролайн, мы практически отказались от идеи грести днем, чтобы успевать проскакивать опасные места до темноты и дрейфовать ночью по сравнительно безопасным. На весло мы налегали, только если очередной город был уже рядом и было ясно, что мы успеем пройти его до темноты - а вот от идеи проскакивать на ночь глядя каньоны я отказался, поскольку было заранее неизвестно, какой длины он окажется, и безопаснее было встать на якорь до утра там, где течение еще небыстрое и наша рама будет держать. В остальное время мы просто дрейфовали, пока было хоть что-то видно, а с заходом луны (с каждым днем светившей все ярче и дольше - ночи, кстати, стояли ясные, как на заказ) мы бросали якорь. Вдали от мест, требовавших нашей совместной работы, мы во время дрейфа несли поочередные двухчасовые вахты, наблюдая за рекой, а во время стоянок ночью или в тумане просто запирались внизу. Иногда потом, поднявшись на палубу, мы обнаруживали там следы ночных визитеров в виде кусочков чешуи, каких-то длинных липких черных перьев (явно не языканьих) или, хуже того, куч помета, которые смывали водой из помпы. А поднимая по утрам (или после тумана) раму, мы нередко обнаруживали прицепившихся к ней моллюсков (и как только они умудрялись держаться на металлической поверхности?) или водоросли, оплетавшие ее наподобие лиан, а однажды рама оказалась облеплена какой-то бурой икрой, пробовать которую мы, естественно, не рискнули.

В общем, со всеми этими задержками (но и с некоторыми ускорениями на быстрых участках) мы плыли восемь дней и все еще не достигли той крайней восточной точки, к которой я стремился. Однако оставалось до нее уже немного, и, спуская вместе с Кэролайн якорь с заходом луны (уже в четвертом часу пополуночи), я был уверен, что мы доберемся до цели еще до вечера следующего дня. Рама уже привычно застопорила наш ход, течение плавно развернуло яхту кормой вперед, и мы пошли спать в кубрик.

Разбудили нас не мои часы, механические или внутренние, позволяющие мне просыпаться тогда, когда я себе назначу, и не брезжущий рассвет (за иллюминаторами все еще было темно) - а рывок, заставивший яхту клюнуть носом с одновременным креном влево. Первой мыслью в моем еще не проснувшимся мозгу было, что в нас врезалось что-то большое и тяжелое, какое-нибудь дрейфующее по течению бревно - за все время мы ни разу не видели таких плывущих бревен, но теоретически такая опасность была. Но я тут же сообразил, что это был не удар, а именно рывок, причем достаточно мягкий. Нас словно дернули назад и вниз за якорный канат. Хотя - почему "словно"? Очевидно, именно так оно и было.

- Что это? - воскликнула в темноте Кэролайн. Яхта снова качнулась от нового рывка, и

девушка исправила формулировку на более точную: - Кто это?

- Без понятия, - ответил я, спуская ноги на пол, - но оно мне уже не нравится.

- Оно может нас опрокинуть? - требовательно спросила Кэролайн.

- Если через нос, то вряд ли. А если через борт, то не знаю. Особенно если оно вылезет на палубу, что оно, по-моему, пытается сделать, - яхту снова рывком потянули, словно рыбак, подсекающий рыбу - вот только тут, похоже, все было наоборот. Судя по силе рывков, тварь была явно крупнее той, что перелезала через яхту во время тумана, не говоря уже о прочих наших "гостях", чьи визиты вообще не в силах были нас разбудить.

- Да, - согласилась Кэролайн, - если оно вылезет, мы получим высокий асимметричный центр тяжести. А если окажется, что его вес без выталкивающей силы воды вообще превышает нашу грузоподъемность...

Я не слушал, как это звучит с точки зрения физики - тем паче что мне и самому это все уже было понятно - а уже, не тратя времени на возню с сапогами, бежал босиком в форпик. До сих пор при всех явлениях речных тварей мы отсиживались внутри, но сейчас это, похоже, была не лучшая стратегия.

- Что ты собираешься делать? - крикнула Кэролайн мне вслед. - Стрелять в него?

- Не думаю, что это поможет, - пробурчал я, шаря в темноте по стенам форпика. Где-то здесь висел топор на длинной ручке, намного крупнее того, что у меня в рюкзаке... ага, вот он. - Бери фонарь и давай за мной! - я полез наверх по почти вертикальной лесенке, которая проседала и качалась под каждым моим шагом, словно я вдруг стал весить тонну. Но дело было, понятно, не в моем весе, а в том, что одновременно со мной на нос яхты поднимался кто-то еще.

К счастью, мой путь был короче, поэтому я оказался наверху первым. Снаружи было довольно-таки холодно, зато небо оставалось ясным, и свет звезд позволял рассмотреть хоть что-то - впрочем, на востоке небо уже начинало светлеть, но мы стояли, развернутые носом на северо-запад, и именно оттуда - или именно туда? - тянула нас тварь. Ловя равновесие на прыгающем, как поплавок, носу, я подбежал к кабестану, чтобы расстопорить его. С первого раза в темноте и при качке мой удар обухом топора по фиксатору, прижимающему палы, пришелся мимо. Нос наклонился еще ниже. Бросив быстрый взгляд за борт, я увидел, как под черной водой - а точнее, уже над ней! - перекатываются некие гигантские желваки. Со второго удара я все же расстопорил механизм, и масса за бортом с шумным плеском осела в воду, а кабестан стал раскручиваться, что твой спиннинг (хорошо, что вымбовки были вынуты, а то бы мне точно что-нибудь ими переломало). Через несколько мгновений, когда тварь, очевидно, снова опустилась на дно, яхта мягко подняла нос из воды - и в ту же секунду что-то с силой вцепилось в мое плечо, но это была всего-навсего рука Кэролайн, старавшейся сохранить равновесие.

- Оно ушло? - спросила она с надеждой.

- Сама погляди, - я мрачно кивнул на кабестан, продолжавший крутиться в такт новым рывкам из-под воды. Ничего еще не кончилось.- Фонарь не выронила?

- Вот он. А спички?

Я вытащил их из кармана, где они лежали всегда (сапог на мне не было, но куртка, разумеется, была). Я не был уверен, способен ли огонек фонаря отпугнуть ночную тварь или, наоборот, привлечет ее, но стоило попробовать это предпоследнее средство. Тем паче что где-то за минуту тварь выбрала всю длину каната (уходившего в воду под прежним крутым углом, то есть она не уволакивала его в сторону, а просто перебирала, продолжая тянуть на себя снизу), а затем нос опять стал проседать под тяжестью поднимающейся со дна туши.

Я зажег фонарь и посветил им через борт. На тварь это, похоже, не произвело ровно никакого впечатления. Были ли у нее вообще глаза?

Ну что ж - тогда оставалось последнее средство.

- Держись, сейчас качнет! - предупредил я Кэролайн и прежде, чем тварь успела снова высунуться на поверхность, с размаху перерубил якорный канат.

Нас слегка подбросило, как на трамплине, но мы устояли на ногах. А затем яхта, подхваченная течением, медленно поплыла кормой вперед прочь от того места, где стремительно исчез в воде обрубленный конец каната. Еще пару минут мы, что называется, боялись дышать, ожидая, что что-то вцепиться в корпус снизу, но яхта продолжала свободно дрейфовать.

- Теперь лучше погаси фонарь, - опомнился я.

- Я думала, ты собираешься рубить топором эту штуку, а не канат, - сказала Кэролайн, потушив огонь.

- Проще перерубить один канат, чем кучу щупалец толщиной с меня, - проворчал я.

- Они правда были такие огромные?

- Не знаю. Я вообще не разглядел, были ли это щупальца или что-то еще. Но они были явно толще каната.

- Мы снова остались без якоря, - констатировала девушка.

- К счастью, это произошло в последний день плавания. То есть я очень на это надеюсь - насколько тут можно верить карте, ты уже убедилась. Может оказаться, что река петляет, или что там отвесные обрывы. Но, надеюсь, за целый день пути все же найдется подходящее для высадки место.

- Впереди город, - напомнила Кэролайн (видеть его мы пока что не могли).

- Да, последний на нашем пути.

- Солнце успеет взойти прежде, чем мы заплывем в него?

- Не уверен, но небо должно уже достаточно посветлеть. В крайнем случае, замедлимся, гребя против течения.

Когда мы приблизились к месту, где до Войны был город, в предрассветных сумерках над водой не виднелось никаких шпилей, флюгеров и иных препятствий, к каким мы уже привыкли за время плавания по Канаве. Полагая, что все еще слишком темно и их просто не видно, я и в самом деле налег на весло, стараясь замедлить насколько возможно наше приближение. Как выяснилось - старался я зря. Над водой действительно не было ни одного шпиля или верхушки башни. Как и под водой не было ни одной крыши. Ну то есть, конечно, сквозь мутную воду Канавы даже на стремнине ничего не разглядеть глубже нескольких футов, но во всех предыдущих городах нам этого хватало, чтобы увидеть целые улицы, а не то что хотя бы один дом. Здесь - ничего, кроме серой мути. В нескольких местах Кэролайн опускала лот, и он тоже не зацепил ничего, кроме дна на обычной глубине около сорока футов. И это не было ошибкой карты, четко обозначавшей довоенные очертания. Город исчез, уничтоженный аж дважды - второй раз уже после затопления. Была ли причастна к этому тварь, пытавшаяся не то вылезти к нам, не то затащить нас к себе, или ее сородичи? Понятия не имею.

Мои опасения насчет высадки также не оправдались. В третьем часу пополудни течение, наконец, донесло нас туда, где Канава, достигнув самой восточной своей точки, круто поворачивает обратно к западу - и отвесной стены там не было. Горы начинались за этим поворотом (ну как горы - крутые каменные холмы высотой в несколько сот ярдов), а вот на нем самом берег был вполне пологий, и нам оставалось лишь поработать веслом и рулем, чтобы продолжить путь по прямой там, где река заворачивала, пока яхта не уткнулась в дно в десятке ярдов от уреза воды.

Предвидя отсутствие деревьев - хоть живых, хоть засохших - на нашем дальнейшем пути, я в последний раз спустился на камбуз, чтобы забрать из угольного ящика, все еще полного почти наполовину, столько угля, сколько смогу нести - но это было совсем немного, учитывая всю прочую поклажу. Я вспомнил, как мы катили тачку от угольной шахты, и подумал, как хорошо было бы приделать к этому ящику колесо и ручки. Тут же я сообразил, что это вовсе не пустая мечта - на роль колес, пусть и небольших, вполне сгодятся шкивы от талей, а ручки можно сделать из вымбовок... но как прикрепить все это к металлическому ящику, не имея

инструмента, чтобы сверлить в нем дырки?

- О чем задумался? - спросила Кэролайн, глядя на меня, застывшего над ящиком.

Я поделился своими мыслями.

- Рундуки! - тут же воскликнула она, а затем вновь самокритично обозвала себя идиоткой за то, что не подумала об этом раньше.

Действительно, осмотрев рундуки в первый же день нашего проникновения внутрь яхты и не найдя там ничего полезного, мы как-то забыли об ихнем существовании - несмотря на то, что на всем протяжении плавания спали, можно сказать, прямо на них. А вот в ихние достаточно тонкие деревянные стенки уже вполне реально было, вставляя топор в шлиц, вкрутить здоровенные шурупы, которыми некогда чугунная рама пианино крепилась к задней стенке (в свое время я намучился, выкручивая их все, но не стал выбрасывать их за борт - и не зря!) Неподвижных шкивов с осью закрепленной в конструкции, которую можно было прикрутить ко дну рундука, у нас было шесть, и мы решили сделать сразу две трехколесных тележки (два колеса спереди, одно сзади). Привинтить вымбовку, провернув через нее шуруп насквозь, было нереально, но я проковырял ножом пазы, которые позволили зажать ручки шурупами с боков под нужным углом. Когда, наконец, все было готово, мы покатали груженые тележки по палубе и убедились, что они не разваливаются.

Само собой, я сказал Кэролайн, чтоб она не возлагала на них слишком уж больших надежд. Нам предстоит идти уже не по сравнительно ровной поверхности Бампа и уж тем более не по мощеному тракту, так что до караванной дороги мы эти тележки не докатим - их наверняка придется бросить где-то по пути, преодолевая крутые склоны. И даже до этих склонов мы намучаемся, катя груженые тележки на маленьких колесах по песку и гравию. (Я таки вырубил большим топором несколько досок из палубного настила, чтобы тоже уложить их в тележки и подкладывать под колеса в трудных местах, а потом, возможно, сжечь, если уголь к этому времени уже закончится.) И все же теперь мы могли взять с собой не только весь оставшийся уголь, но и изрядный запас воды, заполнив ею имевшийся на камбузе бочонок - что надолго снимало одну из главных проблем путешествия в восточных областях Пустошей. После чего мы принялись кипятить воду и заполнять этот бочонок.

Когда мы со всем этим закончили, день уже клонился к вечеру, и я принял решение в последний раз заночевать на "Присцилле", а в путь выступить рано утром. На сей раз никакие монстры не беспокоили нас ночью (для них тут было слишком мелко), и с первыми лучами солнца мы вместе с нашими тележками спустились в обжигающе холодную даже сквозь одежду осеннюю воду (в местном озере, окажись здесь такое, она была бы теплее, но река несла ее с севера). Тележки при этом были нагружены так, чтобы плавать, а не тонуть, так что пришлось совершить пару ходок туда-сюда, чтобы перевезти весь груз (больше всего возни было с тем, чтобы спускать их, нагруженные, с борта в воду, поскольку тали, которые могли бы облегчить этот процесс, мы уже раздербанили). В принципе, этот десяток ярдов вброд от носа яхты до уреза воды и обратно меня тоже несколько нервировал, но и тут все обошлось благополучно.

Итак, мы окончательно выбрались на берег, покрытый хрустевшей под ногами галькой. Колеса ехали по ней не очень охотно (хотя и, очевидно, лучше, чем по сухому песку), но я надеялся, что за пределами речных наносов почва станет более твердой. Кое-где среди этих серых камешков сверкало на солнце нечто, похожее издали на драгоценности - но это были всего лишь обкатанные водой осколки стекла, вынесенные течением из затопленных городов. Я в последний раз оглянулся на "Присциллу". Теперь, лишившись мачты, бушприта и такелажа, она имела не такой гордый вид, как когда-то, но со своим все еще крепким и хранящим былое изящество обводов корпусом чем-то напоминала разорившуюся аристократку, старающуюся по-прежнему держаться с достоинством. Смешно, но после всех усилий, которые мы в нее вложили, мне было жалко бросать ее. Когда-то кто-то еще воспользуется ею? Скорее всего - никто и никогда, она так и останется стоять здесь на мели, пока не рассохнется и не развалится,

или ее снова не засосет песок, теперь уже навсегда. В этих краях никто не бывает, и уж тем более - никто, движущийся с востока на запад. Даже для шарлонских дезертиров это слишком далеко к югу.

Ну а нам предстояло еще двести тридцать миль на восток (и это если по прямой!) до выхода на караванную дорогу.

Солнце, припекавшее почти по-летнему (сказывались двести миль, на которые мы сместились к югу), помогло нам согреться и высушило нашу одежду - но нельзя сказать, что дальнейшая прогулка была приятной. До конца этого дня мы катили нашу поклажу, петляя между все теми же унылыми голыми холмами, на которые насмотрелись за время пути вдоль Канавы - по сути, большими кучами камней и сухой грязи. Даже удивительно, насколько бесплодны берега реки, которая сама по себе кишит жизнью даже больше, чем хотелось бы. Там, где склоны холмов были крутыми, в них, по крайней мере, темнели круглые норы языканов, с земли казавшиеся муравьиными ходами, но пологие холмы выглядели совершенно безжизненно. Зато, правда, и мертвая почва, состоявшая в основном из сухой растрескавшейся глины, сделалась совершенно твердой, и катить по ней тележки было легко, если не считать их периодического подпрыгивания на выпиравших из глины камнях. Однако, хотя идти было в общем-то нетрудно (а после девяти дней на яхте поначалу было даже приятно размять ноги - впрочем, это удовольствие довольно быстро прошло), из-за необходимости все время обходить холмы мы, наверно, в восточном направлении продвинулись не больше чем на шесть миль.

На следующий день пути рельеф изменился. Холмы становились все более пологими и низкими и еще до полудня полностью сошли на нет. Однако не успели мы порадоваться тому, что теперь можем идти прямо, как на смену твердому каменистому грунту под ногами (и, главное, колесами) пришел песок. К счастью, не настолько рыхлый, чтобы тележки увязли в нем полностью, но катить их стало заметно труднее. Мне пришлось снова надеть рюкзак, который я до этого вез на тележке, чтобы облегчить ее, после чего мы заново перераспределили груз, снова примерно выравнивая вес тележек. Приходилось чаще останавливаться для отдыха, и к тому же идти было жарко даже в расстегнутых куртках (Кэролайн в итоге вовсе сняла свою и бросила в тележку, но я хранил верность своим незаменимым карманам). Отчасти дело было в более теплом климате, но в первую очередь виноваты были физические нагрузки. Хотя Кэролайн, как обычно, не жаловалась, я заметил, что энтузиазма у нее поубавилась, и она, надо полагать, в глубине души уже мечтала поскорее растратить припасы и бросить эту проклятую конструкцию. Однако вскоре мы получили наглядный ответ на вопрос, почему делать этого не следовало. Внезапно прямо под правым колесом тележки Кэролайн из песка вырвалось нечто, похожее не то на раскрывшийся зубастый бутон, не то на змеиную голову с четырьмя крестообразно расположенными челюстями, которые - все четыре - сомкнулись мертвой хваткой на этом самом колесе. Девушка испуганно вскрикнула - но уже в следующий момент жестом истинного бэдлэндера дернула рукоятку револьвера из кобуры. "Не трать патроны!" - крикнул я, а затем схватил за рукоять длинный топор, который тоже на всякий случай прихватил с яхты и вез на своей тележке, и рубанул под основание "бутона". Челюсти спазматически стиснулись, бессильно скрипя зубами по металлу, а затем разжались. Песок медленно темнел от крови.

Я сдвинул с места тележку Кэролайн, высвобождая колесо, а потом откатил топором в сторону отрубленную безглазую голову.

- Это могла быть твоя нога... - проворчал я.

- Оно бы прокусило ботинок? - встревоженно спросила девушка.

- Не знаю. Зубы не очень длинные, но острые. Если сжимать их с достаточной силой, то возможно, что и не только ботинок, - я отгреб топором песок, откапывая перерубленную шею. Потянув за нее рукой в перчатке, я вытащил змееподобное тело длиной около ярда. Тянуть его было неожиданно легко - необычайно гладкая чешуя скользила в песке, словно в воде. Но запах от него шел какой-то неприятно-едкий, вряд ли оно было съедобно. - М-да, - констатировал я, -

эта тварь похуже песчаных раков. Ихние норы хотя бы видно. А оно может подползти куда угодно, и сверху это незаметно.

- Ты не знал, что здесь такое водится? - поняла Кэролайн.

- Конечно, нет, иначе я бы тебя предупредил! Я говорил - в этих краях очень мало кто бывал... а еще меньше, видимо, тех, кто отсюда вернулся и смог рассказать, что видел. В общем, эта идея с тележками спасла нас не только от жажды и холода. Пока идем по песку - надо все время катить их впереди себя. Даже когда отходишь по нужде.

Некоторое время спустя мы миновали скелет существа, которое, возможно, стало жертвой такой вот песчаной змеи - но это не был предыдущий путешественник. Хотя, по правде сказать, череп здорово напоминал человеческий. Однако длинное, явно не предназначенное для прямохождения тело имело семь конечностей - непарная располагалась на месте хвоста, но по своему строению это была типичная нога пальцеходящего животного, и даже с рудиментарными фалангами на конце. Я подумал, что при жизни эта тварь обладала уникальной способностью давать пинка сама себе.

Тем временем местность вокруг не была сплошной плоской пустыней до горизонта. То тут, то там из песка торчали огромные камни, скорее даже - целые скалы причудливой формы, наклоненные под такими углами, словно они не были частью горных пород, выступающих из земли, а рухнули на эту землю с неба, некогда подброшенные туда чудовищной силой. Собственно, именно так оно, по всей видимости, и было. Порода, из которой они состояли, выглядела оплавленной и чудовищно перекрученной, словно скалу высокой в десяток ярдов пыталась отжать совсем уже невообразимых размеров прачка.

Песчаные змеи еще трижды атаковали наши колеса (всякий раз с печальным для себя результатом), а в небе с хриплым карканьем носилось нечто, больше всего похожее на куски рваной тряпки. Я не знаю, как можно летать, имея настолько бесформенные крылья, но у этих тварей как-то получалось. Впрочем, впечатление было такое, словно они не летают и даже не парят по собственной воле, а их просто носит туда-сюда ветер. Вдали пару раз показывались какие-то тонконогие существа с длинными торчащими вверх рогами - впрочем, с тем же успехом это могли быть уши или даже щупальца. Они убегали быстрее, чем я успевал разглядеть их в бинокль, и уж тем более, понятно, не подпускали на дистанцию выстрела. Впрочем, пока что у нас было достаточно копченостей (рыба и мясо языканов), чтобы не думать об охоте.

Под вечер мы вышли к краю огромной, диаметром около трех миль, воронки в песке. Она выглядела не как простая котловина и даже не как кратер от чудовищного взрыва, а именно как воронка застывшего, затвердевшего водоворота - до сих пор еще можно было разглядеть, как закручивались песчаные волны, словно находившийся здесь, согласно довоенным картам, город просто всосало под землю. И оттуда, из глубины, доносился непрерывный шипящий шорох. Осторожно подойдя к краю воронки, я, конечно, не мог различить, что творится там внизу - до дна, с учетом диаметра и глубины, было не меньше двух миль - но даже с такого расстояния заметно было некое шевеление. Поднеся к глазам бинокль, я понял, что это такое. Все дно воронки заполняли змеи - несчетные тысячи песчаных змей, кишащих гигантским клубком. Собственно, дна как такого видно не было - только эта сплошная шевелящаяся масса, которая, казалось, уходила пол землю на неизвестно какую глубину.

Пока мы, толкая свои тележки по песку, обошли эту огромную воронку, уже начало темнеть, но мы продолжали шагать и при луне, стараясь уйти гораздо дальше, прежде чем делать привал. К счастью, в конце концов нам попался торчавший из песка большой камень, на котором мы и заночевали, уверенные, что во время сна никто не подползет к нам снизу.

Еще два дня мы брели по песку, проходя с нашими тележками всего по пять-шесть миль в день. На второй из этих дней - то есть четвертый нашего пути на восток от Канавы - нам пришлось переправляться через русло высохшей реки, когда-то бывшей притоком Грэйт Ривер. Теперь вместо воды его заполнял песок - сухой и мелкий, в котором вязли даже наши ноги, не

говоря уже про колеса тележек, которые можно было катить, только все время подкладывая доски. Хотя мы, конечно, пересекали приток по кратчайшему пути, перпендикулярно берегам - то есть на юго-восток, а не на восток - это все равно заняло у нас почти два часа. Из середины этого песка вертикально вверх торчала, отбрасывая черную дырявую тень, единственная секция моста; все ее металлические фермы были перекручены и чуть ли не завязаны узлами.

Но, по крайней мере, в этом рыхлом песке нас не попытались атаковать никакие твари, а на другом берегу на смену песку пришел твердый камень, ровный и удобный для колес. Вот только теперь тележки надо было катить в гору. Собственно, вся каменная плита, бывшая некогда основой левого берега притока - или, по крайней мере, изрядная ее часть длиной, если верить карте, более сотни миль - вздыбилась, накренившись под углом около пяти градусов, а почва, некогда покрывавшая ее, стала сухим песком, который стек в бывшую реку. Не такой уж и крутой наклон (тем паче что теперь мы снова шли на восток, то есть наискосок к склону), если идти налегке - да и с грузом поначалу тоже, но это поначалу. Худо было то, что наши тележки не имели тормозов, поэтому во время отдыха их нельзя было просто поставить - даже если развернуть их перпендикулярно склону, не было гарантии, что они не покатятся вниз из-за какой-нибудь неровности или несимметричности, так что приходилось подпирать их собой. Наконец на закате мы, уже совершенно выбившиеся из сил после всего этого дня, дотолкали их до самого верха и завалили набок, чтобы они уже точно никуда не уехали. Заночевали мы, соответственно, на краю почти отвесной кручи (как уже могли сообразить математические гении, 90-5=85 градусов) в две сотни ярдов высотой. Если верить карте, спуск с нее существовал дальше к северу, но это нам предстояло проверить уже на следующий день.

Окончательно удостоверившись, что ни тележки, ни частично выгруженное из них содержимое (особенно бочонок с водой) не скатятся вниз, я с наслаждением растянулся на одеяле (которое, кстати, в итоге благополучно высохло, расстеленное под солнцем на палубе яхты, но все еще слегка сохраняло речной запах). Кэролайн отошла в свою очередь дальше вдоль обрыва понятно по каким делам. И вдруг я услышал ее взволнованный голос: "Майк! Там город!"

- Нет здесь никаких городов, - зевнул я. - То есть неподалеку был один, но от него даже развалин не осталось, - это я уже знал не только по минусу на карте, но и по тому, что лично успел разглядеть с края обрыва.

- Да нет же! Вон, на горизонте! И... это очень странный город. Он весь состоит из высоченных башен! По-моему, таких даже при магах не строили!

- Это скалы, - снисходительно пояснил я. - Там дальше действительно начинаются очень необычные скалы, похожие на башни, и нам еще предстоит между ними блуждать...

- Да нет же! Майк, ну посмотри сам, у тебя же бинокль!

- Ладно, ладно, - проворчал я. - Надеюсь, ты уже натянула штаны.

Кэролайн стояла на краю обрыва и указывала куда-то на северо-восток. Сидя на одеяле, я видел только верхний край каменной плиты, поэтому поднялся и подошел к ней.

И действительно увидел сквозь дрожащую над пустыней дымку у самого горизонта плотный ряд необычайно высоких башен - ихние подножия были уже в тени, но выше они ярко сияли в последних лучах заходящего солнца. Если это и в самом деле были творения человеческих рук, в них должны были быть десятки этажей, в некоторых, возможно, даже больше сотни - раз в десять больше, чем в самой высокой из башен магов. Я поспешно поднес бинокль к глазам, но, сколько я ни подкручивал окуляры, картинка не становилась четче - дымка мешала разглядеть детали.

- Выходит, это все-таки не байки, - констатировал я.

- Ты знаешь, что это? - требовательно спросила Кэролайн.

- Блуждающий город, - ответил я. - Он же Призрачный Город. Говорят, что время от времени его видят в Пустошах, чаще всего на закате или на восходе. Всегда в разных местах и

всегда на горизонте. Но на самом деле никакого города там нет. Через несколько минут он исчезает, и если дойти туда, там нет ни малейших его следов. Лично я за двадцать пять лет в Пустошах не видел его ни разу, до сегодняшнего дня... Некоторые говорят, что это будто бы единственный город магов, переживший Войну. Что он будто бы был даже более важным, чем столица, хранилищем самого тайного из тайных знаний, и само его существование маги держали в секрете от простых смертных. И в итоге он спасся, перенесясь куда-то за границы нашей реальности, ну или на самую эту границу, из-за которой периодически и проглядывает... Но это, как ты понимаешь, полная чушь. На самом деле, раз уж это не чистая выдумка, то, очевидно, какая-то зрительная иллюзия. Быть может - мираж, показывающий какой-то из городов Старого Света. Хотя трудно поверить, что и там строили или строят сейчас такие высокие здания.

- Мираж может искажать размеры и пропорции, - ответила Кэролайн, - но это всего лишь результат отражения и преломления света на границе между слоями воздуха разной плотности. Таким образом иногда можно увидеть объекты, находившиеся в десятках миль за горизонтом - но не в тысячах. Не на другой стороне земного шара. Тем более что в Старом Свете сейчас ночь.

- Ну, значит, это еще какой-то обман зрения, усиленный игрой воображения, - пожал плечами я. - Тем паче что все видевшие описывают этот город по-разному. То есть все говорят про высокие башни, но детали не сходятся. Форма, количество, расположение этих башен, кто-то говорит, что они из камня, кто-то - что из стекла и металла, и, кроме того...

- Да дай уже мне самой посмотреть! - не выдержала Кэролайн.

Я протянул ей бинокль, но было уже поздно. Сияние далеких башен потускнело и погасло, и не только из-за зашедшего солнца. На ихнем месте снова не было ничего, кроме голой мертвой пустыни.

Кэролайн разочарованно опустила бинокль.

- И кроме того что? - спросила она.

- В смысле? А! - я вспомнил свою последнюю фразу. - Ну, некоторые будто бы видят город целым, а другие - разрушенным. И считается, что первое - счастливое предзнаменование, а второе - наоборот. Ну это-то совсем уж глупое суеверие.

- Само собой, - согласилась девушка и все же спросила: - А каким его увидел ты?

- Не знаю, - снова пожал плечами я. - Не разглядел сквозь дымку.

Она, конечно, ученый и во всякую чушь не верит еще сильнее, чем я сам, но все равно - не стоит лишний раз подрывать боевой дух товарища. Тем паче что черные провалы выбитых окон и длинные полосы копоти и в самом деле могли быть лишь игрой теней и воображения.

На рассвете мы двинулись вдоль обрыва на северо-восток (катя, само собой, тележки теперь уже перпендикулярно уклону, что тоже было не очень удобно) и примерно через три мили такого пути отыскали, наконец, обещанный картой спуск. В этом месте каменная плита раскололась не вертикально, а наискосок, образовав нечто вроде пандуса, протянувшегося под углом вдоль склона; длина его составляла что-то около 1100 ярдов, что означало вполне преодолимый даже с тележками уклон, а вот ширина... ширина была всего около двух футов, а в некоторых местах, как я убедился, тщательно изучив в бинокль весь спуск сверху донизу, сокращалась и вовсе до одного. Человек, прижимаясь к стене, пройдет, а вот тележку уже придется катить одним колесом над пропастью. Правда, радовало хотя бы то, что эту узкую тропу вроде бы нигде не пересекали трещины, вовсе непреодолимые для тележки. Однако я помнил, как Кэролайн подвернула лодыжку на похожем, но менее опасном спуске, причем спускаясь налегке. Теперь, правда, не было ни дождя, ни мокрой глины, зато камень на краю пандуса вполне мог треснуть и раскрошиться под ногой (или колесом) в самый неподходящий момент. И мне очень живо представилась картина: я, как более тяжелый, иду впереди, осторожно прощупывая дорогу, Кэролайн на мной, но камень, выдержавший было меня, все же раскалывается под ее ногой, она оступается, что на такой круче уже смертельно опасно, но в

дополнение к этому она выпускает тележку, та катится вперед и внезапно и резко бьет меня сзади под коленки... Прям аж нехорошо стало, как ясно мне это представилось. Да еще этот проклятый Блуждающий город... В суевериях что самое гнусное? Умом прекрасно понимаешь, что это чушь (даже при магах это была чушь, а уж теперь и подавно!), а на душе все равно неспокойно. Так что я честно изложил ей свои опасения, не боясь обидеть недоверием к ее ловкости и сноровке, и предложил такой план спуска - она идет первой, при этом ее тележку мы облегчаем, перенося часть груза в мою (я предлагал перенести весь, но Кэролайн возразила, что моя перегруженная тележка станет неустойчивой и будет слишком сильно давить узкими ребордами шкивов на опасный край пандуса), а сами связываемся веревкой. Кэролайн при каждом шаге - особенно правой ногой, то есть с внешней стороны тропы - тщательно прощупывает место, куда ступает, прежде чем переносить на него вес всего тела. Но если все-таки сорвется или оступится, или не сможет удержать тележку на узком участке - тут же бросает ее, думая только о собственном спасении, а не о наших припасах (которые, конечно, тоже важны, но мертвецам уголь ни к чему). Ну а я, если что, помогу ей удержаться, а в случае необходимости сам столкну свою тележку с тропы вбок, а не прямо на нее.

Так мы и начали спускаться - медленно сползая с груженными тележками по узкому карнизу над пропастью, в буквальном смысле прощупывая почву перед каждым шагом. Неприятнее всего было поначалу, когда высота была максимальной (хотя, как я уже говорил Кэролайн, падать что с двухсот ярдов, что с пятидесяти - разница невелика), а дувший вдоль склона нам в лицо ветер, казалось, так и норовил сбросить нас в пропасть (хотя на самом деле он был не такой сильный, да и тележки служили дополнительным якорем). Но по мере спуска ветер становился слабее. Ну и, конечно, участки шириной около фута, иногда тянувшиеся на несколько десятков ярдов, тоже удовольствия не доставляли - особенно, видимо, Кэролайн, шедшей первой. Но все-таки тележки, повисая одним колесом над пропастью, достаточно устойчиво держались на двух других (левом переднем и заднем), и, двигаясь маленькими осторожными шажками, к этому ощущению можно было даже притерпеться. Иногда из-под правой ноги или колеса действительно вываливался какой-нибудь камешек, но ни разу настолько крупный, чтобы это было реально опасно. Таким вот образом, потратив на эти двенадцать сотен ярдов чуть ли не три часа, мы, наконец, доползли до низу, не потеряв ни жизни, ни здоровья, ни даже груза. (И я мысленно показал Блуждающему городу средний палец, хотя, строго говоря, наше путешествие еще отнюдь не закончилось.)

Передохнув, мы двинулись дальше в направлении того самого города, от которого не осталось даже развалин. А осталось от него то, о чем я рассказывал Кэролайн еще на западном берегу Канавы - огромное, диаметром чуть ли не в десять миль, пятно расплавленной стекловидной массы. Совершенно безнадежное место в плане поиска воды, еды или топлива - но прямо идеальное, чтобы по нему идти и катить тележку. Место для ночлега это, кстати, тоже неплохое (если нет проблем с костром), ибо твари в эту стеклянную пустыню обычно не заходят, а если какая и прибежит, привлеченная запахом с расстояния в несколько миль, то ее будет хорошо видно издали и слышно цоканье когтей по стеклу. Место, где некогда в единый миг погибли десятки, а может, даже и сотни тысяч человек, было теперь одним из самых безопасных во всех Пустошах... и даже за ихними пределами.

Мы подошли к краю этой стеклянной кляксы во втором часу пополудни и зашагали к ее центру, хотя он был левее от нужного нам направления, с тем, чтобы за центром довернуть вправо - такой путь получался длиннее, но легче, чем если бы прошли по краешку и снова сошли на песок.

Единственным недостатком этой части пути - с учетом все еще остававшихся у нас припасов - была исключительная скучность пейзажа. В самом деле, когда вокруг, куда ни посмотри, одна только ровная плоскость мутного стекла и больше совершенно ничего - даже на небе, как назло, не было ни единого вносящего разнообразия облачка - это не особо веселит и

даже наводит на странные мысли типа а туда ли ты идешь (несмотря на солнце и компас) и даже идешь ли ты куда-нибудь вообще или просто топчешься на месте, и будешь так топтаться вечно. Я уже упоминал о подобном ощущении на солончаковых болотах, но там пейзаж хоть как-то меняется, а здесь иллюзия со временем становится ну очень сильной. При магах, кстати, подобные шуточки были вполне возможны - говорят, они практиковали такое наказание, когда приговоренного помешали в комнату без всяких там кандалов и решеток, даже с открытой дверью, вот только дойти до этой двери (или хотя бы до любой из стен) он не мог, сколько бы ни шел. Но сейчас, конечно, такое издевательство исключено. Когда я поделился этими мыслями с Кэролайн, она ответила, что, если одна из идей ее отца верна, время может течь с разной скоростью, причем без всякой магии. И можно даже представить себе условия, при которых на преодоление конечного расстояния может потребоваться бесконечное время. Я, само собой, выразил недоверие.

- Чтобы не углубляться в физические дебри, которые пока что, по правде, только гипотеза - вот простейший, чисто математический пример, - ответила Кэролайн своим лекторским тоном. - Если делать каждый шаг вдвое короче предыдущего, то расстояние в два первоначальных шага не будет пройдено никогда. К нему можно будет лишь бесконечно приближаться, но никогда не достигнуть - и уж тем более никогда не получится его превзойти. Ну то есть на практике, конечно, невозможно уменьшать длину шага до бесконечности, но математически так.

- Не может быть, - не поверил я. - Ведь каждый шаг, каким бы маленьким он ни был, все равно больше нуля - так? Значит, ихняя сумма рано или поздно должна превзойти любое конечное число. Хоть через миллион лет, но должна.

- Ни через миллион, ни через миллиард миллиардов. Никогда. На самом деле, Майк, ты в неплохой компании. Многие философы древности думали так же. То, что сумма бесконечного числа бесконечно малых или бесконечно уменьшающихся величин может быть конечным числом - это, наверно, одно из величайших открытий в истории математики. Хотя это очень просто доказывается через исчисление пределов. Но для этого надо было додуматься до самой концепции пределов.

За этой высокоученой дискуссией я даже как-то отвлекся от наблюдения за дорогой (заведомо зная, что ничего не то что опасного, а хотя бы нового там не увижу) - и вдруг, в очередной раз бросив машинальный взгляд вперед, удивленно заморгал. На миг у меня даже мелькнула мысль, что мое воображение, устав от бесконечной унылости и однообразия пейзажа, решило разнообразить его собственными силами. Но нет, эта штука настойчиво оставалась там впереди, застывшая посреди бескрайнего пустого и гладкого стеклянного поля. Она не походила ни на тварь, ни на упавший сверху камень, ни на каким-то чудом уцелевший в самом центре пекла обломок. Хотя, конечно, не всякая тварь походит на тварь - достаточно вспомнить "джека", который построил дом. Но устраивать засаду здесь? На кого?! Любой хищник давно бы помер с голоду.

Я отпустил ручки тележки и поднес к глазам бинокль. Больше всего эта штука походила на... куль муки. Сравнение было настолько неуместным, что я сам же хихикнул, но ничего лучше не пришло мне в голову. Я протянул бинокль Кэролайн:

- Ты тоже это видишь?

- Похоже на какой-то мешок, - констатировала она. - Не знаю, что он здесь делает, но вряд ли это мираж.

Через полчаса мы дошли до этой штуки. Это действительно был самый обычный, мать его, мешок из грубой мешковины, с горловиной, затянутой веревкой. Мирно стоящий себе прямо посреди стеклянной пустыни, оставшейся от мертвого города, где не уцелел ни камень, ни металл, в самой глухой части Пустошей, за многие сотни миль в любую сторону до ближайшего человеческого жилья. Даже если представить себе путешественника, добравшегося сюда (мы же добрались) - вообразить, что он, или они, приволокли бы в такую даль этот явно увесистый

мешок, с чем бы он ни был... и главное - зачем?! Чтобы просто оставить его здесь и уйти? Никаких скелетов, по крайней мере, вокруг не валялось.

Но это еще ничего не значило. Я вытащил револьвер:

- Ну-ка отойди назад на всякий случай.

- Ты собираешься в него стрелять? - удивилась Кэролайн. Ну да - она-то не видала "джека" за работой. Правда, против того пули бы не очень помогли. Но спирт у меня кончился.

- Я не знаю, что это, и не собираюсь оставлять его у себя за спиной. Если оно не живое, ему это не повредит, а если живое - это не повредит нам. Но ты на всякий случай тоже держи пушку наготове.

Я сделал несколько шагов назад, увлекая за собой Кэролайн, и выстрелил в центр мешка. Мешок не взвыл, не взревел, не бросился на нас или наутек. В нем просто появилась дырка, из которой высыпалась струйка песка. И это все.

Я подошел к нему, все еще с револьвером в одной руке и ножом в другой. Пырнул его ножом в бок и располосовал мешковину снизу вверх. Изнутри посыпалось еще больше песка. Разрезал веревку и растянул горловину. Песок. Возможно, в этом песке что-то спрятано? Золото? Драгоценности? Артефакты? Да нет, несусветная глупость прятать их таким образом в таком месте - даже если кто-то не мог унести их с собой и рассчитывал вернуться, он бы их просто закопал... Но я все же принялся кромсать мешок и расшвыривать его содержимое в стороны. Там не было ничего, кроме песка. Причем это не был песок, какого можно было сколько угодно набрать вокруг стеклянной кляксы - хотя даже в этом случае идея волочь его сюда несколько миль выглядела, мягко говоря, странной. Тот песок был серый, а этот - желтовато-белый, какой я видел в карьерах западных графств.

- Твою мать! - не сдержался я. - Кому могло понадобиться тащить мешок с песком через все Пустоши?!

- Мешок с песком, - повторила Кэролайн таким тоном, словно я подал ей невероятно свежую мысль. - Мешок с песком! - повторила она вновь уже тоном просветления. - Аэростат!

Я невольно уставился в небо. Там по-прежнему не было ни аэростатов, ни облаков, ни даже летающих и каркающих тряпок.

- Нет, его сбросили не сейчас, - нетерпеливо пояснила девушка. - Он был слишком пыльный, стоял тут уже давно. Помнишь, четыре года назад Огюстэс Дарвилль пропал без вести, пытаясь достичь восточных княжеств на воздушном шаре?

- Помню, - кивнул я. - Его искали, была объявлена награда. Даже я пытался его найти, но увы. Однако я не забирался тогда на восток от Канавы. Почему-то никто особо не верил, что ему удалось залететь так далеко - ну или просто награда была не настолько велика, чтобы слишком стараться. Его родня и поклонники собрали всего шестьсот долларов серебром, за бандитов дают больше... А ему, выходит, все-таки удалось проделать больше половины пути. Но при этом его занесло изрядно к югу, - я невольно покрутил головой по сторонам, ища другие следы крушения, но больше вокруг ничего не было.

- Аэронавты летят туда, куда их несет ветер, - продолжала пояснять Кэролайн, - но некоторые возможности управлять полетом у них есть. Ветер на разной высоте дует в разном направлении. Поэтому, когда они видят, что их несет не туда, они сбрасывают балласт и поднимаются в поисках высоты, где ветер более подходящий. Но это большой риск. Может оказаться, что там ветер еще хуже, а балласт с земли уже не подберешь. Спуститься снова можно, только выпустив часть водорода, который потом, разумеется, взять уже тоже негде. Хоть ты поднимаешься, хоть спускаешься - любое решение необратимо. Аэронавты, конечно, судят о ветре на разных высотах по движению облаков, а если облаков нет, могут запускать маленькие шары-зонды, которых, понятно, тоже всего несколько штук... в общем, все это ужасно ненадежно, поэтому аэронавтика - тупиковая ветвь, пока не будет разработан двигатель для управляемого полета. Увы, паровая машина для этого слишком тяжела - то есть даже не она

сама, а необходимое ей количество воды...

- То есть, по-твоему, он не разбился где-то здесь поблизости, - уточнил я.

- Нет, здесь он только сбросил балласт, набрал высоту и полетел дальше. Беда с ним, очевидно, случилась уже позже. Возможно, он так и не сумел уйти из полосы северного ветра, и его унесло в эти твои Комариные Болота...

- Угу, - кивнул я. - Дурак он был, этот ваш Дарвилль. Причем трижды дурак. Во-первых, потому, что вообще затеял такую опасную авантюру. В Пустошах на лошадей-то полагаться не следует, а не то что на ветер. Только на собственные ноги. Во-вторых, потому, что не взял с собой опытного бэдлэндера на случай вынужденной посадки. Хотя, возможно, ему просто все отказали - я бы, например, точно отказал, вздумай он ко мне обратиться, ибо смотри "во-первых". А в-третьих, - я пнул остатки мешка, - если уж берешь с собой что-то, что собираешься просто выкинуть, то мог бы подумать не только о себе, но и о путниках внизу. И положить в мешок что-нибудь более полезное, чем просто песок.

- Этот мешок мог бы тут еще пятьдесят лет простоять, никем не найденный. Сам говоришь - тут почти никто не бывает.

- А он что - заранее знал, что именно здесь его скинет? - парировал я. - В Пустошах не все места настолько глухие. Ну ладно, раз мистер Дарвилль ничего нам не завещал, идем дальше.

Ночевали мы все еще на стекле, а на следующее утро дошли до его конца - и оказались среди нагромождений камней. Сами по себе камни были не очень большие - максимум с половину человеческого роста, но они были свалены в большие кучи, между которыми приходилось петлять. Но напрягали меня не эти кучи, а широкие дыры у ихних оснований, уводившие вертикально или под углом в неведомые подземные глубины. Судя по всему, все эти камни были выброшены наружу именно при рытье этих нор, и мне не особо хотелось встречаться с теми, кто это сделал. Хотя диаметры нор не превышали четырех-пяти футов, револьвер может оказаться недостаточно убедительным аргументом для твари, способной зашвырнуть камень такого размера на вершину кучи высотой в нескольких ярдов. Из нор, кстати, ощутимо воняло мертвечиной. К счастью, обитатели нор, по всей видимости, не любили солнечный свет и вообще привыкли находить пищу под землей. (Среди камней, кстати, невозбранно сновали ящерицы о восьми членистых ногах, предположительно съедобные, но трудноуловимые.) Впрочем, позже меня посетила мысль, что, возможно, зловоние исходит не от останков ихних жертв, а от них самих. Что, если на них напал какой-то мор? Причины которого, впрочем - даже если это и правда - тоже вполне могли быть опасными и для человека. Будь то хоть микробы, хоть что-то покрупнее. В любом случае, ночевать вблизи этих нор я точно не собирался, так что мы приложили все усилия, чтобы выбраться из этого каменного дерьма как можно скорее. К счастью, нам удалось сделать это до заката, но мы, несмотря на усталость, продолжали шагать с тележками вперед по каменистой почве, пока окончательно не стемнело.

На следующее утро мы вышли к тем самым скалам, о которых я говорил Кэролайн, когда она увидела Блуждающий город.

Вблизи они, как оказалось, не очень походили на башни. Скорее на эти штуковины в пещерах, которые торчат снизу, как их там - сталагмиты, ага. Только в пещерах сталагмиты вырастают, потому что на них сверху капает со сталактитов. А тут сверху не было ничего, одно только небо. С которого, видимо, во время Войны и капало. Нехило так капало - так, что образовались каменные столбы высотой в пару сотен ярдов. И капала не водичка с растворенными в ней солями (спасибо Кэролайн за пояснение, что соль бывает не только в солонке), а что-то типа расплавленной магмы. Которая в норме, вообще-то, даже при самых жутких катаклизмах должна переть из-под земли, а не капать с неба - но где маги, а где норма?

Вообще на скалы я возлагал некоторые надежды. Наступил двадцать седьмой день цикла Кэролайн, так что на поиск и обустройство убежища у нас оставалось три дня. То, что в этих

краях мы не найдем никаких искусственных сооружений, пригодных для этой роли, было очевидно с самого начала. Поэтому моим планом Б (которым я, понятно, поделился с Кэролайн) было выкопать землянку (для чего я вез на тележке большую лопату с яхты), забраться внутрь, уменьшить диаметр входа до узкого лаза и завесить его брезентом, позаботившись, чтобы не оставалось достаточных для кроволюбов щелей. Но сидеть в такой норе четыре дня - удовольствие довольно сомнительное, к тому же есть опасность обвала, а надежную крепь нам сделать не из чего - поместившихся в тележках коротких досок и самих стенок рундуков явно не хватит. А если вдруг пойдет дождь, получится еще и потоп. Поэтому я надеялся, что, возможно, удастся отыскать пещеру - не целый подземный лабиринт, из глубин которого может заявиться неизвестно кто, а какой-нибудь небольшой грот, необитаемый или же с легко ликвидируемыми жильцами (и с достаточно узким входом, который можно будет заложить камнями и землей и завесить брезентом). Но, взглянув на эти скалы вблизи и поняв наиболее вероятный механизм ихнего образования, я сильно усомнился в успехах подобных поисков.

Предчувствия меня не обманули - никаких пещер среди этих скал, торчавших (так и хочется сказать - росших) где реже, где почти вплотную друг к другу, не было. Зато были потеки застывшей магмы, тянувшиеся во все стороны от оснований скал, словно узловатые корни деревьев, увеличенные в тысячу раз. Нередко такие потеки от соседних скал смыкались друг с другом, полностью перекрывая проход; перелезть через них было, в принципе, возможно, но только не с тележками. Приходилось идти в обход, петляя в этом каменном лабиринте. Но в любом случае другого пути, кроме как через этот каменный лес, не было - на юге мы бы уперлись в гигантскую трещину очередного разлома, а на севере - увязли бы в барханах.

Единственное, что было в этих скалах хорошо - там было полно змей. Ну то есть как змей - вообще-то у них были ноги, причем много, я даже не удосужился их все пересчитать. Ну то есть как ноги - костей там внутри не было (это мы вскоре выяснили), скорее, щупальца или жгутики, гибкие, но цепкие. С помощью этих ногожгутиков они, то есть змеи, очень лихо не только перебирались через лавовые потеки, но и взбирались на сами скалы. За кем они там охотились, снизу видно не было - должно быть, за кем-то достаточно липким, чтобы жить на вертикальной стене. А так, во всем остальном - змея змеей, чешуя, морда, раздвоенный язык, ядовитые клыки. На гусеницу или сколопендру, скажем, совсем не похоже. Внизу они, кстати, тоже охотились - на какую-то местную версию мышей, способную прогрызать себе норы в застывшей магме. Ну а у нас, хотя вода и уголь все еще оставались, последние копчености, приготовленные еще на яхте, как раз закончились - как я уже говорил, делать большие запасы мяса (или рыбы) не имело смысла, если коптить вот так, по-походному, то через несколько дней в тепле оно все равно начинает портиться, а солонина вызывает жажду, а лично у меня - еще и изжогу. Так что эти самые змеи нам пришлись очень кстати. Не тратя патроны, я рубил их длинным топором. Мясо у них, правда, оказалось суховатое, ну всяко питательнее, чем воздух.

В общем, целый день мы блуждали между этими скалами, змей добыли с избытком, успели их приготовить и распробовать, а вот только где искать или хотя бы копать убежище, оставалось непонятным. Не то чтобы между каменными "корнями" вовсе не было мягкой земли, но, во-первых, было неясно, сколько ее там - не хотелось потратить кучу времени и сил, чтобы в итоге упереться лопатой в сплошной камень на все еще недостаточной глубине - а во-вторых, когда я увидел, с какой легкостью змеи роют своими ножками ходы в этой самой земле, мне окончательно разонравилась такая идея. Может, оно и неплохо, когда твой обед приползает к тебе сам, но если он делает это без предупреждения, падая тебе на голову среди ночи, это уже куда менее радует, даже не будь у него при этом смертоносных ядовитых клыков. А особенно когда они есть.

Я уже решил с утра повернуть назад - это означало день пути в обратном направлении, и у нас оставался еще день, чтобы выкопать укрытие в земле перед скалами. Хотя эта идея мне тоже не нравилась - слишком уж близко там было от подземелий создателей каменных куч (кто

бы в них теперь ни обитал), но, в конце концов, одну ночь мы на том месте уже провели без каких-либо помех (правда, наверху, а не под землей), да и лучшего выхода, похоже, все равно уже не было. Кэролайн высказалась, правда, в том смысле, что она могла бы просто закопаться в землю по пояс, и этого уже должно быть достаточно для защиты от кроволюбов - в детстве, мол, она летом зарывалась в речной песок аж по горло, и это было весело - но, подумав, насколько весело сидеть так не несколько минут, а от рассвета до заката, притом, что уже не лето и, несмотря на еще теплое солнце, земля холодная, согласилась, что это так себе идея. Тем паче, неизвестно еще, что к ней в земле подползти может - даже если это будут просто муравьи или мелкие, но голодные черви...

Тем временем и солнце, похоже, решило, что двести там миль к югу или не двести, а с него хватит, вторая неделя октября на носу, имейте совесть, оно уходит в отпуск, все вопросы к тучам, они теперь вместо него. То есть погода к вечеру испортилась, задул холодный северный ветер, и я подумал, что только дождя нам и не хватало. То есть, может, нам бы его и не хватало, если бы он начался через два дня и лил четыре дня подряд - в дождь кроволюбы не летают. Но он же так не будет. Он сделает так, чтобы нам напакостить, а пользы никакой не принести. Ну, по крайней мере, мы устроились у подножия скалы в развилке лавовых "корней", надежно прикрытые ими от ветра, растянув еще сверху брезент на случай, если со скалы свалится какая-нибудь страдающая лунатизмом змея, и, поплотнее прижавшись друг к другу (ради тепла, само собой - уголь надо было экономить), заснули.

Мне снилось, что мы с Кэролайн опять на яхте, стоим в обнимку на носу и плывем в открытое море (которое я видел только на картинках), где при этом нет никаких тварей. Над нами безоблачное летнее небо, на синих волнах играют солнечные блики, а у яхты снова есть мачта, бушприт и все снасти, и парус полощется на ветру[47] над нашими головами. "Майк!" - окликает меня девушка. "Что?" - я поворачиваюсь к ней, счастливый и беззаботный, какими люди (во всяком случае, уже отметившие свой десятый день рожденья) бывают только во сне.

Но в ее голосе нет беззаботности. "Ты это слышишь?" - спрашивает она.

"Что?" - повторяю я, открывая глаза.

Лето, солнце, море, яхта исчезают. Вокруг темнота и холод. Но я по-прежнему обнимаю Кэролайн, тепло ее тела согревает мне грудь (хотя спина мерзнет), и я чувствую на лице ее дыхание, когда она говорит. И я по-прежнему слышу хлопающий звук.

- Как будто большая занавеска полощется на ветру, - говорит она. - Или большой флаг.

- Это наш тент, - бурчу я спросонья.

- Нет, он неподвижен, - я не вижу в темноте, но слышу шорох - Кэролайн в доказательство своих слов трогает растянутый над нашими головами брезент.

Я просыпаюсь окончательно и понимаю, что сморозил глупость. Брезент мог бы так трепетать разве что на ураганном ветру при незакрепленных концах. А мы по-прежнему укрыты от ветра, да и звук идет явно более издалека.

- Здесь не может быть ни занавесок, ни флагов, ни парусов, - констатировал я.

- Я знаю. Потому и разбудила тебя.

- Молодец. Правило Номер Три в действии. Давно ты это слышишь?

- Ну... с тех пор как сама проснулась. Несколько минут, наверно.

- За это время он менялся? Направление, громкость, характер?

- Нет. Я не думаю, что это что-то живое.

- Я тоже, - согласился я. Будь это, к примеру, крылья какой-нибудь твари, даже тех летающих тряпок, звук носил бы более регулярный и... активный характер.

- Пойдем посмотрим, что это! Тут явно где-то рядом.

---

[47] Майку простительно не знать (и тем более не понимать во сне), что такое поведение паруса означает, что он установлен под неправильным углом к ветру. В этом случае необходимо добрать шкот, пока парус не прекратит хлопать.

- Утром.

- Разве не лучше выяснить сейчас? И сразу снять повод для беспокойства. Тем более, луна светит.

Там, где наши ноги высовывались из-под тента, в эту минуту действительно проступил слабый свет луны, которая, вообще-то, должна была быть еще яркой, но, видимо, едва проглядывала сквозь бегущие по небу тучи. Впрочем, это не имело значения.

- Кэролайн, - строго сказал я, - чему я тебя учил? Если ночью в Пустошах ты слышишь непонятный или хотя бы неожиданный звук - ты не идешь выяснять, что это такое. И с оружием не идешь, и с фонарем не идешь, и с товарищами не идешь. Ты усиливаешь меры своей безопасности на том месте, где находишься, и откладываешь все выяснения до утра. Если утром оказывается, что объект твоего любопытства бесследно исчез - ты не огорчаешься, а радуешься.

- Потому что твари могут подражать любым звукам, - покорно повторила мои наставления Кэролайн.

- Именно. Что непонятно?

- Но если здесь десятилетиями не бывает людей, какой смысл тварям изображать звук хлопающей ткани, которого нет в дикой природе? Кого они надеются подманить таким образом?

- Кэролайн, - вздохнул я, - знаешь, в чем главная ошибка умных людей? В том, что они считают других такими же умными, как они сами. А это совершенно не так даже применительно к другим людям, а уж тем более - к тварям. Не жди от них разумного поведения. Жди от них абсолютно чего угодно, вот это и будет самая умная тактика. Кстати, - добавил я после короткой паузы, - к людям это тоже относится.

- Ладно, - покорно вздохнула она. - Тогда какие наши усиленные меры безопасности?

- Я покараулю. А ты спи. Скорее всего, опасности нет. Я думаю, что это просто какие-то затейливые трещины в скалах. Ветер, проходя сквозь них, издает такой звук, а хлопающие флаги или паруса дорисовывает уже наше воображение.

- Да? Возможно, - Кэролайн, казалось, была разочарована моей версией. - Пожалуй, это и в самом деле самое простое объяснение.

- Но рисковать мы не будем, - строго добавил я. - Тем более - ради пустого любопытства. Что бы там ни хлопало, это точно не дверь магического портала в Хинтерзееланд.

- А ты бы им воспользовался? - с усмешкой в голосе осведомилась она.

- Нет, конечно же! Тьфу, типун мне на язык, даже шутить так нельзя! - эти самые порталы, кстати, сыграли страшную роль в Последней Войне, уничтожив само понятие линий фронта, когда враги могли высаживаться в тылу друг у друга, что превратило и без того чудовищную бойню в сплошной хаос... - Все, спи! - велел я.

Что мне в Кэролайн всегда нравилось - ну, не только это, конечно, но и это тоже - так это отсутствие этих вот типичных женских терзаний "ах, я так испереживалась, теперь ни за что не смогу уснуть!" Даже после того, что она пережила в первую ночь нашего знакомства - а ведь это была реальная жуть! - она прилежно сопела в две дырки, как только получила такую возможность. Разок, правда, она высказалась в таком духе - когда волна вынесла нас в Канаву - но и то очень быстро себя опровергла. Сама она говорила, что для нее сон - это лучший способ снять стресс. Так что и теперь не прошло, наверно, и пары минут, как она уже мирно спала, заново угревшись в моих объятиях - ну а я, понятно, остался лежать с открытыми глазами и прислушиваться. Ничего нового я, однако, не услышал. Все те же звуки плещущейся на ветру материи, похоже, довольно большой. А через пару часов ветер утих, и они тоже прекратились. Я выждал для верности еще с полчаса, а потом тоже позволил себе уснуть.

Но уж с первыми же... гм, "лучами солнца" не скажешь, утро выдалось таким же хмурым, как и вечер, хотя по-прежнему без дождя - ну, в общем, едва начало светать, Кэролайн было уже не удержать. "Майк, идем смотреть, что там! Завтракать потом!" Мне было прямо непонятно такое рвение. Ну допустим даже, это не акустический эффект, как предположил я (я прямо

гордился, как научно звучала моя гипотеза), а действительно какие-то невероятным чудом уцелевшие лохмотья - что с того? Но Кэролайн уже лезла прямо через застывшую магму, не желая тратить время на поиск пути в обход (надо сказать, взбираться по этим длинным и глубоким каменным морщинам было нетрудно). Пришлось мне лезть за ней.

Как оказалось, лезла она правильно. Наша цель находилась всего-то в полусотне ярдов - столько мы не дошли до нее накануне, когда я принял решение поворачивать обратно. Впрочем, даже если бы я его и не принял, не слыша звука или не обратив внимания на него, мы бы прошли мимо. Там две скалы торчали рядом, и расходящиеся от них потеки магмы смыкались с двух сторон, полностью огораживая пространство между ними. Так что залезть или хотя бы заглянуть туда можно было, только вскарабкавшись на одну из этих "загородок". Я крикнул Кэролайн, чтобы она не прыгала внутрь, а подождала меня. Она послушалась, но судя по тому, с каким заинтересованным (но не испуганным, иначе револьвер был бы уже в ее руке) видом она застыла на лавовом "корне", я понял, что она увидела что-то позатейливей трещин в камне. Через считаные секунды я уже стоял рядом с ней.

Поначалу я даже не понял, что именно вижу. Это действительно была ткань... очень большая ткань, Она лежала, смятая крупными складками, и при этом покрывала почти все пространство, охваченное "корнями", в том числе несколько лавовых отростков поменьше внутри периметра (по всей видимости, именно там, где она свисала с них, ветер трепал ее настолько сильно, что мы слышали звук). Я как-то видел, как целый двухэтажный дом одели чехлом, чтобы окурить от термитов - так вот, она была больше, чем тот чехол. Ею, наверно, можно было бы обернуть весь особняк Харлингтонов - ну ладно, не весь, но центральную часть точно. И эта материя выглядела необычайно новой и целой - ну то есть она была припорошена пылью, но совсем не походила на истлевшие лохмотья, какие остаются (если остаются) под открытым небом от реликтов времен Войны. Она была разделена на широкие чередующиеся оранжевые и синие полосы, поверх которых, перпендикулярно этим полосам, были нанесены еще какие-то рисунки, каждый размером с хорошую комнату. Складки, пыль и положение (я видел их вверх ногами под углом) в первый момент помешали мне, несмотря на размеры, понять, что же именно там изображено - но затем я разглядел, что ближе всего ко мне находится половина герба графства Аркэндэйл (вторая, очевидно, продолжалась с другой стороны, лежавшей на земле рисунком вниз). Следом был герб Риджтауна (точнее, графства Маунтэйн Ридж), за ним - Холинбрука...

- Это воздушный шар, - сказала Кэролайн то, о чем я уже догадался и сам.

- Дарвилль? Поздравляю, мы с тобой только что заработали награду в шестьсот серебряных долларов - если только когда-нибудь удастся ее истребовать.

- Честно говоря, я так и думала, - призналась она. - Перебрав все возможные ткани, которые могли - или, скорее, не могли здесь оказаться...

- Тогда почему ты мне сразу не сказала?

- Ну, чтоб ты не поднял меня на смех, если бы моя гипотеза не подтвердилась, - смущенно усмехнулась Кэролайн. - Ученому вообще не следует высказывать свои идеи, пока они не нашли хоть какое-то подтверждение. Но ты не думай, Майк, - поспешно добавила она, - я-то тебя поднимать на смех точно не буду. Твоя гипотеза насчет ветра в щелях была очень разумной, достойной любого физика - и, по правде говоря, более вероятной, чем моя.

- Однако, недалеко же он улетел, - заметил я, возвращаясь к Дарвиллю. - Ты ведь говорила, что он не должен был упасть здесь.

- Да, сбросив такой тяжелый балласт, он должен был подняться на большую высоту, где всегда дуют быстрые ветры. Но, как видно, что-то пошло не так. Вероятно, утечка водорода. Например, он понял, что поднялся слишком высоко, приоткрыл клапан, чтобы спуститься - а тот заклинил и не закрылся... Сейчас, по крайней мере, мы ясно видим, что газа внутри не осталось совсем - хотя, возможно, за четыре года он в любом случае должен быть диффундировать... Во

всяком случае, это точно не был пожар и взрыв - на оболочке никаких следов огня.

- Оболочка, - повторил я, разглядывая распростертую внизу ткань, под которой не просматривалось никаких предметов, кроме лавовых "корней". - Пока что я вижу только ее. А где же сам Дарвилль? Ну то есть где он, я могу догадаться, но где корзина? Ее-то уж точно никакие твари сожрать не могли.

- Хм, да, - согласилась Кэролайн. - Надо осмотреть место крепления корзины к шару.

Мы спустились вниз и пошли прямо по оболочке шара. Теперь было хорошо видно, что разноцветные полосы - не просто декоративный элемент, по границам между ними были вшиты тросы, охватывавшие весь шар. Куда эти тросы сходятся, мы не видели - оболочка накрывала это место. Кэролайн торопилась туда, но я внимательно смотрел под ноги - и вдруг остановился и присел, приподнимая рукой ткань.

- Заело клапан, говоришь?

Кэролайн остановилась и развернулась ко мне. Я растянул двумя руками ткань оболочки, демонстрируя зияющие в ней круглые дыры.

- Хочешь сказать, что это следы от пуль? - помрачнела она.

- Ну, едва ли эти дырки проела моль, даже пустошная. И знаешь, что мне в них не нравится больше всего? Ихний размер. По ткани трудно сказать точно, сама понимаешь, она тянется - но это по меньшей мере пятидесятый калибр. Возможно, даже больше. Ты понимаешь, что это значит? - я для наглядности достал один из своих патронов и протащил его через отверстие. Он свободно прошел вместе с гильзой.

- У тебя сорок четвертый, и это уже круто.

- Угу. У Редвуда был сорок пятый, и это уже неудобно. А такого оружия просто не бывает. Его невозможно использовать. Оно будет слишком тяжелым, а отдача будет вывихивать кисть, если это револьвер, и выбивать плечо, если это винтовка. Причем стрельба с неподвижного штатива последнюю проблему не снимает, если только не сделать и его совершенно неподъемным.

- Тогда, может... ты только не смейся, но, может, это и правда не оружие, а пустошные твари? Птицы какие-нибудь...

- Посмотри на края этих дырок. Они идеально ровные, а значит, их пробил предмет, двигавшийся со скоростью, которая ни одному живому существу и не снилась.

- Тогда почему шар не взорвался? Пуля же горячая?

- Ты у нас физик.

- Ну, - принялась рассуждать Кэролайн, - внутри наполненного чистым водородом шара никакая раскаленная пуля ни взрыва, ни даже пожара не вызовет. Для этого нужен кислород, а его там нет. Возгорание возможно только на границе сред, в месте пробоя. Но там, возможно, воздушные возмущения разметали первичный очаг реакции, не позволив ей распространиться. Особенно если воздух и сама оболочка были влажными... Да, теоретически такое возможно. Можно сказать, что Дарвиллю повезло.

- Не очень, - усмехнулся я.

- Ну, если ему удалось совершить управляемую посадку, это все же лучше, чем рухнуть вниз на горящем шаре.

- Результат все равно был один.

- Мы пока не знаем. Мы еще не нашли корзину.

- Домой он не вернулся, вот и весь результат. Даже если он сел - на земле его ждали те, кто в него стрелял. Ты понимаешь, что все это значит? Это ведь были не бандиты. И не мародеры или искатели, как их ни называй. И уж тем более, понятно, не бэдлэндеры. Никто из них - и из нас - не носит подобного оружия. Его вообще проблематично носить, его надо возить на лошади... а лучше на телеге. Но ни одна лошадь в эти края не доберется, тут пешком-то пройти сама видела каково...

- Давай все-таки сначала соберем все возможные факты, - сказала Кэролайн учительским тоном, - а уже потом будем делать выводы и строить гипотезы.

Мы обошли накрытый оболочкой лавовый отросток и добрались до того места, где сходившиеся тросы скрывались под краем ткани. Откинув его, мы увидели, что все эти тросы крепились к большому металлическому обручу, окружавшему круглое отверстие внизу, через которое шар заполняли газом - а к этому обручу, очевидно, уже должна была крепиться корзина. Но ее не было. Она была отцеплена неизвестно кем и находилась неизвестно где - во всяком случае, точно не валялась нигде поблизости.

- Если шар упал здесь, след от корзины должен был остаться на земле, - заметила Кэролайн и принялась поднимать и откидывать в сторону ткань, заглядывая под нее. - Хотя, конечно, прошло четыре года...

- Ладно, - сказал я, не вдохновленный ее усилиями, - во всем этом есть по крайней мере один плюс - из оболочки этого шара мы сделаем отличную палатку для твоих "каникул". Из той ее части, в которой нет дырок, разумеется, - я провел рукой над обручем, разглаживая плотную, приятную на ощупь ткань, и тут мои пальцы на что-то наткнулись. Расправив складку, на которую мы сперва не обратили внимания, я увидел приколотый металлическими скрепками к нижней части оболочки густо исписанный листок.

- Кэролайн! - крикнул я.

Она бросила бесплодные поиски следов от корзины и поспешила ко мне.

Я торопливо выдернул скрепки. Листок был исписан с двух сторон убористым, но очень четким почерком педанта-аккуратиста. Первым, что бросилось мне в глаза, когда я перевернул его, была подпись - Огюстэс Дарвилль. Ну да, кто бы сомневался - других таких сумасшедших не нашлось... Затем я вновь перевел взгляд в начало и стал читать:

27 июня 49

Проснувшись утром, я не смог определить свои координаты, поскольку шар находился между двух слоев облаков, двигавшихся с разной скоростью и, возможно, даже в противоположных направлениях. Не видя ни земли, ни солнца, я не мог определить также направление и скорость моего перемещения; однако, если предполагать, что ветер на моей высоте (которую я определил по барометру в 1500 футов, не зная, однако, как могло измениться давление за ночь) сохранял благоприятное восточное направление, тогда выходило, что я слегка обгоняю нижний слой облаков, движущийся в том же направлении (расстояние до него я определил на глаз в 500 футов), в то время как верхний слой (расстояние до него я определил примерно в 4000 футов) движется либо на восток значительно медленнее, либо (и скорее всего) на запад. Примерно через 40 минут после этих наблюдений я заметил внизу обширный просвет в облачности, который, если бы мне удалось над ним оказаться, должен был разрешить мои сомнения относительно направления, высоты и скорости моего движения (а возможно, также и местоположения, если бы мне удалось отыскать известные по карте ориентиры). К счастью (зачеркнуто)*, шар несло именно туда, и вскоре я действительно увидел землю. Мои надежды, что это могут быть уже западные окраины восточных княжеств, не оправдались - внизу, со всею очевидностью, по-прежнему простиралась бесплодная и необитаемая земля Пустошей. Но об этом я подумал уже во вторую очередь, ибо в первую очередь меня поразила близость этой земли. До нее было не более 500 футов. Очевидно, давление за ночь упало на целый дюйм, и то, что я принимал за нижний слой облачности, было туманом. Воздух был почти неподвижен у земли, на моей высоте двигался в восточном направлении со скоростью около 2 узлов, а на высоте слоя облачности надо мной - в западном со скоростью не менее 10 узлов. Моим первым побуждением было сбросить балласт и набрать высоту, но я убедился, что шар более не снижается, а при мысли о том, что я, возможно, вижу под собой тот самый "пустошный туман", о котором ходит столько зловещих слухов, я*

не удержался от искушения понаблюдать за этим явлением вблизи.

"Наблюдатель хренов!" - подумал я про себя и продолжил читать в надежде, что автор, исписавший уже столько бумаги никому не нужными деталями, перейдет, наконец, к сути случившегося.

Ничего примечательного я, однако, не увидел ни визуально, ни по приборам, а вскоре окно в тумане и вовсе затянулось. Но затем впереди открылось другое, и первым, что я в нем увидел, было три облака пыли, вздымаемые, по всей очевидности, тремя движущимися объектами, которые едва ли могли быть населяющими Пустоши животными. Они двигались почти перпендикулярно моему курсу со скоростью около 10 миль в час. В бинокль я увидел, что это были три машины, каждая из которых двигалась на шести колесах. Их корпуса были склепаны из толстых металлических пластин, предположительно - бронированной стали того же рода, что идет на производство банковских сейфов, только эти пластины были не прямоугольной, а трапециевидной формы, и соединялись таким образом, что все поверхности машин были наклонены по вертикали (внутрь), а большинство - еще и по горизонтали. Отчасти они напоминали жука, чьи округлые формы срезали плоскостями. В передней части, где у жука головогрудь, вероятно, располагалась полностью закрытая все теми же металлическими щитами кабина водителя, а более широкую заднюю венчала шестигранная башенка с вертикальной прорезью, из которой выглядывал цилиндрический кожух из черного металла. Еще я обратил внимание на то, что машины не имели заметных дымовых труб и не испускали в воздух столбов дыма, характерных для работы парового двигателя. Вероятно, их котлы отапливались не углем (и тем более не дровами), а каким-то иным топливом, не производящим много дыма - либо даже они и вовсе использовали принципиально иной, неизвестный нам тип двигателя.

Едва я успел произвести все эти наблюдения, как ближайшая из машин (левая в тройке), по всей видимости, заметила мой шар и остановилась. Башня на крыше развернулась, направляя черный кожух в мою сторону, и не успел я подать какой-либо знак в ознаменование дружелюбия моих намерений, как с необычайной частотой, невозможной для человеческой руки, загрохотали выстрелы. Несколько пуль пробили оболочку шара; чудо, что это не привело к воспламенению водорода. Это непременно произошло бы при следующих попаданиях, но стрельба прекратилась столь же внезапно, как и началась. Предполагаю, что это не было актом миролюбия (тем более что две другие машины также начали разворачивать свои орудия в мою сторону), а просто механизм, обеспечивавший скорострельный огонь, заклинило из-за слишком высокого темпа стрельбы.

Не дожидаясь, пока две другие машины откроют огонь, я немедленно принялся сбрасывать балласт и сумел подняться к верхнему слою облаков, где ветер понес меня обратно на запад. Туман внизу тем временем вновь скрыл машины от меня и меня от них. Тем не менее, утечка газа через пробоины продолжается, и вынужденная посадка, которую мне придется совершить - лишь вопрос недалекого времени. Если я переживу эту посадку, то намерен пробираться пешком обратно на Запад. Я понимаю, сколь опасно подобное путешествие через все Пустоши и сколь мало шансов на успех у человека, прежде видевшего Пустоши лишь из гондолы аэростата, однако между двумя опасностями, ожидающими меня на западе и на востоке, я выбираю ту, где моими противниками, по крайней мере, не будут разумные существа. Очевидно, меня приняли за шпиона, и, хотя у меня не было намерения проникать в чужие военные секреты, теперь уже ничего не исправить, и мне остается лишь надеяться, что я не попаду в руки создателей этих машин, которые наверняка станут меня разыскивать.

Мне по-прежнему неизвестно место инцидента и какому из восточных княжеств принадлежали виденные мной машины (по всей видимости, проходившие в Пустошах полевые

испытания). Однако очевидно, что это боевая техника, способная преодолевать значительные расстояния, защищая свои экипажи не только от опасностей Пустошей (включая пресловутый туман), но и от ответного огня наших ополченцев. Броневые щиты машин, вероятно, не пробиваются винтовочными и револьверными пулями, а их наклонное расположение, приводящее к рикошету при стрельбе с любых горизонтальных направлений, только усиливает этот эффект. Скорострельные пулеметы[48]*, если их доведут до ума, также представляют чрезвычайную опасность.*

Свой путевой дневник я заберу с собой, но на тот весьма вероятный случай, что мне так и не удастся добраться домой, после посадки я прикреплю к оболочке шара эту последнюю запись, после чего отсоединю гондолу. Освобожденный от груза, шар снова поднимется в воздух до высоты, где дует восточный ветер, и, возможно, тот донесет его если не до самих западных графств, то хотя бы до тех районов Пустошей, где хоть иногда бывают мои соплеменники. Я ПРОШУ ВСЯКОГО, НАШЕДШЕГО ЭТОТ ЛИСТОК, КАК МОЖНО СКОРЕЕ ДОСТАВИТЬ ЕГО ВЛАСТЯМ ЛЮБОГО ИЗ ГРАФСТВ. ДАЖЕ ЕСЛИ У ВАС ПРОБЛЕМЫ С ЗАКОНОМ, ВАЖНОСТЬ ЭТИХ СВЕДЕНИЙ ДАСТ ВАМ ПРАВО НА АМНИСТИЮ.

Огюстэс Дарвилль

- Ну и как тебе это нравится? - осведомился я, оборачиваясь к Кэролайн, которая тоже уже успела прочитать послание из моих рук.

- Выходит, пустошный туман не вредит экипажам металлических машин, - констатировала она. - Как и самим машинам, включая смазку и топливо. Так я и думала.

- Это все, что тебя тут волнует? - возмутился я.

- А что меня должно волновать? Идея развернуться и бежать с этой бумажкой обратно в Холинбрук в надежде, что они, может быть, передумают сжигать меня на костре?

- Ну хотя бы тот факт, что мы радостно топаем прямиком к тем самым людям, встрече с которыми Дарвилль предпочел верную смерть в Пустошах.

- Мы не знаем, какому из княжеств принадлежали те машины, - возразила Кэролайн. - И, в любом случае, мы их не видели, а их экипажи не видели нас, так что к нам, в отличие от Дарвилля, у них не может быть претензий. Хотя, конечно, если у нас найдут этот листок, это может создать определенные проблемы. Даже если машины принадлежали другому княжеству, в Хинтерзееланде, вероятно, захотят узнать о них как можно больше и станут нас допрашивать, возможно, потребуют, чтобы мы проводили их к остаткам шара, а мне это совершенно ни к чему, и, уверена, тебе тоже. Так что мы просто оставим этот листок здесь и никому о нем не расскажем. Все бы наши проблемы решались так просто!

- Я вот, кстати, не понимаю - Дарвилля ведь сбили не здесь, а где-то уже рядом с восточными княжествами. И после этого шар все время летел на запад - сперва с пассажиром, потом без него. Пока окончательно не растерял газ и не упал тут. Как же сброшенный им балласт оказался еще западней?!

- А, тут-то как раз все очевидно, - беспечно ответила Кэролайн. - Это не тот балласт, о котором речь в записке. Этот балласт Дарвилль сбросил по пути туда, а не обратно.

- То есть то, что мешок и шар оказались в итоге рядом - просто случайное совпадение?

- Совпадение, но не совсем случайное. Очевидно, в тот период тут дули северные ветры, сносившие шар к югу. Когда Дарвилль летел туда, он сбросил балласт, чтобы найти более подходящий ветер и откорректировать курс. А когда шар летел обратно, корректировать курс было уже некому и нечем.

- Ну ладно, допустим. Это вообще неважно. Но тебя что, не беспокоит само содержание

---

[48] В оригинале machine guns. Оба термина вполне естественны даже для человека, незнакомого с таким оружием.

этого листка? Наличие у восточников - неважно даже, у кого именно - боевой техники, намного превосходящей нашу? Нет, я понимаю, что ты не испытываешь никаких теплых патриотических чувств к Холинбруку, но им одним Запад не исчерпывается! И мне бы совсем не хотелось, чтобы, к примеру, на Аркэндэйл...

- Майк, - покачала головой Кэролайн, - ну вечно вы, мужчины, чуть что, хватаетесь за оружие, вместо того, чтобы подумать логически. У бэдлэндеров это, видимо, вообще профессиональное... ладно, ладно, не обижайся! Просто подумай - во-первых, этому листку уже четыре года. Ну и? Где страшное-ужасное вторжение с востока?

- Доводили до ума пулеметы и строили новые машины. Теперь, допустим, довели и построили.

- Ну тогда просто представь себе этот марш сотен или даже тысяч тяжелых колесных машин через все Пустоши. Как они переплывают Грэйвотер, форсируют болота и карабкаются на Бамп и прочие возвышенности и гребни. Ладно, допустим, они поедут по караванному пути. Две тысячи миль, на протяжении которых каждую из машин надо снабжать горючим, водой, маслом и запчастями. Это же логистический кошмар! Кто будет все это подвозить? Другие машины? А для них кто? Лошади? Это сколько понадобится лошадей, и чем их поить и кормить? Такой поход пришлось бы готовить десятилетиями, выстраивая и заполняя через каждые несколько миль всё дальше по маршруту всё новые базы снабжения - и чтобы с нашей стороны, откуда регулярно ходят караваны, никто ничего не замечал. Это же абсурд!

- Сама говорила - когда-нибудь через Пустоши проложат чугунную дорогу.

- Не в тайне от всех! И одному локомотиву не нужно столько ресурсов, сколько целой армии. Ну и самое главное - зачем это вообще надо?! Что восточники забыли на другой стороне континента, куда так трудно добираться? Им что - всего восточного побережья мало? Они вон даже свои караваны к нам посылать ленятся, нашими пользуются. А ты говоришь - армии вторжения!

- Но для чего-то они эти машины строят. Явно не для охоты на тварей, раз сбили Дарвилля.

- Друг против друга. Что тоже, конечно, не радует, но для нас угрозы не представляет. Или даже... если угодно, это не мы их должны бояться, а они нас. Просто потому, что их намного меньше.

- Откуда ты знаешь? Никогда не слышал о численности населения восточных княжеств.

- Все та же элементарная логика. Они же приплыли сюда на кораблях чуть больше полувека назад! Самый большой парусник довоенной эпохи вмещал 800 человек вместе с командой. Ну, пусть даже тысячу, если набить людей, как сельдей в бочку - понятно, беженцам не до комфорта. И пусть даже со всего Старого Света - ну, по крайней мере, с северо-западной его части - удалось набрать полсотни таких кораблей, или сотню более мелких. И вся эта армада благополучно доплыла, никто не утонул и не умер - невероятно даже сейчас, а тем паче в первый послевоенный год, когда все кишело тварями. И пусть женщины только и делали, что рожали, большинство детей выживало, а большинство взрослых жило до старости. Даже в этом идеальном случае за полвека их численность вряд ли могла вырасти более чем вчетверо - по крайней мере, если не считать младенцев, родившихся в последнюю пару лет, когда в брачный возраст начали входить уже правнуки первых поселенцев. Но младенцы не воюют. Так что двести тысяч - это абсолютный максимум, а скорее - от силы сто пятьдесят. На все три княжества Восточного побережья. Им надо думать не о нападении на других, а о том, как защищаться самим.

- Тогда зачем они сбили Дарвилля? - повторил я. - Если эти машины созданы для обороны, им был самый прямой резон демонстрировать их - вот, смотрите, что у нас есть, и не суйтесь к нам - а не уничтожать свидетеля.

- Может, приняли за шпиона соседнего княжества.

- Да ты сама посмотри на этот шар! На нем же нарисованы гербы всех западных графств!

- Ну, видимо, не разглядели с расстояния в сотни ярдов на шаре, только появившемся на краю прорехи в тумане. Или попросту не знали, как выглядят наши гербы. Ты, например, знаешь, как выглядят гербы восточных княжеств?

- Хммм... Петуха вот знаю, но это потому, что ты сказала...

- У Хинтерзееланда орел, у Аустерии лев. Но это тоже я тебе сказала. А с простого солдата что взять? Может, стрельбу открыл без всякого приказа единственный идиот, из тех, что сначала стреляют, а потом думают. Быть может, потом его за это судили. Но Дарвилль об этом уже не узнал. Очень опасно делать поспешные выводы, и это верно в обе стороны.

- Могли бы позже сообщить нашим караванщикам. Если не об инциденте, то хотя бы о том, что у них есть такие машины.

- Наши караванщики общаются только с хинтерзееландцами. А машины могли быть шарлонскими или аустерийскими.

- Все это - сплошные предположения.

- Как и твое, будто восточники собираются нападать на Запад. Только мои предположения логичны, а твое, ты уж, Майк, извини - чистая паранойя.

- Может быть. Я только знаю, что наши собственные предки тоже когда-то приплыли на восточное побережье на кораблях из Старого Света. И их было еще меньше. А в итоге они заселили весь континент, и о тех, кто жил здесь до них, никто уже и не вспоминает.

- Во-первых, там было несколько волн миграции...

- А кто тебе сказал, что их не было сейчас? Что за теми первыми кораблями полувековой давности не приплывали другие?

- Никогда о таком не слышала, - удивилась Кэролайн.

- Никто об этом не слышал, но это же ничего не значит. Мы знаем о восточниках только то, что рассказали нам они сами. А у них может быть куча причин не говорить всей правды.

- У них как раз могут быть причины преувеличивать свою численность, а не преуменьшать ее.

- Да мы вообще ничего не знаем об ихней численности! Насколько я понимаю, они сказали нашим представителям что-то вроде "мы - потомки беженцев, приплывших из Старого Света после Войны", и не более чем. Здесь не сказано, что такие беженцы приплывали только один раз. Я вот теперь даже удивляюсь, почему мы сразу же решили, что переселение было только одно.

- Да даже если и несколько, наши предки заселили весь континент за триста лет. А не за пятьдесят.

- А мне, может, не совсем все равно и что здесь через триста лет будет.

- Через триста лет уже не будет никаких войн, - уверенно заявила Кэролайн. - Наука уничтожит все причины для них. Собственно, это произойдет даже намного раньше. Зачем рисковать всем, включая собственную жизнь, нападая на соседа, если у тебя и так есть все, что есть у него?

- А зачем это делали маги? Им-то чего не хватало, с ихним почти что всемогуществом? Чтобы эти самые соседи лизали им задницу, вот чего.

- Их пример научил всех, к чему это приводит, нагляднее некуда. Такое больше не повторится.

- Очень на это надеюсь, - проворчал я.

Затем мы занялись сооружением "палатки" - точнее, целого походного дома. Понятно, что кромсать оболочку мы не стали - в ней, как мы скоро убедились, было целых два отверстия, достаточно широких, чтобы человек мог пролезть внутрь. Помимо обруча внизу, это был еще и клапан наверху (понятно, что "верх" и "низ" относилось к наполненному шару, а для нас это были скорее "север" и "юг"). Точнее, клапанов там было два - маленький, к которому тянулась

белая веревка - он позволял выпускать газ по чуть-чуть, регулируя высоту полета, и большой - красная веревка, позволявшая, как пояснила Кэролайн, быстро выпустить весь газ и "погасить" шар после посадки. Вот через этот последний и можно было пролезть, причем конструктор шара, разумеется, позаботился, чтобы он закрывался максимально герметично и не мог открыться случайно даже при наклонном положении - как раз то, что нам надо! А для обруча мы выкопали ямку и углубили его в землю горизонтально, чтобы, опять-таки, ни один кроволюб не мог пролезть.

Понятно, что подпирать оболочку изнутри собственными головами мы не собирались, а все имевшиеся у нас шесты и палки (включая древки лопаты и топора с яхты) были длиной от двух до четырех футов - не разогнешься. Но они нам и не требовались - теперь в нашем распоряжении были "несущие стены" из лавы высотой больше человеческого роста! Мы расстелили оболочку между двумя из них (не теми, что охватывали периметр, а более короткими внутри него, соседними, расходящимися под не очень большим углом) таким образом, что нижняя сторона свободно лежала на земле (и на лавовых "корнях"), а верхняя была туго натянута между "корнями", как крыша, и свешивалась с них с внешних сторон, придавленная там камнями к земле. (Найти эти камни, кстати, тоже была та еще эпопея - обычно у подножия высоких и узких скал их полно, но это потому, что они скапливаются там тысячелетиями, а этим скалам было всего полвека, и выветривание еще не успело как следует сделать свою работу. Я даже пожалел, что мы не прихватили несколько камней - не тех, конечно, что в половину человеческого роста, а поменьше - возле вонючих нор, но теперь возвращаться туда было слишком далеко и долго. Можно было в качестве груза просто насыпать землю, но ее мог размыть дождь. Однако в конце концов нам все же удалось отыскать несколько отколовшихся от скал обломков подходящего размера.)

Таким образом, у нас получилась просторная, хотя и неправильной формы, матерчатая комната, потолок которой с одной стороны практически упирался в скалу, а с другой постепенно понижался вместе с корнями, образуя скат для стока воды в случае дождя (ну, или змей-лунатиков, опять-таки). Само собой, мы использовали далеко не весь внутренний объем шара, а лишь небольшую часть ближе к верхнему клапану - все остальное лежало складками на земле. В том числе прижатыми к земле под складками целой материи остались и дырки от пуль. Без них ткань, призванная удерживать летучий водород, была герметичной. Кэролайн оценила объем нашего "отеля" в 600 кубических футов - и это означало, что столько воздуха нам с лихвой хватит на двоих[49], чтобы просиживать всю светлую часть суток даже без вентиляции. Поначалу-то я думал напротыкать в оболочке маленьких дырочек, через которые воздух бы проходил, а кроволюбы нет, но тогда они бы все равно могли учуять запах и весь день роиться, гудеть и тысячами ползать по матерчатым стенкам снаружи, без чего, понятно, куда приятнее было обойтись. Свет оболочка пропускала примерно как обычные шторы - затемняя, но не погружая в полный мрак. Серьезных неудобств было два. Во-первых, внутри нельзя было разводить огонь - не из-за водорода, который давно улетучился, а просто это подожгло бы саму оболочку, да и мы бы задохнулись. Можно было максимум зажечь свечу (которые мы тоже прихватили с яхты). Ну а во-вторых, на сей раз у нас не было никакой посудины на роль поганого ведра - и это означало необходимость либо терпеть всю светлую часть суток (которая уже стала короче темной, но еще ненамного), либо таки разрезать оболочку снизу и копать яму в земляном полу (каждый раз новую), либо все же выскакивать наружу в расчете на то, что кроволюбам нужно время, чтобы унюхать жертву и прилететь, и пары минут им для этого не хватит. Кэролайн мужественно сказала, что она потерпит - главное не пить ничего с утра и перенести все трапезы на вечер. Я вылезать днем, в принципе, мог, но лучше было лишний раз не выпускать наружу воздух, способный приманить тварей, и справлять нужду прямо через маленький клапан для

[49] Хватило бы даже 400.(человек в спокойном состоянии потребляет примерно 0.5 кубометра воздуха в час).

управляемого выпуска водорода. Ну да - находясь при этом (большей частью моего тела) в одном помещении с Кэролайн, которая могла только отвернуться. В Пустошах не до церемоний, как уже было сказано.

Однако "каникулы" еще не начались, и пока можно было свободно гулять снаружи. Мы, понятное дело, не стремились поскорее залезть внутрь, зная, что и так придется просидеть там четверо суток. Но из попытки просто устроить после того, как мы закончили с обустройством убежища, беззаботную прогулку по окрестностям - то, чего мы никогда еще не делали за все время путешествия, когда нужно было либо все время идти вперед, либо отдыхать на месте - ничего не вышло, поскольку тучи, хозяйничающие в небе с прошлого вечера, таки решили разродиться дождем, не приятно освежающим в жару летним, а мерзким холодным осенним. Так что мы поспешили назад в убежище, которому я дал имя "Отель "У аэронавта"", и заодно проверили, действительно ли оно так герметично, как кажется. Оказалось, что в одном месте крыша протекает - уж и не знаю, откуда взялась эта маленькая незамеченная нами дырка, возможно, уже после падения шар и впрямь пыталась клевать какая-то тварь. Ну, нет худа без добра - мы подставили под дырку бочонок и вновь наполнили его водой до верха (я в любом случая собирался сделать это во время дождя, но тут, можно сказать, краник открыли прямо у нас над головой). Дождь кончился уже в темноте, так что чинить дырку пришлось на следующее утро. С яхты Кэролайн прихватила большую иглу и катушку грубых ниток для починки парусов - вот теперь пригодилось. Любительницей шить она не была, однако для того, чтобы заштопать дырку, много умения не требуется (я бы, понятно, и сам справился, но потолок меньше провисал под ее весом). Дальнейший день мы посвятили охоте на змей и копчению мяса - благо пока что ничто (включая и погоду, остававшуюся хмурой, но без дождя) не мешало разводить огонь снаружи.

Ну а потом начались, собственно, "каникулы".

Первый день обошелся без неожиданностей - кроволюбы не прилетали, мы спокойно сидели внутри, коротая время разговорами и нехитрыми играми вроде шарад и загадок. А вот ночью начались сюрпризы. Вскоре после того, как мы благополучно сходили на двор, а затем оставили клапан открытым для проветривания, на наш потолок снаружи что-то запрыгнуло. Что-то достаточно увесистое и имевшее шесть растопыренных конечностей, которые (в свете зажженной мною свечи) явственно проступали сквозь ткань. Я уже упоминал пустошных кузнечиков размером с крупную собаку - вот это, похоже, была какая-то ихняя разновидность, только с большими крыльями, позволяющими прыгать выше и дальше (классическому пустошному кузнечику не хватило бы силенок перепрыгнуть лавовые "корни", ограждавшие по периметру наш "отель"). Я так и не знаю, привлек его запах Кэролайн, или это было просто совпадение (хотя в предыдущие дни мы таких тварей не видели) - но уходить, или там упрыгивать, он явно не собирался. Он принялся расхаживать у нас над головами. Прокусить или проткнуть ткань, правда, не пытался, но все равно это нервировало. А застрелить его снизу мы не могли - нам не нужна была ни дырка в потолке, ни всякая дрянь, которая из него бы натекла и начала капать, ни дохлятина такого размера рядом с нашим жилищем (и тем паче прямо у нас на крыше) - а оттаскивать его тушу куда подальше, перебираясь через лавовые барьеры высотой больше меня, мне тоже совершенно не улыбалось. Но самое худшее началось потом! Он вроде как угомонился и устроился на одном месте прямо в центре крыши (где он, понятно, провисал и был заметен снизу сильнее всего). А потом... раздался кошмарный, ушераздирающий[50] скрежет, словно десятками ржавых гвоздей водили туда-сюда по стеклу. Не кузнечик - сверчок! И он удумал петь Кэролайн (или уж не знаю кому) свою серенаду!

Спать в таких условиях было, понятно, совершенно невозможно. Это вообще невозможно было выносить, даже затыкая уши пальцами. Попытки прогнать его, тыкая снизу черенком

[50] В оригинале hear-breaking

лопаты, также успеха не имели. Пришлось мне, вооружась все той же лопатой, выбираться наружу и карабкаться почти в абсолютной темноте (на пасмурном небе не было видно звезд, и до восхода луны было еще далеко) на нашу лавовую стену, чтобы со всей дури лупить лопатой на звук. Откровенно говоря, это было опасно (особенно когда почти не видишь противника), стрелять, конечно, было бы надежней, но мне по-прежнему не нужна была возня с тушей, и я хотел только его прогнать. Однако он вошел в такой раж, что удары плашмя просто игнорировал. Тогда я уже со всего размаху рубанул ребром по непосредственному источнику проблемы - то есть по стрекочущей ноге.

Раздался хруст, и концерт прекратился. А потом я услышал звуки неуклюжих, коротких прыжков, сопровождаемые треском жестких крыльев. Удивительно, но ему достало ума (или же просто повезло) ухромать таким образом в сторону скалы, где расстояния между лавовыми потеками были небольшими, так что ему хватило сил перепрыгивать с одного на другой и в итоге убраться из наших владений. Отрубленную ногу я нашарил рукой в перчатке и зашвырнул как только мог дальше.

После этого мы перешли в режим спать днем (в герметичном помещении это явно было самое безопасное время, да и постепенно накапливавшаяся духота способствовала - все-таки "достаточно воздуха, чтобы не задохнуться" и "свежий воздух" - не одно и то же), а ночью во время проветривания быть готовыми к неожиданностям. На следующую ночь, к счастью, концерт не повторился. То ли это действительно было не связанное с Кэролайн совпадение, то ли запах той дряни, что вытекла из перерубленной ноги, и еще каких-нибудь, как называли это умники из экспедиции, феромонов страха и боли удерживал других любителей ночных серенад. Зато уже после полуночи снаружи послышался шорох, и через открытый клапан весьма резво просунулось гибкое щупальце толщиной с мою руку, острое на конце. Я не стал выжидать, потянется оно к Кэролайн или куда еще, а просто тут же схватил яхтенный топор и отрубил его. Разделся настолько тонкий визг, что у нас заложило уши, и оставшаяся часть щупальца тут же скрылась во мраке; новых попыток проникновения не было, но остаток ночи пришлось провести в компании с обрубком, ибо я не хотел выходить в темноту и встречаться там с его былым обладателем, который был явно намного больше сверчка (и меня самого). И еще не меньше часа отрубленное щупальце продолжало шевелиться на матерчатом полу. Пробовать его на вкус мы не рискнули, в предрассветных сумерках я просто вытащил его и выбросил через стену лавового периметра.

На третью ночь мы, несмотря на желание экономить уголь, разожгли огонь перед входом (на достаточном расстоянии, чтобы дым не мешал проветриваться). Как я уже говорил, это отнюдь не универсальное средство отвадить ночных посетителей, он может их, наоборот, привлечь - но в эту ночь нам повезло. Правда, снаружи периметра кто-то ходил и шумно вздыхал, но внутрь так и не сунулся. Можно было подумать, что четвертая ночь пройдет теперь спокойно, но не тут-то было.

Для начала, вечером снова пошел дождь, похоронив идею с костром. Но мы все равно сидели перед открытым клапаном и дышали холодным и сырым воздухом, что после целого дня в закупоренном пузыре было очень даже приятно, несмотря на то, что не пахло ни озоном, ни свежей травой и листвой, или с какими там еще приятными запахами ассоциируется дождь в менее унылых местах - разве что мокрой пылью. А потом из сырого мрака донесся быстро приближающийся многоногий топот; печально вздыхать перед лавовым периметром оно не стало, а, судя по всему, полезло через него с паучьей легкостью. Я тут же закрыл клапан, но было уже поздно. Подбежав к нашему жилищу с единственной стороны, где под тканью оболочки не скрывался камень - то есть со стороны входа - оно навалилось на ткань, пытаясь прорваться внутрь.

Да - это был уже не дом с прочными деревянными стенами, где твари могли сколько угодно скрестись и царапаться со всех сторон. Ткань тут же угрожающе промялась внутрь,

обрисовывая надвигающееся на нас что-то большое, бесформенное и бугристое, и камни, удерживавшие ее прижатой снизу, зашуршали и заскрипели, сдвигаясь с места. Я не был уверен, разорвет оно оболочку или попытается жрать нас прямо сквозь нее - но в любом случае она не могла нас защитить. Тут было уже не до церемоний и не до мыслей о дырках (тем паче что ночь была последняя), и я открыл огонь из обоих стволов.

Я всадил в него практически в упор, в различные его бугры, двенадцать пуль 44 калибра - оба барабана, а оно все еще лезло. Хотя пули явно не отскакивали от твердого панциря, а впивались в мягкую плоть - это было слышно по звуку. Кажется, такого еще не было за всю мою бэдлэндерскую биографию - впрочем, я и женщин прежде не водил, и в местах этих не бывал. "Кэролайн, прикрывай!" - крикнул я, отступая для перезарядки. Отступать было, правда, почти уже некуда - я сразу уперся спиной в прикрытую тканью лавовую стену.

Девушка была уже наготове и тоже высадила полный барабан. Теперь у нее осталось только 5 патронов ее 36 калибра во втором револьвере. Я вгонял свои патроны в гнезда практически с той же скоростью, с какой она стреляла, и, таким образом, успел зарядить за это время один "дракон". Ткань все еще трещала под напором твари. "Заряжай мой!" - крикнул я и сунул ей в руку мой второй револьвер, а затем, не глядя, пригоршню патронов к нему - а сам снова шагнул вперед с заряженным револьвером в одной руке, другой подхватывая с пола длинный топор - если пули опять не помогут, придется идти в рукопашную. И тут стоявшая на полу свеча упала - то ли ее случайно зацепила Кэролайн, то ли виновата была тварь, дергавшая и пытавшаяся разорвать ткань нашего жилища. Я успел подумать, что огонь - наш последний ресурс, если не поможет даже топор: поджечь оболочку там, где тварь, а самим выбраться сзади на лавовую стену, разрезав ткань ножом. Но Кэролайн, очевидно, не думала, что для этого пришло время, и сразу же затоптала свечу. Наступил полный мрак, в котором я выстрелил наугад еще дважды - а потом остановился с занесенным топором, прислушиваясь. Ткань больше не трещала и камни не скрежетали. Слышно было только, как стучит по матерчатой крыше дождь. Кисло пахло пороховым дымом.

- Майк, ты цел? - встревоженно спросила Кэролайн.

- Да.

- А оно? Сдохло?

- Не знаю. Где свеча?

- У меня под ногой.

- Зажги ее... сейчас дам тебе спички... хотя нет, погоди. Может, его привлекал именно свет, - я сообразил, что тварь прекратила двигаться, когда настала темнота.

- Так привлекал, что ему было плевать на пули? - в голосе Кэролайн послышался истерический смешок.

- От тварей всего можно ожидать... - проворчал я. Затем, вытянув вперед руку с топором и держа его за самый конец древка, не разящим, а проверяющим движением ткнул в темноту. Топор уперся в нечто плотное и массивное, но неподвижное.

Выждав еще некоторое время, мы все же зажгли свечу. От объема нашего некогда просторного "отеля" осталась лишь половина. Дальше смятая и натянувшаяся внутрь передняя стенка обрисовывала очертания бугристой туши высотой почти с Кэролайн; из пробитых пулями дыр - я не поленился перечитать, их было 20 - сочилось нечто, похожее на гной, и пахло (помимо пороха), как от раздавленного таракана. Выход оно полностью загораживало, почти целиком заняв собой пространство между лавовыми "корнями", и из попытки открыть клапан, даже оттянув ткань еще более на себя, ничего не вышло. Похоже было, что выбраться наружу мы теперь сможем, только разрезав оболочку. "Ладно, - решил я, - похоже, оно уже не очухается. Подождем до утра."

Ночь в тесном матерчатом пузыре рядом с этой штукой была не самой приятной, тем паче что опасение, что оно может очухаться, все-таки оставалось. Я как-то приложил здоровенного

таракана тяжелой сковородкой, а пока ходил за совком, чтобы его выкинуть, он оклемался и убежал - и это было не в Пустошах, а у меня дома в Аркэндэйле. Но, похоже, 20 пуль все же сделали свое дело. Утром, после того, как Кэролайн подтвердила, что ее цикл закончился, я разрезал оболочку слева и над головой, и мы вскарабкались по каменной стене наверх.

Только выбравшись на лавовый "корень", мы смогли разглядеть нашего ночного визитера. Это была какая-то белесая, словно огромная вошь, бугристая масса на паучьих ногах, не имевшая при этом панциря и покрытая редкими жесткими волосками. Глаз или там ушей у нее не было - вероятно, волоски и заменяли органы чувств. И каждый бугор в передней части тела, где они были особенно крупными и выпуклыми, как какие-то мерзкие опухоли, имел свой собственный рот с острыми рыбьими зубами! Вероятно, и мозгов было столько же, поэтому и потребовалось столько пуль - хотя особо умным оно мне не показалось. Вся передняя матерчатая стенка "отеля" была замазана какой-то липкой гадостью, которая, очевидно, и не давала клапану открыться - то ли натекшей из ран, то ли выделенной монстром еще при жизни. Теперь его уже вовсю жрали змеи, так и кишевшие в трупе - я-то считал их честными хищниками, а они, оказывается, были весьма падки и на мертвечину (и даже оказались способны, в отличие от нормальных змей, вырывать своими зубами куски из большой туши, а не просто глотать добычу целиком). Такая всеядность, впрочем, не редкость и у нормальных животных и в принципе не отменяет ихней съедобности - но пополнять наши припасы змеями, жрущими эту тварь, мне как-то не захотелось.

Поскольку туша продолжала загораживать выход, тележки пришлось разгружать, перетаскивать через "корень" сперва их, потом и груз, и загружать снова - как, впрочем, мы уже делали, перебираясь через периметр перед заселением в "отель", и как теперь нам предстояло сделать еще раз, окончательно его покидая. Впрочем, оболочку шара, которая все же была неплохим убежищем если не от тварей, то хотя бы от непогоды, не стоило бросать просто так. Монстр изгадил лишь небольшую ее часть, так что я вырезал преизрядный кусок не пострадавшей материи (куда больший, чем уже имевшийся у меня брезент), из которого теперь можно было соорудить полноценную палатку, а в придачу еще и сшить торбу для Кэролайн, в которой она эту палатку (и еще часть поклажи) понесет, когда нам придется бросить тележки. Но пока что нам было в чем все это везти, и, снова повозившись с тележками при переправе через периметр, мы, наконец, зашагали дальше.

По пути Кэролайн сделала еще одно открытие, связанное со змеями. "Смотри-ка", - она указала на скалу, мимо которой мы проходили. Вниз по ней ползло что-то, похожее на длинных червей - но это были все те же змеи с ногами, только мелкие. "Мелюзга несъедобная", - презрительно ответил я. "Это их детеныши, - пояснила Кэролайн. - Мы думали, что змеи лазят вверх по скалам охотиться. А они, очевидно, откладывают там яйца. Прикрепляют их на такой высоте, куда другие твари не добираются." "Всюду жизнь, - проворчал я. - Даже на кладбище." "При чем тут кладбище?" "А ты думаешь, вся эта лава лилась сюда с неба просто так? Когда-то здесь тоже был город."

В течение дня мы все же пополнили наши припасы еще несколькими взрослыми змеями (с тележками можно было везти с собой и больше, но тут уже критичным становился не вес мяса, а его склонность портиться; Кэролайн предложила было изловить нескольких змей живыми и везти с собой, но, учитывая их ядовитость, я решил, что это слишком рискованно - да и поди поймай их еще). А к вечеру мы, наконец, выбрались из земли лавовых сталагмитов на открытое пространство. До выхода на караванную дорогу оставалось еще больше ста семидесяти миль по прямой.

Что из себя представляло это открытое пространство? Представьте себе сухую землю, растрескавшуюся во время засухи на такие более-менее прямоугольные лоскуты[51]. Да-да -

[51] В оригинале patches

замечательно твердую, по которой удобно идти и удобно катить тележки. А теперь увеличьте размеры в тысячу раз. То есть длина каждого лоскута - сотня-полторы ярдов, и ширина трещин между ними - около ярда. И края загибаются кверху, да-да. На какую глубину эти трещины уходили, не скажу - не знаю. Достаточно глубоко, чтобы дна видно не было. Но это и неважно, будь они даже всего в ярд глубиной - перешагнуть-то через такую не проблема, а вот тележку можно перевезти только по рельсам из досок. В большинство случаев длины этих досок (четыре фута) как раз хватало, но иногда приходилось катить тележку вбок в поисках места, где трещина сужается, или даже перебираться на соседний лоскут.

Поначалу эта местность казалась нам совершенно мертвой, но затем мы заметили (сперва в отдалении), что с лоскута на лоскут прыгают какие-то блохи. Ну как блохи - тоже больше в тысячу раз. Когда мы разглядели их поближе, это оказались существа величиной с некрупную свинью, у которых всю заднюю половину тела занимают мышцы ног (распрямляясь в прыжке, эти ноги вытягиваются ярдов до двух длины), а всю переднюю - пасть. Которая даже вообще никогда не закрывается (а стало быть, ни кусать, ни жевать не может) - что они этой пастью на лету словят, тем и сыты бывают. А конечностей спереди вовсе никаких - и вообще ничего, кроме пасти. Если глаза и есть, то они, наверно, прямо внутри нее находятся. Хотя в такую пасть легко поместилась бы человеческая голова, и даже вместе с плечами, для нас эти прыгуны, очевидно, опасности не представляли и вообще старались упрыгать от нас подальше, так что мы наблюдали за ними вполне безмятежно - пока не увидели, как как раз в процессе перелета через трещину оттуда выстреливает длинное щупальце (а может, язык, не знаю), хватает прыгуна на лету и утаскивает в глубину. Весь процесс занял пару секунд, не больше - только кости ног о край хрустнуть успели. Мы (к тому времени уже спокойно переправившиеся через пару дюжин таких трещин) прям на месте застыли от этакого зрелища.

Ну, а потом пошли дальше, куда деваться-то. К следующей трещине подбирались так, как будто она вся порохом засыпана. Заглядывать под безопасным углом пытались (да только там темно и не видно ни хрена), прислушивались (тихо), принюхивались (ничем особенным не пахнет). Доски по дюйму на другую сторону передвигали. Куски угля перебрасывали (можно бы и простые камни, но не было их там нигде). Но - ничего, никакой реакции. И поди пойми, то ли его там просто нет, то ли все эти наши действия ему неинтересны? Потом все же отважились сами перейти - один тележку катит, другой с края трещины вниз из двух стволов целится (хотя я сомневаюсь, что против этой штуки револьверы бы помогли - во всяком случае, достаточно быстро, чтобы остановить это выстреливающее вверх щупальце). А потом ничего, снова осмелели и стали переправляться без лишних задержек. Особенно после того, как я в какой-то момент вовремя обернулся, чтобы заметить, как оно прыгуна словило из той самой щели, через которую мы пять минут назад перебирались. Кэролайн высказала предположение (скорее всего, верное), что оно вообще способно видеть только объекты, движущиеся со скоростью прыгунов. А то, что движется слишком медленно (или слишком мелкое, как куски угля), просто не воспринимает.

В общем, несмотря на необходимость укладывать доски для тележек по двенадцать раз на милю, в итоге мы вполне бодро отмахали через эти трещины не меньше тридцати миль за два дня (точнее при таком качестве карты сказать было сложно). Ну а потом рельеф снова изменился.

Путь нам преградила сплошная стена, отвесный гребень высотой что-то около девяноста ярдов - вроде и не запредельно много, но перелезть через него было нереально даже без тележек. На карте он носил имя, вполне отражавшее чувства первооткрывателя, которому он преградил путь - "Идиотская Стена" (У бэдлэндеров, кстати, вообще не принято давать громкие названия в свою или чью-то еще честь - чаще всего они вот такие.) Я знал, что на юг пути точно нет (потому караванная дорога далеко обходит эти места), так что, переночевав у подножия гребня, с рассветом мы двинулись на север в поисках прохода.

Часа через три, шагая в тени Идиотской Стены, мы увидели темный зев уходившей вглубь каменной толщи пещеры, откуда тянуло ледяным холодом.

- Она случайно не ведет на другую сторону? - спросила Кэролайн.

- Никто не знает, - ответил я. - Если верить карте, с другой стороны гребня, только южнее, тоже есть подобная пещера. Но соединяются ли они друг с другом, неизвестно. Сумасшедших, чтобы проверять, не нашлось, и мы, понятно, тоже ими не будем.

- Здесь есть ток воздуха, - заметила настырная Кэролайн, останавливаясь и глядя во мрак. - Вряд ли эта пещера кончается тупиком.

- Кэролайн, - вздохнул я, - вот тебе краткий учебный курс по теме "Пещеры и подземелья в Пустошах". Он состоит из одного слова: "Никогда!"

- Но мы же сами недавно искали пещеру для "каникул". И на Бампе ты под землю за водой спускался...

- Ладно, вот тебе расширенный курс - только сперва отойди оттуда, не маячь вот так... Итак, подземелья в Пустошах можно поделить двумя способами. Можно по-вашему, по-ученому - по ихнему происхождению. Тогда они делятся на четыре типа: созданные природой еще до Войны, созданные людьми - обычными и магами - еще до Войны, возникшие в результате всевозможных разрушительных воздействий во время Войны - кстати, этот тип вполне может сочетаться с первыми двумя, которые Война могла перекорежить до полной неузнаваемости - и, наконец, созданные тварями после Войны. А можно делить по-нашему, по-бэдлэндерски - с практической точки зрения. На два типа. Те, которые можно окинуть взглядом от входа целиком, и те, которые нет. Так вот заходить, спускаться и даже заселяться можно в первые. И то если ты уверен, что они не рухнут тебе на голову и что ихний предыдущий обитатель, если он был, не вернется в самое неподходящее для тебя время. А насчет вторых - смотри краткий курс. Ну то есть, конечно, с тем исключением, что в ситуациях выбора между гарантированной смертью снаружи и вероятной в пещере надо выбирать вероятную. Допустим, если только в подземелье можно найти воду или только в нем можно спрятаться от чего-то, от чего ты не можешь ни отбиться, ни убежать. Но ситуация "пройти лишних десять или даже сто миль или искать короткий путь через пещеру" к таковым не относится. Вопросы, студент Кэролайн?

- Да, профессор Честер. Я так понимаю, главной угрозой является не опасность заблудиться - ибо любой лабиринт проходится, если на каждом повороте сворачивать в одну и ту же сторону - а предположительно обитающие в глубине твари. Однако, если эти твари привычные к постоянной темноте, их должен отпугивать яркий свет, разве нет? Я бы даже сказала - не просто отпугивать, а быть для них болезненным и вредным, как для человека - свет Солнца прямо в глаза.

- Вы делаете неверный вывод из верной посылки, студент. Большинство обитающих в таких местах тварей привычны к темноте настолько, что вовсе не имеют глаз. И ваш свет им похрену, они его просто не заметят. А вот ваше тепло, запах и звук заметят еще как. И кстати, насчет тока воздуха. Если какое-то отверстие достаточно велико, чтобы через него проходил воздух или свет, это совсем не значит, что через него пройдет человек. Вообще, застрять в узком проходе гораздо легче, чем может показаться тому, кто рассуждает теоретически. Мол, если и не удастся протиснуться вперед, то по крайней мере можно будет тем же путем вылезти назад. А вот хренушки. Змеи задом не ползают, и люди тоже не ахти. Особенно если плоть зажало, и из-за нарушения кровообращения она начинает опухать. Все - замок заперт наглухо, спасения нет, даже если товарищ тебя за ноги тянуть будет. Так что идем отсюда.

В утешение Кэролайн я развлек ее байкой про Подземелье Червя, которую мне напомнила фраза про "змеи задом не ползают". Якобы где-то в Пустошах - называют разные места, может, даже и прямо тут - есть большая пещера, образующая замкнутый лабиринт, не имеющий выхода наружу. И по этому лабиринту ползает невероятной длины червь, который занимает его почти весь целиком. Хотя изначально он вовсе не был таким большим. Но за хвостом червя остается

его навоз, из навоза растут грибы, и, когда червь проползает по этому месту снова, он эти грибы ест - и растет, становясь все длиннее и длиннее. Червь вечно голоден, поэтому все время тянется за новыми грибами и никогда не останавливается. Но рано или поздно всей длины лабиринта не хватит, чтобы его вместить, и тогда червь упрется сам в себя.

- И настанет конец света? - усмехнулась Кэролайн.

- Нет, просто червь сдохнет, только и всего, - пожал плечами я. - Но, как ты понимаешь, все это чистая выдумка. Во-первых, если лабиринт не имеет выхода наружу, откуда о нем вообще известно? А во-вторых, если червь растет за счет грибов, грибы растут за счет навоза, а навоз производит сам червь, то как он может увеличиваться, питаясь, по сути, самим собой?

- Закон сохранения вещества, да, - кивнула Кэролайн. - Хотя, если добавить в эту систему дополнительное звено - скажем, микроорганизмы, синтезирующие органику из неорганических веществ, суммарное количество которых в пещере больше предельной массы червя, либо такие вещества просачиваются извне, скажем, с водой, то при внешнем источнике энергии в виде геотермального тепла можно получить вполне работоспособный биоценоз. Правда, червь сдохнет раньше, чем упрется в собственный хвост, поскольку его потребности в пище со временем возрастают, а место, где она может расти, наоборот, уменьшается. Ну, или не сдохнет, а просто перестанет расти, если его организм способен к такой саморегуляции... Но, кстати, интересный вопрос - если оставить за скобками аспекты питания и роста, то сможет ли ползти червь, упирающийся головой в собственный хвост по замкнутому контуру? Теоретически, места ему хватает - если бы он двигался весь одновременно, как обод колеса. Но он так не может. Для того, чтобы продвинуть вперед голову, ему надо сначала освободить для нее место, убрав хвост. А пока голова и все остальное тело не сдвинулось с места, убирать его некуда. Скорость распространения деформации конечна, то есть хвост в любом случае начнет движение позже, чем голова - а это значит, что голова не сможет начать его вовсе. И даже пытаться не будет, видя перед собой препятствие в виде собственного хвоста. Которым она, теоретически, управляет, но с которым ничего не может поделать.

- Насчет "даже пытаться не будет" - это уже прям философские какие-то выводы пошли, - заметил я.

- Скорее, социологические.

Развлекая себя подобными разговорами, мы покатили свои тележки дальше на север - и еще через четыре часа добрались-таки до узкой расселины, уводившей вглубь гребня. Другой ее конец виден не был, и у меня не было никакой уверенности, что она проходит насквозь - но это уже была не пещера, и здесь стоило попробовать. Щель оказалась настолько узкой, что кое-где я сомневался, пройдут ли тележки и не придется ли разворачиваться. Стены, практически стискивавшие нас с боков и уходившие почти на сотню ярдов вверх, прямо скажем, не доставляли большого удовольствия, к тому же в таком узком и глубоком ущелье было темно почти как в колодце - но по крайней мере здесь на нас точно никто не мог напасть сбоку, и даже спереди или сзади едва ли могла подобраться крупная тварь (хотя какая-нибудь змея подползти вполне могла). Но я (шагавший первым) не забывал и поглядывать наверх - не поджидает ли там жертву какой-нибудь родич знакомых нам по плато пауков, готовый спустить вниз свою ловчую сеть или, допустим, щупальца?

Однако, казалось, нам везет - судя по тому, что под ногами не валялось никаких костей, эта расселина не была ничьими охотничьими угодьями. Но мне не очень верилось, что на единственном на многие мили (возможно - на десятки миль) пути с одной стороны гребня на другую ни одна тварь не додумалась устроить ловушку. Либо эта расселина на самом деле ведет в тупик, либо...

Каменные стены сузились настолько, что верным уже казался первый вариант. Но нам все же удалось протащить тележки через самое узкое место, хотя стенки рундуков и проскрипели по камням. А затем расселина расширилась, словно извиняясь за доставленные неудобства и

приглашая дорогих гостей больше не задерживаться. Понятно, что с этого места я пошел еще медленней.

Как раз с нужной скоростью, чтобы вовремя остановиться перед почти невидимой в темноте Мясной паутиной.

Той самой, о какой я когда-то рассказывал Кэролайн. Растянутой поперек прохода и поджидающей своих жертв - которых она сперва высасывает, а потом растворяет останки так, что не остается даже костей. Особая подлость заключалась в том, что до земли она не доходила - то есть если бы я в плане проверки дороги впереди полагался только на тележку, та свободно прошла бы под ней - собственно, уже начала проходить - и я бы влез лицом и торсом прямо в жаждущую крови сосудистую сеть. Даже будучи настороже, я остановился всего в паре футов - настолько плохо ее было видно.

Я объяснил и продемонстрировал Кэролайн, с чем именно мы столкнулись (она тоже согласилась, что увидеть эту сеть во мраке ущелья почти невозможно, даже когда знаешь, куда смотреть). Ну а потом, поскольку у меня не было спирта или керосина, чтобы ее сжечь - расчистил проход с помощью длинной корабельной лопаты. Само собой, это означало, что позже Красная паутина вырастет из обрывков снова, но это будут уже не наши проблемы.

В том же ущелье можно было ожидать и второго такого сюрприза (но не третьего - он бы умер с голоду между двумя другими), однако на сей раз обошлось, и еще через три четверти часа очень осторожного и местами извилистого пути мы выбрались на другую сторону гребня.

За ним ровная местность окончательно закончилась. Дальше равнина шла складками, волнами и хорошо если не разломами; из всего этого то тут, то там торчали огромные иззубренные глыбы, не то вылезшие из-под земли, не то упавшие с неба. Мы постоянно то лезли вверх, то спускались вниз, причем с тележками второе было не намного легче, чем первое. В одном месте, к примеру, путь нам преградил уступ высотой в 11 футов - к счастью, надо было с него спуститься, а не вскарабкаться. Что вверху, что внизу - твердый камень. Для нас самих это проблемой не было - повиснуть на краю на руках и спрыгнуть. А вот тележки, сброшенные с такой высоты, уже бы разломались, так что их пришлось разгружать, переправлять вниз груз (бочонок с водой пришлось спускать на веревках, остальное можно было просто спихнуть), а потом уже спускать по одной сами тележки (я стоял внизу, а Кэролайн спускала их мне за ручки сверху - пустые они были не настолько тяжелыми, чтобы их сложно было удержать на весу). В общем, за все время пути намучились мы с ними изрядно - хотя оно того и стоило - но в итоге, как я и предсказывал с самого начала, все равно уперлись в слишком крутой, высокий и неровный подъем, куда их нереально было вкатить ни прямо, ни зигзагом (получился бы слишком большой крен). Впрочем, к этому времени уголь был израсходован практически весь, да и бочонок был уже пуст. Разглядев этот подъем в бинокль еще накануне (вечером шестого после выписки из отеля "У аэронавта" дня), я решил отправить и доски-рельсы, и бочонок, и сами рундуки (открутив от них только вымбовки, которые еще могли пригодиться) в костер, который согревал нас всю ночь и заодно отгонял тварей, рыскавших во мраке всех этих складок и щелей сильно пересеченной местности (мы их даже не видели, только слышали весьма малоприятные звуки). Несколько оставшихся кусков угля, сэкономленных таким образом, я переложил в свой рюкзак; у нас также еще оставался запас воды во флягах, но его следовало срочно пополнить, и я все еще не знал, когда и как мы сумеем это сделать (хотя возросшее количество тварей подсказывало, что где-то они воду находят). Новых дождей с последней ночи "каникул" не было, днем всю эту неделю по небу бежали отдельные облака, лишь ненадолго закрывавшие солнце, и в целом было довольно-таки тепло (когда мы лезли в гору, так даже жарко), а ночи выдавались одна яснее - и, соответственно, холоднее! - другой. Особенно неприятной стала седьмая, когда мы в результате целого дня пути вверх по склону (того самого, из-за которого остались без тележек) вскарабкались на продуваемую всеми ветрами верхотуру, где было, соответственно, холоднее всего, и при этом не было никакого топлива для костра. Но

нам, по крайней мере, уже не приходилось ночевать под открытым небом. Кончились для Кэролайн ее счастливые денечки, когда она могла топать налегке, оправдываясь отсутствием второго рюкзака - теперь она прилежно тащила свою торбу, которую сама же сшила на привалах после покидания отеля "У аэронавта" (вышло, откровенно говоря, не очень ровно, сказывалось и отсутствие у нее швейной практики, и условия работы, когда шить приходилось в буквальном смысле на коленке - но главное, что прочные нитки держали надежно) - и внутри торбы лежала ткань для палатки. Которая, правда, не имела формы самой палатки, а представляла собой лишь большое прямоугольное полотнище, которое мы подпирали изнутри ранее имевшимися у меня металлическими стержнями и вымбовками, укрепляя их с помощью камней, которые здесь валялись во множестве, а края материи для тепла и защиты от ветра подворачивали под себя, оставляя маленькие щелочки для вентиляции. Само собой, габариты уже не могли сравниться с роскошью отеля "У аэронавта", но для того, чтобы лежать, согревая друг друга и воздух вокруг, места хватало. Чем холоднее было, тем больше мы сокращали этот объем - хотя утягивать его совсем до размеров спального мешка тоже не следовало, ведь оболочка шара была отнюдь не из меха, и тогда бы просто не осталось прослойки теплого воздуха, защищавшей нас от холода снаружи.

Но холод пережить пока что все же получалось, главное было не проснуться в зубах у жующей палатку вместе с ее содержимым твари. Однако, поскольку шли мы теперь только в светлое время суток, а ночи тянулись уже больше двенадцати часов, дежурить в две смены и успевать при этом выспаться, с учетом еще и дневного отдыха, было, в общем, нетрудно. В эту седьмую ночь атмосфера была, можно сказать, самой убаюкивающей - завывания ледяного ветра накладывались на еще какой-то отдаленный вой, похожий на волчий, но более низкий и вибрирующий. А в какой-то момент я услышал - и притом намного ближе - даже быстрый перестук копыт, словно кто-то скакал на лошади. Хотя, конечно, откуда здесь лошадь? С караванной дороги сюда на лошади не добраться, а с других направлений и подавно. Скорее, горный козел какой-нибудь - хотя, судя по темпу бега, ноги у этого существа были длиннее, чем у козла. Ну да это Пустоши, здесь и козлы могут быть размером с лошадь или даже с лося (нормального, не болотного). А сколько в таком козле мяса, подумал я мечтательно, ибо наши припасы по этой части тоже уже были на исходе. Хотя, на самом-то деле, нам теперь что лось, что мелкий козленок - много без тележек все равно с собой не забрать.

А потом я услышал похрустывание под тяжелыми шагами уже рядом с палаткой. Тут уже я не стал дожидаться, пока оно подойдет вплотную, и мимо мирно спящей Кэролайн (насчет убаюкивающего действия воя это только поначалу шутка, а потом и впрямь привыкаешь) выскользнул с револьвером наготове наружу.

В лицо мне сразу же ударил ледяной ветер. Если и внутри палатки было нежарко, то снаружи холодно было совершенно по-зимнему, и в тусклом свете звезд на камнях слабо поблескивал иней. Но я смотрел не на звезды и не на иней, а на двуногий, определенно человекоподобный силуэт, застывший в считаных ярдах от нашей палатки.

Признаюсь, моей первой мыслью было, что проклятый Левша опять нас нашел. Возможно, он даже сумел каким-то немыслимым образом - таким же немыслимым, как и то, что он вытворял до этого - раздобыть лошадь, на которой и прискакал сюда... Поэтому я открыл огонь сразу, не задавая никаких вопросов. Если бы вдруг оказалось, что каким-то совершенно невероятным ветром в эти никем не посещаемые края занесло другого путешественника - ну что ж, он сам виноват, нечего в Пустошах подкрадываться ночью в темноте к чужому лагерю. Если ты и впрямь не замышляешь ничего дурного и не можешь подождать до утра - подходи с поднятыми руками и окликай хозяев издали, это все знают.

Но, уже нажимая на спуск, я сообразил, что это не может быть человек - хотя бы потому, что у людей над плечами должна быть голова. Во всяком случае - у тех, что способны стоять и ходить. А ее не просматривалось - хотя вообще во тьме безлунной ночи видно было очень плохо.

Поскольку сразу же оно не рухнуло и было уже недалеко от меня, я выстрелил еще дважды.

Даже три пули не убили его мгновенно, оно еще попыталось повернуться, чтобы, вероятно, бежать - и я увидел его в профиль. Насколько, опять-таки, можно было разобрать при таком освещении, это был какой-то здоровенный горбун, и голова у него все-таки была - она моталась на уровне груди, вытянутая вперед на длинной изогнутой шее, как у стервятника, но сама на птичью совсем не походила. В остальном фигура, рослая, тяжелая и коренастая, действительно напоминала человеческую - точнее, громоздкую карикатуру на таковую. В следующую секунду она все же повалилась, так и не издав ни звука.

"Майк?" - раздался обеспокоенный голос из палатки. "Все в порядке, - ответил я. - Ходят тут всякие... Но теперь больше уже не ходят. Пойду взгляну, что это была за тварь, не слышал о таких раньше."

Все еще осторожно - вдруг очухается? - я подошел к туше, затем наступил ногой на длинную шею и, присев, перерезал ее ножом до кости. Крови почти не вытекло - очевидно, сердце уже не билось. Пытаться зажигать спичку или свечу на таком ветру было бесполезно, так что оставалось лишь разглядывать, что удастся, в темноте, и щупать рукой в перчатке. Все тело твари, достигавшей в высоту добрых шести с лишним футов без учета шеи и головы - то есть ее плечи были примерно на том уровне, где у меня уже макушка - покрывая жесткая короткая шерсть, похожая на кабанью щетину. Исключение составляла голова, которая была совершенно лысой, опять-таки как у стервятника, так что тварь, вполне вероятно, была падальщиком (воняло от нее, кстати, преизрядно). Но сама голова при этом была почти человеческой, разве что со слишком тяжелой нижней челюстью и низким покатым лбом. Если в отношении многих пустошных тварей существуют лишь байки и подозрения, будто ихние предки были людьми, то здесь этот факт не вызывал сомнений. И от идеи вырезать из этой туши наиболее сочные куски приходилось отказаться - как я уже говорил, неизвестно какую дрянь можно подцепить от тела, настолько похожего на твое собственное. В крайнем случае такое мясо надо очень хорошо и долго прожаривать - а у нас уже нет для этого топлива. А если оно и в самом деле падальщик, то есть его тем более не стоит, даже независимо от видовой принадлежности.

Ступни у твари тоже оказались похожими на человеческие, или, скорее, на медвежьи, опровергнув мелькнувшую было у меня мысль, что именно она издавала тот стук копыт, который я слышал раньше. Но самое неожиданное открытие я сделал, когда, с усилием перевернув тяжелую тушу, взглянул на горбатую спину твари. Это оказался вовсе никакой не горб! Это были две здоровенные жирные груди - хотя не знаю, можно ли называть грудями то, что растет на спине. Ну, по крайней мере, сиськами точно можно, и это были именно они - каждая, наверно, фунтов пятнадцать весом, с трехдюймовыми сосками. Выходит, это была самка!

Немного поразмыслив, я понял, что такая анатомия совсем не так нелепа, как кажется на первый взгляд. Очевидно, эти, гм, дамочки таскают детенышей на спине, и те сосут молоко прямо на ходу, не отвлекая мамашу. А та, в свою очередь, имеет шею, позволяющую спокойно заглядывать себе за спину, проверяя, как они там.

Затем я задумался, насколько они все же подобны человеку. В частности - есть ли у них циклы? И если да, то означает ли это, что мы уже достигли мест, куда кроволюбы не залетают? Ответ на этот совсем не праздный вопрос предстояло, очевидно, получить уже утром - если три пулевые раны и перерезанное горло привлекут смертоносный рой, нам придется просидеть в палатке дольше, чем собирались. Впрочем, кроволюбы предпочитают свежую кровь, а эта к утру таковой уже не будет...

А еще я подумал, не от таких ли тварей рождаются полукровки, если они и в самом деле существуют. Впрочем, я, как и Кэролайн, не мог представить себе даже самого распутного мужика, способного польститься на ТАКОЕ. Даже если его, кроме сисек, в женщине ничего не интересует, и он готов смириться с ихним расположением на спине. Или... с такими ручищами

(бицепсы вдвое толще моих, хотя я в совсем неплохой форме) оно само способно польститься на кого угодно, не спрашивая его желания? Что делать бедолаге, проснувшемуся ночью от того, что на него навалилась такая туша? И, кстати, не ко мне ли она направлялась, учуяв меня сквозь вентиляционные щели палатки? Бррр, придет же такое в голову!

В любом случае - кроволюбы или нет, а кто-нибудь жрать эту тушу точно явится, и плохо, что она так близко к палатке. Оттаскивать ее куда-нибудь подальше у меня, понятно, не было никакого желания - она весила вдвое больше меня, и я рассудил, что проще будет перетащить саму палатку. Так что вместе с Кэролайн (угревшейся во сне и теперь стучавшей зубами на холодном ветру, но, как всегда, понимавшей необходимость и не жаловавшейся) мы перебазировались на сотню ярдов дальше. После чего Кэролайн свернулась в клубочек и прижалась ко мне, пытаясь снова согреться и заснуть (что ей вскоре удалось), а я продолжил нести свою ночную вахту. С той стороны, где осталась туша, до меня доносилось какое-то порыкивание и вроде бы даже бормотание, но к нам эти звуки не приближались.

Утром мы специально помедлили после восхода, прежде чем выходить - и выбрались наружу, лишь убедившись, что никакой рой не кружит в воздухе, да и на земле пиршество уже закончилось. Я ожидал обнаружить на месте туши одни только кости и по ихнему состоянию определить, кто же тут был главным едоком - если скелет целый и гладко очищенный, значит, ведущая роль принадлежала насекомым, а если кости разбросаны, и на них остались ошметки плоти - орудовали падальщики покрупнее (что нас, понятно, порадовало бы намного больше). Но действительность не оправдала ни одну из версий. Мы вовсе не нашли никаких костей. Туша, весившая под четыреста фунтов, попросту исчезла. В доказательство того, что все это мне не приснилось, остались лишь небольшие смазанные пятна крови, пролившейся из первоначальных ран. Если бы труп растерзали на куски, пятен было бы больше. Стало быть, его уволокли прочь целиком. Кто, куда и зачем - так и осталось для нас загадкой. Неужели это сделали сородичи твари? Неужели у них есть какие-то похоронные ритуалы? Или же добычу просто унесли, чтобы накормить прячущихся в логовах детенышей...

Мы двинулись дальше все по той же местности, рельеф которой больше всего напоминал смятое, скомканное одеяло, брошенное на продавленный во многих местах матрас (только все это было еще и каменно твердым). Спуски постоянно чередовались с подъемами, а узкие ложбины, подобные оврагам (но, в отличие от оврагов, едва ли промытые водой) тянулись и извивались во все стороны. Идти по дну этих ложбин было бы намного легче, чем постоянно карабкаться то вниз, то вверх по ихним склонам - но никакой схемы этих лабиринтов не существовало (на карте было просто белое пятно с пометкой "сильно пересеченная местность"), и это означало убрести неведомо куда даже с компасом. Тем паче что выяснилось, что и компас в этих местах (и особенно на дне этих трещин и складок) склонен врать - Кэролайн сказала, что в нормальном мире это означало бы наличие богатых железных руд, а здесь, вероятно - расплавленного металла, лившегося во время Войны прямо с неба.

Но, по крайней мере, местность уже не была такой бесплодной, как та, что мы оставили по ту сторону Идиотской Стены. Ни одного дерева, правда, я пока что не видел, и нормальной травы тоже не было, но на камнях и даже прямо на земле рос мох и лишайник, и хотя они черпали влагу прямо из воздуха, где-то поблизости должны были быть источники воды, подходящие для более крупных организмов. Об этом свидетельствовали следы тварей, все чаще попадавшиеся на широких пятнах мха и участках земли, где камни и песок сменяло нечто похожее на тонкий слой нормальной почвы. Правда, самих тварей днем мы по-прежнему практически не видели - и, очевидно, не потому, что все они вели ночной образ жизни. Какие-то неясные силуэты, мелькавшие в отдалении два или три раза, наводили на мысль, что они скрываются при нашем приближении - что при таком рельефе делать было совсем нетрудно. Меня поначалу удивляла эта пугливость - притом, что, судя по следам, среди тварей попадались и довольно крупные. Напрашивался вывод, что они хорошо знакомы с людьми и той

опасностью, которую мы представляем - но откуда, в этих-то краях, куда за все прошедшее с Войны время забредало хорошо если хотя бы три-четыре человека? Впрочем, это с нашей, с западной стороны; быть может, здесь активно шастают представители восточных княжеств? Мы привыкли считать их домоседами, не склонными заходить далеко в Пустоши, но это только потому, что никогда не встречали их к западу от Канавы - а кто знает, что они делают к востоку от нее... У меня даже мелькнула мысль - навеянная, понятно, историей Дарвилля - уж нет ли где-то тут ихней секретной военной базы. Вот не хватало нам только на нее напороться! Но, подумав еще, я рассудил, что эти места слишком далеки и труднодоступны и для восточников тоже. Никакая секретность не оправдывает строительство базы в подобном месте, куда не проехать ни на лошади, ни тем более на колесной машине, где снабжение было бы, как говорила Кэролайн, логистическим кошмаром, куда любая помощь и подкрепление будут добираться месяцами, если доберутся вообще... Если смотреть по карте, то из трех княжеств ближе всего отсюда самое южное - Аустерия, но у аустерийцев попасть сюда вообще нет шансов. Дорогу в Пустоши им перекрывает Черный Хребет, обойти который с юга не дают Комариные Болота, а с севера это можно сделать только через территорию Хинтерзееланда. Аустерийцы в свое время, наверно, очень радовались, что так удачно устроились за непроходимым хребтом, защищающим их от враждебных Пустошей, но, как выяснилось, он защищает их и от наших караванов, которые не могут попасть туда при всем желании (что и позволило Хинтерзееланду монополизировать торговлю с Западом), ну и попутно не дает им устраивать никакие собственные проекты в Пустошах. Может быть, конечно, они уже прокопали через Хребет туннель, не знаю (и тогда машины, которые видел Дарвилль, действительно могли быть в том числе и аустерийскими) - но, в любом случае, ни одно из княжеств, надумавших замутить в Пустошах что-то важное, не стало бы делать это настолько далеко от собственных границ. Ну а частным лицам тоже нет никакого резона забираться так далеко - искать здесь нечего и некого. От довоенных городов здесь (и вообще практически везде к востоку от Канавы) не осталось даже развалин, а тамошние бандиты, как и наши, наверняка предпочитают держаться поближе к обитаемым местам. Да и мы, собственно, никаких следов людей (за вычетом Дарвилля) к востоку от Канавы до сих пор не встретили - а ведь для того, чтобы выработать у тварей такой устойчивый рефлекс прятаться, люди должны не просто появляться здесь время от времени, а рыскать тут регулярно! Более регулярно, чем делаем это мы в западных районах Пустошей, где твари все же не настолько пугливы...

А потом до меня дошло. Никакие люди здесь не рыщут - ни с Востока, ни с Запада. Местные обитатели просто принимают нас за сородичей той самой твари, которую я застрелил ночью. Видимо, не такие они и падальщики, раз их так боятся - или, по крайней мере, не только падальщики. Я подумал с усмешкой, что даже наши рюкзаки отчасти напоминают груди на спине. Интересно, кстати, как выглядят самцы этого вида? Хотя не то чтобы мне и в самом деле так уж хотелось с ними познакомиться...

На привале в середине дня доели последние остатки змеиного мяса. Но, поскольку участки с различимыми следами тварей попадались все чаще, я решил, что мы решим разом две проблемы - с едой и с водой - пройдя по этим следам, которые должны рано или поздно привести нас к водопою. Вскоре нам повезло наткнуться на отпечатки копыт, которые даже на недостаточно мягком грунте заметны лучше, чем следы мягких лап. Возможно, их оставил тот самый скакун, которого я слышал ночью - или его сородич. По форме копыта и впрямь выглядели как лошадиные, а вовсе не козлиные, бараньи, оленьи и прочих парнокопытных; размер и расстояние между ними тоже соответствовали хорошей лошади. Для привычной картинки не хватало только подков, но меня бы куда больше удивило ихнее наличие. Но ни одной лошади не пробраться через окружающие эти места кручи, гряды, гребни и трещины. Может ли быть, что она и не пробиралась? Что какие-то лошади выжили здесь со времен Войны, одичали и приспособились? Нет, тоже нереально. В Пустошах лошадь - это еда. Даже под

защитой человека она не живет долго (исключение - только караваны на ихней дороге), а тем более сама по себе. Одно лошадиное копыто (и даже четыре таковых) - это еще не лошадь. Это просто какая-то тварь, возможно, и имевшая лошадей своими предками, но ныне ушедшая от них весьма далеко. Хорошо бы, конечно, чтобы недостаточно далеко, чтобы перестать быть съедобной...

Мы пошли по следу, периодически теряя его на сухих и твердых участках, но потом находя снова. След изрядно петлял, причем тварь то двигалась шагом, то пускалась вскачь - то ли что-то пугало ее, то ли она сама пускалась в погоню, но, по крайней мере, следов кровавых расправ мы не находили. Таким образом мы выписывали петли больше четырех часов (но хотя бы не карабкались по кручам, ибо тварь, что логично, предпочитала пологие подъемы и спуски) - и в итоге таки были вознаграждены.

След привел нас в пологую округлую котловину диаметром около мили, больше всего напоминавшую яму в том самом матрасе. Ну вы знаете, у матрасов, или еще у мебели с кожаной обивкой, бывают такие ямки через равные промежутки, через которые обивка скрепляется с тем, что под ней. Иногда еще между ними есть углубления, которые прямо сетку из ромбов образуют. А тут - промежутки были не то чтобы равные и сетка не то чтобы ровной, но, в общем, все дно котловины было в подобных дырках, уходящих вертикально вниз на неизвестную глубину. В которых, как оказалось, была вода. А из этих дыр вылезали и тянулись по земле в разные стороны толстые, с человеческое запястье, бурые стебли в десятки и даже сотни ярдов длиной, оплетенные мелкой листвой, по большей части все еще зеленой. В центре котловины они сплетались в сплошной ковер, ближе к краям образовывали подобие той самой сетки, а из самой внешней полосы дыр тянулись вверх по склонам котловины, словно лучи солнца на детском рисунке или распростертые щупальца исполинского спрута - кому какое сравнение больше нравится. Ну то есть внешне-то они больше походили на щупальца, корявые и узловатые, покрытые шишками наростов, из которых вырастали новые листья - но роль играли вполне себе положительную, вытягивая своими гигантскими корнями воду к поверхности и даруя жизнь всей окружающей местности.

И возле одной из ближних к нам дыр задом к нам стояла самая натуральная белая лошадь, опустив морду в дыру, и, очевидно, пила воду. Несомненно, это была именно та, за которой мы и шли.

Я понятия не имел, откуда она здесь взялась. Никакого седла и сбруи на ней не было точно так же, как и подков. Но и поверить в то, что она дикая, я не мог. В дикой природе альбиносы не выживают даже в нормальном мире, а тем более - в Пустошах. Даже у хищника шансов негусто, когда он так демаскирует себя, а уж у травоядного... Но если до сих пор ей каким-то невероятным образом везло, то сейчас ее везение кончилось.

- Прелесть какая! - восхитилась Кэролайн.

- Угу, - согласился я, доставая револьвер. Слишком далеко, надо подойти ближе - только бы подпустила...

- Ты что - собираешься ее убить? - возмутилась девушка.

- Тихо, не спугни! А что с ней еще делать? В этой местности только три гарантированно съедобных существа - я, ты и эта лошадь. В отношении всех остальных вопрос дискуссионный, плюс их надо еще найти.

- Может быть, нам удастся на ней поехать.

- Во-первых, я не специалист по заездке мустангов. Я футмен. Во-вторых, без седла и стремян ехать еще можно, а вот без поводьев проблематично. А в-третьих и в-главных, далеко мы на ней все равно не уедем. Только до первой кручи.

- Может быть, она знает путь по ущельям до самой караванной дороги. Как-то же она сюда попала? Отыскала тропу, о которой не догадывается никто из людей. Сам говоришь - тут почти никто не бывает, откуда такая уверенность, что прохода нет?

- Это с этой стороны не бывает, а караваны ходят регулярно. И если бы выход на ихнюю дорогу был, они бы его увидели. Еще во времена, когда караванный путь только разведывали и прокладывали.

- Вот-вот, и с тех пор никто не перепроверял. А где-нибудь, может, рухнула скала, и открылся проход, которого раньше не было.

- Все-то у тебя сплошные "может быть"! Не слишком много гипотез?

- Но лошадь-то здесь. Это наблюдаемый факт.

- Ну даже если и так - как ты намерена узнать у нее дорогу? Думаешь, достаточно шепнуть ей в ухо "караван!" или "Хинтерзееланд!" - и она повезет нас, куда надо?

- Попробовать, по крайней мере, можно. Если она не совсем дикая и помнит людей...

Как ни тихо мы переговаривались, лошадь, видимо, все-таки услышала нас. А может, просто напилась, оттого и подняла голову из дыры. А затем повернула ее в нашу сторону.

Из ее лба рос прямой и длинный витой рог.

- Ма-гическая срань! - только и выдохнул я.

Понижать голос необходимости не было. Зря я боялся спугнуть это существо. Оно уже бежало к нам. Весьма резво так бежало.

- Это настоящий единорог?! - изумилась Кэролайн.

- А на что это, на хрен, похоже? - я поднял револьвер.

Не думал я, конечно, что когда-нибудь увижу подобное. Единороги были чрезвычайной редкостью даже в эпоху магов. Каждый из них стоил не то что целое состояние, а добрый десяток целых состояний. Но простым смертным их не продавали ни за какие деньги. Лишь верховные маги могли позволить себе разъезжать в карете, запряженной шестерней или восьмерней единорогов. Считалось, что ни один из них не пережил Войну точно так же, как и их хозяева. Но, как видно, в этом удаленном и практически изолированном уголке Пустошей это было не совсем так.

И вот теперь этот десяток состояний мчался на нас, раздувая ноздри. И мне совсем не нравились ни его налитые кровью глаза, ни злобный оскал его морды, ни, главное, его рог, который, если верить когда-то виденной мной картинке из старой книги, должен был быть золотистым, но теперь весь был заляпан чем-то бурым.

- Майк, не стреляй! - крикнула Кэролайн.

Я не стал вступать с ней в дискуссию. Когда целишься в движущуюся мишень, имея очень ограниченный запас времени, вступать в дискуссии - очень плохая идея.

- Майк! Я же могу его укротить! Стой! Тпрру! - последнее, видимо, относилось уже к единорогу - и, само собой, не имело никакого результата.

- Кэролайн... - процедил я, выверяя момент, когда сердце в скачущей вверх-вниз белой груди двинется прямо под точку прицеливания. Во всяком случае, я очень надеялся, что сердце у него там же, где у обычной лошади.

И тут моя отважная и стойкая спутница, которую мне было не в чем упрекнуть почти что на всем протяжении нашего путешествия, сделала самое непростительное, что только можно представить - она схватила меня за руку! Ту самую руку, которой я целился! Мой палец дернулся на спусковом крючке, грохнул выстрел, и пуля, конечно же, ушла мимо.

- КЭРОЛАЙН!!! - заорал я самым страшным голосом, на какой был способен.

До нее, наконец, дошло. Она испуганно выпустила мою руку и отшатнулась. Единорог, мчавшийся галопом рогом вперед, был уже в каких-нибудь двенадцати ярдах. Я выстрелил ему в грудь дважды, а потом изо всех сил оттолкнул Кэролайн левой рукой, а сам отпрыгнул вправо.

Умирающая, но все еще влекомая смертоносной инерцией туша промчалась между нами, затем рухнула на подломившиеся передние колени и с размаху вонзилась рогом в землю. Громко хрустнула ломающаяся шея. Туловище косо завалилось на бок, но голова так и осталась торчать, всаженная рогом в каменистый грунт.

Я перезарядил барабан. Затем поднялся на ноги и окинул взглядом тушу - похоже, добивать ее уже не требовалось. Затем угрюмо бросил:

- Цела?

- Да... - Кэролайн тоже поднялась, морщась - видимо, упала она все-таки больно - и принялась отряхиваться.

- А жаль! - мстительно сказал я. - Ты вполне заслужила, чтобы этот рог торчал сейчас не в земле, а в твоей груди! - на самом деле, конечно, я так не думал, но я был очень зол.

- Майк, я, конечно, виновата, но...

- Если бы мы все еще были по ту сторону Канавы, - продолжал я, не слушая, - я бы прямо сейчас повернулся и пошел назад в Аркэндэйл. А тебе бы сказал - иди куда хочешь, выживай как знаешь, наш контракт расторгнут, - так я, конечно же, тоже не думал, но ее надо было как следует проучить.

- Но я думала...

- Думать ты будешь у себя в лаборатории! - проорал я. - А в Пустошах ты будешь выполнять то, что говорю я!

- Между прочим, - язвительно изрекла она, давая понять, что сеанс самоуничижения окончен, - это я придумала дистиллировать воду, и как правильно плыть через города, и сделать тележки из рундуков! Так что от моих мыслей в Пустошах тоже есть кое-какая польза!

- Это другое, - буркнул я. - В спокойной обстановке, конечно, можно и нужно высказывать идеи, которые могут оказаться полезными - а если даже и не окажутся, то это никому не повредит. Но никогда! - никогда, слышишь?! - не становись между профессионалом и его оружием! Не мешай тому, кто стреляет! Особенно если он стреляет не по жестянкам, а по врагам!

- А если он стреляет в друга, думая, что это враг?

- Он на то и профессионал, чтобы отличать одно от другого. Не только уметь стрелять, но и знать, в кого. Это похоже на друга?! - я ткнул пальцем в перемазанный засохшей кровью рог с налипшими на него клочьями шерсти, кусками кожи, чешуйками и даже перьями, судя по всему, самых разных видов. - Если я скажу тебе, что кислота - это щелочь, ты станешь меня слушать? А если я начну вырывать у тебя пробирку с кислотой во время опыта?

- Уел, - согласилась она. - Ты во всем прав, а я совершила непростительную глупость. Больше такого никогда не повторится. Но... можно я теперь все-таки поясню свои мотивы? Я ведь не какая-то сентиментальная дура! Я думала, они травоядные. Вон, посмотри на зубы - типичная же лошадиная челюсть, никаких клыков хищника...

- Разъяренный бык или лось тоже травоядные, и что? Хочешь встать у них на дороге? Тем, кого он проткнул своим рогом, не было легче от того, что он их потом не съел.

- И они же всегда были мирные и кроткие! По крайней мере, так в книжках пишут. Но ведь правду, наверно, пишут? Маги бы не стали ездить на каких-то бешеных зверях, которые на всех кидаются?

- При магах они и правда были мирные, как мне рассказывали. Эти самые рога у них служили для чисто декоративных целей - как флагштоки. К ним привязывали гордый вымпел с гербовыми цветами владельца. Когда тот ехал цугом, и над каждым единорогом в упряжке развевалось по вымпелу, это, наверно, красиво смотрелось... Но за полвека в Пустошах характер у них, очевидно, сильно испортился. Теперь, как я понимаю, ихняя стратегия выживания - просто бросаться на всех, кого увидят. По-своему мудро - если ты такой приметный, что не можешь спрятаться, и вообще уязвимый - нападай на всех первый и приобретай репутацию отморозка, с которым лучше не связываться. Тем паче что удар рогом такой длины на такой скорости представляет большую опасность даже для крупного хищника - хотя изначально эти рога предназначались вовсе не для этого. Так что, полагаю, местных тварей распугали не только те... спиногрудые, но и единороги.

- Но главное - он ведь должен был мне повиноваться!

- С какой стати?

- То есть это неправда? Про девственниц?

- Эх-эх, - покачал головой я, - такая большая, а в сказки веришь. А еще ученая. Ты сама-то подумай, какой тут может быть, как у вас в науке говорят, механизм явления? Откуда ему знать, что ты девственница? А если бы он даже и узнал, то почему это должно как-то на него влиять?

- Не знаю, - призналась Кэролайн. - Мне было самой интересно исследовать этот вопрос.

- Да нечего тут исследовать. Поскольку при магах единороги были очень кроткими и послушными, ихними упряжками действительно управляли не кучера-мужчины, а юные красивые девушки, причем непременно девственницы. Но никакого физического или даже магического смысла это не имело. Просто мода такая, чисто декоративные понты, такие же, как вымпелы на рогах.

- Ясно, - кивнула она. - То есть даже не пропагандистское вранье, а просто неверная интерпретация факта. Из того, что единорогами управляли девственницы, не следует, что девственницы имеют особые способности по управлению единорогами.

- Между прочим, - пробурчал я, - если бы вся эта чушь про девственность была правдой, он бы и мне повиновался точно так же, как и тебе[52].

- То есть ты тоже? - поняла она. - Никогда ни с кем? За сорок три года? Ну, точнее, за двадцать пять или за сколько там...

- А что тебя так удивляет? Я ж тебе все уже рассказывал насчет моего сознательного выбора обходиться без женщин.

- Я поняла, что у тебя никогда не было никого постоянного, но я думала... ну, знаешь, мужчины, которые не хотят серьезных отношений, нередко пользуются услугами, ну, ты понимаешь каких женщин...

- Кэролайн, ты действительно считаешь меня таким идиотом?! - возмутился я. - Мне этой мерзости и задаром не надо, а уж платить за это - это такая запредельная глупость, тупее которой и представить ничего невозможно! Ну разве что, - ядовито добавил я, - хватать за руку стрелка, когда он стреляет, спасая твою жизнь.

- Майк, я вовсе не хотела тебя обидеть! Я, наоборот...

- Твой отец ходил к шлюхам? - перебил я.

- Нет, конечно!

- Тогда почему ты думаешь, что это делал я? Только потому, что он был великий ученый, а я бэдлэндер? Грубый мужлан, недалеко ушедший от животного?

- Я вовсе не хотела это сказать! Просто, ну ты понимаешь, такое встречается не так часто, как хотелось бы, а своего отца я знала все-таки дольше, чем тебя...

- Стереотипы. Вы, ученые, должны обладать самым раскованным и независимым умом, а вместо этого всех норовите разложить по готовым коробочкам с наклеенными бирками. "Классифицировать и систематизировать", так это у вас называется? Если парень - крутой стрелок и охотник за головами, так он непременно должен быть еще и быком-производителем. А я не вижу никаких поводов для гордости в том, чтобы уподобляться животному - хоть быку, хоть жеребцу, хоть кролику. По мне так это, наоборот, унизительно. И быком быть ничуть не менее унизительно, чем телкой, поскольку оба - скоты.

- Да, Майк, именно так! Просто, после всех твоих высказываний насчет романтики и всего такого...

- А при чем тут романтика? Она-то как раз самое лживое лицемерие и есть, когда красивыми словами прикрывают самые глупые и мерзкие вещи - и словом "любовь" в первую

---

[52] Английское слово virgin одинаково применимо и к женщинам, и к мужчинам.

очередь, ага. Во мне этого дерьма и близко нет. И мой выбор - это никакая не романтика, это, во-первых, здравый смысл, а во-вторых, если хочешь, брезгливость. Хотя в Пустошах вообще-то не до брезгливости - жрешь что попало, не моешься неделями, иногда и задницу подтереть нечем. Но *эта* грязь - хуже. Потому что она не только в штанах[53], но и в головах. И не вижу ни малейшего смысла подсаживаться на это дело точно так же, как и на алкоголь. Хотя даже алкоголь так не вырубает и не перекореживает мозги, как это. Примеры видеть доводилось, да и кто их не видел, только большинство они почему-то не учат - их даже и собственный опыт ничему не учит...

- Майк! Дай уже мне сказать! Ты не представляешь, как я рада, что мы с тобой совпадаем и в этом тоже. То есть я давно уже знаю, что мне нечего тебя опасаться, что мы можем лежать в обнимку, согревая друг друга, и ты не позволишь себе ничего лишнего - но я думала, что это ты только со мной такой, или что ты так себя ведешь из чувства долга. Но если это вообще твоя жизненная позиция, и не со мной одной, если у тебя даже желания не возникает - как же это здорово! Союз чистых умов! Я думала, после смерти отца уже никогда не встречу мужчину, с которым возможна будет близость без похоти, в том числе скрываемой и подавляемой. Жаль, конечно, что ты не ученый...

- Кэролайн, - вздохнул я, - я понимаю, что никогда не смогу заменить тебе отца, и даже пытаться не буду. Но мне бы хотелось, чтобы ты относилась ко мне... ну, если не как к отцу, то хотя бы как к дяде, что ли...

- Нет, не как к дяде, - серьезно возразила она. - У меня их никогда не было, но если судить по книжкам, дядя - это тот, от кого ждут наследства, а любить его при этом совершенно не обязательно. А ты ведь теперь мой самый близкий человек. Кроме тебя, у меня в целом свете никого нет...

- Вообще-то, комплимент довольно сомнительный, - усмехнулся я. - Типа, "ты самый лучший в этой комнате, в которой, кроме тебя, больше никого".

- Ага, кто бы говорил! - ехидно прищурилась она. - А кто только что обещал бросить меня и уйти в Аркэндэйл? Кто говорил, что нас связывает только контракт? - но, прежде чем я успел ответить, она серьезно добавила: - Но ведь ты же это не всерьез, да?

- Конечно, не всерьез. Если бы я хотел тебя бросить, я бы сделал это еще в Крайнем Холинбрукском городе, - я помолчал и добавил: - Я тебя не брошу, Кэролайн.

Я хотел добавить "ни в Пустошах, ни потом", но в последний момент испугался. Я был один всю свою жизнь, начиная с детства, при живом еще отце - и меня это более чем устраивало. Неужели теперь я готов пожертвовать своим одиночеством - ради даже сколь угодно чистых отношений? Нет, нельзя принимать такие решения и брать на себя такую ответственность под влиянием чувств, которые, быть может, вызваны лишь совместно переживаемой опасностью и иссякнут, когда она закончится. Да и вообще, рано загадывать на будущее. Нам бы из Пустошей благополучно выбраться для начала...

- И я тебя тоже, - тут же откликнулась на мои слова Кэролайн. - Понятно, сейчас именно я завишу от тебя, но если случится наоборот... если, скажем, ты будешь ранен или болен - я буду тащить тебя на себе столько, сколько понадобится. Это не пустые слова. У меня получится. Ты знаешь, я выносливая.

- Надеюсь, до этого не дойдет. Ну ладно. Не люблю пафосных сцен. Нам еще единорога разделывать.

- Все-таки жалко, что даже двойная девственность не помогла его укротить, - заметила Кэролайн.

- Девственность - штука хорошая, но пули 44 калибра надежнее.

- Я надеялась, что дальше мы поедем верхом.

---

[53] В оригинале under pants, т.е. "под штанами".

- Нет, - возразил я, - дальше мы пойдем пешком, но сытые, что гораздо важнее.

Итак, мясо и вода у нас были, а вопрос с костром мы решили благодаря все тем же длинным растениям, что тянулись из заполненных водой дыр. Сами они, правда, гореть не желали, ибо содержали слишком много влаги, но мы собрали напа́давшие с них сухие листья, которых было особенно много в центральной части котловины.

Кстати, в единорожьем мясе на вкус не оказалось ничего необычайного. Конина - она и есть конина.

Заночевали мы рядом с котловиной (но, конечно, не в ней самой, не зная, какие твари могут явиться на водопой), а утром, понятно, двинулись дальше на восток. Растительность сделалась более обильной, не ограничиваясь больше мхом и лишайником - в низинах росла трава (летом наверняка зеленая, но теперь уже пожелтевшая), а на склонах и на вершинах - кустики, немногочисленные, низкорослые и неказистые, но, как видно, обладавшие длинными и мощными корнями, тянувшими воду с глубины. Надо полагать, та сила, что перекорежила весь рельеф наверху, породила и немало подземных полостей, со временем наполнившихся дождевой водой - но, увы, за исключением уже покинутой нами котловины, больше эта вода нигде не выходила на поверхность; я пробовал копать в низинах в надежде дорыться до воды, но увы. Экономить воду, правда, помогала совсем не жаркая погода, зато мешала необходимость то и дело карабкаться вверх по очередному склону - но, понятно, никакая экономия не позволила бы нам растянуть набранные в котловине 11 пинт надолго. Новые попытки отыскать места водопоя по следам тоже успеха не имели - во-первых, в траве этих следов практически не оставалось, а во-вторых, по всей видимости, местные травоядные утоляли жажду влагой растений, а местные хищники - кровью своих жертв. Впрочем, трава выглядела уже довольно пожухлой (что нам, в отличие от местных тварей, было только на руку - так она куда лучше, чем сочная и свежая, годилась для костра).

Однако на второй вечер, то есть через два дня пути от котловины, когда наш котелок был уже пуст и тратить приходилось воду из фляг, мы нашли выход. Ну как мы - его нашла Кэролайн, хотя он был таким простым и очевидным, что я чуть не стукнул себя кулаком по лбу с досады, что не додумался до этого раньше (ну, правда, раньше бы оно и не сработало). Дистиллировать, то бишь выпаривать, воду можно не только из, собственно, воды. Но и из почвы! И для этого она совсем не обязательно должна быть сырой, как в болоте - там, где рос только лишайник, было еще слишком сухо, а вот того уровня влажности, при котором растет трава, как на дне здешних ложбин, уже должно быть достаточно.

Эти теоретические прикидки вполне подтвердились на практике. Выглядело это в итоге так. Мы останавливались на ночь в низинах, где было побольше травы - она же и указатель на достаточную влажность грунта, и топливо для костра. Первым делом мы рвали ее побольше, ну а собственно выпариванием занимались в две смены во вторую половину ночи (начиная с половины первого пополуночи), когда земля наиболее холодная, "для повышения эффективности конденсации", как пояснила Кэролайн - у нас ведь уже не было водоема, куда можно было опустить кишку, но если прикопать ее на глубине около фута в ночную октябрьскую землю, выходило еще лучше. Один полный цикл при уже горящем костре и закопанной кишке, которую оставалось только подсоединить к котелку - насы́пать землю в котелок, максимально разрыхлив ее, подвесить котелок над огнем, дождаться, пока из кишки сперва начнет, а потом перестанет капать вода, очистить котелок для новой порции - занимал примерно три четверти часа и давал на выходе полную пинту (за это время, само собой, можно было нарвать новой травы и выкопать и измельчить новый дерн). Таким образом, полтора часа - кварта, три часа - полгаллона. Потом вахта менялась, один шел в палатку досыпать, другой заступал на его место. За вычетом самого котелка, суммарный объем нашей тары составлял 7 пинт, но заступивший на дежурство устраивал себе ранний завтрак, выпивая одну пинту (под мясо единорога, само собой - и трудно было сказать, какая часть трапезы в таких условиях была более роскошной), и таким

образом освобождалось место для "лишней" пинты из второй половины галлона. Галлон воды в день на двоих в отсутствие жары - по пустошным меркам, шикарно почти до неприличия! И при этом и времени выспаться за длящуюся более половины суток ночь более чем хватало.

Эти ночные стоянки в заросших травой низинах, конечно, заставляли меня беспокоиться по поводу тварей (хотя визит спиногрудой показывал, что и возвышенности от них не гарантируют). Особенно учитывая периодически доносившиеся по ночам с разных сторон то низкие завывания, то хриплые, но пронзительные визги, то нечто, похожее на безутешный плач или истерический смех - иногда такие звуки внезапно разрывали тишину и снова смолкали, а иногда концерт мог продолжаться чуть ли не часами. Однако все это всегда звучало откуда-то издалека - похоже, тех, кто обитал в этой местности, огонь отпугивал, а не привлекал. Вообще твари, рыскавшие в этой траве и ползавшие по склонам - даже и те, которых удавалось заметить днем - были мне незнакомы, так что не только ихняя опасность, но и ихняя съедобность оставалась под вопросом, но пока что мы могли не рисковать, проверяя это. Учитывая, что Кэролайн теперь тоже было в чем нести еду, мяса единорога нам должно было хватить на шесть дней без всякой экономии (если только оно не испортится раньше). В свою очередь, проверить на съедобность нас тоже пока что никто не пытался - то ли благодаря все той же мрачной репутации спиногрудых, то ли потому, что мы, наоборот, слишком отличались от привычной местным хищникам добычи, которой им пока что хватало и так. Самих спиногрудых мы больше не видели - во всяком случае, живых. Возможно, они предпочитают ночной образ жизни - а возможно, тоже чуяли в нас себе подобных и предпочитали не связываться именно поэтому, хотя мы и были явно слабее.

На пятый день пути от котловины я, однако, заметил некую странность - растительность вокруг сделалась прямо-таки пышной по пустошным меркам (во всяком случае - была таковой летом); трава поднималась по склонам до самого верха, а внизу разрослась так густо и высоко, что это даже мешало идти, но при этом твари куда-то пропали. То есть мы не видели не только их самих, но даже ихних следов, будь то отпечатки конечностей, обгрызенные стебли или кучки навоза. "Ну так неудивительно, что трава так разрослась, раз ее никто здесь не ест", - сказала Кэролайн, когда я поделился с ней этим наблюдением. "Да, но *почему* такую густую и сочную траву никто не ест?" "Возможно, она ядовитая?" - предположила девушка. "Возможно, - ответил я с сомнением. - Хотя внешне она не отличается от той, что мы видели раньше, но в Пустошах внешность бывает очень обманчива. Однако тут растут разные виды растений. И одинаково ядовиты они все?" "Ну ты сам говорил, что в Пустошах ядовитость - скорее правило, чем исключение." "Для человека - да, но не для местных травоядных." "Возможно, яд содержится в почве или растворен в воде. А если ты намекаешь на каких-то монстров, которые тут всех сожрали и распугали, то мы бы тогда видели хотя бы их следы, ведь так?" Это было логично, но ситуация мне все равно не нравилась. И перестала нравиться еще больше, когда, спустившись в очередную низину, мы таки наткнулись в этой густой, вымахавшей почти по пояс траве на скелет.

В первый момент он показался мне человеческим, но, раздвинув желтые стебли (местами уже проросшие между костями), чтобы рассмотреть получше, я понял, что это, очевидно, скелет одного из спиногрудых. Длинную змеиную шею уж никак нельзя было спутать с человеческой. Не берусь судить, какого пола было это существо при жизни - если проводить аналогии с пропорциями человеческих костей, то зад у него был как у самки, а плечи как у самца - но, во всяком случае, оно было точно не меньше застреленного мной, а пожалуй что и еще крупнее. И кто же прикончил и так чисто обглодал одну из самых опасных здешних тварей, от которой стараются держаться подальше все прочие? Все-таки кроволюбы? По скелету, конечно, уже невозможно было сказать, были ли там какие-то источники кровотечения, но, по крайней мере, следов от зубов или когтей - или, чем Судьба не шутит, от оружия - я на костях не нашел. Мысль о том, что это все же были какие-то насекомые - возможно, даже и неизвестные в других

районах Пустошей - меня совсем не вдохновляла. Впрочем, насекомые могли чисто объесть и уже мертвую тушу, а причиной смерти, допустим, действительно мог быть яд - хотя вряд ли эти человекоподобные твари питаются травой, а никаких ягод и грибов тут вроде бы не растет...

- Знаешь что, Кэролайн, - сказал я, - идем-ка мы обратно.

- Куда?

- Не знаю. Для начала снова поднимемся на западный склон и пойдем вдоль него к югу до тех пор, пока не увидим каких-нибудь живых тварей или хотя бы ихние следы...

И тут в траве раздался шорох. Производило его что-то некрупное, но явно больше насекомого. Скорее, размером с крысу. Тоже, кстати, вполне себе вариант - ихние мелкие зубы могли и не оставить на костях следов, заметных при моем поверхностном осмотре... И, главное, оно двигалось в нашем направлении, причем довольно-таки быстро. Но, судя по звуку - оно было одно, не целая стая. И вместо того, чтобы отходить назад, как я только что сказал, я решил все же задержаться и посмотреть, что это такое. Но, чтобы не стоять по пояс в траве, в которой ползает или бегает неизвестно что, я взобрался на скелет, встав ему на ребра (кости легко выдерживали мой вес), а Кэролайн велел отойти за него.

Оно не заставило себя долго ждать. Меж стеблями травы, где я только что стоял, высунулись сперва длинные усики, а затем - черная треугольная голова с похожими на клещи челюстями. Верны оказались, в некотором роде, сразу оба предположения. Это был муравей. Но размером с крысу, если считать без хвоста.

И он весьма резво пополз (я бы даже сказал - побежал) по ребру прямиком ко мне.

Я отступил на шаг, дождался, пока он окажется над грудиной, и топнул ногой. Его панцирь оказался неожиданно твердым, но все же хрустнул под каблуком моего сапога. Когда я убрал ногу, тварь все еще сжимала и разжимала челюсти. В воздухе стал распространяться резкий кислый запах.

- Уходим, быстро! - распорядился я, и мы торопливо зашагали сквозь шелестящую сухую траву в сторону того склона, по которому недавно спустились.

- Там же был только один? - Кэролайн, конечно, задавала вопросы уже на ходу.

- Где был один, будут и другие. Это был разведчик.

- Но ты же его раздавил?

- Ему необязательно возвращаться к своим, чтобы сообщить им. Они учуют запах.

- Запах раздавленного муравья должен скорее отпугнуть их, чем привлечь, разве нет?

- Не знаю. Крыс, пожалуй, отпугнул бы. Крысы не полезут туда, где погиб ихний сородич, потому что каждая из них думает о себе и не хочет оказаться на его месте. А муравьи о себе не думают, они тупо лезут на верную смерть ради интересов всего муравейника. Для них враг, достаточно большой, чтобы давить их - повод не держаться подальше, а атаковать толпой. Тем более что в таком враге много мяса.

И действительно, позади нас вскоре послышался новый шорох, причем с разных направлений, словно нас пытались взять в полукольцо. Но необходимости переходить на бег я пока что не видел - не от избытка гордости, а просто трезво оценив скорость противника. Она соответствовала скорости быстро идущего человека - но не более чем, а мы уже подходили к западному склону. Я догадывался, что муравьи вполне способны полезть за нами наверх, и вот на изрядно крутом подъеме они, вполне возможно, получат преимущество в скорости, так что туда их пускать не следовало.

- Рви на ходу траву! - велел я Кэролайн и сам принялся делать то же самое. - Только не задерживайся, рви тонкие пучки.

- Мы их подожжем? - догадалась она.

- Да!

Мы дошли до уходящего вверх склона. Я остановился и развернулся. Судя по шелесту и заметному кое-где колебанию стеблей, за нами двигались уже, по меньшей мере, десятки

насекомых - но их от нас еще отделяло не меньше пятнадцати ярдов. Я сунул толстый пук нарванной по пути травы Кэролайн, а сам достал спички. Без лишней суеты я зажег одну из них и поднес огонь к траве, которую держала девушка. Трава занялась хорошо, и мы разбросали горящие пучки полукругом на пути приближающихся муравьев - а затем развернулись, чтобы лезть на склон.

И вот тут зашуршало уже спереди и сверху, между росшими на склоне травинками посыпалась земля, выталкиваемая из запечатанных до времени ходов, а потом из этих самых ходов полезло множество муравьев. В считаные мгновения весь склон уже кишел ими. Похоже, и этот склон, по которому мы недавно безмятежно спустились, и противоположный, до которого так и не добрались, и вообще вся местность вокруг представляла собой гигантский муравейник! Не выстроенный кучей на ровном месте, а вырытый внутри уже имевшихся складок рельефа, но тем труднее его было вовремя распознать.

- Огонь! - крикнул я. - Все время держи горящую траву и суй им в морды!

Избрать пассивную тактику - засесть на очищенном от травы пятачке и ждать, пока огонь распространяется в разные стороны - мы не могли. Как не могли и просто идти следом за огнем, который без ветра по траве распространяется медленно. Трава бы выгорела, уничтожив часть муравьев - а потом из подземных ходов там, где пламя уже прошло, полезли бы новые. Так что нам нужно было активно пробиваться туда, где этих ходов не было, двигаясь, по возможности, все время в окружении огня - и при этом еще не обгореть и не задохнуться самим.

И мы полезли вверх, вырывая пучки травы перед собой (у крутизны склона было хотя бы то достоинство, что для этого не приходилось низко сгибаться), пихая их в огонь позади и снова выставляя впереди себя, словно какие-нибудь, да простится мне такое сравнение, магические обереги, призванные удерживать нечистую силу. Муравьи, надо отдать им должное, лезть в огонь все же не желали, но пытались прорваться сбоку, и приходилось поджигать траву и там тоже. На склоне трава была не такой высокой, как внизу, так что перспектива сгореть нам, в общем, не грозила (хотя топтаться прямо по огню, даже не доходящему до колена и даже в крепкой обуви, тоже нежелательно) - но настоящей проблемой стал дым. Хотя основной пожар, расходившийся все более широким фронтом, оставался позади нас - но на крутом склоне мы практически все время оставались в поднимавшемся снизу дыму. Он ел глаза, нос и горло, мы постоянно кашляли и в итоге вынуждены были остановиться в огненном кольце, чтобы смочить водой из фляги платки, которыми мы когда-то закрывали рты и носы в Долине Бородавок, и сделать то же самое здесь. Но и эта защита была далеко не идеальной и, главное, совершенно не спасала глаза, так что вскоре мы уже не видели ничего, кроме собственных слез (и сизой пелены сквозь них), и продолжали путь практически вслепую.

Из-за этого - ну и из-за треска горящей травы, заглушавшего шорох членистых конечностей - я даже не сразу сообразил, что нас больше не пытаются атаковать. Муравьям, очевидно, тоже совсем не нравился дым, причем, учитывая, что запахи играют в ихней жизни гораздо бóльшую роль, чем в нашей, он им, видимо, не нравился еще сильнее. Они отступили в свои ходы, снова запечатывая их за собой - но наши проблемы на этом не закончились. Нам больше не нужно было поджигать траву вокруг нас, но нам хватало дыма и от той, что продолжала разгораться вширь внизу - и в этом дыму нам предстояло преодолеть еще по меньшей мере две трети кручи.

В общем, не знаю, как мы там не задохнулись, но в итоге, ощупью, кашляющие даже сквозь платки и совершенно выбившиеся из сил, мы в буквальном смысле на четвереньках выползли на верх земляной складки, где, наконец, ощутили дуновение холодного осеннего воздуха. Мы ползли навстречу этому воздуху, пока проклятый дым, валивший из ложбины, не остался окончательно позади - хотя, конечно, запах гари все равно чувствовался, но уже на терпимом даже без платка уровне - а потом повалились рядом на сухую каменистую почву, где росли лишь отдельные чахлые травинки, но, по счастью, никто уже не пытался подобраться к

нам, чтобы сожрать. Мы лежали ничком, прямо физиономиями в эту каменистую пыль с редкими колючими былинками, вытянув руки вперед, не в силах даже скинуть рюкзаки. Я нашарил левой рукой правую ладонь Кэролайн; она перевернула ее и сжала мои пальцы. В такой позе мы и остались приходить в себя.

Наконец, когда у нас перестали слезиться глаза и першить в горле, мы посмотрели друг на друга - и оба прыснули со смеху. Это не была истерика - просто лицо Кэролайн, перемазанное сажей выше бывшей линии платка и в полосатых разводах от слез и пота ниже, и в самом деле выглядело ужасно смешно, и мое, очевидно, ничуть не лучше. Потом мы вознаградили себя несколькими глотками воды - но лишь несколькими, не зная, когда доберемся до безопасной низины, где можно будет снова заняться выпариванием - и пошли поверху между ложбинами на юго-запад, в поисках безопасного пути в обход. Я не знал, как далеко под землей простирается муравейник - вполне вероятно, что мы все еще были над ним - но похоже было, что его ходы выходят в ложбины, а не наверх. Но мы могли почувствовать себя в безопасности, лишь добравшись до мест, где снова заметим других живых тварей (забавно, конечно, когда наличие тварей служит критерием безопасности). Кстати, основной пищей этих муравьев были, очевидно, не твари, обитающие на поверхности - иначе, истребив и распугав их, муравьи бы сами перемерли с голоду - а какие-то подземные существа или даже вовсе грибы и соки, вытягиваемые из корней растений. Но это совсем не значило, что они не станут разнообразить свое меню и всяким, кто забредет на ихнюю территорию поверху, как мы уже могли убедиться. Пожар в ложбине тем временем продолжал разгораться, распространяясь вдоль дна, и хотя мы, шагая куда быстрее огня, вскоре оставили его позади - оглядываясь назад, мы видели дым над горизонтом до самого вечера.

Вечером же мы заметили и первую живую тварь - многоножку длиной с аллигатора, с головой, напоминающей рогатый череп, но покрытую при этом не хитиновым панцирем, а густой и довольно длинной бурой шерстью. Мы были готовы радостно ее приветствовать, но она, в свою очередь, тоже явно обрадовалась встрече с нами и с необычайной резвостью засеменила в нашу сторону, так что пришлось ее пристрелить. (Я подумал, нельзя ли использовать ее шерсть для утепления нашей одежды, но отказался от этой идеи, увидев, что в ней что-то ползает.) Для надежности мы прошли еще немного на юг, избегая спускаться, пока не добрались до конца ложбины, преграждавшей нам путь на восток, и лишь тогда свернули в нужном нам направлении. Заночевали мы наверху, где земля была слишком сухой, чтобы добыть из нее воду.

В итоге за весь этот муравьиный день мы, вероятно, вообще не продвинулись к востоку, а то и даже отступили на пару миль к западу. Мне трудно оценивать наши перемещения и координаты точнее с тех пор, как мы пересекли Идиотскую Стену - последний нанесенный на карту крупный ориентир. Определять пройденное расстояние по времени тоже было сложно, поскольку наш путь все время извивался либо по вертикали (что, понятно, очень замедляло движение), либо по горизонтали (что не позволяло понять, насколько мы продвинулись в восточном направлении). Но, по моим интуитивным прикидкам, нам все еще оставалось что-то около семидесяти миль на восток до выхода на караванную дорогу. Возможно, больше, но вряд ли намного меньше.

Итак, на следующий день после муравьев, или на шестой после котловины, у нас практически закончилась единорожина. Воду мы тоже экономили, но ее запас я рассчитывал пополнить в следующую же ночь, а вот где добыть новую пищу, было неясно. Ни одна тварь, попадавшаяся нам, либо решительно не выглядела съедобной, либо даже и близко не подпускала на расстояние выстрела. Да уж, удружили нам наши спиногрудые кузены, научив всю дичь в этих в общем-то богатых, по пустошным меркам, жизнью краях бояться двуногих существ! Такой подлянки я, выбирая путь через эти совершенно безлюдные места, признаться, никак не ожидал. Интересно, кстати, как охотятся за столь пугливой дичью они сами? Возможно -

загоняют добычу большой стаей, окружая ее с разных сторон, чего мы вдвоем, понятно, повторить никак не могли. Или даже, как те же муравьи, основную свою пищу добывают под землей (не потому ли у них, кстати, такие шеи?), но не брезгуют при этом и тварями на поверхности, если те не проявляют достаточно ума и сноровки, чтобы вовремя удрать... Впрочем, единственную пользу тут все же можно было усмотреть - то, что несъедобно для спиногрудых, было почти наверняка несъедобно и для нас (а вот в обратную сторону - совсем не факт), а стало быть, тварей, которые скрыться от нас не стремились, не стоило даже пытаться пробовать.

В общем, все охотничьи попытки этого дня остались неудачными. Вечером мы, со всей возможной осторожностью, спустились в очередную низину и, не обнаружив там никаких признаков муравьиных ходов, расположились на ночлег. Подбросив травы в костер, зажженный перед входом в палатку, чтобы отпугивать тварей, я отправился спать на голодный желудок - последний кусочек мяса, которое, похоже, все еще было пригодно в пищу, был оставлен на завтра - собираясь проснуться после полуночи, чтобы заняться получением воды.

Я проснулся раньше - от воя. Кэролайн спала, уже привычная к этому звуку, но я даже сквозь сон уловил, что он звучит ближе, чем обычно - и вроде бы даже с какой-то другой интонацией, если к звериному вою применимо это слово. Я поспешил вылезти наружу к костру, который уже догорал. Луна еще, как я знал, не зашла, но пряталась за густыми облаками, так что наш огонь был практически единственным источником света. Я подбросил в него побольше заранее приготовленной травы. Пламя с треском взметнулось вверх, озаряя клубы собственного дыма и выстреливая во мглу снопы искр. И в его свете я увидел в темноте яркие точки, которые не были искрами. Это были глаза. Сперва мне показалось, что их с полдюжины пар, но я просто не увидел все сразу.

Они не отпрянули в ночь от разгоревшегося костра. Напротив - они неспешно подходили к нему, показывая, что не боятся. Выли не они - то были, вероятно, ихние сородичи, быть может, даже специально отвлекавшие внимание или подсказывавшие им дорогу. А эти твари приближались молча. И вскоре я уже мог рассмотреть их достаточно хорошо.

Они походили на крупных горбатых волков с очень широко, как у ящерицы, расставленными лапами. И на передних лапах у них все пальцы срослись в один, который заканчивался здоровенным загнутым вверх когтем, выглядевшим так, словно он способен пробить стальной лист (а уж чье бы то ни было брюхо тем более) - и, в отличие от пустошных гиен, такой коготь совсем не мешал при беге. Из горба у них торчали длинные, толстые у основания и острые на концах костяные шипы. Но всего поразительней была морда. Она была перевернута! То есть мощные челюсти с оскаленными зубами (тоже выглядевшими так, словно они способны грызть и перекусывать сталь) находись вверху головы, на нижней из них - так сказать, на подбородке - чернели широкие дыры ноздрей, а еще ниже горели отраженным оранжевым светом костра те самые глаза. Длинные острые уши горизонтально торчали по бокам.

Подумав несколько секунд, я понял, что в таком строении головы есть смысл - оно удобно, чтобы идти по следу, высматривая и вынюхивая его на земле. Что до обзора вверх, то он им, видимо, не требуется - если кто и попытается напасть на них оттуда, его встретят шипы. Все твари, сумевшие дожить до наших дней, устроены, на самом деле, вполне разумно, даже если на первый взгляд и кажутся нелепыми...

Само собой, я не стал долго умиляться совершенству этого строения хищника-следопыта, атакующего снизу. Я вскинул револьвер и выстрелил в ближайшего.

Он свалился, все еще повизгивая и дергая лапами в агонии. Но, вопреки традициям пустошных хищников и моим ожиданиям, остальные не набросились на него. Уж не знаю, что этому мешало - возможно, тот самый страх подцепить от своего сородича его болезни и паразитов. Они лишь отступили в темноту - но не бросились наутек. Я понял, что они пытаются

окружить костер и палатку, из которой, конечно, уже высунулась голова разбуженной выстрелом Кэролайн. Я велел ей вылезать с оружием (хотя у нее оставались последние пять патронов в барабане ее "молнии") и встать ближе к огню. Это было очень своевременно, ибо, едва она успела шагнуть к костру, как на палатку сзади из темноты кто-то прыгнул, повалив удерживавшие ее изнутри вымбовки. Я тут же повернулся и выстрелил - и, конечно, попал.

И тут начался хаос. Они принялись прыгать сразу со всех сторон, в то время как костер прикрывал нас только с одной. Я крикнул Кэролайн "пригнись!" и, почти вжимаясь спиной в огонь, только и успевал палить в разные стороны - сперва из двух револьверов, потом, когда в первом кончились патроны, из одного. Кэролайн, стоя на одном колене, тоже выстрелила дважды. Потом - все это занимало считаные секунды - и второй мой "дракон" смолк, и я сделал еще шажок назад, чувствуя обжигающий жар пламени, но это была моя единственная защита, чтобы перезарядиться. И тут Кэролайн, быстро оглянувшись в мою сторону, предостерегающе крикнула: "Майк!!!"

Я успел развернуться аккурат чтобы увидеть, как один из этих... перевертышей, возможно, самый матерый из всех, прыгает на меня прямо через костер. К этому моменту я успел вогнать в барабан только один патрон (вот когда я пожалел, что не использую картонные картриджи), но я всегда начинаю заряжать с того гнезда, которое первым встанет под боек при возвращении барабана, и мои руки действовали быстрее, чем мой разум. Я загнал барабан обратно и выстрелил летящей на меня твари между глаз с расстояния, наверно, не больше фута. А в следующий миг эта тяжелая туша врезалась мне в грудь и сбила с ног.

Я рухнул навзничь, придавленный его весом, чуть не задыхающийся от вони псины и паленой шерсти, все еще не знающий, жив или мертв мой враг. Его жуткие зубы были прямо возле моего лица, и я, бросив (впервые за всю мою бэдлэндерскую жизнь) оставшиеся патроны, которые все еще сжимал в левой руке, попытался дотянуться до ножа. Но тут Кэролайн упала на колени слева от меня и, приставив свою "молнию" к башке твари, выстрелила еще дважды. Теперь у нас на двоих остался ее последний патрон. Я со всей возможной силой и скоростью спихнул с себя вонючую тушу, боясь что все равно не успею.

Но все уже кончилось. Не то вожак (а это, наверно, был вожак) был последним, не то оставшиеся после его гибели предпочли все же ретироваться. Я, все еще сидя на земле, достал из кармана новые патроны и принялся снаряжать барабан, а на рассыпанные в траве указал Кэролайн: "Собери и оботри как следует, чтоб ни крупинки земли в ствол не попало."

- Это все, что ты хочешь мне сказать? - пробурчала девушка.

- Ну, конечно, рассыпал их я, но ты же видишь, я сейчас занят более неотложным делом, - я вставил барабан обратно и сунул ей второй "дракон": - Заряди, когда отчистишь патроны.

- Вообще-то я только что спасла тебе жизнь!

Я наклонился, внимательно рассматривая в свете костра голову все еще лежавшей справа от меня твари.

- Не совсем так, - сказал я. - Ты стреляла туда, где у нормального волка был бы висок, но у этого перевертыша - место, где сходятся челюсти. А под ним, очевидно, глотка - у них шея горизонтальная, как у ящериц, и мозг снизу от нее, а не сверху. Так что смертельным был только мой выстрел, а ты просто зря истратила два предпоследних патрона. Но спасибо за попытку, конечно, - окончательно убедившись, что зверь мертв, я сунул заряженный револьвер в кобуру.

- Майк!!! - Кэролайн чуть не задохнулась от возмущения. - А предупредил тебя кто?!

- Да, конечно, - серьезно согласился я. - Просто ты же знаешь - сначала забота об оружии, а все эмоции потом, - я посмотрел на нее. - На самом-то деле, ты потрясающе смелая. Не буду говорить "как для девчонки", не волнуйся. На твоем месте и многие парни наложили бы в штаны, или просто стояли бы столбом, не зная, что делать. Вон какие зубы - поднести к ним руку вплотную, даже если в этой руке револьвер... А куда этой твари лучше стрелять, ты, конечно, знать не могла, у тебя и времени рассмотреть-то их не было... Так что - ты не обижайся,

пожалуйста, на мое неумение говорить комплименты, но ты их все заслуживаешь.

- Не все, наверно, - ответила она, отводя взгляд. - На самом-то деле, я жутко перепугалась. Но... не столько за себя, сколько за тебя. И вовсе не потому, что без тебя и мне отсюда не выбраться...

- Выбралась бы, - ободрил я ее. - Уже недалеко осталось, а ты уже очень многое знаешь про Пустоши. Про эти края так и вовсе ровно столько, сколько и я.

- Вот я и говорю - вовсе не за себя я боялась.

- Знаешь, - сказал я после паузы, - обо мне никто никогда всерьез не беспокоился. То есть мне, вообще-то, не раз спасали жизнь, и я тоже ее спасал. Но я ее даже бандитам спасал, чтобы награду за них получить. А компаньону в Пустошах помогаешь потому, что он потом поможет тебе. Потому что вы нужны друг другу для выполнения миссии, или просто чтобы выбраться живыми. Нет, ты не то чтобы просто используешь его - ты честно играешь с ним в одной команде, но он важен тебе именно как член команды. А не сам по себе. Ну, по крайней мере, у меня всегда было так. А теперь вот... странное чувство.

- Но приятное, разве нет?

- Не знаю, - покачал головой я. - Получается, что теперь я не должен помирать не только потому, что мне самому этого не хочется, но и чтоб тебя не огорчить.

- И что ж тут плохого, если мы оба не хотим одного и того же? Не вижу конфликта интересов.

- Ну, это ведь не только смерти касается. А в других вопросах этот самый конфликт уже может возникнуть.

- Ну, в общем случае да, но я ведь не какая-то там капризная взбалмошная дура. Мои представления о том, что хорошо и что плохо, разумны. А если я в чем-то не права, меня всегда можно переубедить логичными аргументами. И ты тоже не какой-нибудь самодур. Так что, по-моему, если я буду желать добра тебе, а ты мне, и мы оба будем стремиться не огорчать друг друга, то оба только выиграем. Каждый будет заинтересован в своем собственном благе не только ради себя, но и ради другого. Главное, чтобы это было взаимно. Видишь какой-нибудь изъян в моей логике?

- Вообще-то, да, - заметил я почти извиняющимся тоном. - Не огорчать ведь тоже можно по-разному. Можно - не делая того, что человек бы не одобрил, а можно - скрывая это от него. Обманывая его. При этом, если обман никогда не раскроется, цель будет достигнута - но лично мне бы не хотелось, чтобы меня не огорчали такой ценой. Я уж лучше буду держаться подальше от этого человека со всеми его тайнами.

- Ты хочешь держаться подальше от меня?

Вопрос был задан серьезным тоном, и отвечать тоже надо было серьезно.

- Нет, - ответил я. - Но ты ведь меня не обманываешь? И ничего от меня не скрываешь?

- Нет, - сказала она. - Такого, что тебя огорчит - точно нет. Я, конечно, не рассказывала тебе подробности научной работы моего отца, но ты ведь недостаточно знаешь физику и химию, чтобы их понять... извини, конечно...

- Чего тут извиняться, это же правда... Хотя вообще удивительно, что ты, со всеми твоими знаниями, можешь относиться ко мне... не просто как к проводнику. Помнишь, когда мы говорили о девственности, ты сказала: "Как здорово, что мы совпадаем и в этом тоже"? Я тогда подумал - ну, круто, конечно, что ты так считаешь, но - а в чем еще? По правде-то говоря, между нами больше различий, чем сходств. Во всем, начиная с возраста и жизненного опыта...

- Я сказала - "совпадаем", а не "тождественны". Как ключ совпадает с замком. А не как два одинаковых ключа, которые совершенно бесполезны друг для друга. Понимаешь, в чем дело, Майк? Если ключ и замок не совпадают, они будут только ломать друг друга. Вот тогда будет то, что мы оба ненавидим - нарушение свободы, когда один пытается принудить другого, переделать его под себя, и ложь как реакция на принуждение, как попытка скрыть эту несовместимость от

другого или, еще хуже, от самого себя. Но это - не наш случай. Наши различия - не антагонистичны, они взаимно дополняют друг друга. Теоретические знания и практический опыт. Твой прагматизм уравновешивает мой энтузиазм. Поверяет мои мечты трезвым скепсисом. А я, в свою очередь, могу открыть для тебя новые горизонты. "Не огорчать другого" в нашем случае не значит "подлаживаться под другого, предавая себя". Если бы ты перестал быть собой, чтобы угодить мне - вот как раз *это* меня бы огорчило! Но ты ведь так не сделаешь, верно? И не захочешь такого от меня. Поэтому не вижу никакого противоречия.

- Но я же должен казаться тебе неотесанным чурбаном.

- То, что ты не знаешь формул, совсем не делает тебя дураком, - возразила она. - Ум и знания - совсем не одно и то же. Тем более что ты знаешь много чего другого. А по физике и химии я все еще надеюсь со временем тебя подтянуть, - улыбнулась она. - Если, конечно, ты сам захочешь. Вот твой "дракон", но я нашла только пять патронов.

- Все правильно, я ведь успел зарядить шестой, - я взял у нее револьвер и посмотрел на него. - Знаешь, я всю жизнь был доволен тем, что я один, и не хотел ничего другого. А теперь так рад, что встретил тебя, - признался я, продолжая глядеть на "дракон", словно говорил с ним - со стороны это, наверно, смотрелось довольно забавно. - Хотя, - я снова перевел взгляд на девушку, - если бы этого не случилось, я бы сейчас спокойно попивал чаек дома в Аркэндэйле. Но тот, кто мечтает всю жизнь сидеть дома и попивать чаек, не идет в бэдлэндеры.

- Я тоже очень рада. Не только потому, что ты спас мою жизнь. Даже если бы мне удалось уехать из Холинбрука мирно... Просто, понимаешь, ты-то привык всегда быть один, а я привыкла всегда быть с папой. Который, я тебе уже говорила, был для меня намного большим, чем просто родителем - кровное родство, на самом деле, вообще не имеет значения - он был моим единомышленником и другом. И после его смерти мир для меня, ну, не скажу, что рухнул, но сделался очень неуютным местом, даже если вынести за скобки КОБовцев... Я не сравниваю тебя с ним. Ты совсем другой, намного более жесткий. Он был мечтателем, а ты прагматик. Но, наверно, теперь, когда я повзрослела и избавилась от некоторых наивных иллюзий, мне как раз нужен такой, как ты. И главное, что наши отношения смогут оставаться совершенно чистыми. Какими они, на самом деле, и должны быть у мыслящих существ.

- Угу, - проворчал я, - даже у тех, которые не моются месяцами.

Я, конечно, понимал, о какой чистоте она говорит, но - не могу я не разбавить пафос. Кэролайн не обиделась, а рассмеялась:

- Майк Честер в своем репертуаре. Но все равно я хочу тебя обнять, хоть ты немытый, небритый и неисправимый.

- Тогда что тебе мешает? - улыбнулся я.

- Револьвер, который ты все еще держишь в руке.

Я сунул второй "дракон" в кобуру, и мы обнялись. При этом я подумал, что какой-то это все-таки не совсем правильный способ выражать взаимную симпатию - глядя друг другу не в лицо, а за спину.

И в тот же самый миг, глядя за спину Кэролайн, я увидел во мраке пару сверкающих глаз.

Револьвер тут же снова оказался у меня в руке. "Сзади!" - крикнул я Кэролайн и вскочил, целясь между горящими глазами.

- Нет, Майк, постой, не стреляй!

На сей раз Кэролайн не пыталась мне мешать и хватать за руку. Но, сидя на земле у моих ног и глядя уже в сторону твари, она выкрикнула эти слова.

Тварь не пыталась атаковать, и я все-таки в последний миг задержал палец на спусковом крючке. Теперь я лучше различил силуэт на самом краю (а скорее - прямо за краем) освещенного костром пространства. Это был, конечно, еще один перевертыш, но раза в полтора меньше прочих - видимо, еще щенок. И он просто сидел, а не готовился к прыжку, как мне показалось в первый момент - просто из-за согнутых и расставленных передних лап его поза больше

напоминала лягушачью, чем собачью.

- Почему? - спросил я Кэролайн, понимая, что она не просто "пожалела щеночка" - у нее явно возникла какая-то более разумная причина.

- У меня появилась одна идея. Сейчас, погоди... ты, конечно, следи за ним, но не стреляй, если он не попытается напасть, - с этими словами она полезла в то, что недавно было нашей палаткой, а теперь превратилось просто в лежащую на земле ткань, придавленную с разных сторон телами убитых перевертышей. Кэролайн поползла под этой тканью в сторону вздутия, которое, очевидно, было моим рюкзаком, и некоторое время, лежа на земле (распрямиться мешал вес придавивших материю тварей), рылась там - а я все это время быстро переводил взгляд то на нее, то на перевертыша, который пока что сидел на месте. Но, когда девушка уже вылезала обратно, он вдруг потянулся своей жуткой головой вперед, и я уже почти нажал на спуск, но Кэролайн снова крикнула: "Не стреляй!" - а затем вдруг бросила что-то твари. В темноте я не разглядел, что именно, однако почувствовал запах копченого мяса. Подтверждая мою догадку, щенок поймал летящее зубами и принялся жевать.

- Ты что, - обалдел я, мигом забыв все предыдущие нежности, - отдала этой твари нашу последнюю еду?! Ты рехнулась?!

- Просто подумала, что их интересовало в первую очередь оно, а не мы. То есть нас бы они, возможно, тоже сожрали, но в первую очередь они атаковали палатку. А нас - лишь постольку, поскольку мы стояли на пути к ней.

В первый миг эти слова показались мне полным бредом - как можно предпочесть один кусок несвежей конины (ладно, пусть единорожины) куда более крупным и свежим нам, но затем я присмотрелся к тому, как лежат мертвые перевертыши. Всего я насчитал восемь тел, из которых пять лежали или прямо на ткани палатки (хотя бы мордой или лапами), или совсем рядом с ней мордами в ее сторону. И лишь три (включая тех, кого я застрелил первым и последним) - на некотором от нее отдалении, причем неизвестно было, куда они направлялись. Может, даже тот, что прыгнул через костер, рвался вовсе не ко мне, а к рюкзаку, уже убедившись, что в обход огня к нему не пробиться - а я просто оказался у него на пути.

- Хочешь сказать, что в мясе единорога все же есть что-то особенное, отличающее его от простой конины? - недоверчиво спросил я. - Что-то, против чего перевертыши не могут устоять?

- Не знаю, но вряд ли. Скорее, им просто очень понравился запах копченого. И они не знали, что у нас остался всего один кусок.

- Если и так, то на кой хрен ты отдала им, то есть ему, этот кусок? Надо было его просто пристрелить! Нельзя подкармливать хищников - даже обычных, а тем паче тварей! Теперь он от нас не отвяжется! - я снова поднял револьвер.

- Так в этом-то и идея! - поспешно воскликнула Кэролайн. - Мне кажется, эти, как ты сказал, перевертыши происходят от собак. Может быть, их можно снова приручить.

- Твари не приручаются, - покачал головой я.

- Угу, а еще "нельзя ночевать на болотах", - язвительно напомнила она. - Откуда ты знаешь? По-моему, это такой же бездумно повторяемый предрассудок. Может, кто-то когда-то и пробовал, но явно не со всеми видами тварей и уж тем более не с этим, про который, насколько я понимаю, доселе вообще ничего не было известно. А нам бы сейчас очень пригодилась охотничья собака, разве нет? Он отработает этот кусок с лихвой, если поможет нам выследить и настигнуть дичь.

Щенок тем временем доел подачку и снова уставился на нас своими оранжевыми глазами из-под нависавших сверху оскаленных челюстей. Но (хотя, возможно, мне лишь так показалось под влиянием слов Кэролайн) вид у него при этом был такой, словно он вот-вот завиляет хвостом. А может, он и правда им вилял, просто в темноте было не видно.

- Одним куском мяса мы его точно не приручим, - проворчал я. - Но, - я покосился на труп вожака, от которого еще сильнее разило паленым, ибо огонь облизывал его задние лапы, -

ладно, проверим твою теорию насчет копченого.

Вручив Кэролайн "дракон", чтобы приглядывала за щенком, я вырезал большой шматок вонючего мяса из ляжки его старшего сородича. Долго возиться с копчением того, что явно не годилось в пищу нам самим, мне было лень (тем более - под взглядом перевертыша, от которого все еще неизвестно было, чего ожидать), поэтому я предпочел пожарить шматок, бросив его прямо на угли костра. Щенок, надо отдать ему должное, вел себя смирно и терпеливо ждал. Наконец я вытолкнул концом ножа мясо из огня и, дождавшись, пока оно немного остынет (перевертыш в это время проявлял явные признаки нетерпения, но приблизиться не решался), бросил ему. Эксперимент увенчался полным успехом - если сырое мясо собратьев щенка не привлекало, то жареное он уплел с превеликим удовольствием и сделал пару робких шагов к костру, просительно поглядывая то на меня, то на Кэролайн. Вероятно, этот взгляд выражал мысль, что ничего вкуснее того, чем кормим его мы, он не пробовал за всю свою щенячью жизнь.

- Еще хочешь? - усмехнулся я, вырезая шматок из другой ляжки. - Ну хорошо. Но это будет уже на наших условиях.

"Условия" состояли в том, что я соорудил петлю на конце веревки и, когда мясо прожарилось, поманил этим угощением перевертыша к себе. Он, наконец, подошел вплотную к костру (забавно, но оказалось, что он и впрямь помахивает хвостом - хотя тот больше походил на крысиный, чем на собачий) и (под присмотром на всякий случай все еще державшей его под прицелом Кэролайн) потянулся к мясу в моей руке. Но на пути его перевернутой морды повисла петля. Он попытался обойти ее с одной и с другой стороны, но петля всякий раз оказывалась между ним и лакомством. Наконец он понял, чего от него хотят, и сунул голову прямо в петлю - которую я тут же затянул (несильно, но так, чтобы он ее почувствовал), одновременно давая ему мясо. Он дернул ухом и тут же принялся уплетать угощение. "Дешево же ты продал свою свободу, парень", - усмехнулся я.

Я привязал веревку (укоротив ее при этом до четырех ярдов) к середине перекрестия, сооруженного из двух вымбовок, которое, в свою очередь, закопал горизонтально в землю. Не то чтобы их невозможно было вырвать, потянув вверх, но у перевертыша не было такой возможности - он мог тянуть лишь вбок и добился бы этим лишь того, что петля стала бы его душить. А выкопать вымбовки он бы, наверно, не догадался, да и не смог бы своими загнутыми вверх когтями. Оставался, правда, вариант перегрызть - ну что ж, подумал я, посмотрим, захочет ли он это делать, уже усвоив, что копченое и жареное мясо можно получить только из наших рук. Потом мы с Кэролайн вытащили ткань вместе с нашими вещами из-под мертвых тел, но перебазировались недалеко - разбили палатку заново по другую сторону того же костра. Хотя ночевать рядом с падалью в Пустошах плохая идея, я рассудил, что, поскольку сначала я, а потом Кэролайн будем заниматься снаружи производством воды, да и к тому же рядом на страже будет живой перевертыш, новых неприятных неожиданностей до утра можно уже не опасаться.

Этот расчет полностью оправдался. Утром для закрепления лояльности тварeныш получил еще один жареный кусок сородича (но маленький, чтобы не отбить у него охоту охотиться), в то время как у его хозяев во рту не было ни крошки с предыдущего утра. Я отвязал его от вымбовок и повел сперва на короткой веревке, чтобы приучить к идее, что он должен идти рядом с нами (в другой руке у меня при этом был револьвер, но перевертыш не пытался ни вырваться, ни напасть), а потом постепенно вытравлял веревку, позволяя ему более свободно бегать вокруг и вынюхивать следы. Щенок, однако, вел себя по-щенячьи - бестолково носился туда-сюда, периодически утыкался своей перевернутой мордой в землю, чуя, вероятно, каких-нибудь обитателей нор (вот только, в отличие от нормальных собак, не мог копать своими лапами), но пока что не находил ничего полезного, так что мы просто продолжали идти с ним на восток.

- Надо его как-нибудь назвать, - заметила Кэролайн.

- Зачем? - пожал плечами я. - Все равно мы его скоро убьем.

- Убьем?

- Ну а что с ним еще делать? Привести на поводке в Хинтерзееланд? Воображаю, в каком восторге будут тамошние пограничные чиновники. Да и я совсем не хочу отвечать, если он на кого-нибудь нападет или нанесет урон чужой собственности.

- Ну... можно же не убивать, а просто отпустить.

- Уже не получится, - покачал головой я. - Раз мы его приручили, он от нас уже не отстанет.

- Да, наверно, - вздохнула Кэролайн. - Ну все равно. В лаборатории не должно быть образцов без этикеток.

- Ну, пусть будет просто Щенок.

Пару раз Щенок уверенно натягивал веревку, и мы бежали за ним по лысым буграм и заросшим травой ложбинам и карабкались по склонам, но в первый раз погоня окончилась ничем - Щенок просто остановился среди сухой травы, недоуменно крутя головой, а потом повернулся к нам с видом "ладно, проехали" (вызвавшим у меня, тяжело переводившего дыхание после всей этой долгой беготни вверх-вниз, острое желание съездить лопатой по его нагло скалящейся перевернутой морде). Во второй раз он привел нас к остаткам чужого пиршества - свежим, но уже, понятно, бесполезным. От добычи осталась лишь груда костей с приставшими к ним кровавыми ошметками. Время от времени наш питомец также тянул нас к невысоким кустикам с мясистыми листьями, которые и жевал, утоляя, очевидно, таким образом жажду; мы быстро научились отличать, когда его целью являются именно кусты, а не след добычи (он не упирался мордой в землю и тянул ровно, без рывков) и можно, соответственно, не бежать. Но, хотя сам он, по всей видимости, вполне наслаждался жизнью (и даже неудачные попытки погони воспринимал как развлечение), нам он пока что не приносил никакой пользы и лишь заставил впустую бегать, потеть, теряя воду (несмотря на холодный уже воздух) и тратить силы.

В общем, я уже склонен был разочароваться во всей этой затее, но уже сильно заполдень Щенок все-таки сослужил нам службу, наотрез отказавшись спускаться в очередную балку, лежавшую у нас поперек пути. Не знаю, был там еще один муравейник или что еще похуже - внешне балка выглядела ничем не примечательной, но мы, конечно, не поставили под сомнение его чутье и послушно двинулись в обход, сделав крюк в несколько миль, о котором едва ли стоило сожалеть. И вот после этого крюка, когда солнце уже клонилось к закату, а я уже подумывал, безопасно ли оставлять Щенка живым на эту ночь, если он так и останется голодным (а может, отпустить его бегать на ночь, и к утру он сам притащит нам добычу в зубах, чтобы мы ее зажарили? хватит ли у него на это ума, и удастся ли поймать тварь подходящего размера, чтобы хватило на нас троих, но чтобы он сумел ее дотащить?) - в общем, когда я пребывал во всех этих раздумьях, он все-таки взял след.

Причем, что особенно радовало, он взял его в низине и дальше бежал уже исключительно по дну ложбин (соединяющихся друг с другом в выгибающийся во все стороны лабиринт), а не тащил нас по склонам наверх. Хотя мы все равно не могли бежать с максимальной доступной ему скоростью, и у меня мелькала мысль, что правильнее было бы спустить его с поводка и позволить загнать для нас добычу, как, собственно, обычно и делают охотничьи собаки - но, хотя я уже не сомневался, что он не станет просто удирать и охотиться для себя, а захочет дождаться нас, умеющих превращать простое мясо в чудесное лакомство, но в этом лабиринте балок и распадков мы бы его просто не нашли, а подзывать нас лаем он не умел (насколько я понял, перевертыши вообще не способны лаять, они только воют, причем мы никогда не слышали этого днем).

После нескольких поворотов туда-сюда впереди показалось нечто, лежавшее среди окровавленной травы, и я подумал было, что третья погоня закончится точно так же, как и

вторая. Действительно, это оказались растерзанные останки существа размером с небольшую овцу. Но, хотя на торопливо и неряшливо объеденных костях еще оставались обрывки мяса, Щенок лишь бросил взгляд на них и побежал дальше (я успел заметить, что с зубами у этой "овцы" было что-то совсем странное, но разглядывать было некогда - надо было бежать следом). Видимо, главная добыча была еще впереди. Невидимый нам, но прекрасно различимый для его обоняния (а может, и низко расположенных глаз) след еще вдоволь попетлял по всем этим балкам и лощинам и в конце концов привел изрядно запыхавшихся нас в тупик - где, собственно, и находилась цель. И не только она.

Прямо скажем - неожиданно так привел. Я уже столько раз сворачивал за Щенком на очередном повороте (и так устал от этой беготни с рюкзаком за плечами), что несколько утратил бдительность. Думал, за поворотом очередная длинная балка, по которой еще бежать и бежать. А там оказалось лишь короткое ответвление, почти сразу упиравшееся в практически отвесные земляные склоны. И именно к задней стене этой выемки прижималась задом здоровенная тварь, выглядевшая не особо безопасной даже сама по себе - но куда хуже было то, что ее окружила полукольцом, скалясь и рыча, стая из пяти перевертышей. В которых мы с Кэролайн (и бесстрашным, или же безмозглым, Щенком) чуть было не врезались с разбегу.

Я выпустил веревку-поводок и выхватил оба револьвера. Щенок, надо отдать ему должное, не воспользовался полученной свободой, чтобы рвануть отбивать добычу разом у пяти сородичей, каждый из которых был крупнее и сильнее его. Он таки смекнул, что благоразумнее будет держаться поближе к моей ноге.

Перевертыши, понятно, почуяли наше появление. Один из них - вероятно, вожак - обернулся в нашу сторону и угрожающе зарычал, но, как мне показалось, из нас троих эта угроза в наибольшей степени адресовалась Щенку. Тот ощерился в ответ - мол, вы сами не представляете, на кого рычите, да у меня такие покровители, которые вас всех кончат! Я бы, конечно, именно это и сделал, но была одна проблема. Самые внимательные из вас, конечно, заметили, как, когда Кэролайн подала мне заряженный пятью патронами револьвер, я сунул его в кобуру, так и не добавив шестой патрон. Почему? Потому что Майк Честер - расчувствовавшийся идиот, за сентиментальными разговорами забывший про главное? Нет, конечно же. Потому что его не было, этого патрона. К этому времени от всего моего боезапаса, от 20 барабанов, с которыми я вышел в Пустоши в начале июля, осталось 11 патронов. 6 в одном "драконе" и 5 в другом. Ну, и плюс последний патрон 36-го у Кэролайн. И это все.

И понятно, что растратить их все прямо здесь - а пятеро перевертышей, как я уже мог убедиться минувшей ночью, вполне могли потребовать по две пули на рыло, не говоря уже об ихней крупногабаритной добыче - мне совсем не хотелось. Мы еще даже не вышли на караванную дорогу - а и она отнюдь не безопасна, и склады с запасами провизии и крепкими стенами начинаются на ней не там, куда мы выйдем, а намного ближе к Хинтерзееланду. Так что я крикнул Кэролайн "замри!" и сделал это сам, готовый стрелять, но пока что неподвижный.

Но и стая явно не была готова к битве на два фронта - а то, что разыгрывалось в этом тупике до нашего появления, было именно битвой, а не добиванием беспомощной жертвы. Ибо шестой перевертыш, вероятно, самый нетерпеливый, уже валялся на земле с пропоротым боком, а остальные, наученные его примером, все еще не решались броситься в финальную атаку. В то же время они, видимо, опасались и повернуться к загнанной в угол добыче спиной, и от нас им было нужно лишь одно - мол, не суйтесь.

Воспользовавшись этим, я получше рассмотрел ту тварь, из-за которой и был весь сыр-бор. Она была более чем вдвое выше, шире и длиннее каждого из своих врагов. Походила она, скажем так, на шестиногую корову, которую приплюснули сверху, зато вдвое растянули с боков, так, что ее туловище стало напоминать овальный стол (за одним важным исключением), а вместо нормальных челюстей у нее были широкие горизонтальные жвала, как у насекомого. Что во всем этом осталось от коровы? Ну, во-первых, если не считать челюстей, то во всем

остальном склоненная к земле тяжелая голова с двумя длинными, торчащими вперед рогами, коей тварь угрожающе (а может, и затравленно) поводила из стороны в сторону, очень напоминала бычью. А во-вторых, из середины этой в остальном почти плоской спины росло нечто, похожее на здоровенный жирный горб. В первый миг, когда все мое внимание было сосредоточено на хищниках, я подумал, что это горб и есть - но затем разглядел четыре торчащих вверх соска. Это было огромное вымя! Очевидно, заклятие, перемещающее соответствующие органы на спину, накрыло в этой местности не только людей... И сзади за это вымя, кстати, цеплялось передними конечностями куда меньшее существо, без рогов, и конечности кончались пальцами, а не копытами, но в остальном его строение было похожим - очевидно, не паразит и не симбионт, а детеныш, у которого рога и копыта отрастут позже. Брат или сестра того, что во время погони свалился с материнской спины и был загрызен раньше, только этот был несколько крупнее, потому, наверно, у него и хватило сил удержаться.

В принципе, этого детеныша нам на двоих (и даже на троих, включая Щенка) хватило бы с лихвой. И, будь у перевертышей хоть немного разума, я предложил бы им сделку - давайте я застрелю для вас корову, а вы отдадите нам теленка, и мы разойдемся, довольные друг другом. Но где ж объяснить это тупым тварям! Так что у меня тут же родился другой план.

- Кэролайн, - сказал я, - достань из моего левого верхнего внутреннего кармана спички, возьми Щенка, и мы отходим спиной вперед к выходу из этого тупика. А там подожжем траву.

- Хочешь зажарить тут их всех? Боюсь, не получится, - хотя она и запыхалась от бега, ее ум работал логично, как всегда. Ее рука полезла под мою куртку, ибо Правило Номер Один никто не отменял, но вслух она при это высказывала свое возражение: - Ты сам видел, перевертыши могут прыгать через огонь. А разгорается он медленно, так что они успеют выскочить.

- Да пусть убираются, они-то нам зачем? Нам нужна корова или хотя бы теленок.

- Эта, как ты говоришь, "корова" тоже быстро бегает, судя по тому, сколько за ней гналась стая.

Да, действительно, раз мы сами так долго бежали по следу (и это был именно след погони, о чем свидетельствовали останки предыдущего теленка), то и перевертыши загнали свою добычу далеко не сразу.

- Может, и быстро, - возразил я, - но инстинкт не позволит ей бежать прямо в огонь. Она не такая отчаянная, как перевертыши, раз не пытается идти на прорыв сейчас, - а что, если все же попытается, подумал я про себя, а мы все еще у нее на дороге. Впрочем, мы уже начали пятиться назад - хотя Щенок и натянул поводок, явно не желая бросать такую гору мяса, несмотря на конкурентов. Для него-то стая не была сюрпризом, он чуял ихние следы с самого начала, но был уверен, что мы с ними справимся.

- Я думаю, - продолжала Кэролайн, уже доставшая, впрочем, спички из моего кармана (их, кстати, тоже осталось уже немного, но все-таки больше, чем патронов), - нам вовсе не стоит ее убивать.

- А что же с ней еще делать? Доить? - я произнес это насмешливо, но тут же сообразил, что в таком вымени и в самом деле должно быть столько молока, что им можно насытиться даже и без мяса. К тому же оно утоляет не только голод, но и жажду. Но это только на один раз, с собой его не возьмешь - прокиснет...

- Не только, - серьезно ответила Кэролайн. - Мы можем на ней поехать. Раз уж она привычна возить телят на спине...

- Мы немножко тяжелее ее телят, - усмехнулся я.

- Да, но у нее четыре соска. Четыре теленка, наверно, весят не намного меньше, чем мы двое.

Хм, подумал я, а в самом леле, почему бы и нет. В конце концов, даже в нормальном мире быков запрягают в телеги. Правда, если на лошадях ездят независимо от ихнего пола, то вот о

езде на коровах мне слышать не доводилось. Мы на нее заберемся (допустим, это удастся сделать, несмотря на ее грозные рога - в конце концов, они у нее только спереди), а она примется просто мирно пастись - и как заставить ее идти и тем более бежать, куда нам надо? Колоть ножом? Ну может быть...

Но первым делом надо как-то избавиться от еще пяти конкурентов, тратить патроны на которых мне по-прежнему совершенно не хотелось.

- Ты, похоже, намерена теперь переприручать всех тварей в Пустошах, - проворчал я вслух, и тут до меня дошло. Неизвестно, что там выйдет с коровой, но со Щенком-то точно получилось! Так почему не попробовать тот же способ с его сородичами?

- Кэролайн, - сказал я, - оставь Щенка тут, пусть сидит рядом со мной, а ты иди разведи костер возле выхода. Не пожар, а просто костер! А я тут пока прослежу за ситуацией.

Кэролайн, конечно, тоже смекнула, что я задумал. Но, пока она рвала и складывала траву где-то позади, я не оглядывался на нее, не сводя глаз со стаи, которая явно нервничала, находясь между двух противников, и могла в любой момент броситься или на корову, или на меня. Однако ни того, ни другого не случилось; они порыкивали и делали ложные движения в сторону коровы, но всякий раз отступали от выставленных им навстречу рогов. Узкий тупик был удобен, чтобы держать в нем оборону, не позволяя наброситься одновременно с разных сторон - проблема для обороняющегося была лишь в том, что из него не было выхода. Перевертыши, как видно, рассчитывали, что рано или поздно ихняя жертва выбьется из сил от жажды, голода и стресса, заставлявшего ее сердце биться слишком быстро - ну а может, я приписываю им слишком умные рассуждения, и они просто не желали отступать, видя перед собой такой большой кусок мяса. Охотничий инстинкт толкал их вперед, страх перед рогами - назад, вот они и топтались на месте, рыча от досады. Что касается нас со Щенком, маячивших у них за спинами, то, похоже, они отчасти свыклись с нашим присутствием, поскольку мы оставались на месте и ничего не предпринимали.

Наконец Кэролайн крикнула мне, что костер готов; я и сам почувствовал запах дыма и услышал потрескивание горящей травы. Теперь предстояло самое рискованное. Я подозвал Кэролайн и отдал ей револьверы, чтобы прикрывала меня, а сам медленно и осторожно двинулся к мертвому перевертышу (когда мы прибежали, он еще подергивался в агонии, но теперь, кажется, уже издох). Его ближайший сородич угрожающе рыкнул (я остановился и поднял ладони в знак мирных намерений), но затем снова сосредоточился на корове. Наконец мне удалось подобраться достаточно, чтобы ухватить тушу за задние ноги и потянуть на себя. Это было не так просто - весила она, наверно, с меня. Но неожиданно Щенок тоже вцепился зубами в правую заднюю ногу и стал мне помогать. Он-то уже знал, что такие, как я, могут сделать с мертвыми телами таких, как он, и как это вкусно. Я отдал эту ногу ему (мне совсем не нравилось зрелище моей руки в считаных дюймах от его зубов), а сам схватился обеими руками за левую, и таким образом мы за несколько минут доволокли мертвого перевертыша до костра.

Дальше понятно. Чудесный запах, перед которым, похоже, не может устоять ни один перевертыш, отвлек ихнее внимание от коровы, а потом я снова подошел и кинул каждому из них по куску жареного мяса. Из-за первого они попытались было драться, и я подумал, не остановиться ли на этом - пусть перегрызут друг друга, но вожак быстро отогнал остальных рыком и угрожающими жестами, не причинив им вреда, и я побросал ихние порции и им тоже. Когда они подошли к костру, то получили еще по куску уже от Кэролайн, чтобы усвоить, что слушаться нужно нас обоих (Щенок, само собой, тоже без угощения не остался и служил для них наглядным примером, как вознаграждается лояльность). Пытайся мы приручить их сырым мясом (даже коровьим, раз уж себе подобными в сыром виде они брезговали), из этого наверняка бы ничего не вышло - они бы рассудили, что, чем ждать подачек из наших рук, проще сожрать нас самих. А вот чтобы понять, что жареное мясо можно получить, только повинуясь нам, у них ума хватило.

Горящий костер и уплетающая угощение стая, тем не менее, по-прежнему перекрывали выход из тупика корове, и она продолжала жаться к откосу, выставив рога. Предстояла еще одна непростая и рискованная задача. Оставив Кэролайн с одним "драконом" у костра продолжать подкармливать стаю (что меня сильно нервировало, но другого варианта удержать их на месте не было), я со вторым револьвером и Щенком прошел между ними (они уже не рычали и не пытались помешать) и направился к корове. Само собой, идеи типа просто подойти к ней спереди и ухватить за рога я отверг сразу. Вместо этого, оставив Щенка перед ней рычать и отвлекать ее внимание (и надеясь, что у него хватит ума - и сытости - не броситься на нее и не разделить участь того, кого он только что ел), я подошел к левому склону и полез вверх по круче. Хотя склон и был очень крутым, удержаться на нем, цепляясь руками и ногами, было все-таки реально (рюкзак я, понятно, оставил у костра). Взобравшись повыше, я двинулся вдоль склона вправо, пока не оказался позади коровы - можно сказать, прямо над ее задницей - а затем стал осторожно сползать вниз. Щенок исправно исполнял свою роль, рыча перед ее мордой (но на безопасном от рогов расстоянии) и не позволяя ей отойти. В конце концов я, цепляясь руками в перчатках за колючие ветви и корни росших на склоне кустов, перевернулся лицом наружу и, с мыслью. "ох-ох, никогда в жизни не занимался родео, и староват уже, чтобы начинать!", прыгнул со склона прямо на широкую и плоскую коровью спину.

В глупых книжках, которые продают на сдачу, герой прыгает со второго этажа прямо на спину лошади. Что в этом случае было бы и со спиной лошади, и с причиндалами героя, догадайтесь сами. Я-то, понятно, приземлился (или прикоровился) на ноги, и с меньшей высоты (где-то с пяти футов - ниже склон был почти отвесным), но все равно не исключал, что переломаю ей хребет, или что она взовьется на дыбы, как горячий жеребец из тех самых книжек. Но нет, она лишь сильно вздрогнула и устояла на месте, по-прежнему больше боясь Щенка, своего природного врага, чем того неведомого, что обрушилось на нее сверху, но пока вроде бы не рвало зубами и когтями. Я же, в свою очередь, на ногах не устоял и завалился прямо на детеныша, испуганно прижимавшегося к вымени. Он тут был явно лишний, так что я ухватил его за две из шести коротких и тонких ног (правую переднюю и левую заднюю - он лишь издавал жалобные звуки, не мычание и не блеяние, а какой-то клекот), а затем поднялся и, хотя он весил, наверно, почти как половина меня, раскачал его и бросил вперед. Копыт, кстати, у него действительно не было ни на одной из конечностей - только мягкие, почти человеческие пальцы[54], но, поскольку я перевернул его вверх ногами, то заметил и сообразил кое-что еще. В общем, никакой это был не детеныш. Я в своем рассказе стараюсь обходиться без скабрезностей, хотя устройство тварей по *этой* части тоже бывает затейливым, но тут иначе не скажешь: причиндалы у него были, как у хорошего быка. Очевидно, это и был бык - то бишь самцы этого вида крупнее не вырастают и так и проводят всю жизнь на спине у своей самки, присосавшись к ее вымени и исполняя одну-единственную функцию. Не такая крайность, как у тришеих, но похоже. А детенышем был тот, более мелкий, которого папаша столкнул на землю, заботясь о спасении собственной жизни. Но пережил он его ненадолго. Едва он свалился на землю, Щенок тут же подскочил и одним взмахом своей передней лапы распорол ему брюхо.

Я тут же уселся корове на спину и ткнул ее ножом сзади в основание вымени с криком: "Вперед! Пошла!" Она и сама поняла, что, пока Щенок отвлечен пожиранием ее, гм, супруга, она может выскользнуть из ловушки. И резво протрусила мимо, но, понятно, приблизившись к вальяжно разлегшейся у костра стае, снова остановилась. Перевертыши подняли головы, глядя на нее из-под своих челюстей, а кое-кто, хотя и сытый, поднялся на ноги.

- Стоп! - закричал я со спины коровы, маша́ на них руками. - Назад! Не есть! Мое! Это мое! Рррррр!

Понятно, что они не понимали человеческую речь, но я уже говорил, что в детстве

[54] В оригинале fingers, то есть пальцы рук.

замечательно подражал животным, и то рычание, которым они отгоняли от своей добычи меня самого (и друг друга, когда дрались за первый кусок), воспроизвел весьма похоже. Кроме того, они были уже сытые, и, главное, уже усвоили, что еда, которую можно получить от нас с Кэролайн, вкуснее коровы (у которой, кстати, по-прежнему оставались рога). Так что под тяжестью всех этих аргументов они отступили, хотя все еще перегораживали выход в основную балку. Я уже не сомневался, что смогу отогнать их с пути без стрельбы, но уже смеркалось, и куда-то ехать было поздно. Ясно было, что ночевать придется в этой странной компании из хищников и добычи, и надо приучить их всех к новому положению дел, в котором все они должны подчиняться нам.

"Кэролайн, - крикнул я, - тащи сюда рюкзаки и залезай!"

Сзади тем временем уже бежал Щенок, за которым по траве волочилась веревка. Кэролайн подхватила ее с земли и забросила конец мне. Потянув его за веревку, я направил его к правому боку коровы, заставив ее развернуть рога в ту сторону, в то время как сам протянул руку и помог Кэролайн взобраться слева (это было не очень трудно - как я уже говорил, пустошная корова была как бы приплюснутой, то есть ниже нормальной коровы или лошади, так же, как и перевертыши из-за своих расставленных по-ящеричному ног были ниже нормальных волков). Предположение, что корова способна выдержать нас обоих (и даже вместе с рюкзаками), вполне оправдалось - ну, может, такая нагрузка и утомляла ее быстрее, но, по крайней мере, попыток улечься на землю она не делала. Особенно когда Щенок бегал вокруг. Я быстро сообразил, что его можно использовать для управления коровой не хуже ножа - дергаешь его за веревку в нужную сторону, он набегает оттуда и заставляет корову поворачивать (что она, впрочем, делала забавно - рога поворачивала к нему, но при этом сворачивала от него). Я при этом кричал "Влево!" или "Вправо!", чтобы приучить ее и к голосовым командам - но получалось не очень, не зря же даже для лошадей используют поводья и шпоры, хотя они, вероятно, умнее. Зато эти команды усвоил Щенок и вскоре забега́л в нужную сторону уже даже без рывка веревки.

Таким образом мы поездили на корове по окруженному кручами пятачку, пока не стемнело. Корова, похоже, поверившая, что прямо сейчас ее есть не будут, некоторое время щипала траву, а потом улеглась на брюхо, поджав все шесть ног. Ну а мы с Кэролайн отведали ее молока. Ну, в общем, молоко как молоко, достаточно жирное, хотя и не самое вкусное, какое я когда-либо пробовал, но точно лучше птичьего. Выпариванием воды мы заниматься не стали, рассудив, что молока достаточно. Спали мы прямо на коровьей спине, где было, кстати, теплее, чем на холодной земле даже и с костром, и где хватало места, чтобы улечься нам обоим (по обе стороны от вымени), хотя, конечно же, мы делали это по очереди, следя за перевертышами. Костер догорел и погас; я слышал в темноте, как кто-то из них ходит, шурша травой, и потом - звуки глодания костей. Очевидно, доедали "быка" - хотя он уже не был главным деликатесом в ихнем меню, но не бросать же. Нас они, однако, тревожить не пытались.

Наутро вся стая вполне ожидаемо была на месте, только разлеглись они не вокруг погасшего костра, а вокруг нас - то ли почетная охрана, то ли конвой. Корова при этом спокойно спала, не то уверовав во всесилие нашей защиты, не то просто устав бояться и впав в фатализм. Однако, проснувшись с первым утренним светом, снова начала нервничать. Ну, оно и к лучшему, если у нее будет меньше желания просто пастись и больше - бежать. Я снова кольнул ее ножом, посылая вперед, на выход из тупика в балку. Перевертыши на сей раз пропустили ее без дополнительных понуканий, но тут же увязались следом. И хотя они пока еще были сытые и не мчались во весь опор, это подгоняло корову лучше любого ножа. Щенок гордо бежал впереди всех, прямо за коровьей задницей, а следом полукольцом трусили остальные. "Чем мы будем кормить их, когда они снова проголодаются?" - спросила Кэролайн. "Ну, если они не уйдут охотиться сами, то, видимо, будем отстреливать по одному одной пулей в голову и скармливать остальным, - пожал плечами я. - Корова, во всяком случае, нам еще пригодится."

Она и впрямь оказалась исключительно полезной тварью (в очередной раз представляю, как бы перекорежило холинбрукцев от таких слов). Не знаю, как назвать аллюр шестиногого существа, но даже совсем не на пределе своих сил она бежала со скоростью по меньшей мере 10 миль в час, а на ровных участках без густой травы, может, и все 12. Понятно, что она не могла бежать так все время - в первый раз она пробежала без остановки почти три часа, после чего отдыхала почти час, состригая своими горизонтальными жвалами траву и листья кустов и втягивая срезанное в пасть пучком длинных тонких щупалец, которые заменяли ей язык. Когда ее опять не съели, она уверилась, что может останавливаться чаще. Но и с учетом всех этих остановок на отдых и кормление (воду она, очевидно, получала прямо из пищи, хотя в пожухлой траве ее осталось мало, а вот в мясистых листьях еще была) мы бы добрались до караванного пути уже на следующий день - если бы могли ехать туда по прямой.

А вот с этим были ну очень большие проблемы. Если бы мы могли передвигаться только по низинам, то вообще никогда не выбрались бы оттуда. К счастью, корова (и к сожалению - перевертыши) могли преодолевать склоны крутизной где-то до 40 градусов - хотя, понятно, корова делала это не очень охотно (тем более - с приличным грузом на спине), но, побуждаемая уколами ножа и наскоками Щенка, который не позволял ей отвернуть в сторону, все-таки перебирала шестью своими копытами в указанном направлении. Но на таких подъемах, конечно же, скорость была самой минимальной, и после них требовался отдых, да и усидеть на коровьей спине, даже цепляясь за вымя, было трудно - а главное, что нередко склоны, преграждавшие путь, были еще круче. К тому же наверху было мало необходимой корове растительности. Так что в основном мы ехали по дну ложбин, которые, как я уже говорил, петляли во всех направлениях, и карабкались наверх только там, где в противном случае пришлось бы поворачивать обратно к западу (иногда при этом приходилось разворачиваться и ехать назад, выискивая более пологое место для подъема). К счастью, хотя бы погода стояла преимущественно ясная, позволяя ориентироваться по солнцу там, где не было доверия компасу.

Так что, хотя за первый день на корове мы проехали, наверно, миль шестьдесят, к востоку мы продвинулись едва ли больше чем на пятнадцать (что тоже было очень неплохо по сравнению с пешим способом, особенно учитывая, что все это время мы сидели и отдыхали, и даже источник пищи и питья был у нас в буквальном смысле прямо под рукой). Но стая, терпеливо следовавшая за нами все это время, и не думала охотиться самостоятельно (как обычно и ведут себя прикормленные хищники) - а когда на закате мы остановились, нарвали травы и развели костер, обступила нас с выжидательным и требовательным видом.

Я достал револьвер, думая, кого из них прикончить и не вызовет ли это все-таки агрессию остальных. Если убить самого низшего в иерархии, пожалуй, не вызовет. Но кто из них низший? Вожака я уже запомнил, а вот остальные были для меня более-менее на одну морду. Самого мелкого? Но сильно мелких, типа Щенка, среди них не было (а Щенка я, понятно, пускать в расход пока что не спешил - не из сентиментальных, конечно, побуждений, а потому, что он был приручен лучше остальных), и к тому же иерархия у тварей не всегда жестко определяется размерами. К тому же, в стае должны быть и самки (которые могут быть и крупнее самцов - корова не даст соврать), и как выстраивается иерархия с учетом их, тоже неизвестно. Интересно, кстати, что нам с Кэролайн даже не пришло в голову интересоваться, а действительно ли Щенок - самец. Ну понятно, не станем же мы ложиться на землю, чтобы заглянуть ему (или любому из них) под низко нависающее брюхо, а собачьей привычки кататься по траве пузом кверху они не имеют - не с ихними костяными шипами на горбу.

Но, пока я раздумывал, вожак подошел к другому перевертышу размером с него (отличался тот только более темной шерстью - был ли это признак молодости?) и внезапным ударом когтя снизу вверх вспорол ему брюхо (насколько я понял, у перевертышей вообще основной способ убийства - этот, а не зубы). А затем уставился на меня - мол, я свое дело сделал, теперь твоя очередь, ребята ждут. Я так понимаю, он не просто прекрасно понял (как и

все они), чье жареное мясо они жрали накануне, но еще и воспользовался случаем устранить своего наиболее опасного конкурента. Остальные приняли это как должное.

Ну, в общем, нет смысла описывать понятные подробности с готовкой жаркого для стаи (сами мы, понятно, питались только молоком) - как нет смысла описывать и следующий день, ничем не отличавшийся от предыдущего, если не считать сократившейся на единицу численности стаи и более частых остановок совсем распоясавшейся и переставшей бояться коровы. Вообще, польза от стаи все-таки была - с таким эскортом на нас, а точнее, на нашу корову не решался покушаться никакой другой хищник, ни днем, ни ночью. (Пикантная подробность, правда, состояла в том, что нужду нам тоже приходилось справлять на глазах у этого эскорта, внимательно следившего за процессом своими глазами из-под челюстей, словно исподлобья - и в первый день Кэролайн их стеснялась. Ну, точнее, не то что стеснялась, ее опасение было более рациональным - вдруг набросятся, когда она в такой беззащитной позе? Но я напомнил ей, что у животных это, наоборот, способ метить территорию и вообще столбить свои права, так что на стоянках нам стоит делать это как можно ближе к корове с разных сторон от нее, лишний раз подчеркивая: это - наше!)

Ну а на второй вечер вожак повторил то же самое со следующим членом стаи, при все той же полной покорности оставшихся двух. Я, признаться, полагал, что мясо-то очередной жертвы они съедят, но утром мы их не досчитаемся. Поймут, что они - следующие, и предпочтут свалить. Но - нет. Как же можно по доброй воле покинуть компанию, в которой так вкусно кормят, а очередь стать кормом до тебя самого все еще не дошла?

На следующий вечер они все же преподнесли мне сюрприз. Хотя оба они были меньше вожака, но не стали играть в орлянку, дожидаясь, кому выпадет жребий на этот раз, а еще до того, как мы остановились, набросились на него сами с двух сторон. Вожак не то чтобы совсем не был готов и успел перехватить зубами и откусить лапу, наносящую удар, одному из них. Но второй вцепился в горло ему самому, однако не столько перегрыз его, сколько получил опору, чтобы ударить когтями одновременно обеих передних лап - и таки вышел победителем. Его изувеченный товарищ, однако, не истек кровью, как я ожидал, но кормить его я не видел уже никакого смысла, тратить пулю на добивание (или рисковать получить укус, делая это ножом) - тем более, и в итоге, не получив свою порцию и не имея надежды ее отбить (лишившись одной ударной лапы, он не мог бить и другой, не имея на что опереться), он ухромал на трех ногах в темноту. Больше мы его не видели.

На четвертый день наше безмятежное путешествие на корове подпортила погода. Уже с утра натянуло тучи, и ориентироваться по солнцу стало невозможно - правда, компас в этих местах в основном уже вел себя прилично, как подобает хорошо воспитанным компасам, а не крутился то и дело туда-сюда. Да и рельеф постепенно делался более плавным. Как видно, мы уже достигли края всей этой зоны поражения, где сила заклятий смяла складками всю местность, а от городов оставила лишь застывшие где-то под землей капли расплавленного железа. Так что глубокие балки и крутые гребни сменялись пологими лощинами, и мы все чаще не петляли, а гнали корову на восток по прямой - что как будто окончательно снимало проблему с ориентацией и вообще радовало. Правда, одновременно сходила на нет и растительность, на смену траве снова приходил лишайник, а затем и все более обширные проплешины сухой голой глины, и ясно было, что такими темпами корова скоро оголодает, а следом за ней и мы (кстати, четыре дня питаться одним только молоком, если ты уже вышел из младенческого возраста - тоже то еще удовольствие, но это все же намного лучше, чем вовсе ничего). Ну а после полудня полил дождь, поначалу мелкий и моросящий, а потом сильный, холодный и мерзкий - и главная проблема была даже не в том, насколько он был неприятен сам по себе, а в том, что земляные склоны, даже пологие, превратились в скользкую грязь, и взбираться по ним снова стало невозможно. И даже на ровной местности эта глина липла на коровьи копыта тяжелыми комками - я прекрасно знаю, каково идти, когда она так липнет на сапоги, так что я корове совсем не

завидовал. А к вечеру ехать стало практически невозможно даже и по дну лощин, ибо видимость совсем пропала. Хотя рельеф и стал куда более ровным, мы, на самом деле, ехали по возвышенности, юго-восточный край которой нависает над караванной дорогой, и находились выше трехсот ярдов над уровнем моря - так что низкие тучи попросту накрыли нас, как туман.

В конце концов, еще до того, как стемнело (дождь все не прекращался), мы вынуждены были остановиться - усталая и голодная корова отказывалась идти дальше, несмотря ни на какие понукания ножом и на перевертышей, которые, впрочем, тоже брели мокрые и усталые, со слипшейся шерстью и облепленными глиной лапами, напоминая уже не грозных хищников, а, прямо-таки буквально, побитых собак. Единственным преимуществом этого места для стоянки было то, что оно находилось все-таки не в низине - даже корове хватило ума из последних сил взобраться туда, где не придется спать в ледяной воде. Но ни о каком костре под таким дождем речи быть не могло, да и топлива для него не было (если не считать нескольких кусков угля, все еще остававшихся у меня рюкзаке) - вокруг была одна только липкая скользкая глина без единой былинки. Соответственно, невозможно было и приготовить жаркое для одного из оставшихся перевертышей из другого. Утром я думал, что вечером застрелю последнего члена стаи, чтобы накормить Щенка (ибо в честной схватке между ними Щенок, очевидно, проиграл бы), но теперь это потеряло смысл. Нападать друг на друга они не пытались, очевидно, четко усвоив схему: сначала - костер, потом - угощение, а костра не было. Понимали ли они, что его нет не по нашей вине, а из-за дождя и отсутствия травы - а если даже и понимали, то разве это делало их менее голодными? Застрелить на всякий случай обоих, чтобы не вздумали с голодухи напасть ночью на нас или на все еще нужную нам корову? Я склонялся именно к этой мысли (итого на весь оставшийся путь останется 9 патронов плюс один у Кэролайн), но девушка уговорила меня подождать до утра. Мол, может быть, когда кончится дождь и развиднеется, все-таки удастся найти что-нибудь для костра и накормить Щенка, или же перевертыши отправятся на охоту и найдут себе пищу сами за пределами нашего лагеря. А если они все-таки попытаются искать ее внутри такового, то застрелить их мы всегда успеем, поскольку все равно спать будем по очереди. Она обосновывала это тем, что Щенок все еще может нам пригодиться, но, как мне кажется, она уже успела привязаться к этой жуткой тварюге с зубами на лбу, шипастым горбом, сросшимися в коготь-убийцу пальцами и крысиным хвостом. Что в общем-то странно, учитывая, что у нее никогда в жизни не было собаки или другого животного, и она, по ее словам, не мечтала о таковых даже в детстве. Но, с другой стороны, приручение Щенка было ее идеей - как бы личным научным проектом.

Ну да ладно, я решил доставить ей это маленькое удовольствие и даже снял со Щенка веревку, чтобы он мог убежать искать еду. В конце концов, чем Судьба не шутит - возможно, он и впрямь еще притащит ее нам в зубах. Поставить палатку прямо на корове мы, понятно, не могли, слезать с нее в холодную мокрую грязь тем более не захотели, так что мы просто накрылись от дождя материей оболочки, как гигантским одеялом, тем паче что вымя в середине все же служило подпоркой, позволяющей натянуть ткань наподобие шатра. Наверное, никогда еще полотнище с гербом Аркэндэйла не служило такой странной цели, как укрывать шестиногую корову с торчащим вверх выменем и двух людей, лежащих у нее на спине...

Ночью нас так никто и не потревожил, если не считать все того же дождя, нудно барабанившего по ткани над нами. Понятно, что мы успели уже и напиться этой водой (что стало нашим основным ужином, ибо молока в этот раз мы почти не получили), и заполнить все наши емкости, а дождь все шел и шел. Но к утру он, наконец, закончился, хотя небо оставалось затянуто низкой белесо-серой пеленой. Выбравшись наружу, мы не увидели перевертышей - ни живых, ни мертвых. Некоторое время (по настоянию Кэролайн) мы подождали, не вернутся ли они, но так и не дождались. Романтики могут думать, что они таки оказались самцом и самкой и убежали вместе в закат (обратно на запад, ага), циники - что они действительно отправились искать еду, но ничего не нашли, и тогда более крупный сожрал Щенка, хотя прежде они и не ели

друг друга в сыром виде (но, раз уж мы научили их каннибализму в жареном варианте, почему с голодухи не попробовать и сырой?) А я так полагаю, они действительно убежали на запад, но не из-за каких-либо половых причин, а просто потому, что там ихний, как выражались умники из экспедиции, ареал обитания - ложбины, заросшие травой, где водится дичь. А на здешней голой глине им нечего ловить, во всех смыслах слова. Так что, как только мы не оправдали ихних надежд на очередное угощение, они просто вернулись туда, где не так вкусно, зато привычно и надежно. Почему все же не попытались напасть на нас и корову? Ну, видимо, инстинкт говорил им, что для такого дела нужна целая стая, вдвоем слишком рискованно. А вообще - мне-то почем знать, что творится в головах у тварей? Свалили и свалили.

Теперь оставалось выяснить, удастся ли заставить идти дальше корову, без еды и без наших, гм, овчарок. Впрочем, ножа в основание вымени никто не отменял, и при помощи этого аргумента нам все же удалось проехать на ней еще примерно три часа, хотя уже и далеко не на прежней скорости - теперь она плелась не быстрее человека (но все-таки шла - она, а мы отдыхали). Но затем она снова улеглась на мертвую бесплодную землю (где даже после дождя не пробудилась хотя бы кратковременная жизнь, как это бывает в иных местах Пустошей), и больше уже никакие понукания не могли заставить ее подняться. Ну понятно, трава - не мясо, куском которого можно насытиться надолго, ее нужно съедать очень много, особенно такой здоровой туше, иначе упадок сил наступает очень быстро. Но, хотя тварь и не была ни в чем виновата (точно так же, как и обычные коровы, мясо которых вы ели за прошлым обедом), теперь в благодарность за верную службу оставалось только тюкнуть ее топором между рогов. Тюкать, кстати, пришлось дважды - череп у нее оказался замечательно крепкий.

Просто бросить такую гору мяса было бы, конечно, безумием, так что я решил все же потратить последний уголь. Дым от него, если в пламя нельзя добавить растительные компоненты, не годится для копчения (как выразилась Кэролайн, "чистый цэ о два, никаких тебе фенолов и формальдегидов"), так что лучшим вариантом было запечь куски мяса в глине. Съев все, что мы могли съесть на месте (надо сказать, после четырех дней молочной и одного - водяной диеты это было не так мало) и загрузив в рюкзаки все, что могли унести с собой, мы двинулись дальше на восток.

И буквально через полчаса небо начало проясняться, и из дымки на юго-востоке выступила мрачная стена Черного Хребта. До Войны это были невысокие и не особо крутые горы, сплошь поросшие лесом, который придавал им голубой оттенок (а вовсе не зеленый, сюрприз-сюрприз - Кэролайн говорила, что это из-за какого-то вещества, которое выделяют деревья, но я забыл, как оно называется[55], скажите спасибо, что "формальдегид" запомнил). Отсюда и прежнее название хребта[56]. Теперь никаких деревьев там нет - один только черный оплавленный камень. Во время Войны он вздыбился и сомкнулся в непроходимую, практически отвесную стену - отчаянная попытка защитить юго-восток Континента от гигантских волн, породившая, из-за вызванных ею землетрясений, едва ли не столько же разрушений, сколько и сами волны. Именно в этот хребет упирается караванный путь и идет вдоль него на северо-восток до первого места, где через него можно пройти - ущелья, которое упирается в ворота Вестмарка, служащие одновременно воротами всего Хинтерзееланда и всех восточных княжеств. Ну то есть, в принципе, можно идти и дальше на север до самой Шарлонии, где Хребет заканчивается, и торговать с нею напрямую. Но, во-первых, путь каравана и так занимает минимум четыре с половиной месяца, считая только от Шмуртерсфорда, и караванщикам нет резона удлинять его еще на пару сотен миль (а единственный путь, проходимый для караванов с лошадьми и повозками, лежит с юга; через дремучие леса севера уж точно не пройти в лютые

---

[55] В нашем мире оно называется "изопрен" (название, придуманное его первооткрывателем Ч.Вильямсом), в описываемом, вероятно, как-то по-другому. В стандартных условиях это бесцветная жидкость, но испарения придают воздуху голубой оттенок.

[56] Голубой Хребет - часть горной системы Аппалачи.

зимние морозы, да и летом тоже очень вряд ли, тамошний гнус ненамного лучше Комариных Болот). Ну а во-вторых, хинтерзееландцы как бы не очень приветствуют идею торговать с ихними соседями в обход их. Нет, они, конечно же, не могут запретить свободным предпринимателям Запада торговать, с кем те пожелают. Они даже никакие эмбарго накладывать не будут, потому что это же глупо - если они от обиды откажутся торговать с нами, уже не часть, а все доходы уйдут шарлонцам. Но ведь и тем самым избушкам вдоль караванной дороги (юго-восточной ее части), где караванщики оставляют припасы в начале и забирают в конце пути, никто не может запретить гореть или разрушаться еще какими-нибудь способами, не так ли? Это Пустоши. В них всякое случиться может. И за события на нейтральной территории ни одна страна не ответственна, да и доказать ничего невозможно. И ведь, главное, ответить им тем же не получится! Они-то к нам караваны не водят! Только у себя торгуют. Типа получается, это мы монополисты, а вовсе даже не они. Но и все риски и издержки тоже на нас. Поэтому неформальные договоренности лучше соблюдать, даже если официальных обязательств об эксклюзиве никто не подписывал.

Ну ладно, это я отвлекся. А суть в том, что когда облака, они же туман, развеялись, то мы увидели не только Черный Хребет, который тянется на сотни миль по ту сторону караванного пути, но и куда более конкретный и близкий ориентир, обозначенный на карте - Вилку, два острых скальных пика с нашей стороны, между которыми имелась уходящая вниз трещина - крутой и уступчатый, но вполне преодолимый для человека без специального снаряжения спуск с возвышенности на караванный путь. Тут мне даже не требовалось подвергать сомнению точность карты - я сам видел эту трещину (правда, снизу), когда ходил с караваном. Как оказалось, мы даже проскочили в тумане это место, и теперь надо было возвращаться мили на три назад (ну, точнее, начало трещины находилось в трех милях к западу и четырех милях к югу - вообще-то, учитывая, как мы петляли перед этим, это была прямо снайперская точность; я бы не удивился, если бы мы промахнулись миль на двадцать). Короче, мы лихо отмахали эти пять миль по диагонали, а потом - уже не столь лихо, со всей возможной осторожностью - полтора часа слезали с уступа на уступ по этой нечеловеческой каменной лестнице вниз. В глубине трещины было темно и изрядно холодно, камни были мокрые, с уступов кое-где еще капала вода (накануне там, очевидно, клокотал целый водопад) - в общем, все это (и тяжелые рюкзаки, набитые мясом прямо в герметичных глиняных оболочках, призванных хранить его от порчи) не добавляло удовольствия. Но на сей раз никто ничего не подвернул, не сломал и не разбил. В четвертом часу пополудни мы вышли на караванную дорогу.

Которая, как я уже говорил Кэролайн, вовсе не походила на мощеный тракт (даже в таком состоянии, в каком он пребывал на Бампе). Человек, не знающий, что это такое, и вовсе не понял бы, что здесь проходит какая-то дорога. Так, более-менее ровное каменистое дно широкого ущелья между отвесными горами справа и скальным обрывом слева.

До нашей цели оставалось еще 350 миль. Было начало ноября, мы были одеты по-летнему (ну ладно - все-таки чуть теплее, чем просто по-летнему), а идти надо было на север, в зиму. У нас оставалось 12 патронов и три десятка спичек. Ах да - и еще 18 страниц франкских стихов для подтирания задницы.

Тем не менее, я поздравил Кэролайн с большим достижением. Которое и в самом деле было немаленьким. То, что такой путь никогда не преодолевала ни одна женщина - это само собой, но из мужчин-то - считаные единицы. Именно тот маршрут, которым прошли мы, наверно, и вовсе никто - уже одна только переправа без Моллюска чего стоила...

Ну и, по правде говоря, насчет дальнейших перспектив я тут несколько сгустил краски, для драматизму, как говорится. По-настоящему-то сложными должны были стать только первые 150 миль. А дальше уже начнутся те самые избушки с припасами. Они там тоже не через каждую милю натыканы (и не через каждые десять) и рассчитаны не на пешего, который много с собой унести не может, а на караван с повозками, опустевшими за время многомесячного пути,

которые можно загрузить все разом и ехать до самого Вестмарка уже без остановок. Но, тем не менее, эти избушки там есть. И колодцы есть, причем их больше, чем избушек, потому что лошадям много пить надо...

В общем, мы немного передохнули после спуска, вознаградили себя несколькими глотками воды (преимущество холода - пить хочется не особо сильно; впрочем, это был еще никакой не холод, мы все еще были на юге, и внизу было теплее, чем на возвышенности) - а потом зашагали по караванной дороге. До темноты оставалось еще почти два часа, и я не собирался терять их впустую. К тому же по этой дороге - во всяком случае, в этих местах - можно идти без большого риска даже в темное время - тем паче что было как раз полнолуние.

- А ты знаешь, какой сегодня день? - спросила вдруг Кэролайн.

Вообще-то обычно в Пустошах я не очень хорошо это знаю. Я знаю, на сколько дней, или на сколько миль пути, у меня осталось воды, еды, спичек (из расчета, что костер не получится разводить солнцем и линзой), мыла Фасмера (тоже, кстати, уже на донышке), сколько у меня патронов (ихний расход никогда нельзя просчитать заранее) и перевязочных материалов. Знаю фазу луны и примерное время ее восхода и захода. А какое сегодня число или день, воскресенье или понедельник - это в Пустошах как-то совершенно без разницы. Как будто твари, или даже бандиты, по воскресеньям выходной берут.

Но это обычно. А сейчас я оттарабанил четко, как на экзамене:

- Двадцатый день твоего цикла.

- Да, - согласилась она, - но не только. Сегодня еще и мой двадцатый день рожденья.

- И ты молчала? - возмутился я. Не то чтобы я, на самом деле, придавал какое-то значение всем этим юбилеям и годовщинам. Праздновать надо свои реальные успехи, а не какие-то даты из прошлого - тем паче что это успех даже не твой, а твоих родителей (хотя вот про мою мать даже не скажешь, что это ее успех, учитывая, чем он для нее кончился - и, хотя я никогда ее не любил, просто потому, что не знал, все равно мне как-то странновато было бы праздновать годовщину ее смерти). Не говоря уже о том, что праздновать дни рождения - это, вообще-то, праздновать приближение к своей собственной смерти. А если хочешь порадовать себя или других, так бери и радуй, зачем ждать для этого какую-то специальную дату, не имеющую, на самом деле, никакого практического смысла? Но так рассуждает старый циник Майк Честер. А молодой девушке, даже и очень ученой, наверно, приятно, чтобы ее поздравляли. А мне, в свою очередь, приятно лишний раз сделать ей приятное - пусть и по такому, в общем-то, дурацкому поводу. Просто так ей хороших слов наговорить - ну, как-то пафосно выходит, не привык я к такому. А в честь дня рожденья, типа, можно.

- Да вот, веришь ли, у самой из головы вылетело, что сегодня второе ноября, - ответила она. - Хотя про циклы помню. А вот какое число, только сейчас сообразила. Все-таки, тут теплее, чем у нас, и дожди редко идут. Подсознательно кажется, что еще не ноябрь, а только начало осени.

- Хреново, наверно, когда день рожденья в ноябре, - посочувствовал я. - У вас-то в Холинбруке это самый унылый месяц.

- Да в Холинбруке вся жизнь - сплошной ноябрь, - неприязненно ответила Кэролайн.

- У меня-то в мае, - продолжал я. - Хотя я, в общем-то, даже в детстве не особенно праздновал. С тех пор, как отец ружье подарил, все остальные подарки я уже сам себе делал. И без привязки к датам.

- И у тебя не было друзей, приходивших в гости?

- Ну, были соседские мальчишки, но я в них особо не нуждался. Одному мне как-то всегда было проще и спокойнее. Уходишь с утра в лес с ружьем, там - хорошо...

- Ко мне вот тоже в гости почти никто не ходил, - поведала Кэролайн. - Хотя с соседскими мальчишками тоже общалась. С девчонками-то у меня сразу не заладилось. Но даже и мальчишки общались со мной чуть ли не украдкой. Их матери этого не одобряли. Хотя казалось

бы - дочка ученого, не пьяницы какого-нибудь... Ой, Майк, прости, пожалуйста, я вовсе не тебя имела в виду!

- Да ничего. Иные пьяницы получше холинбрукских ханжей.

- Вот-вот, и я о том же! Тогда еще папу в колдовстве не обвиняли, во всяком случае, открыто. Но все равно, мне ставили в вину уже сам факт, что я расту без матери. Как будто я в этом виновата, и как будто это что-то неприличное. Типа, рядом со мной нет женщины, которая бы меня правильно воспитывала и следила за моим благонравием. А отец меня воспитывает неправильно. Типа, мужчина вообще не должен воспитывать девочку, ибо чему он ее научит? А потом... потом они и вовсе такое стали выдумывать... мол, почему это он снова не женится, а она там с ним совсем одна... ой, даже повторять это не хочу, такая грязь! Я, когда впервые про это услышала, даже понять не могла, о чем они вообще!

- Понимаю, - мрачно кивнул я. - по себе других судят. Знаешь, отличный анекдот про таких есть: "Соседка, ты чего грязное белье сушиться повесила? - Соседка, ты бы окна помыла!"

- Именно!

- Ой, - спохватился я, - а я тоже хорош. Хотел тебе что-нибудь приятное сказать, а вместо этого навел на эти воспоминания. Давай лучше о хорошем. Мы ведь, на самом деле, шикарно твой день рожденья отпраздновали. Пир такой закатили, что ни одному ресторану не сравниться! Что, разве нет? Вот приди в самый дорогой и расфуфыренный ресторан, какой только есть на свете, и скажи: "Мне, пожалуйста, бифштекс из шестиногой коровы" - что они тебе ответят? Ни один богач, ни один Харлингтон никогда такого блюда не пробовал! И не попробует. Вот представь себе сцену, как приходит он в этот самый ресторан и делает заказ. А ему метрдотель, весь такой во фраке, отутюженный, с моноклем в глазу, очень вежливо отвечает: "Хрен вам, сэ-эр!"

- Ох, Майк! - рассмеялась Кэролайн. - Ты, конечно, умеешь говорить гадости, но и веселить тоже умеешь.

- А что дарят обычным девушкам? - продолжал я. - Всякую совершенно бесполезную дребедень. Колечки там, платья дурацкие, в которых ни бегать, ни лазить, и даже карманов нет, патроны положить и то некуда. А ты сегодня получила в подарок целую караванную дорогу! - я вытянул вперед и развел руки, приглашая ее оценить это богатство. - Которую, опять-таки, ни одна дочка Харлингтона никогда даже не увидит! Хотя у него нет дочек, но это несущественно.

И тут я кое-что заметил впереди на этой самой дороге. Нечто, что заставило меня прервать выступление чуть ли не на полуслове и поскорее поспешить вперед, чтобы внимательно это рассмотреть. Присев на корточки, я понял, что не ошибся.

- Что там? - обеспокоенно спросила Кэролайн.

- Дерьмо, - ответил я.

- Все так плохо?

- Наоборот, - я выпрямился и обернулся к ней с самым довольным видом. - Все очень хорошо! Держу пари, ты никогда в жизни не мечтала получить в подарок на день рожденья дерьмо, но это именно оно. Свежее. Лошадиное. И это действительно лучший подарок, чем все предыдущие. Ты понимаешь, что это значит? Караван прошел здесь не далее как сегодня утром! И мы успеем его догнать!

- Но как такое может быть? - удивилась Кэролайн, продолжая шагать в прежнем темпе - она явно не жаждала поскорее взглянуть на этот подарок. - Они должны были пройти здесь еще пару месяцев назад, разве нет?

- Очевидно, что-то их задержало, - пожал плечами я. - И я даже догадываюсь, что именно. Моллюск. Им пришлось искать новую переправу. И они ее таки нашли. Ну что ж, молодцы ребята, упорные. Все-таки, Запад есть Запад.

- А может, они уже возвращались назад? Тогда они нам бесполезны. И вообще, откуда ты знаешь, что это именно лошадь? Это, конечно, *совсем* не моя область, но по одному лишь...

навозу не всегда можно определить видовую принадлежность. Это может быть еще один единорог. Или еще какая-нибудь тварь, которая только похожа на лошадь... да и то не внешностью, а лишь устройством кишечника.

- Кэролайн, - с чувством сказал я, - ты потрясающе умная девушка, и ты рассуждаешь, как истинный бэдлэндер. Ты сразу просекла все варианты, которые нас не устраивают. Но тут надо не рассуждать, а просто посмотреть.

Она уже стояла рядом со мной и вынуждена была с неохотой взглянуть туда, куда я указывал пальцем. На камнях, понятно, не оставалось никаких следов. А вот на конском дерьме остался след лошади, шагавшей следом. С четко отпечатавшейся подковой. Смотрящей в нужную нам сторону.

- Да, - констатировала Кэролайн. - Если только это не какие-нибудь бандиты...

- Никакие бандиты и вообще никакие всадники сами по себе так далеко в Пустоши забраться не могут, - твердо покачал головой я. - Даже на караванном пути расстояния между источниками воды, достаточными, чтобы напоить лошадь, слишком велики, чтобы преодолеть их без цистерн на колесах. Это может быть только караван.

- Значит, ты прав, - согласилась она.

- Конечно, я прав. А ты, Кэролайн, замечательная девушка, но после стольких месяцев в Пустошах тебе пора уже избавиться от брезгливости. То есть в моральных вопросах это вещь очень правильная, а вот в физических только вредит. К примеру, если присмотреться, можно понять, что и питалась эта лошадь зерновым овсом, а не травой, которая только и доступна местным тварям. Это даже если бы не было следа от подковы... Определить, выращен этот овес на Востоке или на Западе, наверняка тоже можно, но это уже не на глаз, конечно, тут уже твоя химия нужна... Да и вообще, смешно даже - можно подумать, ты никогда не видела лошадиного дерьма у себя в Холинбруке!

- Видела, конечно, - проворчала девушка. - Я там какого только дерьма не видела... Ну хорошо, догоним мы караван, а кто сказал, что они нас возьмут? Сам знаешь - они не берут женщин.

Об этом я, конечно, уже подумал. Мысль выдать ее за парня я отбросил сразу, такие фокусы проходят только во все тех же глупых книжках. Несмотря на мужскую одежду, которая ей велика и скрывает детали фигуры, и все еще короткие волосы, голос-то не скроешь. Да и черты лица, в общем-то, тоже. Не бывает у парней таких больших глаз. И такой гладкой кожи тоже, как ее ни брей - да и с чего бы бриться в Пустошах-то? Можно, конечно, сказать "да пацан совсем мелкий еще, только-только 16 исполнилось, вот и голос еще не сломался, и борода не растет", но это бы прокатило с каким-нибудь продавцом в скобяной лавке, который к своим покупателям не больно присматривается и видит их не дольше пяти минут. А у охранников каравана глаз наметанный подмечать все хоть сколько-то необычное. Работа у них такая - постоянно ждать подлянки не только от тварей, но и от людей. Однако само наличие живой и здоровой Кэролайн в этих местах доказывает, что невозможность для женщины пересечь Пустоши - это предрассудок. И за оставшиеся девять дней ее цикла мы точно доберемся до мест, где кроволюбов не бывает. Может, и уже добрались, если верно мое предположение, что спиногрудые в этом плане не отличаются от людей - а уж за девять дней доберемся тем более. За это время караван пройдет половину оставшегося пути, это прямо через Хребет будет уже Аустерия, там была бы не жизнь, если бы к ним кроволюбы залетали...

- Караванщиков я беру на себя, - уверенно сказал я. - Слово Майка Честера в Пустошах кое-чего да стоит.

На самом деле я чувствовал меньше уверенности, чем демонстрировал. Среди бэдлэндеров-то, конечно, обо мне едва ли кто не слышал, и всякий понимает, что я не стал бы подставлять ни себя, ни других. Но с тех пор, как торговцы взяли манеру использовать для сопровождения караванов не нанимаемых на миссию бэдлэндеров, а свой собственный

постоянный штат охранников, в числе таковых - и даже на посту ихнего капитана - может оказаться и какой-нибудь хлыщ, не имеющий никакого отношения к бэдлэндерскому сообществу, и даже взирающий свысока на таковое. Потому что мы-де - анархическая вольница, любители без справок и сертификатов, а он - "профессионал", закон и порядок. Какой-нибудь вояка, к примеру, за пределами караванной тропы Пустоши не нюхавший и привыкший думать не головой, а параграфами устава и приказа. "Не положено" - и хоть ты расшибись об него. Или бывший шериф, что не лучше. Кое с кем из них, кстати, я в свое время цапался...

Ну да ладно, проблемы будем решать по мере поступления.

- Нам сейчас главное - их догнать, - пояснял я Кэролайн. - Движутся они, на самом деле, не быстрее пешехода - но и не медленнее, и лошади у них выносливые. Вдоль Черного Хребта дорога уже хорошая, караван проходит по двадцать миль в день. Но в темное время они не ездят, даже при луне. Так что наш шанс - догнать их, пока они на стоянке. Для этого, возможно, придется идти всю ночь, лишь с самыми минимальными передышками. Зато потом будем целый день отсыпаться в уютном фургоне, - ну, на самом-то деле не такие они и уютные, самая примитивная телега с тентом (зато и ломаться там практически нечему), но после такого марш-броска уютным покажется что угодно, на чем можно лежать и никуда больше не идти.

- Угу, - кивнула Кэролайн, - после праздничного обеда и подарков осталось только завершить день рожденья приятной вечерней прогулкой. Ну идем.

И мы шагали без остановки, держа хороший темп, пока не стемнело (и за все это время, понятно, не приблизились к цели ни на шаг, а всего лишь не позволяли увеличиться отрыву). Затем отдыхали до девятого часа вечера, пока дорогу не осветила луна. Точнее, самой луны мы все еще не видели, хотя в принципе она взошла еще на закате - ее скрывал Хребет, но если поначалу небо над нами оставалось ясным и черным, в девятом часу по нему поплыли облака, и лунный свет, отраженный и рассеянный ими, слабо осветил уже и дорогу. И мы пошли дальше - только с этого момента начав сокращать дистанцию, а все, что перед этим, было как бы и не в счет.

Думаю, нет смысла подробно, час за часом, расписывать, что такое, проведя полдня на ногах, после всего пары часов отдыха тут же отправиться в новый пеший поход на два десятка миль, которые надо пройти до рассвета. Кто переживал подобное, и без моих слов знает, каково это, а кто нет, тому никакие слова не помогут это ощутить[57]. Хотя поначалу-то идешь легко, особенно по ровной (пусть и каменистой) дороге и бодрящему холоду, и даже жажда, в отличие от дневных переходов, совсем не мучает, тем паче что нам было чем ее утолять. Но постепенно начинает наваливаться усталость, причем сразу с двух сторон. Снизу начинают ныть мышцы ног (сперва слегка, а потом все более и более мучительно), а сверху тупо хочешь спать. Да, и еще лямки рюкзака начинают уже не просто давить на плечи, а как бы мешать дышать полной грудью. И что самое скверное - после нескольких часов такой ходьбы остановки на отдых перестают помогать. То есть во время них состояние не улучшается. Оно просто перестает ухудшаться (хотя насчет желания спать даже и это не факт). А когда снова начинаешь идти, все просто продолжается в ту же сторону с прежней точки. Точнее, хуже, чем с прежней - начинать двигаться после отдыха было тяжелее, чем продолжать переставлять ноги в уже устоявшемся ритме.

В первые часы я еще надеялся, что нас отделяет от каравана не почти целый день пути, а всего-то несколько миль. Я ведь не знал точно, в котором часу лошадь оставила свой "подарок" - ясно было только, что это произошло не прямо только что (но это и так было очевидно, иначе бы мы увидели и услышали караван), но и не раньше минувшего утра (уже хотя бы потому, что до этого шел дождь; кстати, пока не стемнело, мы видели еще несколько таких же, гм, лошадиных автографов, но понятно, что и они не могли уточнить время). Но, чем дольше мы шагали, тем

[57] Автор свидетельствует, что имеет личный опыт прохождения более 30 миль за 14 часов, так что он знает, о чем пишет.

очевиднее становилось, что караван прошел мимо Вилки все-таки утром. Если бы мы знали, то, конечно, не стали бы терять время не только на ожидание перевертышей, но и на приготовление мяса, и рванули бы в путь голодные, зато сэкономили два с лишним часа ходьбы... Впрочем, если на свете и есть более бесполезная вещь, чем стихи, то это сожаления "если бы мы знали!" Теперь я, впрочем, уже подумывал, не выкинуть ли все наши съестные припасы, а заодно и ткань палатки, чтобы было легче идти. Но все мои бэдлэндерские инстинкты противились. Караван - пока еще только возможность, а припасы - данность. Нельзя выбрасывать то, что уже имеешь, ради того, что еще только надеешься получить. (С таким подходом из меня бы, наверно, получился плохой бизнесмен, зато вышел хороший бэдлэндер. Плохих бэдлэндеров, кстати, вообще не бывает. Если бэдлэндер живой - значит, он хороший.)

Итак, мы продолжали, час за часом, тупо переставлять ноющие, наливающиеся свинцом ноги (понятно, что Кэролайн чувствовала то же, что и я, хотя, как всегда, не жаловалась) по хрустящему гравию, при свете равнодушной круглой луны, уже перевалившей сперва через Хребет, а потом и через зенит. Ополченцы на марше помогают себе песнями, но мы не могли себе позволить даже этого, и совсем не только потому, что большинство песен, которые я знаю, не очень подходят для ушей девушки. Просто ночью в Пустошах, особенно когда ты идешь, а не остаешься на месте, надо не шуметь, а слушать. Так что - ни песен, ни даже разговоров. Но, по крайней мере, твари нас в эту ночь не беспокоили. Иногда только промелькнувшая по земле тень заставляла меня поднять голову и увидеть на фоне облаков и луны безмолвный силуэт полупризрачной ночной птицы, прилетавшей деликатно поинтересоваться, не собираемся ли мы сдохнуть, не окажем ли ей такую любезность? Мы не оказывали, и птица разочарованно улетала. Даже не берусь судить, были это всякий раз разные или одна и та же, но очень упорная.

Шаг, шаг, шаг, шаг... Когда шагать становилось совсем невмоготу, мы валились прямо на каменистый грунт, стаскивали рюкзаки и лежали на спине, вытянув невыносимо гудящие ноги и считая вслух до тысячи и обратно, чтобы не заснуть. Если один из нас замолкал, другой тут же пихал его локтем. Потом мы делали по глотку воды, поднимались и шли дальше.

Настал момент, когда Кэролайн уже больше не могла выдерживать мой темп - хотя и сам я шел уже далеко не так быстро, как вначале. Поняв, что уже не слышу ее шагов рядом, я обернулся и увидел, что она хромает, причем на обе ноги.

- Ты что - натерла ноги? - спросил я. Не думал, что такое случиться после того, как она прошагала в этой обуви уже сотни миль, но - всякое бывает.

- Да ничего, пустяки.

- Давай пластырем залеплю!

- Потом. Сначала дойдем.

Оказывать ей помощь при свете одной лишь луны, то и дело скрывавшейся за облаками, и в самом деле было неудобно. Но, конечно, идти со стертыми ногами никуда не годится, и, если она успела травмировать их основательно, то саднить будет даже под пластырем. А нести ее на себе, как когда-то у подножия Бампа, я, конечно, не мог, даже если бросить ее торбу и максимально облегчить мой рюкзак. В начале пути еще может быть, но теперь я уже с трудом нес самого себя. Оставался еще один вариант - отдать ей один "дракон" и оставить позади ковылять так, как она сможет, а самому, не снижая скорости, идти догонять караван. Убедить караванщиков развернуться за ней или даже выслать назад хотя бы одну повозку, конечно, не получится. Будь я капитаном каравана, я бы и сам отказал чужакам в такой просьбе. Но была надежда уговорить их хотя бы подождать, не трогаться с места несколько часов, если Кэролайн не доберется до места ихней стоянки до рассвета. Это был разумный план, и с любым спутником, какие бывали у меня в Пустошах в прошлом (не считая, понятно, подневольных бандитов) я в такой ситуации поступил бы именно так - причем он не был бы в претензии, понимая, что так лучше для обоих. Оставить позади одного, чтобы второй задержал караван, а не брести медленно обоим и позволить тому уехать. Но этот план означал бросить Кэролайн

ночью одну, с шестью (или хоть даже с семью) патронами, обессилевшую и неспособную даже бежать. Да она же просто свалится и заснет, и некому будет толкнуть ее локтем в бок! (И, кстати, меня тоже, если уж на то пошло - хотя вовсе не это беспокоило меня в тот момент.) И я, конечно же, отказался от этой идеи.

- Я тебя не задержу, - сказала девушка, словно прочитав мои мысли. - Это поначалу было больно, а сейчас я уже притерпелась, - она и впрямь снова ускорила шаг.

- Давай заклею все-таки! - повторил я.

- Да не поможет там пластырь.

- Так сильно стерла? Ну тогда забинтую.

- И бинт не поможет... Не обращай внимания. Идем. Мне кажется, уже недалеко осталось.

Я был слишком измотан, чтобы настаивать - или хотя бы задумываться, почему "и бинт не поможет". Может идти - и ладно. Хотя долго выдерживать прежний темп она все равно не смогла, но и я тоже замедлился, в глубине души чувствуя недостойную радость от полученного повода это сделать. Переставлять ноги было уже совсем невыносимо. Буду считать про себя шаги, решил я, досчитаю до тысячи и позволю себе упасть. Раз-два, три-четыре! Пять-шесть, семь-восемь! Девять-десять, одиннадцать-двенадцать! Кстати, почти что маршевая песня получается[58]... Перевалив за двадцать, я понял, что считаю уже не шаги, а ихние пары: десятки - под левую ногу, единицы - под правую. На 44 я чуть не сбился снова на 11 (догадайтесь с одного раза, по какой ассоциации). На сотнях количество шагов под число дошло поначалу до трех[59], что было неудобно, и я стал сперва добавлять под правую ногу слово "шаг", потом выделять в отдельное слово "-надцать", ну а со 121 пошли уже нормальные четверки. Три-сотни-тридцать-два! Три-сотни-тридцать-три! Пять-сотен-пят-надцать! Пять-сотен-шест-надцать! Восемь-сотен-двадцать-шаг! Восемь-сотен-двадцать-раз! Девять-сотен-сорок-раз! Девять-сотен-сорок-два! Девять-сотен-сорок-три! Девять-сотен-сорок-четыре! Девять-сотен-сорок-огонь[60]!

Я уставился на него. Далекий огонек костра, мерцающий в темноте впереди.

Это еще не был конец нашим мучениям. Нам пришлось брести до него - маленького дежурного костерка, разожженного позади лагеря (еще один, невидимый нам, должен был гореть впереди) - еще бесконечно долгие полторы мили. Но их мы отмахали без единой остановки, с неизвестно откуда взявшимися силами, хотя, казалось бы, до рассвета оставалось еще больше двух часов, и мы вполне могли позволить себе передышку. Было бы, кстати, очень обидно вот так, уже видя цель (но оставаясь все еще невидимыми для караванщиков), остановиться передохнуть полчасика, заснуть и упустить караван. Ну а еще обиднее было бы получить пулю от охранников, твердо знающих, что никаких посторонних людей, и уж тем более дружественных, в этих краях быть не может, и по любому приближающемуся из темноты силуэту надо сначала стрелять, а потом думать, в кого попал. Но я, конечно, знал протокол. Главное при приближении к незнакомцу в Пустошах - как можно раньше дать ему понять, что ты не пытаешься к нему подкрасться. Если, конечно, ты и в самом деле не пытаешься к нему подкрасться.

- Эй! В караване! - заорал я во все горло, едва приблизившись на расстояние, с которого меня могли расслышать (слишком большое для револьверного выстрела, но уже достаточное для винтовочного при свете полной луны, поэтому я - и, по моей команде, Кэролайн - подходили, высоко подняв руки). - Я Майк Честер, бэдлэндер из Аркэндэйла! Со мной мой юный клиент, нанявший меня проводником! Мы препочтительно испрашиваем всемилостивейшего гостеприимства у вашего достославного очага!

Это не то чтобы я так цветисто выражаюсь. Просто кто-то когда-то решил, что эта фраза слишком сложна для звукоподражающих тварей, и они не смогут правдоподобно ее

---

[58] По-английски звучит более ритмично: One-two, three-four! Five-six, seven-eight! Nine-ten, eleven-twelve!

[59] Учитывая, что "сто" по-английски - one hundred (каждое слово - шаг).

[60] Английские слова "пять" (five) и "огонь" (fire) созвучны.

воспроизвести. В итоге оказалось, что это неправда - это не всякий человек может повторить такое с первого раза, а твари еще как, ну, по крайней мере, некоторые из них. Однако фраза успела уже закрепиться среди бэдлэндеров в качестве своеобразного пароля. Произносящий ее - либо бэдлэндер, либо тварь, но вряд ли кто-то еще.

Я ждал, что теперь со мной вступят в диалог - повторять однажды услышанное твари могут, а вот поддерживать осмысленную беседу нет - но никакого ответа не последовало. Скорее всего, охранники просто берегли горло и не желали орать, пока мы не подойдем поближе. Но в том полуобморочном состоянии, в котором я находился, мне в голову полезли совершенно вздорные мысли, типа того, что сейчас мы беспрепятственно минуем костер, войдем в лагерь, образованный составленными в оборонительный квадрат фургонами и обнаружим, что все караванщики мертвы или вовсе бесследно исчезли...

- Вы кто на хрен такие? - наконец окликнул меня молодой голос из темноты, тон которого был таким же приветливым, как и содержание его слов. У костра, к которому мы подошли уже почти вплотную, при этом никого не было - ну естественно, какой идиот захочет делать себя хорошо освещенной мишенью для стрелков из темноты. Теперь такими мишенями стали как раз мы - очевидно, в эту минуту в нас целились из-за ближайших повозок.

Я повторил то, что уже кричал издали, опустив на сей раз фразу про всемилостивейшее гостеприимство (повторять одно и то же без вариаций - это как раз типичное поведение твари), и добавив, что мы направляемся в Хинтерзееланд и просим разрешения присоединиться к каравану.

- Какого хрена вам надо в Хинтерзееланде? - осведомился голос все так же приветливо. - Вы не похожи на торговцев.

Это было уже совсем не его дело, точно так же, как и коммерческие интересы всех торговцев в караване, и я со всей возможной вежливостью (которую мне, прямо скажем, не нравилось проявлять по отношению к этому обнаглевшему сосунку) напомнил ему об этом:

- Это частное дело моего клиента, которое не касается даже меня, а уж тем более вас, сэр, при всем уважении. Прошу вас, позовите капитана, и ему мы дадим ответы на все вопросы, которые у него возникнут.

- Это вот этот пацаненок - клиент с частными делами? - гыгыкнул голос, игнорируя просьбу. - Ну а если вам надо в караван, что ж вы только здесь и сейчас об этом просите? Решили сэкономить на плате за проезд?

- Это путешествие вызвано чрезвычайными обстоятельствами моего клиента, - ответил я. - Смерть отца, вы понимаете. Ваш караван к тому времени уже отбыл, а нового ждать было слишком долго.

- Топали себе сами, ну и топайте дальше, - не смягчился голос. - Что сейчас-то вдруг передумали, да еще и среди ночи?

- Мы не надеялись встретить ваш караван, - терпеливо пояснил я. - Это лишь счастливое совпадение, что наши пути пересеклись - насколько я понимаю, что-то задержало вас в пути. Мы наткнулись на ваш след лишь сегодня... точнее, уже вчера. У нас на исходе припасы, и нам очень нужна ваша помощь. Пожалуйста, сэр, пригласите капитана. И, если можно, поскорее, а то... боюсь, я сейчас упаду, - вынужден был признаться я.

- Вы что - ранены или больны? - грозно осведомился голос, и я прямо почувствовал, как его палец ласкает спусковой крючок.

- Нет, просто очень устали, пытаясь нагнать вас, пока вы не уехали. Кстати, можно уже опустить руки? Если хотите, мы положим на землю пояса с револьверами.

- А что это твой пацан все молчит? - подозрительно осведомился голос. - Он что - платит тебе и за то, чтобы ты вместо него говорил? - это, надо полагать, была остроумная шутка. - Он что - немой?

Я на миг задумался, не ответить ли утвердительно. Кэролайн молчала, буквально следуя

моим словам, что с караванщиками я все улажу сам (а может, уже просто не чувствуя себя в силах шевелить даже языком). До сих пор, однако, охранник считал ее "пацаном" (ну, в темноте ему ничто другое и в голову прийти не могло), а я не употребил ни одного местоимения, указывающего ее пол[61] - и при этом не сказал ни слова неправды. Лучше все-таки избегать лжи и дальше. Иначе нам придется всю оставшуюся дорогу общаться жестами, и что, если в караване отыщется кто-то, знающий язык глухонемых, о котором, понятно, ни я, ни Кэролайн не имеем ни малейшего понятия? Есть лучший вариант - "застудил горло". Учитывая погоду и одежду Кэролайн, звучит очень правдоподобно и ни разу не подозрительно - скорее, удивительно, что этого до сих пор не произошло на самом деле... Или это вступит в противоречие с только что сделанным мной заявлением, что никто из нас не болен?

Но, прежде чем я успел принять окончательное решение (принимать которое надо было быстро!), из-за повозок раздался новый голос:

- Ба, да это же старина Майк Честер! Даг, опусти свою винтовку. Честер ходил в Пустоши, когда ты еще писался в штаны. Майк, двигай сюда! Вот так встреча! Не ожидал, так не ожидал!

В щель между повозками к костру выступил плотный человек с одутловатым лицом, в кожаной куртке с меховым воротником и пижонской широкополой шляпе. С тех пор, как мы виделись в последний раз, он располнел (а шляпой, как выяснилось позже, прикрывал недавно образовавшуюся плешь, которой стеснялся), но я узнал его. Это был Чак Вудворт, бывший бэдлэндер, перешедший с вольных хлебов на службу в торговую компанию. Не то чтобы он когда-либо был моим близким другом - у меня их вообще никогда не было - но в Пустошах друг - всякий, кто не пытается тебя убить, а уж тем более старый знакомый. Я поставил рюкзак на землю, и мы обнялись, хлопая друг друга по плечам.

- Ты, что ли, капитан? - спросил я.

- Он самый. А ты-то тут какими судьбами? Не думал когда-либо встретить тебя к востоку от Канавы.

- Долгая история. Расскажу, только потом. Сейчас просто покажи нам фургон, где можно поспать. Мы реально валимся с ног.

- Это не проблема. В фургоны с товарами, сам понимаешь, без согласия владельцев пустить не могу, но у нас освободились повозки, где были припасы. Все вообще должно было закончиться в ноль еще два месяца назад, питали себя и лошадей тем, что удавалось найти по дороге... самая безумная миссия за всю мою карьеру... Тоже долгая история. Ладно, идем. У тебя-то есть при себе что-нибудь?

- Немного мяса, воды и 11 патронов 44-го. Хотелось бы не быть нахлебником, но до самого Хинтерзееланда этого не хватит. Впрочем, я, конечно, заплачу тебе, но не прямо сейчас, наличных при себе нет...

- Ну ясно, кто ж в Пустоши с наличными ходит.

- И еще нам нужна теплая одежда. Сам видишь, в каких мы шмотках.

- Одеяла дам прямо сейчас, а там подберем что-нибудь, - Вудворт впервые окинул внимательным взглядом Кэролайн, вероятно, прикидывая размер. - Эй, парень, тебе надо отрастить усы, - у самого Чака они были роскошные, длинные и остроконечные, и бороду он, понятное дело, не брил, но подстригал очень коротко и аккуратно, с моими зарослями не сравнить. - А то ты здорово смахиваешь на девчонку. Зовут-то как?

Тут уже было не спрятаться за недомолвками. Надо было или врать, или говорить правду. Я выбрал последнее.

- Это и есть девчонка, тупица. И, кстати, повежливей с мисс Кэролайн. Она платит мне кучу денег за то, чтобы я доставил ее в Хинтерзееланд, - это я добавил, чтобы избежать

[61] В английском это единственная часть речи, имеющая род. За неимением у существительных падежей, мужское имя от женского также невозможно отличить по правилам склонения.

скабрезностей на тему "о, Майк наконец-то завел себе цыпочку!"

Реакция была вполне предсказуемой. У Вудворта отвисла челюсть. Он переводил взгляд с меня на Кэролайн и обратно.

- Майк? Ты не шутишь? Она и правда... она?

- Правда, - подала, наконец, голос Кэролайн. - Я знаю, что караванщики не берут женщин, потому что считается, что мы не можем пересечь Пустоши. Но, как видите, это не совсем так. И раз уж я добралась без вашей помощи аж досюда, то не сильно обременю вас на последних милях пути.

- Сколько дней до ее месячных? - хмуро спросил Вудворт, снова обращаясь ко мне, а не к Кэролайн, словно она была бессловесным животным или ребенком, находящимся на моем попечении.

- Девять. Мы будем уже в полной безопасности в том районе.

- Надеюсь, - проворчал Чак. - В этой проклятой миссии ни в чем нельзя быть уверенным... - его взгляд устремился вниз, но не на промежность Кэролайн, а на ее пояс с револьверами; - Ты правда умеешь пользоваться этими штуками, или носишь это для красоты?

- Умею, - заверила девушка. - Но у меня остался только один патрон.

- Какой калибр?

- 36-й.

- Дерьмо, - выругался Вудворт. - У нас нет патронов под 36-й. А из 44-го стреляла когда-нибудь? Я имею в виду, там отдача сильнее и сам ствол тяжелее...

- Чак, - снова вмешался я, - Кэролайн стреляла и из моих "драконов" тоже, и она знает разницу между револьверами одинарного и двойного действия, умеет разбирать, чистить и смазывать.

- Н-ну хорошо, - решил Вудворт. - В этой проклятой миссии мы уже потеряли троих охранников, и остались нам, девочка, не "последние мили", а еще круглым счетом триста тридцать миль пути, на которых все еще может случиться всякое. Так что лишние руки, способные стрелять, нам не помешают. Тебя, Майк, нам прямо Судьба послала. Ну а ты, Кэролайн, если что, будешь на подхвате. Видите ли, - он понизил голос, - вообще-то даже не все в караване об этом знают, но среди товаров, которые мы везем - здоровенный ящик "хольтов" 44-го, новеньких, в масле. В Хинтерзееланде делают отличные винтовки Краузера, и телескопические прицелы к ним, а вот со своими револьверами у них напряженка. Так что у нас сейчас стволов намного больше, чем рук, способных их держать. А вот с патронами туго. Патроны они у нас не покупают, клепают свои. А свой боезапас мы в этой миссии сильно поиздержали. Ну и, кроме того... ящик опломбирован производителем, и покупатель не будет в восторге, если пломбы будут сорваны. Так что прямо сейчас пушку тебе не дам, извини. В ящик мы полезем только в крайнем случае. Но если он настанет - лучше уплатить пеню покупателю, чем потерять еще нескольких человек или лошадей.

- А куда делись пушки тех, кто погиб? - заинтересовался я.

- Туда же, куда и ихние тела, - проворчал Вудворт. - Спроси у тварей в дельте Канавы. Но, по крайней мере, больше мы не будем переправляться ни через какие водоемы... пока не поедем обратно, конечно... - он озабоченно покачал головой. - Ладно, идемте, выделю вам фургон. Надеюсь, *мисс* Кэролайн не потребует себе отдельный?

- Нет, - ответила она, - я останусь с Майком.

- Ну и хорошо. Только чтобы не было никаких... ночных звуков, которые смущали бы парней.

- Чак! - брезгливо поморщился я. - Когда я говорю, что мы хотим спать - это значит именно "спать". А того, на что ты намекаешь, между нами нет, не было и не будет! Кэролайн - порядочная девушка, а не то, что ты подумал!

- Да ничего я не подумал, это вообще не мое дело. Мне важно только, чтобы в караване

порядок был, - он повернулся и вошел в щель между фургонами. Я и Кэролайн последовали за ним.

Внутри оборонительного периметра мы увидели двоих парней с винтовками, и ближайший из них зыркнул на меня неприязненно. Наверное, это и был Даг, который говорил со мной вначале, и ему не понравилось, как Вудворт опустил его фразой про штаны. Слышал ли он (и второй, лица которого я толком не разглядел при свете уже клонящейся к закату луны) весь диалог насчет Кэролайн? Наверняка да. Ну и пусть, тогда они знают не только то, что она девушка, но и что с револьвером она обращается не хуже мужчины. И не станут нарываться на неприятности.

Мы прошли следом за Вудвортом мимо дремлющих лошадей к фургону, который он нам указал. "Погодите, принесу одеяла", - сказал Чак. Я даже не заметил, куда он пошел - видимо, начал засыпать стоя, и очнулся лишь когда он уже стоял рядом с целым рулоном свернутых одеял (их там оказалось четыре штуки - два шерстяных и два стеганых). Указав на висевший под передним ребром фургона масляный фонарь, он велел нам не жечь масло без крайней необходимости, потому что его тоже осталось кот наплакал, пожелал нам спокойной ночи (хотя было уже почти утро) и удалился.

Мы все же зажгли фонарь, чтобы нормально устроиться внутри. Я тут же растянулся на одеяле, даже не трудясь разуться (хотел бы сказать - блаженно растянулся, но мышцы ног ныли так, что ни о каком блаженстве не было речи даже в максимально расслабленном состоянии - все-таки староват я уже становлюсь для таких марш-бросков), а вот Кэролайн, наоборот, первым делом принялась стаскивать с себя ботинки. Ах да, ее стертые ноги, совсем забыл про них... Я приподнялся и полез в рюкзак за пластырем. И тут увидел, что дело вовсе не в потертостях и не в мозолях.

Трофейные ботинки Кэролайн, хотя и неплохие, были все же не такими прочными, как мои бэдлэндерские сапоги. Металлические набойки защищали лишь ихние носы, но не середину подметки возле каблука. И вот эти-то середины, на идеально ровной поверхности вообще не касающиеся земли, за месяцы пути по сильно пересеченной местности постепенно протирались, а последний марш-бросок по каменистой дороге добил их окончательно. И теперь в обеих подметках зияли дыры - в правой большая, в левой поменьше. Так что последние мили пути Кэролайн фактически шла босиком по острым камням - ну, не всеми подошвами целиком, а только ихними серединами, но как будто этого мало! Шла, не жалуясь и стараясь выдерживать мой темп... Теперь на ее подошвах багровели кровавые раны.

От этого зрелища на меня нахлынули чувства, которых я прежде не то что ни к кому не испытывал, но которым я и названия-то едва знал. Ну то есть в принципе знал, конечно, но в моем словаре таких пафосных слов не было. Острая жалость, нежность, жажда укрыть, защитить, никогда больше не допустить, чтобы она страдала... но в то же время и такое восхищение ее стойкостью, перед которым меркла любая моя гордость собственными достижениями. Хотя я о себе, прямо скажем, никогда низкого мнения не был, и хотя мне, вообще-то, тоже не раз доводилось терпеть боль. Но то я, толстокожий бэдлэндер - и даже еще до того, как бэдлэндером стал. Меня в детстве гадюка кусала. И босиком я ходил до первого снега - а в некоторые годы и по нему тоже (не так, кстати, страшно, как думают те, кто не пробовал - и уж точно лучше, чем по острым камням). А тут - нежная девушка, папенькина дочка, совершенно не привычная к подобному... Даже после всех этих наших месяцев в Пустошах. Даже пытка бабочкой, по крайней мере, длилась недолго. "Что ж ты сразу не сказала?!" "А чем бы это помогло? Чем ступни ни заматывай, оно за несколько минут изорвется, и будет все то же самое. Тут или какие-нибудь металлические стельки нужны - а из чего их сделать, или новые ботинки - а где их взять?" "Ну я бы хотя бы не гнал тебя так! Можно было бы, ну, как-то осторожнее ступать, место нащупывать, камни отгребать в сторону..." "И мы бы сейчас, вместо того, чтобы отдыхать в покое и комфорте, все еще ковыляли где-то там. Может, и

не успели бы до самого рассвета. Кто бы от этого выиграл?" Логично, да. Логика во всем. Не терпеливость покорной жертвы - сильная воля безупречного ума, подчиняющего себе тело.

Я промыл ее раны холодной водой (стекавшей прямо в щель между досками пола), смазал имевшейся у меня мазью и перебинтовал. Вид ее маленьких розовых пальчиков, торчащих над белой повязкой, вызывал у меня, опять-таки, совершенно нехарактерное для меня умиление. Казалось бы, нельзя одновременно восхищаться и умиляться. Восхищаются сильным и твердым, умиляются нежному и хрупкому. А вот поди ж ты. Я не удержался и пощекотал ее пятку, в отличие от середины подошвы, не пострадавшую. Кэролайн сонно хихикнула, шевельнула пальчиками и вытянулась на одеяле. "Не хотелось тебя огорчать, - сказала она. - Помнишь, мы говорили, насчет не огорчать друг друга. Это, конечно, надо делать, когда другой может реально помочь. А чем бы ты мне помог там, на ходу? Только бы сам из-за меня терзался. Вот сейчас появилась возможность, сейчас и помог, спасибо, - она погладила пальчиками ноги мою руку. - Хотя, - добавила она, - зря я вообще дала тебе увидеть. Надо было дождаться, пока ты заснешь, и обработать все самой. Это руку второй рукой перевязать трудно, а ногу-то какие проблемы." "Кэролайн, - проворчал я, - я, конечно, ценю твою заботу, но я все-таки не чувствительная барышня и не ребенок. Ты не должна ничего от меня скрывать. Тем более - в Пустошах, где от состояния твоего здоровья зависит и твое, и мое выживание! То, что мы добрались до каравана, не значит, что Пустоши закончились, Чак правильно сказал, больше трехсот миль еще..." "Вообще-то, - вымученно улыбнулась она, - мне так было даже легче идти - боль не позволяла заснуть прямо на ходу. И, - добавила она серьезным и почти извиняющимся тоном, - я, по правде, не думала, что там все настолько плохо. Что там все в крови. Думала - ну, колется немного, можно потерпеть, это же камни, а не ножи..."

И тут меня как ледяной водой окатило. Только теперь, да. Я ж говорил - когда я уставший, я туго соображаю.

Кровь!!!

Да, конечно - теперь ее уже нет, раны обработаны и перевязаны. Но это здесь ее нет. А кровавый след тянется по камням на несколько миль. Да - ночью кроволюбы не летают, и вообще почти наверняка мы уже за пределами ихней территории ("почти", да - Вудворт вот так не считает, первый же вопрос задал про цикл Кэролайн). А с первыми утренними лучами мы отсюда уже уедем. Но это только мух касается, а ими кроволюбы в Пустошах отнюдь не исчерпываются. Правда, до сих пор за нами ни одна тварь не увязалась - а времени у них было достаточно. Но это еще ничего не доказывает.

Что я должен был сделать? Что предписывал мой долг бэдлэндера? Немедленно пойти к Вудворту (кстати, я так и не выяснил, в каком он фургоне) и сообщить ему: так и так, по моему недосмотру теперь до самого лагеря тянется кровавый след. Разумной мерой в этом случае будет немедленно сняться с места и перенести лагерь хотя бы на полмили вперед. Ну а поскольку уже и рассвет недалеко, то можно уже не разбивать лагерь заново, а просто ехать дальше, что еще проще и надежнее. Люди не выспятся и будут сердиты, но ничего катастрофичного. Но это что касается разумной меры. А что, если Вудворт, и без того пребывающий в прескверном настроении из-за всех проблем этой миссии, ею не ограничится? Если он заявит, что не желает видеть еще одну такую проблему в своем караване, хоть с перевязанными ступнями, хоть нет? Скажет, мол, можете идти за нами следом, но не приближайтесь меньше чем на милю. Может, даже отсыплет от щедрот немного патронов и еды, и теплую одежду, как обещал. Может, даже и новые ботинки отыщет в своих закромах, не по размеру, конечно, но я их снова могу перелицевать, как предыдущие. Но куда Кэролайн пойдет с такими ногами?!

Что я в итоге сделал? Погасил фонарь и лег спать, держа Кэролайн за руку.

Когда я проснулся, было все еще темно, однако снаружи доносились звуки пробудившегося лагеря. Не пробудившегося по тревоге, а готовящегося мирно сняться с места - чьи-то негромкие разговоры, побрякивание сбруи... Неужели я проспал не больше часа? Мышцы

ног все еще ныли, однако я чувствовал себя намного бодрее. Я снова нащупал в темноте руку Кэролайн, которая по-прежнему спала - но не успел предаться никаким умилительным мыслям, ибо ощутил властный призыв со стороны мочевого пузыря. Натянув в потемках сапоги (даже сам не помню, когда успел их снять), я вылез из фургона и тут же развернулся, встав между колесами. В караванах это делают именно так - у колеса ближайшей повозки. Кого стесняться, особенно когда лошади в двух шагах от тебя делают то же самое? А вот у Кэролайн с этим будут проблемы, м-да. Ей придется отходить в темноте за пределы лагеря, причем так, чтобы и охранники ее не видели, и никакая тварь за задницу не схватила. Женщинам в караване сложно не только из-за месячных... Закончив со своим делом, я застегнул штаны, снова повернулся и столкнулся нос к носу с Вудвортом.

- Проснулся, наконец? - широко ухмыльнулся он. - Ну и горазды вы дрыхнуть!

Я только сейчас сообразил, что на небе нет луны, которая все еще была бы видна на западе, будь это раннее утро. Лагерь освещал лишь свет нескольких масляных фонарей и пары костров, на которых караванщики, похоже, что-то пекли.

- Который час? - спросил я, сам удивляясь хриплому звуку моего голоса.

- Половина восьмого. Вечера. Так и спали все время? Никто вас не теребил?

- Да нет вроде.

- Ну и хорошо. Я Дагу и Бобу, который с ним вместе дежурил, хвосты накрутил, чтоб не трепали почем зря про твоего... клиента. Пусть остальные думают, что это просто парень по имени Кей.

Я с усмешкой вспомнил, как Кэролайн возражала против сокращений своего имени, но тут уж ничего не поделаешь. Впрочем, ей даже и не на что обижаться, имя-то получается прям символическое, типа она - ключ[62] ко всему... Кстати, не исключено, что холинбрукские фанатики, затеявшие на нее охоту, почему-то и в самом деле так считали.

- Вблизи да при свете дня, конечно, всякий догадается, - продолжал Чак. - Но если никто не будет знать, то не станет и интересоваться. Так что пусть Кей перед парнями особо не маячит. А мы с тобой не будем прямо говорить ни "он", ни "она". Просто "Кей", и все. И всем будет спокойнее.

Мне было понятно, почему Чак, как и я сам, не хочет напрямую врать - вскрывшаяся ложь подорвала бы его авторитет капитана, тем паче что уже были двое охранников, посвященные в тайну.

- Фургоном вашим сам править сможешь? - спросил он.

- Да что уж тут сложного.

- Вот и хорошо, сегодня вас Боб вез, а завтра уже ты сам, чтобы уж точно никто нос не совал. Может, потом оно все равно откроется, но чем позже, тем лучше. Сам понимаешь, с одной стороны, парни женщин с весны не видели. А с другой - найдутся те, кто скажут, что раз им в Пустоши нельзя - значит, нельзя, и нарушать это правило - значит, накликать беду, которых нам и без того уже хватило с лихвой. В этой сумасшедшей миссии и так у всех нервы на взводе. Ну ладно, приглашаю вас двоих к себе на ужин, вон мой фургон, - он показал пальцем. - Чувствую, нам есть что порассказать друг другу. Ты, кстати, говорил, у вас своя еда есть?

- Охотно тебя угостим. Пробовал когда-нибудь запеченное в глине мясо шестиногой коровы?

- Шестиногой - нет, - серьезно ответил Чак. - Трехногой доводилось, еще на отцовской ферме - ей волки ногу отгрызли, ну, не пропадать же остальному... Кстати, обновки я вам подыскал - пару теплых свитеров, шерстяные кальсоны и носки.

- Кей нужна еще обувь, - заметил я. - Ботинки Кей прохудились, - деталей я, понятно, упоминать не стал, хотя после целого дня пути от того места всякая опасность уж точно была

---

[62] Key - название буквы K (хотя имя Carolyne начинается с C) и одновременно слово "ключ".

позади.

- Считай, что вам повезло. Хотя в караванах мы в основном ездим, а не ходим, я почитаю за правило возить с собой на всякий случай несколько запасных ботинок под разные размеры. У Кей какой?

- Девять и восемь дюйма.

- Таких маленьких нет, но, кажется, были на полдюйма больше. Если с толстым носком, то нормально. Тем более, Кей теперь надо не ходить, а сидеть в фургоне... Обратно-то Кей ехать собирается?

- Нет. Останется в Хинтерзееланде, - я не стал пока что добавлять "и я вместе с Кей", ибо мое присутствие в караване Вудворта явно только радовало.

- Ну, тогда тем более, - произнес он с явным облегчением. - Там уже купит или закажет все, что надо... Так, короче, жду вас в моем фургоне.

Кэролайн тоже уже проснулась, так что спустя короткое время мы явились на ужин к капитану (девушке, понятно, пока что снова пришлось надеть дырявые ботинки, но несколько шагов - это не многие мили). С принимающей стороны угощение состояло из консервов в жестяных банках (тех самых, которые якобы могут храниться пятьдесят лет), а также только что испеченных на костре пресных бездрожжевых лепешек - ибо никаких пригодных в пищу тварей караванщикам не попадалось уже давно, так что нашим свежим мясом Чак интересовался не из праздного любопытства. Хотя в норме, вообще-то, караванщики в основном консервами и питаются, отвлекаться на охоту - не ихнее дело, но проблемы, задержавшие их в пути, полностью опустошили бы их запасы, если бы им не удалось в середине путешествия добывать пропитание самостоятельно. В то же время, мы уже несколько месяцев не ели никаких фруктов и овощей, если не считать ягод кровяники и бродячей картошки, так что консервированные груши, апельсины и даже кислая капуста порадовали нас не меньше, чем Вудворта - свежее мясо. Но не будет большим преувеличением сказать, что главным угощением на этом ужине были все же истории.

Сперва я изложил Вудворту краткую и, так сказать, политически безопасную версию наших приключений, в которой вовсе не упоминались КОБ, преследование и уж тем более, конечно, назначенная за Кэролайн награда. В этой версии Кэролайн отправилась в Хинтерзееланд исключительно во исполнение воли покойного отца и по приглашению тамошнего университета, и все это связано с научным сотрудничеством в таких областях, от одного названия которых у Чака сведет зевотой челюсти (Чак ожидания оправдал и не стал интересоваться деталями, которых, кстати, не знал и я сам). Пойти на столь опасное путешествие в одиночку (точнее, со мной в качестве проводника) ее, понятно, вынудило то обстоятельство, что караванщики не берут женщин (да, подтвердил Вудворт, если бы она обратилась к нему с такой просьбой перед отходом каравана, он бы, безусловно, отказал, да и любой капитан бы отказал). Так что, не выказав никакого подозрения и удивления по поводу причин и мотивов, он с удовольствием выслушал чисто приключенческую часть (в которой нашими противниками были исключительно твари и силы стихии). Затем настал его собственный черед рассказывать о "безумной миссии, какой у него не было за все пять лет, что он водит караваны через Пустоши".

Как я и предполагал, все началось с издохшего Моллюска (собственно, именно от меня Вудворт и узнал первопричину своих злоключений). До Канавы все шло, как обычно, но, подойдя к традиционному месту переправы, караванщики убедились, что уровень воды остается неизменным и брод не открывается. Несколько дней они прождали в надежде, что это временная проблема (вызванная, к примеру, каким-нибудь паводком выше по течению), которая разрешится сама собой. Когда же окончательно стало ясно, что это не так, у них осталось два варианта - вернуться назад с полдороги, не только потеряв все вложенные в предприятие средства, но и по сути похоронив всю идею дальнейшей караванной торговли как таковую (насчет перспектив

водить караваны через север, где Канава замерзает зимой, или даже еще северней ее истока, я уже говорил) - или же каким-то образом налаживать переправу. Причем такую переправу, которой сможет воспользоваться не пара человек, как в нашем случае, а большой караван с тяжело груженными повозками и лошадьми.

Торговцы выбрали второе. Караван спустился вдоль Канавы дальше на юг, туда, где рукава дельты ветвятся настолько, что, хотя общее количество воды в них больше, сами они неглубоки из-за большой заиленности, и многие из них проходимы вброд. Не всегда такая переправа - легкое дело, дно может быть слишком вязким для тяжелых колес, им приходилось разбирать одни повозки, чтобы подкладывать ихние доски под колеса других (а потом собирать их заново), и плюс, конечно же, даже в неглубоких рукавах водились твари, опасные для людей и еще больше для лошадей - но это не было главной проблемой. Главной были те рукава, которые пересечь вброд нельзя было никак. Их было немного, но они были.

Решение, найденное для этой проблемы, было по-своему гениальным. Нет, не строительство мостов, строить которые было не из чего - растительности вокруг было много, но в основном это были всевозможные кусты и лианы с длинными гибкими стеблями, подобными щупальцам (иногда - подобными не только внешне), и никаких деревьев с высокими и прочными стволами, которые можно было бы пустить на доски или бревна. Камней, пригодных для строительства, в этом царстве ила и грязи не было и подавно. Так что идея была в следующем: вместо того, чтобы переправляться через реку вперед - переправлять реку назад. То есть, стоя на сухом участке перед очередным глубоким рукавом, они копали позади себя обводной канал, в который отводили воду - и рукав перед ними мелел (иногда лишь на короткое время) и позволял переправиться.

Просто на словах, да. На деле все это потребовало двух месяцев каторжного труда. Ситуацию, правда, облегчало то, что караванщики могли использовать силу не только собственных мускулов, но и лошадей-тяжеловозов. Которых, однако, надо было кормить (густая и буйная растительность дельты выглядела миром мечты для любого травоядного, но многие ее виды были ядовитыми, а некоторые - и хищными) и защищать от тварей, которые тоже кишели в этом богатом теплом, водой и зеленью районе (причем наихудшую проблему представляли не крупные хищники, которых было не так трудно заметить и застрелить, а кровососущие насекомые). После того, как последний рукав дельты был таки преодолен, выбираться обратно на привычную караванную дорогу пришлось практически по самому краю Комариных Болот (на счастье, ветер дул в ихнюю сторону, а не наоборот). Учитывая все это, суммарные потери каравана - три человека (двое сожраны атаковавшими из воды тварями на глазах у товарищей, один пропал без вести - и это не считая двух десятков больных и раненых, из которых, впрочем, к моменту рассказа Вудворта большинство уже оправилось или шло на поправку), пять лошадей (три погублены разными видами тварей, две отравились) и четыре повозки (одна увязла в иле, остальные пришлось бросить, когда их стало некому везти) - можно было считать просто подарком Судьбы.

Потом, понятно, был порожденный столь длительной задержкой дефицит припасов (мудрая политика Вудворта позволила максимально сэкономить все, что можно было заменить добываемым на месте, в особенности это работало на богатом водой и жизнью юге - поэтому на нынешнем участке пути в караване еще оставался овес для лошадей и консервы для людей), те самые подцепленные в туманных и болотистых зарослях дельты болезни (лихорадка, незаживающие язвы) - и, в довершение всех бед, "ребята видели Блуждающий город". Тот мрачный вид, с которым Вудворт сообщил это, не требовал уточнений, в каком именно варианте они его видели. На фоне всех предыдущих совершенно реальных проблем это глупое суеверие, поставленное в один с ними ряд и даже чуть ли не как вишенка на торте, едва не заставило меня рассмеяться. Но я подавил и смех, и едва не вырвавшееся у меня восклицание "Мы тоже" (не хватало еще, чтобы Вудворт счел это дополнительным предвестием несчастья, а нас - его

носителями), и лишь спросил - не столько из интереса, сколько чтобы упредить возможную реплику Кэролайн - "Давно?"

- Нет, всего три дня назад. Прямо тут, на караванной дороге - ну то есть далеко впереди, конечно, как это всегда бывает.

- Тут ему и поместиться негде, - возразил я. - Слишком мало места между Хребтом справа и скалами слева для такого большого города.

- Ну ты же понимаешь, Блуждающему городу не нужно физическое место. И никакие скалы ему не указ и не помеха. Мы, конечно, через то место давно уже проехали, и там, как всегда, совершенно ничего, ни малейших следов. Он - призрак, он - видение.

- В таком случае, не вижу никакого смысла бояться видения, - ответил я. - Раз оно не способно никак повлиять на реальный физический мир.

- А скажите, - заинтересовалась вдруг Кэролайн прежде, чем Чак успел возразить, - ваши люди видели его все одновременно? И описывают одинаково или по-разному?

- Одинаково, конечно.

- Просто я слышала, что его описания постоянно разнятся. Не только "целый или разрушенный", но и сама архитектура - форма, расположение, количество зданий...

- Это когда его в разное время в разных местах видят. Когда несколько человек одновременно, то он им всем одинаковым является.

- Значит, это все же не психическая иллюзия, а нечто, существующее объективно. Имеющее некую материальную основу.

- Вот и я говорю, что объективно! - подхватил Вудворт. - Это только Майк у нас вечный скептик.

- Живой скептик, заметим, - поднял палец я. - Что как бы намекает на оправданность моего скептицизма.

- Так я тоже живой, и что?

- А то, что если приметы верны, то тот, кто им следует, должен оказываться в выигрыше, а кто не следует - в проигрыше. А если и тот, и другой в одинаковом положении, значит, они ни на что не влияют. Что и требовалось доказать, - последней фразе я, понятно, научился у Кэролайн.

- Это уж кому какая Судьба, - упорствовал Вудворт. - Можно все правильно делать и проиграть, а можно дуриком выиграть. Да и потом, я ведь не говорю, что все предопределено приметами. От человека зависит очень многое. Знаешь поговорку - "Судьба может послать тебе клад, но откопать его ты должен сам."

- Вот именно!

- Однако если Судьба не пошлет тебе клада, то хоть ты расшибись, копаючи, а не откопаешь ни хрена.

- Ладно, давай про Судьбу, - кивнул я. - Вот ты подумай головой, если Город и правда предвещает удачу или беду, то как может такое быть, что разные люди в одно и то же время видят его одинаково - или все целым, или все разрушенным, и нет ни одного исключения? У них что - у всех одинаковая Судьба? Это все равно что две дюжины монет подкинуть, и все орлом упадут! Не бывает такого!

- У всех людей на свете, наверно, не бывает, - согласился Чак, - а у охранников одного и того же каравана очень даже запросто общая на всех Судьба может быть. Особенно если она плохая. Счастливую-то жизнь каждый по-своему проживет. А вот сдохнуть все могут в одном месте и в одно время.

- Я бы еще понял, если бы вы сначала этот Город разрушенным увидели, а уже потом на вас все несчастья посыпались - хотя даже это не доказывало бы, что именно Город является ихней причиной или хотя бы вестником...

- После этого не значит вследствие этого, - встряла Кэролайн. - Это такой принцип в

логике.

- Вот-вот. Причина всех ваших бед - Моллюск, а никакой не Город. А он сдох еще до того, как вы в путь отправились, просто вы об этом не знали. Так что никаких предзнаменований даже в этом случае бы не было. А уж когда сначала все беды случились, а уже только потом вы Город увидели - ну, это уже совсем смешно!

- А откуда ты знаешь, что *все* беды уже случились? - прищурился Чак. - Может, самое-то главное еще впереди! Нет, я, конечно, тоже надеюсь, что нет. И места тут уже такие, где сильно страшных неожиданностей обычно не бывает. Но - это Пустоши. Вот ребята и нервничают. Так что - ты на Дага-то не серчай, что он вас неласково встретил. Сам посуди - только за день до того парни разрушенный Блуждающий город видели, не знают, чего ожидать. А тут из темноты заявляются какие-то незнакомцы, которых здесь вообще быть не должно. Ну, поневоле начнешь разное думать. Это я тебя знаю, и понимаю, что ты для нас в такой миссии - подарок, а не беда. А он-то нет.

- Понанимали сосунков, - проворчал я. - Тех, кто не знает, кто такой Майк Честер, в Пустоши вообще допускать нельзя.

- Вообще, забавно даже, - продолжал он. - Трех человек в этой миссии мы потеряли, и три к нам присоединились. Вот это Судьба или нет?

Я вдруг почувствовал себя так, словно спокойно спускаясь по лестнице, ощутил под ногой пустоту вместо ступеньки.

- Погоди, - сказал я. - А кто третий?

- Ах, ну да! - воскликнул Вудворт и демонстративным жестом хлопнул себя по плешивому лбу. - За всеми этими напрягами совсем я про это рассказать забыл! А ведь это, почитай, самая странная история из всех. Другой бы мне такое рассказал, я бы сказал - байка, если бы своими глазами его не видел. Да и все наши парни видели...

- Кого? - повторил я с такой настойчивостью в голосе, что Чак взглянул на меня с удивлением.

- В общем, когда мы переправлялись через один из последних рукавов дельты, вдруг заметили, что по реке прямо на нас плывет человек. То есть не сам плывет, конечно, иначе бы его давно съели. Он лежал на каком-то хлипком убогом плоту из четырех прямоугольных досок - кажется, три из них были какими-то маленькими дверями, а четвертая вообще не знаю от чего. Лежал, как мертвый, и его несло течением. Мы, конечно, сперва подумали, что он мертвый и есть. Но, поскольку этот плот вынесло прямо на наши фургоны, поневоле пришлось его тормознуть, ну, чтобы он хотя бы нам колеса не повредил. И тут этот парень зашевелился и застонал! Ну, ребята, понятно, втащили его в повозку и вывезли на берег. Он был в типичной бэдлэндерской одежде, в сапогах, в перчатках и даже в шляпе, ты прикинь? Она на ремешке под подбородком держалась. Ну, понятно, пояс с кобурой, как положено, только она слева почему-то, а револьвера не было, револьвер он потерял, видать, в реку обронил. Сам бледный, как смерть, и холодный - ну понятно, вода-то уже не летняя, то есть это на юге еще тепло, а его-то с севера принесло - но явно живой. Ну, дали ему хлебнуть разведенного спирта - у нас в караване вообще-то сухой закон, но это ж другое дело, это в медицинских целях - он глазами заморгал, очухался. Сказал, что он бэдлэндер, что в него стреляли бандиты, которых он преследовал, что он упал в реку, но сумел забраться на этот плот, который несло течением, и провел на нем две недели, раненый, без еды, не имея возможности выбраться на берег - весла не было, а грести руками он не рисковал, боясь привлечь внимание тварей. И он очень благодарен нам за спасение. Ты прикинь, а? Я вообще не представляю, как можно так выжить - ты бы видел этот плот, на нем повернуться негде! Раз его ни рана, ни голод, ни холод не прикончили, то как твари не добрались? Он, видать, две недели по стойке "смирно" там пролежал! И как только не свалился в воду в беспамятстве... Но вот - бывает же! Судьба, так уж Судьба... В общем, рассказал он нам это и снова глаза закрыл, уж очень слабый был, все думали, что помрет. Но положили его пока

что в повозку с кожей - сперва хотели к другим больным, но торговец кожей сказал, нет, он от них лихорадкой заразится и точно помрет, кладите его в мой фургон, на кожах как раз мягко. А он ничего, постепенно оклемался все-таки и пошел на поправку. Медленно, уж очень слабый был, но пошел. Потом уж от торговца кожами в пустой фургон вроде вашего перебрался, когда тот освободился из-под овса. Хотя и сейчас еще не до конца поправился, все в фургоне лежит...

Мы с Кэролайн давно уже обменивались тревожными взглядами, которых увлеченный рассказом Вудворт, похоже, не замечал. Связать эту историю с нами ему в голову не приходило - про плот он, к примеру, ничего не знал, в моем кратком пересказе говорилось только "хотели затащить яхту в воду, забросив туда якорь, но его сожрала какая-то тварь. Думали уже, кранты всей затее, но ночью пришла большая волна и сняла нас с мели..."

- И как зовут этого... бэдлэндера? - ровным голосом осведомился я.

- Тут, вишь ты, тоже странная штука, - ответил Чак. - Он говорит, что после ранения в голову имени своего не помнит. Сам я никогда его прежде не видел - ну понятно, я ж не всех бэдлэндеров в лицо знаю, да и новые могли появиться с тех пор, как я на компанию работать стал - хотя он не мальчишка, конечно, не сильно моложе нас с тобой. И из парней моих тоже его не знает никто, но среди них и вовсе далеко не все раньше бэдлэндерами были. Мы его Скиннером[63] прозвали - потому, что он в повозке кожевенника лежал, и потому что сам - кожа да кости.

- Ранение в голову, - повторил я. - Ну ладно, допустим, подводные твари до него за две недели так и не добрались. А как его мухи-кроволюбы-то не сожрали?

- Так он перевязку сделать сумел, когда на плот вылез! У него упаковка бинта во внутреннем кармане была.

- И как это можно, получив в голову пулю 44 калибра, не только не сдохнуть, но и проделывать все эти фокусы?

- Ну, - рассудительно произнес Вудворт, - я так понимаю, пуля ему мозги не пробила, а от черепа срикошетила. Бывает такое, сам знаешь, от угла зависит. Я сам знавал парня, который, типа, от несчастной любви стрелял себе в висок и выжил - правда, дураком остался, ну да он и прежде не сильно умный был, раз такое учудил... Сам-то я рану Скиннера не видел, он ее никому не показывал. Говорит - нельзя повязку разматывать, пока не зарастет все. Уж ему Двайт Поркинс свою помощь предлагал - он у нас заместо доктора, когда-то учился даже, но его со второго курса выперли - говорил, дай я тебе хоть повязку поменяю, загноится же от старой. А он, то бишь Скиннер, ни в какую - я, говорит, лучше любых коновалов знаю, как себя лечить. Ну ладно, говорит ему Поркинс, подыхай, дело твое. А Скиннер все-таки прав оказался, на поправку пошел. Не зря, наверно, все-таки Поркинса выперли... Погоди, - перебил сам себя Вудворт, - а ты-то откуда знаешь, что там был 44 калибр?

Я сообразил, что сболтнул лишнего.

- Ну как - типичный калибр у бэдлэндеров, - ответил я.

- Так в него же не бэдлэндер, а бандит стрелял!

- Откуда ты знаешь? Это он тебе так сказал. А может, на самом-то деле все с точностью до наоборот было, а?

- Об этом я, конечно, тоже думал, - мрачно ответил Вудворт. - Но - нету его физиономии среди разыскиваемых! Мы в караване хоть уже и не бэдлэндеры, не наша это забота - за бандитами охотиться, а афишки со всеми, кто в розыске числится, перед выходом получаем, полный комплект. Чтобы, значит, не приблудились к нам по дороге и невинными овечками не прикинулись - сам понимаешь, тут есть что грабить. В принципе, конечно, может быть такое, что его в розыск объявили, когда мы уже выступили - кабы мы нормально шли, он бы не успел раньше нас на Канаве оказаться, но, поскольку мы на этой хре́новой переправе застряли, мог и

[63] Skinner (от skin - "кожа") - шкуродер, кожевенник.

успеть. Но все равно, уж очень маловероятно это. Редко какой бандит аж до самой Канавы добегает, а уж новичок, который прежде ни бандитом, ни бэдлэндером не был - ну сам посуди, какие у него шансы!

- Примерно такие же, как и выжить, получив пулю в голову, - проворчал я. Интересно, выдадут ли следующему каравану афишку и с моим лицом? Или же холинбрукцы не посмеют бросать такой вызов бэдлэндерскому сообществу, пока меня не объявит в розыск мое собственное графство, как это делается с бэдлэндерами-ренегатами - а Аркэндэйл, конечно, этого не сделает... - Ну ладно, дай-ка мне взглянуть на этого удивительного Скиннера.

- Так он, небось, спит уже! Да и нам, в общем-то, пора, почти полночь уже... - за разговорами время и впрямь пролетело незаметно. - Хотя вы-то, конечно, выспались, ну а мне-то на рассвете бодрым надо быть.

- Спит - это даже хорошо, что спит, - ответил я. - Не буду его тревожить, только загляну в его фургон одним глазком. Уж очень мне его лицо увидеть хочется.

- Ну ладно, идем, - согласился Вудворт.

Мы выбрались наружу, в холодную ночь. Теперь лагерь был погружен в темноту и тишину. Лишь голубоватый свет луны озарял повозки, да изредка пофыркивали кони.

- С его лицом, кстати, тоже странность, - приглушенным голосом поведал Чак. - Бритое оно. И, главное, мы его именно таким и нашли! После двух недель дрейфа на крохотном плоту! Ну какой идиот станет бриться в таких условиях? И как он вообще мог это делать, если в беспамятстве был?!

- Может, и бессознательно повторял действия, к которым привык в сознательном состоянии, - тихо предположила Кэролайн. - Лунатизм, вызванный травмой головы...

- Вот только лунатиков мне тут и не хватало! - проворчал Вудворт. - Но вроде нет, не замечали за ним, чтобы он ночью что-то вытворял. Лежит себе в повозке и лежит. Поркинс вот другого мнения - что он, мол, и не мужчина уже...

- Женщина, что ли? - удивилась Кэролайн. Я был абсолютно уверен, что это не так.

- Нет, конечно. - шепотом хохотнул Вудворт. - Просто, если ему... - он вспомнил, что говорит с девушкой, и смутился, - ну... если он... не только в голову раны получал, то, может, у него борода и вовсе не растет. Хотя голос все равно мужской остается, если это уже во взрослом возрасте произошло. Ну, понятно, в штаны ему никто не заглядывал, чтобы проверить...

Мы подошли к одному из фургонов. Висевший на крюке спереди фонарь был погашен, как и везде в лагере. Вудворт слазил на передок, снял фонарь и зажег его. Затем подвел нас к задней части фургона и, поднеся фонарь, отодвинул плотный брезент, позволяя нам заглянуть внутрь.

У меня, разумеется, не было ни малейших сомнений, кого я там увижу, и все же надо было удостовериться своими глазами. Да - хотя я опять не увидел его лица целиком, это, безусловно, был Левша. Который спокойно спал (или, по крайней мере, так это выглядело), лежа на спине, в своем неизменном костюме, не снимая сапог, перчаток и даже шляпы, надвинутой на лоб. Из-под шляпы виднелась частично прикрытая волосами ткань посеревшей, явно не свежей повязки, охватывавшей затылок и, очевидно, лоб.

Моя рука так и тянулась к револьверу, но, понятно, сделать этого я не мог. В глазах Вудворта - и всех остальных в этом караване - это был не неумолимый враг, преследовавший нас через все Пустоши, а безоружный раненый. И я не мог не только стрелять в него сам, но и апеллировать к Вудворту, который в караване представлял собой всю верховную власть. Что бы я - что бы мы с Кэролайн - сказали, особенно после того, как скрыли тот факт, что за Кэролайн объявлена награда в Холинбруке? Что это какой-то псих, преследующий нас непонятно почему? Конечно, меня Вудворт хорошо знал, а этого типа не знал совсем, поэтому доверия ко мне у него было бы больше - но все-таки в пределах разумного, а не при такой невероятной истории. Я внезапно понял, что это даже не ситуация "наше слово против его слова". Что, на самом деле,

даже если я расскажу чистую правду и Вудворт мне поверит, Левшу не в чем обвинить! Он даже ни разу не стрелял в нас! Это, напротив, мы неоднократно стреляли в него! Если скрыть ту часть, где он был в составе охотящегося за Кэролайн отряда, то с формальной точки зрения ему вообще невозможно ничего предъявить. Просто парень, путешествующий на восток по своим делам, чей маршрут, к его несчастью, случайно совпал с нашим, и которого мы раз за разом злодейски пытались убить...

- Кстати, - осведомился я, - а почему он в фургоне один? Где возница? Или он тоже управляет сам?

- Нет, - ответил Вудворт, - он еще слишком слаб. Возница ночует в другом фургоне со своими приятелями, так теплее.

Это действительно дело обычное, в холодные ночи в Пустошах люди чаще всего спят вместе, набиваясь по несколько человек в фургон или палатку ради тепла. Но я все же не удержался от ехидной реплики:

- А со Скиннером, выходит, не теплее?

- Ну как, с приятелями хоть поболтать можно перед сном. А Скиннер, говорит, унылый очень. Лежит, молчит, что днем, что ночью. Ну понятно, после всего, что он пережил...

Мне надо было обсудить ситуацию с Кэролайн, так что мы поспешно распрощались с капитаном и вернулись в свой фургон.

Ничего обнадеживающего это обсуждение не принесло. Особенно раздражала нелепость ситуации. Вот они мы, вот он наш враг, безоружный и практически беспомощный, вот мой приятель Вудворт и куча парней с пушками у него в подчинении - и ни мы сами, ни все эти парни не могут решить нашу проблему с этим врагом. Парадоксальным образом его беспомощность обратилась в его силу, все воспринимали его как жертву, а не как угрозу. Залезть ночью в его фургон, где больше никого нет, и тихо перерезать ему горло? Старина Майк Честер не убийца... то есть дело было, конечно, не в морали, я-то прекрасно помнил, кому служит Левша и что они хотят сделать с Кэролайн, и любого из них готов был не то что зарезать, а удавить его собственными кишками. Но просто всякое дело надо делать умеючи, и я совсем не был уверен, что мне удастся провернуть подобное без шума и, главное, без следов и свидетелей. В лагере все на виду, даже в самый глухой час ночи караульные несут вахту (хотя они и смотрят наружу, а не внутрь), и кто угодно может вылезти по нужде или просто выглянуть из фургона в самый неподходящий момент. А убийство, конечно же, переполошит всех в караване, и недостатка в добровольных помощниках расследования не будет. Ну, теоретически можно было бы еще обставить его смерть как несчастный случай, подбросив ему в повозку какую-нибудь ядовитую тварь - мол, "само заползло". Но, во-первых, такую тварь еще найди и поймай, особенно не покидая каравана. А во-вторых, это ненадежно. Даже змея, брошенная на грудь или на лицо спящего человека, не обязательно его ужалит (особенно учитывая, что даже во сне его грудь прикрывает кожаная куртка, а лицо - шляпа), и не всякий укус смертелен, а неудачное покушение вызовет расследование, и, опять-таки, могут найтись свидетели...

Попытаться спровоцировать Левшу на открытый конфликт, чтобы это он напал на меня при свидетелях и дал повод себя убить? Может не получиться, особенно если у него хватит ума и хитрости не поддаться (а у него их, похоже, хватает) - кстати, дуэли в караване запрещены, так что если я, к примеру, сам вручу ему оружие для нападения, мне будет крайне сложно объяснить, зачем я это сделал. Покинуть караван самим, никому ничего не объясняя? Во-первых, Кэролайн еще не может нормально идти, даже если получит хорошую обувь. Но это ладно, допустим, мы уйдем через несколько дней. Но даже и тогда идти впереди каравана мы не сможем - он нас догонит. А если идти позади, то у Левши появится возможность устроить нам засаду. В начале нашего пути я был бы не против оказаться с ним посреди Пустошей один на один, даже если бы у него было время обустроить себе укрытие - за мою карьеру мне не раз доводилось выкуривать бандитов, уверенных, что они надежно спрятались и что к ним нельзя

незаметно подобраться. Но после всех этих неудачных попыток его убить я уже, честно говоря, не был уверен, что выйду победителем из такой встречи.

И это мы еще только рассматривали варианты "что можем сделать мы", в предположении, что враг полностью отдает инициативу нам. А что может сделать он сам? Пока что, вероятно, он даже не знает о нашем появлении в караване. Но рано или поздно узнает. Допустим, он прямо заявит, что мы и есть те "бандиты", которые пытались его убить. Нейтральный капитан в такой ситуации, не зная, кому верить, пожалуй, изгнал бы из каравана обе стороны - "разбирайтесь между собой сами, а мне лишняя головная боль не нужна". Но Вудворт наверняка встанет на мою сторону. Возможно, Левша предъявит какую-нибудь официальную бумагу от властей Холинбрука (если таковая пережила все его приключения, ха-ха), извещающую о его полномочиях и награде за Кэролайн. Вот это уже будет сильно хуже - с одной стороны, холинбрукские обвинения в колдовстве не пользуются большим доверием у представителей других графств, коих в караване большинство (хотя, понятно, занятия магией караются смертью везде), но с другой - пять тысяч золотом на дороге не валяются (хотя, правда, если делить их на всех охранников каравана, выходит уже не так уж много). При этом, хотя я не знал, до какой степени могу полагаться на дружеские чувства Вудворта, но он по крайней мере должен был понимать, что попытка арестовать нас с Кэролайн (или ее одну) приведет к побоищу с моим участием, и хотя одному против всего каравана мне, конечно, не выстоять, даже будь у меня не 11 патронов, а вдесятеро больше - трупов среди его людей будет не один и не два, и ему меньше всего это надо, особенно после уже понесенных потерь и все еще достаточно далеко от конца пути (не говоря о перспективе возвращения обратно). Но возможен и вариант еще хуже, если официальным поводом в бумаге (или в словах Левши) будет обвинение не в колдовстве, а в соучастии в убийстве судьи Редвуда и других горожан... Однако, если Левша планирует именно это, если у него действительно есть такая бумага, то почему он уже не предъявил ее? Даже еще до встречи с нами - просто чтобы подтвердить свой статус? Почему, напротив, скрывает даже свое имя?

Кэролайн предложила версию, которая, признаюсь, даже не пришла мне в голову: а что, если его амнезия - не притворство, а правда? Если из-за раны в голову он забыл и свое имя, и, вполне возможно, свою миссию? Тогда получается, что он для нас уже не опасен - хотя, как говорится, это звучало слишком хорошо, чтобы быть правдой. Однако - особенно если у него не было официального документа, а были только его собственные слова - это давало нам хорошую линию защиты: "Кого вы слушаете? Парня, который не помнит даже собственного имени? Да у него в голове каша, он сам не знает, что несет." Тут выходило, что если амнезия все-таки была притворной, то он перехитрил сам себя. Теперь любые его слова, не подкрепленные бесспорными доказательствами, могут быть легко поставлены под сомнение.

Ну и, опять-таки, если он охотится за Кэролайн ради награды (а ради чего еще? личных мотивов у него не могло быть никаких - теперь, получив наконец возможность рассмотреть его вблизи, девушка вновь подтвердила, что он ей совершенно незнаком), тогда ему совсем не улыбается перспектива делить золото с Вудвортом и всеми охранниками каравана. Так что все подводило к мысли, что если он таки попытается выполнить свою миссию, то будет делать это тайно. А стало быть, караванные охранники защищают не только его от нас, но и нас от него.

В итоге мы пришли к заключению, которое кому-то покажется парадоксальным: самым безопасным для нас будет остаться в одном караване с нашим злейшим врагом и ехать, как ни в чем не бывало, не пытаясь причинить ему вред.

Но и, конечно же, оставаясь все время настороже. Спать теперь мы снова должны только по очереди, всю ночь скрытно наблюдая за повозкой Левши. Если он все еще не знает о нас, такое положение дел надо сохранять как можно дольше. В идеале - до самого Вестмарка, хотя такое, конечно, вряд ли получится. Кэролайн может практически не высовываться из фургона, о чем ее, кстати, просил сам капитан, но вот я буду сидеть на козлах, а также, соответственно,

запрягать и распрягать лошадей, и меня будет видно. Насколько хорошо он знает меня в лицо, вот в чем вопрос. Во всяком случае, возможности толком разглядеть меня в этом походе у него не было. Максимум - когда я стрелял в него с кормы в ночной темноте. А распечатать афишки с моим изображением, фотографическим или хотя бы рисованным, в первый же день охоты в Холинбруке явно не успели. Правда, в течение нескольких дней потом, когда ихние патрули (и Левша вместе с ними) кружили вокруг плато и прочесывали равнину, им в принципе могли подвезти такие афишки из города. Я подумал с усмешкой, не сбрить ли и мне бороду и усы - это сильно меняет внешность мужчины. Но нет, так я только привлеку к себе внимание, которого хочу избежать. С другой стороны, если сам Левша целыми днями только и лежит в своем фургоне и даже не ведет разговоров с его возницей, который мог бы сообщить ему новости о появлении в караване двоих чужаков, он может и впрямь даже и не узнать, что приз, за которым он так упорно охотился, сам пришел к нему в руки... Хотя насчет рук и кто кому станет призом, это мы еще посмотрим.

Однако все эти мои оптимистические рассуждения были разрушены одной репликой Кэролайн: "Он шел за мной почти тысячу миль и ни разу не сбился со следа. Находил в таких местах, где с самой Войны не бывал ни один человек. И теперь ты думаешь, что он не учует меня в соседнем фургоне?"

Это был аргумент, на который мне нечего было возразить. При всем моем скептицизме, даже я уже не мог списывать все наши встречи с Левшой на "просто совпадения". Хотя самая последняя, нынешняя, очевидно была именно таковым. Он никак не мог узнать заранее, ни что плавание на опрометчиво брошенном нами на берегу плоту приведет в караван его самого, ни что позже к каравану присоединимся мы. Но вот все предыдущие...

- Я по-прежнему не знаю, как он это делает, - добавила Кэролайн, - и мне бы очень хотелось это узнать, даже с чисто научной точки зрения. Пока что у меня нет даже рабочей гипотезы, - она немного помолчала, а затем добавила извиняющимся тоном: - Ну то есть... это, конечно, наверняка глупость, но... помнишь, что Вудворт говорил насчет его бороды? Я, вообще-то, читала про евнухов. Была такая секта во времена магов, верившая, что через самооскопление можно обрести магические способности.

- Полная чушь, - помотал головой я. - С магическими способностями можно только родиться, это все знают.

- Ну да, в источнике говорилось то же самое. Секта была благополучно разгромлена, и уже тот факт, что она не смогла оказать сопротивление, доказывает, что никаких чудес ее члены творить не могли. Но, с другой стороны, о том, что магом можно только родиться, мы знаем от самих магов. А что еще, спрашивается, должна была утверждать их пропаганда? Независимыми исследованиями это не подтверждено, потому что до Войны маги никому бы не позволили себя исследовать, а после Войны исследовать стало некого, да и сами попытки заняться магией, есть у тебя способности или нет, караются смертью. Но - что, если Левша - последователь этой секты? И что, если у него... каким-то образом все-таки получилось? Если, допустим, это работает не для всех, а тоже при сочетании определенных факторов - или, тем более, если у него все же были врожденные предпосылки...

- В Холинбруке его бы сожгли за одну только попытку, неважно, удачную или нет, а не нанимали на службу, - напомнил я. - Конечно, он мог бы скрывать свои магические способности, если они у него и правда есть. Выполнять с их помощью миссии далеко в Пустошах в одиночку, без свидетелей, а в Холинбрук являться только за наградой. Но я сам наблюдал, как он открыто говорил о своем чутье холинбрукскому ополченцу и нюхал клочок твоего платья - или разглядывал, или уж не знаю что он там делал - не особо прячась от него. Он совершенно не боится, что на него донесут. Собственно, и сам этот клочок он мог получить только от кого-то из КОБовцев, то есть они точно были в курсе.

- Да, - согласилась Кэролайн, - как я и сказала, это, видимо, глупая гипотеза. Но, в любом

случае, какова бы ни была природа его чутья, сам феномен, видимо, реален.

Ну что ж, хотя еще оставалась, конечно, надежда на реальность амнезии - или иные последствия ранения, возможно, даже на утрату Левшой его поразительного чутья - исходить следовало из того, что враг уже знает о нас. И тогда, раз он не воспользовался минувшим днем, чтобы действовать официально, значит, как я и предполагал, никакой бумаги с печатью у него нет, и он намерен нанести удар тайно. Сделать это он, очевидно, сможет только ночью, причем ему нужна самая глухая ее пора, и при этом ночь должна быть безлунной. То есть он дождется новолуния или, по крайней мере, последних дней четвертой четверти. Так, по крайней мере, поступил бы я - но это еще не значило, что в остальные ночи мы в безопасности. Так что - бдительность и еще раз бдительность, с этой самой минуты. Пусть только сунется, пусть только даст мне повод... Увы, из нашего фургона не было видно фургон Левши, так как они стояли в одной линии, разделенные еще несколькими повозками. Я подумал, что в следующий раз, когда уже я сам буду ставить фургон на стоянку, надо будет позаботиться о том, чтобы он оказался под прямым углом к повозке нашего врага, что обеспечило бы наилучший обзор (в параллельных линиях его загораживали бы стоящие в середине лагеря лошади).

Остаток ночи мы, действительно выспавшиеся накануне, не смыкали глаз, сидя в темноте с револьверами наготове (понятно, что я отдал Кэролайн один из своих "драконов") и вслушиваясь в звуки снаружи - но их практически не было, если не считать далекого завывания какой-то твари, которую ближе к утру, кажется, сожрали (судя по тому, как вой внезапно оборвался коротким взвизгом). Больше нас никто так и не потревожил. Лишь когда уже начало светать, снаружи раздался громкий веселый голос: "Тук-тук!", а следом, не дожидаясь ответа, в фургон просунулась голова Вудворта в его широкополой шляпе. В противовес вечерней мрачности, теперь он пребывал в добром расположении духа, ибо принадлежал к той достаточно редкой и (наверно) счастливой категории людей, что имеют хорошее настроение по утрам. Он принес нам обещанную теплую одежду (о чем мы напрочь забыли накануне из-за проклятого Левши) и ботинки для Кэролайн, снова намекнув при этом, что в них должно быть вполне удобно ходить, но еще удобнее будет сидеть в фургоне. Кэролайн в ответ заверила его, что именно так она и намерена поступать, чем сделала его настроение еще лучше. Потом он объяснил мне правила насчет управления фургоном. В его караване не было четко закрепленного за каждым фургоном места - чтобы заминка одного возничего не задерживала остальных, и фургоны выстраивались в походный порядок по готовности - но в то же время впереди полагалось ехать наименее ценным повозкам, и понятно, что к концу путешествия такими становились пустые повозки из-под израсходованных припасов. Соответственно, и наш фургон, и фургон Левши попадали в эту категорию, и это означало, что нам придется ехать недалеко друг от друга, что меня, понятно, не радовало - но я решил, что всегда сумею занимать место в караване так, чтобы между нами оставался хотя бы один фургон.

Вудворт проводил меня к лошадям - вот они уже были закреплены каждая за своим возницей, что тоже было разумно и правильно - и я перекинулся несколькими словами с другими караванщиками, тоже выходившими запрягать свои повозки. Ничего особенного - "Привет-привет, ты, говорят, бэдлэндер, дошедший сюда пешком? - Есть такое. Ваш капитан не даст соврать, мы с ним старые приятели. - Ну, круто. А с тобой еще какой-то парень? - Кей, мой клиент, нанявший меня проводником. Не успели присоединиться к вам, когда вы уходили, хорошо хоть теперь нагнали. - Вы немного потеряли, у нас был кошмарный поход из-за этой проклятой Канавы. - Да, мне Чак уже рассказал. Мы тоже помучились, но нам повезло найти старую лоханку, на которой мы сумели переправиться." Ну, и все на этом - ни подозрительности, ни неприязни я не заметил. Никто из этих парней не был бэдлэндером и не встречался со мной прежде, и мне было не слишком приятно прятаться за авторитетом Вудворта вместо своего собственного, но, по крайней мере, "приносящими несчастье" нас явно не считали.

Хоть я и футмен, но запрячь и распрячь лошадей умею. Однако я специально провозился

дольше, чем мне требовалось, чтобы посмотреть на возницу фургона Левши (ничем не примечательный парень, заводить с ним беседу я не стал) и дать ему время сделать ту же работу. Пропустив еще пару фургонов впереди себя, я влился в общую колонну, как и планировал.

Первый день пути не принес никаких неожиданностей. В небе плыли - или, скорее, висели практически неподвижно - легкие перистые облака, справа тянулся бесконечный Хребет, а вот скалы слева, уже заметно более низкие, чем в том месте, где мы спустились на караванную тропу, продолжали понижаться, разделяться трещинами, дробиться на отдельные глыбы и к третьему часу пополудни окончательно сошли на нет. Теперь слева тянулась лишь каменная пустыня, совершенно безжизненная, над которой кружились лишь "пыльные призраки" - небольшие вихри, вздымающие пыль на короткое время и снова развеивающиеся. Летом это очень неприятное место - при полном отсутствии воды на десятки миль вокруг здесь стоит жуткая жара, но в начале ноября температура была, можно сказать, идеальной, хотя воды и не прибавилось. Однако караванщики, само собой, не зевали во время недавнего дождя, пополняя свои цистерны стекавшей со скальной стены водой, и ее запас все еще оставался достаточным, чтобы поить выносливых и терпеливых лошадей до следующего колодца. На караванном маршруте имеется несколько "точек возврата", на которых, если дождя долго нет, приходится поворачивать обратно к последнему постоянному источнику, заново наполнять все емкости и снова ехать вперед в надежде, что погода изменится; иногда такие развороты туда-сюда приходится делать по несколько раз (погода в Пустошах малопредсказуема, да), но ни один капитан, само собой, не настолько глуп, чтобы рисковать продолжать путь, не имея минимально достаточного запаса воды для коней. Для всякого капитана именно лошади, а не люди, являются главной заботой - жизнь человека в Пустошах не стоит ничего (даже пассажиры, отправляющиеся с караванами по собственным делам, подписывают "отказ от гарантий"), а вот если падут лошади, придется бросить повозки с товарами, и виновного в подобных убытках, мягко говоря, по головке не погладят.

Последняя такая точка возврата на пути на восток ожидалась через два дня, но, поскольку вода у нас была, мы уже знали, что пройдем ее, не поворачивая - а там уже дальше начнутся колодцы, и не будет никаких неприятных сюрпризов и задержек до самого Вестмарка, по крайней мере, связанных с водой. Так что повозки спокойно катились вперед, и единственной проблемой была скука унылого и однообразного пейзажа. Признаюсь, под вечер я начал дремать, сидя на козлах, но даже это не было проблемой - лошади просто спокойно шагали за повозкой впереди, не требуя понуканий. Собственно, именно это помогло каравану двигаться даже в самую тяжелую для него пору, когда два десятка человек лежали больными и ранеными, и возниц просто не хватало - лошади нескольких повозок шли в поводу, привязанные к предыдущему фургону. Сейчас, однако, большинство этих людей уже оправились достаточно, чтобы сидеть на козлах - в Пустошах все-таки не стоит пускать дела на самотек и чересчур доверять лошадям.

Когда мы становились на ночлег, я, однако, уже не дремал и поставил наш фургон так, как и хотел - так, чтобы из него удобно было наблюдать за фургоном Левши (мы провертели пару дырочек в брезенте, чтобы делать это незаметно). После того, как мы с Кэролайн поужинали все еще остававшимися у нас припасами, я взял на себя первую ночную вахту. Однако ни в это время, ни в оставшуюся часть ночи Левша из своего фургона так и не вылезал. Утром Кэролайн подтвердила, что во время своей вахты тоже этого не видела. "Даже по нужде?" - усмехнулся я. "Ну, наверно, он вылезает за этим не внутрь, а наружу лагеря", - предположила она, поскольку ей самой приходилось поступать точно так же (но в том, что Левша не может быть женщиной, ни у одного из нас по-прежнему не было ни малейших сомнений).

На следующий день мы снова ехали по каменистой пустыне, которая постепенно превращалась в песчаную. Точнее, почва у нас под колесами оставалась твердой, лишь припорошенной пылью, но левее эта пыль превращалась в складки песка, поначалу мелкие,

словно рябь, и огибавшие одинокие камни, но дальше уже наползавшие на них застывшими волнами, а ближе к горизонту разраставшиеся до натуральных барханов. Когда нет ни изнуряющей жары, ни секущего песком лицо ветра, это зрелище даже по-своему красиво, по крайней мере поначалу, но со временем тоже надоедает. Так что я вновь позволил себе расслабиться и дремать на козлах (вся бдительность требовалась ночью, а не сейчас) - и вдруг повозка впереди встала. Я тут же вскинул голову и натянул вожжи - впрочем, коням хватило ума остановиться и самим. А вот чего они точно не могли, так это выхватить револьвер, что я, разумеется, немедленно сделал. Но в криках, доносившихся спереди, не слышалось тревоги, как не было и выстрелов. Наконец я разобрал слово "длиннозмей[64]" и с усмешкой расслабился.

- Что там? - негромко спросила Кэролайн из-за закрывавших вход в фургон занавесей.

- Длиннозмей, он же зеленый змей, - пояснил я. - На самом деле это, вообще-то, не змей, а червь. Толщиной чуть больше фута, а вот в длину они вырастают до трехсот ярдов. Называют и большие цифры, но это уже, видимо, байки.

- Он опасен? - спросила Кэролайн без большой, впрочем, обеспокоенности, полагая, очевидно, что сил целого каравана хватит, чтобы справиться с одним червяком, пусть даже и очень длинным.

- То-то и оно, что нет. Одна из самых безобидных тварей во всех Пустошах. Он не ест ни людей, ни лошадей. Он вообще ничего не ест. Он даже и не дышит.

- Как это?

- Ему это не надо. У него под кожей живут маленькие растения - не кусты, как у хлебателя, а что-то вроде крохотных водорослей. Именно они придают ему зеленый цвет. Они вырабатывают для него кислород и питательные вещества, которые поступают ему прямиком в кровь. А что им самим нужно, тоже прямо из его крови берут.

- Еще один пример симбиоза, - понимающе подтвердила Кэролайн. - Для фотосинтеза еще нужны солнце и вода.

- Именно! И как раз благодаря своей длине он и способен доставать воду с таких глубин, откуда ее не может достать больше никто - даже растения с длинными корнями. Зарывается вертикально вглубь, допустим, на сотню ярдов и гонит воду наверх в остальные двести, которые остаются лежать себе на солнышке.

- А как он потом вылезает обратно? - заинтересовалась Кэролайн. - Чтобы втащить наверх такую массу...

- А никак, - усмехнулся я. - Черви задом не ползают. Да и зачем ему? Так и остается до конца жизни - сколько они живут, кстати, никто толком не знает. Голова снизу воду сосет, хвост наверху этим самым фотосинтезом занимается. Что ему еще надо? Только чтобы не сожрал никто. Ну так потому длиннозмеи обычно в самых засушливых пустынях живут, где солнца много, а хищников нет, не выживает там больше никто. На караванную дорогу они редко выползают, хотя и говорят, что все колодцы вдоль нее благодаря им найдены. Ну то есть это и есть норы, которые они прокопали - чутье на подземную воду у них ого-го какое, говорю ж, даже на глубине в сто ярдов чуют. Хотя эти колодцы не такие глубокие все-таки, со ста-то ярдов замучаешься воду доставать. В общем, змеев оттуда повытаксивали - как ты говоришь, не так просто было, они тяжелые - сверху каменный бортик сделали и крышкой закрыли, чтобы новые змеи туда не лезли... Так что тварь по сути не то что не вредная, а полезная, хотя и весьма редкая. Считается, что встретить длиннозмея, особенно когда он еще не зарылся, а ползет - к большой удаче, а переехать его, конечно же - накликать на себя несчастье. Поэтому весь караван будет стоять и ждать, пока он не проползет. Ползают они очень медленно - они все делают медленно - так что это может затянуться чуть ли не на час.

- Ну, хоть и суеверие, а полезное, - одобрила Кэролайн. - Не надо, действительно, их

[64] В оригинале longsnake

давить, пусть новые колодцы роют. Только зачем же ждать целый час? Объехать же быстрее.

- Ну, - усмехнулся я, - считается, что лучше ждать. Типа как если ты его объезжаешь, то сам от своей удачи отворачиваешься.

- М-да. Беру свои слова обратно - не бывает хороших суеверий. Ну ладно, раз он такой редкий, пойду хоть взгляну на него.

Зря я, конечно, ей про редкость сказал. Ляпнул, не подумав о последствиях.

- Кэролайн, - говорю я и тут же поправляюсь, - Кей! Не надо тебе лишний раз днем на глазах у всех маячить, туда же сейчас полкаравана сбежится. И особенно не надо мимо фургона Левши туда-сюда шастать! А смотреть там особо и не на что, ну червяк и червяк, только большой и зеленый. Выглядит почти как дохлый, уж очень медленно ползет.

Но куда там! Женское любопытство удержать еще можно, заболтать какими-нибудь ласковыми словами. А любопытство ученого разве удержишь?

- Левша, - говорит, - и так уже обо мне наверняка знает, мы это уже обсуждали. А если я не пойду смотреть на то, на что пойдут все остальные, то как раз *это* и будет привлекать ко мне ненужное внимание.

И поди поспорь. Ну, пошел вместе с ней, куда деваться.

Посмотреть на длиннозмея в итоге и впрямь сходили, наверно, почти все, за исключением лежачих больных. Даже те, кто уже видел такое прежде (их было совсем немного), подошли с важным видом знатоков прищуриться по очереди в сторону головы и хвоста, оттопырить губу, проворчать свысока: "Не, тот больше был!" и не менее важно удалиться в ореоле собственной славы. Но и из тех, кто увидел длиннозмея впервые, едва ли кто-то стоял и пялился на него все сорок минут, что он полз поперек нашего пути. Потому что зрелище и впрямь скучное. Ну, лежит на земле длинная зеленая труба, по которой медленно-медленно движутся волны сокращений и растягиваний, и больше ничего не происходит. Так что люди подходили, смотрели на это минуту-другую и возвращались к своим повозкам. Многие, правда, сходили взглянуть на голову (и Кэролайн, понятно, тоже потащила меня туда), которая чуть более зрелищна, но тоже, в общем, ничего особенного - закругленный конец без глаз и ноздрей, с одним только круглым беззубым ртом, чтоб воду сосать. Голова эта мягкая, мозгов внутри нет, одни только мышцы, которые в процессе рытья ее то утоньшают и вытягивают, то утолщают и укорачивают - но это под землей, а пока длиннозмей ползет, она форму не меняет.

По счастью, несмотря на не такую уж интересность этой картины (во всяком случае, с точки зрения бэдлэндера, за четверть века в Пустошах навидавшегося куда более затейливых тварей), внимание зрителей было сосредоточено все же на змее, а не на Кэролайн. Хотя, когда мы рассматривали медленно движущуюся голову, какой-то немолодой уже невысокий мужичок, видимо, не из охранников, а из торговцев, обернулся к моей спутнице и осведомился покровительственным тоном: "Что, парень, небось, не видел такого прежде?" Кэролайн отрицательно помотала головой. Но мужик был явно настроен поболтать с тем, кто еще не намозолил глаза за предыдущие месяцы (ну и, наверно, покрасоваться в роли мудрого папаши, просвещающего наивного мальчишку - хотя едва ли кто-то, без всякого каравана пересекший пешком три четверти Пустошей, может быть наивным), поэтому продолжал: "Сам-то откуда будешь?"

Кэролайн, наученная мной, как реагировать на попытки навязать разговор, сделала вид, что пытается ответить, и закашлялась, потирая шею.

- Кей застудил горло, не может пока разговаривать, - пояснил я. - Мы оба из Аркэндэйла.

- А, а я из Шмуртерсфорда. У нас там гремучки во какие водятся, но с этой тварюгой, конечно, не сравнить... Простуда, говоришь? Точно не похуже что?

- Нет, просто вымокли под недавним дождем.

- У нас вот тоже больных много в этом походе. Ну, большинство-то уже на ногах, но трое лежачие. Ну, точней, четверо, если считать Скиннера. Про Скиннера-то слыхал?

Я заверил его, что Чак уже рассказал нам эту историю.

- Вот уж правду говорят - кому суждено быть повешенным, тот не утонет! - усмехнулся наш собеседник.

- А что - думаешь, его есть за что повесить? - осведомился я как бы и не совсем шутливо.

- Да хрен его знает! По правде говоря, не нравится он мне. Вот на твое лицо посмотришь, и сразу видно - честный парень. А он стремный какой-то. Не помнит, вишь, еще ничего... врет, небось... Думаешь, ему чего роскошь такая, что отдельный фургон выделили, хотя он никаких денег никому не платил? Другие больные с ним лежать не захотели. Жуть от него берет, говорят.

Это несколько отличалось от рациональной версии, озвученной Вудвортом, но была ли она правдивой, или он просто не хотел, чтобы я лишний раз обвинял его в потакании предрассудкам?

- Нет, мы, конечно, бросить подыхать его не могли, не по-людски это, - продолжал шмуртерсфордец. - Но надо бы за ним приглядывать. Я уж Вудворту говорил, да он отмахивается. У Скиннера, говорит, едва хватает сил глаза открывать, что уж он учудить-то может. Ну, не знаю, не знаю. Надеюсь, хоть обратно с нами не увяжется. Пусть на фактории остается и следующего каравана ждет, раз такой больной.

- Да, - охотно согласился я. - Мне он тоже каким-то подозрительным кажется. Но я думал, это мои личные заскоки, а оказывается, не только я так думаю. Хорошо бы, чтобы по ночам караульные не только в Пустоши пялились, но и изнутри лагерь обходили. Ты бы поговорил с другими на сей счет, раз Вудворт отмахивается.

- Угу... - ответил он, но я не был уверен, последуют ли за этим согласием действия. - Ну ладно, пойду к себе. А ты, красавчик, выздоравливай, - обратился он уже к Кэролайн. - И отрасти себе усы, а то на девчонку похож. Да ты не обижайся, это я шуткую - револьверы-то твои вижу, - он дружески хлопнул Кэролайн по плечу и побрел к своему фургону.

Мы тоже поспешили вернуться в свою повозку - Кэролайн уже удовлетворила свое любопытство и, очевидно, не хотела выслушивать советы насчет усов еще от кого-нибудь. Левшу за все время нашего пребывания снаружи я не заметил - хотя и не знал, выходил ли он смотреть на змея в другое время или так и пролежал безвылазно в своей повозке. И тем более я не знал, наблюдал ли он оттуда за нами.

Встреча с длиннозмеем, "сулившая удачу", подняла настроение в караване, перекрыв эффект от Блуждающего города. Люди (скажем прямо - суеверные дураки) уверовали, что неприятности этого похода наконец-то закончились. Даже входившие в состав каравана наряду с представителями прочих графств холинбрукцы, которым вообще-то полагается ненавидеть и жаждать истребить любую пустошную тварь, не только, понятное дело, не пытались причинить никакого вреда длиннозмею (кто бы им позволил?!), но и, как с усмешкой поведал мне Вудворт, вместе со всеми радовались встрече с ним. Не думаю, что КОБовцы у них дома не догадывались об этой ереси, но вынуждены были смотреть на нее сквозь пальцы, если желали получать доходы от караванной торговли.

Однако это улучшение настроения парадоксальным образом играло против наших интересов. Шмуртерсфордец, очевидно, то ли сам позабыл о плане усилить ночную бдительность вообще и в отношении Скиннера в частности, то ли не встретил поддержки у других торговцев и охранников. Все как-то расслабились - ну, не до преступной беспечности, конечно, Пустоши есть Пустоши, но не склонны были "впадать в паранойю", выискивая угрозу изнутри. В этих условиях самому мне тоже не имело смысла пытаться "мутить воду" - это были не бэдлэндеры, я для них был не безусловным авторитетом с четвертьвековым стажем, а прибившимся к каравану чужаком, и, попытайся я настраивать их против другого участника каравана - пусть даже тоже чужака - они бы скорее сочли источником проблемы меня, а не его. "Скиннер" по-прежнему кое-кому (возможно, даже многим) не нравился, но предъявить ему было совершенно нечего (в том числе - и какую-либо враждебность в отношении меня или

"Кея"), а внутренние конфликты в караване - штука более страшная, чем любые твари, и капитана, и простых охранников учат пресекать их в зародыше. Очевидно, любые мои призывы "усилить бдительность по ночам", даже не называй я конкретного имени (а против кого ее еще усиливать, если чужаками в караване были только мы с Кэролайн и он?), привели бы к неприятному разговору с Вудвортом: "Майк, что ты имеешь против Скиннера, которого никогда раньше даже не видел... или видел?" И что я мог ответить, не желая сообщать ничего, что могло бы поставить под удар Кэролайн? "Чак, просто поверь моей бэдлэндерской интуиции"? Он бы, вероятно, ответил: "Поверил бы, если бы я все еще был бэдлэндером. Но теперь я капитан каравана."

Так что нам с Кэролайн оставалось лишь нести со всею возможной бдительностью наши собственные ночные вахты, посменно следя за фургоном Левши. Но ночь проходила за ночью, а мы так ни разу и не видели, чтобы он выбирался из фургона. Физически нам хватало времени выспаться, особенно Кэролайн, которая могла сколько угодно спать днем, ну и у меня была возможность подремать на козлах - но вот в моральном плане это еженощное ожидание, когда нас придут убивать (столь же напряженное, сколь и тщетное), по правде говоря, выматывало. Все-таки я привык быть охотником, а не дичью - даже и дичью с очень кусачими зубами 44-го калибра. И опять-таки, особенно бесило, что я знаю, где находится враг, и легко могу до него добраться - но вместо этого вынужден отдать всю инициативу ему. У меня даже мелькала мысль, не в этом ли состоит план Левши - сначала измотать нас постоянным ожиданием и добиться, чтобы мы начали терять бдительность? Или же он и в самом деле был слишком слаб после ранения (от которого, вообще-то, должен был умереть прямо там, на реке, как, впрочем, и от предыдущих своих ранений?) Или все-таки он ждал самой темной и длинной ночи новолуния? Кстати, подсчитав дни, я понял, что эта ночь придется как раз на последний день месячных Кэролайн. Но уж это-то точно было случайным совпадением! Хотя и по-своему даже красивым - если, конечно, в этих "кровавых" делах вообще может быть хоть что-то красивое: самый первый цикл, тот, что как раз предшествовал началу нашего путешествия, завершился в полнолуние, последний - в новолуние...

Что касается дней, то они в основном проходили без происшествий - хоть тревожных, хоть радостных. Караван продолжал ехать по пустыне, которая, вообще-то, тянется до самого Вестмарка и дальше, почти до Шарлонии - ибо Черный Хребет стоит стеной на пути у восточных и юго-восточных ветров, несущих влагу с океана, а западные ветры, весь путь которых пролегал над Пустошами (где после Войны почти не осталось рек, за исключением Канавы, и озер, за исключением солончаковых болот), тоже, как правило, добираются до этих краев совершенно сухими. Дожди, несомые северными и южными ветрами, также обычно проливаются, не достигнув этих мест - там, где холодный воздух встречается с теплым, а не здесь, где температура более-менее равномерна над огромной площадью. Однако мы благополучно миновали самую безводную часть этой прилегающей к Хребту пустыни, где даже длиннозмеям нечего ловить, и добрались до первого из колодцев. Дальше они уже располагаются достаточно близко друг к другу - сперва по колодцу на два, а потом и на день пути.

Погода оставалась солнечной (сюрприз-сюрприз - чего еще ожидать от пустыни, хотя бы и в ноябре), и, несмотря на то, что мы отмахивали на северо-восток по двадцать миль в день, а календарь, соответственно, продолжал ти́кать в сторону зимы, дни почти что не становились холоднее (а вот ночи - да, и заметно). Однажды, однако - это было на шестой день нашего пути с караваном, точнее, на седьмой, считая тот, который мы проспали - погода все-таки заставила нас, мягко говоря, поволноваться - когда мы увидели ползущую с севера черную воронку торнадо. Деваться от него было некуда - он двигался слева от нас, а справа была только непроходимая стена Хребта. Напуганы были все - и люди, и лошади (и старина Майк Честер, и премудрая Кэролайн - ну, прямо скажем, было чего бояться). Однако нам повезло - чудовищный столб

крутящегося песка прошел примерно в семистах ярдах к северо-западу от нас, что для торнадо более чем безопасное расстояние (бывает, что торнадо разрушает одну сторону улицы, оставляя вторую совершенно нетронутой). Мы слышали его рев, но практически не чувствовали никакого движения воздуха. Зрелище, однако, все равно было жуткое, и главное - до самого конца не было никакой гарантии, что он не повернет в нашу сторону. У меня даже мелькнула глупая мысль, как было бы здорово, если бы он унес повозку Левши, не тронув остальные (в том числе и достаточно близко находившуюся от нее нашу). Но такое (хотя и возможное чисто физически) бывает, конечно, только в книжках из аптек на сдачу. В итоге не случилось ни чудес, ни катастроф, и мы поехали дальше.

Однако оказалось, что радовались мы все-таки преждевременно. Когда на следующий день мы добрались до первого из складов, где рассчитывали пополнить запасы провизии, оказалось, что он полностью разрушен, по всей очевидности, тем самым торнадо (во всяком случае, ни люди, ни твари такого сделать бы не смогли). Несколько банок консервов мы даже нашли валяющимися в песке на разном расстоянии от развалин, но этого было явно недостаточно. Пришлось резко урезать паек. Наши с Кэролайн мясные припасы, понятное дело, к этому времени уже кончились, и мы питались теперь тем же, что и все караванщики - консервами и лепешками, которые дежурные пекли на всех после остановки на ночлег. Теперь же нам выдавали одну банку консервированных бобов в день на двоих (и никаких лепешек) - но, учитывая, что теперь мы целыми днями лишь прохлаждались в фургоне, это было вполне терпимо. Тем паче что терпеть предстояло лишь до следующего склада - да и до самого Вестмарка оставалось уже всего каких-то 10-11 дней пути, что можно вытерпеть даже на полностью голодный желудок. Хуже было то, что лепешки было печь уже не только не из чего, но и не на чем, так как запас топлива для костров пополнить тоже не удалось (обломки склада не годились - то, что я называл "избушкой", было, на самом деле, каменным строением, и, по иронии Судьбы, именно желание сделать его прочнее, чем постройки из дерева, все равно не спасло его от торнадо, но при этом сделало его развалины совершенно бесполезными). В окружающей нас пустыне, в свою очередь, ничего не росло. И это означало, что в самые критичные для нас длинные безлунные ночи в лагере не будут жечь костры.

Ступни Кэролайн заживали хорошо. Раны затянулись тонкой розовой кожицей, которая поначалу была слишком нежной, чтобы ступать босыми ногами даже по деревянному полу фургона (впрочем, мы постелили на пол одеяла), но затем окрепла. Днем, безвылазно сидя в фургоне, Кэролайн предпочитала оставаться босиком или, когда ноябрьский холод все-таки сделался заметным - в полученных от Вудворта шерстяных носках, а вот на ночь натягивала ботинки - не столько из-за холода, сколько для того, чтобы быть готовой в случае чего быстро выскочить наружу. Прямо хоть загадку загадывай - "кто разувается днем и обувается ночью", ага.

И вот наступил первый день ее последних на нашем пути "кровавых каникул". Хотя слово "каникулы" уже, по сути, потеряло смысл, поскольку после нашего присоединения к каравану каникулы у нас были, почитай, все время. С точки зрения здравого смысла, никаких проблем я не ожидал - кроволюбов в этих местах уже точно не могло быть не только мелких, но и крупных (в этой пустыне им было просто некем питаться), да и перевязочный материал можно было уже не экономить. И все-таки в глубине души у меня оставалось опасение, связанное, в первую очередь, с проклятым Левшой: что, если он способен почувствовать и *это* тоже? И если да, то не окажется ли он всем кроволюбам кроволюбом? Кстати, ведь к дому на болоте он тоже заявился в такую пору, хотя это, скорее всего, все-таки просто совпадение... Да и от луны, к тому же, оставался уже лишь тоненький серпик, всходивший уже ближе к утру. Так что всю первую ночь мы провели в особенно напряженном ожидании - фактически не спали оба, вместо того, чтобы нести уже привычные вахты посменно. Но ничего так и не случилось. Наш враг и в этой раз не покинул свой фургон.

Так прошли три ночи, и наступила последняя. Ночь новолуния. Идеальная ночь для

убийства. Если Левша не воспользуется и ею, то ему, видимо, и в самом деле отшибло память... но моя бэдлэндерская интуиция подсказывала мне, что так легко мы не отделаемся.

Интересный, кстати, вопрос - стоит ли убивать врага, который забыл, что он твой враг? Не с практической точки зрения, тут-то все ясно (хотя тоже не совсем - ведь всегда есть риск, что память может вернуться), а с точки зрения справедливости? Особенно если это не наемник, охотящийся за наградой, а твой личный враг, уже причинивший тебе зло, которое не должно остаться безнаказанным? Преступник, потерявший память о своем преступлении - это тот же самый преступник, или это фактически уже новый, невиновный человек? Лично я считаю, что тот же. Память о его поступке могла пропасть, но его натура, толкнувшая его на этот поступок, осталась прежней.

Ну ладно, это все философия. А перед нами стояла вполне практическая проблема.

В предыдущие две ночи я все же позволил себе урывками поспать во время дежурства Кэролайн, но в эту решил не смыкать глаз от заката до рассвета. Кэролайн, отоспавшаяся днем, заявила, что поступит так же.

К восьми вечера лагерь уже полностью погрузился в полную темноту, не озаряемую теперь даже отсветами костров караульных снаружи (которые, конечно, все равно несли там свою вахту, вглядываясь во внешнюю тьму Пустошей), и столь же полную тишину, не нарушаемую теперь уже даже никакими далекими ночными тварями (коих в этой пустыне просто не водилось - во всяком случае, достаточно громких). Разве что изредка фыркал какой-нибудь конь.

Мы ждали, час за часом вглядываясь сквозь прокрученные в брезенте дырки в едва различимый при свете звезд силуэт фургона Левши. Дважды мы напрягались, заслышав тихие звуки шагов - но это проходили мимо караульные, сменявшиеся со своих двухчасовых вахт. И снова наступала тишина.

Через пять часов ожидания мы дождались.

Во втором часу пополуночи (в темноте я не мог видеть стрелок часов, но так подсказывало мне мое чувство времени, позже вполне подтвердившееся) из фургона Левши выбралась темная фигура, явно старавшаяся производить как можно меньше шума.

- Вот он! - шепотом воскликнул я, поднимая револьвер.

- Вижу! - тут же откликнулась Кэролайн.

- Сразу не стреляй, подпустим вплотную, - на всякий случай напомнил я ей то, что мы с ней уже обсуждали (но когда человек в состоянии стресса, напомнить ему никогда не вредно). Нам не нужно было обвинение, что мы застрелили парня, вылезшего ночью по нужде. Положение трупа (я очень надеялся, что это наконец-то будет труп!) должно было однозначно указывать, что огонь был открыт, когда он пытался проникнуть в наш фургон. Существовала, конечно, теоретическая возможность, что он предпочтет не подходить вплотную, а открыть огонь по фургону, рассчитывая застрелить нас прямо сквозь доски - но это было исключительно маловероятно. Не только потому, что у него не было револьвера - допустим, он мог бы украсть таковой у кого-то из спящих, и даже не потому, что это тут же переполошило бы весь лагерь - в отличие от нас, которые не могли убить его и покинуть караван, поскольку нам нужно было в тот же самый Хинтерзееланд, что и им, Левша мог, убив нас, тут же убежать в ночь и рвануть на запад, понимая, что никто не станет его преследовать. Охранники каравана - не бэдлэндеры, ихняя задача - не спускать глаз с товаров, а охота за беглыми преступниками - не ихняя забота. Но Левша никак не мог быть уверен, что сумеет убить нас (или одну только Кэролайн), стреляя по повозке вслепую, и главное - ему ведь нужно было предъявить доказательство своим нанимателям! Палец... или уж не знаю какую часть тела Кэролайн, возможно - срезанную кожу с тем самым родимым пятном. Ну а если бы он все-таки попробовал вытащить револьвер (или, может, даже динамитную шашку, чтобы уж наверняка), я бы, конечно, застрелил его прежде, чем он успел бы пустить свое оружие в ход. Но наиболее вероятным все же было, что он попытается

бесшумно влезть к нам с ножом.

Но он не сделал ни того, что я ожидал, ни того, что считал слишком невероятным. Он вообще не пошел к нашему фургону. Вместо этого он двинулся назад вдоль своей линии повозок, перпендикулярной нашей, и вскоре скрылся за лошадьми, которые занимали всю середину лагеря.

- Куда это он? - тихо спросила Кэролайн. - Хочет обойти лагерь по периметру и подкрасться к нам с другой стороны?

- Наверное, - ответил я. И тут я сообразил кое-что еще. Если Левша намерен, убив нас, тут же покинуть лагерь (что при любом способе было бы для него разумнее, чем дожидаться расследования, в котором он, как никому не известный чужак, будет первым подозреваемым), ему в любом случае понадобятся револьвер и патроны, чтобы пересечь Пустоши. И я понял, у кого ему легче всего украсть таковые. У лежачих больных - которые, несмотря на тяжесть своего состояния, имеют свои пушки при себе. Это закон Пустошей - оружие можно забрать только у мертвого (ну, или у пленника). Пока человек жив, как бы плох он ни был, его револьвер остается при нем. Хотя бы для того, чтобы он мог избавиться от дальнейших страданий быстро и безболезненно, не завися при этом ни от чьей милости. Даже если он без сознания - он все еще может прийти в себя. Или пристрели его, если он совсем уж безнадежен - или оставь его ствол при нем. Но не бросай человека в Пустошах живым и безоружным. Понятно, что больных бросать никто не собирался, их везли на повозке в составе каравана с вооруженной охраной - но все равно, правило есть правило, тем паче что охрана не может успеть везде и всегда. Сам Левша, попавший в караван уже безоружным - другое дело, он не мог рассчитывать, что ему просто возьмут и подарят чужой ствол, Пустоши - не место для благотворительности. Но забрать оружие у того, у кого оно есть (если только это не преступник), не вправе никто.

И фургон, где лежали трое больных, стоял, насколько я знал, как раз в том направлении, куда ушел Левша. Хотя он, действительно, мог обойти по внутреннему периметру весь лагерь, не привлекая внимания часовых снаружи.

Ну что ж, подумал я, если так, то тем лучше. Если он явится сюда, уже имея при себе похищенное оружие, уже ни у кого не возникнет сомнений, что я застрелил злонамеренного бандита, а не бедного раненого, вышедшего подышать свежим воздухом. Был ли риск, что он не только ограбит, но и убьет больных, если окажется, что они все же способны поднять шум? Если он мнил себя не бандитом, а служителем закона, хотя бы и холинбрукского, то вряд ли он этого хотел - но при необходимости, наверно, мог. Однако я должен был заботиться в первую очередь не об этих совершенно посторонних мне людях, а о Кэролайн и о себе. Если поднять тревогу раньше времени, Левше будет вообще нечего предъявить, если проследить за ним и сделать это именно в тот момент, когда он полезет в ихний фургон - его обвинят только в попытке кражи и ограничатся изгнанием из каравана. А мне он нужен не изгнанным, а мертвым.

Так что мы снова принялись ждать, причем теперь Кэролайн глядела в прежнем направлении на случай, если он вернется назад тем же путем, а я, проковыряв еще пару дырок в задней занавеси, смотрел назад вдоль нашей линии повозок на случай, если он пойдет в обход периметра. Когда я ставил фургон на стоянку, то специально расположил его так, чтобы он чуть выдавался из общей линии внутрь, обеспечивая лучший обзор.

На сей раз ожидание оказалось, разумеется, недолгим. Не прошло, наверно, и десяти минут, как я увидел силуэт, крадущийся вдоль нашей линии фургонов. Не было сомнения, что человек старается двигаться как можно тише и незаметнее. Насколько я мог разобрать в темноте, в руках у него вроде бы ничего не было - ну понятно, оружие он достанет непосредственно перед тем, как влезть в наш фургон. "Кэролайн, - шепнул я, - как только он дотронется до фургона, стреляем ему в голову." В караване, конечно, не было приспособлений для снятия отпечатков пальцев, да и, хотя в темноте сложно было понять, Левша наверняка опять был в перчатках, - но я все же хотел, чтобы с точки зрения закона все было безупречно. Не "просто шел

мимо", а пытался влезть внутрь. И, учитывая весь предыдущий опыт, я также хотел, чтобы он получил две пули в голову сразу. Чтоб больше никаких... рикошетов.

Он остановился в считаных дюймах от правого заднего угла фургона. А затем сунул руку за пазуху - и вытащил нечто, тускло отразившее звездный свет. Нож!

- Огонь! - крикнул я, нажимая на спуск. Кэролайн выстрелила на долю секунды позже.

Он отшатнулся назад, словно отброшенный ударом в челюсть, и рухнул навзничь. Нож все еще был у него в руке - я даже услышал, как он звякнул о камни. Пользуясь этой безупречной уликой, я выскочил из фургона и, встав прямо над лежащим, с расстояния меньше ярда всадил ему в лицо еще три пули 44 калибра. Что-то смачно чавкнуло, выплескиваясь на каменистую землю. Вот так. Больше никаких чудесных воскрешений.

Понимая, какой переполох сейчас поднимется, я проорал на весь лагерь: "Это Майк Честер! Я убил преступника, который покушался на нас! Больше опасности нет!"

Переполох, понятное дело, все равно поднялся. Люди зажигали масляные фонари и выпрыгивали из повозок. Я и сам велел Кэролайн зажечь фонарь и дать его мне, чтобы все видели, что я - это я. Первыми, понятное дело, подоспели охранники снаружи с оружием наготове, но, увидев, что я держу фонарь, а револьвер уже сунул в кобуру, опустили пушки - ну или, скорее, полуопустили, скажем так.

Но еще прежде, чем они это сделали, до меня дошла очень простая вещь, согнавшая улыбку торжества с моего лица.

Мертвая рука, все еще сжимавшая нож, была правой.

Сообщник? Левша подкупил кого-то в караване, вероятно - пообещав поделиться наградой, чтобы сделать грязную работу чужими руками? И поди докажи это теперь, единственный, кто мог признаться в этом, мертв...

Я вынужден был стоять с поднятым фонарем, пока караванщики не собрались вокруг, чувствуя себя мишенью и понимая, что стану ею еще вернее, если уберу свет от своего лица. Лишь потом, в свете ихних и своего фонаря, я смог рассмотреть, кого же я - точнее, мы с Кэролайн - грохнули. Его лицо выше кончика носа превратилось в сплошной кровавый кратер, месиво из крови, мозгов, шматков кожи и обломков костей. Но, по крайней мере, под этими остатками носа красовались русые усы, а ниже - и борода, да и плотной комплекцией он никак не походил на Левшу.

- Это же Даг! Даг Барли! - опознал его кто-то наконец.

Тот самый охранник, с которым у меня состоялся не слишком приятный разговор в ночь нашего появления в караване. Но это не тянуло на по-настоящему серьезную ссору, и уж тем более - на повод для убийства!

- Зачем ты стрелял в него аж пять раз? - наседали на меня караванщики. - Его револьвер в кобуре! Он даже не доставал оружие!

- Нож, - холодно напомнил я. - Он не только тайком подкрался к нашему фургону, - никогда ни к кому не подкрадывайся ночью в Пустошах, если только не хочешь получить пулю, да, - но и пытался влезть в него с ножом в руке.

- Зачем бы ему это понадобилось?

- Мне откуда знать? - пожал плечами я. - Возможно, его кто-то подговорил. Или он пытался нас ограбить, хотя у нас нечего взять, - угу, не считая двух перстней с драгоценными камнями и жемчужного ожерелья. Но об этом им, понятно, знать незачем - и об этом не мог знать сам Даг. Вудворту я, кстати, тоже об этом не рассказывал.

- Даг бы не стал воровать! Он был честный парень, сам делился с товарищами! - настаивал кто-то.

- Любой вор считается честным, пока его не поймают, - вновь пожал плечами я. - По мелочи, может, и делился, а перед искушением сорвать крупный куш не устоял - если, допустим, кто-то нашептал ему, что мы нашли в Пустошах что-то сильно ценное...

- Да ты, небось, сам вложил нож ему в руку! - настаивал тот же защитник Дага.

- И притащил его сюда тоже я сам? Думай, что несешь! Где его фургон, а где мой? Далековато, чтобы случайно перепутать!

- Так, тихо все! - это, наконец, подошел Вудворт. - Майк, объясни еще раз, что случилось.

Приплетать ли Левшу, которого формально все еще не в чем обвинить, и который, если его начнут расспрашивать, может рассказать о Кэролайн?

- Мне не спалось. Я услышал, как кто-то крадется, выглянул и увидел типа с ножом, пытающегося залезть в наш фургон. И открыл огонь, само собой.

- Но зачем ты стрелял в упор пять раз?

- Для надежности, - усмехнулся я, не уточняя, что один из выстрелов сделал не я - хотя это, в общем-то, можно было понять и по скорости стрельбы, и по числу патронов в моем барабане. - Не люблю ни наемных убийц, ни вооруженных грабителей. Теоретически, это могла быть даже пробравшаяся в лагерь человекообразная тварь с длинным когтем - в такой темноте трудно было различить детали.

- Наемных убийц? - повторил Вудворт. - Ты обзавелся настолько серьезными врагами, и кто-то из них едет в моем караване?

Я уже подумывал все же сказать про Левшу, но тут раздался еще один угрюмый голос:

- Никто Дага не нанимал. Я знаю, зачем он это сделал. И ты тоже знаешь, Вудворт. Скажешь парням сам, или это сделать мне?

Я посмотрел на говорившего. Кажется, это был Боб, приятель Дага, с которым они вместе стояли в карауле в ночь нашей первой встречи.

Вудворт тоже посмотрел на него:

- Думаешь, дело в этом?

- А в чем еще? Идиот озабоченный. Говорил я ему - если тебе невтерпеж, иди рукой поработай, только не в нашем фургоне. Ну он, как видно, и пошел...

- Ладно, парни, - проворчал Вудворт, которому после этого заявления ничего не оставалось, как прояснить ситуацию до конца. - Не хотел я про это говорить, именно чтоб вот такого не было. Но раз уж оно все равно случилось... короче, Кей - на самом деле девушка. А Даг и Боб об этом знали.

Понятно, что удивлению на тему "девчонка в Пустошах?!" не было предела. Но, к чести этих парней, никакой агрессии в адрес Кэролайн и призывов изгнать нас из каравана, пока еще кто-нибудь не погиб, я не услышал. Может, кто так и подумал, но высказать вслух не решился. Общее мнение было, что девчонка невероятно крута, раз проделала такое путешествие, а Даг получил по заслугам. С ним же все было просто до отвращения. Очевидно, он явился к нам с ножом даже не в надежде изнасиловать (или уговорить) Кэролайн - даже он не мог не понимать, что наличие рядом меня не дает ему ни малейшего шанса. Он просто пришел подглядывать за нами, прорезав окошко в брезенте нашего фургона. Понятия не имею, что он рассчитывал увидеть в кромешной темноте внутри (возможно, его распаленному воображению хватило бы и просто звуков), и почему он вбил себе в голову, что мы занимаемся *этим* именно сейчас. Возможно, он, как тот придурок из анекдота, который ищет пропажу не там, где потерял, а под фонарем, потому что там светло, выбрал самый глухой час самой темной ночи, думая лишь о том, чтобы никто не заметил его самого, а не о том, увидит ли желаемое он. Или же он собирался пока только прорезать себе щель для наблюдения, а воспользоваться ею уже в другой раз. Или даже ему хватило бы одного только запаха Кэролайн... Так или иначе, дальнейший осмотр трупа показал, что ширинка у него была расстегнута, и на этом дело было закрыто.

Кэролайн, понятное дело, пришлось предстать перед своими новыми поклонниками и принять ихние выражения восхищения. Заодно она многозначительно подтвердила, что один из двух первых выстрелов в несостоявшегося обидчика сделала она сама. Вудворт, в свою очередь, принял решение отдать ей револьвер покойного ("Хольт Фронтир" двойного действия 44

калибра) в качестве законного трофея.

Улучив момент, я все же попросил Вудворта проверить, что там поделывает Скиннер, ибо за несколько минут до происшествия я видел, как он вышел из своей повозки и ушел куда-то в заднюю часть лагеря. Чак усомнился, не померещилось ли мне в темноте, ибо Скиннер все еще слишком слаб, чтобы ходить на такие расстояния, а будь это не так, он, несомненно, явился бы посмотреть, что происходит, в то время как среди собравшейся возле нашего фургона публики его не было - но все же согласился пойти взглянуть. Особых надежд я не возлагал, понимая, что во всей этой суматохе у Левши было достаточно времени вернуться незамеченным в свой фургон. Так оно и оказалось - он лежал там и, понятно, не прикидывался спящим - после пяти выстрелов и всего дальнейшего шума снаружи это был бы уже перебор - но слабым голосом лежачего больного осведомился, что случилось. Получив от Вудворта краткое разъяснение, он лишь пробормотал "ну надо же", и на этом все. Ни в какие расспросы или комментарии по поводу Кэролайн он вдаваться не стал.

Наутро, однако, выяснилось, что ночью в караване произошла еще одна смерть. Умер один из трех больных в фургоне с лежачими. Это было вполне ожидаемо - в дельте Канавы его укусила какая-то мелкая многоногая тварь, поначалу он и внимания не обратил, но рана воспалилась и, хотя и не перешла в гангрену, воспаление постепенно распространялось все дальше и дальше, а парню становилось все хуже и хуже. Никаких следов более свежего насилия на трупе не было. Двое других больных (одному пришлось ампутировать обе ноги - операцию провел, понятно, Поркинс, точнее, он лишь доделал то, что не доделали зубы твари, а второй страдал от жестокой лихорадки) ничего подозрительного не видели - первый спал, второй пребывал в забытьи. И все же, несмотря на полное отсутствие улик и даже мотивов (оружие покойного никто не украл), меня не покидало ощущение, что Левша каким-то образом причастен к этой смерти.

В общем, длиннозмей не справился со своей задачей покончить с полосой несчастий, преследовавших караван. Хотя ничего сверхъестественного, понятно, не произошло - один озабоченный придурок получил по заслугам, один больной, которого и так считали безнадежным, отмучился. Но все же на волне этих событий мне удалось убедить Вудворта назначить дополнительные караулы, которые ночью периодически обходили бы лагерь изнутри. Так что теперь у Левши было еще меньше шансов добраться до нашей повозки незамеченным, к тому же теперь он знал, что и мы сами ночью не дремлем, в буквальном смысле слова. По всем прикидкам выходило, что он не станет даже пытаться - но, с другой стороны, не может же он просто отказаться от своей миссии, находясь, опять же в буквальном смысле, в двух шагах от цели?

Караван тем временем продолжал двигаться дальше. На следующий день после ночи новолуния мы, наконец, добрались до неповрежденного склада и пополнили наши припасы. Это снова улучшило настроения, тем более что и ехать оставалось всего-то пять дней, но - словно какая-то сила следила за тем, чтобы люди в этом караване не слишком радовались. Лишь одна ночь после новолуния прошла без происшествий, а на следующую случилась еще одна смерть. Снова в фургоне лежачих больных. На сей раз безногий воспользовался своим револьвером именно с той целью, о которой я упоминал. Во всяком случае - так это выглядело со стороны, ибо его терзаемый лихорадкой товарищ вновь не мог ничего рассказать. В принципе, в этом опять-таки не было ничего необычного - лично я тоже предпочел бы такой выход, нежели жить калекой (хотя многие живут, и даже находят поводы для радости). Но почему только сейчас, когда путешествие почти завершено? Он мог бы сделать это еще месяц назад (чем, кстати, избавил бы от лишних проблем не только себя, но и тех, кто ухаживал за ним и кормил его все это время - и это не пустые слова, в Пустошах люди, понимающие, что им самим уже не спастись, обычно стараются не обременять попусту товарищей).

Выходил ли в ту ночь Левша из своего фургона? Во всяком случае, ни я, ни Кэролайн (а

мы снова дежурили посменно) этого не видели. В том, что я ни на миг не отвлекался и не дремал во время своей вахты, я уверен абсолютно, Кэролайн тоже едва ли могла его упустить уже хотя бы потому, что хорошо высыпалась днем. Ну и, видимо, не замечали его и караульные, обходившие лагерь изнутри - притом, что теперь им помогал и свет костров, горевших всю ночь. Если бы он выбрался из своей повозки на внешнюю сторону, то мог бы остаться незамеченным на какое-то время (уж Кэролайн это знала), но если бы он пошел снаружи лагеря - хоть вдоль повозок, хоть сделав крюк прочь от них в любую сторону - то все равно попался бы на глаза караульным, наблюдавшим за Пустошами. И все же, подумав, я понял, каким образом он мог бы пробраться незамеченным к фургону больных и обратно. Сперва таки выбраться на внешнюю сторону, а потом - проползти под повозками. В темноте безлунной ночи никто бы не заметил его там, несмотря на костры (коих было всего-то два). Проползти таким образом под парой десятков повозок по каменистому грунту, на самом деле, не так уж и легко, но вполне возможно, и если делать это достаточно аккуратно, то можно даже не превратить при этом в лохмотья свой костюм, локти и колени. Однако - "мог" не значит "сделал". И, опять-таки, зачем? Его целью была Кэролайн, а не эти бедолаги. Я даже поинтересовался, не из Холинбрука ли они родом - нет, укушенный был из Риджтауна, а безногий и пока еще живой третий, тот, что с лихорадкой - из Лоурингвуда. Однако это означало бы, что Левша может доползти таким способом и до нашей повозки, и мы, опять-таки, рано расслабляемся. Хотя, опять-таки, атака вслепую снизу, сквозь пол фургона - будь то хоть выстрелы, хоть просовываемый в щель между досками нож - давала ему слишком мало шансов на успех, так что подползти-то он мог, но потом все равно должен был бы подняться и лезть внутрь повозки. Все же я спросил Вудворта, не найдется ли у него чего-нибудь острого, например - пары дюжин гвоздей. Он ответил, что найдутся, и спросил, зачем они мне - разве мой фургон нуждается в ремонте? Я со смешком ответил, что опасаюсь, как бы еще какой идиот не заявился к нам ночью, на сей раз - подползши снизу, и буду на ночь вкапывать под фургоном гвозди остриями вверх, а также прошу караульных не просто обходить лагерь, а и заглядывать хотя бы иногда под повозки. Тем паче что мы уже проехали наиболее пустынные и безжизненные места, и, в принципе, под повозки могут забираться и какие-нибудь ядовитые твари. Вудворт посмеялся, но согласился. Тем паче что, если не случится ничего невероятного, впереди оставалось лишь три дня пути, и пережить таким образом оставалось лишь две ночи - а уже третью (и все последующие до самого своего отбытия обратно на запад) караванщики рассчитывали провести на территории торговой фактории Вестмарка, под защитой его стен и законов.

Но эти три дня, или немногим более полусотни миль, еще нужно было проехать и пережить. Местность, как я и говорил, вновь изменилась - песчаная пустыня окончательно уступила каменистой. Я уже упоминал, что в Пустошах не принято хоронить мертвых, попусту тратя силы и пот живых, но у караванщиков, которые едут, а не идут, и притом всегда по одному и тому же маршруту, тут подход не такой строгий, как у бэдлэндеров. Поэтому тела Дага и укушенного все же закопали в песок слева от караванной дороги, благо это не требовало больших усилий (не оставив, впрочем, никаких надгробных знаков - вот это в Пустошах не принято точно, за исключением случаев, когда такой знак служит предостережением об опасности). Однако теперь грунт вокруг снова был слишком твердым, так что труп безногого лишь оттащили за руки подальше от дороги и оставили падальщикам. Впрочем - чем они хуже червей на самом респектабельном из цивилизованных кладбищ, да и какая мертвецу разница?

За последние дни заметно похолодало, и, если бы на нашем пути попадались лужи, за ночь они бы уже покрывались ледком - но в то же время, чем дальше мы двигались на север, в менее засушливые края, тем больше, казалось, оживала пустыня. По пыльной каменистой земле потянулись длинные колючие стебли ползучих лиан. Ползучие они не в том смысле, в каком этот термин обычно применяют к растениям, а в буквальном. Когда ихние побеги вырастают достаточно длинными, они отрываются от корня и ползут в другое место, медленно извиваясь и

отталкиваясь своими шипами. Движутся они почти незаметно для глаза, но отползают так на несколько сотен ярдов, а иногда и на милю-другую, после чего снова укореняются. Некоторые из них выползли таким образом и на нашу дорогу, но их, конечно, безжалостно давили колесами и копытами, это вам не длиннозмеи. А вот босиком по таким колючкам точно не походишь, гораздо хуже любых камней, хотя и не ядовитые. Все чаще можно было заметить белых яичных пауков (не путать с паучьими яйцами), быстро перебегающих с места на место. И размером, и цветом, и формой они больше всего напоминают вертикально торчащее гусиное яйцо на ножках. Паутины они не плетут и считаются вполне безобидными. Ну то есть, конечно, ихний укус убивает человека за двадцать секунд, но это ж еще постараться надо, чтобы этот укус получить. При виде хоть человека, хоть лошади, хоть любого крупного существа они стремительно убегают прочь, так что напороться на них случайно невозможно, и даже сознательно не так просто. В небе снова кружили двухголовые стервятники - кажется, это чуть ли не единственная пустошная тварь, которую можно встретить и на востоке, и на западе. Видели мы также парочку саблезубых черепах, вот это уже твари похуже. Пули ихний панцирь не берут, а бегают они, ну, не как скаковая лошадь, врать не буду, но запряженного в повозку тяжеловоза догоняют легко, даже если он очень старается оторваться. Подбегают под брюхо - они как раз примерно такой высоты - и вспарывают его своими торчащими вверх нижними клыками. Похоже на метод охоты перевертышей, да, только те используют коготь на передней лапе. Причем меры они, в смысле черепахи, не знают - распоров брюхо одному коню (и не только коню), тут же бегут к следующему. Типа, сначала убьем всех, до кого дотянемся, а уже потом будем разбираться, кто из них самый вкусный. Практически единственный способ их убить - это попасть пулей в глаз, а ты еще попади, когда она бежит, да еще и пыль столбом поднимает. Но, к счастью, эта парочка была занята своим брачным сезоном - он у них как раз в ноябре, перед впадением в спячку - и на нас отвлекаться не стала.

Кстати, о брачных сезонах - вопреки первоначальным опасениям Вудворта (и тем, что высказывал ему я, хотя я-то на самом деле опасался Левши), Кэролайн больше никто не доставал, не только так, как этот козел Даг, но и более пристойным образом. Хотя она больше не считала нужным круглые сутки прятаться в фургоне, периодически подменяла меня на козлах, да и вечером, когда караванщики выходили к кострам печь лепешки и поболтать перед сном, не отказывалась размять ноги и перемолвиться с ними словечком. Но все исчерпывалось парой-тройкой ничего не значащих дружелюбных реплик (к примеру, пожилой шмуртерсфордец, посоветовавший ей "отрастить усы", всякий раз с конфузливым смехом вспоминал об этом эпизоде, и получал улыбку в ответ). Не то чтобы, конечно же, никому из них не хотелось более близкого знакомства, но, с одной стороны, все понимали, что рядом я, и определенно не считали меня "просто проводником", а с другой, что было, очевидно, намного существенней, ехать вместе нам оставалось всего ничего (и все уже знали, что Кэролайн будет просить разрешения на въезд в Хинтерзееланд, а не останется вместе с ними на фактории), и любым потенциальным претендентам было ясно, что на успех быстрого натиска нет шансов, а на долгую осаду нет времени. Разве что с холинбрукцами, входившими в состав каравана, Кэролайн держалась подчеркнуто холодно, хотя ни один из них не был причастен к преследованию ее семьи и даже жил не в самом Холинбруке, а в более мелких городах и поселениях графства. "Они не члены КОБ, но именно они, "простые парни из глубинки", позволяют этой системе существовать и действовать, - сказала она мне по этому поводу. - От их имени и с их молчаливого согласия. Непротивление злу - такое же соучастие, как и активное содействие ему. В каком-то смысле оно даже хуже, ибо позволяет сохранять маску приличного человека. А это, в свою очередь, создает положительную обратную связь. Одни говорят - мы сами никого не жжем на кострах, значит, мы - приличные люди. А другие говорят - смотрите, сколько приличных людей живет под нашей властью и не бунтует, значит, мы и сами - не зло!"

Предпоследняя ночь в Пустошах прошла без происшествий. Наступил предпоследний

день.

С утра, как говорится, ничто не предвещало неприятностей. Хотя это только дураками так говорится, потому что в Пустошах их практически никогда ничто не предвещает - если только, конечно, вы не делаете какую-нибудь заведомую глупость с очевидно фатальными последствиями. Вот тогда да, ваше будущее можно предсказать с большой уверенностью. А если вы делаете все по-умному, случиться может все, что угодно. Вы строите весь свой расчет на своевременном выходе к переправе, которая работала много десятилетий - а ее больше нет. Вы шесть дней готовите спуск яхты на воду - а ее якорь в один миг съедает неведомая тварь. Вы понимаете, что весь ваш план рухнул, и пытаетесь придумать новый - и тут приходит волна и снимает вас с мели. Ну, и так далее. И хотя не всегда неожиданности неприятные, но чаще всего таки да.

Вудворт, как бэдлэндер со стажем, это, конечно, понимал, и парням своим напоминал, чтоб не расслаблялись до того самого момента, как у них за спиной закроются ворота фактории. Но все-таки некоторая расслабуха в караване уже чувствовалась. Почти дошли, чего там. Вон он, Хинтерзееланд, прямо по ту сторону Хребта! Вот только с тем же успехом он мог бы находиться по ту сторону океана. Перебраться через Хребет нельзя, и, случись что, ни нам туда не убежать, ни оттуда, разумеется, никакая помощь не придет. Но все равно - солнышко светит (хотя уже не так чтобы сильно греет), птички... ну, не поют, но и мозги выклевать тоже уже не пытаются, небо голубеет, твари вокруг бегают мелкие и неопасные. Самое время заняться подсчетом своих гонораров (с учетом карточных долгов, хотя вообще-то азартные игры в караване запрещены, но кто ж за всеми уследит - алкоголь еще унюхать можно, а ты попробуй унюхай карты!) и прикидывать, на что ты их потратишь. Хотя для этого, вообще-то, надо еще проделать весь тот же самый путь обратно через все Пустоши, в том числе - как-то снова переправиться через Канаву, но кто же хочет об этом думать в последний (ну ладно - предпоследний) день путешествия?

Прямо скажем - даже и старина Майк Честер позволил себе слегка расслабиться и, отправив Кэролайн на козлы, завалился в фургоне дрыхнуть. Потому что впереди фактически последняя ночь, когда Левша может предпринять свою попытку. И уж наверно он ее предпримет. Потому ночью у меня не должно быть сна ни в одном глазу, ну а пока можно отсыпаться.

И, как уже догадались самые проницательные, пробуждение мое было не самым приятным. Я проснулся от криков и испуганного ржания коней. "Тревога!" "В кучу!" "Навозники!"

Я вскочил, затягивая пояс с револьверами (с тех пор, как Кэролайн получила "фронтир", она носила его, а я, соответственно, вернул себе второй "дракон"; разряженные "молнии" лежали в фургоне). "Майк, что делать?!" - донесся спереди растерянный голос Кэролайн. "Разворачивай вправо! Пусти, я сам!" - я выскочил на козлы и выхватил у нее поводья. Погода за время моего сна успела полностью перемениться - солнце скрылось, с запада, из глубины Пустошей, дул резкий холодный ветер, несший сплошные клубы пыли, которая секла лицо и лезла в глаза. Впереди и позади нас уже разворачивались другие повозки - кто как, без всякого порядка. Ржали кони, щелкали кнуты, клубилась пыль, царил полный хаос.

На самом деле этот хаос не был признаком паники и потери контроля над ситуацией. У лошадей - может быть, но не у людей. "Куча" - это экстренный вариант оборонительного построения, когда нет времени, чтобы встать в правильный порядок, как на стоянках, с лошадьми в середине и повозками квадратом по периметру. В куче цель - свернуть колонну каравана в как можно более плотный ком, по возможности задами повозок наружу. Который имеет наименьший периметр и из которого лошадям просто некуда деваться, как бы сильно напуганы они ни были. Бывает, что это оборачивается травмами для некоторых из них, чаще нефатальными, но если особо не повезет, какой-нибудь лошади может и перебить ногу тяжелым колесом или ударом копыта другого коня. Однако тут уже не до жиру, лучше рисковать одной-

двумя лошадьми, чем всем караваном.

Я натянул вожжи вправо и загнал наших лошадей в сужающуюся щель между двумя другими повозками. Затем мы с Кэролайн, пригибаясь, пробежали внутри нашего фургона и выпрыгнули на землю сзади. Слева и справа уже растягивались цепью вдоль своих повозок другие караванщики, готовые стрелять по быстро приближающимся с северо-запада врагам.

Их словно нес на нас все тот же дующий из пустыни ветер. Пыль над ними клубилась так, что казалось, будто на нас накатывается гигантская волна, которая сметет весь караван вместе с нашими смешными пушками и размозжит его о Хребет. На самом деле, конечно, это была всего лишь пыль - топочущая стая навозников, развернувшаяся вширь на добрых две сотни ярдов, в высоту было всего-то человеку чуть выше чем по пояс (как раз удобно, чтобы вырывать живот своими клешнями, ага). Но приятного все равно было мало.

Навозниками их, на самом деле, называют не за то, чем они питаются, а за внешнее сходство с жуками-навозниками - да и то довольно условное. Черное тяжелое куполообразное тело на шести длинных (и весьма резвых) суставчатых ногах, челюсти устроены хитрее, чем у насекомого - то, что издали кажется простыми горизонтальными жвалами, на самом деле клешни, которые очень лихо рвут плоть на мелкие куски и отправляют их в рот. В отличие от насекомых, они теплокровные, холод их не пугает, зато они вечно голодные. Про ихнюю высоту я уже сказал (это вместе с ногами), а в длину туловище что-то около четырех футов (у самцов), и ширина почти такая же. На самом деле, у них и другое название есть - "жопа с ножками", потому что по форме и впрямь похоже: выпуклые надкрылья (хотя никаких крыльев у них нет) с ложбинкой между ними. Но я это название не одобряю, не потому, что я такой деликатный, а просто оно настраивает на юмористический лад, а угроза-то, на самом деле, весьма серьезная. В особенности для караванов. Почему караваны стараются приходить в Хинтерзееланд в сентябре и в апреле? Потому что в это время у навозников линька, и они не активны. Но из-за задержки на Канаве на два месяца...

Говорят еще, будто название "навозники" пошло от того, что их привлекает запах лошадиного навоза, но точно это неизвестно - по-моему, они унюхивают лошадей как таковых. Но что их интересуют именно лошади, а не люди - факт. То есть человека они, конечно, при случае тоже сожрут, но с таким видом, словно делают одолжение. Человек, если он пеший, увидев в Пустошах стаю навозников, может просто отвернуть в сторону, и они за ним не погонятся. А вот ни у всадника, ни у каравана шансов разойтись с ними по-хорошему нет.

Хорошая новость состоит в том, что панцирь у них сравнительно тонкий (иначе они бы не смогли бегать со скоростью лошади и даже еще быстрее), и пуля его пробивает. Плохая новость состоит в том, что их много (в одной стае может быть не одна сотня особей, и на нас, похоже, бежала именно такая), и далеко не всегда они дохнут с первой пули. Лучший способ разделаться с ними - попасть не в голову (без головы навозник может жить еще долго, она им, похоже, вообще нужна только для того, чтобы в нее есть), а в основание горба прямо за ней, там находится нервный узел, отвечающий за движение конечностей. Однако навозники, не будь дураки, именно в этом месте отрастили особенно прочный панцирь, который даже пуля 44 калибра пробивает только в упор. То есть буквально с расстояния, где уже есть риск, что он откусит тебе руку. Если стрелять с более безопасной дистанции, могут потребоваться уже две-три пули в это место с хорошей кучностью. Либо, как вариант - стрелять по ногам, любое ихнее сочленение - слабое место. Но тут тоже нужно попасть минимум три раза, по разным конечностям (лучше всего - с одной стороны). Ну а попадания во все прочие места для них, конечно, не безвредны, но этот вред они чувствуют отнюдь не сразу. Можно целый барабан на одного извести, а он все еще переть на тебя будет.

Вообще, там, где существа более разумные отступили бы из-за высоких потерь, эти прут, пока все не закончатся. Хотя раньше могут закончиться патроны у тех, кто от них отбивается, и сами отбивающиеся. Так что лучший способ справиться с ними - это убить ихнюю матку. В стае

всегда только одна самка. Все остальные самцы. Она бегает вместе с ними, но не охотится, во всяком случае, в том смысле, как это делают остальные. Она - стопроцентный каннибал, питается только самцами своей стаи - как издохшими в силу различных причин, так и, если таковых долго нет - еще живыми. Как только она погибает сама, все остальные бросают все дела и начинают драться друг с другом, пока не останется единственный победитель. Он перерождается в новую самку, питаясь в процессе мясом проигравших конкурентов. И вроде как в процессе пожирания самцов он, то есть уже она, не только насыщается, но и... оплодотворяется. Потом откладывает яйца, из которых выводятся новые самцы. Такой вот жизненный цикл.

Плохая новость состоит в том, что самка в несколько раз крупнее самцов, и пули ее почти что не берут. То есть, есть несколько уязвимых мест, но в них еще надо попасть. А кроме того, поскольку она тяжелее, то и бегает медленнее - то есть ее сначала еще дождись, отбиваясь от атакующих самцов, а когда даже она и добежит, то все равно будет держаться позади них, зачем ей вперед-то лезть, она потом съест павших в бою, и ей, собственно, чем больше их сдохнет, тем лучше. Короче, добраться до нее не так просто.

Пока что, во всяком случае, мы ее даже не видели за толпой самцов и поднятой ими пылью. И нам оставалось только отстреливаться, стоя возле повозок или на них - и имея при этом очень ограниченный боезапас. Проблема в том, что на складах вдоль последних 200 миль дороги можно было пополнить запасы еды для людей и коней, воды (из колодца), топлива, теплой одежды, даже медикаментов - но не патронов Власти Хинтерзееланда считают неправильным оставлять посреди Пустошей, но вблизи от своих границ, неохраняемые склады боеприпасов, которыми может воспользоваться кто угодно - и я в общем-то могу их понять. Так что приходилось довольствоваться только тем, что осталось в караване после долгого и трудного пути, где почти все боеприпасы ушли на тварей в дельте Канавы. Лично мне после гибели Дага Вудворт отсыпал от щедрот 18 патронов (к остававшимся в двух моих "драконах" шести) и сказал: "Извини, Майк, больше дать пока не могу". У Кэролайн к ее "фронтиру" было и вовсе 14 - 6 в барабане и 8 в запасе, это было все, что оставалось у Дага. Также в караване были лопаты, топоры и мачете. Всем этим, в принципе, можно проломить панцирь навозника или, еще надежнее, перерубить ему ногу - если он не отхватит своими клешнями твою руку первым.

- Беречь патроны! - кричал Вудворт откуда-то слева. - Стрелять только наверняка!

Хороший совет, когда на тебя бежит со скоростью лошади толпа тварей, каждая из которых втрое массивнее тебя. Мы выступили шеренгой вперед навстречу им, понимая, что все равно придется отступать, и резервируя себе место для отхода.

Я скосил глаза на Кэролайн, шагавшую справа от меня. Никакого страха на ее лице я не заметил - только решимость. Я объяснил ей, куда лучше всего стрелять.

Стоять на пути у бегущей стаи навозников примерно так же приятно, как и на рельсах чугунки перед идущим поездом, с той разницей, что с рельсов можно отпрыгнуть, а тут отпрыгивать некуда - слева и справа все то же самое. Когда они были где-то в тридцати ярдах, мы открыли огонь. В основном мы стреляли по ногам, ибо шансов поразить нервные центры с такого расстояния практически не было. Но и по ногам быстро бегущей твари попасть крайне трудно. Однако плотная толпа врагов имеет по крайней мере одно достоинство - как ни стреляй, в кого-нибудь да попадешь. Так что пули находили цели, и они падали - кто с перебитой на бегу ногой, кто просто столкнувшись с раненым собратом. Конечно, эти раны не были смертельными. Однако другое достоинство плотной толпы врагов - падение одного создает проблему сразу многим, бегущим следом. Был бы это табун взбесившихся лошадей, они бы переломали себе ноги и шеи. Толпа людей затоптала бы упавших. Навозник, споткнувшийся о другого навозника, ничего себе не ломает, и сам его панцирь тоже не продавливает. Но и прыгать через препятствие не умеет. Только перешагивать. Поэтому вся эта бегущая орава, вместо того, чтобы смести нас и врезаться в повозки с такой силой, что способна их ломать и опрокидывать, резко сбавила темп.

Дальше, правда, тот же фокус не работал - новые упавшие не могли задержать их еще больше. Следующие просто переступали через них (благо с ихними длинными ногами это было нетрудно) и продолжали переть вперед, правда, теперь уже не бегом, а быстрым шагом. Мы начали отходить в том же темпе назад к повозкам, выпуская на ходу оставшиеся в барабанах пули. Я бросил быстрый взгляд вправо, проверяя, как дела у Кэролайн - она выстрелила на моих глазах, четко и сосредоточенно, как по мишени в тире, без суеты и дрожания рук, все, как я ее учил - но, уже отводя взгляд от нее, я вдруг заметил дальше справа кое-что еще. Точнее, кое-кого.

Это был Левша. Я впервые за все время в караване увидел его при свете дня. Он стоял в каких-нибудь восьми-девяти ярдах от нас, в своей неизменной низко надвинутой шляпе (я не разобрал, была ли все еще под ней повязка) и перчатках, и в его левой руке был револьвер.

Но он целился не в нас. Он стрелял в тварей. Собственно, они просто не оставляли ему другого выхода. Он находился практически на правом краю нашей обороны, который они атаковали по сходящимся направлениям. Отвлекись он хоть на миг на выстрел в нашу сторону - и, глядишь, клешня ближайшего навозника сделала бы его не просто Левшой, а одноруким.

Однако, появись у него этот лишний миг - выстрелов не по навозникам, а по нам в этой суматохе точно никто не заметит. А когда побоище кончится, окажется, что он просто унес ноги.

Откуда у него револьвер, я уже даже не думал. С этим будем разбираться потом.

Но уже в следующий момент мы отошли в щель между повозками для перезарядки и дальнейшей обороны - то же самое делали в этот момент и другие стрелки - и фургоны справа скрыли нас от Левши (которого Кэролайн, похоже, так и не заметила).

Эти щели, однако, вовсе не были надежным укрытием. Будь у нас время выстроиться в правильный оборонительный порядок - лошади внутрь, повозки наружу, параллельно друг другу, с узкими щелями между ними, через которые мы бы вели огонь, а навозники не могли бы пролезть (и если бы при этом еще и охваченные паникой лошади вели себя спокойно) - тогда другое дело. Хотя и это не превратило бы нашу позицию в неприступную крепость, ибо навозники умеют взбираться на повозки и даже протискиваться под них. А при построении типа "куча" даже в идеальном варианте повозки становятся не параллельно, а радиально (а в реальности кто как, на то она и куча) - и, соответственно, щели между ними расширяются к заду, и твари могут вклиниться между ихними задними концами и расталкивать их в стороны. У навозников на это сил хватает, особенно когда на передних напирают задние. Они, конечно, могут мешать друг другу, когда лезущие справа толкают повозку влево и наоборот. Но опять-таки - они могут подлезть под нее снизу и даже вовсе опрокинуть.

Я отправил Кэролайн в фургон отстреливаться оттуда, а сам остался защищать нижний ярус, не позволяя тварям пролезать под фургонами прямиком к лошадям, которые, собственно, и были ихней целью. При этом и Кэролайн, и, похоже, нашим соседям нужно было перезарядиться, и твари невозбранно ломанулись вперед, но у меня был наготове второй "дракон" с полным барабаном. Я выстрелил трижды по навознику, лезущему под колеса повозки слева; пол фургона фактически служил ему щитом, прикрывающим основание горба, зато его ноги с одной стороны я отстрелил без проблем. Но в тот же миг шевелящая клешнями морда просунулась в щель между фургонами, пытаясь расширить ее. Пока что он не мог протиснуться вперед и представлял собой идеальную мишень, так что я быстро шагнул к нему и выстрелил практически в упор в нервный центр. Навозник тщетно клацнул клешней в дюйме от ствола револьвера и косо свалился на сложившиеся членистые ноги, но сзади уже напирали следующие, используя его тело как клин, расталкивающий нашу и соседнюю повозки в стороны; колеса заскрипели. Я встал на его голову со все еще бессильно подергивающимися челюстями и дважды (расстояние было слишком велико) выстрелил в основание горба того, что пихал его сзади, а затем снова быстро отступил назад и крикнул Кэролайн: "Прикрой - перезаряжаюсь!" Лошади испуганно ржали и пытались отодвинуться от опасности, но лишь напирали друг на

друга. Повозка слева от меня резко дернулась и едва не переехала своим тяжелым колесом мою ступню в сапоге, пока я перезаряжал первый барабан. Перезарядить второй я не успел - пришлось снова стрелять в тварей, лезущих теперь уже под нашу повозку справа. Это тоже давало лишь временную отсрочку - когда ихние мертвые или парализованные тела забьют все проходы снизу, другие полезут через верх. Я слышал выстрелы Кэролайн, но не видел, куда попадают ее пули.

- Я пуст! - крикнул кто-то слева от меня.

- Дерьмо, я тоже! - откликнулся другой голос.

- Хватайте лопаты и топоры в фургоне с инструментами! - проорал кто-то еще.

- А где этот хренов фургон?!

Да. Вопрос был уместный. Построение типа "куча" имеет еще и тот недостаток, что совершенно невозможно понять, какой фургон теперь где. На своем капитанском Вудворт установил флажок, а вот обо всех остальных как-то не подумал. Надо было еще перед выходом с Запада крупно намалевать краской номера с обоих боков... хорошие идеи, как водится, приходят слишком поздно.

- Вон она, матка! - крикнул кто-то. Сквозь щель между фургонами в мареве несомой ветром пыли я тоже увидел эту здоровенную, размером с такой же фургон, тушу, покачивающуюся на длинных ногах позади орды своих рабов.

- А хрен ли толку? - злобно крикнул кто-то в ответ. - До нее не добраться!

Пальба становилась... ну, пока еще не то чтобы реже, но тише. То есть если в первую минуту выстрелов было столько, что звук нескольких сливался в один, то теперь все они уже щелкали поодиночке. Я выстрелил в еще одну тварь, пытавшуюся влезть между повозками по телам предшественников. Ихние туши теперь уже громоздились одна на другой, но я знал, что для следующих это вовсе не непреодолимая преграда. Где-то позади меня - к счастью, хотя бы не прямо за спиной, а дальше и правее - раздалось уже не просто ржание, а отчаянный крик смертельно раненой лошади.

- Они прорвались! - отчаянно завопил кто-то с той стороны. - Прорвались справа! Я пустой, я отхожу!

Теперь уже наши кони резко попятились назад, прочь от оказавшейся впереди угрозы, и борт фургона толкнул меня под локоть как раз в тот момент, когда я стрелял в очередного навозника, взбиравшегося по трупам (или же просто обездвиженным телам) своих предшественников - и пуля, естественно, ушла мимо. Точнее, она все же попала в навозника, но куда-то в бок, не причинив ему заметного вреда. Однако вместо того, чтобы переть дальше на меня, навозник, вскарабкавшийся уже выше деревянного борта фургона (оказавшегося теперь не впереди, а сбоку от него), повернулся к этому борту и, молниеносным движением своих клешней располосовав брезентовую стенку, полез внутрь. "Майк!!!" - отчаянно закричала Кэролайн. Как видно, именно в этот момент у нее кончились патроны.

Я, что было сил, прыгнул вперед и - нет, даже не выстрелил в навозника, уже наполовину влезшего в фургон (разорванная материя загораживала мне обзор), а обеими руками ухватил его за задние ноги (не выпуская при этом из правой револьвер) и дернул назад. Несмотря на то, что тварь была намного сильнее меня, ее положение на борту фургона было неустойчивым, и мне удалось выволочь бóльшую часть ее тела обратно, хотя ее передние ноги все еще вцеплялись в борт. Но тут я уже приставил револьвер к основанию горба и выстрелил. Это был последний патрон из тех, что я успел зарядить. У меня остались два пустых револьвера и шесть патронов в кармане. Со словами "Кэролайн, не стреляй, это я!" я наступил, как на ступеньки, сперва на одну, потом на другую еще подергивавшуюся тушу и влез через разорванный бок фургона внутрь сам.

Первым, что я увидел, были расширенные глаза девушки, стоявшей на четвереньках - точнее, на коленях и левой руке, а правая сжимала револьвер, смотревший прямо на меня. Но

она тут же сообразила и резко отвела его в сторону, а затем оторвала руку от пола, выпрямляясь на коленях.

- У тебя остались патроны? - спросил я.

- Два последних, - она разжала левый кулак, демонстрируя их. - Как раз собиралась их вставить, а тут повозка дернулась, и я выронила. Полезла подбирать, а тут оно...

- Заряжай! - велел я и занялся тем же самым. У меня была мысль отдать два патрона Кэролайн, но я все же загнал в барабан все шесть. Не потому даже, что я лучший стрелок, а просто дорога была не каждая секунда, а каждая доля секунды, а эта дележка заняла бы больше времени, чем давным-давно отработанная мной до абсолютного автоматизма зарядка полного барабана.

Пока я это делал, наши лошади продолжали пятиться назад; под колесом несколько раз хрустнули ноги мертвых или раненых тварей, а затем фургон уперся в ихние панцири и застрял, выдвинувшись где-то на две трети корпуса за линию соседних повозок. Кэролайн, вогнавшая свои два патрона раньше меня, выглянула в прореху и тут же, быстро присев, выстрелила вертикально вниз. Я, наконец покончивший с перезарядкой, выглянул из задней части фургона. Вокруг валялись дохлые и беспомощно дергающиеся твари, и ихние тела все же немного задерживали живых - но тех все еще было намного больше, и они продолжали лезть вперед. Еще один навозник попытался влезть к нам по трупам предшественников, и мне пришлось истратить на него две пули. До маячившей впереди матки было безнадежно далеко. Стрельба становилась все реже, и я услышал предсмертное ржание еще какой-то лошади. "Н-на! Н-на! Получай, сука!" - неслось откуда-то слева сквозь чье-то тяжелое хриплое дыхание под звук смачных ударов - похоже, кто-то из расстрелявших все патроны все-таки отыскал лопату или топор и теперь орудовал этим оружием. Скоро и мне придется делать то же самое топориком из моего рюкзака - увы, слишком коротким, чтобы рубиться с тварями, способными легко отхватить мне руку...

Еще выстрел позади - Кэролайн истратила последний патрон. Снова отчаянное ржание слева, но теперь оно сопровождалось яростными щелчками кнута. Я увидел, как из линии повозок, неровной с самого начала, а теперь расстроенной еще больше, выдвигается еще одна, причем не задом наперед, как наша, а нормальным образом. Брезент с нее был полностью сорван, торчали лишь голые ребра, и между ними я увидел Вудворта, который стоя нахлестывал лошадей, и еще нескольких человек, которые также стояли, стреляя в разные стороны. Над повозкой развевался на длинном шесте капитанский флажок.

- Майк! - заорал Вудворт, увидев меня. - Давай к нам, нам твои пушки пригодятся! - он махнул кнутовищем вперед, указывая, видимо, на матку. Очевидно, они надеялись прорваться к ней, но шансов у них было, прямо скажем, немного - лошади, продвинувшиеся было на корпус вперед, теперь, наоборот, ржали, мотали головами и пытались пятиться назад; никакой кнут не мог заставить их бежать прямо на тварей, окружавших их с трех сторон, которых люди в повозке едва успевали отстреливать.

- Я почти пустой! - крикнул я.

- У нас есть еще патроны!

- Нет, Чак, извини! - покачал головой я. Я не мог бросить Кэролайн, оставшуюся вообще безоружной (если не считать последнего патрона в ее "молнии", которую надо еще достать). И взять ее с собой на эту повозку тоже не мог - до нее, во-первых, надо было еще добежать через кишащих вокруг навозников, а потом она отправится (если отправится) туда, где их еще больше, а вокруг никого, кто мог бы прикрыть огнем. Слишком опасно - хотя, будь я один, я бы рискнул.

Вудворт не стал ни уговаривать меня, ни приказывать, ни ругать - вероятно, понял, что я боюсь не за себя, а если и нет, на все это не было времени. В следующий миг я разглядел, что к хвостам его лошадей привязаны какие-то влажные тряпки, и понял, каким образом он все же намерен заставить их двигаться навстречу ужасу и смерти вопреки всем лошадиным инстинктам. Влага была, очевидно, не водой, а светильным маслом - и да, в следующие секунды

Вудворт поджег эти лоскуты.

Эта идея сработала. Боль и страх от огня под собственной задницей оказались для коней сильнее, чем страх тварей и боль от кнута. И они, окончательно, видимо, обезумевшие от обрушившегося на них со всех сторон кошмара, помчались вперед. Прямо на тварей у них на пути, да. Замечу, что пара коней-тяжеловозов, запряженная в повозку с несколькими людьми и еще каким-то грузом, весят, вообще-то, совсем немало. Вполне достаточно, чтобы раздавить любого навозника (ну, кроме разве что матки). Собственно, если бы у лошадей каравана хватило ума и смелости не жаться беспомощно в кучу в ожидании, когда их придут резать, а атаковать врагов самим, тем более - при поддержке людей, стреляющих с повозок, они бы, пожалуй, растоптали всю стаю. Но где уж этим трусливым травоядным идти в бой или хотя бы помогать тем, кто сражается за них... Это не лихая кавалерия, это - мерины. Даже ради собственного спасения они способны действовать, только когда огонь припекает ихнюю задницу, да и то не всегда.

Однако мне было не до философских рассуждений и даже не до наблюдений за отчаянным рейдом Вудворта (сумеют ли они завалить матку оставшимися у них пулями, даже если прорвутся к ней? а что, если она сама ударится в бега при виде неожиданно перешедшей в контратаку дичи?). Я выпустил еще одну пулю, перебив просунувшуюся в прореху брезента ногу, в барабане осталось три. Надо все же достать топорик! Я метнулся к рюкзаку, лежавшему в задней части фургона. У меня ушло не больше пяти секунд, чтобы найти и вытащить его - но за это время сзади в нашу повозку весьма резво вскарабкался очередной навозник (не иначе как тоже использовавший труп товарища в качестве ступеньки). "Майк!" - крикнула Кэролайн, но я уже видел морду твари прямо рядом со мной. Топорик был у меня в правой руке (револьвер я переложил в левую, когда доставал его), и я скорее даже рефлекторно, чем осмысленно, рубанул по челюсти-клешне. Которая намеревалась уже, похоже, откусить мою руку, но я успел первым.

Клешня упала на пол, щелкая в агонии. Вторая сделала спазматическое движение, словно у человека, который пытается за что-то ухватиться, а находит лишь пустоту. Я тут же отрубил и ее тоже.

Навозник уставился на меня мутными черными шарами своих глаз. Ихние насекомьи морды, разумеется, лишены всякой мимики, но у меня было полное впечатление, что он смотрит на меня с недоумением и упреком - "да как же так? ты что наделал, идиот, как я тебя теперь есть буду?" Было очень забавно смотреть на хищника, лишенного своего оружия и ставшего теперь практически безобидным, хотя сам он этого все еще не понимал. Не было даже смысла его добивать (все равно сдохнет от голода), хотя надо было, конечно, как-то выпихнуть его из фургона. Однако прежде, чем я придумал, как изгнать эту тварь, которая, даже лишившись челюстей, оставалась сильнее и тяжелее нас с Кэролайн, вместе взятых, наши кони, очевидно, учуяли нового пассажира и ломанулись вперед, снова врезаясь в кучу, из которой тщетно пытались выбраться. От этого рывка я повалился прямо на навозника, который, впрочем, уже ничего не мог мне сделать - без челюстей-клешней его рот - просто дырка, неспособная кусаться.

И тут грохнул взрыв. Только теперь до меня дошел план Вудворта. Выходит, у него был с собой динамит! Не так много, чтобы перевзрывать всю стаю, но достаточно, чтобы разнести на куски матку - если до нее получится добраться.

У них получилось. Навозники шарахались с пути обезумевших коней, а какие не спешили это сделать, те получали пули и хрустели под тяжелыми копытами. Самый жуткий момент был, когда огонь с раздуваемых ветром тряпок на лошадиных хвостах перекинулся на козлы, угрожая взрывом всего фургона (во всяком случае, я думаю, что это был ветер, подхвативший куски горящих тряпок, хотя сам Вудворт позже уверял под хохот слушателей, что это была воспламенившаяся струя газа из правой лошадиной задницы) - но капитану удалось загасить огонь куском заранее уложенного на пол брезента. А вот матка никуда ретироваться не

пожелала, сочтя это, как видно, ниже своего достоинства - и, когда повозка проносилась мимо нее, трое парней бросили ей под ноги связки динамитных шашек с подожженными фитилями. Вопрос был, успеют ли они сами после этого умчаться на безопасное расстояние - и, надо сказать, мы узнали это не сразу, поскольку после взрыва видели только клубящуюся пыль. Зато участь матки стала понятна сразу по поведению ее подданных. Они сразу бросили все дела, включая недоеденных лошадей, и принялись лихо откусывать друг другу ноги и протыкать панцири. Даже наш "пассажир" выпрыгнул из фургона и побежал участвовать в битве за право стать самкой, хотя уж у него-то, понятно, не было никаких шансов (впрочем, если вдуматься - так он, по крайней мере, обеспечивал себе быструю смерть вместо долгой голодной агонии). Караванщики с интересом наблюдали за процессом и даже начали делать ставки, когда определились финалисты - ну а в итоге, понятное дело, побежали с лопатами и топорами добивать победителя, однако у того хватило ума умчаться прочь вглубь Пустошей (вероятно, после ухода каравана у него хватило ума и вернуться, поскольку вся его еда оставалась здесь).

Ну а потом, когда он уже окончательно скрылся из виду, со стороны Пустошей снова показалось несколько темных пятнышек, но это уже не была угроза. Это были возвращавшиеся с триумфом Вудворт сотоварищи. Ихние обезумевшие лошади с обгорелыми задницами (в придачу еще и оглушенные взрывом) мчались по прямой, не слушая никаких команд и вожжей, пока не загнали себя до смерти - но повозка выдержала эту сумасшедшую гонку и не развалилась. На ней все еще оставались полезные вещи, так что теперь нужно было выпрячь новых лошадей, чтобы прикатить ее.

К тому времени, как это было сделано, в караване уже подсчитали потери. Мы лишились семи лошадей (включая двух коней Вудворта), что означало, что придется бросить три фургона и, как минимум, максимально облегчить четвертый. Однако, поскольку мы были уже практически в одном дне пути до цели, это не было катастрофой - никакие товары бросать было не нужно, под раздачу попадали повозки, опустевшие после израсходования фуража, включая нашу. Среди людей потерь не было - так, по крайней мере, показалось на первый взгляд.

После того, как возвратившиеся герои дня приняли все поздравления и по три раза рассказали о своем доблестном рейде (тут же заслужившем почетное наименование Рейда Пылающих Задниц), я дождался, пока Вудворт скомандует: "Ну ладно, парни, а теперь давайте строиться обратно в походный порядок, мы еще не в Вестмарке!" и, когда толпа разошлась, подошел к нему.

- Шикарно покатались, Чак. Жалею, что не составил вам компанию, но я должен был защищать Кэролайн. Надеюсь, ты не в обиде.

- Да мне-то на что обижаться, - усмехнулся он. - Это ж ты упустил свой шанс стать героем, а не я. Не сможешь теперь рассказывать внукам про Рейд Пылающих Задниц.

- У меня не будет внуков.

- Ну, вот видишь - значит, вообще никто не пострадал, - он чуть помолчал и серьезным тоном добавил: - Как она? - сама Кэролайн стояла чуть поодаль, видимо, деликатно решив не мешать мне переговорить с Вудвортом наедине.

- Нормально. Отлично отстреливалась - мы ж тут тоже не бездельничали, сам понимаешь - но израсходовала все патроны. Собственно, поэтому я и не мог ее бросить, а вовсе не потому, что она какая-нибудь там слабая и беспомощная. Но и у меня самого осталось всего три штуки.

- Да, с патронами беда, - помрачнел Вудворт. - Теперь уже, наверно, на весь караван осталось всего несколько барабанов. Если бы нам не пришлось столько истратить в этой проклятой дельте, но кто ж знал...

- Кстати, а откуда взялся револьвер у Лев... то есть у Скиннера? Ты вообще в курсе про это?

- Конечно, я сам ему отдал револьвер Джасперса - того парня без ног, что застрелился. Он, то есть Скиннер, сам заявился ко мне под утро и сказал, что уже достаточно оправился и

хочет получить оружие, чтобы не быть бесполезной обузой.

Угу, подумал я, после двух смертей в караване он как-то резко пошел на поправку... или просто перестал притворяться больным?

- Ну, я и отдал ему эту пушку, на которую, по правде говоря, все равно никто не претендовал, - продолжал Вудворт. - Там калибр 40-й всего, под него у нас и в лучшие времена патронов не было, только те, что Джасперс сам с собой вез, ну и, кроме того, ты знаешь, многие не любят брать себе оружие, из которого застрелился прежний владелец, типа несчастье приносит. Хотя это глупое суеверие, конечно же - ну вот Скиннер не суеверный как раз...

- Вот тут ты понимаешь, что глупое суеверие, - не удержался я, - а в то, что Блуждающий город судьбу предсказывает, веришь.

- Так это же совсем другое дело! - ничуть не смутился Вудворт. - Блуждающий город - он не из нашего мира. Никто не знает, что это такое на самом деле, он какими угодно свойствами может обладать. Почему бы ему и судьбу не предсказывать? Тем паче вот, видишь, навозники на нас напали-таки - хорошо, конечно, что не погиб никто, но все равно приятного мало. Хорошо, коли на этом все неприятности и закончатся... А револьвер - он и есть револьвер, штука простая и понятная, обычными людьми сделанная. В нем никакой мистики быть не может. Так, значит, - вернулся к теме Вудворт, - Скиннер тоже по навозникам стрелял?

- Стрелял, - вынужден был признать я. - Не знаю, насколько метко, но что стрелял, я сам видел.

- Ну, хорошо, выходит, не зря мы все-таки его кормили, - усмехнулся Чак. - Хотя мы, понятно, его не как охранника взяли, просто нельзя же человека в Пустошах бросать, если он беспомощен. Даже злодея нельзя - пристрели, но не бросай на мучительную смерть...

- А ты уверен, что он не злодей? - не удержался я.

- А у тебя что - есть на него что-то? - прищурился Чак.

Что я мог ответить?

- Доказуемого ничего, просто не нравится он мне, - проворчал я.

- Он тут, по правде, многим не нравится, - признал Вудворт, понизив голос. - Ну да, слишком уж молчаливый и нелюдимый, но это ж не преступление, тем паче что он и слишком слаб после раны был, вот только сейчас оправился. Ты ж ведь сам за то, чтобы не суевериями руководствоваться, а фактами. А факты таковы, что он ничего дурного никому не сделал, наоборот вот, вместе со всеми караван защищал.

- Защищал, чтобы его самого не съели.

- Ну так и что - всякий, кто о своих интересах заботится, по-твоему, злодей? Я вот тоже караваны, знаешь ли, не бесплатно вожу. Да и тебе самому твоя Кэролайн за это путешествие платит, ведь так?

- Кстати, о нас с Кэролайн, - предпочел уклониться от ответа я. - Я так понимаю, наших лошадей теперь в другую повозку запрягут, а фургон тут бросят. Так, может, мы к тебе в гости напросимся? На эту ночь и вообще до конца пути.

- Да без проблем, - легко согласился Чак. - Сейчас вот парни мой фургон пригонят, и перетаскивайте шмотки.

- Кстати, у тебя там еще динамит остался?

- Да, еще три шашки приберег на всякий случай. Все-таки, мы еще не в Вестмарке.

- Он у тебя так все время в фургоне и хранился?

- Ну а ты думал, что было в том ящике, на котором ты сидел, когда мы вместе ужинали?

- Очень мило с твоей стороны сообщить мне об этом только сейчас, - усмехнулся я.

- Ну так а что бы с тобой случилось? Пока фитиль не подожжешь, ничего не будет, а в закрытом ящике огню взяться неоткуда.

Ну ладно, подумал я, главное, что этим динамитом не завладеет Левша. Ибо подорвать нас всех было бы для него, конечно, хорошим выходом, коль скоро незаметно влезть к нам в

фургон, особенно если в том же фургоне будет еще и Вудворт, у него не получится.

Повозку Левши - лошади которой погибли, хотя сам он остался невредим - тоже, понятное дело, бросили, а самого его согласился приютить на оставшиеся менее чем полтора дня тот самый кожевенник, который уже делал это однажды. Что меня тоже вполне устраивало - выходило, что и Левша тоже будет под присмотром все оставшееся время. Конечно, кожевенник не может запретить ему выйти посреди ночи, но вполне может обратить на это внимание.

Прежде, чем мы заняли место в повозке Вудворта (на которую уже снова натянули брезент), я должен был сказать ему еще кое-что важное, о чем я умолчал, когда рассказывал ему о наших приключениях раньше. Я поведал ему, из какого материала сшита торба Кэролайн, и чем была прежде ткань внутри нее, которую мы использовали в качестве палатки. Рассказал про воздушный шар с указанием примерных координат, где мы его нашли, и пересказал по памяти записку Дарвилля, кончавшуюся призывом обязательно уведомить о виденном им западные власти. "Саму записку мы с собой не взяли, поскольку опасались проблем, если в Хинтерзееланде кто-то найдет ее у нас, - заключил я. - Но ткань от шара с аркэндэйлским гербом докажет властям западных графств, что это не просто байка. Решай сам, безопасно ли брать эту ткань с собой в Хинтерзееланд, или лучше оставить ее тут? Они, скорее всего, не знают, что это такое, поскольку шар видели только издали, четыре года назад, и вообще, возможно, это были представители другого княжества..." "Хммм, - промычал Вудворт. - Ты мне, Майк, прямо задаешь одну задачку за другой! Думаю, лучше оставить всю эту ткань здесь, в вашем фургоне, и забрать на обратном пути. Никто ее здесь не тронет, тварям она не нужна. А если даже она и пропадет, я поручусь под присягой, что ее видел. Ты прав, история мерзкая, и дать о ней знать нашим надо... Но и что ты ни с кем в караване об этом не трепался, тоже прав. Торговцы - они торговцы и есть, им барыши всего важнее."

Помимо торбы и палатки, Кэролайн также рассталась и с "фронтиром", в котором все равно больше не было патронов (но его она, понятно, не выбросила, а отдала Вудворту), снова повесив себе на пояс "молнию", в которой оставался хотя бы один. Наконец после того, как лишние повозки были оставлены, необходимые вещи перегружены, а лошади перепряжены, накормлены и более-менее успокоились, караван продолжил путь. До заката мы ехали уже без всяких приключений, и только когда мы встали на ночлег, обнаружилось, что без потерь у нас все же не обошлось.

Повозка, которая использовалась как лазарет для лежачих больных, оказалась пуста. Ее последний пациент, тот, что с лихорадкой, исчез. Как выяснилось, во время боя кто-то даже видел, как он вылез из своей повозки и вместе со всеми стрелял по навозникам, ну а потом, как видно, его сознание снова помутилось, и он убрел куда-то в Пустоши. Никто этого не заметил - всем было не до этого. Теперь, понятное дело, поворачивать назад и искать его никто не собирался - да и, скорее всего, никакого смысла в этом уже не было. Человека в Пустошах не бросают, когда он рядом, и ему можно реально помочь (хотя бы и милосердной последней пулей), а не когда его надо искать неизвестно где.

Наша с Кэролайн последняя ночь в пути прошла, можно сказать, весело. Мы сидели за бесконечно затянувшимся ужином с Вудвортом, вспоминали былые времена и травили бэдлэндерские байки - то есть вспоминали и травили, понятно, мы с Чаком, а Кэролайн слушала и хихикала в нужных местах. Один раз Вудворт, забывшись, рассказал непристойный анекдот - и тут же, спохватившись, смущенно покраснел - зрелище, которого я не видел ни разу за двадцать лет нашего с ним знакомства! Кэролайн нашла блестящий выход из положения, сказав, что она не поняла некоторых терминов, поскольку она физик и химик, а биология - не ее область. В общем, беседа продолжалась далеко заполночь, снаружи горел костер, у которого сидела пара караульных (время от времени по очереди обходивших лагерь), внутри - фонарь (поставленный, однако, так, чтобы не отбрасывать наши тени на брезентовые стены удобным для стрелка снаружи образом), и все наглядно свидетельствовало, что из попыток покушения на нас в эту

ночь ничего не выйдет. Никто их и не предпринял, даже когда Вудворт, несмотря на наши подначки, все же улегся спать и погасил фонарь. Утром мы двинулись дальше, и в четвертом часу пополудни уже без всяких происшествий достигли, наконец, входа в ущелье, ведущее сквозь сплошную толщу Черного Хребта.

До Вестмарка оставалось еще три мили пути через это ущелье, но первый форпост Хинтерзееланда мы увидели уже здесь. Вход в ущелье охраняли две каменные башни с бойницами, и каждую из башен венчал мощный прожектор. Поскольку солнце еще не зашло, прожектора были погашены, но впечатлял уже даже ихний размер - они были не меньше двух ярдов в диаметре. Кэролайн сказала, что в эпоху магов, когда люди еще плавали по морям, похожие устанавливали на маяках - но ихний свет питала магия, а здешний, очевидно, электричество. После того, как мы благополучно миновали сторожевые башни (никто оттуда не попытался остановить торговый караван, и неясно было вообще, есть ли там кто-то живой - хотя я не сомневался, что оттуда за нами тщательно наблюдают и, возможно, уже телеграфировали о нашем прибытии), внутри ущелья мы увидели толстые кабели, тянувшиеся вдоль почти отвесных стен. Что примечательно - восемь лет назад, когда я сам ходил с караваном в последний раз, ничего этого еще не было, ни проводов и ламп, ни самих башен.

Ущелье было узким и мрачным, особенно в предзакатную уже пору, когда в него уже не заглядывало солнце, и наводило на какие угодно мысли (например - об идеальной ловушке, где легко запереть любого неприятеля, будь то пустошные твари или кто еще), но только не на мысли о гостеприимстве. Впрочем, в этом никак нельзя было упрекнуть хинтерзееландские власти, ибо ни Хребет, ни ущелье уж никак не были ихним детищем. Но вот, наконец, проехав и эти три мили в полумраке между угрюмыми, словно бы давящими каменными стенами, мы достигли высоченных, не меньше десяти ярдов, ворот, перекрывавших выход из ущелья. Здесь нам уже пришлось остановиться. Казалось, из таких ворот может выйти только великан, от голоса которого задрожат горы. Но нет, из маленькой калитки в гигантской створке вышел невысокий немолодой чиновник в сером мундире и серой фуражке, поднялся в фургон Вудворта, осмотрел предъявленные ему бумаги (подтверждавшие, что караванщики являются полномочными торговыми представителями нескольких компаний Запада), спросил, есть ли в караване инфекционные больные, получил уже честный отрицательный ответ и вернулся в свою калитку. Через пару минут ворота медленно отворились, и мы въехали на территорию фактории.

Фактория находится уже по ту сторону Хребта, но, по сути это еще не Вестмарк. Это большая крепость, обнесенная стеной, задача которой - не не впускать внутрь, а не выпускать наружу. На территории фактории имеются достаточно комфортные жилые помещения и стойла для лошадей - то есть нет нужды становиться лагерем под открытым небом и жить в повозках - однако, чтобы выйти из нее на территорию Вестмарка, чужестранцу требуется испросить и получить специальное разрешение. Которого обычные торговцы, не говоря уже об охранниках, обыкновенно не получают - хотя оно им и не нужно, если, по крайней мере, исходить из интересов бизнеса, а не простого любопытства. Все дела с местными коммерсантами ведутся на территории фактории.

При этом, с одной стороны, фактория уже считается территорией Хинтерзееланда и подчиняется его законам. То есть, к примеру, убийство и любое иное преступление, совершенное в фактории, подлежит хинтерзееландскому суду. С другой стороны, никаких постоянных представителей хинтерзееландской власти на территории фактории нет. То есть днем сюда приходят охранники и чиновники, следящие за физическим и юридическим порядком при заключении сделок с местными торговцами, а также обслуживающий персонал, обеспечивающий приезжих (понятно, согласно прейскуранту) продовольствием, топливом и даже чистым бельем в номерах. Однако с окончанием рабочего дня все они уходят, и до начала следующего гости предоставлены сами себе. Если за это время совершится преступление, разбираться с ним вестмаркские власти начнут только утром. Может ли убийца за это время

сбежать обратно в Пустоши? Теоретически нет, ворота в ущелье на ночь закрываются. Однако, если до утра его преступление не будет обнаружено самими караванщиками и они не обратятся к местным властям, утром он сможет спокойно уйти через ту самую калитку, и посылать за ним погоню потом никто уже не будет.

У меня еще была надежда, что мы с Кэролайн успеем подать заявления на пропуск в город до конца ихнего рабочего дня, но увы. Когда мы подошли к заветной двери в восточной стене фактории, она была заперта. Застекленная табличка возвещала: "Прием прошений на допуск на территорию Хинтерзееланда с 8:00 до 17:00." По моим часам (которые я регулярно заводил на всем нашем пути и на точность которых никогда не жаловался) было без восьми пять, но на мой требовательный стук никто не реагировал.

- У них тут время на час позже, - сказала Кэролайн.

- Точно! - хлопнул себя по лбу под шляпой я. - Совсем забыл, восемь лет тут не был - и в тот раз мне не нужно было внутрь... или наружу, с какой стороны смотреть...

Выходило, что нам все же придется провести ночь на территории фактории, где у Левши все еще будет последний шанс. И оставалось только сделать все, чтобы этот шанс минимизировать.

Понятно, что снова напроситься прямо в номер, где разместился Вудворт, мы не могли, но мы вовремя подсуетились занять соседний. Точнее, вышло даже еще лучше - в этот номер уже заселялся наш знакомый шмуртерсфордец, но мы попросили его поменяться с нами местами, так что теперь мы точно могли быть уверены, что ни одним из наших соседей не окажется Левша. Платить нам было нечем, но прямо сейчас это и не требовалось (да и некому было - рабочий день кончился, на территории фактории не было никого из местных) - общий счет подавался капитану и оплачивался при выписке. Я, разумеется, собирался честно расплатиться с Вудвортом (за это и не только за это), оставив ему чек моего банка в Аркэндэйле. Некоторые думают, что бэдлэндеры - это простые парни, не доверяющие банкам (особенно потому, что мы регулярно имеем дело с бандитами, которые эти банки грабят), но это не так. Когда проводишь бóльшую часть времени в Пустошах, а дома у тебя при этом нет никого, хранить деньги в виде наличных под матрасом не слишком разумно. В банке, при всех связанных с ними рисках, все-таки надежнее. Плюс, удобно расплачиваться таким вот способом, когда ты далеко от дома и не имеешь при себе наличных (а таскать их с собой в Пустоши - тоже изрядная глупость).

Так что я направился к Вудворту, рассудив, что в этот еще ранний час, когда никто из караванщиков не спит, а, напротив, многие празднуют окончание трудного пути, Левша не будет предпринимать никаких попыток, отложив их до глубокой ночи, так что я могу на несколько минут оставить Кэролайн одну. Все же на всякий случай я отдал ей свой заряженный тремя патронами "дракон", впервые за невесть какое время оставшись вообще безоружным - и это было ужасно неприятное ощущение, хуже, чем выйти голым на улицу. То есть, конечно, для вида у меня на поясе висел второй "дракон", но он был пустой. Ну ладно, идти всего-то в соседнюю комнату...

"Войдите!" - откликнулся Вудворт на мой стук. Открыв дверь, я увидел его сидящим за столом с ручкой в руке; он заполнял какие-то бланки, которые, очевидно, наутро следовало вручить местным чиновникам. Эх, Чак, где твои бэдлэндерские времена, когда ты был свободен от всей этой бюрократии... и не скажу ли я очень скоро то же самое себе, м-да.

- А, это ты, Майк. Как устроились?

- Нормально, - на сей раз я не был расположен к долгим беседам. - Чак, сколько я тебе должен? За место в караване и вообще за все хлопоты. Давай я выпишу чек.

- Да брось, Майк, какие долги? - отмахнулся он. - Ты ж не завтра помирать собрался? ("Очень надеюсь, что нет", - подумал я.) - Ты уже, почитай, отработал охранником вчера, а на обратном пути заработаешь куда больше.

- Обратного пути не будет, Чак, - покачал головой я.

- В смысле? - он недоумевающе уставился на меня. - Ты что, хочешь сказать, что остаешься в Хинтерзееланде?

- Именно так. Извини, конечно, если ты рассчитывал на мои стволы. Только я и делаю, что подвожу тебя в эту нашу встречу, но так уж оно вышло. Охранника вот и то тебе грохнул, а нового взять негде, местного-то не наймешь. Но сам занять его место не могу. Потому и говорю - давай компенсирую все издержки хотя бы так, - я вытащил из кармана бланк чека.

- Да на хрена мне твой чек! - возмущенно фыркнул Вудворт. - Он что - стрелять умеет? Что ты вообще забыл в этом хре́новом Хинтерзееланде?

- Кэролайн, - честно ответил я.

- А, - неожиданно смягчился он, - понимаю. Стало быть, все-таки не "чистый бизнес, ничего личного?" В итоге оно и тебя накрыло, а, Майк? А я уж думал, ты и правда непробиваемый. Хорошо хоть пари не держал, а то продул бы.

- Да ничего ты не понимаешь! - рассердился уже я. - Это совсем не то, что ты думаешь. *То* мне и правда на хрен не нужно. Кэролайн мне как дочь. Или как младшая сестренка - младшая только по возрасту, а не по уму. Хотя, на самом деле, даже лучше, потому что у нас родство не по крови, а по духу, - вот не люблю я пафосных слов, а как тут еще скажешь?

- Так тебе раньше ни дочь, ни сестра тоже на хрен не нужны были, - усмехнулся он. - Знаешь, как про тебя одна девчонка говорила? Ты ее, небось, не помнишь, подавальщицей в салуне работала, ты никогда на нее внимания не обращал... Вот она говорила: "У Честера и в сердце - Пустоши."

- В Пустошах постоянно что-нибудь меняется, - усмехнулся я в ответ. - Только не надо вот этого пафоса, сердце там и все такое. Кэролайн сейчас бы быстро тебе объяснила, что сердце - это насос для перекачки крови, и чувств в нем не больше, чем в любом другом насосе. Да и я их столько на своем веку дырявил, человеческих и не только - ничего там нет, кроме мяса и крови. Кстати, знаешь, почему кровь красная, а когда высохнет, на ржавчину похожа? Потому что в ней то же самое железо, это мне Кэролайн объяснила. Вот ведь забавно, кровь считают символом чувств, "горячая кровь" и все такое, а железо - холодной твердости и бесстрастности. А на самом-то деле это одно и то же. Поэты - идиоты, я всегда это говорил.

- Так что ты - с бэдлэндерством завязать решил?

- Ну, ежели здесь у них своих бэдлэндеров нет, то, выходит, так. Надо же когда-нибудь это сделать. Староват я уже становлюсь для всех этих приключений.

- Я вот тоже, как в отставку выйду, семьей обзаведусь, - мечтательно произнес Вудворт. - Сейчас-то нельзя, я ж дома не бываю почти. Пока туда, пока обратно, пока еще здесь торговцы все свои дела обделают - девять-десять месяцев в самом лучшем случае. А если так, как в этот поход, так и вообще не знаю, когда домой теперь вернусь, с Канавой этой проклятой. Больше года уж точно пройдет с тех пор, как отбыл. Непонятно, что теперь вообще с караванной торговлей будет, без переправы нормальной. Вот, может, сама Судьба мне знак посылает, что завязывать пора...

- Не поздновато жениться надумал, Чак? - усмехнулся я. Мне было вполне ясно, что уж он-то мечтает вовсе не о "сестре".

- Так я ж за молоденькими гоняться не собираюсь, - возразил он. - Мне бы к какой-нибудь сдобной вдовушке под теплый бок...

- Переправу как-нибудь наведут, - раздумчиво произнес я. - А потом и вовсе проложат через Пустоши чугунную дорогу. И все мы станем не нужны - что бэдлэндеры, что караванщики... Ладно, Чак, сделаем так, - я взял отложенную им ручку и принялся писать на листке. - Ты берешь эту бумажку и ждешь год. Если за это время я за ней не приду и не пришлю тебе письма с оказией, ты пустишь ее в ход. Это чек на все деньги, какие у меня есть. Половина тебе, половина сиротскому приюту в Аркэндэйле.

- Майк? - он уставился на меня. - Ты хорошо подумал?

На самом деле, я еще не знал, что поступлю так, когда входил в эту комнату, но теперь я ответил:

- Хорошо. Потому и говорю тебе - жди год. Я и дату поставил на год вперед, так что пока этот чек недействителен. А если за год отбоя не дождешься, значит, мне эти деньги уже не понадобятся, и надо же кому-то их отдать.

- Надеюсь, ты не имеешь в виду, что через год тебя не будет в живых?

- Я тоже на это надеюсь, - усмехнулся я. - И кстати, об этом. Нам с Кэролайн нужна охрана на эту ночь. Не от придурков типа Дага. Серьезнее. Попроси своих парней понадежнее присмотреть, чтобы к нам никто не влез ни через дверь, ни через окно, ни через дымоход. Издержки, считай, я уже оплатил.

- Ты кого-то подозреваешь? - понял Вудворт (ну понятно, кто бы не понял на его месте) и после крохотной паузы добавил: - Скиннера?

- Да, - ответил я. Какого хрена, мы теперь не на нейтральной территории Пустошей, а под защитой законов Хинтерзееланда (во всяком случае, формально), и никакие холинбрукцы с ихними наградами и охотами нам не указ!

- У тебя все же есть веские причины? Ты мне что-то про него недоговаривал?

- Это я стрелял ему в голову на Канаве.

Чак присвистнул, но сказал вовсе не то, что я ожидал:

- Никогда бы не подумал, что кто-то может выжить после твоего выстрела.

- Говорю же - старею, - усмехнулся я.

- Ну а все-таки - что он сделал?

- Его наняли для убийства Кэролайн. Собственно, поэтому ей пришлось бежать с Запада. Но он идет по нашему следу через все Пустоши. Я пытался убить его несколько раз, но, как видишь...

- Кому могло понадобиться убивать девушку?

- Плохим парням, - пожал плечами я. Вдаваться в подробности мне все же не хотелось. Я уже не сомневался, что Вудворт не предаст меня из-за награды - в конце концов, я предложил ему больше! - но если у него закрадется подозрение, что Кэролайн может быть *действительно* связана с магией... - Дело, очевидно, в наследии ее отца, - добавил я - и в общем-то не соврал, но Чак, очевидно, понял меня так, что кто-то хочет завладеть ее денежным наследством, и понимающе кивнул.

- Сделаем так, - сказал он. - Убивать мы его, конечно, не будем, нам не нужны проблемы с местными властями, а спрятать труп на территории фактории довольно сложно. Мои парни просто найдут его, свяжут, заткнут рот и запрут. После того, как вы уйдете в свой Хинтерзееланд - выпустят. Если он вздумает жаловаться местным - будут делать морду чайником и говорить, что не понимают, о чем речь. Да местные и не станут ввязываться. Никто не убит и даже не покалечен - нет состава преступления. Максимум кто-то над кем-то неудачно пошутил...

- Да, - тут же согласился я, - отличная идея.

На этом я вернулся к Кэролайн (она сидела в кресле с револьвером в руке, но с ней все было в порядке) и сообщил ей, что договорился с Вудвортом - на эту ночь о нашей безопасности позаботятся.

Мы поужинали (пока что консервами из караванных запасов - для того, чтобы отведать местные блюда, надо было прибыть до окончания рабочего дня), но спать, понятное дело, не ложились - было еще слишком рано, а главное, я ждал сообщения от Вудворта, что угроза нейтрализована. Наконец - намного позже, чем я ожидал - он постучал и сказал пароль, о котором мы условились. Когда я открыл, вид у него был смущенный.

- Короче, парни все тут перерыли, но так его и не нашли, - сообщил он. - Кожевенник не видел, куда он пошел, когда покинул его фургон. И никто не видел, где он остановился. Но тут,

вообще-то, полно различных помещений. Жилые, служебные, комнаты для переговоров торговцев, стойла, склады. Некоторые из них на ночь запираются, и мы не можем их взламывать, сам понимаешь, местным это не понравится. А если он, допустим, сумел незаметно вскрыть замок...

- Фургоны наши проверили? - спросил я.

- Да, конечно.

- А колодец?

- Да мы ж оттуда всем караваном воду брали. И если туда и спуститься, то как без веревки обратно вылезти? Да и не просидишь там долго, вода-то ледяная.

Я уже ни в чем не был уверен относительно этого типа.

- Уж если он Канаву пережил, то и колодец как-нибудь может, - проворчал я.

- Да не вылезти оттуда без посторонней помощи, говорю же.

- Может, он кому-то что-то посулил за такую помощь.

- Ну, сам понимаешь - я не могу допрашивать с пристрастием всех людей в караване, - произнес Вудворт уже с раздражением. - И разнести тут все по кирпичикам, разыскивая его, тоже не могу. Где-то он прячется, это ясно - вылезти с фактории он не мог, сам видел, какие тут стены. Но вы не волнуйтесь. Ребята наблюдают за вашим номером и из коридора, и с улицы. Я даже на крышу пару парней отправил. Пришлось, конечно, пообещать им хорошие сверхурочные, потому что вообще-то они наняты только для работы в Пустошах, а мы уже не в них - но чего не сделаешь для друга.

Особенно пообещавшего тебе половину своего состояния, подумал я. Хотя, вообще-то, чек уже у Вудворта в кармане, и в случае моей смерти он все равно через год получит эти деньги. Надо было мне ограничиться лишь словесным обещанием, а чек ему выписать только утром, протупил я, переиграл в благородство... Хотя Чак, похоже, все-таки честно старается нас защитить. Все же он неплохой парень.

- В общем, где бы он ни прятался - к вам он подобраться не сможет, - заключил Вудворт. - Ни с какой стороны, даже из сортира. У них тут, видел уже, наверно, как все цивилизованно - не дырки в полу, а ватерклозеты.

- Он может попытаться устроить пожар, - предположил я, - а когда мы выскочим...

- Тогда сюда точно прибудут местные и все тут перевернут. Это, пожалуй, единственный случай, когда они начнут действовать, не дожидаясь утра - тут не просто какие-то пострадавшие чужестранцы, тут ущерб ихней собственности. Вряд ли ему нужен такой шухер. Но отправлю еще пару парней присматривать за кухней на всякий случай.

- Ладно, Чак, спасибо тебе и твоим парням, - кивнул я.

И все же, несмотря на все его заверения - и на парней, которых я сам видел в коридоре и на улице - я не чувствовал себя окончательно успокоенным, и хотя и заверил Кэролайн, что мы в безопасности, сам всю ночь не сомкнул глаз, сидя с зажженной лампой и револьвером. Но принятых мер оказалось и впрямь вполне достаточно. Проходить сквозь стены Левша явно не умел.

Рано утром мы с Кэролайн в последний раз заглянули к Вудворту засвидетельствовать, что мы в порядке, еще раз поблагодарить и попрощаться.

- И вот еще что, - сказал я, вручая ему стопку бумажных квадратов от моей ветхой карты. - Здесь пометки и исправления, которые я делал в пути. Передай картографам.

- Сам, значит, уже не передашь? И не воспользуешься?

Я лишь молча улыбнулся.

- Мы еще когда-нибудь увидимся, а, Майк? - спросил он.

- По ту сторону Пустошей, видимо, уже нет, - честно ответил я. - Но по эту - может быть, если ты снова придешь с караваном.

- Мы будем жить не в Вестмарке, а в Нойбурге, - напомнила Кэролайн извиняющимся

тоном. - Университет там.

- Ну, значит, больше никогда, - понимающе кивнул Чак. - Нойбург в семидесяти милях отсюда. Вы-то, конечно, сюда уже не приедете, а меня дальше фактории не пустят... Ну ладно, чего уж там. У каждого своя дорога. Успехов вам тут на чужбине.

- И тебе успехов с твоей вдовушкой, - ответил я и тут сообразил, что ляпнул. - То есть, я имел в виду - с будущей твоей вдовушкой... - тьфу ты, еще хуже! - В смысле, чтоб вы оба жили долго и счастливо!

Ровно в восемь утра мы с Кэролайн снова были у двери в задней стене фактории. На сей раз она была открыта; за ней стоял охранник, который спросил с акцентом: "Прошение на допуск?" и, получив утвердительный ответ, пропустил нас. Я не думал, что Левша станет стрелять в нас при свете дня посреди двора, и все же, только когда дверь закрылась у нас за спиной, я почувствовал себя в безопасности. Кэролайн так и не пришлось истратить свой последний патрон в последний миг, как непременно случилось бы в уже не раз упомянутых книжках, да и мои три остались при мне. Впрочем, на самом деле, даже и теперь окончательно расслабляться рано...

Пройдя по короткому коридору без окон, мы оказались в квадратном "предбаннике", где стояло несколько стульев, а на двери красовалась надпись "ВХОДИТЕ", перед которой было окошко с пустой металлической табличкой. Я догадался, что при необходимости она сдвигается, и в окошке появляются буквы "НЕ". Но сейчас там было пусто, так что мы вошли.

Мы оказались в кабинете без окон, освещенном, как и коридор, электрическими лампами. Здесь было еще три двери. Ближайшая слева от нас, видимо, служила для входа из некоего коридора, перпендикулярного тому, по которому пришли мы. За широким угловым металлическим столом, похожим на прилавок и отгораживавшим от посетителей бóльшую часть кабинета, сидел лысеющий клерк самого бесцветного вида. В стене позади него было еще две двери, возле левого и правого углов. Единственный проход, оставляемый столом, вел к левой. Через правую, видимо, входил и выходил из кабинета его хозяин.

- По одному, - сказал он голосом столь же бесцветным, если не считать акцента.

- Я хочу сделать официальное заявление, - сказал я. - Нас преследуют. Один из людей, прибывших с караваном, угрожает нам. Поэтому я не могу оставить эту девушку одну без моей защиты.

Я ожидал услышать в ответ тупое бюрократическое "не положено", но клерк бросил на Кэролайн мимолетный взгляд и переспросил меня таким тоном, словно из всех моих слов до него дошло только последнее:

- Вы защитник[65]?

- Да, - ответил я, как для идиота.

Клерк опустил руку под стол с таким видом, словно собирался достать оттуда револьвер. Но он, видимо, нажал там какую-то кнопку, и позади нас в двери что-то щелкнуло - я понадеялся, не только табличка, но и замок.

- Хорошо, - сказал клерк. - Подопечный может подождать здесь. Огнестрельное оружие при себе имеете?

Отрицать наличие висящих у нас на поясах револьверов было бы глупо.

- Ношение оружия в пределах городской черты запрещено. - проинформировал клерк и поставил на стол металлический ящик. - Сложите его сюда. Не вынимая из кобур.

- Нам его вернут? - мрачно осведомился я.

- Позже.

Мы повиновались и получили расписку ("№342/W. Принято на хранение: Револьвер "Хольт Дракон" 44 кал. - 2 шт. Револьвер "Хольт Молния" 36 кал. - 2 шт. Патроны 44 кал. - 3 шт.

---

[65] В оригинале guardian - это слово означает и "охранник, защитник", и "опекун".

Патроны 36 кал. - 1 шт. Кобура револьверная - 4 шт."), после чего клерк запер ящик и с видимым усилием (четыре револьвера весят не так уж мало) убрал его обратно в стол. Затем положил передо мной (игнорируя Кэролайн) еще какую-то бумагу более крупного размера и привязанную длинным шнуром ручку:

- Заполняйте анкету.

- Вы должны немедленно телеграфировать ректору Нойбургского университета Драттендорфу, что здесь дочь и ассистент доктора Кэрри из Холинбрука, - решительно подала голос Кэролайн. Я осознал, что впервые услышал ее фамилию, которой мне доселе как-то не приходило в голову интересоваться. Кэролайн Кэрри, значит. Звучит неплохо.

Клерк впервые взглянул на нее с интересом.

- Дочь? - недоверчиво повторил он. Похоже, до сих пор он считал ее парнем, несмотря даже на то, что я назвал ее девушкой. Не иначе, принял мое "girl" за "guy", предпочитая верить не собственным глазам и ушам, а тому непреложному факту, что доселе ни одна женщина не пересекала Пустоши.

- Да, - нетерпеливо повторила она, - дочь и ассистент доктора Кэрри.

- Этот человек, - клерк указал на меня, - ваш опекун?

- Да... то есть нет, - сообразила она (и я вместе с ней), что он имел в виду. - Он мой... я просто наняла его для охраны и сопровождения.

- Вы совершеннолетняя? - уточнил клерк.

- Да.

- Дееспособная?

- Да.

- Это правда? - он повернулся ко мне.

- Да, - ответил я, надеясь, что теперь он не выставит одного из нас за дверь без оружия навстречу Левше.

Но он лишь отобрал у меня еще чистый бланк и передвинул его вместе с ручкой в сторону Кэролайн:

- Заполняйте анкету.

- Дайте мне второй бланк, - попросил я. - Быстрее получится.

- Ручка одна, - пояснил клерк.

Я сомневался, что в ящиках его грандиозного стола не найдется другой ручки, но, видимо, визитерам полагалась только эта - привязанная. А то еще утащат с собой казенное имущество аж на целых десять центов (или какие у них тут деньги), а ему, клерку, отвечать.

- Вы поняли, что я сказала? - настаивала Кэролайн. - Да, я заполню анкету, но вы не теряйте времени, велите отправить телеграмму прямо сейчас! Это вопрос исключительной важности!

- Заполняйте анкету, - равнодушно повторил клерк.

Кэролайн принялась писать. Мне оставалось только ждать, исподволь разглядывая клерка. Чем он тут занимается, интересно? Караваны приходят два раза в год. Да и то, как правило, караванщики и здешние торговцы ведут свой бизнес на территории фактории, не заходя внутрь города. Чем занят клерк все остальное время? Ну, допустим, в Хинтерзееланд приезжают еще из Шарлонии и из Аустерии - но неужто через Вестмарк, со стороны Пустошей, а не через города на северной и южной границах? Из Аустерии так и вовсе прямого выхода в Пустоши нет...

- Что выбрать в графе "цель визита" - "бизнес" или "убежище"? - спросила Кэролайн. - У нас, вообще-то, и то, и то.

- Что хотите, - ответил клерк. - Бизнес требует доказательства, что вы не можете вести его на территории фактории, а вопросы, связанные с предоставлением постоянного вида на жительство, решаются дольше. Но если за вас готов поручиться ректор столичного

университета, у вас не должно быть проблем, - он чуть помолчал и снизошел до неформального совета: - Главное, не пишите "туризм", иначе вам откажут.

- Тогда зачем в списке имеется вариант "туризм"? - возмутилась Кэролайн.

- Для того, чтобы можно было сразу отказать прибывающим с такой целью, - по-своему логично ответил клерк.

- Отметь "убежище", - посоветовал я.

- Если вы не опекун, вы не должны говорить другому, что писать в анкете, - строго сказал клерк.

- Просто чтобы наши анкеты выглядели одинаково, и их не разбирали разные отделы, - ответил я. Уж как ни мало я имел в своей бэдлэндерской жизни дел с бюрократами, а это сообразил.

- Вы - нанятый охранник, следовательно, для вас это бизнес, - заметил клерк.

- Однако, защищая свою клиентку, я... вступил в конфликт с властями Холинбрука и теперь тоже вынужден просить убежища.

На это клерк возражать не стал. Кэролайн продолжила писать и, наконец, придвинула ему заполненную анкету:

- Теперь вы, наконец, отправите телеграмму?

- Отправим после того, как вы пройдете тест.

- Какой тест?

- Вы только что подписались под своим согласием пройти тест, - он постучал пальцем по последнему пункту на бумаге.

- А, да, - легко согласилась девушка.

Клерк снова чем-то щелкнул под столом.

- В ту дверь по лестнице до конца, - указал он на дверь в левом дальнем углу, к которой вел проход. - Аккуратно и точно выполняйте указания тестирующего сотрудника, это для вашей же безопасности.

Такая ремарка мне не понравилась.

- Мы можем пройти тест вместе? - спросил я.

- По одному, - он придвинул мне чистый бланк. - Заполняйте анкету.

Я принялся заполнять графы. Фамилия, имя, год и место рождения - ну, понятные дела. Обводя "М" в графе "пол", я с усмешкой отметил, что анкета все же предусматривала и вариант "Ж". Дальше попадалось кое-что более любопытное. Например, "Имеете ли при себе предметы искусственного происхождения или живые организмы (включая растения), найденные в Пустошах?" Инстинкт подсказал мне тут же отметить "нет", но я все же спросил клерка, к чему этот вопрос.

- По закону Хинтерзеелянда, все объекты, найденные в Пустошах, подлежат сдаче государству, - пояснил тот. - Нашедшему причитается четвертая часть их стоимости, определенной оценочной комиссией.

- Нет, - заверил я, глядя на него честными глазами, - у меня только личные вещи, взятые из Холинбрука, мои и Кэролайн.

Был там также пункт "Перечислите, какими физическими и психическими заболеваниями вы страдаете или страдали в течение последних 10 лет".

- Насморк считается? - спросил я с усмешкой.

- Когда он у вас был? - серьезно спросил клерк.

- Ну, года три назад.

- Тогда можете не писать, - разрешил клерк, а затем, видимо все-таки не желая, чтобы он и его ведомство выглядели идиотами в моих глазах, пояснил: - Иногда то, что начинается как простуда, оказывается гораздо более серьезным заболеванием, опасным для окружающих. Например, кашель может быть симптомом туберкулеза. Но три года - это достаточный срок,

чтобы не беспокоиться.

Я подумал, что упомянутый им тест означает врачебный осмотр (что меня совершенно не пугало), и двинулся по пунктам дальше. Отметив, что я не страдаю зависимостью от наркотических веществ, включая, но не ограничиваясь, алкоголь, опиум, морфий, гашиш (нужное подчеркнуть, недостающее вписать), не имею душевнобольных среди ближайших родственников (родители, братья и сестры), не являюсь гомосексуалистом (мне пришлось уточнить, что это такое - у нас это обычно называют более простым словом) и не привлекался к ответственности за преступления сексуального характера, и заверив в своей готовности выполнять законы и правила Хинтерзееланда и законные требования представителей его властей, я, наконец, добрался до последней графы: "Сим подтверждаю, что не имею магических способностей и согласен пройти соответствующую проверку. Об ответственности за сообщение ложных сведений предупрежден. Число, подпись."

Число я помнил, поскольку накануне датировал чек Вудворту 20 ноября 54 - значит, сегодня 21... я чуть было на автомате не написал "54", но вовремя спохватился. 53, конечно.

- Вы в чем-то не уверены? - спросил клерк, который, очевидно, несмотря на весь свой равнодушно-скучающий вид, бдительно следил за мной.

- Вспоминаю, какое сегодня число.

- 21 ноября.

- Да, уже вспомнил, - я поставил дату и размашисто расписался.

Честно говоря, ставя подпись, я все же почувствовал некий холодок. Конечно, в наше время любой уверен, что никаких магических способностей у него нет, и у меня лично никогда не было повода в этом усомниться. Ну, конечно, иногда случались удивительные везения, но у кого их не бывало. И все-таки говорят, что в некоторых случаях человек может иметь магический потенциал, даже не догадываясь об этом. А еще больше, чем за себя, я беспокоился за Кэролайн. Эта упорная охота КОБовцев, этот Левша, каким-то образом раз за разом находивший ее в Пустошах - что, если за этим, возможно, даже неведомо для нее самой, все-таки кроется нечто большее, чем простое суеверие? И главное - что из себя представляет эта самая проверка? Может быть, тут тоже будут искать "метку ведьмы" или действовать иными столь же "научными" методами? О чем Кэролайн просто не догадывалась, поскольку в переписке ее отца со здешним ректором попросту не всплывала подобная тема. Но проверку проводит совсем другое ведомство, а ректору дадут знать о Кэролайн только в случае успешного прохождения таковой...

- В ту дверь по лестнице до конца, - сказал клерк, принимая от меня анкету. - Аккуратно и точно выполняйте указания тестирующего сотрудника, это для вашей же безопасности.

- Могу я узнать, Кэролайн уже прошла тест?

- Тестирование завершено. Оно занимает всего несколько секунд. А каким был результат, вопрос не моей компетенции.

- А что происходит с теми, кто не прошел?

Клерк, похоже, намеревался повторить "в ту дверь!", но затем все же снизошел до ответа:

- Их депортируют.

- Куда?

- В Пустоши.

- Если это случится с Кэролайн, могу я попросить, чтобы меня депортировали вместе с ней? В этом случае мне даже не надо проходить тест самому, не так ли?

- У нее есть магические способности?

- Нет, конечно, но мало ли...

- В таком случае, вам не о чем беспокоиться. В ту дверь до конца.

За дверью оказался еще один коридор без окон и без каких-либо новых дверей и ответвлений, но при этом зачем-то дважды поворачивавший, а затем упиравшийся в лестницу,

которая привела меня на второй (по-видимому) этаж и, в свою очередь, уперлась в единственную дверь уже там. Войдя, я оказался в квадратной комнате (само собой, снова без окон), откуда вело два выхода - прямо и налево. Понятное дело, никаких следов Кэролайн там уже не было. Справа, боком ко мне, возвышался какой-то агрегат - насколько я мог разглядеть в таком ракурсе, он представлял собой кресло, установленное между двумя большими прямоугольными металлическими ящиками (над ними я видел только самый верх кресла - подголовник, из которого выходили половинки разомкнутого металлического обруча с круглыми пластинами на концах). Еще выше, над подголовником, был закреплен какой-то большой круглый прибор наподобие манометра огромного котла (опять-таки, сбоку я не видел его циферблат). Из правой стены к креслу и ящикам тянулись провода. В центре комнаты стоял, очевидно, тестирующий сотрудник в белом халате, комплекцией больше походивший на вышибалу в дешевом салуне, чем на медицинского или научного работника. Впрочем, санитары в сумасшедших домах, наверно, как раз примерно такие. В руках он держал какую-то банку из темного стекла и кисточку типа тех, что используют при поклейке обоев. Впрочем, заговорил он вполне вежливо и даже на вполне приличном английском (хотя выучить несколько фраз, повторяемых каждому клиенту - даже и на нескольких языках - может, наверно, даже амбал):

- Сейчас вы пройдете тестирование на отсутствие магических способностей. Процедура безболезненна и занимает всего несколько секунд. Подойдите сюда. Вещи пока можете положить на пол.

Я снял рюкзак, подошел к этому типу и увидел кресло спереди, на которое амбал мне и указал широким жестом экскурсовода. Кресло было металлическим и вместо ножек покоилось на сплошной станине, стенка которой шла вертикально вниз от его переднего края. А на "манометре" не было никаких цифр - только большая шкала, поделенная на три сектора: зеленый, белый и красный. Большая стрелка застыла вертикально строго посередине, в центре белого сектора.

- Когда вы сядете в кресло, - столь же любезно пояснил амбал, - к вашей голове будут подсоединены электроды, и детектор произведет измерение. Если у вас нет магических способностей, стрелка отклонится в зеленый сектор. Вам не о чем беспокоиться - более чем в 99% случаев происходит именно так. Позвольте я смажу вам виски для лучшего контакта.

Он макнул кисточку в банку и помазал мои виски чем-то прохладным и, кажется, скользким.

- Садитесь в кресло, поставьте ноги вместе и положите руки на подлокотники.

Я шагнул между ящиками, развернулся и сел. И стоило мне принять требуемую позу, как из подлокотников и основания выскочили стальные захваты и крепко обхватили мои руки и ноги, лишая меня возможности двигаться. В тот же миг круглые пластинки смыкающегося обруча впились холодом в мои виски. Я уже открыл было возмущенно рот, чтобы воскликнуть: "Эй, какого хрена? Про руки-ноги мы не договаривались!", но амбал (даже не подходивший к креслу и лишь внимательно следивший за прибором над моей головой, для меня теперь, понятно, невидимым), уже добродушно улыбнулся (вы когда-нибудь видели, как добродушно улыбаются амбалы с низким лбом, маленькими глазками и сломанным носом?)

- Поздравляю, вы успешно прошли тестирование. Добро пожаловать в Хинтерзеелянд.

Захваты разомкнулись и снова спрятались в глубинах кресла. Я поднялся на ноги и поднял с пола рюкзак.

- В эту дверь, - амбал указал на ту, что вела прямо. - Вас ожидают.

Еще одна лестница, теперь уже вниз - и я оказался в очередной комнате без окон, в которой с большим облегчением увидел Кэролайн - до этого мгновения я даже сам не отдавал себе отчета, до какой степени за нее волновался. Мне захотелось крепко обнять ее, целую и невредимую - но я решил, что вряд ли она поймет такое внезапное проявление чувствительности, обычно мне, прямо скажем, несвойственной. Ибо сама она, в отличие от

меня, пребывала в совершенно беспечном настроении - очевидно, она ничуть не опасалась за результаты ни своего, ни моего тестирования. Девушка сидела на деревянной скамье, стоявшей у стены; помимо этого, в комнате имелся только пустой стул, отгороженный столом в углу.

- Здесь тоже был какой-то чиновник, но я отправила его отсылать телеграмму, - сообщила она небрежным тоном повелительницы, командующей слугами. - Он просил нас обоих ждать здесь и никуда не уходить. Собственно, - добавила она уже не таким самоуверенным тоном, - уйти и не получится, я попробовала открыть дверь, через которую он вышел, но она заперта.

Это заставило меня оглянуться на дверь, через которую я только что вошел (и которая сразу плавно закрылась за моей спиной), и я убедился, что на ней нет ручки. Да и вряд ли возвращение в комнату для тестирования принесло бы нам какую-либо пользу (амбал бы уж точно утратил добродушие). Даже пройдя тест, мы все равно оказались в западне - оставалось только надеяться, что временно.

- Не хватало только, чтобы сейчас сюда же радостно притопал Левша, - пробормотал я.

- Я сказала и этому чиновнику тоже, что он нас преследует и нам угрожает, - ответила Кэролайн. - Он заявил, что они обо всем позаботятся, и нам не о чем волноваться.

- Надеюсь, что так, - проворчал я, - но надежда и мои револьверы устроили бы меня больше, чем просто надежда.

- Думаю, он просто не пройдет тест, - сказала Кэролайн. - На его месте я бы даже не пыталась.

- Ты думаешь, Левша...

- По-моему, это единственное остающееся объяснение. Ты знаешь, Майк, как я ненавижу магию и как бы мне хотелось, чтобы хотя бы в наше время все объяснялось с научной точки зрения. Но после всех этих его чудесных выживаний и способностей находить нас, где бы мы ни были, уже даже я не верю, что он обычный человек, пусть даже очень хорошо подготовленный и очень везучий. Что-то с ним не так, и детектор это покажет. Так что либо его сюда не впустят, либо он сам не рискнет. Если только не надеется с помощью своих способностей обдурить прибор. Быть может, ему удалось таким образом обдурить холинбрукцев со всем их фанатизмом, но физику не обдуришь.

- Как сказать, - возразил я. - Во времена своего расцвета магия была сильнее физики.

- Будь он таким крутым колдуном, он бы уже пытался захватить власть над миром, а не бегал на побегушках у КОБа, - покачала головой Кэролайн. - Но таких уже не бывает и, надеюсь, никогда впредь не будет... Вообще интересно, на каком принципе основан этот прибор. Всегда действительно считалось, что магия не принадлежит к миру физики, что ее нельзя ни измерить непосредственно, ни воссоздать с помощью приборов. Что только тот, кто сам обладает магическими способностями... Хотя, вполне возможно, что это было просто пропагандой самих магов, призванной убедить всех в их непостижимости и, соответственно, непобедимости. Однако и после их гибели лично мне неизвестно ни одно исследование, которое бы это опровергло - хотя мне бы очень этого хотелось. Даже Драттендорф не упоминал о таком в переписке с отцом, хотя, казалось бы, уж он-то должен все знать об этом детекторе. А впрочем... ну-ка, Майк, расскажи подробно, как проходило твое тестирование.

Я рассказал.

- Ну да, - кивнула она, - слово в слово, как и у меня, стандартная процедура. И знаешь, что я думаю? Я знаю, как работает эта штука! Тут, на самом деле, не физика... к сожалению. Все эти ящики, провода, электроды, гель, которым мажут виски - просто бутафория. Тут чистая психология, - она замолчала, довольно ухмыляясь.

- Ну говори уже, не томи! - поторопил я.

- Майк, неужели ты все еще сам не догадался? Все же очень просто! Испытуемому специально показывают и рассказывают про прибор со стрелкой - которую он сам во время теста, однако, видеть не может, будучи надежно зафиксирован в кресле. И что будет делать в

такой ситуации маг - ну или человек с хоть какими-то магическими способностями - желающий пройти тест? Он будет стараться *отклонить стрелку в зеленый сектор*! Причем он будет делать это даже подсознательно, даже если не знает, что у него получится. И именно это отклонение и означает провал теста. А у обычного человека, какие бы чувства и желания он ни испытывал, стрелка, разумеется, не шелохнется. В красном секторе стрелка не бывает вообще никогда, это лишь часть все той же бутафории, призванной убедить потенциального мага, насколько все серьезно.

- Хм, а ведь точно! - восхитился я. - Какая ты все-таки умная! А я тупой.

- Нет, Майк, ты бы тоже догадался, если бы подумал чуть дольше, - возразила великодушная Кэролайн. - Потому-то и Драттендорф ничего об этом не писал - это простой трюк, не имеющий отношения к науке. Но во всем этом хорошо хотя бы то, что наука помогает борьбе с магией если не напрямую, то хотя бы силой своего авторитета. Ни одному испытуемому не приходит в голову усомниться в реальности прибора, и мы, конечно, будем молчать о наших догадках.

В этот момент в двери, ведшей наружу, щелкнул замок, и в комнату торопливо вошел новый клерк, моложе и суетливее предыдущего, с телеграфной лентой в руке. Если предыдущий являл собой классический тип Равнодушного Чиновника, то этот, по всей видимости - Расторопного, всячески демонстрирующего свое служебное рвение и готовность услужить посетителям. Ну или, может быть, не всем посетителям, а конкретной красивой девушке, каких он в этом своем безоконном ведомстве не видел, наверно, вообще ни разу.

- Энтшульдигн Зи, - затараторил он, обращаясь к Кэролайн, - фюр дизэ Ауфхальтунг, абер...

- Гхм! - подал голос я. - Сэр! Нельзя ли по-английски?

- О! Пардон! - он словно только что заметил мое присутствие. - Я думаль, вы тоже наш язык понимаете. Извините вы меня за задержку. На вашу телеграмму получен ответ только что. Он гласит, за вами приедут из Университета, вам ожидать здесь надлежит.

- Сколько ожидать? - требовательно спросила Кэролайн. - До Нойбурга больше ста километров. Мы тут весь день просидим. Я думала, нам пока что помогут с гостиницей в городе. К сожалению, у нас нет при себе наличных денег...

- О, нет-нет, - клерк потряс головой, улыбаясь покровительственно и в то же время виновато. - Здесь ожидать. Но, конечно, не здесь прямо. Я провожу вас в комнату отдыха.

Я хотел ответить, что мне пока что не надо[66], но сообразил, что он имеет в виду буквальный смысл. Двинувшись следом за ним по очередным коридорам (все это здание, похоже, было выстроено, как лабиринт - я, во всяком случае, несмотря на всю мою бэдлэндерскую способность ориентироваться, уже понятия не имел, в какой его части мы находимся), мы в конце концов оказались в тупиковом закутке, куда выходили, друг напротив друга, две двери комнат отдыха в обоих смыслах этого понятия. Та из них, в которой нам предстояло провести бóльшую часть времени, была довольно большой и даже имела, наконец, окно - впрочем, стекло было забелено, и хотя свет оно пропускало, разглядеть через него ничего было нельзя. В комнате стояло несколько мягких кресел, рос фикус в кадке и висели на стенах две картины - одна изображала какую-то старинную крепость на холме, вероятно, где-то в Старом Свете (не знаю, строили ли там такие на самом деле, или это все легенды), вторая - трехмачтовый корабль, идущий по морю под раздутыми ветром парусами. Еще там был круглый столик, на котором стоял здоровенный пузатый графин с водой и целая башня из вставленных друг в друга картонных стаканчиков. И это все. В общем - место, где можно передохнуть с полчасика, но не сидеть до вечера.

- Принесите нам хотя бы что-нибудь перекусить! - потребовал я.

---

[66] Комната отдыха (restroom) - общепринятый в английском эвфемизм, означающий туалет в общественных местах.

- Ммм... я попробую, - сказал клерк и вышел. Вернулся он минут через десять с таким видом, будто лично добыл в жестоком бою (или оплатил из собственного кармана) лучшее блюдо из лучшего ресторана города. В руках у него при этом была тарелка с пресными галетами, такими твердыми, что есть без риска для зубов их можно было, только размачивая в воде. Приняв наши кислые благодарности, он еще раз напомнил нам о необходимости "ждать тут, уходить никуда" и дематериализовался. Больше мы его не видели.

В этой комнате мы просидели четыре часа, коротая время разговорами. Памятуя, что у стен в таком месте могут быть уши, ничего серьезного мы не обсуждали - не говорили даже про Левшу. Несколько раз мы слышали шаги за дверью, но это всякий раз были посетители второй "комнаты отдыха", не пытавшиеся заглянуть к нам. И вот, наконец, из коридора вновь послышались торопливые шаги - настолько торопливые, что у человека либо был серьезный понос, либо он примчался на каком-то быстроходном транспорте из самого Нойбурга по нашу душу.

Верным оказалось второе предположение. Дверь распахнулась, и в комнату вошел человек среднего роста, в длинном коричневом кожаном пальто (похоже, здесь, в отличие от западных графств, долгополая одежда была в моде), по возрасту, наверно, чуть старше меня - в его черных прилизанных волосах, блестящих явно от какого-то средства, у висков уже слегка серебрилась седина. Длинный горбатый нос на узком гладко выбритом лице напоминал форштевень корабля, глаза глубоко прятались под густыми бровями, словно языканы в свои норы, а губы под этим хищным носом показались мне слишком жирными (ну, это мои вкусы - я вообще не люблю губастых, ни мужчин, ни женщин). При виде нас он коротко, но со значением поклонился мне, как равный - равному, а затем повернулся к Кэролайн, одаривая ее той широкой улыбкой, которой подобные типы всегда оделяют женщин, детей и домашних животных. Думаю, Кэролайн возненавидела его в ту же минуту.

- Фройляйн Кэрри, я полагаю?

Мы поднялись из своих кресел.

- Ректор Драттендорф? - недоверчиво спросила Кэролайн. Однако, подумал я, в самомнении у этой девчонки никогда недостатка не было - считать, что ректор столичного университета, едва ли не первое лицо в научной иерархии страны, бросит все свои дела и примчится встречать ее лично, а не поручит это кому-то из подчиненных!

Мое предположение подтвердилось наполовину.

- Увы, - покачал головой вошедший, на мгновение убирая с лица улыбку и натягивая скорбную маску, - доктор Драттендорф вышел в отставку по состоянию здоровья. Я профессор Зюсс, - свою фамилию он произнес так, словно в конце там было целых три "с", а может, и все четыре. - Счастлив познакомиться с очаровательной дочерью доктора Кэрри... - рукой в перчатке он ухватил ее руку с явным намерением поцеловать, но Кэролайн ответила ему коротким мужским рукопожатием и выдернула ладонь прежде, чем он успел осуществить свое намерение - после чего он повернулся ко мне и сделал улыбку менее приторной: - ... и его ассистентом - к сожалению, не имею чести знать вашего имени...

- Майк Честер, - представился я, - но я...

- Очень, очень рад, доктор Честер, - кивнул Зюсс, пожимая мне руку. - Доктор Кэрри ни разу не упоминал о вас в своих письмах, но я уверен...

- Так это же естественно! - перебила Кэролайн мое готовое вырваться признание. - Это делалось по соображениям безопасности! Вы же понимаете, письма, пересылаемые с караванами, мог перлюстрировать кто угодно. Именно то, что о работе доктора Честера с моим отцом не знала практически ни одна живая душа, и позволило вывести его из-под удара, когда после смерти моего отца КОБовские дегенераты явились громить нашу лабораторию. В итоге ему удалось спасти не только себя, но и меня уже прямо из их рук. Иначе мы бы сейчас не беседовали.

- Так доктор Кэрри скончался, - скорбно покивал Зюсс, - очень, очень жаль. Какая тяжелая двойная утрата - доктор Драттендорф и доктор Кэрри. Примите мои самые искренние соболезнования, фройляйн Кэрри... и вы, доктор, - английский Зюсса был безупречен, но Кэролайн он почему-то упорно называл "фройляйн", а не "мисс". Затем он снова просиял лицом: - Но примите также и мое восхищение! Тем невероятно сложным и опасным путем, который вы проделали, добираясь сюда. Откровенно говоря, я вообще не понимаю, как это у вас получилось - ведь ваши караванщики, насколько мне известно, не берут женщин...

- Мы шли не с караваном, - признал я. Даже если Кэролайн и решила воспользоваться ошибкой Зюсса в отношении того, кто из нас ассистент ее отца[67], я все равно решил держаться как можно ближе к правде - так легче не запутаться. К тому же Зюсс или те, кто его послал, могли узнать эту правду от кого-то из караванщиков. - Мы вынуждены были бежать из Холинбрука, когда караван уже отбыл, и нагнали его лишь в самом конце пути.

- Так вы хотите сказать, что вы пересекли все Пустоши ВДВОЕМ?! - теперь уже эмоции Зюсса были совершенно искренними, он был в реальном шоке. - Право же, это, наверно, самое невероятное, что я слышал за всю мою жизнь. Всегда считалось, что без профессионального проводника - как это у вас называют, вэйстлэндера[68]? - не то что у хрупкой девушки, но даже у самого сильного и отважного мужчины в Пустошах нет шансов.

- Ну, видите ли, - я на ходу выстраивал свою легенду, - я уже давно подозревал, к чему идет дело с этими КОБовскими мракобесами. Я предвидел, что нам может потребоваться бежать, и готовился к этому. Много общался с профессиональными бэдлэндерами, просил их научить меня приемам выживания в Пустошах... даже нахватался вот ихних словечек, так что прошу меня простить, ежели моя речь будет звучать не очень-то по-ученому...

- Ха-ха-ха! Да, доктор Честер, вы очень умело подражаете их манере говорить. Позвольте еще раз выразить вам... а впрочем, я уже, должно быть, надоел своими комплиментами. ("В точку, проф!" - подумал я, но не стал проверять, оценит ли он и это бэдлэндерское выражение.) Главное, что теперь все эти ужасы позади, и мы...

- Возможно, не все, - перебила Кэролайн. - Я уже говорила здешним чиновникам про человека, который нас преследовал - левшу, который никогда не снимает шляпу и перчатки...

- Об этом вы совершенно точно можете больше не беспокоиться! - твердо и решительно заявил Зюсс. - И вообще, давайте как можно скорее покинем эти, прямо скажем, довольно-таки унылые и мрачные стены. Первым делом я отвезу вас в гостиницу - лучший городской отель "Корона". Потом вам, конечно же, понадобится обновить гардероб - особенно фройляйн Кэрри, я представляю, насколько неприятно такой прелестной девушке ходить в таких жалких обносках с мужского плеча...

- Кто будет за все это платить? - грубо перебил я.

- О, не извольте беспокоиться - в бюджете университета есть графа "представительские расходы", проведем все совершенно легально. Идемте же!

На сей раз долго петлять по коридорам и лестницам не пришлось - комната отдыха, как видно, находилась недалеко от выхода. Мы вышли в город со стороны главного фасада, хотя не через парадное крыльцо, а через служебный вход сбоку. Оказавшись, наконец, на улице Хинтерзееланда - уже не просто юридической, а фактической его территории, по которой мы вправе были идти куда угодно - я мысленно послал окончательный "фак" Блуждающему городу, только теперь уверившись, что наше долгое и тяжелое путешествие, выглядевшее поначалу совершенно безумной авантюрой, все-таки закончилось успехом. Не удержавшись, я взглянул на

---

[67] Здесь Майк невольно возводит на Зюсса напраслину - эту ошибку допустил не он, а тот, кто переводил продиктованный Кэролайн текст телеграммы. В английском слово "assistant" рода не имеет (как и абсолютное большинство существительных), так что Кэролайн не могла сказать "ассистентка", даже если бы хотела, а в телеграмме, прочитанной Зюссом, значилось "Assistent" вместо "Assistentin".

[68] От wasteland - другой синоним слова "пустоши".

оставшееся позади громоздкое, похожее на куб здание, и увидел то, что и ожидал - помимо того, что большинство помещений, располагавшихся внутри куба, очевидно, вовсе не имели выхода к наружным стенам, даже и в тех, что все же располагались вдоль таковых, окна были забелены до самого верхнего, четвертого этажа. Высокая мрачная стена Черного Хребта, служившая фоном этому зрелищу и угрюмо нависавшая над всем Вестмарком, отнюдь не добавляла картине уюта. Пожалуй, не хотел бы я жить в таком городе... впрочем, мы и не собираемся.

Мой взгляд на здание не укрылся от внимания Зюсса, и он спросил, на что я смотрю. Я заколебался, стоит ли говорить ему, но затем подумал - да какого хрена, эти замазанные окна видит любой прохожий! - и сказал. Зюсса это лишь развеселило.

- На самом деле, - со смехом поведал он, - в этом здании, конечно, есть свои секреты, но помещений, где они скрываются, совсем немного. Но вы ведь понимаете - если закрасить окна только в них, то именно это привлечет к ним внимание. Поэтому закрашивать все без исключения куда надежнее.

Нас уже поджидала карета, запряженная парой. Дорога не заняла много времени. Зюсс вызвался быть нашим гидом и пытался рассказывать нам об улицах, по которым мы проезжали, но в этих улицах не было ничего примечательного. Я лишь отметил про себя, что по площади Вестмарк, вероятнее всего, меньше Аркэндэйла, зато большинство домов были четырех- и даже пятиэтажными, в то время как в Аркэндэйле за пределами делового центра нечасто встретишь даже три этажа. Как это согласовывалось с представлением Кэролайн о том, что население восточных княжеств намного меньше нашего? Впрочем, нельзя судить по одному городу, к тому же весьма нетипичному (прижатому к Хребту и единственному проходу в нем) обо всей стране... В общем, ясно было, что пока что Зюсс предпочитает болтать о пустяках, отложив серьезные разговоры на потом. Но не успела его трескотня нас утомить, как мы уже приехали.

Здание гостиницы тоже оказалось четырехэтажным, с лепниной на стенах и высокими трехстворчатыми окнами. Мы вошли в роскошный холл, отделанный красным, белым и черным мрамором (я уже знал, что это цвета хинтерзееландского флага). Во всю ширину пола простирал крылья черный гербовый орел, что, однако, показалось мне сомнительной честью - получалось, что все, проходящие через холл, топчут государственный герб. С потолка свисала монументальная электрическая люстра с, наверно, тысячей хрустальных висюлек, какая сделала бы честь даже особняку Харлингтонов.

Пока мы рассматривали все это великолепие, Зюсс о чем-то переговорил с портье на своем языке, а затем снова с улыбкой поклонился нам, пообещал зайти через пару часов, когда мы устроимся и немного передохнем, и вышел, оставив нас наедине с мужчиной за стойкой. Тому было уже, вероятно, за пятьдесят, и я подумал, что он, возможно, даже и не родился здесь, а был привезен родителями на одном из кораблей из Старого Света, хотя, конечно, едва ли это помнит. При этом, однако, при взгляде на него не возникало и мысли посочувствовать немолодому уже человеку, который за всю свою жизнь не добился ничего лучшего, чем место гостиничного портье; в своем безупречном черном костюме, с уложенной волосок к волоску прической и лицом, выбритым столь идеально, словно на нем вообще никогда не росло щетины, он имел вид столь строгий и надменный, словно был владельцем всей гостиницы, а скорее - целого гостиничного треста. Словно он не служит клиентам, а оказывает им большую честь, принимая их у себя. Нетрудно представить, какими глазами он смотрел на мою заросшую физиономию, немытые и нечесаные волосы и грязную поношенную одежду - а тем паче на Кэролайн, одетую не просто в грязные и рваные, но еще и в мужские шмотки. Несомненно, Зюсс объяснил ему, что мы только что прибыли из Пустошей - иначе этот тип, наверно, вообще послал бы за полицией, едва мы переступили порог его заведения. И все равно в его глазах мы определенно были негодными оборванцами, позорившими весь этот мрамор и зеркала одним фактом своего существования. Впрочем, лицо его все же хранило выражение холодной вежливости.

- Добро пошаловать в Хинтерзеелянд, - произнес он с сильным акцентом. - Писать ваши имена в книге прошу пошалуйста.

Он придвинул к нам здоровенную книгу, в которой, судя по ее толщине, постояльцы отеля записывались с самого его открытия. Однако разворот, на котором она была раскрыта, был чистым. Случайное совпадение, или кое-кто не хотел, чтобы мы увидели имена предыдущих гостей? Или, возможно, чтобы кто-то потом увидел наши?

Страницы были разграфлены на четыре колонки - одну широкую, куда и следовало вписать имена (портье для убедительности указал на нее пальцем) и три узких - в первой из них, очевидно, записывался номер (в двух строчках одна над другой было уже вписано "23"), во второй - дата вселения (тоже уже была вписана, в непривычном мне виде "21.11" вместо нормального "11/21"), и последняя, по всей видимости, предназначалась для даты выбытия.

Мы записали свои имена (сперва я, потом Кэролайн), и портье положил на стойку перед каждым из нас по ключу с овальной латунной биркой.

- Ваш номер 23, - сказал он мне, - а ваш 25.

Только тут я сообразил, что то, что я принял за тройку во второй строке, на самом деле было пятеркой.

- Эээ... нельзя ли нам получить общий номер? - осведомился я.

Портье посмотрел на нас со всем возможным подозрением, и строго осведомился:

- Есть вы мушчина и шеншчина?

- А кто же мы, по-вашему? - опешил я.

- Имеете вы документ?

У меня вертелся на языке ответ, что я могу продемонстрировать ему "документ", доказывающий мою принадлежность к мужскому полу, но только не в присутствии Кэролайн - однако портье, видимо, сообразил, что выразился не совсем правильно.

- Сертификат фон марьяж? - уточнил он.

- А, - понял я. - Нет, мы не муж и жена. Но какое это имеет значение? В Пустошах мы больше четырех месяцев спали вместе... то есть, не в том смысле, - поспешно поправился я. - Просто спали, буквально. Между нами нет ничего такого. Кэролайн мне как дочь...

- Пустошь есть земля фон хаос, - презрительно перебил портье. - Но Хинтерзеелянд есть земля фон порядок. Наш отель есть не бардак. У нас шить вместе муш и шена могут. Ве́дер отец и дочь, нох брат и сестра - муш и шена только.

Что за идиоты, подумал я. Как будто, если бы мы и в самом деле хотели заняться чем-то непотребным, один из нас не мог бы прийти в номер к другому, хоть днем, хоть ночью...

- Ладно, - смиренно согласился я, понимая, что взывать к здравому смыслу здесь бесполезно. - Тогда, по крайней мере, дайте нам номера по соседству, а не через один.

- К сошалению, невозмошно в данный момент есть, - покачал головой портье. - Эти номера только свободные суть.

Так-так, подумал я. Не потому ли нам не показали предыдущую страницу, чтобы мы не могли проверить, правда ли это?

- Возможно, удастся договориться с постояльцем из номера 24, чтобы он поменялся с кем-то из нас? - предложил я вслух.

- Господин из номера 24 очень просиль беспокоить его не.

Угу, подумал я еще мрачнее. Уж не шпион ли этот господин, специально отряженный следить на нами и подслушивать через стены в обе стороны? Но, даже если и так - придется пока что играть по правилам принимающей стороны. Честным людям нечего скрывать, ведь так?

- Ну хорошо, - вздохнул я, убирая ключ в карман. Кэролайн сделала то же самое.

- Где есть ваш багаш? - спросил портье. - Слюга будет отнести его в ваши номера.

- У нас нет багажа, кроме моего рюкзака, - ответил я, - и его я предпочитаю носить сам.

Портье взглянул на меня уже с плохо скрываемым презрением и еще более сухо

произнес:

- Второй эташ. Цифра "два" значит "второй", - очевидно, он говорил о первой цифре в номере. - Расписание фон завтрак, обед и ушин есть в номер, - до того, чтобы процитировать нам его, он не снизошел и после короткой паузы добавил завершающим тоном: - Добро пошаловать в отель "Корона". Шелаю приятного прошивания.

Первым делом мы поднялись вдвоем в номер Кэролайн и кратко обсудили положение (на всякий случай устроившись в спальне, граничившей через стену с номером 26, а не 24 - хотя вообще солидные и основательные стены в отеле не выглядели особо подходящими для подслушивания). Кэролайн, как и мне самому, ожидаемо не понравился Зюсс ("доктор Драттендорф был настоящий ученый, преданный науке и знанию - а это какой-то скользкий тип"), но ясно было, что других вариантов, кроме как иметь дело с ним, все равно нет. Пока что, по крайней мере, нас принимали хорошо. Опасность, что Зюсс или его коллеги, над коими больше не простирается власть и моральный авторитет Драттендорфа, попытаются присвоить труды доктора Кэрри себе, учитывать, конечно, надо - но и впадать в паранойю, видя врагов в тех, к кому мы так стремились все эти месяцы, пока что преждевременно. "Можно не быть другом, но быть честным партнером", - сформулировала Кэролайн.

- Кстати, о честности, - заметил я. - Вся эта тема с "доктором Честером"... нет, я, конечно, понимаю, что так я выгляжу солиднее, чем простой бэдлэндер, и уже одно это может удержать их от попыток облапошить молодую наивную девчонку, коей они тебя считают... разумеется, совершенно безосновательно, - поспешно добавил я, - но мне все-таки не нравится, что мы влезли во враньё, из которого потом непонятно как выпутываться.

- А не надо выпутываться, - возразила Кэролайн. - Я как-то не думала об этом раньше, полагаясь на авторитет Драттендорфа, но этим недоразумением, можно сказать, сама Судьба наставила нас на правильный путь. Только увидев Зюсса, я поняла, что возглавить свою лабораторию мне не дадут. И из-за возраста, что еще можно понять, и из-за пола, что уже, конечно, совершенно возмутительно, но чтобы доказать им нелепость этого предрассудка, потребуется время. А пока что я могу рассчитывать разве что на место ассистента какого-нибудь херр-доктора, который будет счастлив присваивать себе мои результаты, а меня милостиво упоминать в разделе "благодарности"...

- Погоди, погоди! - перебил я. - Какая лаборатория? Я думал, наш план в том, что мы продадим открытие твоего отца за хорошие деньги и на этом все. Дальше можно будет жить, не работая.

- Продадим, насчет денег можешь не беспокоиться, - поморщилась Кэролайн. - Но, разумеется, они интересуют меня далеко не в первую очередь. Главное, ради чего я бежала сюда - это возможность продолжить работу! Результаты моего отца носят, безусловно, абсолютно прорывной характер - но прорыв на то и прорыв, что он лишь открывает путь, который еще только предстоит пройти до конца. Работы еще непочатый край, особенно в плане перехода от теории к практике... Так вот. Наш план такой. Лабораторию возглавишь ты, а я буду работать под твоим началом.

- Я?!

- Ну разумеется, чисто формально! Всей научной работой буду заниматься я, а ты будешь только подписывать бумаги и получать очень недурное жалование, которое мы будем делить пополам - это в придачу к тому, что мы получим сразу...

- Отдает мошенничеством, как по мне.

- Да какая разница, чья фамилия будет в ведомости?! Главное, что работа будет делаться! Мошенничество было бы, если бы мы брали казенные деньги и ничего не выдавали взамен!

- Да, но кто-нибудь может захотеть проверить уровень моих научных познаний. Какой-нибудь, как ты говоришь, херр доктор, желающий занять мое место.

- Пока мы будем выдавать результат, никакому херру не позволят нас трогать. К тому же я

поднатаскаю тебя в терминологии, чтобы ты мог прочитать коротенький и простенький, но осмысленный доклад - а начальству или, тем более, каким-нибудь некомпетентным политическим шишкам, которые могут заявиться в университет с визитом, больше и не надо.

- Дай угадаю - ты хочешь сказать, мне придется ходить в костюме с галстуком и лаковых штиблетах? Надеюсь, хотя бы не в цилиндре. Не могу себе представить более нелепой и неудобной шляпы, чем цилиндр.

- Очень многие поменялись бы с тобой местами, узнав, сколько тебе будут платить за одно лишь ношение галстука.

- Но мне вообще не нужна эта работа! Того, что мы выручим, продав все, что можем продать, - я приплюсовал сюда и драгоценности, - должно хватить на жизнь и так, и даже с лихвой.

- Майк, - вздохнула Кэролайн, - эта работа нужна мне. Кроме тебя, некому возглавить лабораторию. Ты не отдал меня КОБу, не отдал пустошным тварям, не отдал Левше - неужели теперь отдашь жирному лысому херр-доктору? - она состроила умилительно-просительную физиономию.

- Вот именно об этом меня предупреждал папаша, - проворчал я. - Только дай девчонке почувствовать, что тебе на нее не плевать, и она начнет вить из тебя веревки. Ладно, допустим, убедила. Но цилиндр я не надену, и не проси!

Просмотрев то самое расписание, о котором говорил портье (там же был и список прочих доступных в отеле услуг), мы убедились, что на обед уже опоздали. - ну да, впрочем, мне не очень-то и хотелось идти в общую столовую, где здешняя расфуфыренная публика будет смотреть на нас в наших бэдлэндерских шмотках как на шелудивых псов. Еще, пожалуй, станут жаловаться администрации, что наш вид или, хуже того, запах отбивает им аппетит. Ну да ладно, еду можно заказать и в номер. А вот как следует вымыться точно стоило, так что я сообщил Кэролайн, что пойду приму ванну, и она, конечно, ответила, что тоже мечтает об этом еще с июля. "В смысле - вымыться самой, или чтобы вымылся я?" - усмехнулся я. "И то, и другое!" - ответила она мне в тон, на чем мы и разлучились.

Существовала, правда, еще проблема - не натягивать же после мытья снова грязную одежду. Одежду можно было отдать в стирку прямо тут в отеле, но не оставаться же при этом совершенно голым... прав был Зюсс насчет гардероба. Впрочем, придя к себе в номер, я обнаружил временное решение - в ванной комнате висел халат с логотипом отеля. Я зажег газовую колонку, чтобы нагреть воду, и вызвал коридорного (электрическим звонком - в гостиницах у нас на Западе, во всяком случае в тех, где мне доводилось бывать, для этого до сих пор приходится использовать шнурок с колокольчиком), чтобы сказать ему, что я пойду принимать ванну, а он пусть через несколько минут зайдет и заберет в стирку вещи, которые я оставлю у входа. С английским у парня было не очень, но, кажется, он все-таки понял, что я имел в виду. Наконец ванна была готова, и я блаженно улегся в теплую воду. Предыдущая бессонная ночь, проведенная в ожидании, что Левша придет нас убивать, навалилась на меня всей тяжестью, и что произошло дальше - понятно.

Когда я проснулся, вода уже успела остыть. Но разбудило меня не это, а стук в дверь номера. Я подумал, что это непонятливый коридорный, который не усвоил, что я уже разрешил ему зайти за бельем и, кстати, просил сделать это намного раньше - но, быть может, он со своим английским понял "пару минут" как "пару часов". Так что я проорал "Войдите!" так, чтобы было слышно через две двери, и выбрался из воды, которая все равно была уже холодной.

"Доктор Честер?" - донесся из-за двери голос Зюсса. А, чтоб тебя! Я кое-как вытерся, накинул халат и вышел босиком ему навстречу, не заботясь, сочтет он такое приличным или нет.

- Прошу прощения, что побеспокоил, - растянул жирные губы в очередной улыбке Зюсс, - но, как вы, полагаю, понимаете, нам надо кое-что обсудить.

- Если только речь не о креме для бритья, то все обсуждения должны вестись в

присутствии Кэролайн.

- Что касается бритья, то я настоятельно рекомендую вам посетить цирюльника здесь же в отеле, он весьма искусен, - улыбка Зюсса стала еще шире. - А фройляйн Кэрри отбыла покупать одежду и обувь. О, не беспокойтесь - разумеется, не одна, я попросил сопровождать ее одну весьма почтенную даму, которая, несмотря на свой довольно солидный уже возраст, прекрасно разбирается в современной женской моде, в коей я, как вы можете догадаться, полный профан, тем паче что речь, по-видимому, идет не только о верхнем платье. Если я правильно понял, из всех вещей у фройляйн Кэрри остались только те, да будет позволено мне это сказать, лохмотья, что были на ней, и это, конечно же, следовало исправить безотлагательно, так что все необходимые ей покупки, полагаю, займут довольно много времени...

- И Кэролайн ушла, не предупредив меня? - перебил я этот поток слов.

- У вас на двери висела табличка "Не беспокоить".

- Я ее туда не вешал.

- Должно быть, это сделал коридорный, узнав, что вы собираетесь принимать ванну. Эти гостиничные слуги в своем стремлении услужить постояльцам и заработать чаевые иногда чересчур усердствуют.

"Откуда Зюсс мог знать, что я сказал коридорному про ванну?" - подумал я. Впрочем, я уже не сомневался, что табличку повесил сам Зюсс, желавший поговорить со мной наедине. Я, конечно, тоже хорош, что позволил себе заснуть и не слышал, как Кэролайн уходила...

- В таком случае, почему меня беспокоите вы? - усмехнулся я.

- Я уже попросил прошения, - опять улыбнулся Зюсс, а потом вдруг стер эту улыбку, словно гуммиэластиком. - Ладно, доктор Честер, давайте уже перейдем к делу. Как вы понимаете, нас интересуют результаты, достигнутые доктором Кэрри... и вами.

- Вы совершенно напрасно недооцениваете Кэролайн, - сказал я. - Она, несмотря на свой юный возраст - талантливый ученый. Она в курсе всех работ своего отца и принимала непосредственное участие в его исследованиях.

- Но не такое непосредственное, как вы, не так ли? - осклабился Зюсс.

- В некоторых вопросах ее осведомленность даже превосходит мою, - ответил я и, что самое интересное, не соврал насчет "некоторых" - в бэдлэндерских, к примеру, дело все еще обстоит наоборот, хотя я и неплохо поднатаскал Кэролайн за время нашего путешествия. - В любом случае, именно она является наследницей своего отца во всех смыслах, включая юридический и коммерческий. Поэтому я отказываюсь обсуждать какие-либо детали без ее участия и согласия.

- Иными словами, мое слово не является для вас достаточной гарантией сохранения научного приоритета доктора Кэрри? - прищурился Зюсс.

- Если угодно - нет, - едко ответил я. - С доктором Кэрри я проработал... многие годы, а вас впервые увидел сегодня.

Я ожидал, что он оскорбится, но он лишь кивнул.

- Да, я понимаю вашу озабоченность. Но поймите и вы меня. Королевство серьезно вложилось в исследования доктора Кэрри. Вы ведь понимаете, сколько стоит келумит? - я не имел понятия, что это вообще такое, но, разумеется, не подал виду. Меня больше зацепило слово "королевство" - никогда не слышал, чтобы они были на нашем континенте. Зюсс тем временем продолжал: - Во всяком случае - сколько он стоил до недавнего времени, пока руду приходилось покупать у Шарлонии. Хорошо еще, что невежественные караванщики, с которыми мы отсылали образцы, не имели понятия об их цене - хотя, конечно, едва ли они сумели бы продать их кому-то еще...

- Погодите, - не выдержал я, - какое королевство? Вы хотели сказать - княжество?

- Ах да, вы же не в курсе, - снова улыбнулся Зюсс. - Последний караван с почтой уже не застал вас в Холинбруке... Видите ли, в феврале шарлонский князь Луи скоропостижно

скончался. Поскольку он умер бездетным, престол унаследовал его племянник Жан-Альфонс. Однако начальник штаба шарлонской армии генерал де Бризэ обвинил нового князя в убийстве дяди - разумеется, совершенно безосновательно - отказался ему повиноваться и поднял мятеж, даже провозгласив при этом республику. Жан-Альфонс вынужден был бежать в Хинтерзеелянд и обратился к нам за военной помощью, каковая и была оказана. Мятеж был подавлен, а его главарь застрелился.

Ну да, подумал я, они там, небось, только стихи писать и умеют. Стихи - они до добра не доводят. Хотя, конечно, против самоходных бронемашин с пулеметами не помогут не только стихи. Меня подмывало спросить, сыграли ли эти машины ключевую роль в победе, но я, разумеется, промолчал. Хотя, если они применялись в войне, то, очевидно, уже не были тайной.

- После восстановления порядка на всей территории Шарлонии, - продолжал профессор, - Жан-Альфонс, в интересах мира и процветания обоих наших народов, предложил объединить наши государства, каковое предложение и было принято хинтерзееляндским правительством. Таким образом, княжество Хинтерзеелянд было преобразовано в королевство, если официально - Соединенное Королевство Хинтерззелянда и Шарлонии, хотя кратким названием остается Хинтерззелянд. За Жаном-Альфонсом сохраняется титул князя Шарлонского и определенная автономия в управлении цивильными делами своей провинции, в то время как за военные аспекты на ее территории теперь отвечает хинтерзееляндский военный губернатор. Ну, это все политика, как вы понимаете, далекая от вопросов, волнующих нас, ученых, - в очередной раз улыбнулся Зюсс. - Для нас практически важно то, что единственное известное месторождение келумитовой руды находится на территории Шарлонии. И если раньше нам приходилось покупать келумит по баснословной цене, то теперь эта проблема благополучно решена. Тем не менее, ранее нам пришлось потратиться, отсылая образцы для опытов доктора Кэрри, и мое начальство требует отчета. Не будем, если вы настаиваете, касаться технических подробностей, но прежде, чем организовать вашу аудиенцию, мне необходимо знать результат этих опытов хотя бы в общем виде.

Я по-прежнему не имел понятия, о чем речь (эх, если бы у меня было время проконсультироваться с Кэролайн перед этим разговором!), но важно произнес:

- Можете передать своему руководству, что результат положительный со степенью достоверности в пять сигма.

Это была, наверно, самая научная фраза, сказанная мною за всю жизнь, но не успел я возгордиться этой формулировкой, как Зюсс раздраженно поморщился:

- При чем тут сигмы, речь не о вероятностях. Вам удалось выделить его, да или нет?

- Да, - брякнул я, все так же не зная, кто такой "он" или "оно"[69].

- В скольких формах?

- Во всех, какие есть, - грубо ответил я.

- А сепарация?

- Послушайте, профессор Зюсс, - я попытался сбить его с темы. - у меня тоже есть к вам вопросы. Например - что *на самом деле* случилось с ректором Драттендорфом?

- Кровоизлияние в мозг. Очень, очень жаль, такой талантливый ученый...

- И теперь вы назначены на его место?

- Нет, разумеется. Ректор не назначается, он избирается академическим сообществом. Разве у вас не так?

Мне показалось, что он взглянул на меня с подозрением, и я поспешил оправдаться:

- У нас-то так, я думал - это у вас не так, раз уж у вас теперь появился король.

- Его величество только утверждает избранную кандидатуру. Однако пока еще ни один из кандидатов не набрал должного числа голосов, и место ректора все еще остается вакантным. А я

[69] В оригинале просто "it".

лишь курирую направление, связанное с келумием.

Он не добавил "как вам известно", и я понял, что он назначен на эту должность недавно - возможно, как раз после (а то и вследствие?) несчастья с прежним ректором, а стало быть, я имею полное право не знать ни его, ни его полномочий.

- Прошу меня простить, но об этом я знаю только с ваших слов, - сказал я.

- Прошу простить *меня*, но и о вашей работе с доктором Кэрри я знаю только с ваших, - ехидно парировал он.

- Разумеется, - не смутился я. - При этом даже официальные бумаги не смогут разрешить мои сомнения, поскольку, как человек в Хинтерзееланде новый, я не смогу определить их подлинность. Поэтому, учитывая важность темы, все дальнейшие разговоры я предпочел бы вести в обстановке более официальной. Подделать бумагу еще можно, а вот подделать здание университета или королевский дворец уже вряд ли, вы меня понимаете. Что касается меня, а точнее - нас с Кэролайн, то, полагаю, те научные сведения, которые она вам предъявит, послужат лучшим доказательством подлинности и ценности нашей работы, чем любые бумаги с печатями.

- Н-ну хорошо, - согласился Зюсс после короткой паузы. - Вы правы - тема очень важна и деликатна, и ваша осторожность в обращении с ней заслуживает только похвалы. Я сделаю все возможное, чтобы вы как можно скорее получили аудиенцию, - он коротко кивнул мне и двинулся к выходу, но на пороге остановился: - Кстати, а вы не желаете отправиться за покупками? Понятно, что заказ у портного занял бы слишком много времени, но могу порекомендовать вам хороший магазин готового платья. Вы ведь понимаете - вы уже не в Пустошах, и на аудиенции вы должны выглядеть максимально представительно.

- Я бы с удовольствием, - усмехнулся я, - но, чтобы купить новую одежду, мне сперва нужно получить из стирки старую. Не могу же я отправиться в магазин в таком виде, - я подергал отворот халата. - Летом еще может быть, но только не сейчас.

В глазах Зюсса отразился священный ужас - не иначе, он вообразил, как я и в самом деле погожим летним днем заявляюсь в этот его респектабельный магазин в халате на голое тело. Затем он, очевидно, все же сообразил, что это была шутка.

- Если вы сообщите мне ваши размеры, - предложил он, - и если вы готовы довериться моему вкусу, то я мог бы заказать для вас костюм, который пришлют в отель.

- Я знаю свои размеры в дюймах, - сказал я. - У вас тут, вроде, другая система.

- Ничего, - заверил Зюсс, - я пересчитаю.

Целый профессор у меня на побегушках, подумал я. Если он, конечно, и впрямь тот, кем себя называет... Наконец, записав мои цифры, он отбыл. Я снова вызвал коридорного и заказал обед в номер - или это был уже ранний ужин? В Пустошах не до таких тонкостей, там тебе, считай, везет, если ты ешь досыта хотя бы один раз в день. Так или иначе, названия у блюд были какие-то непроизносимые, сплошные а-ля тра-ля-ля[70], но на вкус все это было очень даже ничего (гурман на моем месте, наверно, сказал бы "превосходно" или "восхитительно"), так что я наелся так, как не ел уже много месяцев, и меня снова потянуло в сон - тем паче что выспаться в ванне я, понятное дело, не успел. Так что, не имея чем заняться (Кэролайн еще не вернулась), я снова улегся - теперь уже, понятно, не в ванну, а на пахнущую чистотой и свежестью гостиничную постель.

Разбудил меня, опять-таки, стук. За окнами было уже темно. Я поплелся открывать, думая, что это опять Зюсс, но это был посыльный из магазина, доставивший коробки с одеждой. Я бегло просмотрел содержимое - там было все необходимое для респектабельного джентльмена, начиная от нижнего белья и кончая галстуком и запонками - но примерку решил отложить на потом, а пока все-таки доспать. Но стоило мне вернуться в кровать, как в дверь снова постучали. Я подумал, уж не забыл ли посыльный вручить мне еще что-то (или,

[70] В оригинале a la bla-bla-bla

возможно, получить с меня какую-нибудь расписку), но на сей раз это был коридорный с аккуратно сложенной стопкой моей старой одежды.

- Зачем вы стучите? - сердито проворчал я. - Можно было просто оставить у входа и не мешать мне спать!

- Ваш... хемд, - произнес он, тыча пальцем в лежавшую сверху рубашку. А затем приподнял сперва один ее рукав, потом другой, демонстрируя мне здоровенные дыры под мышками - которых я, разумеется, не замечал, но появление которых было совсем не удивительно после четырех с половиной месяцев непрерывного ношения. - Это есть не наш отель. Так быть уже.

- Угу, - зевнул я.

- Кайн претензий? - уточнил с надеждой коридорный.

- Кайн, кайн, - пробурчал я. - Выброси это вообще. Пуфф! Мусор.

Я забрал у него еще годные штаны и нижнее белье (последнюю целую пару), вручил ему рваную рубашку и, поскольку он все еще не уходил, указал ему на дверь. Извини, парень, чаевых не будет. У меня еще оставалась при себе золотая монета Арчи Джокера, но это слишком жирно, а наша медная мелочь здесь не котируется.

Когда дверь за коридорным закрылась, я подумал, не повесить ли и впрямь табличку "Не беспокоить!" Но, пожалуй, так и Кэролайн снова не заглянет ко мне, когда вернется. Немного постояв перед дверью, я таки двинулся обратно к кровати, но стоило мне плюхнуться на нее, как в дверь постучали снова!

"Да чтоб вас всех!" - выругался я и тут же взял свои слова обратно, подумав, что это может быть Кэролайн.

Но вот теперь это оказался Зюсс.

- Я не слишком помешал? - осведомился он.

- Если я скажу "слишком", это что-то изменит? - пробурчал я.

- На самом деле, у меня хорошие новости, - сообщил он, входя. По-хозяйски зажегши электрическую лампочку, рубильник которой находился слева от входа (он был явно привычен пользоваться этой штукой, а вот я, признаться, сообразил не сразу), Зюсс закрыл за собой дверь. - Ваша аудиенция уже согласована. Завтра мы отбываем в столицу, а уже послезавтра вас примет лично его высокопревосходительство оберляндфюрер Мустафа ибн Ибрагим ибн Эмиль фон дер Хохенштрауссенберг.

Забавные у них тут имена, подумал я. Ну ладно, хоть и не король, но тоже, как видно, важная шишка.

- Если бы вы знали, как порою медлительна наша бюрократия, - продолжал Зюсс, - вы бы поняли, насколько высок интерес правительства его величества к работам доктора Кэрри. Но прежде... видите ли, возникли некоторые вопросы, которые, я очень надеюсь, вы могли бы помочь нам прояснить.

- Я уже сказал, в каких обстоятельствах мы с Кэролайн будем обсуждать работу ее отца.

- Нет, это не связано с работами доктора Кэрри. Просто открылись некоторые... весьма примечательные обстоятельства, по поводу которых нам бы очень хотелось получить ваш комментарий.

Я не стал спрашивать, кого он имеет в виду под "мы". Только спросил:

- Прямо сейчас?

- Боюсь, что да. Как вы можете заметить, королевские власти делают все возможное, чтобы ускорить интересующий вас процесс, и, полагаю, вправе рассчитывать на ответную любезность.

- Хорошо. Так в чем дело? - у меня мелькнула нелепая мысль, что они каким-то образом прознали про найденный нами воздушный шар.

- Благоволите следовать за мной.

- Я что - арестован?

- Что вы, разумеется, нет. Я что - похож на полицмейстера? - не очень натурально рассмеялся он. - Не беспокойтесь, я отвезу вас туда и обратно. Это не должно занять много времени.

- Ладно, я только скажу Кэролайн. Она уже вернулась?

- Да, только что. Я встретил ее в холле и уже сообщил ей о вашей скорой аудиенции. Насколько я понимаю, она направилась прямо к цирюльнику - успела как раз вовремя, пока он не закончил работу на сегодня - а затем, вероятно, будет разбирать обновки. Не стоит отвлекать прелестную фройляйн Кэрри от столь приятного занятия, тем более что зрелище, которое нам предстоит увидеть, не слишком подходит для молодой девушки.

Знал бы ты, чего эта девушка навидалась за последние месяцы, подумал я, но вслух пробурчал: - Подождите, я только оденусь.

Я облачился в новый костюм (который подошел без всяких проблем) и двинулся следом за Зюссом. Мы вышли на улицу. Экипаж, поджидавший нас в свете фонаря, походил на карету, в которой Зюсс привез нас с Кэролайн в гостиницу днем, но на сей раз впереди не было лошадей. Не было даже и козел для кучера, зато всю верхнюю половину передней стенки занимало двустворчатое окно. А когда Зюсс распахнул передо мной дверь, оказалось, что сиденья в карете расположены не лицом друг к другу, как это обычно бывает, а оба развернуты в одну сторону - вперед. При этом перед передним сиденьем торчали из пола уменьшенный вариант корабельного штурвала и три коротких педали, а из горизонтальной лакированной доски впереди торчали две латунные ручки - слева как у наноса, справа как у миниатюрного колодезного ворота. В той же доске красовались пара циферблатов - ну это понятно, температура и давление в котле... но где же сам котел?

- Удивлены? - довольным тоном осведомился Зюсс, видя, что я не спешу садиться внутрь.

- Я понимаю, что это самоходная машина, но я не вижу, где вы спрятали котел, - честно ответил я.

- Его и нет! - довольно хихикнул Зюсс. - Эта машина едет без лошадей, без котла и без пара! Прямо чудо, не так ли? Но, конечно же, никаких чудес тут нет. Мы, как и всякое послевоенное государство, абсолютно нетерпимы к магии в каком-либо виде, без каких-либо исключений, - веско произнес он и замолк, словно ожидая, не буду ли я возражать. Я, разумеется, промолчал. - Двигатель принципиально нового типа столь мал и компактен, что находится прямо под днищем машины, соединенный с задней осью. При этом он совершенно не потребляет воду - ну, точнее, летом она все же требуется для охлаждения, но в холодное время года достаточно воздуха. Благодаря этому на нем можно ехать практически непрерывно, в том числе по лишенной водяных колонок местности, останавливаясь только для долива топлива. К тому же он еще и запускается практически мгновенно, не требуя времени на разведение паров при холодном котле. При этом он развивает мощность... - Зюсс сделал паузу, призванную подготовить меня к поражающей воображение цифре, - в четыре лошадиных силы!

Поскольку выражений восторга от меня не последовало, профессор поспешил добавить:

- Я, конечно, понимаю, это меньше, чем у локомотива, но нам ведь не надо тащить за собой целый поезд. На ровной дороге эта машина может разгоняться до 30 километров в час! Именно благодаря этому потрясающему двигателю - прямо скажем, одной из вершин инженерного гения Хинтерзеелянда - я прибыл из Нойбурга так быстро - всего за четыре часа! Садитесь, поможете мне его завести.

Я влез на правое сиденье, Зюсс, обойдя машину - на левое, перед которым торчал штурвал, и принялся с явным усилием работать ручкой насоса. Насос издавал протяжные сипящие звуки.

- Будьте любезны, крутите ручку динамо, пока я нагнетаю воздух в систему запуска... а когда я скажу "разряд!" - нажмите кнопку на ручке.

Я принялся крутить "колодезную рукоять". Это не требовало больших усилий, а вот Зюсс и его насос пыхтели уже, наверно, пару минут. "Разряд!" - наконец выкрикнул профессор.

Я нажал кнопку. Раздался электрический треск, под днищем громко зафырчало, машина резко задергалась на месте, а потом вновь застыла неподвижно.

- Еще раз, - извиняющимся тоном сказал Зюсс.

Мы проделали все те же самые действия - с тем же результатом.

- Видимо, смесь получилась слишком густой, - констатировал Зюсс. - Пойду солью излишек из карбюратора. Вы пока ничего не трогайте.

Он выбрался наружу, а когда вернулся еще пару минут спустя, от него резко и неприятно пахло керосиновой лавкой. Наконец, с третьей попытки мотор завелся. Он оглушительно тарахтел (ничего общего с мягким "пуфф-пуфф" паровой машины), и весь экипаж трясся на месте так, что у меня заныли зубы. К керосиновой вони прибавилась другая, родственная ей по духу. Ехать так четыре часа? Бррр...

- В одном вы правы - этот двигатель и в самом деле *потрясающий*, - едко заметил я.

- Двигатель внутреннего сгорания, конечно, не обеспечивает такой плавности хода, как паровой, - вынужден был признать Зюсс, стуча зубами мне в такт. - Кроме того, у него меньше мощность и ниже коэффициент полезного действия - по крайней мере, у современных моделей. Но у таких машин огромное будущее, уверяю вас.

Он нажал на педаль, и тарахтящая колымага покатилась по улицам. Было уже темно (по каковой, видимо, причине мы ехали совсем не так быстро, как хвастал Зюсс), а главное - я совершенно не знал города, поэтому не мог понять, куда мы едем. Лишь когда мы снова выбрались на чистый воздух у какого-то мрачного грузного здания, я понял, что мы вновь оказались на западной окраине, возле ограждавшей факторию стены, а дом перед нами - тот самый, в котором мы с Кэролайн проходили проверку, только на сей раз мы подъехали к нему с другой стороны. Зачем мы здесь? Меня что, хотят заставить заново пройти тест? Неужели что-то в показаниях прибора показалось им подозрительным? Если верить гипотезе Кэролайн, этого никак не может быть, поскольку я вовсе не стремился мысленно отклонить стрелку. Впрочем, тут же сказал я себе, такое большое здание не может существовать лишь ради одной комнаты с прибором для тестирования. Наверняка тут много чего еще. Наверное, это какой-то департамент по делам чужеземцев.

Перед дверью служебного входа стоял солдат в долгополой серой шинели (решительно не понимаю, зачем было заставлять человека мерзнуть на улице, когда он с тем же успехом мог бы нести свою вахту внутри). Зюсс небрежным жестом предъявил ему какой-то жетон, и он пропустил нас.

В подтверждение моих мыслей мы не стали подниматься по лестнице, которая вела бы в комнату для тестирования. Вместо этого мы стали спускаться вниз, в подвал.

- Куда мы идем? - спросил я.

- В морг, - будничным тоном ответил Зюсс.

Признаюсь, мне снова стало не по себе. Меня вроде как никто не арестовывал, не заковывал в кандалы и не тащил силой, безоружный (вроде бы) Зюсс спускался впереди меня, так что мне теоретически ничто не мешало развернуться и рвануть назад (хотя, конечно, солдат наверху вряд ли бы отнесся к этому с пониманием) - и все же у меня возникло ощущение, что если я неправильно отвечу на вопросы, которые мне хотят задать в таком месте, то так там и останусь.

Лестница привела нас в тускло освещенный электрическими лампами коридор, где тянуло холодом и слышалось ритмичное гудение каких-то механизмов. Вероятно, именно они и создавали холод. Мы прошли по коридору до глубокой темной ниши справа, завернули в нее - и тут я замер, а моя рука невольно дернулась к поясу, где еще недавно висели револьверы.

Ниша заканчивалась запертой металлической дверью, но проход к ней преграждало

невиданное мною прежде существо. Его фигура была явно человеческой (и даже облаченной в серый мундир с двумя рядами пуговиц), хотя и чересчур большой (в нем было почти семь футов роста, и все прочие габариты были соответствующими), а вот лицо выглядело скорее карикатурой на человека - со скошенным назад лбом, желтыми выпученными глазами, приплюснутым носом и вывороченными губами поверх выпяченных вперед челюстей. Но главное - это лицо, как и торчавшие из рукавов мундира кисти рук, были совершенно черными!

Пустошная тварь? Может, даже проклятый полукровка? Но Зюсс спокойно предъявил ему свой жетон, и гигант отпер для нас железную дверь. Неужели в Хинтерзееланде приручили и используют даже *этих*?

И тут я вспомнил, что когда-то слышал о неграх - будто бы еще задолго до Войны в самой южной из частей Старого Света жили дикие черные люди, у которых, при всей ихней дикости, даже были свои собственные черные маги - впрочем, менее искусные, чем белые, а потому и вынужденные в итоге подчиниться последним. Я, конечно, тогда счел это байкой - во всяком случае, на наш континент ни один негр не ступал за всю его историю. Но, как видно, эти сведения уже устарели.

- Откуда у вас... эти? - спросил я, даже не заботясь, что гигант мог меня слышать - едва ли он понимал мой язык. - Вы ведь из другой части Старого Света?

- На момент Войны негры жили уже по всему Старому Свету, - ответил Зюсс, также не заботясь, слышит ли черный. - Умом они не блещут, но мы, то есть наши предки, взяли с собой некоторое их количество, потому что они сильны и могут делать тяжелую работу. Впрочем, в Хинтерзеелянде они обладают почти что равными правами с белыми, за вычетом некоторых очевидных ограничений. Как видите, мы даже доверяем им оружие... В Аустерии их держат в полурабском состоянии, из-за чего некоторые из них пытаются бежать к нам, но мы их заворачиваем обратно, поскольку они неграмотны и не могут заполнить въездную анкету. А в Шарлонии, напротив, равноправие доходило до такой крайности, что им даже позволялось жениться на белых - и представьте себе, находились женщины столь низкие и похотливые, что по доброй воле вступали в подобный брак! Впрочем, насколько я знаю, теперь этот отвратительный обычай уже отменен.

Мы вошли в помещение, находившееся за дверью. Там стояли два блестящих металлических стола, а правая стена состояла из квадратных крышек с ручками, словно у ящиков на почте, только намного крупнее. В противоположной входу стене была еще одна металлическая дверь. Зюсс потянул за одну из ручек в нижнем ряду, выдвигая легко выкатившийся на роликах длинный ящик, в котором лежал голый труп. Мертвец лежал ногами вперед, поэтому сперва я понял лишь, что это мужчина (со всей возможной бесспорностью), и умерший определенно не от старости, судя по нескольким дыркам от пуль в его теле (бледное и совершенно безволосое, оно вызывало неприятную ассоциацию с каким-то огромным червем, при этом от паха до ключиц тянулся грубо заштопанный шов) - и лишь в последнюю очередь я увидел его лицо.

- Узнаете? - осведомился Зюсс.

Да. Я узнал его, хотя впервые увидел без низко нахлобученной шляпы, а также и без волос. Это был Левша - кажется, наконец-то окончательно мертвый. В его абсолютно лысой голове зияли еще две явно проделанных пулями дыры - верхняя, похожая на недавнее ранение, возле макушки, нижняя, выглядевшая куда более старой - в середине лба. А на висках, чуть ниже оставленного ланцетом патологоанатома шва, чернели два круга сожженной кожи - как раз в тех местах, куда прижимались металлические кружки при тестировании.

Однако, увидев его лицо целиком, я ощутил, помимо этого узнавания, и какое-то еще. Он напомнил мне кого-то другого, виденного намного раньше...

- Это тот, кто вас преследовал, не так ли? - продолжал Зюсс. - Я говорил вам, что вы можете больше о нем не беспокоиться. Он не прошел тест. В этом случае через мозг

тестируемого автоматически пропускается ток высокого напряжения. Как показали наши исследования, это единственный способ гарантированно убить мага, позволяющий сохранить голову и тело для дальнейшего изучения. И знаете, что показало это изучение? Перед нами очень, очень любопытный экземпляр. В его теле восемь пулевых ранений, пять из которых смертельны. Нанесенных, по всей видимости, в разное время, и при этом - хотя на момент тестирования он производил впечатление вполне здорового человека - ни одно из них не имеет следов заживления, во всяком случае, характерных для живого организма. Раневые каналы во внутренних органах заполнены губчатой массой, напоминающей грибы-сапрофиты, а сами пулевые отверстия были просто... замазаны чем-то вроде глины. Включая вот это, - Зюсс указал на лоб мертвеца, - бывшее, предположительно, самым первым. И повреждения, нанесенные при этом его мозгу, безусловно несовместимы с жизнью. Более позднее второе ранение в голову теоретически еще позволяло выжить - пуля прошла слишком высоко, фактически по внутренней поверхности черепа - но первое - точно нет. А он просто замазывал его и прикрывал шляпой. Выходное отверстие на затылке еще хуже, его он просто прикрывал париком. Я, разумеется, не подозреваю вас и вашу спутницу в каком-либо сговоре с этим... существом - иначе, боюсь, вас расспрашивали бы другие люди в другом месте. Но вы оба безупречно прошли тест и, очевидно, не имели мотивов пытаться протащить на территорию королевства нечто подобное. Тем не менее, оно, очевидно, пришло сюда вслед за вами, и, возможно, вы можете сообщить о нем дополнительные подробности?

А КОБовцы, выходит, были не так уж неправы, считая, что пули в голову недостаточно, подумал я. Поначалу мой взгляд был сосредоточен на лице мертвеца, но после слов про дырку во лбу скользнул вниз по его руке. Правой руке, которую я впервые увидел без перчатки. На ней не было указательного пальца. Вот как он стал Левшой. А в перчатку, очевидно, вставлялась лишь имитация, способная создать видимость пальца, но не способная нажать на спуск.

И вот тут я, наконец, сообразил, кого же он мне напоминает. Хотя и не так уж удивительно, что я не узнал его сразу. Во-первых, прошло двенадцать лет. Во-вторых, тогда он выглядел по-другому. Не моложе, нет - как раз старение в обычном смысле его, похоже, не коснулось. Но тогда его лицо густо заросло бородою, а теперь вся его голова была гладко выбрита... точнее, даже не выбрита, понял я. У него просто больше не росли волосы, нигде, а под шляпой он, как и сказал Зюсс, носил парик. И в нашу первую встречу он был - ну, не толстым, но довольно-таки мясистым. А теперь усох практически до состояния "кожа да кости". И, само собой, тогда (из-за бороды) я видел в основном верхнюю часть его лица, а в последние наши встречи (из-за шляпы) в основном нижнюю, до этой самой сцены в морге.

- Да, - сказал я, - теперь, увидев его без шляпы, я понял, кто это такой. У нас его разыскивали по обвинению в некромантии. В конце концов... - я вовремя вспомнил, что теперь я "доктор Честер", а не охотник за головами, - один бэдлэндер отыскал его прямо в тайном хранилище запретных магических книг, когда он уже читал заклинание. Отыскал, всадил ему пулю в лоб, отрезал палец, поджег хранилище и ушел. Но, как видно, заклинание все-таки сработало на самом заклинателе, и тот успел выбраться прежде, чем до него добрался огонь... Поразительно. Никогда бы не подумал, что такое возможно, тем более в наши дни.

- К великому сожалению, люди с магическими способностями иногда еще рождаются и в наше время. Конечно, они не чета магам прошлого, которые были результатом многих поколений отбора - как вы, вероятно, знаете, маги вступали в брак только с магами. А нынешние - это, так сказать, дички по сравнению с элитным сортом. Но мы не должны забывать, что этот сорт произошел от дичков, и что это может случиться снова. Поэтому и необходима наша жесткая система тестирования.

- Но вроде бы считается, что даже маги эпохи своего расцвета не умели воскрешать мертвых.

- Как видите, умели, - мрачно ответил Зюсс, - но последствия обычно бывали очень

скверные. Как для самого воскрешенного, так и для окружающих. Поэтому это было не просто запрещено, а официально отрицалась даже сама возможность.

Интересно, подумал я, душещипательную история про умершую дочку он придумал в надежде разжалобить меня - или же это и впрямь была правда, и изначально он хотел воскресить именно ее? Но, поскольку я убил его прямо в процессе ритуала - получилось, как получилось. А может быть, девочка действительно умерла, но вовсе не от пневмонии? Может, это была *жертва*, которую он сознательно принес, чтобы обеспечить собственное преображение?

- И холинбрукский КОБ послал в погоню за нами, ни в чем не повинными учеными, подобное магическое отродье, бывшее самым явным воплощением всего того, против чего они борются! Из-за чего они сжигают людей на кострах! - покачал головой я. - Неужели они не знали, КОГО наняли? Кэролайн высказывала гипотезу, что он использовал свои способности именно для того, чтобы скрыть их от своих хозяев, но что-то я сильно в этом сомневаюсь.

- Наверняка они все знали, - кивнул Зюсс. - Некромантия никак не связана с магией иллюзий и внушения - тоже, кстати, страшная вещь - и, если бы он владел таковой, ему не понадобилось бы прятать свои раны с помощью замазки, парика и перчаток. Но такой маскарад, конечно, мог обмануть случайных встречных, а не КОБовскую верхушку.

- Да, - согласился я, - параноики, выискивающие "метку ведьмы" на телах невинных девушек, уж точно не пропустили бы пять смертельных ранений - ну ладно, пусть даже на тот момент их было меньше...

Тут до меня вдруг дошло кое-что еще. Когда я сказал "за нами"... Нет, КОБ-то, очевидно, охотился именно за Кэролайн, а вот сам Левша - был ли он всего лишь послушной марионеткой, настолько послушной, чтобы продолжать преследование через все Пустоши, или имел собственную цель? И что, если этой целью была не Кэролайн, а я? Если именно со мной он жаждал поквитаться (и, возможно, каким-то более жутким способом, чем просто пулей) - а Кэролайн была для него всего лишь средством отыскать меня, коль скоро у него не было кусков моей одежды, и он не мог сделать это напрямую?

- Но вы же понимаете, - развивал мысль Зюсс, - чем яростней фанатики отстаивают некий принцип, тем с большей легкостью поступаются им под девизом защиты его же самого. Мол, цель оправдывает средства, а клин вышибают клином - для поиска ведьмы лучше всего подойдет колдун...

Я снова испытал мгновенный страх за Кэролайн - неужели и в ней... но тут же вспомнил - нет, она чиста, она прошла тест. Левша чуял ее только из-за клочка ее платья. И все же меня не покидала мысль, что это его невероятное чутье, даже если оно и было пробуждено магией, не было чисто сверхъестественным. Что существовала и какая-то материальная связь между Кэролайн и лоскутом ее одежды, какой-то след, более устойчивый, чем просто запах, по которому Левша находил нас раз за разом... Ну да ладно, какое это уже имеет значение. Левша окончательно мертв, и проблема закрыта.

- Прошу заметить, - продолжал тем временем Зюсс, наставительно подняв палец, - что в нашей стране подобные злоупотребления принципиально невозможны. Мы попросту исключили человеческий фактор из процесса принятия решения. Всякий, не прошедший тест на отсутствие магических способностей, уничтожается автоматически, немедленно и гарантированно. И, как видите, это работает даже в таких сложных случаях, - он с усмешкой указал на труп Левши. - Откровенно говоря, это первый известный мне документально зафиксированный случай некромантии. Очень хочется верить, что и последний...

- Удивительно, как он сам согласился на тестирование, - заметил я. - Уж он-то не мог не понимать, что он такое.

- Ну, насколько мне доложили, он пытался уклониться от тестирования, - возразил Зюсс. - Пришлось применить силу.

- Я думал, тестирование - дело добровольное, - усмехнулся я. - Иначе зачем мы

подписывали согласие?

- На самом-то деле тестирование, конечно, обязательно для всех, кто оказался на территории Хинтерзеелянда. Наша цель ведь не в том, чтобы просто не пускать потенциальных магов в нашу страну, а в том, чтобы по мере возможности устранять угрозу для всей планеты, поэтому, конечно же, мы не можем просто отпускать тех, кто не прошел тест или отказался его пройти...

- То есть вы тестируете не только приезжих, но и собственное население? - понял я.

- Разумеется. В первый год после создания детектора через него пропускали больше сотни человек в день. Это сейчас нагрузка снизилась - только дети, достигшие двенадцати лет, и приезжие...

- Почему двенадцати?

- Меньше не подходят под габариты кресла. Плюс в этом возрасте магические способности, даже самые слабые, проявляются уже более явно. Ну и, наконец, пик естественной детской смертности приходится на более ранние возрасты, что, как вы понимаете, также снижает нагрузку...

- То есть двенадцатилетних детей тоже... разрядом через мозг...

- Ну а что с ними делать - ждать, пока из них вырастут взрослые маги? Пока они дадут потомство, чтобы эта проклятая порода снова начала плодиться? Вы же понимаете, магические способности - это то, что не лечится и не проходит само. И это даже нельзя надежно изолировать - всегда есть опасность, что маг выберется из немагической тюрьмы. Что делать с носителем чумы, от которого не спасает карантин? А это хуже любой чумы - ни одна чума не убивала 90% человечества... Так что да, другого выхода нет. К тому же эта смерть, по сути, мгновенна и безболезненна. Уж точно не сожжение на костре! И, к счастью, в наше время появление таких детей - это все-таки чрезвычайная редкость. Но иногда это все же происходит, - он чуть помолчал и добавил: - Сейчас, правда, перед нами встала грандиозная проблема - необходимо протестировать все население Шарлонии, а это трудно организовать уже даже чисто логистически...

- Так все-таки, зачем мы подписывались под согласием, которого на самом деле никто не спрашивает? - напомнил я.

- А это согласие - просто свидетельство лояльности. То есть если кто-то откажется проходить тест, он будет подвергнут ему принудительно, но если в результате он окажется чист, никто не станет лишать его ни жизни, ни свободы - он просто будет депортирован с территории королевства, то есть это уже депортация в буквальном смысле, а не эвфемизм. Просто это не афишируется, иначе, сами понимаете, проверка на лояльность потеряет смысл. Так что я прошу и вас никому более об этом не рассказывать. Ни об этих нюансах системы тестирования, ни об этом вот... экземпляре, - Зюсс кивнул на тело Левши. - Сами понимаете, в интересах общественного спокойствия было бы крайне нежелательно распространение слухов о самой возможности подобных вещей в наше время.

- Да, разумеется, - согласился я; возразить на его аргументы мне и в самом деле было нечего. - Мы с Кэролайн сохраним это в тайне.

Зюсс на миг дернул щекой - как видно, ему не понравилось, что я собираюсь рассказать об увиденном и услышанном в морге Кэролайн - но затем он, видимо, решил, что она и так уже знает слишком много и что проще будет удовлетворить ее любопытство в обмен на обещание молчать.

- Благодарю вас за понимание, - поклонился он, - и за ваши пояснения, они помогли понять, откуда *оно* взялось, - Зюсс, очевидно, вновь имел в виду Левшу. - Однако, - добавил он с улыбкой - у вас довольно любопытный круг интересов за пределами физики.

- У вас также, - вернул ему улыбку я. - А я говорил вам - я много общался с бэдлэндерами в последнее время. В том числе и с тем, который пристрелил этого типа в самый первый раз -

как выяснилось, неудачно... Но давайте и в самом деле вернемся к физике. Вы могли бы оказать мне ответную любезность, пояснив, как именно работает этот ваш детектор магии. Мне интересно именно как ученому, как магию можно обнаружить с помощью прибора, - мне и в самом деле было любопытно, а главное, хотелось узнать, права ли Кэролайн.

- Боюсь, что это секретная информация, - снова улыбнулся Зюсс.

- Ну, секретом больше, секретом меньше, какая разница. На самом-то деле, можете и не говорить. Я и так знаю, как работает эта штука.

- В самом деле? И как же? - Зюсс улыбнулся еще елейнее.

- На самом деле, - веско произнес я, - нет никакого прибора. Все это просто обман, бутафория.

- Вот как? - на сей раз Зюсс прищурился, и ирония в его голосе уступила место явному напряжению. Я понял, что попал в цель - или, как минимум, зацепил ее.

- Это работает, - продолжал я, глядя ему в глаза, - но не за счет какой-то там хитрой физики. Маги сами выдают себя.

- Кто рассказал вам? - негромко и очень холодно осведомился Зюсс.

- Ну кто мог мне рассказать, если я никого тут не знаю? - ухмыльнулся я после короткой паузы, насладившись эффектом. - Можете не искать шпионов в своем ведомстве, - я уже не сомневался, что, даже если Зюсс и в самом деле профессор, ведомство, являющееся его основным работодателем, имеет весьма опосредованное отношение к университету. - Это простой логический вывод, - я постучал согнутым пальцем по виску (хотя, по справедливости, стучать надо было бы по виску Кэролайн), а затем изложил ему ее версию.

Напряжение ушло с лица и из голоса Зюсса.

- Вы умный человек, доктор Честер, и ваша идея проста и остроумна... но не вполне верна. Подобным способом действительно можно было бы выявить часть интересующих нас случаев... и знаете что? Пожалуй, так мы сможем частично решить проблему Шарлонии - так что примите официальную благодарность от имени властей королевства! Но, к сожалению, только частично. Дело в том, что магические способности, особенно в их скрытой и ограниченной форме, какую можно ожидать у современных людей, отнюдь не всегда проявляются телекинетически.

- То есть ваш прибор устроен все-таки по-другому, - проворчал я. - Ну тогда, хотя бы в благодарность за мою подсказку, объясните мне, как именно, иначе я не смогу заснуть.

- Вы будете лучше спать, если не будете этого знать, - к Зюссу вновь вернулась его улыбчивость.

- Я уже почти знаю, - сказал я серьезно. - Насчет обмана и бутафории - правда. Дело тут вовсе не в каком-то там магнетизме и электричестве. Провода нужны только для того, чтобы убить током того, кто не прошел тест - но не для самого теста. Так что лучше вам удовлетворить мое любопытство под обещание молчать, чем оставить меня гадать и дальше и приходить к неизвестно каким выводам. Все, что вы скажете и покажете мне, вы можете скрепить условием сохранения тайны - а вот все, до чего я додумаюсь сам...

Зюсс подумал.

- Н-ну хорошо, - сказал он наконец. - В конце концов, вы уже знаете, *что именно* происходит с непрошедшими тест, а эта информация тоже строго конфиденциальна - официально считается, что их депортируют. Так что, как знак доверия и в ознаменование грядущего плодотворного сотрудничества... Мои полномочия позволяют мне сообщить вам эти сведения. Но вы действительно не должны разглашать их ни единой живой душе, без каких-либо исключений... и не совсем живой тоже, - он с усмешкой покосился на Левшу. - На самом деле, я ни в малейшей степени не иронизирую. Я должен официально предупредить вас, доктор Честер: разглашение информации, которую вы хотите узнать, при каких бы то ни было обстоятельствах, включая болезнь, пытку, шантаж и любые иные формы физического или психологического

принуждения - расценивается как государственная измена первой степени для подданных либо как особо опасный шпионаж для иностранцев и карается смертной казнью через повешенье с конфискацией имущества. Вы все еще уверены, что хотите узнать, как работает детектор?

Тут бы мне, наверно, следовало сдать на попятную, но было уже поздно. Я чувствовал, что из простого любопытства зацепил тайну, возможно, даже более важную, чем та, что стоила жизни Огюстэсу Дарвиллю - и не мог остановиться, пока не узнаю, в чем тут дело. Эх-эх, куда только подевалась моя бэдлэндерская мудрость "можешь не лезть на рожон - не лезь"...

Я официально подтвердил Зюссу, что принимаю его условия. Он повел меня не назад к выходу, а к противоположной двери. За ней оказался винтовой пандус, ведущий наверх. Я из объяснений понял, что по нему скатывают в морг каталки с трупами не прошедших тест. Сколько же их было, этих не прошедших, раз тут все так основательно оборудовано?

Мы поднялись по погруженному почти в полный мрак пандусу к освещенной более ярко площадке, на которой стояли аж двое охранников (на сей раз белые, но не менее грозного вида, чем черный гигант). Зюсс снова предъявил свой жетон, и они отперли нам дверь. Мы оказались в комнате для тестирования, войдя в нее через выход, не предназначенный для живых. Несмотря на то, что в это позднее время департамент был давно закрыт и комната пуста, ее по-прежнему заливал яркий электрический свет. Мы подошли к креслу; Зюсс обошел его сзади, присел позади металлических ящиков и принялся чем-то щелкать, вероятно - колесиками кодового замка, а я тем временем смотрел на блестящие металлические кругляши, вспоминая, как они прижимались к моим вискам, и мне было не по себе при мысли, что они могли, никого не спрашивая, пустить молнию через мой мозг из-за какой-нибудь поломки механизма. Впрочем, это ведь на самом деле даже не механизм, Зюсс в этом уже фактически признался, а... хрен его знает, что это такое!

Наконец профессор закончил возиться с замками и выпрямился.

- Я отодвину левый кожух, вы правый, - сказал он. - Просто потяните за себя, они, когда расстопорены, легко сдвигаются. И да, доктор Честер, - добавил он, когда я взялся за металлический ящик, - надеюсь, у вас крепкий желудок?

Как у любого бэдлэндера, подумал я, а вслух спросил:

- Что вы имеете в виду?

- Только то, что если вас вырвет, то убирать за собой вы будете сами. Еще не поздно отказаться. Нет? Ну тогда сдвигаем.

И он начал толкать, а я потянул на себя свой кожух. Они действительно легко съехали со своих мест, обнажив то, что скрывалось под ними.

Это действительно совершенно не походило на какой-либо механизм. Под кожухами находились два стеклянных ящика, наподобие больших вертикальных аквариумов высотой в половину человеческого роста, закрытых стеклом и сверху тоже и заполненных под самое это стекло, без единого пузыря воздуха, слегка мутноватой жидкостью. Только плавали в этой жидкости отнюдь не рыбы - и даже не какие-нибудь ихние пустошные аналоги, как я успел подумать до того, как разглядел.

Это были люди. Или, скорее, куски людей. В каждом из аквариумов в этой самой жидкости неподвижно висел обрубок человека - голова и торс. Все конечности были удалены под корень. Несмотря на отсутствие какой-либо одежды, я не сразу понял, что это мужчина и женщина - низ ихних тел выглядел одинаково, как совокупность шрамов, из которой торчали две толстые гибкие трубки спереди и сзади. У обоих были дряблые морщинистые груди, слишком отвислые по мужским меркам и слишком маленькие и плоские по женским. Волос на голове тоже не было, как, собственно, и места, на котором они могли бы расти. Скальп был срезан, крышка черепа тоже, и в окружении костяной воронки виднелись розовато-белые извилины мозга, в которые были вставлены тонкие длинные иглы с подведенными к ним проводами. Рты, ноздри и веки были зашиты мелкими частыми стежками, на месте ушей - также заштопанные шрамы. Тем не менее, по слабому движению живота и груди можно было понять, что узники

аквариумов живы и дышат - очевидно, через трубку, врезанную в горло спереди и тоже уходившую другим концом в дно аквариума. Еще одна трубка, потоньше, втыкалась в шею сбоку.

- Кто это?! - оторопело воскликнул я.

- Принц и принцесса, - усмехнулся Зюсс. - Брат и сестра, дети одного из самых могущественных магов Старого Света. Повелителя крупнейшей из империй тогдашнего мира и одного из главных, а по сути - главного виновника Последней Войны. На тот момент им было по семь лет. Ему удалось спрятать их от ответных магических ударов, уничтоживших его самого и всю его державу - но не от последующего возмездия.

- Возмездия кому? Семилетним детям?

- Всему их роду, веками державшему в рабстве миллионы своих подданных, а затем обрекшему на гибель и их, и множество других людей во всем мире. Вы думаете, если бы этим детям позволили вырасти для той роли, для которой их предназначали изначально, они бы стали чем-то лучше своего папаши или его предков? Впрочем, то, что вы здесь видите - это, конечно же, никакая не месть и не кара. Мы не столь сентиментальны, чтобы упиваться подобным зрелищем 53 года. Все, что вы видите перед собой, сугубо функционально и служит конкретной практической пользе. Как известно, магические способности наследуются, но начинают активно развиваться только в процессе полового созревания. У этих... особей не было полового созревания. Все их половые органы были заблаговременно удалены - да, и у сестры тоже - и, таким образом, их магический потенциал так и остался в зачаточном состоянии, не способном причинить вред. Также, как вы можете видеть, у них удалены конечности, глаза и уши, питание осуществляется внутривенно, а нейтральная жидкая среда, в которую они помещены, имеет температуру тела и завершает картину полной сенсорной депривации. Само собой, они лишены также какой-либо возможности коммуникации друг с другом или с кем-либо еще. По сути, они лишены возможности испытывать какие-либо чувства, кроме двух. И вот чувствительность к этим двум, в отсутствие всех остальных, развилась у них в чрезвычайной степени. Обычный компенсаторный механизм, - Зюсс выжидательно замолчал.

- И что же это за чувства? - мрачно осведомился я. Я понимал, что он ждет от меня именно этого вопроса, ну да хрен с ним, не будем играть в кто кого перемолчит.

- Первое из них, собственно, не имеет аналога у нормальных людей, - тут же с явным удовольствием продолжил объяснять Зюсс (все-таки да, он был профессором, которому нравилось читать лекции - возможно, это тоже сыграло свою роль в его согласии открыть мне тайну). - Это способность почувствовать магические способности человека, находящегося рядом. Вот, собственно, и ответ на ваш вопрос, как работает детектор. Когда они ощущают магическое присутствие, они отклоняют стрелку в красный сектор. Здесь уже нет ничего магического, никакого телекинеза, они к нему не способны - просто сигнал с электрода, введенного в область мозга, некогда отвечавшую за движение рукой, поступает на усилитель, ну и дальше простейшая схема. При отклонении в красный сектор стрелка автоматически замыкает цепь, подающую разряд через мозг тестируемого. Отклонение в зеленый сектор замыкает другую цепь, открывающую фиксаторы.

- И вы всегда им доверяете? - усмехнулся я. - Что мешает им "шевельнуть рукой", то есть стрелкой, в другую сторону просто для того, чтобы насолить вам?

- Как вы можете заметить, детектора у нас два, - покровительственно улыбнулся Зюсс. - Свой сигнал они обязаны подавать одновременно. Если кто-то из них задержится, и уж тем более если сигналы не совпадут друг с другом - то есть один детектор покажет "маг", а другой "не маг" - то оба одновременно получают электрический импульс на другие электроды, введенные в центры боли. И это то второе чувство, о котором я вам говорил. А поскольку согласовывать свои действия они не могут никак, цена попытки обмана для них слишком высока, чтобы даже пробовать, надеясь, что в тот же миг то же самое попробует другой. Ни один

из них не пытался уже лет тридцать.

- Возможно, кто-то из них попробует снова, чтобы испытать *хоть что-то*, - пробормотал я.

- С этим "хоть чем-то" у них недостатка нет, - усмехнулся Зюсс. - Они ведь не могут чувствовать, когда в кресло садится человек без магических способностей, поэтому полностью процедура выглядит так. Испытуемый садится в кресло, вес его тела активирует механизм, фиксирующий его и прижимающий электроды к его вискам - обратите внимание, все происходит автоматически, исключая любые злоупотребления или, допустим, моральные терзания сотрудников департамента! - и детекторы получают импульс боли - пока что умеренной. На это они должны немедленно отреагировать, отклонив стрелку в нужную сторону. Если сигнал от обоих совпадает - боль прекращается. Ну а если расходится... Ну что, я удовлетворил ваше любопытство? Тогда закрываем кожухи.

- У них хоть имена есть? - сумрачно спросил я, подавив идиотское желание постучать по стеклу. Впрочем, едва ли они бы отреагировали.

- Где-то в хрониках, конечно, записаны, - пожал плечами Зюсс, - но на практике, разумеется, не используются. Мы называем их "детектор А" и "детектор Б".

Он взялся за левый кожух и надвинул его обратно на аквариум. Мне ничего не оставалось, как проделать то же с правым. Щелкнули, запираясь, замки.

- Я понимаю, что вы находите данную методику жестокой, - неожиданно блеснул проницательностью Зюсс, - как, вероятно, и сам факт умерщвления людей, некоторые из которых даже не догадываются, что наделены магическими способностями. Но надо же не упускать из виду, ради *чего* все это делается! Мы не можем допустить нового пришествия магии в мир. Никогда снова. Когда на одной чаше весов - девять десятых человечества, погибшие в Последней Войне, а на другой - тот мизерный процент, что страдает сейчас... Мы не можем пускать дело на самотек, позволяя магам плодиться и набираться сил, и мы не можем устраивать идиотскую охоту на ведьм на основе пустых подозрений, суеверий и клеветы, как в этом вашем Холинбруке, от которой страдают *действительно* невинные вроде вас с фройляйн Кэрри. Вместо того, чтобы преследовать за любой интерес к магии всех подряд - что чревато злоупотреблениями, мешает научным исследованиям и, главное, не дает никаких гарантий выявления истинно виновных - мы устраняем саму проблему, ликвидируя то ничтожное меньшинство, которое в принципе может представлять опасность, и ничем не стесняя свободу остальных. Наш способ как раз-таки позволяет свести число жертв к абсолютно необходимому минимуму и является, тем самым, гуманным.

- Помнится, совсем недавно вы хвалились, что в Хинтерзееланде, в отличие от Холинбрука, невозможно лицемерие, когда для борьбы с магией используются магические же средства, - напомнил я.- А на деле выходит...

- Ну это же совсем другое дело! - возмущенно перебил Зюсс. - Одно дело - использовать... нечто с магическими способностями, минимальными и искусственно ограниченными, в качестве простого датчика, детали прибора - и совсем другое - позволить ему бегать на воле во всеоружии и творить все, что ему вздумается. Это некорректно даже сравнивать, а не то что отождествлять! Это все равно что говорить, что когда полиция допрашивает преступника, чтобы на основе его показаний изобличить его соучастников - она сама становится его соучастником, раз пользуется его услугами, то есть его показаниями! Это все равно что...

- Ладно, я понял, - перебил я поток его красноречия. - Лозунг "цель оправдывает средства" плох только тогда, когда его применяют другие. А когда мы, то "это совсем другое дело".

- Нет, - спокойно возразил Зюсс, - плох вовсе не сам этот лозунг, а его демагогическое применение. То есть когда на самом деле цель не достигается, или достигается ценой слишком больших издержек. У нас, как я уже сказал, издержки минимально возможные. Если вы с этим

не согласны - предложите лучшее решение. Только такое, которые обеспечивает стопроцентную эффективность. Которое исключает саму возможность возвращения магии в мир.

Я молчал. Мне было нечего ответить.

- Возможно, когда-нибудь, - пришел мне на помощь Зюсс, - мы настолько изучим механизмы наследственности, что сможем предотвращать саму возможность рождения и даже зачатия детей с магическими способностями. И тогда не надо будет никого убивать и никому причинять боль. Но это лишь мечты о будущем. До которого надо еще дожить без новой Последней Войны, которая станет последней уже в самом зловещем смысле. Так что пока так, и другого выхода нет.

- Ладно, допустим, - проворчал я. - Но тогда к чему вся эта таинственность? Если, по-вашему, тут все совершенно нормально и правильно, к чему это скрывать?

- Ну вы же понимаете, - он снова досадливо дернул щекой, - нормально и правильно для нас, разумных людей. Но с точки зрения невежественных обывателей, руководствующихся не разумом, а эмоциями и предрассудками... вы знаете, абсолютное большинство людей, с аппетитом уплетающих антрекоты и котлеты, категорически не желают, чтобы им показывали бойню, а большинство тех, кто справедливо требует смертной казни для убийц, воротят нос от ее исполнителя. Лично меня всегда глубоко возмущало это глупое лицемерие, но таковы люди. И наши противники, и внутри страны, и за ее пределами, были бы рады использовать это в своей пропаганде, особенно в нынешней непростой политической ситуации...

- И чем же она теперь-то такая непростая? - усмехнулся я. - Я думал, после эээ... присоединения Шарлонии вы можете почивать на лаврах.

- В Шарлонии действительно восстановлен мир и порядок, но Аустерия проводит крайне тревожащую политику. Уступая нам, прямо скажем, в области науки и техники, она принялась резко наращивать численность своей армии, вербуя в нее как вы думаете кого? Дикарей с Южного континента! Как вам, вероятно, известно, после Войны цивилизация там совершенно рухнула, и выжившие остатки населения пребывают в дикости, но и этих кровожадных варваров можно обучить обращаться с винтовкой, а главное - аустерийцам их совершенно не жалко, и они могут позволить себе любые потери! Свою эскалационную политику они, разумеется, оправдывают якобы угрозой с нашей стороны, называя добровольное и, подчеркну, полностью легитимное объединение с Шарлонией "актом агрессии" и утверждая, что они могут стать следующими... ну вы же понимаете, идеальная тактика для агрессора - это самому прикидываться жертвой...

Угу, подумал я. Причем это работает в обе стороны.

- Поэтому, конечно, мы не можем давать их пропаганде такой козырь, как повод утверждать, что мы якобы используем магию на государственном уровне, - продолжал Зюсс. - Ну и кроме того - представление о том, что наши ученые еще полвека назад создали прибор, позволяющий детектировать магические способности за счет одних только физических принципов, без всяких магических штучек, повышает престиж нашей науки, опять-таки, и у нас, и за рубежом. Наши оппоненты считают наши технологии более продвинутыми, что, в свою очередь, удерживает их от, скажем так, деструктивных шагов. Так что раскрытие правды имело бы очень неприятные политические последствия и при этом не принесло бы совершенно никакой практической пользы. Разумеется, в случае утечки мы проведем торжественную презентацию для прессы, где под этими кожухами вместо того, что вы видели, будет куча проводов, соленоидов и реле. Но слухи все равно пойдут, и нам это совершенно ни к чему. Поэтому вся информация по детекторам отнесена к государственной тайне первой категории.

- Тогда у меня остался только один вопрос. Вашим "детекторам" сейчас шестьдесят, допустим, они проживут в таком состоянии еще лет десять или даже пятнадцать. А кем вы замените их потом? Да и, кстати - на скольких детях вы отлаживали эту... технологию? Вы ведь не могли сразу рисковать наиболее ценными - а если бы они умерли в процессе?

- Вы задаете слишком много вопросов, доктор Честер, - проворчал Зюсс. - Идемте, я отвезу вас назад в отель.

На сей раз машина даже завелась с первого раза. Весь обратный путь ехали молча. Хотя мой желудок и не подвергся никакому испытанию - в Пустошах доводилось видеть вещи куда более отвратительные - в моральном плане я чувствовал себя так, словно и впрямь съел какую-то дрянь, которую хочется выблевать, а не получается. Я уже готов был принять аргументы Кэролайн, что завоевание Хинтерзееландом своих соседей в конечном итоге обернется скорее благом, чем злом, и что безумных завоевательных походов на Запад через все Пустоши никто не готовит. Но то, что я увидел теперь... то, что они сделали с двумя детьми, ставшими теперь уже стариками... Будь на месте этих несчастных ихний отец, я бы сказал, что так ему и надо, и еще мало. Но - дети?

Зюсс распрощался со мной перед отелем, не глуша мотор, чтобы потом не заводить его снова. Он пообещал приехать за нами в десять утра, чтобы лично отвезти нас в Нойбург, и напоследок еще раз напомнил мне о моем обещании молчать и последствиях в случае его нарушения. Я немного помешкал у подъезда, чтобы убедиться, что он действительно уехал, а затем вошел в совершенно пустой по позднему времени холл и поднялся на второй этаж. Даже не заходя к себе, я пошел в номер Кэролайн. В полутемном коридоре ясно был виден свет, пробивавшийся из-под ее двери, и было понятно, что девушка еще не спит. В отличие от совершенно не знавшего ее Зюсса, я не сомневался, что она не возится с нарядами, а готовит речь, чтобы произвести впечатление на этого обер-ибн-фон-дер-хрена, как его там... Мне было плевать на предостережения Зюсса, я намеревался все ей рассказать - и пусть сама решает, хочет ли она жить и работать в стране, решающей безусловно благую задачу недопущения возрождения магии *такими* методами. В то же время я ясно понимал, что если она скажет "да, поскольку больше все равно негде" - я уже ни за что не брошу ее здесь одну. (Да и, кстати, позволили бы мне так запросто покинуть Хинтерзееланд теперь, когда я знаю ихнюю тайну?) Но в любом случае - она должна узнать, с кем имеет дело.

Я повернул ручку - дверь была незаперта - и вошел. Честно говоря, мне даже не пришло в голову постучать - за время, что мы провели вместе в Пустошах, я совершенно отвык от подобных условностей. Возможно, в более безмятежном настроении я бы все же вспомнил об этом, но сейчас мои мысли занимало только то, что я собирался ей сообщить.

Номер, как и мой собственный, состоял из двух комнат. Вошедший из коридора попадал в первую, меньшую, где находился стол и стулья. Сюда коридорный мог доставить заказанную в номер еду или вычищенную одежду - или же, наоборот, забрать в стирку оставленную в корзине грязную - не беспокоя постояльца, находящегося в спальне, дверь в которую вела отсюда направо. Сейчас эту комнату освещала лишь единственная тусклая лампочка над входом, но при этом свете я действительно увидел рубашку и брюки Кэролайн, брошенные даже не в корзину для белья, а просто на пол - очевидно, она, вернувшись из магазина с обновками, вполне логично решила, что изношенные до дыр шмотки, некогда снятые с одного из ее несостоявшихся убийц, теперь годятся только на выброс. Тут же громоздились и пустые коробки из-под покупок - приобретенных нарядов было явно больше одного, что было вполне понятно. С усмешкой я подумал, что сейчас впервые за все время нашего знакомства увижу Кэролайн в платье. Первые секунды этого знакомства не в счет - тогда на ней уже практически ничего не было.

Дверь в спальню была приоткрыта, и оттуда лился яркий свет - очевидно, Кэролайн зажгла все имевшиеся лампы. Я вошел и убедился, что насчет платья был сильно неправ.

То есть оно там действительно было, но лежало на кровати. Остальные, вероятно, висели в закрытом шкафу. А сама Кэролайн стояла перед большим, в человеческий рост, зеркалом спиной ко мне. Абсолютно голая. Держа что-то небольшое в руках перед собой.

Моей первой мыслью было, что я все-таки застал ее во время примерки, и надо бы

незаметно выскользнуть обратно за дверь. Но тут я заметил некую странность в ее отражении (которое, однако, было почти полностью скрыто от меня ее спиной), а в следующий миг и она заметила мое отражение в зеркале и резко повернулась.

В руках у нее были блокнот и ручка - совсем не те предметы, которые ожидаешь увидеть у переодевающейся девушки - и ее первым рефлекторным движением было прикрыться ими, но затем, осознав, что они слишком малы и я все равно уже увидел то, что увидел, она резко и зло опустила руки - на, мол, смотри!

Я впервые увидел вблизи и при ярком свете то, что она не желала демонстрировать мне в Пустошах - как я полагал тогда, из одной лишь девичьей скромности. Увидел знак, похожий на букву Е - точнее, перевернутую Ǝ - на внешнем краю ее левой (для меня - правой) груди, только это было никакое не родимое пятно. Это была татуировка. Рядом был вытатуирован знак "=", и всю кожу на передней стороне ее туловища - груди, живот, даже выбритый лобок - густо покрывали строки какого-то текста, который я не мог разобрать не потому, что он был мелким - зрение у меня все еще хорошее - и не потому, что не знал языка, а потому, что не узнавал очертаний самих символов.

- Что это? - хрипло произнес я. - Какая-то алхимическая... - "дрянь", хотел закончить я, но в последний момент все же подобрал другое слово, - ...тайнопись?

- Ну вот! - сердито воскликнула Кэролайн. - Вот именно поэтому я и не хотела ничего тебе говорить! Если даже теперь, после всех этих месяцев, ты способен подозревать меня в том же, в чем и эти КОБовские идиоты! А сколько раз в Пустошах ты выспрашивал меня, а не связана ли я все-таки каким-нибудь образом с магией, а точно ли я не знаю никаких заклинаний! Право, Майк, я надеялась, что ты умнее! Надеялась, - ядовито добавила она, - но не могла рисковать, что ты увидишь это и бросишь меня на растерзание тварям!

Нагота ее, похоже, совершенно не смущала - сердила только моя непонятливость.

- Я вовсе не имел в виду, что ты ведьма, - начал оправдываться я, - просто ты ведь сама говорила, что изучала алхимические трактаты, а это же какой-то странный алфавит...

- Ничего тут нет странного, - устало вздохнула она, - самые обычные буквы и цифры. Физические и химические формулы. Просто я делала татуировку перед зеркалом, поэтому и получилось так. Вот, смотри, - она снова повернулась к зеркалу. Я подошел и встал рядом, глядя на отражение татуировки (машинально отметив про себя с внутренней усмешкой, что я, наверно, один из немногих парней, способных в таких обстоятельствах вглядываться в текст, а не в то, на что он нанесен). Да, теперь я мог прочитать каждый символ, но не могу сказать, что мне стало намного понятнее.

- Здесь изложена суть открытий моего отца, - продолжала пояснять Кэролайн. - Краткое изложение результатов его работы. После его смерти мне пришлось уничтожить все бумаги. Я понимала, что если КОБовцы найдут их, то обвинят его и меня заодно или в колдовстве, или в шпионаже в пользу Хинтерзееланда. По-моему, они даже больше боялись не самой нашей работы, а именно того, что ее результаты могут попасть к восточникам. Как будто мы виноваты, что келумитовую руду для опытов можно было заказать только там!

- Знаешь - ты только не подумай, что я оправдываю КОБ, но я уже не уверен, что ихние опасения насчет Хинтерзееланда были такими уж напрасными. Ты в курсе, к примеру, что пока мы сюда топали, княжество превратилось в королевство? Что они уже захватили Шарлонию?

- Захватили?

- Силой оружия посадили на трон свою марионетку, которая отдала им страну с потрохами, а им оставалось только милостиво согласиться взять. Не удивлюсь, если внезапная смерть старого шарлонского князя тоже не была случайной.

- Нуу... - протянула Кэролайн и продолжила после паузы, - в конечном счете, может, это не так уж и плохо. Единая страна может тратить больше усилий на науку и прогресс, чем крошечные княжества, у которых и без того небольшие силы уходят на грызню между собой.

- А ты уверена, что она будет тратить эти силы именно на науку? А не на строительство еще более роскошных дворцов для своих вельмож, например.

- Даже и вельможу можно заинтересовать развитием науки. Про то, что у тебя был дворец, забудут на другой день после твоей смерти, а вот если, к примеру, учредить престижную премию своего имени, которой ученые будут гордиться и через сто лет... И вообще, Майк, что ты предлагаешь? На кого еще работать - на Холинбрук? Я же не могу построить лабораторию в Пустошах, мне нужна цивилизация. Шарлонии, сам говоришь, больше нет. А в Аустерии нравы еще хуже, чем в Холинбруке. Там девушке считается неприличным на улицу выйти без сопровождения, а не то что наукой заниматься!

А уж от того, в каком виде эта девушка тут ведет дискуссию, аустерийцев, наверно, вообще удар бы хватил, подумал я. Сама же Кэролайн, похоже, даже не задумывалась об этом в пылу спора. Вот это и называется "голая наука"[71], ага.

- Не говоря уже о том, что я не знаю иберийского языка и что Аустерия, скорее всего - следующая, - заключила она.

- Ты уже смирилась с тем, что Хинтерзееланд будет захватывать одного соседа за другим?

- Я бы, конечно, предпочла, чтобы объединение восточного побережья произошло мирно. Но если даже нет - хинтерзееландские нравы прогрессивнее аустерийских. И еще раз - вопрос не в том, чего хочется мне или тебе, а в том, какие у нас реальные опции, кроме Хинтерзееланда, куда мы уже добрались, где моего отца хорошо знают и где мне дадут все условия для работы. Южный континент с его дикарями? Старый Свет, куда не добраться и где вообще неизвестно, что творится?

Я открыл было рот, чтобы рассказать ей про "детекторы", а потом снова закрыл. Что бы это изменило в ее аргументах?

- Так вот, - продолжила Кэролайн свой рассказ, снова поворачиваясь к зеркалу. - Тогда, в Холинбруке, я решила, что это, - она провела рукой вдоль своего тела, - единственное место, где можно спрятать знания. Что они, со своим пуританством, не посмеют меня раздеть. Как видишь, я тоже была наивной дурой. Посмели еще как.

- Больно, наверно, было все это колоть? - посочувствовал я. Сам я никогда не делал татуировок, считая полным идиотизмом саму идею тыкать в себя иголкой ради дешевых понтов, словно какой-нибудь дикарь из тех, что жили здесь еще до прибытия наших предков из Старого Света. Но тут, конечно, дело было совсем другое.

- А, ерунда, - отмахнулась Кэролайн. - После того, как у меня на руках умер мой любимый папа - а он умирал мучительно, я так и не знаю, что это была за болезнь, но для КОБовцев даже она была свидетельством "колдовства", мол, пытался навести порчу на других, а вышло на себя - и я ждала, что меня вот-вот придут арестовывать, и надо было спасать не только свою жизнь, но и его наследие - в общем, боль от татуировки была наименьшею из моих проблем.

- Наследие, - вспомнил я. - Твое завещание. Оно было об этом?

- А, та бумажка, что я написала для тебя, - вспомнила девушка. - Совсем про нее забыла. Она ведь до сих пор должна лежать в кармане моей рубашки, если коридорный еще не забрал эти шмотки в мусор.

- Не забрал, - подтвердил я.

- Ну, тогда можешь прочитать. А я пока продолжу переписывать формулы и числа.

Я сходил в соседнюю комнату и вернулся с половиной афишки про розыск Арчи Джокера, которая действительно все еще лежала там, куда Кэролайн сунула ее четыре с половиной месяца назад (а мне теперь казалось, что прошло гораздо больше времени). Бумажка с тех пор неоднократно пропитывалась то по́том, то водой, и надпись стала почти неразличимой

[71] В оригинале naked science. Майк, конечно, не мог смотреть одноименный научно-популярный телесериал, но само выражение существует и в его мире.

- но все-таки, встав под самой лампой и домысливая недостающие буквы, я сумел разобрать:

В случае моей смерти раздень мой труп. Надпись, которую ты увидишь на моем теле, содержит САМОЕ ВАЖНОЕ НАУЧНОЕ ОТКРЫТИЕ НА СВЕТЕ. Ее необходимо ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ доставить ректору Драттендорфу в Нойбургский университет княжества Хинтерзееланд. Если сможешь сохранить мою кожу, просто срежь ее с трупа. Если не сможешь - перепиши всю надпись как можно более аккуратно. Покажи Драттендорфу эту записку и проси за это любую награду.

Кэролайн Кэрри, дочь доктора Питера Кэрри

- Самое важное научное открытие, - повторил я вслух. - Ты написала так, чтобы я уж точно... проделал то, что тут сказано? - мне стало нехорошо от одной мысли о том, что мне пришлось бы исполнять написанное. Не потому, конечно, что я брезговал возиться с трупом, а потому, что речь шла о Кэролайн. С каким спокойствием 19-летняя девушка писала - а я помнил ее лицо, когда она это делала! - "срежь кожу с моего трупа"! Нет, конечно, мертвым не больно - зато больно бывает живым...

- Нет, потому что это и на самом деле так! - горячо возразила Кэролайн.

- Тогда в чем суть этого открытия? Раз уж я буду твоим начальником, пора мне, наконец, узнать, о чем вообще речь. Эти формулы, по правде говоря, не сильно много мне проясняют.

- Вот здесь, - Кэролайн указала на свой живот, словно учитель на доску (всякая стеснительность, притворная или нет, была, очевидно, забыта окончательно), - описана разработанная моим отцом методика получения чистого келумия из келумита. Ему удалось выделить келумий в двух формах, а также разработать, правда, пока только теоретически, методику сепарации...

- Погоди, не так быстро, - осадил ее я. - Что такое келумий?

- Это такой металл. Самый ценный металл на Земле.

- Ценнее золота? - удивился я.

- Золото! - презрительно фыркнула Кэролайн. - Что оно может, твое золото? Только оттягивать карманы. Ну и, ладно, оно хороший материал для электрических контактов, но это единственное его достоинство. А келумий... видишь ли, Майк, главное открытие моего отца состоит в том, что трансмутация элементов все-таки возможна. Без всякой магии! Чистая физика - но где было это понять КОБовским идиотам! Просто на это способны не все элементы. Но вот как раз келумий способен.

- То есть он может превращаться в золото?

- Да что ты заладил со своим золотом! - рассердилась Кэролайн. - Я ж тебе говорю - оно ничего не может и ничего не значит, кроме как в глазах невежественных дураков! А келумий даст людям... тьфу ты, чуть не сказала "золотой век", опять это золото дурацкое, вот ведь прилипчивое выражение... В общем, келумий без всякой магии даст людям почти безграничное могущество. Поэтому все эти политические дрязги, все эти захваты Шарлонии или Аустерии, все, что тебе или мне может не нравиться в Хинтерзееланде - все это не имеет никакого значения. Мы работаем не на какой-то там Хинтерзееланд - мы работаем на все человечество! Мы дадим ему практически неограниченный источник энергии! - она ткнула пальцем в букву Е на своей груди, а затем, устремив мечтательный взгляд сквозь стены отеля куда-то к звездам, вдохновенно добавила: - Энергии атомного распада!

2025

КАРТА ПУТИ ГЕРОЕВ

Ответы на возможные вопросы читателей

Что такое келумий?
https://en.wikipedia.org/wiki/Uranus_(mythology)

По какому следу Левша находил Кэролайн?
По радиоактивному. Сам он при этом не понимал, что именно "чует".

Получила ли Кэролайн опасную для здоровья дозу?
Нет, в тексте сказано, что отец не очень допускал ее до непосредственных опытов, догадываясь, что они могут быть опасны. Впрочем, она еще может получить ее, когда начнет работать в собственной лаборатории, если только своевременно не догадается, от чего умер ее отец.

Фамилия Кэрри - это намек?
Да, отсылка к Пьеру Кюри и его дочери Ирэн. Впрочем, от прототипов взяты только научная одаренность и сфера научных интересов (хотя доктор Кэрри - скорее гибрид Пьера Кюри и Айнштайна), а не личные качества и не биографические детали (в частности, Пьер Кюри умер от несчастного случая, а не от лучевой болезни).

Будет ли ядерная война?
Во всяком случае, первый шаг к ней сделан.

Что на самом деле случилось с ректором Драттендорфом?
Он, в отличие от семейства Кэрри, начал догадываться об истинных целях келумиевого проекта, и они ему очень не понравились. Такой себе академик Сахаров. Поэтому его убрали.

Почему один из высших чиновников германоязычного Хинтерзеелянда - Мустафа ибн Ибрагим?
Отсылка к засилью мусульман в современной Западной Европе и намек на то, что Хинтерзеелянд - далеко не такое "истинно арийское" государство, как кажется на первый взгляд.

Что такое Блуждающий город?
На самом деле это разные города, которые иногда видны в Пустошах через прорехи в ткани реальности, возникшие в ходе Последней Войны. Возможно - это города из параллельных миров, включая наш, в каких-то из которых ядерная война была, в других - нет, а возможно - будущее этого мира. В последнем случае города видны то целыми, то разрушенными, поскольку будущее меняется в зависимости от событий настоящего. Судя по тому, что в последние разы города видели разрушенными - прогноз плохой.